

КАППЕЛЬ
и каппелевцы

Издательство: Посев
ISBN: 978-5-85824-174-4
Год издания: 2007

Каппель и каппелевцы

Часть I КАППЕЛЬ

Генерал Каппель...

Это имя вызывало уважение и у белых, и у красных. Он стал одним из немногих генералов Востока России, до последней возможности продолжавших вооруженную борьбу против советской власти даже тогда, когда уже, как казалось многим, не было никакой надежды на победу. Каппель сумел стать символом непримиримой борьбы.

Крайне опасный и непредсказуемый враг, самый опасный белый генерал на Восточном фронте, наносящий удары в самых неожиданных и чувствительных местах и всегда уходящий из-под ответных ударов – таким он навсегда остался в памяти тех, кто сражался против него. Так или иначе, имя его овеяно легендами до сих пор.

Однако до настоящего времени не было работ, из которых сегодняшние исследователи могли бы почерпнуть сведения о жизни и боевом пути этого удивительного человека, талантливого полководца, русского патриота и мужественного офицера.

Большинство россиян знакомо с именем Каппеля лишь по фильму "Чапаев" 1, в котором "каппелевцы" шли на чапаевцев в "психическую" атаку... До сих пор в нашей стране не было создано книги на основании исторических источников, в которой бы правдиво отразился жизненный путь Владимира Оскаровича Каппеля, и даже научные статьи, посвященные ему, очень редки 2. Исследователи с недавних пор получили доступ к литературе Русского Зарубежья, находящейся в бывших

спецфондах центральных архивов и библиотек, однако для большинства читателей, в особенности живущих в провинции, эта литература по-прежнему остается недоступной.

Сегодня настало время развеять ту ложь, которая десятилетиями создавалась по партийному заказу для очернения В.О. Каппеля (как, впрочем, и всего Белого движения), и создать добротный исторический труд, по которому сегодняшний читатель смог бы сформировать реальное представление об этом несомненно незаурядном человеке.

Многое уже забылось из его героических деяний. Со смертью последних соратников В.О. Каппеля исчезла живая память об этом офицере с большой буквы, но остались воспоминания его боевых друзей, архивные документы, повествующие о пути каппелевцев.

В этой книге, которая станет нашим общим памятником русскому офицеру Владимиру Оскаровичу Каппелю, этим воспоминаниям и суждено ожить...

Р.Г. ГАГКУЕВ, Н.Л. КАЛИТКИНА

БЕЛЫЙ РЫЦАРЬ – ВЛАДИМИР ОСКАРОВИЧ КАППЕЛЬ

В РУССКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ

Будущий герой гражданской войны – Владимир Оскарович Каппель – родился 16 апреля 1883 года, в уездном городе Белев Тульской губернии, расположенном в 150 км юго-западнее центра губернии 3 . Он появился на свет в семье выходца из Швеции – Оскара Павловича Каппеля, потомственного дворянина Московской губернии 4 .

Отец Владимира Оскаровича был участником Ахалтекинской экспедиции Русской армии 1880-1881 гг. Во время нее, находясь в отряде знаменитого "белого" генерала М.Д. Скобелева, в ночь с 11 на 12 января 1881 г. он участвовал во взятии укрепленной крепости текинцев Геок-Тепе (около 50 км северо-западнее современного Ашхабада). За подвиг при взятии этой твердыни Оскар Павлович был удостоен ордена Святого Георгия 5 . Подчеркивая важность данной операции для обеспечения интересов Российской Империи в Средней Азии и овладении Туркестаном, нелишним будет отметить, что после этой экспедиции сам М.Д. Скобелев был произведен в генералы от инфантерии.

Среди предков В.О. Каппеля со стороны матери также присутствовали военные – дед Владимира Оскаровича участвовал в Крымской войне 1853-1856 гг., был героем севастопольской обороны и георгиевским кавалером 6 .

Очевидно, что славное военное прошлое фамилии Каппелей не могло не сыграть

своей роли при выборе В.О. Каппелем дальнейшего жизненного пути.

После завершения начального образования Владимир Каппель становится кадетом 2-го кадетского корпуса в Санкт-Петербурге. По окончании полного курса корпуса 1 сентября 1901 года В.О. Каппель вступил в службу в Николаевском кавалерийском училище юнкером рядового звания. В 1903 году, окончив кавалерийское училище по первому разряду, Каппель 10 августа был выпущен в 54-й драгунский Новомиргородский полк, с производством высочайшим приказом в корнеты со старшинством 10 августа 1902 года. 29 января 1906 года он был произведен в поручики со старшинством 10 августа 1906 года 7.

В 1906 году полк поручика В.О. Каппеля был командирован из Варшавской губернии, где была его стоянка, в Пермскую с целью ликвидации большой банды бывшего унтер-офицера Лбова. В том же 54-м драгунском Новомиргородском полку, переименованном в 1907 году в 17-й уланский Новомиргородский полк (входил в состав 3-й отдельной кавалерийской бригады) В.О. Каппель, служивший в 1-м эскадроне, с 9 ноября 1907 года был назначен на должность полкового адъютанта 8.

Находясь в Пермской губернии, Владимир Оскарович, очевидно, в 1907 году женился на дочери действительного статского советника Стрельман, девице Ольге Сергеевне Стрельман 9.

А.А. Федорович пишет о женитьбе В.О. Каппеля в своей книге: "В нескольких верстах от Перми находится большое село Мотовилиха, где тогда был расположен пушечный завод. Директором этого завода был инженер Стрельман, который вместе со своей женой относился ко всем офицерам-кавалеристам с большим предубеждением, считая их легкомысленными ветрогонами и прожигателями жизни. Это мнение их строилось на основании сплетен, разлетавшихся по провинциальной Перми, всегда преувеличенных и прикрашенных, о той веселой жизни, которой в свободное от службы время 10 жили офицеры полка. Поэтому вход в дом Стрельманов офицерам полка был закрыт. Но нужно сказать, что главной причиной этого подозрительного отношения было то, что у стариков Стрельманов была дочка Ольга Сергеевна, которую они берегли пуще зеницы ока. Но в данном случае полностью оправдалась пословица, что суженого конем не объедешь.

Где-то случайно, на каком-то уездном балу, Ольга Сергеевна познакомилась с Каппелем. Если на него сразу произвела огромное впечатление ее привлекательность, то и она сама тоже оказалась во власти обаяния серо-голубых глаз молодого офицера.

Но так как не только Каппелю, но и самому командиру полка вход в дом Стрельманов был закрыт, то молодые люди должны были видаться тайком, а письменную связь поддерживать через горничную Ольги Сергеевны, переносившей за щедрое вознаграждение Каппеля их записки от одного к другому. Разрешить это тяжелое положение помог им случай. Стрельман был вызван в управление завода в Петербург, и с ним вместе уехала его жена, оставив дочку под наблюдением своего хорошего знакомого, старика-инженера, который для более успешного выполнения этой миссии переселился в дом Стрельманов. Но это не помогло.

Темный сад, деревья под снегом, в глубине большой дом, окна ставнями закрыты, слышно как за забором промерзшие лошади нетерпеливо переступают.

Каппель ждет.

Чья-то тень мелькнула между деревьев, совсем близко любимые глаза... А потом в санях, в снежном облаке, сумасшедшим махом несут лучшие полковые кони их обоих в туманную даль. Потом свет в окнах маленькой деревенской церкви, возбужденные лица сослуживцев, какое-то подобие хора, и сельский священник в старом выцветшем облачении, надевая кольцо на его руку, негромко произносит так страстно-желанные слова:

"Обручается раба Божия Ольга рабу Божию Владимиру".

Все прошло так, как полагалось в славных кавалерийских полках, и из церкви Ольга Сергеевна вышла уже под фамилией Каппель.

Заехав на несколько минут домой, чтобы взять необходимые вещи, она с мужем уехала в Петербург, оставив старика-инженера почти без сознания от неожиданного сюрприза.

Приехав в Петербург, молодожены предусмотрительно направились сперва к матери Владимира Оскаровича, которая приняла их с распростертыми объятиями, а потом к родителям Ольги Сергеевны. Но те, оповещенные о случившемся телеграммой из Перми, отказались принять молодых, и они снова уехали к матери Владимира Оскаровича.

Такой разрыв дипломатических отношений продолжался довольно долго, пока Стрельманы не узнали, что Владимир Оскарович принят в академию и проходит там курс. Это заставило их увидеть в нем не кутилу-кавалериста, а серьезного человека, и они положили гнев на милость" 11 .

Между тем, В.О. Каппель совершенно не соответствовал тому образу офицера-кавалериста, который рисовался родителям его супруги.

Так, командир 17-го уланского полка, характеризуя своего подчиненного поручика Владимира Оскаровича Каппеля, писал в аттестации за 1908 год 12 : "В служебном отношении обер-офицер этот очень хорошо подготовлен, занимал должность полкового адъютанта с большим усердием, энергией и прекрасным знанием. Нравственности очень хорошей, отличный семьянин. Любим товарищами, пользуется среди них авторитетом. Развит и очень способен. В тактическом отношении, как строевой офицер, очень хорошо подготовлен, <в> 1908 году держал экзамен в академию Генерального штаба получив 5 баллов по одному лишь предмету, на остальных же предметах получил удовлетворительные балы. <...> <В> 1906 году был назначен как кавалерийский офицер в офицерскую кавалерийскую школу, но не мог быть командирован лишь потому, что все это время <ожидал> приказ о командировании в школу штабс-ротмистров. Имеет большую способность вселять в людях дух энергии и охоту к службе. Обладает вполне хорошим здоровьем, все трудности походной жизни переносить может. Азартным играм и употреблению спиртных напитков не подвержен" 13 .

В том же 1908 году, когда В.О. Каппель впервые и неудачно поступал в академию Генерального штаба, в нее сумели поступить его будущие соратники по Народной армии и армии А.В. Колчака – Ф.Е. Махин и С.Н. Войцеховский 14 . Между тем, Каппель не оставил надежд на продолжение своего военного образования и в итоге

все же сумел поступить в академию.

В 1912 году по результатам экзаменов он был переведен на дополнительный третий курс академии. Два сложных экзамена по разведке и полевой подготовке он сдал на 11 баллов (при этом средний балл экзаменуемого составил 10 баллов). В январе 1913 года, согласно существовавшей в академии практике, В.О. Каппель читал свой первый доклад и сумел защитить его на 9,5 балла. Оппонентами экзаменуемого выступали один из руководителей русской разведки О.К. Энкель и будущий начальник штаба Румынского фронта Н.Н. Юнаков 15 .

22 марта того же 1913 года Владимир Оскарович читал в академии Генерального штаба свой новый доклад: "Служба автомобиля в армии. Главнейшие основания организации автомобильных войск". Оппонентами выступали полковник В.Г. Болдырев – один из наиболее известных в будущем белых генералов на Востоке России, Главнокомандующий Уфимской директории, и В.А. Златолинский. Автор доклада сумел получить за свою работу высокую оценку – 10,5 балла 16 . При этом следует отметить, что его работа была построена главным образом на зарубежных источниках – Владимир Оскарович прекрасно знал французский и немецкий языки 17 .

Почти через месяц, 8 апреля 1913 года, В.О. Каппель успешно сдал сразу несколько экзаменов 18 . Небезынтересным представляется то, что среди экзаменаторов были такие известные в будущем генералы, как В.А. Черемисов (впоследствии Главнокомандующий армиями Северного фронта накануне октябрьских событий), Андогский (будущий начальник академии Генерального штаба в 1918-1922 гг., с которым Каппеля впоследствии свела судьба в освобожденной Казани) и А.К. Кельчевский (будущий начальник штаба Донской армии) 19 . Средний балл экзаменуемого при семи экзаменах составил 10,4 балла.

В 1913 году решением конференции академии Генерального штаба штабс-ротмистр В.О. Каппель окончил академию по первому разряду, с правом получения преимуществ при прохождении службы. За успехи в изучении военных наук Каппель был награжден орденом Святой Анны 3-й степени.

Для характеристики Владимира Оскаровича как человека следует отметить, что он не стал искать каких-либо преимуществ для дальнейшего прохождения службы, а испросил себе вакансию в Омский военный округ. Тем не менее, местом его дальнейшей службы был определен Московский военный округ 20 .

С началом Великой войны В.О. Каппель был прикомандирован к Николаевской офицерской школе с целью "изучения технической стороны кавалерийского дела" 21 . Однако уже в начале 1915 года капитан Каппель находится на действующем фронте в должности старшего адъютанта штаба 5-й Донской казачьей дивизии. Сохранились полевые книжки капитана Каппеля, которые велись им с февраля по октябрь 1915 года 22 . С ноября того же года В.О. Каппель уже старший адъютант штаба 14-й кавалерийской дивизии. Несколько месяцев он участвовал в боях на фронте в ее составе (даты полевых книжек за подписью Каппеля начинаются с 6 ноября и заканчиваются 29 февраля 1916 года) 23 .

Должность старшего адъютанта не была для Владимира Оскаровича препятствием на пути проявления воинской доблести. Так, отвечая на запрос из штаба 5-го армейского корпуса, какими наградами он награжден, Каппель писал 24 : "Ордена мне

пожалованы: Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом – Высочайшим приказом 1 марта 1915 года, Святой Анны 2-й степени с мечами и Святого Станислава 2-й степени с мечами – Высочайшим приказом 7 июня <1915 г.>, Святой Анны 4-й степени с надписью за храбрость – приказом 5-й армии <от>27 января <1916 г.> № 185" 25 .

С середины сентября 1916 года капитан В.О. Каппель находится уже на должности исполняющего обязанности штаб-офицера для поручений в общем отделении управления генерал-квартирмейстера штаба Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта. К январю 1917 года, совсем незадолго до падения монархии в России, Каппель был произведен в подполковники и был назначен на должность помощника начальника оперативного отделения штаба Юго-Западного фронта.

Очевидно, что Февральская революция очень тяжело отразилась на моральном состоянии Владимира Оскаровича: "В.О. Каппель до своего конца исповедовал монархические взгляды. Февральскую революцию он пережил в нравственном отношении очень тяжело, может быть, тяжелее, чем октябрьскую, так как вторая явилась естественным продолжением первой. В.О. Каппель понимал, что после февраля оздоровление страны может быть только тогда, когда сильный и умный диктатор, придя к власти, уберет с Российского пути звонко болтающее правительство Керенского. <...> Владимир Оскарович слишком чтит ушедший в феврале строй, чтобы дешевыми, звонкими фразами говорить о нем – это был для него слишком серьезный вопрос, к которому следует относиться особенно бережно. Каждый злобный, грязный и, в большинстве, до идиотизма глупый выкрик в адрес прошлого глубоко ранил его душу и оскорблял его. Давать лишний повод к этому он не имел права по своим убеждениям; спорить, доказывать было бесполезно; погибнуть за это во время таких споров он не считал себя вправе, так как в душе и уме уже созрело решение встать на путь борьбы с советской властью, конечным этапом каковой было восстановление старого порядка. Но он об этом молчал, и только совсем немногие, самые близкие люди знали это. "Говорить о монархии теперь – это значит только вредить ей", – говорил он им" 26 .

По всей видимости, подполковника В.О. Каппеля не оставило в стороне августовское Корниловское выступление, участники которого – Л.Г. Корнилов, А.И. Деникин, С.Л. Марков, И.П. Романовский и многие другие – вскоре стали вождями зарождавшегося на Юге России Белого движения. По некоторым данным, В.О. Каппель попал в число участников выступления, что видно из заявления солдат 3-го ординарческого эскадрона, состоявшего при штабе фронта в Бердичеве 27 . Тем не менее, арестован Каппель не был 28 .

К октябрю 1917 года – трагическому месяцу русской истории – Каппель находится на должности помощника начальника разведывательного отделения 29 штаба фронта.

* * *

Шел январь 1918 года... Развал фронта Русской армии, начиная с февраля 1917 года принявший необратимый характер, на Юго-Западном фронте шел несколько медленнее, чем на Севере и в Центре, но, тем не менее, был также необратим...

"Декрет о мире" и Брестский мир, претворенные в жизнь новой большевицкой властью, довершили разгром Русской армии.

Подполковник Владимир Оскарович Каппель покидал уже развалившийся фронт, чтобы начать новый этап служения Родине, теперь в рядах белых...

ВЕСНОЙ 1918 года...

Весна – начало лета 1918 года – пожалуй, наиболее сложный период для описания биографии В.О. Каппеля. С одной стороны, в это время он начал свою вооруженную борьбу против большевизма в рядах Народной армии эсеровского Комуча, с другой – некоторое время фактически состоял на службе в красной армии.

Тем не менее, нам не хотелось бы преувеличивать значение этого кратковременного пребывания В.О. Каппеля в рядах формируемой РККА, тем более, что нет никаких документальных данных о том, что он принимал какое-либо активное участие в ее становлении, и тем более, в боевых действиях. Гораздо важнее здесь учитывать побудительные мотивы в действиях только что прибывшего с фронта развалившейся армии молодого офицера Генерального штаба.

* * *

К маю 1918 года подполковник Владимир Оскарович Каппель находился в Перми, где проживал вместе со своей семьей. В это время фактически только начинало оформляться вооруженное противостояние между большевицким центром и очагами противобольшевицкого сопротивления на окраинах бывшей Российской Империи.

Между тем, весной 1918 года военное руководство большевиков принимало достаточно энергичные меры по привлечению в ряды РККА офицеров Генерального штаба. Существенную роль на начальном этапе комплектования штабов и штатов военных частей весной-летом 1918 года сыграла регистрация "генштабистов" в отделении Службы Генштаба при Управлении по комсоставу Генерального штаба 30 . Так, с мая по сентябрь 1918 года в делопроизводство по службе Генерального штаба было прислано 17 подобных списков с общим числом до 400 человек, с указанием фамилий генштабистов, сообщавших о своем желании получить назначение на соответствующие должности в новых постоянных формированиях создающейся красной армии 31 .

В одном из таких списков под № 4, составленном 9 мая и поступившем 24 июля 1918 года в Управление по комсоставу Генерального штаба, значился и подполковник Генерального штаба В.О. Каппель. Из документа следовало, что к маю 1918 года он проживал в Перми и хотел бы служить в красной армии. При этом указывалось желательное место предполагаемой службы – "В штабе округа Приуральского, Приволжского и Ярославского" 32 .

Согласно данным исследователя В.В. Каминского, 3 мая 1918 года генерал-квартирмейстер Главного управления Генерального штаба при большевицком Генеральном штабе, бывший генерал-майор Генштаба С.А. Кузнецов направил начальнику штаба Уральского военного округа, также бывшему генерал-майору Генерального штаба Г.М. Тихменеву телеграмму следующего содержания: "Прошу предоставления должности <в> Мобилизационном управлении Штаба Военрук<а> Приуральского Генштаба Каппелю, выпуска 1913 г., бывшему

подполковнику, занимавшему должность Помощника Начальника Оперативного отдела Юго-Западного фронта" 33 .

Примерно через две недели С.А. Кузнецов направил по месту жительства В.О. Каппеля телеграмму следующего содержания: "Начштаб Приволжского Пневский предлагает Вам должность заведывающим отделом Окружного Штаба в Самаре окладом 700 рублей ежемесячно. В случае согласия немедленно телеграфируйте в ГУГШ" 34 .

Первоначально В.О. Каппель утвердительно ответил на данное предложение. 20 мая 1918 года в большевицком отделе делопроизводства по службе Генерального штаба была зарегистрирована входящая телеграмма № 389 за подписью Каппеля: "1302. Согласен. Сегодня выезжаю в Самару. Каппель" 35 . Уже упоминавшийся С.А. Кузнецов 23 мая отправил начальнику Окружного Приволжского штаба Пневскому следующую телеграмму: "10008. Каппель согласен. Девятнадцатого выехал из Перми в Самару. 242" 36 . Однако уже 27 мая в отделе делопроизводства по службе Генерального штаба была получена телеграмма начальника штаба Уральского военного округа Тихменева, в которой сообщалось, что "Каппель от предложенной должности отказался..." 37 .

Таким образом, документального подтверждения службы В.О. Каппеля в красной армии нет. Пожалуй, единственным свидетельством нахождения Каппеля в ее составе может послужить упоминание об этом генерала П.П. Петрова. Последний, в то время полковник, вместе со штабом 1-й армии Западного фронта эвакуировался в Самару и с апреля по июнь 1918 г. служил в штабе Поволжского военного округа красной армии. В отдельном разделе своих воспоминаний, посвященном В.О. Каппелю, Петров упоминает о его службе в штабе округа 38 :

"В это время (весна 1918 г. – ред.) в Самару только что прибыл с бывшего Северного фронта штаб 1-й армии, который переформировывался в штаб Поволжского военного округа и начинал работу по выработанному в Москве плану создания армии. Штаб прибыл почти в том составе, который был на войне, согласился начать работу с условием, что будет вестись только частями, создаваемыми для внешней борьбы (против продвигавшихся германских частей – ред.).

В.О. Каппель нашел в штабе кроме меня еще нескольких своих товарищей по академии и решил присоединиться к нам.

Все мы тогда плохо знали или закрывали глаза на то, что делалось на юге, и считали, что в интересах русского дела надо держать в своих руках, хотя бы и в стеснительных условиях, военный аппарат. Вспышки гражданской войны нас непосредственно не касались (выделено – ред.).

<...> В Самару прибыл Подвойский и сразу же показал нам цену тех условий, на которых мы собирались работать.

Начались требования на специалистов и офицеров Генерального штаба для руководства революционными красными отрядами всевозможных наименований. Кого посылали против уральцев, кого против чехов.

Мы отказались; наше право на отказ защищал даже один из окружных комиссаров.

Нам пригрозили расправой; мы решили воспользоваться первым случаем, чтобы скрыться. Тогда еще не было общих регистраций; не было призыва всех офицеров.

Нам помог приход чехов. Перед приходом часть штаба была отправлена в Симбирск, а часть осталась" 39 .

Нам представляется, что П.П. Петров в своих воспоминаниях отчасти дает ответ на "побудительные мотивы", которыми мог руководствоваться В.О. Каппель в своем пребывании в рядах формируемой красной армии.

Собственно, в этот период десятки и сотни русских офицеров поступали на службу в большевицкую армию при условии, что их опыт и знания будут использоваться только для борьбы против дальнейшего германского продвижения вглубь России, но никак не для борьбы внутри страны, против вооруженной "контрреволюции". Однако уже в скором времени их надежды на отпор внешнему противнику были разрушены – окрепшая большевицкая власть, пользуясь всеми возможными методами, вплоть до расстрела и ссылки семей, заставляла офицеров возглавлять части красной армии для борьбы с внутренним "врагом".

Безусловно, что многие из этих офицеров при своем поступлении на службу в красную армию были озабочены и "вопросами своего профессионального трудоустройства, поиском наиболее приемлемых условий службы и, не в последнюю очередь, условий материальных" 40 . При учете всех вышеприведенных данных, подобное стремление можно приписать и В.О. Каппелю, однако это мало согласуется с его дальнейшим поведением.

Во-первых, Каппель, согласно свидетельству П.П. Петрова, как и многие другие чины штаба Поволжского округа, при попытке заставить его воевать с "внутренним врагом" скрылся. Во-вторых, при первой возможности он возглавил формирования Народной армии, явившейся первой серьезной антибольшевицкой силой в регионе. Ссылки же на то, что Каппель выбрал для себя более выгодное продолжение службы в составе Народной армии по сравнению со "слабыми частями красной армии", едва ли представляются убедительными. То состояние военного дела, в котором находились формирования Народной армии летом 1918 года, не позволяет сделать вывод об их более выгодном положении по сравнению с частями красной армии. В-третьих, не следует забывать о монархических взглядах Владимира Оскаровича – его убеждения (о которых писали очень многие) никак не могли способствовать искренней и добровольной службе в красной армии.

При этом следует учитывать, что В.О. Каппель после Великой войны оказался не на Юге России, где уже весной 1918 года существовал мощный центр притяжения антибольшевицких сил в лице Добровольческой армии, а на Востоке, где в это время антибольшевицкое сопротивление еще не получило какого-либо серьезного организационного оформления. В силу этого, примкнуть к какому-либо антибольшевицкому центру было чрезвычайно затруднительно.

Но сразу же с приходом частей чехословацкого корпуса в Самару, говоря словами начальника академии Генерального штаба генерала Андогского, "...забрало было сброшено", выбор был сделан, и В.О. Каппель вскоре оказался во главе частей формирующейся Народной армии.

Начинался период белой борьбы, навсегда обессмертивший для потомков имя

Владимира Оскаровича Каппеля...

НА ФРОНТЕ БЕЛОЙ БОРЬБЫ

Героическая борьба против большевиков на Востоке России – пожалуй, наиболее известный период в жизни В.О. Каппеля. О нем неоднократно уже написано как соратниками Владимира Оскаровича (В.О. Вырыпаев), так и последующими исследователями его жизни (А.А. Федорович).

Наверное, нет необходимости вновь подробно излагать его боевой путь: сначала в рядах Народной армии Комуча, а затем в армии Верховного правителя, речь об этом пойдет ниже, в следующих частях этой книги 41 . В данном очерке мы остановимся лишь на основных этапах жизни В.О. Каппеля в этот период и некоторых вопросах, которые, на наш взгляд, необходимо рассмотреть.

* * *

С приходом чешских частей в Самару начинается военная карьера Владимира Оскаровича в Народной армии. Его назначения на более высокие и, в данном случае, на более ответственные и "сложные" должности следуют одно за другим. Как и в последующих случаях (в армии А.В. Колчака), едва ли здесь можно усмотреть какой-либо карьеризм. Скорее, сама ситуация выдвигала В.О. Каппеля на должности, на которых сложнее всего было проявить себя и куда проще было потерпеть неудачу. Колоссальная нехватка квалифицированных офицерских кадров, характерная для Востока России в этот период, на Волге была, пожалуй, еще более острой. При этом не следует забывать об эсеровском характере власти, отпугивающем многих офицеров, предпочитавших следовать на формирования в сибирские части, что, несомненно, наносило ущерб общему делу борьбы с большевизмом. По свидетельству генерал-лейтенанта К.В. Сахарова: "Офицеры Народной армии высказывали недовольство отношением к ним и их полкам Самарского правительства, что развели опять политику, партийную работу, скрытых комиссаров, путаются в распоряжения командного состава: начали чехословаков втягивать во внутреннюю политику, проводя среди них то же, что Керенский проводил в 1917 году в Русской Армии для ее развала.

"Мы не хотим воевать за эсеров. Мы готовы драться и отдать жизни только за Россию", – говорили офицеры..." 42 .

И поэтому желающих принять на себя бремя командования над только формирующимися частями Народной армии в начале мая 1918 года было немного. А.А. Федорович, основываясь на воспоминаниях В.О. Вырыпаева, писал о ситуации, сложившейся в Самаре с приходом чехов:

"...состоялось собрание офицеров Генерального штаба, проживавших в Самаре, на котором обсуждался вопрос о том, кто возглавит добровольческие части. Желающих взять на себя тяжелую и ответственную роль не оказалось. Все смущенно молчали, опустив глаза. Кто-то робко предложил бросить жребий. И вот тогда, скромный на

вид, почти никому не известный, недавно прибывший в Самару офицер встал и попросил слова: "Раз нет желающих, то временно, пока не найдется старший, разрешите мне повести части против большевиков", – спокойно и негромко произнес он. В этот момент история вписала в свою книгу белой борьбы имя подполковника Генерального штаба Владимира Оскаровича Каппеля.

Генштабисты переглянулись, наиболее старые чуть заметно пожали плечами – Каппель был слишком молод, ему шел 37-й год; внешность его тоже не соответствовала виду серьезного, большого военачальника; даже небольшая русая бородка не делала его старше. Но никто не взгляделся в его глаза – серо-голубые, они смотрели холодно и непреклонно, выявляя негнущуюся волю.

Но, во всяком случае, желающий вести зеленую, в большинстве необученную военному делу молодежь нашелся" 43 .

И с этой "зеленой молодежью", проводя стремительные и удачные операции, Владимир Оскарович уже в скором времени заставил говорить о себе все Поволжье, вызывая большое уважение даже у своих противников. Операция по взятию Сызрани, бои у Ставрополя-Волжского 44 , оборона Симбирска, взятие Казани, вновь оборона Симбирска...

Части Каппеля перебрасывались в различные города на Волге со стремительностью, которую совсем не ожидал от них противник. Основная "вина" в успехе проводимых Народной армией операций, безусловно, лежала на Владимире Оскаровиче. Из никому не известного подполковника Русской Императорской армии к концу 1918 года он превратился в одного из наиболее известных и уважаемых белых генералов на Востоке России.

При этом не лишним будет отметить скромность В.О. Каппеля в оценке собственных успехов, подтверждающую его характеристику прежде всего строевого офицера.

Так, отмечая в рапорте действия своего отряда при взятии Сызрани, Каппель писал: "...успех операции достигнут исключительно самопожертвованием и храбростью офицеров и нижних чинов отряда, не исключая сестер милосердия. Особо отмечаю мужественные действия чинов подрывной команды и артиллерии отряда. Последние, несмотря на огонь превосходной артиллерии противника, вели огонь по его цепям и огневым позициям прямой наводкой, нанося большой урон и сбивая его с позиций... Красные вели огонь плотный, но крайне беспорядочный, посему потери отряда невелики..." 45 .

В приказе, подводившем итог обороне Симбирска в августе 1918 года, Каппель писал, ободряя измотанные в боях части 46 : "Пятидневные упорные бои на нашем фронте с численно превосходящими нас советскими войсками закончились полным поражением противника. Не выдержав стремительного молодецкого удара доблестных войск фронта, разбитый противник бежал, бросая на пути раненых, пулеметы, обозы, грабя мирных жителей, – угоняя их скот.

Полное сознание вами святого долга – умереть или победить за правое дело, – дало блестящую победу и возможность продолжать создание боевой мощи Народной армии для спасения Родины.

Вы, участники этих боев, вписали новую светлую страницу в истории освобождения

нашей измученной Родины от германо-большевицкого ига!" 47 .

Характерно для В.О. Каппеля и то, что наряду с личными качествами храброго военачальника во время боев он стал обнаруживать и способности политические. О дальновидности Каппеля свидетельствуют воспоминания управляющего делами Совета министров Временного Всероссийского правительства ("Омского" правительства) Г.К. Гинса: "Он, например, приказал отпустить на свободу обезоруженных пленных красноармейцев. Он был первым и, может быть, единственным тогда из военачальников, который считал "гражданскую войну" особым видом войны, требующим применения не только орудий истребления, но и психологического воздействия. Он полагал, что отпущенные красноармейцы могли стать полезными как свидетели того, что "белые" борются не с народом, а с коммунистами" 48 .

И можно согласиться с мнением Гинса о Каппеле: "Он был загадочной фигурой для эсеров, опасавшихся возможных "вождей-диктаторов"". Молодой еще офицер Каппель становился "вождем".

Однако общий ход гражданской войны не могли изменить ни доблесть отдельных частей, ни умение одного, пусть и очень талантливого военачальника. Просчеты, допущенные в высших эшелонах власти, привели к поражению Комуча на Волге. Кроме того, причины поражений Поволжской народной армии Комуча можно видеть и в том, что "...чехи под влиянием пропаганды уже разваливались, воевать не желали; Народная армия была крепка только офицерами и добровольцами, да и то в частях, к которым эсеры получали доступ, там исчезла дисциплина, а с нею вместе и боеспособность. Только отряды полковников Каппеля и Степанова оказывались всюду сильны и духом, и боевыми качествами, так как эти начальники не допускали и близко к своим войскам социалистов" 49 .

О том духе, который внушал своим подчиненным Каппель, можно судить по фразе из одной его речи к своим славным частям:

"Помните, друзья-добровольцы, вы – основа всего Белого движения. Вы отмечены на служение Родины перстом Божиим.

А поэтому идите с поднятой головой и с открытой душой, с крестом в сердце, с винтовкой в руках тернистым крестным путем, который для вас может кончиться только двояко: или славной смертью на поле брани, или жизнью в неизреченной радости, в священном счастье – в златоглавой Матушке-Москве под звон сорока сороков" 50 .

Но, к сожалению, не к Москве, а в восточном направлении двинулись в результате части В.О. Каппеля в конце 1918 года, когда начали отход в Сибирь, где вошли отдельным корпусом в состав армии Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака.

Казалось бы, что условия теперь способствовали продвижению по служебной лестнице полковника Каппеля. Монархист, лишь внешне проявлявший лояльность к Комучу, он должен был сразу получить соответствующее военное назначение, при котором смог бы проявить свое полководческое дарование. Но... Каппель в Сибири вначале оказался не у дел. Омское правительство посчитало его слишком "левым" из-за связей с "Самарской учредилкой". Немалую роль сыграла тут и старая, как мир,

простая зависть к его громким победам на Волге. К тому же Каппеля заочно представили Верховному правителю в неблагоприятном свете.

Только после личной встречи в начале 1919 года, когда адмирал вышел с Каппелем под руку из своего кабинета, что бывало редко, их отношения наладились. Возведенный в чин генерал-лейтенанта, Каппель возглавил 1-й Волжский корпус – стратегический резерв Колчака.

* * *

1919 год – переломный как для Белого движения на Востоке России, так и для всей русской контрреволюции в целом – для Каппеля обернулся вначале новыми надеждами на продолжение борьбы, затем их крахом, и, наконец, принятием на себя тяжкого бремени Главнокомандующего белой армии в самый тяжелый для нее момент, когда на повестку дня ставилось само ее существование.

Майско-июньские бои 1919 г. за Белебей и Уфу принесли белым войскам поражение, и этой участи не избежал в боях за Уфу и корпус Каппеля. Этому способствовало несколько причин, и одна из главных – численное превосходство противника. Приведем некоторые цифровые соотношения в названных боях. Белебеевская операция 15-19 мая 1919 г.: красные войска – более 23 тысяч штыков и сабель, 119 орудий, 560 пулеметов; группа Каппеля – около 17 тысяч штыков и сабель, 46 орудий, 172 пулемета.

Уфимская операция 25 мая – 19 июня 1919 года: красная Туркестанская армия – 28430 штыков, 1443 сабель, 119 орудий, 408 пулеметов; белые Волжская и Уфимская группы – 16203 штыка, 2718 сабель, 93 орудия, 260 пулеметов 51 . Кажется, эти цифры говорят сами за себя.

После поражения в районе Челябинска и затем на реке Тобол началось общее отступление армии Верховного правителя. Современники Каппеля считали еще одной причиной создавшегося положение неумелое командование, хотя их взгляды на командный состав армии были часто противоречивы. А. Будберг писал: "Как я завидую сейчас красным. Во главе их армий стоят решительные люди. Злая судьба обидела Сибирь и не дала ей вождей по плечу данному времени: юг был счастливее, ибо имел Алексеева, Корнилова, Маркова и других, но и там судьба быстро погасила наиболее сильные и нужные для России жизни. Сибирь выставила немало тысяч молодых и старых рыцарей долга, чистых энтузиастов, поднявших меч борьбы за Родину.

Но не нашлось вождей, мужей опыта и таланта, чтобы использовать эти могучие силы; тысячи этих борцов уже спят в сибирской земле, а все их усилия, их героические подвиги сведены на нет теми, кто, не имея никаких данных, залез на верхи военного управления и не принес туда ничего, кроме ненасытного честолюбия, сомнения и безграмотности по руководству большими операциями и по организации настоящей армии" 52 .

Каппель как раз был исключением из этого ряда лиц, и вот мнение о нем Г.К. Гинса: "...как это часто бывало во время гражданских войн, среди командиров появлялись смельчаки и энтузиасты, которые выдвигались вне всякой очереди и занимали

видное положение в командном составе не по праву выслуги лет, а по важности их успехов... Другим был офицер Генерального штаба, <...> В. Каппель. Это был не только патриот, готовый к самопожертвованию, но в то же время талантливый командир с почти гениальной находчивостью. С горстью людей он нападал на советские части и совершал непредвиденные маневры. Его смелости и силе натиска белые были обязаны почти всеми начальными успехами на Самарско-Волжском фронте и взятием Казани, откуда были вывезены золотой запас и, как уже упомянуто, часть преподавателей Генерального штаба" 53 .

И уж, конечно, не вина Каппеля в сибирских неудачах белых...

После оставления в конце 1919 года Омска белая армия совершает беспрецедентный, в 3000 верст поход до Забайкалья, который позже получил название Сибирского Ледяного похода.

Узенькая, как бесконечный коридор, полоска дороги, и по этой дороге тянется многоверстный обоз... Здесь были все слои общества, все ранги и чины. Эта пестрая толпа усталых, голодных, замерзших и больных людей, гонимых собственным народом, называлась армией адмирала Колчака, белыми, а позднее – просто каппелевцами.

Отступавших насчитывалось несколько сот тысяч человек, и они передвигались, как могли: пешком, на санях, верхом на лошадях. Орудия же частью пришлось бросить, частью просто уложить в сани и везти простым грузом. Сплошной лентой тянулись на восток и эшелоны, но из-за недостатка топлива или воды, они часто останавливались на запасных путях станций, ожидая своей горькой участи.

Люди гибли сотнями каждый день: из-за эпидемии тифа или от лютого сибирского мороза и недостатка теплой одежды. На станциях сотнями сдавались обмороженные в санитарные поезда. Оставались на дороге замерзшие люди, то в одиночку, то целыми группами, навеки уснувшие у потухшего костра.

С удвоенной энергией нападали на растянутые беззащитные обозы организованные банды большевиков и творили над несчастными людьми свирепые расправы.

С подходом отступавшей армии к Оби начались восстания гарнизонов в городах Новониколаевске, Томске, Красноярске, Иркутске. Эти восстания и переходы белых войск на сторону красных несли с собой новые ужасные трагедии и бесконечно осложняли великий и трудный отход белых войск.

Главкомандующий армиями Восточного фронта генерального штаба генерал-лейтенант Каппель (назначенный на этот пост Верховным правителем адмиралом Колчаком на станции Судженка 3 декабря 1919 г. со словами: "Только на Вас, Владимир Оскарович, вся надежда") делал все возможное и невозможное, чтобы вывести армию из снежного плена с наименьшими потерями.

Каппель часто задерживал свой поезд, чтобы находиться в непосредственной близости от фронта. То в автомобиле, а чаще верхом Главкомандующий отправлялся к передовой линии фронта. В той путанице частей и обстоятельств, которые сопровождали отступление, он вникал во все мелочи текущего дня, часто исправляя положение, казавшееся безнадежным. Задерживаясь чуть ли не на каждом полустанке, Каппель знал положение не по донесениям начальников частей,

а видя все собственными глазами. Он наводил порядок в отступавших частях, вырабатывал порядок движения, по возможности сменяя арьергардные части, искоренял своеволие в отношении населения, строго следил за офицерским корпусом, пытался вдохнуть дух бодрости в бойцов, чтобы отступление не превратилось в бегство. Все это – в условиях мертвого мороза сибирской зимы...

Благодаря Каппелю, по договоренности с местными земскими деятелями, на станции Мариинск проходящие войска были полностью снабжены продуктами питания, и многие получили теплые вещи, полушубки, валенки и белье.

Армия отходила вдоль железной дороги, и штаб фронта, эшелон Главнокомандующего, двигаясь медленно на восток, прибыл в следующий за Мариинском город Ачинск, уже занятый белыми отрядами. Здесь 29 декабря случилась ужасная катастрофа. На станционных путях произошел взрыв поезда со снарядами – последними, которыми еще располагала армия. Генерал Каппель каким-то чудом уцелел, находясь на станции, но этот взрыв внес расстройство в налаживаемую работу и лег еще одним тяжким грузом на плечи Каппеля.

И, усугубляя эту тяжесть, в штаб фронта стали поступать с линии железной дороги телеграммы о бесчинстве и самоуправстве чехов. "Благодаря" им, росли, как снежный ком, заторы на дороге, обрекая на гибель в первую очередь беженцев, больных и раненых, и вынуждая остатки боеспособных войск продолжать движение походным порядком, так как чехи смогли взять под свой исключительный контроль подвижной состав и в своем движении к Владивостоку повсеместно оставляли без паровозов русские эшелоны, отбирали топливо, запрещали брать воду на станциях. Раненые же и эвакуировавшиеся женщины и дети иногда просто выбрасывались "союзниками" из вагонов. Наконец, на станции Нижнеудинск чехи силою забрали два паровоза из эшелона Верховного правителя. Все это вынудило Каппеля пойти на подвиг самопожертвования: в ультимативной форме он потребовал от генерала Я. Сырового, главнокомандующего чешскими войсками, немедленного отдания приказа о прекращении чешских безобразий и пропуске эшелона Верховного правителя на восток, в противном случае он вызывал Сырового на дуэль: "если вы... решились нанести оскорбление Русской армии и ее Верховному Главнокомандующему, то я, как главнокомандующий русской армии, в защиту ее чести и достоинства, требую от вас удовлетворения путем дуэли со мной" 54 .

Когда кто-то из чинов штаба выразил сомнение в том, что Сыровой примет вызов, Каппель взорвался: "Он офицер, он генерал – он трусом быть не может". Так рассуждал рыцарь долга и чести, не представлявший, что в Сыровом этих качеств никогда не было. Ответа от Сырового Каппель так и не получил, как не получил его и атаман Г.М. Семенов, заявивший в ответ на вызов Каппеля: "Я вместо Вас встану к барьеру и вызываю генерала Сырового, дабы ответить за оскорбление, которое нанесено его частями доблестной Российской армии, героически сражающейся сейчас с красными под Вашим командованием" 55 .

На подступах к Красноярску, в котором восстал гарнизон, войскам Каппеля пришлось выдержать драматические столкновения, в которых погибло много добровольцев, и немалое количество было захвачено в плен красными. Все же значительным силам белых под руководством Каппеля удалось обойти Красноярск с севера и выйти вниз по реке Енисею к устью правого притока реки Кана. И здесь встал грозный вопрос: каким путем пробиваться вновь к железнодорожной магистрали? Каппель решил пройти прямо льду Кана и выйти к тому месту, где эта

река пересекает железную дорогу, то есть к городу Канску. Не все начальники частей согласились с его мнением, и после совещания (6 или 7 января 1920 г.) одна часть войск ушла северным путем, в обход по Северной Ангаре. Группа же во главе с генералом Каппелем стала спускаться по крутому берегу порожистой и местами еще не замерзшей реки Кан. Незамерзающие пороги реки приходилось объезжать, прокладывая дорогу в непроходимой тайге.

Сам Каппель часто шел пешком, жалея своего коня и часто утопая в снегу так же, как и другие. Он был одет в бурочные сапоги, и, утонув в снегу, случайно зачерпнул в них воды, никому об этом не сказав. Через некоторое время у него начался сильнейший озноб с временной потерей сознания. На третьи сутки его, не приходившего в себя, на коне довели до первого человеческого жилья – таежной деревни Барги. Здесь доктору пришлось простым ножом, без анестезии сделать ампутацию обмороженных пяток и некоторых пальцев на ногах Каппеля.

После операции Каппель смог продолжать путь верхом и отдавать необходимые распоряжения, но через 8-10 дней после выхода из деревни Барги его состояние стало ухудшаться в связи с развивающимся двусторонним крупозным воспалением легких. Владимира Оскаровича уложили в сани, в которых он ехал несколько дней.

А.А. Федорович много лет спустя писал об этом последнем героическом отрезке жизни В.О. Каппеля:

"На каком-то крутом повороте сани занесло в сторону и сильно трянуло. От этого толчка Каппель на минуту пришел в себя. Все тело ныло, тряс жестокий озноб, голова горела огнем, ног как будто не было вовсе, туман заливал сознание. Глаза успели разглядеть черное небо с горящими звездами, ухо уловило скрип полозьев и голоса людей. Успел подумать: "С армией, не один – нужно быть с ней до конца". И снова бредовое забытие залило мозг.

Но почему-то вновь начинает трясти и подбрасывать измученное тело. Это опять приводит в себя. Генерал видит себя на какой-то высоте – сзади, спереди черной лентой тянутся сани – он видит их сверху. Какая-то сила поддерживает его на этой высоте. Каппель собирается с мыслями – оказывается он почему-то верхом, а сбоку всадник-великан крепко держит его за талию, чтобы он не упал. "Верхом – значит, лучше", – мелькает на миг в мозгу, и снова все исчезает в дымке серого тумана. На минуту выплывает в памяти бледное лицо с мученическими, трагическими линиями и единственные в мире страшные, горящие тоской и болью глаза – шесть орлов на плечах – Адмирал. Потом музыка, цветы, толпы народа, оглушительные крики приветствий, горячее солнце в синем небе – Казань, Симбирск. И опять все путается, заплетается в сумбурный клубок темного бреда.

Но Главнокомандующий с армией, полуживой, без сознания, верхом...

Темная злая ночь. Кругом в морозном тумане первозданный хаос. Скалистые, обрывами падающие берега оцетинились черными соснами. И под ними мерцает, горит искрами ровный полог снега на льду замерзшего Кана. Обманчивый, смертоносный полог – где-то у береговых скал бьют не замерзающие круглый год горячие ключи. Под снежной пеленой невидимые, они гонят свою воду по толстому льду реки. И горе тому неопытному, кто поверив белому, чистому снегу, неосторожно ступит в этом месте на него. Нога проваливается в мягкий снег, попадает в скрытую от глаз воду и потом через два шага покрывается слоем льда. Лошади рвут в кровь

венчики копыт, сани обледеневшими полозьями примерзают к дороге.

Главкомандующий делит с армией ее труд и боль. Вчера, ведя коня в поводу, он попал на такое страшное место. Но также попадали сотни и тысячи – и он продолжал идти. Потом стало плохо, померкло сознание. Главкомандующего положили в сани, укрыли шубами – он метался в бреду. Но где-то остановившись на минуту, сани примерзли ко льду. Генерала посадили в седло; огромного роста и силы доброволец ехал рядом, удерживая Каппеля в седле. И сейчас, возвышаясь над колонной, в бреду, без сознания, но в седле, он идет с этими верящими в него обреченными людьми.

От деревни Подпорожной, где спустились на лед Кана, до деревни Барги 90 верст. Между ними безлюдная ледяная пустыня, снег, скалы и мороз, беспощадный, лютый. Падают на окаянном пути обессиленные кони; опускаются на снег также обессиленные люди. И, издеваясь над ними, к снегу под ногами прибавляется другой, который начинает падать с неба. А через час там, где упал человек – только небольшой холмик, и все. Рвущуюся к жизни и борьбе армию ведет умирающий Главкомандующий.

Дорога становится лучше, укатаннее. До Барги уже недалеко. Снимают с седла, снова кладут в сани Каппеля, укрывают шубами, везут... На утро замаячили избы Барги.

Вносят Каппеля в теплую избу, снимают валенки. До самых колен ноги твердые, как дерево, не гнутся. Несколько пар рук оттирают их снегом. Но часть пальцев уже умерла – спасти их нельзя. "Ампутировать немедленно", – говорит врач. Но чем? Все его инструменты пропали где-то в пути.

Простой кухонный нож обжигают на огне, протирают спиртом...

На другое утро генерал пришел в себя.

"Доктор, почему такая адская боль в ногах"? И, услышав ответ, закрывает глаза. Но сознание очистилось от бреда – он слышит, как за окном скрипят сани, слышит чьи-то голоса.

"Армия идет – нужно быть с ней", – шепчет проснувшаяся воля.

И уже ясно и твердо смотрят на окружающих серо-голубые глаза.

"Коня", – бросает он. "Опять в бреду", – шепчут окружающие, но властно и отчетливо повторяет Каппель: "Коня!"

Все знают, что редко звучат такие нотки в голосе Главкомандующего, но когда они начинают слышаться, то все понимают, что воля Каппеля – закон. Под руки выводят на улицу, сажают в седло. Рядом, на всякий случай, опять тот же великан-доброволец.

Каппель трогает коня – на улице все те же люди, верящие в него. Они идут, прорываясь на восток.

И, забыв о жгучей боли в ногах, о том, что ноет каждый сустав, Каппель выпрямляется в седле и подносит руку к папахе...

Главкомандующий идет с армией" 56 .

В Нижнеудинске, занятом после короткого столкновения с красными, генерал Каппель еще смог провести совещание с начальниками отдельных частей, но уже пролежав все время в кровати.

После Нижнеудинска каппелевцы двигались вдоль железной дороги, по которой сплошной лентой тянулись эшелоны, большей частью чешские. Чехи стали наперебой предлагать место для тяжело больного Каппеля в эшелонах, причем в сопровождении двух-трех близких ему лиц и гарантируя секретность и безопасность. Но на все доводы генерал отвечал, что если ему суждено умереть, то он готов умереть среди своих бойцов: "Ведь умер генерал Имшенецкий среди своих... и умирают от ран и тифа сотни наших бойцов" 57 .

20-го или 21-го января 1920 г., чувствуя, что силы его оставляют, Каппель отдал приказ о назначении генерала С.Н. Войцеховского Главнокомандующим армиями Восточного фронта. Вместе с властью над войсками Каппель передал ему также орден Святого Георгия, сняв его со своей груди.

И в последнюю очередь он подумал о своей семье: снял свое обручальное кольцо и, вручив его тоже генералу Войцеховскому, просил передать своей жене.

В последние два-три дня Владимир Оскарович сильно ослабел и всю ночь 25 января не приходил в сознание. На рассвете он был перенесен в батарейный лазарет-теплушку румынской батареи имени Марашети, где через шесть часов, не приходя в сознание, умер.

Последними словами генерала Каппеля на этой земле были: "Передайте войскам, что я любил Россию, любил их и своей смертью среди них доказал это" 58 .

"В деревянном гробу, с армией, умерший Главнокомандующий продолжал свой путь.

Как на самую большую ценность, как на символ не утихающей ни на миг борьбы смотрели полузамерзшие люди на этот гроб и не хотели, не могли верить совершившемуся.

И вдруг вспыхнул, родился невероятный слух – Каппель жив (выделено автором – ред.), его больного увезли в эшелоне чехи или румыны или поляки. А в гробу положено золото, которое Каппель получил от Адмирала. Шепотом передавали друг другу это самоутешение, самообман – здесь должна быть строгая конспирация, чтобы красные не потребовали от чехов, румын или поляков выдачи генерала.

Смириться с его смертью люди не могли" 59 , – так воспринимали смерть своего Главнокомандующего последние добровольцы-"каппелевцы", малочисленные, но не сломленные ни военным поражением, ни тяжелейшим переходом...

Генерал Каппель совершил величайший подвиг – имея возможность "пристроиться" в один из союзнических эшелонов, он пошел в голове авангарда своих каппелевцев и отдал свою чистую душу Господу Богу на руках своих доблестных добровольцев.

* * *

Первоначально после завершения Сибирского Ледяного похода тело Владимира Оскаровича Каппеля было погребено в Чите. Однако осенью 1920 года, в связи с приближением частей красной армии к Чите, прах В.О. Каппеля был перевезен из Забайкалья в Харбин, где и был захоронен в ограде Иверского храма на Офицерской улице. В 1955 г. памятник (мраморный крест) по указанию из Москвы был уничтожен...

А.А. Федорович писал в своей книге о памятнике и его судьбе:

"На белом фоне наружной стены церковного алтаря резко вычерчивал свой профиль черный гранитный крест. Терновый венок обвивал подножие креста, а ниже, на бронзовой доске, буквы сплетались в имя, которое носили многие тысячи тех, кто шли когда-то, безотказно веря в того, кто лежал теперь под гранитным крестом. Непримириемые бедняки, убивавшие свои силы часто на непомерно тяжелой работе, часто голодные, не знавшие, что их ждет завтра, часто с больным израненным телом, они по грошам собирали деньги, чтобы над могилой вождя воздвигнуть этот крест с терновым венком. Они не могли, не имели права перед своей собственной совестью сделать иначе. Здесь у церковного алтаря спал вечным сном тот, кто вдохнул в них пафос непримиримой борьбы на далеких берегах Волги, кто вел их по заснеженным просторам обледенелой Сибири и кто, спасая их от бешеных ударов красного шквала, упал обессиленный без сознания на лед дикого Кана. Он стал для них той животворной идеей, которая давала смысл их искалеченной жизни, тем вечным для них огнем, который питал пламя их непримиримости.

Проплывали в своем извечном, беспощадном движении над памятником годы. Серебряным снегом изукрашивала его зима, песней воскресающей жизни приветствовал его апрель, яркие блики летнего солнца сплетали на нем свой узор, золотом маньчжурской осени расцветали окружающие его деревья.

Но все те годы жарким июльским днем во Владимиров день молчаливые люди стояли у креста. Единственное в мире панихидное пение, православное, русское, плыло над этими людьми; чуть видными клубами дымился ладан кадилный. Спасенные молились о душе спасшего их.

Потом у креста вдруг стали появляться новые люди. В военной форме с погонами на плечах, они внимательно осматривали памятник и качали головами. – "Так вот он где", – задумчиво говорили они. Но пока они были в городе, они, враги, ни разу не оскорбили памятника и того, кто под ним лежал и когда-то боролся с ними. Может быть, им, как военным, импонировала военная слава и легенды, крепко связанные с именем спящего под гранитным крестом. Но и они ушли. А вскоре около креста появилась группа одетых в штатское платье людей. Они громко смеялись, тыкали в надпись на доске палками. Уходя один из них бросил: "Завтра же". И завтра утром ломы, топоры и кайлы рабочих-китайцев вонзились в тело памятника. Расколотый на куски упал гранитный крест, рассыпалось сплетение тернового венца, и пинком ноги отбросил далеко китаец бронзовую доску. На доске надпись – "Генерального штаба генерал-лейтенант Владимир Оскарович Каппель"" 60 .

В настоящее время в России сделаны первые шаги по увековечению памяти героя белой борьбы. В июне 2001 года в районе станции Утай в Иркутской области, на месте гибели В.О. Каппеля, по инициативе Иркутского казачьего войска и его атамана Николая Меринова, был установлен памятный крест, освященный настоятелем Тулунской церкви отцом Валерием. Деревянный крест, воздвигнутый на

предполагаемом мести гибели Владимира Оскаровича, изготовленный в Братске, весит около 400 килограммов и достигает в высоту более четырех метров...

* * *

В заключение очерка хотелось бы вспомнить о родных В.О. Каппеля. К сожалению, точных данных о судьбе его семьи в данный момент обнаружить не удалось. Известно, что "У Владимира Оскаровича и Ольги Сергеевны Каппелей было двое детей – дочь Татьяна, родившаяся в 1909 году, и сын Кирилл, родившийся в 1915 году. О судьбе Ольги Сергеевны Каппель точных сведений нет. Известно, что в 1918 году она жила в Екатеринбурге у родных. В это время Каппель пробирался с разваливающегося фронта и был заброшен судьбой в Самару, где и начал свою легендарную борьбу с коммунизмом. Ольга Сергеевна была увезена каким-то комиссаром в Москву в качестве заложницы, и дальше все ее следы исчезли" 61 . Полковник Н.А. Мартынов писал, что на самом деле Ольга Сергеевна была захвачена командующим красным Пермским фронтом С. Мрачковским и находилась в его штабе под непрерывным и тщательным надзором. "Там же оставались и родители генерала Каппеля и двое его детей. Родителей и детей при занятии генералом Пепеляевым Перми группе офицеров удалось спасти и вывезти в Иркутск, где они снова попали в плен, вследствие "толковой распорядительности" некоего Начальника всех боевых сил Иркутска.

Красные раз намекнули, что если бы генерал Каппель ослабил бы свои удары по красным, то жена его могла бы быть освобождена. А генерал Каппель на это ответил: "Расстреляйте жену, ибо она, как и я, считает для себя величайшей наградой на земле от Бога – это умереть за Родину. А вас я как бил, так и буду бить" 62 .

"Ходили слухи, что после крушения Белого движения Ольга Сергеевна встретила с детьми, оставшимися в Иркутске, но соответствует ли это истине – неизвестно" 63 . Слухи, процитированные А. Федоровичем, по всей видимости, взяты из воспоминаний В.О. Вырыпаева, который упоминает в своих записках о том, что атаман Г.М. Семенов был готов выделить для детей Владимира Оскаровича, находившихся в начале 1920 года в Иркутске, определенную сумму денег в японский или американский банк.

К сожалению, их дальнейшая судьба по сей день остается неизвестной...

БИБЛИОГРАФИЯ О ГЕНЕРАЛЕ В.О. КАППЕЛЕ

Акулинин И. Генерал Каппель // Часовой: Ил. воен. журн.-памятка: Орган связи рус. воинства за рубежом. – Париж, 1929, № 1-2. С. 11.

Аптекарь П. "С бабами и детьми не воевал": Воинский путь генерала Каппеля // Родина. – М., 1997. № 7. С. 57-61.

Будберг А.П. Дневник белогвардейца // Архив Русской революции. – Берлин, 1923. Т. 14. С. 225-341; Т. 15. С. 254-345.

"Витязей смелых создали". Два эпизода из боевой жизни В.О. Каппеля. Собрал В. Андрухин // Понедельник. – Нижний Новгород, 1993. № 9 (февраль).

Войнов В.М. Генерал Каппель // Волга. – Саратов, 1991. № 4. С. 186-191.

Вырыпаев В.О. В.О. Каппель // Вестник Общества русских ветеранов Великой войны в Сан-Франциско: Двухмес. Воен.-ист. и лит. журн. – Сан-Франциско, 1932. № 68/69. С. 9-15; 1935. № 109. С. 8-16; № 110. С. 6-14; № 111. С. 5-12; № 113/115. С. 9-17; 1936. № 116/117. С. 7-14; № 121/122. С. 25-39; № 123. С. 15-20; № 125/127. С. 36-39; 1937. № 128/129. С. 20-25; № 130/132. С. 47-49; № 135/136. С. 22-28; 1938. № 147/149. С. 28-33.

Вырыпаев В.О. Владимир Оскарович Каппель // Русская жизнь: Внепарт. прогрес. орган печати: Единств. Рус. газ. На Зап. побережье Америки. – Сан-Франциско, 1961. 14 декабря.

Вырыпаев В.О. Записки полковника Вырыпаева (Отрывки из книги "Так было") // Первопоходник: Летопись белой борьбы / Изд. Объединения первопоходников. – Лос-Анжелес, 1974. № 17. С. 10-16; № 18. С. 46-53; № 19. С. 32-40; № 20. С. 13-20.

Вырыпаев В.О. Каппелевцы // Вестник Первопоходника: Ежемесяч. журн., посвящ. 1-му Кубанскому походу, истории Белых Армий и жизни первопоходников. – Лос-Анжелес, 1964. № 28. С. 5-10; № 29. С. 12-16; № 30. С. 6-10; № 31/32. С. 35-40; № 33. С. 11-15; № 34. С. 16-20; № 35. С. 24-29; № 36. С. 8-12; № 37/38. С. 37-42; № 39. С. 7-11; 1965. № 40. С. 33-36; № 41. С. 28-32; № 42. С. 4-9.

Вырыпаев В.О. Каппелевцы // Русская жизнь. – Сан-Франциско, 1963. 26, 31 октября, 2, 7, 9, 13, 14, 16, 19, 21, 23, 26 ноября.

Вырыпаев В.О. "О Каппеле" (мысли читателя) // Новая Заря. Единственная ежедневн. газета на Тихоокеанском побережье. – Сан-Франциско. 1937. 23 января. С. 1-2.

Вырыпаев В.О. Омск в эшелонах // Русский в Калифорнии. – Сан-Франциско. 1935. № 2. С. 8-12.

Вырыпаев В.О. Так было // Русская жизнь. – Сан-Франциско, 1959. 16, 17, 18, 19, 20, 23, 24 июня; 7, 8 июля.

Генерал-лейтенант Владимир Оскарович Каппель. – Владивосток, 1922. – 43 с.

Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Тт. 1, 2. – Пекин, 1920. – 930 с.

Гинс Г.К. Незабвенный патриот и подвижник. Памяти генерала В.О. Каппеля // Возрождение. 1971. № 232. С. 88-98.

Из архива В.И. Лебедева: От Петрограда до Казани: (Восстание на Волге в 1918 году: [Дневниковые записи]) // Воля России: Ежемесяч. журн. политики и культуры. – Прага, 1928. № 8/9. С. 50-187.

Каминский В.В. Служил ли В.О. Каппель в Красной армии? // История Белой Сибири. Тезисы 4-й научной конференции. – Кемерово, 2001. С. 134-138.

Каппелевцы. Однодневная газета Осведфронта. – Омск. 12 октября 1919.

Клавинг В.В. Белая гвардия. Энциклопедический справочник. – Спб., 1999.

Клавинг В.В. Кто есть кто в Белой гвардии и военной контрреволюции (1917-1923 гг.): Энциклопедический справочник. – Спб., 1998.

Мартынов Н.А. Национальный герой России и рыцарь Белой мечты // Нация. Орган Российского фашистского союза – Российского национального фронта. – Харбин. 1939. № 22 (44). 1 августа. С. 4-5.

Мартынов Н.А. Рыцарь Белой Идеи Генерального штаба генерал-лейтенант Владимир Оскарович Каппель // Нация. – Харбин. 1939. № 7 (20 июля). С. 2-4.

Памяти генерала Каппеля. // Слово. – Владивосток. 1922. 26 января. С. 3-4.

Перминов В.В. Где прах генерала Каппеля? // На сопках Манчжурии. – Новосибирск: Новосибирское отделение ассоциации "Харбин". 1999. № 60. (январь). С. 6.

Петров П.П. Памяти В.О. Каппеля // Петров П.П. От Волги до Тихого океана в рядах белых (1918-1922 гг.). – Рига: Изд-во Дидковского, 1930. С. 244-250.

Попов В. Памяти генерала В.О. Каппеля // Последние Новости. Ежедневн. газета под ред. П.Н. Милюкова. – Париж, 1930. 26 января. С. 4.

Рождественский С. Генерал В.О. Каппель // Возрождение. Орган русской национальной мысли. – Париж, 1936. 26 января. С. 5.

Сахаров К.В. Белая Сибирь (Внутренняя война 1918-1920 гг.). – Мюнхен, 1923.

Список Генерального штаба. Исправлен по 3 января 1917 г. – Пг., 1917.

Федорович А.А. Генерал В.О. Каппель. – Мельбурн: Издание Русского Дома в Мельбурне, 1967. – 117 с.

Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке. Библиографический словарь. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2000. С. 147.

Примечания

1 О фильме "Чапаев" и образе "каппелевцев" созданном в нем – см. статью Е.В. Волкова в III-й части данной книги.

2 Библиография работ о В.О. Каппеле – см. в конце I-й части данной книги.

3 В.О. Вырыпаев в воспоминаниях ("Каппелевцы"), а вслед за ним и А.А. Федорович в своей книге "Генерал В.О. Каппель" указывает дату рождения В.О. Каппеля как 1881 год, что, очевидно, является ошибкой, так как не подтверждается архивными источниками (Вырыпаев В.О. Каппелевцы // Вестник Первопоходника. – Лос-Анжелес. 1964. № 29. С. 14; Федорович А.А. Генерал В.О. Каппель. – Мельбурн: Издание Русского Дома в Мельбурне, 1967. С. 14.). Место рождения В.О. Каппеля также не установлено с точностью. Если В.О. Вырыпаев и А.А. Федорович указывают город Белев Тульской губернии, то в "Краткой записке о службе младшего офицера 17-го уланского Новомиргородского полка поручика В.О. Каппеля", он указывается как уроженец Петербургской губернии (Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 409. Оп. 2. Д. 33807. Л. 1.).

4 РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 33807. Л. 1.

5 Вырыпаев В.О. Каппелевцы // Вестник Первопоходника. – Лос-Анжелес. 1964. № 29. С. 14.

6 Там же.

7 РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 33807. Л. 1.

8 Там же. Лл. 2, 5.

9 Там же. Л. 1.

10

11 Федорович А.А. Генерал В.О. Каппель. – Мельбурн: Издание Русского Дома в Мельбурне, 1967. С. 18-20.

12 Полностью документ – см. Приложения.

13 РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 33807. Лл. 2, 5. (документ впервые опубликован П. Аптекарем: Аптекарь П. "С бабами и детьми не воевал": Воинский путь генерала Каппеля // Родина. 1997. № 7. С. 57.).

14 Аптекарь П. "С бабами и детьми не воевал": Воинский путь генерала Каппеля // Родина. 1997. № 7. С. 61.

15 Там же. С. 61.

16 РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1453. Л. 5.

17 Аптекарь П. "С бабами и детьми не воевал": Воинский путь генерала Каппеля // Родина. 1997. № 7. С. 61.

18 РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1453. Л. 291.

19 Полностью документ – см. Приложения.

20 Аптекарь П. "С бабами и детьми не воевал": Воинский путь генерала Каппеля // Родина. 1997. № 7. С. 61.

21 Там же. С. 57. В.О. Вырыпаев, а вслед за ним и А.А. Федорович, по всей видимости, ошибались, утверждая, что В.О. Каппель начал войну в должности старшего адъютанта 37-й пехотной дивизии и закончил ее в должности начальника штаба той же дивизии – подтверждения этих данных найти не удалось (Вырыпаев В.О. Каппелевцы // Вестник Первопоходника. – Лос-Анжелес. 1964. № 29. С. 14; Федорович А.А. Генерал В.О. Каппель. – Мельбурн: Издание Русского Дома в Мельбурне, 1967. С. 20.).

22 РГВИА. Ф. 5049. Оп. 1. Д. 237 и др.

23 РГВИА. Ф. 3524. Оп. 1. Д. 141, 143, 145, 146.

24 Полностью документ – см. Приложения.

25 РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2815. Лл. 36-36 об.

26 Федорович А.А. Указ. соч. С. 20-21.

27 Революционное движение в Русской армии. 27 февраля – 24 октября 1917 г. Сб. док. Под ред. Л.С. Гапоненко. – М.: Наука, 1968. С. 361. (РГВИА. Ф. 2067. Оп. 3. Д. 13. Лл. 212-212 об.).

28 Полностью документ – см. Приложения.

29 РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2841. Лл. 111, 143, 167, 197, 226.

30 Каминский В.В. Служил ли В.О. Каппель в красной армии? // История белой Сибири: Тезисы 4-й научной конференции. 6-7 февраля 2001 г. – Кемерово: Кузбассвузиздат. С. 135.

31 Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917-1920 гг. – Москва, 1988. С. 191.

32 Кавтарадзе А.Г. Указ. соч. С. 191; Каминский В.В. Указ. соч. С. 135. (РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 96. Л. 58.).

33 Каминский В.В. Указ. соч. С. 136. (РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 36.).

34 Каминский В.В. Указ. соч. С. 136. (Там же. Л. 57.).

35 Каминский В.В. Указ. соч. С. 136. (Там же. Л. 58.).

36 Каминский В.В. Указ. соч. С. 136. (Там же. Л. 59.).

37 Каминский В.В. Указ. соч. С. 136. (Там же. Л. 77.).

38 Полностью документ – см. Приложения.

39 Петров П.П. От Волги до Тихого океана в рядах белых (1918-1922 гг.). – Рига: Изд-во Дидковского, 1930. С. 244-245. По некоторым данным, В.О. Каппель, Ракитников и некоторые другие военные специалисты даже были арестованы красными за отказ выступить на "внутренний фронт" и приговорены к расстрелу. От расправы их спас только приход частей чехословацкого корпуса (См. "...Витязей смелых создали". Два эпизода из боевой жизни В.О. Каппеля. Собрал В. Андрюхин // Понедельник. № 9. февраль 1993. – Нижний Новгород. Материал предоставлен М.А. Жоховым).

40 Каминский В.В. Указ. соч. С. 137.

41 Воспоминания В.О. Вырыпаева и других участников гражданской войны – см. II-ю часть данной книги.

42 Сахаров К.В. Белая Сибирь (Внутренняя война 1918-1920 гг.). – Мюнхен, 1923. С. 11-12.

43 Федорович А.А. Указ. соч. С. 22-23.

44 В 1964 году переименован в город Тольятти.

45 РГВА. Ф. 39458. Оп. 1. Д. 13. Б/н. (документ впервые опубликован П. Аптекарем:

Аптекарь П. "С бабами и детьми не воевал": Воинский путь генерала Каппеля // Родина. 1997. № 7. С. 58.).

46 РГВА. Ф. 39458. Оп. 1. Д. 5. Л. 30.

47 Полностью документ – см. Приложения.

48 Гинс Г.К. Незабвенный патриот и подвижник. Памяти генерала В.О. Каппеля // Возрождение. 1971. № 232. С. 94.

49 Сахаров К.В. Указ. соч. С. 12.

50 Мартынов Н.А. Национальный герой России и рыцарь Белой мечты: Посвящается светлой памяти генерального штаба генерал-лейтенанту В.О. Каппелю, Волжскому стрелковому генерала Каппеля полку и всем героям славного Ледяного Похода // Нация. Орган Российского фашистского союза – Российского национального фронта. – Харбин. 1939. № 22 (44). 1 августа. С. 5.

51 Гражданская война в СССР. Т. 2. – М., 1986. С. 68, 70.

52 Будберг А. Дневник белогвардейца (Колчаковская эпопея) // Родина. – М., 1990. № 1. С. 30.

53 Гинс Г.К. Адмирал Колчак // Возрождение. – Париж, 1970. № 226. С. 91-92.

54 Вырыпаев В.О. Каппелевцы // Вестник первоходника. – Лос-Анжелес. Февраль 1965. № 41. С. 28.

55 Мартынов Н.А. Указ. соч. С. 4.

56 Федорович А.А. Указ. соч. С. 11-13.

57 Вырыпаев В.О. Указ. соч. № 42. С. 5

58 Мартынов Н.А. Указ. соч. С. 4.

59 Федорович А.А. Указ. соч. С. 114-115.

60 Федорович А.А. Указ. соч. С. 9-10.

61 Этот факт, в частности подтверждается в воспоминаниях ротмистра В.А. Зиновьева. См. II-ю часть данной книги.

62 Мартынов Н.А. Указ. соч. С. 4.

63 Федорович А.А. Указ. соч. С. 20.

Часть II
КАППЕЛЕВЦЫ

Вторая часть книги – "КАППЕЛЕВЦЫ" – охватывает три года гражданской войны на Востоке России и представляет собой взгляд на войну ее непосредственных участников – чинов Самарского отряда, 1-го Волжского корпуса, участников Сибирского Ледяного похода и других свидетелей гражданской войны на Востоке России.

Все помещенные во второй части воспоминания так или иначе связаны с личностью Владимира Оскаровича Каппеля или же подробно описывают действия подчиненных ему частей. Общее для всех них – безусловное внимание к фигуре генерала В.О. Каппеля, его роли в создании белых формирований в Поволжье, ставших в ходе гражданской войны носителями "особого" "каппелевского" духа и "каппелевских" традиций, которые продолжали сохраняться и после гибели их знаменитого командира.

* * *

Объем литературы на тему, которую условно можно обозначить по названию книги как "Каппель и каппелевцы", достаточно обширен. Первые материалы стали выходить в свет уже в 1920-х гг. Но еще в ходе войны были опубликованы первые статьи и воспоминания в прессе, обращающие особое внимание на В.О. Каппеля как талантливого командира и идейного предводителя белых, а также на части, находившиеся под его командованием. И хотя последние не были "каппелевцами" по названию (как корниловцы, марковцы и др. части на Юге России), это имя по праву закрепилось за ними, как за носителями особых "каппелевских" традиций. Это отчетливо видно на примере материалов однодневной газеты Осведфронта "Каппелевцы" 1, вышедшей в октябре 1919 года в Омске i, и брошюры "Генерал-лейтенант Владимир Оскарович Каппель", вышедшей в 1922 году во Владивостоке 2.

Практически все издания 1920-1930-х гг., касающиеся истории Белого движения на Востоке России, так или иначе затрагивают фигуру В.О. Каппеля и подчиненных ему частей. Это касается как общих работ по истории Белого движения в Поволжье и Сибири (А.П. Будберг, П.П. Петров, Г.К. Гинс и др.) 3, так и отдельных статей в периодике Русского зарубежья (Н.А. Мартынов и др.) ii.

Важнейшими источниками для описания жизни и деятельности В.О. Каппеля и "каппелевцев" являются труды многолетней работы близкого соратника Владимира Оскаровича – Василия Осиповича Вырыпаева iii. Первые воспоминания В.О. Вырыпаева были опубликованы еще в 30-х гг. в журнале "Вестник Общества Ветеранов Великой войны" под названием "В.О. Каппель" 4. Они содержат первый обстоятельный рассказ о боевой деятельности Владимира Оскаровича, начиная от его появления в Самаре, заканчивая смертью во время Ледяного похода. При этом, что особенно важно, автор сопровождает повествование собственным мнением о перипетиях гражданской войны, рассказывает о своих впечатлениях. До и после войны эти воспоминания неоднократно печатались в различных изданиях Русского зарубежья. Так, отрывок из них – "Омск в эшелонах" – был опубликован в 1935 году в журнале "Русские в Канаде" 5. Уже после 2-й мировой войны воспоминания увидели свет под названием "Каппелевцы" в австралийской газете "Русская жизнь" в октябре-ноябре 1963 года 6, а затем под тем же названием они были воспроизведены в журнале "Вестник Первопоходника" в 1964-1965 гг. 7 В.О. Вырыпаев работал также и над расширенным вариантом своих воспоминаний,

получивших название "Так было". Главы этой книги увидели свет в 1959 году в "Русской жизни" 8, а в 1974 году они были опубликованы в журнале "Первопоходник" 9.

Несколько отличающейся по своему характеру от предыдущих изданий является книга А.А. Федоровича "Генерал Каппель", изданная в Австралии в 1967 году 10. Построенная главным образом на изложении воспоминаний полковника В.О. Вырыпаева и дополненная некоторым количеством других источников (записки полковника Сверчков и др.), она, тем не менее, не является лишней в ряду вышеупомянутых изданий. Взгляд сквозь время на события гражданской войны, дополненный хорошим литературным изложением материала, делают книгу безусловно значимой вехой в жизнеописании "Капделя и капделевцев". К тому же, биография Владимира Оскаровича впервые увидела свет в отдельном издании.

Отдельный блок о "Капделе и капделевцах" составляют воспоминания о Сибирском Ледяном походе – событии, которое отложилось в воспоминаниях многих участников гражданской войны на Востоке России. Достаточно упомянуть работы И.И. Серебренникова, К.В. Сахарова, Ф.А. Пучкова и многих других. Одно перечисление всех работ, касающихся этого героического эпизода белого дела, могло бы занять немало страниц 11. Безусловно, эта тема заслуживает отдельного издания, которое бы объединило все разрозненные свидетельства об этом эпизоде...

* * *

Тематически вторая часть делится на три отдельных очерка, связанных между собой основным повествованием полковника В.О. Вырыпаева.

Хронологически работа Вырыпаева разбита на три части и охватывает важнейшие периоды гражданской войны на Востоке. Первый из них касается становления антибольшевицкого сопротивления в Поволжье ("В Поволжской Народной армии. 1918 год"), второй – действий 1-го Волжского корпуса в составе Сибирской армии ("В рядах армии Верховного правителя. 1919 год"), и третий – охватывает один из наиболее трагических и героических эпизодов белой борьбы на Востоке России – Сибирский Ледяной поход ("Сибирский Ледяной поход. 1920 год").

Воспоминания полковника В.О. Вырыпаева приводятся по тексту последнего их издания в журналах "Вестник Первопоходника" и "Первопоходник".

Тексты очерков приведены в соответствие с современными нормами орфографии и пунктуации, вместе с тем, максимально сохранены особенности авторского стиля. Фрагменты воспоминаний приводятся без сокращений, имеющих в первоисточниках.

В ПОВОЛЖСКОЙ НАРОДНОЙ АРМИИ

1918 год

Первый очерк второй части книги – "В Поволжской Народной армии" – охватывает начальный этап гражданской войны на Востоке России – период зарождения и становления антибольшевицкого сопротивления в Поволжье и Сибири.

Его начало приходится на весну-лето 1918 года, когда 8 июня Пензенская группа восставшего Чехословацкого корпуса овладела Самарой. В городе образовалось правительство Комитета членов Учредительного собрания, приступившее к строительству собственных вооруженных сил – Народной армии.

Уже 9 июня была сформирована дружина во главе с подполковником В.О. Каппелем, которая в тот же день выступила в направлении Сызрани, где сосредоточились разбитые силы противника. 11 июня внезапным ударом дружине удалось овладеть городом. 12 июня дружина вернулась в Самару, откуда по Волге была переброшена в район Ставрополя Волжского, имея задачей овладение городом и прилегающими селами. Успешно справившись с ней 10 июля, Каппель дал новое сражение под Сызранью, за которым последовало освобождение Бугуруслана и Бузулука. Разгром у станции Мелекес отбросил противника к Симбирску, окончательно обезопасив Самару.

4 июля в результате боя под Липягами Пензенской группой была занята Уфа. Вместе с образованными здесь русскими частями она развернула дальнейшее наступление по Белебеевскому тракту в направлении на Стерлитамак и по Волго-Бугульминской железной дороге на Бирск и Бугульму. Формируемые в Сызранском районе войска получили задачу наступать в направлении Самара – Пенза. 14 июля последовало освобождение Хвалынска, а следом за ним – Вольска. К началу июля в северном направлении войсками Народной армии контролировался весь левый берег Волги вплоть до Сенгилея, в направлении на юг – берег Волги до Хвалынска и Вольска. В Приуралье постепенно очищался район между Уфой и Оренбургом. Пензенская группа обеспечивала прикрытие Сызрань-Самарского и Уфимского районов. 17 июля командование принимает решение о развитии операции в направлении Симбирска, который уже 21 июля был занят внезапным фланговым маневром сводной группы В.О. Каппеля.

В дальнейшем операции Народной армии продолжают развиваться в двух направлениях. Первое – от Сызрани на Вольск и Пензу, от Симбирска на Инзу и Алатырь и второе – по обоим берегам Волги к устью Камы. План развития кампании на Волге, разработанный военно-политическим руководством Комуча, предполагал нанесение основного удара на юго-западе в направлении на Саратов. На севере предполагалось ограничиться обороной на линии Ставрополь – Симбирск; на юге – обороной под Николаевском. Группе Каппеля ставилась задачей обеспечение Симбирска путем занятия устья Камы и организации береговой обороны. В конце июля наступавшие вверх по Волге отряды были сведены в Северную группу (полковника А.П. Степанова), которая вела бои в районе Богородск – Буинск – Симбирск. Двигавшиеся вниз по Волге объединялись в Южную группу (полковника Ф.Е. Махина 12); действовавшие по линии против Инзы – Пензы – в Центральную группу (полковника А.С. Бакича).

Исходя из того, что в результате контратаки противника под Николаевском части Южной группы вынуждены были в районе Сызрани и Хвалынска перейти к обороне, план полевого командования, разработанный на совещании в Симбирске 27 июля, предусматривал перенос главного удара на Казань – Нижний Новгород и далее на Москву. 1 августа начинается наступление вдоль обоих берегов Волги. 3 августа были заняты Буинск и Спасск. 4 августа развернутый в бригаду отряд Каппеля вышел к устью Камы. В ожесточенных двухдневных боях 7 августа он овладел Казанью, после чего 9 августа был отозван под Симбирск, где положение стало резко ухудшаться. В

тяжелых боях с 14 по 17 августа противник был разбит и вынужден отойти на 80 верст западнее к Инзе. Едва Каппель начинает преследование, как получает приказ срочно вернуться в район Казани. Новый план командования предполагал нанесение удара на правом берегу Волги по Свияжску, высадив с этой целью десант в районе Нижнего Услона. В случае успеха следовало продолжить наступление на запад в направлении на Нижний Новгород (порядка 170 верст от Казани) и далее на Москву (300 верст). 27 августа ударная группа выступила из Казани и овладела Свияжском. Несмотря на первоначальный успех, в первых числах сентября операцию пришлось срочно сворачивать. Подавляющее превосходство противника в силах заставило Каппеля отойти обратно к Нижнему Услону, откуда после упорной четырехдневной обороны последовал новый перевод в Симбирск.

20 августа действующие войска Народной армии были сведены в Поволжский фронт (Командующий – полковник С. Чечек), разделявшийся на Казанскую, Симбирскую, Сызранскую, Хвалынскую, Николаевскую и Уфимскую группы. После провала мобилизации, к началу сентября наступательный порыв окончательно выдыхается. Северная группа останавливается под Свияжском, Южная – под Николаевском. 5 сентября с началом общего наступления противника основные бои разворачиваются вокруг Казани и прилегающих районов. В условиях четырехкратного превосходства врага дать серьезного сражения не удалось. 11 сентября под натиском с трех сторон Казань была оставлена. Отступление проводилось двумя колоннами: левой (Южной) – в направлении на Лаишев, и правой (Восточной) – на Мензелинск, что ставило под удар Симбирск. Атаковав 9 сентября в районе Буинска, противник уже к 11 сентября сумел отбить все контратаки и перерезал железную дорогу Симбирск – Казань и тракт Сызрань – Симбирск, прижав оборонявшихся к Волге. 12 сентября город пал: попытки подошедшей от Казани бригады Каппеля в период с 18 по 24 сентября вернуть его успехом не увенчались. Примкнув к отступающим, Каппель объединил наличные силы, рассчитывая закрепиться в районе Ставрополя Волжского. Постоянное давление заставило его продолжить отход в направлении на Мелекес, имея задачей выход в район Бугульма – Уфа и соединение с Казанской группой, состоявшееся 24 сентября на станции Нурлат.

Поражение на северном направлении привело к резкому ухудшению ситуации на юге. Несмотря на судорожные попытки остановить наступление противника, 12 сентября был оставлен Вольск, за которым последовал Хвалынск. Войска начали стягиваться в район Сызрани – Самары, оказавшийся под ударом одновременно с трех сторон. Наступление в направлении Сызрани было начато уже 14 сентября. К 27 сентября оборонявшаяся здесь группа Бакича откатилась на подступы к городу. Угроза потери железной дороги Самара – Сызрань и полного окружения вынудила части Народной армии 3 октября оставить Сызрань и в беспорядке отойти к Самаре, эвакуированной 7 октября. Отступление производилось двумя колоннами. Основные силы двигались вдоль Самаро-Златоустовской железной дороги в направлении на Бугуруслан и далее на Уфу, в середине октября в районе станции Чишма примкнув к остальным войскам Народной армии. Колонна Бакича и Махина отделилась в направлении на Бузулук и далее на Оренбург.

С переходом 23 сентября власти к Временному Всероссийскому правительству (Директории) 9 октября Верховным главнокомандующим генералом В.Г. Болдыревым был принят новый стратегический план. Предполагалось, перегруппировав имеющиеся силы Народной и Сибирской армий, стабилизировать фронт и нанести главный удар через Пермь, Вятку и Вологду с целью соединения с войсками Северной области и проведения последующих совместных действий в

направлении на Москву, при одновременном сдерживании противника в Поволжье. К началу октября наступление противника четко обозначило четыре главных направления: Саратов – Уральск, Сызрань – Самара, Казань – Бугульма, Пермь – Екатеринбург. Исходя из этого, войска образованного 12 октября Западного фронта (главнокомандующий – генерал Я. Сыровы) были разделены на оперативные фронты: Северо-Уральский – на Екатеринбургском направлении (Екатеринбургская армейская группа генерала Р. Гайды), Камско-Бийский – на направлении Мензелинск – Бирск (Камская армейская группа генерала С.Н. Люпова) и Самаро-Уфимский – на направлении Уфа – Златоуст (Самарская армейская группа генерала С.Н. Войцеховского); к последнему примыкал Южный фронт (Южная армейская группа генерала А.И. Дутова). К середине ноября 1918 г. оперативная обстановка относительно стабилизировалась. Линия фронта протяженностью 850 верст на северном участке проходила восточнее Перми и Кунгура, на среднем – между Уфой и Бугульмой, на южном – западнее Оренбурга и Уральска. Екатеринбургская группа на Пермском направлении разворачивала успешное наступление. Самарская группа производила перегруппировку с целью остановить противника на Бугульминском направлении встречным ударом. Камская группа своими действиями обеспечивала развитие операций на севере.

* * *

Очерк "В Поволжской Народной армии" печатается по воспоминаниям полковника В.О. Вырыпаева "В.О. Каппель" ("Каппелевцы") опубликованным в журналах "Вестник общества ветеранов Великой войны" и "Вестник Первопоходника" (с незначительными редакторскими отличиями), отдельным главам книги "Так было" (также опубликованных на страницах журнала "Вестник Первопоходника") и впервые публикуемым фрагментам воспоминаний генерала С.А. Щепихина (ГА РФ. Ф. 6605. Оп. 1. Д. 8. Лл. 8-45) и ротмистра В.А. Зиновьева (ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 359. Лл. 1-39), хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации.

В.О. ВЫРЫПАЕВ 13

КАППЕЛЕВЦЫ 14

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Многим приходилось слышать о каппелевцах, многие знают, что каппелевцы в конце 1919 и в начале 1920 года совершили небывалый в истории Ледяной поход, в страшную стужу преодолевая снежные ураганы и метели, поливая своею кровью и усеивая трупами всю дорогу, начиная от Волги по необъятным просторам приуральских степей, через горы Урала, прокладывая себе дорогу в глубоких снегах непроходимой сибирской тайги, через трескучий лед сурового Байкала и через неприветливое зимой Забайкалье.

Уйдя в Приморье и, наконец, не выдержав напора во много раз превосходившего их численностью врага, каппелевцы покинули пределы Родины, рассеявшись по всему земному шару, разбитые, но не побежденные, потому что они верят в свое правое дело и ни одной минуты не сомневаются, что пройдут годы и, может быть, десятки

лет – русский кошмар кончится, и Россия снова будет процветать, заняв надлежащее место среди других стран.

Своими воспоминаниями я хочу, насколько смогу, осветить сущность каппелевской борьбы и ту глубокую веру в Россию, вложенную в сердца каппелевцев их вождем, которая выражена в простых словах несложной русской солдатской песенки:

Когда наш Каппель умирал,

Любить Россию он завещал.

Эти скромные воспоминания посвящаются его незабвенной памяти.

Наш знаменитый профессор-историк генерал Н.Н. Головин незадолго перед смертью Великого Князя Николая Николаевича спросил его:

"А как писать о России?" Великий Князь ответил: "Россия может освободиться только тогда, когда мы о ней будем говорить правду, одну лишь правду!".

Как рядовой участник белой борьбы, в своих кратких воспоминаниях я буду точно держаться этого завета – буду писать правду, как бы горька она подчас ни была.

Автор

В САМАРЕ ДО ПРИХОДА ЧЕХОСЛОВАКОВ

В начале 1918 года в Самаре было самое неопределенное положение. Благодаря умеренности председателя революционного трибунала (Куйбышева), большевики держали себя довольно скромно, если не считать некоторых реквизиций и того, что наиболее видные представители самарской буржуазии за невнесение возложенной на них денежной контрибуции попали тюрьму. Правда, посидели они недолго, неделю с небольшим, потом, поторговавшись до сходной суммы, уплатили ее, и были выпущены до следующего заключения и следующей контрибуции.

Этот факт взыскания контрибуции был, конечно, неприятен, но затрагивал лишь незначительный круг населения. Однако на митингах ультралевыми ораторами произносились уже довольно смелые выкрики о всемирной революции, о пожертвовании всей страной ради 3-го Интернационала, о классовой борьбе и т.п.

А одна наиболее ретивая большевичка, товарищ Коган, настойчиво рекомендовала сейчас же начать классовую войну. Для этого она предлагала организовать небольшие, хорошо вооруженные отряды по 12-15 красногвардейцев. Эти отряды, наметив себе буржуазные дома, должны были делать ночные налеты и истреблять всех, живущих в этих домах, включительно до грудных младенцев. По ее глубокому убеждению, ребенка буржуазных родителей перевоспитать невозможно: все равно, рано или поздно, буржуазная кровь скажется.

Председатель революционного трибунала товарищ Куйбышев, тот самый, чьим именем теперь город Самара называется, возразил ей:

- Хорошо, сегодня в ночь мы истребим таким образом жителей в 10-15 домах, а завтра

тысячи таких домов восстанут против нас...

От подобных угрожающих выкриков, как Коган, а также от доносившихся ото всюду слухов о большевицких бесчинствах и произволе, большинство жителей в Самаре как-то притихло и попряталось по своим норам. Многие избегали посещать такие митинги.

Но, как было всегда и раньше, при всяких правительствах и во все времена, ко всему чуткая, особенно к справедливости, и мыслящая молодежь не могла остаться безучастной, она готова была пожертвовать своими жизнями за правду. Эта молодежь, хотя и продолжала посещать митинги, но на большевиков стала смотреть недоверчиво, а потом и враждебно. Отвернувшись от них, молодежь стала собираться в группы. Эти группы, правда, сначала очень осторожно, в своем кругу, начали критиковать действия большевиков и потом ушли "в подполье".

За несколько дней перед новым 1918 годом я приехал с германского фронта в свой очередной отпуск, да так и задержался. Устав от фронтовой жизни и еще не войдя в жизненную колею тыла, я старался держаться в стороне от политики.

Занятый своими личными хлопотами, я мало с кем из молодежи виделся первое время. Но примерно в феврале месяце меня однажды пригласили к себе ученики последнего класса коммерческого училища, в котором я учился семь лет тому назад. Они мне объяснили, что в городе существует противобольшевицкая организация, состоящая в большинстве из учащейся молодежи, а также из прапорщиков и подпоручиков (военного времени). Во главе организации стоит подполковник артиллерии Галкин. Они просили и меня вступить в организацию и помочь им. Галкину обо мне они уже говорили, и он будет рад меня видеть.

Занятый волокитой в Совете народного хозяйства, я не спешил увидеться с Галкиным. Но узнал, что в Самаре в это время было около 5000 офицеров, и в эту организацию почти никто из них не входил. Из рассказов близко стоявших к Галкину членов организации можно было понять, что кроме учащейся молодежи, насчитывающей более сотни человек, в эту же организацию входят эсеровские дружины и что общая цель, поставленная организацией после свержения большевиков – созыв Всероссийского Учредительного собрания.

Было заметно, что, несмотря на малочисленность организации, участники ее полны были резким недовольством и ненавистью к большевикам. Но все же силы в организации еще не чувствовалось.

У организации имелись довольно точные сведения о местонахождении оружия у большевиков и о числе красногвардейцев. Налицо же у них пока было всего десятка полтора револьверов, наивно спрятанных за висевшими на стенах картинами в Яхт-клубе; часть оружия хранилась кое у кого на руках. Между прочим, у меня было 4 нагана, залитых растопленным салом и зарытых в землю под парниками на даче. Над ними великолепно выращивались зимой огурцы.

Эсеры имели довольно приличную связь с чехами, шедшими эшелонами через Пензу на Сызрань. И вот на чехов-то и была возложена вся надежда, ибо каждый знал, что самостоятельно выступить против большевиков организация не могла. Чехи радовали: они уже проходили Сызрань, и скоро начались бои под Самарой.

Пришедший ходок сообщил, что чехи 6-го июня решили атаковать Самару.

В ночь на 6 июня, группами по 15-20 человек, имея связь между собою, организация была собрана в нескольких пунктах города. Тянулась томительная ночь ожидания, а чехи не приходили.

Высланные из Самары отряды красногвардейцев в 10 верстах на подступах к городу понесли большие потери, вернее – полное поражение. Побросав все с себя, включая и оружие, красногвардейцы, не дожидаясь перевоза, переправились через реку Самарку и разбежались по городу. И все же чехов еще не было...

Отданное Галкиным накануне распоряжение быть готовыми, но до прихода чехов ничем себя не обнаруживать, было, к счастью, выполнено; большевиками, которым было не до организации, она (организация – ред.) не была замечена.

Противобольшевицкая организация в Самаре была сконструирована по системе десятков, то есть знали друг друга только в своем десятке. Десятники знали других десятников, но часто не знали рядовых из состава не своего десятка, и так далее.

Старших и опытных офицеров в организации почти совсем не было, поэтому полковнику Галкину нужно было быть особенно осторожным и предусмотреть многое. Общих собраний, даже для всех десятников, не бывало: собирались небольшими группами в разных местах, десятники сами ходили к Галкину или же посылали, своего представителя в штаб-квартиру за получением директив.

Места для встреч десятников каждый раз менялись из предосторожности. Излюбленными местами для сбора десятников и членов организации были: самарский Яхт-клуб, две (в разных местах) студенческие чайные, сад кафедрального собора и др. В этих местах по вечерам собирались студенты и учащаяся молодежь петь песни. Там же незаметно собиравшиеся участники противобольшевицкой организации обменивались новостями и разной информацией.

Как бы общим паролем для всех членов организации была популярная в то время игривая песенка "Шарабан". И когда появлялся какой-нибудь новый человек среди членов организации, то не знавшие его спрашивали своих людей: "Кто?". И если получался ответ: "Он шарабанщик" – это значило: "свой".

Песенка "Шарабан" впоследствии играла большую роль в жизни Народной армии и охотно распевалась во всяких случаях жизни бойцов. Распевая "Шарабан", наша пехота часто шла в атаку на красных, во главе с Бузковым (Борисом), который был ранен в гражданскую войну шесть раз.

Под деревней Беклемишево (под Казанью), ведя свою пехоту под звуки "Шарабана" в атаку на красных, Бузков был ранен в правую руку навывлет и, перехватив револьвер левой рукой, он под тот же "Шарабан" продолжал идти на красных. Ближайший солдат на ходу сделал ему перевязку. Скоро другая пуля пробила ему плечо. Бузкова положили на носилки, перевязали и, истекающего кровью, понесли в тыл. Но он, не переставая, вполголоса продолжал напевать все тот же "Шарабан".

Вследствие малочисленности и неопытности участников организации, о самостоятельном выступлении до прихода чехов думать не приходилось. Слухи же об успехах чехов все крепили и крепили. Уже слышалась отдаленная орудийная стрельба

между ними и красногвардейцами под Самарой у станции Липяги (17 верст на запад от Самары). Большевики отправляли навстречу чехам эшелон за эшеленом.

Состоявший в противобольшевицкой организации видный эсер Б.К. Фортунатов, член Учредительного собрания (впоследствии – член военного штаба от Самарского правительства), закладывал под полотно железной дороги, близ моста через реку Самарку, фугасы и простым аккумулятором, соединенным стосаженным проводом (из ближайшей ямы), с демоническим хладнокровием взорвал фугасы под поездом с красногвардейцами, шедшим из Самары против чехов. При этом после взрыва Фортунатов совершенно спокойно, чуть ли не по самому проводу, подходил к месту взрыва.

ЧЕХИ ПОД САМАРОЙ

7-го июня пришедший ходок от чехов сообщил Галкину, что они действительно намеревались овладеть городом 6-го июня, но вынуждены изменить свой план и оттянуть часть своих войск на запад за Сызрань против наседавших на них арьергардов красных, оставив на самарском направлении небольшие заставы. Положение оказалось очень неопределенным, и штаб-квартира Галкина сообщила: ввиду неясности положения, противобольшевицкой организации быть готовой к выступлению.

А к вечеру 7-го июня почувствовалось как будто оживление со стороны чехов. Хлебную площадь и набережную реки Самарки чехи начали обстреливать из трехдюймового орудия.

В это время я должен был по своим личным делам явиться в Совет народного хозяйства за получением денег за реквизированные машины с кирпичных заводов моего отца. Дожидаясь ассигновки, я от скуки разговаривал с разными чиновниками. Волокита тянулась довольно долго, и многие из служащих отдела меня уже знали.

После первых чешских орудийных выстрелов (около 3 часов дня) среди комиссаров и служащих поднялась паника. Но так как стрельба велась одиночными выстрелами, и снаряды рвались в расстоянии двух верст на другом конце города, то через некоторое время паника утихла, и некоторые остались (для вида) за своими столами.

Из соседней комнаты вышел комиссар внутренних дел – фамилии его теперь не помню (вроде Фогель). Мы с ним были знакомы, и за несколько недель перед этим он уговаривал меня принять должность инструктора артиллерии и заниматься четыре часа в неделю с красногвардейцами на очень выгодных условиях.

Тогда же он наедине доказывал, что я был не прав, отказываясь от этого предложения "даже как белый", добавил он. Он отлично знал, что коммунистам я никак не мог сочувствовать. Но он настаивал, говоря:

- У нас, у большевиков, нет работников на ответственных должностях. Мы часто ставим или людей не знающих своего дела, или же преступников. И если бы вы, белые, пошли к нам, то, очень возможно, большевики, среди которых 90% неинтеллигентных, растворились бы в опыте и знании белой интеллигенции. Но вы отвернулись от нас и предоставили нас самим себе.

Встревоженный обстрелам города, он прямо задал мне такой вопрос:

- Вы, как специалист, скажите, пожалуйста, с какого расстояния стреляют чехи?

Я ответил, что это трудно определить, но надо полагать, что не более, как с 5-6-верстной дистанции. Слышавшие за ближайшими столами наш разговор сразу насторожились, а потом поспешно начали складывать свои бумаги и исчезать.

Меня вскоре пригласили в кабинет Куйбышева. Не глядя на меня, он подал мне только что подписанную им ассигновку и сказал:

- Предъявите кассиру, и он выдаст вам причитающуюся сумму!

Не веря своим глазам, я отправился к кассиру, но тот уже уехал.

Я позвонил ему по телефону на дом; ответили, что он только что вышел неизвестно куда. Я вернулся к Куйбышеву, Он нервно объяснил мне, что сейчас сделать ничего нельзя:

- Прийдите завтра в 9 часов утра.

ЧЕХИ В САМАРЕ

В эту ночь (на 8 июня) у большевиков началась истеричная паника. По улицам во всех направлениях, без всякого освещения сновали грузовики с каким-то имуществом, большая часть уходила на север, часть грузилась на стоявшие под парами пароходы, которые, не задерживаясь, шли вверх по Волге.

После небольшой перестрелки на железнодорожном мосту через реку Самарку чехи внезапно появились в городе на рассвете 8-го июня 1918 года.

Красные почти не оказывали сопротивления: убегали по улицам или прятались по дворам. Жители, высыпавшие из домов, выволакивали красных и передавали чехам с разными пояснениями. Некоторых чехи тут же пристреливали, предварительно приказав: "Беги!".

Десятка полтора чекистов во второй полицейской части на Саратовской улице оказали чехам упорное сопротивление. Чекисты, укрывшись в кирпичном здании, отлично отстреливались от чехов, атакующих их с улиц Льва Толстого и Предтеченской. На углу улиц Л. Толстого и Саратовской, около цирка Олимп чекистами были убиты два чеха. Ведя отчаянную стрельбу из ружей и одного пулемета, красные продержались около часа; потом, бросив оружие, хотели бежать через задние ворота на Дворянскую улицу, но обошедшие их чехи всех их перестреляли.

РАБОТА ОРГАНИЗАЦИИ

Членами противобольшевицкой организации были вскоре заняты наиболее важные пункты в городе. Я с частью своих людей занял артиллерийские склады. У орудий не было замков. Случайно где-то нашелся один замок к трехдюймовому орудью. Со

мною было 11 человек (моего десятка). С помощью обывателей, общими усилиями мы выкатили на всякий случай это одно орудие на Сапекинское шоссе. Вокруг собралась толпа обывателей. Вид у большинства их был празднично-ликующий и все-таки немного тревожный, так как кто-то пустил слух, что большевики на бронированных автомобилях идут обратно на Самару.

Чтобы успокоить взволнованных людей, я навел орудие на ближайшую возвышенность шоссе, до которой было 1,5-2 версты. Своим молодым артиллеристам я объяснил, кому и как нужно было действовать во время стрельбы. Зарядный ящик, полный снарядов, был при помощи обывателей подтянут к орудию.

Было очень рано, но часам к семи утра ко мне начали прибывать и другие члены моей группы, которых я направил занять (верстах в двух) казармы бывшего 5-го конно-артиллерийского дивизиона, что около трубочного завода. В казармах у красных было отделение Совета народного хозяйства, с забытыми в конюшнях лошадьми, более сотни.

Высланный в штаб-квартиру за директивами Галкин ничего определенного не мог сказать, кроме того, что "сейчас формируется правительство". Вскоре я перебрался со своим орудием с Сапекинского шоссе в конно-артиллерийские казармы. Разослал, куда можно, своих людей для направления желающих вступить в наши отряды.

Случайно мои артиллеристы нашли еще одно орудие и склады с амуницией, сбруей и обмундированием, так что после лихорадочно спешной пригонки у нас уже были готовы два орудия с зарядными ящиками, полный комплект орудийной прислуги и небольшая команда разведчиков.

НОВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

Часов в 10 утра я поехал в город разыскивать Галкина. По дороге заехал к бывшему в начале войны начальником 5-го конно-артиллерийского дивизиона генералу Миловичу, который перед революцией уже командовал кавалерийской дивизией. Я служил прежде под его начальством. Я просил Миловича помочь нам своим знанием и опытом в такой важный момент. Он оказался совсем не в курсе событий и по поводу происходящего высказал самое пессимистическое мнение, ответив мне:

- Из вашей затеи ничего не выйдет!

В женской гимназии (Межак) уже состоялось совещание правительства (без участия отцов города), состоявшего из находившихся в Самаре членов Всероссийского Учредительного собрания (Богомолова, Брушвита, Фортунатова, Чернова, Вольского, Климушкина и других). Для заведования военной частью был составлен штаб во главе с подполковником Галкиным, которого в шутку называли военным министром. К штабу, как бы для контроля, были приданы два члена Учредительного собрания. Но все члены правительства были совершенно не в курсе существующей обстановки.

И все-таки к 12 часам дня (8-го июня) повсюду уже расклеивались воззвания нового правительства с приглашением записываться добровольцами в Народную армию; в здании женской гимназии (Межак) были объявления по отделам и родам оружия. Коридоры гимназии были заполнены молодежью.

Пройдя к заведующему артиллерией генерал-майору Клоченко, я нашел некоторых знакомых, среди которых были соратники по минувшей войне.

Генерал Клоченко объявил меня командиром 1-й отдельной конно-артиллерийской батареи Народной армии и просмотрел список моих ста добровольцев, из которых конно-артиллеристов было пять. Остальные же из записавшихся принадлежали ко всем родам оружия в бывшей Российской армии: были авиаторы, моряки, саперы и др., а больше – зеленая учащаяся молодежь. Но было несколько человек чинами старше меня, отчего я чувствовал себя до некоторой степени неловко.

Не задерживаясь, я уехал в казармы. Назначил командный состав, и было приступлено к разбивке орудийной прислуги, оказавшейся в большинстве <своем> из учащейся молодежи, не имеющей понятия об артиллерии. Была выделена команда разведчиков в 25 человек, состоявшая, главным образом, из студентов и прапорщиков военного времени. Об этом по телефону я доложил генералу Клоченко, который приказал мне как можно скорее прибыть в город, к штабу Народной армии.

Пришлось немного повозиться с необъезженными в групповой запряжке конями, часть которых недавно была реквизирована большевиками у местной буржуазии. И в пять часов два орудия и два зарядных ящика с полным количеством номеров (артиллерийская прислуга) и с усиленной командой разведчиков стройно шли по главным улицам города.

Конечно, опытный глаз не мог бы не заметить множества недостатков, которые были в конно-артиллерийском взводе, подошедшем к штабу Народной армии. Но тогда мало кто о недостатках думал. Вышедший на улицу генерал Клоченко и многие чины штаба армии буквально ликовали при виде войсковой части новой русской армии. Ликовала, как мне тогда показалось, и толпа, и все отдельные люди, шедшие навстречу идущей батарее, песенники которой стройно пели:

Вспоили вы нас и вскормили,

Отчизны родные поля.

И мы беззаветно любили

Тебя, святой Руси земля...

Нам приветливо кланялись, махали платками, дружелюбно улыбались совершенно незнакомые люди. Эти приветствия, восторженные улыбки и дружелюбные взгляды тогда в нас, молодых и неопытных, укрепляли веру в наше правое дело, и все мы не задумывались отдать свои жизни за спасение Родины.

Вечером того же дня было назначено общее собрание, которое ничего определенного не выяснило, за неимением каких-нибудь приблизительных данных. Все собравшиеся, может быть, помимо воли и желания, стали перед актом свержения советской власти и сознавали, что теперь, угодно или не угодно, нужно было действовать. А часть не в меру энергичных людей, охваченных паникой, подались в Сибирь. И были такие, которые направились в сторону Саратова.

У чехов было очень непрочное положение в арьергарде. Красные энергично их преследовали.

Самарское (новое) правительство просило их задержаться в Самаре. Чехи обещали и за это потребовали немедленно выслать помощь их арьергардам в сторону Сызрани (о том, как было исполнено это требование, я писал в "Русской Жизни" 14 декабря 1961 года в статье "Владимир Оскарович Каппель").

В тот же вечер состоялось собрание офицеров Генерального штаба, на котором обсуждался вопрос, кому возглавить добровольческие воинские части. Желающих не находилось. Решено было бросить жребий. Тогда попросил слова скромный на вид и мало кому известный, недавно прибывший в Самару в составе штаба Поволжского фронта офицер.

- Раз нет желающих, то временно, пока не найдется старший, разрешите мне повести части против большевиков!

Это был подполковник Владимир Оскарович Каппель.

Владимир Оскарович Каппель происходил из семьи героев. Его отец, Оскар Павлович, был награжден орденом Святого Георгия за подвиг во время взятия Геок-Тепе в отряде генерала Скобелева. Его дед со стороны матери – севастопольский герой и георгиевский кавалер.

Владимир Оскарович родился в 1881 году в городе Белеве Тульской губернии. По окончании 2-го кадетского корпуса в Санкт-Петербурге и Николаевского кавалерийского училища, в 1900 году В.О. Каппель вышел в 16-й уланский Ново-Миргородский полк. По окончании Николаевской военной академии германскую войну В.О. Каппель начал в чине капитана Генерального штаба, старшим адъютантом штаба 37-й пехотной дивизии.

Во время развала германского фронта Владимир Оскарович в чине подполковника был заброшен судьбой в Самару за несколько недель до свержения большевиков. С этого времени начинается боевая слава Каппеля как бесстрашного героя, мудрого стратега и любимого солдатскими массами вождя.

СЫЗРАНЬ

Не доходя 14 верст до Сызрани, на станции Батраки отряд под командой Каппеля вынужден был выгрузиться, так как чехи только что оставили город.

Каппель созвал начальников отдельных частей на совещание. Обрисовал обстановку и общую задачу и точно, до мельчайших подробностей, рассказал задачу каждому начальнику отдельной части, объяснив предположительно обстановку у красных и состояние их тылов.

По плану Каппеля, завтра в 5 часов утра главные силы, около 250 штыков, атакуют город в лоб. Выделенной конной группе, то есть мне с двумя орудиями под прикрытием Стафиевского (45 сабель), сделать глубокий обход города с севера, с таким расчетом, чтобы завтра ровно в 5 часов утра обстрелять возможно энергичнее эшелоны красных, по чешской разведке находившиеся на станции Заборовка, в 18 верстах западнее Сызрани. И, не задерживаясь, направиться по шоссе, вдоль линии железной дороги, на Сызрань. По пути взорвать в двух-трех местах железнодорожное полотно.

Задача, полученная мною, на первых порах показалась трудной, почти невыполнимой. Но когда Каппель намечал маршрут для меня и возможные встречи на моем пути и что приблизительно мы должны делать в том или ином случае – эта же задача оказалась простой и легкой, так как стало совершенно понятно, что у красных там ничего не было, так же, как и у нас. И для нас этот глубокий обход не представлял большого риска, то есть был точным математическим расчетом нашего начальника.

Недолго думая, мы направились в обход, так как день близился к вечеру. Пройдя ускоренным аллюром это расстояние, в 4 часа утра мы были в деревушке в двух верстах от станции Заборовка, сделав небольшой привал.

СТАНЦИЯ ЗАБОРОВКА

Немногие проснувшиеся жители деревни с большим недоумением смотрели на нас, как будто мы свалились с неба. И, конечно, они никак не могли догадаться, кто мы такие. Все одетые в защитный цвет, мы не имели никаких погон и никаких отличий, кроме небольшой белой повязки на левой руке.

Вернувшись от станции Заборовка разведчики доложили, что там стоят два красных эшелона и три товарных, груженные красногвардейцами.

Ровно в 5 часов утра станция Заборовка была, как приказал Каппель, обстреляна семью десятками снарядов (шрапнелью и гранатами) с предельной скоростью, после чего, взявши орудия на передки, мы спокойно, манежной рысью направились по шоссе вдоль железнодорожного полотна на город Сызрань. Сзади нас над станцией Заборовка стоял черный дым от пожара – наши снаряды подожгли цистерны с нефтью или керосином.

Примерно через 2 часа мы входили в город Сызрань. Нашим глазам представилась картина только что оконченного уличного боя. На улицах валялись убитые красногвардейцы, разбитые повозки, сломанные полевые кухни и другое разбросанное военное имущество. Около одного дома под сложенным строевым лесом нашли спрятавшегося раненого в бедро мадьяра. Их оказалось среди красных немало.

Как мы узнали позже, утром красные очень упорно защищали город, но когда к ним пришли сведения об обстреле их тыла – станции Заборовка, они поспешно очистили город, проклиная своих комиссаров. В панике они бежали в сторону Пензы, бросив свои позиции с орудиями, пулеметами и другим военным добром, оставив в городе нетронутыми военные склады.

Поспешно из товарных платформ и вагонов был организован броневик, который преследовал бежавших красных до города Кузнецка.

В 12 часов дня в городе был произведен парад Народной армии. Население, заполнившее улицы города, по которым двигались войска, при общем дружном ликовании угощало своих освободителей разными прохладительными напитками, сладостями и буквально засыпало их цветами. Позднее все чины Народной армии были приглашены сызранцами на обед, на котором радушные хозяева не поскупились в

своим хлебосольством.

Эта первая операция молодого отряда под командой Каппеля была головокружительной по своему успеху и прошла с пунктуальной точностью даже в самых мелочах, согласно распоряжениям Каппеля. За всю операцию было потеряно убитыми лишь 4 человека, тогда как потери красных были громадны.

Эта победа дала как бы толчок для дальнейших действий и вселила в бойцов не только глубокое доверие к их начальнику, но и преклонение перед его знанием военного дела и ясным пониманием атмосферы и духа гражданской войны.

В отряд стали поступать новые добровольцы. А захваченное военное имущество дало возможность формировать новые и пополнять существующие части. Тогда я получил новые орудия и все, что нужно для четырехорудийной батареи. Свои два старых орудия я потом подарил симбирцам.

Мне тогда рассказывали, что когда я отправился в обход Сызрани, оттуда пришел лет тринадцати подросток в бойскаутской форме. Он подробно рассказал, как красные заняли город, разгромив винный склад, перепились и группами разгуливали по городу, расстреливая не понравившихся им обывателей тут же на улице, и вообще бесчинствовали. Эти сведения очень помогли главным силам при занятии города.

После однодневного отдыха, согласно требования из Самары, мы готовы были к отправке. Родители привели к нам бойскаута (о котором рассказано выше), прося взять его с собой, так как они не были уверены, что местные формирования смогут справиться с наступлением красных после нашего ухода. И, конечно, когда они придут, то его расстреляют, потому что соседи видели и знают, как он нам помогал.

Потом Каппель предложил мне взять этого юношу. Я был бы рад его взять, но ему нечего было делать у меня в батарее, так как он самостоятельно не смог бы седлать коня и даже поднять седло. Потом решили прикомандировать его к бронепоезду, с которым он провел всю гражданскую войну, а теперь благополучно проживает среди нас в Сан-Франциско...

ВВЕРХ ПО ВОЛГЕ

Прибыв из Сызрани в Самару, отряд Каппеля прямо из вагонов был погружен на товаропассажирский пароход "Мефодий" и немедленно отправился вверх по Волге, в район города Ставрополя. Этот город и близлежащие деревни были заняты красными. По данным разведки, красные располагали большим количеством пулеметов и сильной артиллерией.

Не доходя верст 15 до Ставрополя, пароход "Мефодий" пристал к крутому левому берегу, на котором быстро были построены мостки, и по ним спешно выгружались бойцы, а орудия и зарядные ящики выкатывались на руках.

Из ближайшей деревни пригнали нужное количество крестьянских подвод для нашей пехоты, которая в это время на Волге никогда не ходила в пешем строю. Отнимая у крестьян подводы в жаркое рабочее время, мы, согласно приказу Каппеля, обязательно платили по 10-15 рублей за каждую (тогда это были приличные деньги). При таких условиях отряд мог передвигаться довольно быстро, не утомляясь.

Расспросив у первых попавшихся местных жителей о противнике, в его сторону направлялся разъезд нашей кавалерии. Приблизительно в одной версте следом за ним двигались главные силы. Наша пехота, расположившись по трое-четверо на телеге на душистом сене, обычно дремала или просто наслаждалась природой. Но лишь только слышались первые выстрелы по нашему разъезду, как будто под действием электрического тока, пригретая теплым летним солнцем дремлющая пехота выпрыгивала из своих повозок и, еще не дождавшись команды и остановки, бежала с винтовками наперевес в сторону, выстрелов.

Каппель на коне впереди главных сил обыкновенно кричал в сторону командира пехоты бежавшему впереди бойцов Бузкову: "Не рискуйте – берегите людей! Каждый боец дорог!". Бегущий мимо него Бузков брал под козырек и вполборота отвечал: "Слушаюсь!".

Повозки останавливались. Я со своими орудиями съезжал с дороги вправо или влево, строил фронт, но с передков пока не снимался до приказа начальника. И когда минуты через 2-3 выяснялось, что противник заслуживал внимания, тогда начинался бой. Кавалерия частью оставалась прикрытием к орудиям, а часто уходила в обход врага.

Двигаясь очень быстро и энергично атакуя врага, отряд Каппеля всегда появлялся неожиданно. Противнику трудно было точно определить силы Каппеля.

В районе города Ставрополя Каппель дал ряд изумительных боев, обращая в бегство в десятки раз превосходившего численностью противника.

По словам местных жителей, красные группировались большими силами в 18 верстах от Ставрополя, в районе деревни Васильевка. Спускаясь по длинной, верст 5-6 дороге, отряд Каппеля был обстрелян с трех мест трехдюймовыми орудиями почти на предельной дистанции, но потерь мы не понесли. Пришлось немного проехать вперед и, не видя никаких укрытий, встать на открытую позицию.

Не слезая с коня, в бинокль на пятиверстной дистанции я хорошо увидел дым и пыль от орудийных выстрелов красных в трех разных местах в кустарнике на окраине деревни Васильевка. Завязался настоящий бой. Но нужно сказать, что красные, хотя и с трех мест, но стреляли очень плохо: или перелетами, или очень высокими разрывами, не приносящими нам вреда, что дало возможность спокойно ликвидировать три артиллерийских взвода красных, бросивших свои орудия.

Наша пехота, сильно обстрелянная из большого количества пулеметов, понесла потери и вынуждена была залечь. Бой мог затянуться.

Истратив много снарядов на красную артиллерию, я доложил Каппелю, что у меня осталось всего 25 шрапнелей. Каппель немедленно отдал распоряжение взять одно орудие на передки, забрать все снаряды и идти орудие вперед, насколько возможно, и обстрелять линию врага. А разведчиков и свободных артиллерийских номеров – присоединить к кавалерии и конным разведчикам и широким аллюром пустить в обход правого фланга противника.

Орудие карьером пошло вперед, снялось с передков близ наших цепей и начало в упор расстреливать красные пулеметы. Через несколько минут мы овладели

деревней Васильевка, 28-ю пулеметами и четырьмя орудиями с большим количеством снарядов. Наша пехота уселась на свежие подводы, и весь отряд стремительно преследовала красных, которые с разгона прошли мимо Ставрополя. Район был очищен от красных.

"Мефодий" стоял у пристани, но погрузить орудия было очень затруднительно, так как они перед пристанью сильно вязли в бездонно сыпучем песке и даже чудные богатыри-кони были не в силах их тянуть двойными запряжками. В конечном итоге, почти на руках бойцов, с большим напряжением все было погружено на пароход, и отряд готов был вернуться в Самару.

Как было заведено, все чины отряда должны были иметь винтовки или карабины. Каппель в этом отношении был самым примерным. Он не расставался с винтовкой не только как начальник небольшого отряда, но даже и тогда, когда был впоследствии главнокомандующим армиями.

Питался отряд из общих солдатских кухонь или консервами. В кавалерии ни у кого из офицеров долгое время не было офицерских седел. Были у всех солдатские седла, как более удобные для выюка.

Добровольцы отряда, видя своего начальника все время перед глазами, живущего с ними одной жизнью, с каждым днем все более и более привязывались к Каппелю. Переживая сообща радость и горе они полюбили его и готовы были для него на все, не щадя своей жизни.

С отрядом Каппеля (Народной армией) всегда следовал член Учредительного собрания Б.К. Фортунатов. Официально он считался членом Самарского военного штаба, в то же время выполняя успешно обязанности рядового бойца-разведчика. Сравнительно молодой (лет 30), он был энергичный и совершенно бесстрашный человек. Ему как-то на моих глазах удалось захватить в овраге четырех красноармейцев. Спокойно сказал всегда следовавшему за ним черкесу: "Дуко..." (его имя). Тот, не задумываясь, моментально по очереди пристрелил этих четырех пленников. Случайно я все это видел и потом вечером, когда мы отдыхали, спросил его, почему он приказал Дуко пристрелить красногвардейцев. Приказ – пленных не расстреливать. Он равнодушно ответил: "Но ведь был бой!".

Однажды, вскоре после взятия Сызрани, Фортунатов просил меня выяснить вопрос о наградах и жаловании, которое хотели бы получать бойцы. Я со многими, если не со всеми, говорил на эту тему, и почти все сказали мне одно и то же. Что выбранное после Учредительного собрания законное русское правительство сможет их вознаградить (предполагалось, что гражданская война будет не долго), а пока они хотят иметь немного денег (рублей 20 в месяц) на необходимые расходы и, конечно, казенное обмундирование, и содержание (стол).

Эти ответы поразили меня своей скромностью. Но таковы были каппелевцы – кто-то метко назвал их "святыми безумцами". Они по своему личному почину, без всякого уговора или приказа, добровольно записались в боевые части, не считаясь с силами врага, как какие-то древние русские богатыри. Почти ничего не зная о 3-м Интернационале, они даже не вполне понимали, но инстинктивно чувствовали, что на Россию, на Родину надвигалось какое-то чудовище, готовое ради сумасбродной идеи мирового коммунизма взять всю страну за горло. Этого они не могли допустить и, не задумываясь о последствиях, пошли сражаться.

Конечно, таких каппелевцев в действительности оказалось уж не так много в сравнении с общей массой. Огромное большинство, не вдумываясь в окружающее, попряталось по своим норам, предоставив себя, в надежде на какое-то чудо, на волю волн. Многие из этих спрятавшихся погибли позже от рук красных, не зная, за что погибали. Многие как-то уцелели и ушли с общей беженской волной за границу. И уже за границей, в безопасных местах объявили себя белыми бойцами против большевиков, принимая энергичное участие в эмигрантских организациях и склоках.

Почти перед концом погрузки отряда на пароход "Мефодий" на ставропольской пристани, чтобы вернуться, согласно приказанию из Самары, обратно, к Каппелю явилась крестьянская делегация с правого берега Волги, прося прогнать из их деревень красных насильников и грабителей. Каппель по прямому проводу сообщил об этом в Самару и наутро выгрузился в указанном крестьянами месте, в 10-12 верстах от деревни Климовка, занятой красными.

После непродолжительного боя красные оставили Климовку, уходя на запад бесчисленными повозками. Наша пехота вошла в Климовку. Б.К. Фортунатов просил не стрелять по отходящим красным и, взяв 6-7 человек разведчиков, ускакал оврагом, чтобы отрезать хвосты уходящей колонне красных. Мы наблюдали за ним, насколько нам позволяла пересеченная местность. Через полтора-два часа Фортунатов вернулся со своими разведчиками и привел четыре военные повозки с одним пулеметом и пулеметными лентами на каждой, а красногвардейцы убежали в кустарник.

ДЕРЕВНЯ КЛИМОВКА

Красные поспешно оставили деревню Климовку после легкого обстрела с нашей стороны. Отряд Каппеля вошел в деревню, расположенную в полуверсте от Волги, скрываясь за небольшой возвышенностью, за которой была пароходная пристань.

Наша пехота и конница расположились по избам и дворам, а я со своими пушками, как всегда, в середине деревни, прямо на широкой улице, где разбивалась коновязь для коней; недалеко был постлан прямо на земле большой брезент, на котором расположились все мои артиллеристы. От пехоты было выставлено в стороне охранение, и на пристани оказались двое шестнадцатилетних добровольцев.

Летние ночи на Волге коротки. Перед рассветом, в 2-3 часа утра, я услышал сначала редкие выстрелы. Крикнув дневального Растрепина, наблюдавшего за конями, я увидел двух всадников с винтовками на коленях, одетых в штатское, коротким галопом приближавшихся ко мне. Я спросил их, какой они части. Растрепин, не успевший мне ответить, выстрелом сбил одного всадника, упавшего с лошади к моим ногам. Второй всадник, моментально повернувшись, поскакал в сторону пристани; ему Растрепин послал вдогонку вторую пулю, свалившую его. По деревне началась беспорядочная ружейная стрельба.

Я с лихорадочной поспешностью начал будить своих добровольцев, приказывая: "Седлать, запрягать!". И в это время увидел, как на краю самой возвышенности, прикрывающей от нас пароходную пристань, красные устанавливают пулемет. Не дожидаясь конца запряжки, я приказал запряженному корню (паре коней, ближайших к орудию) вывезти орудие на ближайший огород и направить его на

пулемет красных, показом руки. Я скомандовал:

- С передков, прямой наводкой по пулемету шрапнелью огонь!

Наводчик орудия доложил: "По пулемету не позволяет прицел". Я энергично повторил команду "огонь". Орудие рывкнуло шрапнель, картечью ударившись в середину горы, подняла большой столб пыли, закрывшей красных и нас. Это дало возможность подрывать хобот и поднять дуло орудия так, что оно могло перебрасывать снаряды через верхушку горы, что я и стал делать, стараясь попасть в предполагаемую за горой пароходную пристань. Направленный же в нашу сторону пулемет был оставлен убежавшими красными на вершине горы.

Наша пехота обходила возвышенность, я подтянул пушки на пристань и стрелял по уходившим вверх по Волге двум пароходам красных, которые скоро скрылись за поворотом реки, забрав с собой бывших на пристани двух добровольцев-часовых – или уснувших, или принявших прибывшие красные пароходы за свои.

СЕЛО НОВОДЕВИЧЬЕ

После стычки с красными, прибывшими на помощь гарнизону Климовки из Сингиля и по какой-то случайности не знавшими, что в Климовке были мы, отряд Каппеля сделал привал и двинулся на село Новодевичье, до которого было 18 верст. По словам пришедших оттуда крестьян, село Новодевичье было сильно укрепленным пунктом с красной артиллерией.

В десять с половиной часов вечера отряд подошел к лесу, верстах в 4-5 от села Новодевичьего. Как рассказывали попавшиеся по дороге крестьяне, в селе было около 2 тысяч красногвардейцев и какой-то особый матросский полк в 800 человек и 16 легких орудий (крестьяне зарядные ящики считали за орудия). По их словам, эти войска прибыли недавно из Симбирска на пароходах, стоящих у пристани.

Остановились. Ночь темная-темная при сильном ветре со стороны села. В ближайшем небольшом овражке Каппель собрал начальников отдельных частей: Б. Бузкова от пехоты – около 250 бойцов, Стафиевского – кавалерия, 45 сабель, Юдина – сотня оренбургских казаков, только перед походом на Ставрополь присланных атаманом Дутовым, Янушко – конные разведчики, 40-45 всадников, и я с двумя орудиями. При свете жалкого огарка свечи, которая все время тухла, стали рассматривать карту. Встретившийся крестьянин из Новодевичьего рассказал, что у красных почти никакого охранения нет. Орудия стоят у самой околицы, красные – по избам.

Каппель приказал свернуть с главного тракта, по которому мы шли, на проселочную дорогу, шедшую ближе к Волге, и, подойдя на три версты от села, там на перекрестной проселочной дороге (со слов встречных) повернуть влево и таким образом обойти село с юго-запада и атаковать с рассветом. Как всегда, Каппель предложил по этому поводу высказаться.

Стафиевский сильно заволновался и, отойдя немного в сторону с Юдиным, стал ему нервно и тихо доказывать: "Это авантюра, нас отрежут... Нас опрокинут в Волгу!.." и т.д. Совсем молодой Юдин как будто начал с ним соглашаться. Каппель не мог этого не слышать и, обратившись к Бузкову, спросил его мнения. Тот ответил, что

намеченный план считает вполне правильным. "Ну, а ваше мнение, командир батареи?" – обратился Каппель ко мне. Я ответил, что чем глубже обход, тем больше шансов на успех.

Обратившись к Стафиевскому и Юдину, стоявшим немного в стороне, Каппель сказал им:

- Вы, кажется, против. Если вообще вы не верите в наше дело, то я вас, как добровольцев, освобождаю. Вы можете сейчас же вернуться обратно, и мы, оставшиеся, уже без вас решим, что делать дальше.

Юдин тут же сказал, что против ничего не имеет и вполне согласен, Тогда Стафиевский пробормотал, что в принципе он тоже согласен.

Шум наших орудий, когда мы проходили почти под самым носом красных, взволновал их. Нам даже было слышно, как у красных хлопали дверки зарядных ящичков, из которых вынимались снаряды. Затем последовали вспышки с оглушительными выстрелами и визг пролетающих над нашими головами снарядов, рвавшихся далеко на главном тракте, по которому мы несколько минут назад прошли. Отсюда, обойдя село с юго-запада, Каппель просил меня поставить орудия на закрытой позиции, предупредив, что у врага сильная артиллерия.

Начинался рассвет. Я выбрал для орудий хорошую, закрытую со всех сторон лесом поляну, дал примерное направление орудиям. Разведчики провели телефон на опушку леса, откуда были видны крайние избы и голубые верхушки церкви; село располагалось на обратном окате к Волге. Саженьях в 250-300 на возвышенности были хорошо видны красногвардейцы, устанавливающие пулеметы. Они спокойно рыли для себя и для пулеметов окопы; до меня доносились обрывки их разговора и звук лопат о каменистую почву.

Из села, направляясь в нашу сторону, медленно шло стадо с пастухом впереди. Мы разговаривали шепотом. Я приказал разведчикам привести мне пастуха, как только он подойдет к нашей опушке. Острием шашки я осторожно открыл консервную коробку с мясом и, пользуясь сломанной веткой, приступил к завтраку.

В это время со стороны орудий пришел ко мне сам Каппель, а за ним Бужков. Я предупредил их, чтобы они говорили тише, и указал на красные пулеметы. Глаза Каппеля заблестели при виде мясной консервной банки в моей руке: "Какой вы счастливец!". Я дал ему часть сломанной ветки и предложил разделить мою еду. Тихо разговаривая, укрытые кустарником, мы дружно принялись за консервированное мясо. Потом выяснилось, что Каппель, погруженный в боевые операции, несколько дней ничего не ел.

Он рассказал, что у нас на главном тракте оставлены всего два пулемета – остальные все здесь.

Разведчики привели пастуха. Мы отошли немного вглубь леса. Пастух рассказал, что у самого села близ телеграфных столбов стоят красные пушки, направленные вдоль главного тракта. Другие орудия стоят у самого берега Волги (их нам не было видно).

Уговорились, что Бужков через 40 минут, обойдя ближайšie к нам пушки, атакует их с фланга. Мне было приказано обезвредить виденные нами пулеметы и действовать

по обстановке. Бузков быстро ушел к нашим орудиям, где его ожидала пехота.

Перед походом на Сызрань военный штаб в Самаре предписал от батареи давать каждый день подседланного коня начальнику отряда, а вечером брать его обратно на общую батареиную коновязь. Вследствие того, что в отряде все бойцы были добровольцы, вестовых у офицеров не было, даже у командного состава. Каждый боец, кто бы он ни был, должен был сам ухаживать за своей лошадью и кормить ее. Первое время особенно тяжело и трудно было с этим начальнику отряда. Но, уйдя с головой в свою боевую работу, Каппель не замечал трудностей.

Конечно, потом, и довольно скоро, все наладилось. Появились и вестовые, и денщики. А вскоре, перед походом на Симбирск, к Каппелю прибыл офицер Генерального штаба Мокей Мартынович Максимов, который был отважным стрелком и доблестным помощником начальника отряда и в то же время заключал в себе самый большой боевой штаб со всевозможными отделами. Энергии он был невероятной, доброты и заботливости необычайной. Впоследствии, уже будучи командиром пехотного полка, Мокей Мартынович погиб смертью храбрых, ведя свой полк в атаку на красных на реке Белой...

Быстро покончив с завтраком, мы тихо и мирно беседовали, укрытые от красных густой опушкой леса. Я успел сходить еще раз на батарею, чтобы дать более точное направление орудиям на красные пулеметы. Мы уже видели, как цепи Бузкова поднимались из оврага по спелой ржи к орудиям красных, до которых от цепей было менее полуверсты.

Сорок томительных минут, назначенных Бузковым, кончились. Я открыл огонь по пулеметам. После удачных разрывов нашей шрапнели красные оставили свои пулеметы без выстрела. Батарея красных сделала несколько беспорядочных больших перелетов в нашу сторону. Пыль от их выстрелов нам была ясно видна. Цепи Бузкова уже приближались к орудиям красных, которые молчали. Я перенес огонь по пристаням с пароходами, которые, по рассказу пастуха, должны были быть немного левее и дальше церкви, кресты которой блестели на солнце.

СТРЕЛЬБА ПО СВОИМ

В это время прискакал с левого фланга конный разведчик и доложил, что Бузкова обходит красный матросский полк. В бинокль было ясно видно, что вслед за первой цепью Бузкова на небольшом расстоянии идет вторая цепь по высокой ржи – хорошо видные нам человек 10-12.

Находившийся случайно при Каппеле Б.К. Фортунатов забеспокоился и, как член военного штаба, доказывал, что видимую цепь матросов необходимо немедленно обстрелять, иначе пехота Бузкова окажется в тяжелом положении, и так далее в этом же духе.

Обстреливаемая площадь, где, по предположениям, должны были быть пароходы красных, я посмотрел в бинокль на указанные цепи матросов. До них было более трех верст, и они шли довольно спокойно, хотя и быстро, но все же я высказал подозрение, что это могут быть свои, так как они были близко от нашей первой цепи, подходившей к красной позиции. Фортунатов настаивал на обстреле этой цепи.

Каппель приказал мне дать несколько выстрелов. Нехотя я дал очередь умышленно на высоких разрывах. Каппель это заметил и сделал мне замечание, приказав дать еще очередь. В бинокль я увидел, что матросская цепь лишь ускорила шаг, но шла спокойно. Не торопясь, я все же с поправкой дал вторую очередь и перенес огонь опять по парходам, которые должны были быть немного дальше церкви.

Вскоре к нам прибежал с винтовкой со стороны нашей пехоты доброволец, потом оказавшийся моим приятелем по институту. Он еще издали кричал:

- Васька, ведь ты по своим стреляешь! Есть раненые!

Я слез с дуба, служившего мне наблюдательным пунктом, подошел к Каппелю и доложил:

- Господин начальник, как кончится бой, прошу откомандировать меня в Самару и назначить командиром батареи кого-нибудь другого. Мне невыносимо тяжело видеть нашу пехоту, среди которой есть и мои друзья и по которой я стрелял!

Каппель направился в деревню. Я вызвал одно орудие и пошел туда же. По главному тракту мы прошли мимо брошенной красной батареи, у которой мои гранаты выбили несколько спиц из колес зарядного ящика.

Около первых изб села меня встретил сам Каппель и сообщил, что село очищено от противника, и просил зайти в одну из изб. Я послал распоряжение всем моим артиллеристам направиться в село и передал командование своему заместителю.

НАШ РАНЕНЫЙ НАШЕЙ ШРАПНЕЛЮ

Следуя за Каппелем, мы вошли в избу, и я увидел лежавшего на кровати с забинтованной ногой студента-добровольца. Он курил папиросу и приветливо улыбался. В шуточной форме раненый заговорил первый, обращаясь ко мне:

- Это вы меня ранили, но начальник отряда рассказал мне, как это было. Вы совершенно в этом не виноваты, это будут знать все наши. Мне даже приятно быть раненым... Мы будем знать, что когда вы будете стрелять, вы будете попадать в красных.

Вошедший разведчик доложил, что наша пехота захватила парходы.

Село Новодевичье оказалось обширным. Когда я прибыл на пристань, там были пришвартованы пять больших пассажирских парходов. Вверх по Волге уходил парход, по которому я успел сделать несколько малоэффективных выстрелов; противник слабо отвечал на больших недолетах из трехдюймовых орудий и скоро скрылся.

Бузков рассказал, что он со своей пехотой совершенно врасплох с фланга и с тыла атаковал красную батарею, выпустившую несколько снарядов в другом направлении. По пятам бежавших красных артиллеристов, бросавших орудия, наша пехота пробежала более половины села, обратив в бегство красных бойцов, убегавших по берегу вверх по реке Волге на север, бросая на позиции орудия, пулеметы и полные военного добра парходы. Наша кавалерия не могла их преследовать, так как в этих

местах берега Волги овражисты и покрыты густым лесом.

Для красных появление нашего отряда было полной неожиданностью. Молниеносное наступление Бузкова окончательно сбило их с толку. Более трех тысяч красногвардейцев, в паническом ужасе побросав все и не имея времени забежать на свои пароходы, обратились в бегство. Вторая их батарея, стоявшая на самом берегу Волги, была оставлена целиком без единого выстрела. В пароходах стояло много коней и незапряженных военных повозок с пулеметами, патронами и провиантом.

Крестьяне села восторгались нашей победой. Отыскивали неуспевших убежать спрятавшихся комиссаров и красногвардейцев.

ПЕЧАЛЬНЫЕ ВЕСТИ

Тут же крестьяне рассказали, как вчера пришедшие из Климовки пароходы привезли двух наших добровольцев, бывших часовых на пристани, и как эти юноши были начальством отданы красным на самосуд. Красные водили их по улицам села, нещадно били, отрезали им уши и носы. Били палками, так что у одного мученика был выбит глаз и зубы. Наконец, их умертвили и выбросили на ближайший островок. Привезенные нами после тела наших замученных добровольцев были обезображены до неузнаваемости.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ СЕНГИЛЕЕВСКИМ ФРОНТОМ КОМИССАР МЕЛЬНИКОВ

На следующее утро совершенно случайно наши конные разведчики наткнулись на командующего Сенгилеевским фронтом бывшего поручика Мельникова. На отличной верховой лошади он производил рекогносцировку позиций.

Каппель созвал всех начальников частей для полевого суда над Мельниковым, который уверял, что ехал он с целью убежать от большевиков. Но документы, захваченная при нем переписка, телеграфные ленты говорили, что он служил большевикам верой и правдой. Наши добровольцы, захваченные в Климовке, именно приказом Мельникова были отданы на самосуд красным.

Мельников был отведен под арест. Некоторые начальники частей предлагали забить в общий гроб живого Мельникова и наших замученных добровольцев для отправки в Самару. Каппель категорически это отверг, сказав: "Он недостоин лежать в одном гробу с нашими добровольцами!".

Полевой суд приговорил Мельникова к расстрелу, и за селом на опушке леса он был расстрелян. Сельскому старосте было приказано назначить людей для уборки тела. Через час или полтора к Каппелю пришел крестьянин и, передавая 40000 бумажных рублей, сказал: "Сапоги с убитого я взял себе, а деньги принес вам в казну".

Можно прожить долгую жизнь, пережить много потрясающих событий, но жуткая картина пыток, произведенных большевиками над нашими добровольцами, взятыми в Климовке, навсегда будет перед глазами, никогда не забудется...

Я допускал, что после этого наши добровольцы могут потерять военный пыл. В

действительности, наши бойцы ушли в себя, крепче сплотились вокруг своего обожаемого начальника и с какой-то рыцарской доблестью гордо называли себя "капелевцами", не знающими боевых преград...

Восемь орудий с зарядными ящиками, пулеметами и массой патронов были погружены на красные пароходы, и без того нагруженные разным военным имуществом, и пароходы были отправлены в Самару.

Согласно приказу Самарского военного штаба, отряд Каппеля был погружен на свой товаропассажирский пароход "Мефодий" и направлен в город Сызрань, где местные формирования нуждались в помощи против наступавших большими силами красных. Энергичным ударом отряд Каппеля второй раз отогнал красных от Сызрани. И после дневки, не задерживаясь, отправился по главному тракту к Симбирску, усадив своих бойцов на подводы.

СИМБИРСК

Слухи о действиях Народной армии и о начальнике ее Каппеле вогнали красное командование Симбирска в панику.

Высланные вниз по Волге, в сторону Сенгилея, Новодевичьего и Ставрополя красные войска молниеносно были разбиты и уничтожены Каппелем. Это заставило красных в Симбирске с лихорадочной поспешностью превратить крутой берег Волги в неприступную крепость. Блестели жерла орудий, направленные с укрепленных возвышенностей на Волгу для встречи Каппеля...

Зорко смотрели высланные наблюдатели вниз по течению, ожидая прихода Народной армии и уже тогда легендарного Каппеля. Артиллеристы были готовы открыть огонь. Прожекторы тщательно и неустанно по ночам освещали Волгу в ожидании Каппеля. Но Каппель со своим отрядом на свежих перекладных подводах буквально протаранил 140 верст по главному тракту от Сызрани до Симбирска, быстрым натиском выбивая красных из попутных деревень, не обращая внимания ни вправо, ни влево. Попадавшиеся на пути красные отряды разлетались в сторону от Народной армии как осколки стекла из-под удара молота.

И на четвертый день похода, 21-го июня 1918 года, совершенно неожиданно для красного командования, каппелевский отряд вырос как из-под земли под Симбирском. Но только не на Волге, где его ожидали.

Главные силы Народной армии, обойдя город с юга и запада, вихрем ворвались в город с фланга и тыла и захватили позиции красных, убежавших через город, побросав орудия, пулеметы и много снарядов и патронов и даже не успев расстрелять арестованных офицеров. Троцкий забил в набат: требовал подкреплений и всенародно объявил революцию в опасности.

Большевицкий штаб отдельным приказом назначил денежные премии: за голову Каппеля – 50000 рублей, а также за командиров частей: за капитана Хлебникова, командира гаубичной батареи, за командира полевой батареи капитана Попова и за меня – по 19000 рублей. Не помню, сколько за Бузкова, Янучина (конные разведчики), Стафиевского (кавалерия), Юдина (Оренбургская сотня); перед именем каждого стояла цена.

Каппель, читая этот приказ, сказал смеясь: "Я очень недоволен – большевики нас дешево оценили... Ну да скоро им придется увеличить назначенную за нас цену..."

В этот раз на Симбирск совместно с Народной армией, только с левого берега Волги, через железнодорожный мост, одновременно должны были наступать и чехи под командованием русского капитана Степанова. Но по каким-то причинам чехи опоздали на четыре часа и победоносно вошли с оркестром в уже взятый Народной армией Симбирск, где она скромно заняла важнейшие пункты города и окрестностей. Население радостно цветами приветствовало чехов как победителей и избавителей.

ПОЯВЛЕНИЕ КАППЕЛЯ ПЕРЕД НАСЕЛЕНИЕМ

В тот же день Каппель в первый раз появился перед населением. В переполненном до отказа городском театре при гробовой тишине вышел на сцену скромный, немного выше среднего роста военный, одетый в защитного цвета гимнастерку и уланские рейтузы, в офицерских кавалерийских сапогах, с револьвером и шашкой на поясе, без погон и лишь с белой повязкой на рукаве. Он как будто устало обратился с приветствием к собранию.

Его речь была удивительно проста, но дышала искренностью и воодушевлением. В ней чувствовался порыв и воля. Во время его речи многие присутствующие плакали. Плакали и закаленные в боях офицеры, только что освобожденные из большевических застенков. Да и немудрено: ведь он звал на борьбу за поруганную Родину, за народ, за свободу. Отечество, свобода и жизнь народа были в опасности...

Каппель говорил – и не было сомнения, что он глубоко любит народ, верит в него и что он первый готов отдать жизнь свою за Родину, за великое дело, которое он делал... Действие его слов на слушателей было колоссально, и когда он кончил речь, она была покрыта не овациями, а каким-то сплошным ревом и громом, от которых дрожало все здание.

С этого дня отряд Каппеля стал быстро пополняться добровольцами. Все, кто верил в дело освобождения России и любил свое отечество, брали винтовки и становились в строй. Рядом стояли и офицер, и рабочий, и инженер, и мужик, и техник, и купец. Крепко они держали национальный флаг в руках, и их вождь объединил всех своей верой в идею, святую идею освобождения родной страны.

Среди добровольцев не было перевеса на стороне какого-нибудь отдельного класса. Мощно поднялась волна народного гнева, чтобы смести насильников с лица земли. И армия в это время справедливо называлась Народной. В составе ее были представители буквально всех политических партий, за исключением большевицкой.

Самарское правительство или как его тогда называли, "Комуч" – имело большие недостатки, но это нисколько не отражалось на действующей Народной армии. Главной задачей у войск и у самого Каппеля было победить большевиков и потом уже думать о правительстве. Да и действительно, Народной армии, живущей беспеременно боевой и походной жизнью, было не до правительства.

В то время каждый командир, в том числе и Каппель, был в то же самое время и рядовым бойцом. На Волге не раз Каппелю приходилось залегать в цепь вместе со

своими добровольцами и вести стрельбу по красным. Может быть, потому он так тонко знал настроение и нужды своих солдат, что ему приходилось вести тогда жизнь рядового бойца. Бывало, где-нибудь на привале или на дневке он охотно делился своими впечатлениями о текущем моменте:

"Мы, военные, оказались совершенно застигнутыми врасплох революцией. О ней мы почти ничего не знали, и сейчас нам приходится учиться тяжелыми уроками..."

"Гражданская война – это не то, что война с внешним врагом. Там все гораздо проще. В гражданской войне не все приемы и методы, о которых говорят военные учебники, хороши... Эту войну нужно вести особенно осторожно, ибо один ошибочный шаг если не погубит, то сильно повредит делу. Особенно осторожно нужно относиться к населению, ибо все население России активно или пассивно, но участвует в войне. В гражданской войне победит тот, на чьей стороне будут симпатии населения..."

"Не нужно ни на одну минуту забывать, что революция совершилась – это факт. Народ ждет от нее многого. И народу нужно что-то, какую-то часть дать, чтобы уцелеть самим..."

Указывая на добровольцев из крестьян, ведущих коней на водопой, Каппель говорил: "Победить легче тому, кто поймет, как революция отразилась на их психологии. И раз это будет понято, то будет и победа. Мы видим, как население сейчас идет нам навстречу, оно верит нам, и потому мы побеждаем... И, кроме того, раз мы честно любим Родину, нам нужно забыть о том, кто из нас и кем был до революции. Конечно, я хотел бы, как и многие из нас, чтобы образом правления у нас была монархия; но в данный момент о монархии думать преждевременно. Мы сейчас видим, что наша Родина испытывает страдания, и наша задача – облегчить эти страдания..."

ОПЯТЬ ПОД КАЗАНЬ

Не докончив удачно начатой операции под Симбирском, Каппель вынужден был погрузить своих добровольцев на пароходы и баржи и идти под Казань, фронт которой затруднялись держать чехи, прибывшие в помощь к местным формированиям.

Опоздав под Казань, Каппель принужден был Народную армию выгрузить на правом берегу Волги в районе Нижнего Услона и дать несколько ожесточенных боев около города Свияжска с превосходящим в десять раз противником. Чтобы взять инициативу в свои руки, Каппель послал конную группу в глубокий обход Свияжска (слева) на станцию Тюрельму, так же, как было при обходе Сызрани на станции Заборовке.

ГЛАВА 5 15

НА КАЗАНЬ

После взятия Симбирска 21-го июля 1918 года перед Каппелем и капитаном Степановым (русским офицером, командовавшим чешским полком) встал вопрос: что делать дальше? Самарский Комуч (Комитет членов Учредительного собрания) настойчиво предлагал произвести демонстрацию по Волге вперед, ограничив

продвижение на Казань не далее устья реки Камы. Но это предложение было перевыполнено: Казань была взята.

Впоследствии члены Самарского правительства, опираясь на высказывания военного специалиста генерала Щепихина, доказывали, что все дальнейшие неудачи объяснялись этим перевыполнением, то есть непослушанием со стороны Каппеля и Степанова.

Чтобы оценить по настоящему это обвинение, необходимо рассмотреть существовавшее к тому времени (к 1 августа 1918 года) положение, создавшееся на территории Самарского правительства.

С запада на восток (от Сызрани до Златоуста) эта территория простиралась на 750 верст. Действиями Каппеля она была расширена к северу на 300 верст. На юге же до города Вольска действовал отряд полковника Махина (200 верст к югу от Самары). Казань от устья Камы находится в 60 верстах.

На Махина энергично нажимал отряд Чапаева. Но Каппель едва ли мог послать подкрепление из народной армии в помощь Махину.

П.Д. Климушкин, член Комуча, полагал, что главный удар нужно нанести по Саратову, потому что там крестьяне сочувствовали Комучу. Что же помешало осуществить этот удар? В то время Каппель имел в своем распоряжении не более 3-х тысяч добровольцев, полученных от волжских городов, не получая никаких пополнений из Самары.

По теории Самарского правительства, Каппель на севере должен был только обороняться. Это свидетельствовало о полном непонимании условий гражданской войны Самарским правительством.

Против Симбирска стояла энергичная группа красных войск под командой Тухачевского, более многочисленная, чем вся Народная армия Каппеля. В Казани стоял латыш Вацетис со своими многочисленными отрядами. Поэтому стоять на месте, то есть обороняться, значило быть атакованными с разных сторон одновременно. Единственным выходом из этого была только атака, наступление на противника и стремление не давать ему покоя. К тому же удар Каппеля по Казани дал возможность рабочим Ижевских и Воткинских заводов восстать, выделив более 40 тысяч бойцов высокой квалификации. Впоследствии они оказались такими стойкими, что прошли через всю Сибирь с оружием в руках как основное ядро каппелевцев, достигшее Тихого океана.

В южных добровольческих армиях ничего подобного не было. Это был огромный козырь против большевицкой власти, о чем большевики умалчивают до сих пор.

Генерал Щепихин полагал, что неповиновение Каппеля нанесло "удар авторитету главного командования". Но в то время в Самаре никакого командования не было. (Сам же генерал Щепихин говорил, что "штаб командующего Волжским фронтом являлся лишь вспомогательным органом чешского генерала Чечека и что руководство из центра вообще было невозможно"). Трудно нанести удар авторитету несуществующего органа.

Еще Щепихин обвинял Каппеля в том, что операция на Казань заставила потерять

две недели (с 26 июля по 7 августа), в течение которых Каппель совместно с батальоном чехов Воженелика смог бы ликвидировать отряд Чапаева, наседавший на Махина. "Вероятно (как пишет Щепихин), Николаевск был бы взят не временно, на один день (26 августа), а значительно раньше и навсегда". Как мог бы Каппель, взявший 21 июля Симбирск и очистивший Волгу до устья Камы, успеть прибыть под Николаевск, генерал Щепихин, вероятно, сам не знал. Кроме того, ведь нужно было оставить что-то для закрепления завоеванного, когда всего-то в Народной армии в то время было не более трех тысяч бойцов.

Третье обвинение Щепихина против Каппеля: его задержка под Казанью не помогла Махину продвинуться к Саратову против отрядов Чапаева, ставшего легендарным героем всего Заволжья. Но спрашивается: где гарантия тому, что если бы Каппель хотя бы частично увел свои войска на юг против Чапаева, то здесь, под Симбирском и Казанью, молодой Тухачевский или Вацетис не стали бы также легендарными героями всего Заволжья? Динамичный и честолюбивый Тухачевский уже тогда присматривался, где бы нанести сокрушающий удар.

Четвертый грех Каппеля и Степанова генерал Щепихин видит в том, что "уральцы, видя, что центр борьбы переносится на север, а не на близкий к ним юг, стали равнодушны к борьбе". Но почему же тогда эти патриоты-уральцы, готовые положить свои жизни за отдаленный Саратов, не помогли Махину закрепить более близкий к ним Николаевск, тем более что им должны были помочь оренбургские казаки? Мы думаем, что генерал Щепихин сочиняет здесь небылицы об уральцах, которые были стойкими борцами.

Успех у Казани был общим успехом, которому радовались все армии, боровшиеся с большевиками.

Наконец, генерал Щепихин выдвигает против Каппеля самое главное-обвинение: "Взятие Казани подняло на ноги весь коммунистический аппарат". Но почему не предположить, что взятие Саратова сделало бы то же самое и привело бы в конце концов к падению Саратова? Другими словами, беда была не в том, что Каппель и Степанов ослушались Самарских вершителей, а в том, что силы для борьбы с большевиками были недостаточны. Несколько тысяч самоотверженных добровольцев было достаточно для поражения малочисленных групп, но их не было достаточно для поражения многотысячных групп, направляемых из центра России против ее окраин.

Малочисленные группы добровольцев, эти святые безумцы, дали самое ценное, что может быть в гражданской войне – дали время. Дали четыре месяца, в течение которых тыл, в данном случае – Комитет Учредительного собрания, состоявший из социалистов-революционеров – должен был бы организовать мобилизацию массовых армий, которые могли бы противостоять массовым армиям красных. В этом надо искать причины последующей, трагедии, а не в том, что Каппель ослушался приказа несуществующего командования. Большевики сумели за эти четыре месяца создать пусть слабо вооруженные, пусть еще недостаточно дисциплинированные армии, но все же это были силы, исчисляющиеся десятками тысяч человек с готовящимися резервами.

Территория, захваченная добровольцами, имела население почти в 10 миллионов, не считая Сибири. Это значит, что при правильной организации могло быть мобилизовано до одного миллиона бойцов. Но забудем о том, что могло случиться при

правильной организации. Возьмем факты. Согласно докладу военного ведомства Самарского правительства, в Народной армии на 1 сентября 1918 года числилась 121 тысяча человек. А на фронтах Юга и Севера до взятия Казани было не более 8 тысяч. Где же были остальные? Или в тыловых учреждениях, или на бумаге. Молодые люди, вступавшие добровольно в армию, а потом видевшие, что ничего не организовано, что нет даже винтовок, уходили домой или отпускались властью.

"Продержав новобранцев в городе иногда два-три дня, военное ведомство снова отпускало их по домам", – свидетельствует Климускин.

Если бы Народная армия насчитывала в своих рядах на 1 сентября 1918 года действительно 121 тысячу человек, то, имея таких командующих, как Каппель, она легко могла бы дойти до Москвы. Но она имела всего несколько тысяч человек с совершенно неорганизованным тылом.

Социалисты-революционеры, бывшие члены Самарского правительства, пытаются свалить вину со своих плеч на другие. Тот же Климускин пишет: "Солдаты, боясь всего старого, не доверяли офицерам, а офицеры – солдатам. С первых же дней размещения солдат по казармам в Комуч стали поступать сведения, что в казармах не все благополучно: солдаты, недовольные введением в армии старых "царских порядков – титулования, молитв – начинают проявлять большое беспокойство".

Комуч был государственной властью. Социалисты-революционеры должны были или создать армию в том духе, в каком они хотели (как это сделали большевики), или передать власть другим, которые смогли бы выполнить эту задачу. Но они не сделали ни того, ни другого, и потому не могут снять с себя ответственности перед Родиной и не должны обвинять в неудачах тех вождей Народной армии, которые овеяли эту армию увядаемой славой.

Перейдем теперь к изложению Казанских событий. Симбирск был взят 21 июля. Несколько дней было дано на формирование местных добровольческих частей. Их было меньше, чем можно было ожидать. Но все же со своей задачей на первых порах они как будто справлялись. Самарское правительство, желая иметь народную армию поближе к себе, всячески старалось замедлить ее движение вперед, приказав не продвигаться по Волге выше устья реки Камы. Каппель имел определенные сведения от Казанской противобольшевицкой организации, что она может быть добычей красных, если Народная армия будет медлить с приходом. Кроме того, в Государственном банке Казани хранился весь российский государственный золотой запас. Доводы Каппеля не могли убедить Самару. В этом отношении любопытны показания генерала П.П. Петрова, бывшего в Самаре нашим начальником оперативного отдела. Вот его показания в книге: "От Волги до Тихого океана в рядах белых армий", страница 35-я:

"В Симбирске у телефонного аппарата были Лебедев, Фортунатов, Каппель и Степанов, в Самаре – сначала я, как начальник оперативного отдела, а затем полковник Чечек. Разговор был длинный, подробности забылись, но суть отчетливо помню. Из Симбирска по очереди приводились резоны за взятие Казани. Из Самары обрисовывалась обстановка под Самарой, отсутствие самого маленького резерва для предупреждения случайностей и, наконец, невозможность выделить для удержания Казани сколько-нибудь серьезные силы.

В.И. Лебедев 16 говорил, что успех под Казанью может сокрушить советскую власть, а

обстановка под Самарой – пустыки.

Наконец, полковник Чечек категорически заявил, что разрешает только демонстрацию и поставил капитану Степанову неременное условие – вернуть в Симбирск чехов не позже, как через неделю, если бы Казань и удалось захватить. В дополнение ему было сказано, что если демонстрация кончится овладением Казанью, то на резервы он рассчитывать не может".

Мы привели эту выдержку ввиду ее особого значения. Ни И.Д. Климушкин, ни генерал О.А. Щепихин при этом разговоре не присутствовали, в то время как генерал П.П. Петров является непосредственным его участником. Из этого ясно, что Самара допускала захват Казани, но только подчеркивала, что никаких подкреплений для Народной армии ни она, ни даже чехи получить не могут. К тому же чехи должны были вернуться в Симбирск не позднее, чем через неделю. Никакой неожиданности в этом походе для Самары не было. При разговоре присутствовали представители от Самары Б.К. Форгунатов и В.И. Лебедев.

Между прочим, несколько слов о Лебедеве, который был как бы комиссаром от Комуча при Народной армии. Он почти ни во что не вмешивался и больше произносил речи на площадях занятых городов или деревень. А в своем дневнике он писал (русского подлинника не имею и даю перевод с английского):

"Ночь 26-27 июля.

Степанов и я стали друзьями. Какой он замечательный человек! Горячий демократ, человек великой любви к России и огромной силы воли... Я рассказал ему о моей заветной мечте – идти на Казань, Нижний Новгород, Москву... Мы пожали друг другу руки и заключили союз – идти на Москву и сделать все, что в нашей власти, чтобы превратить эту мечту в действительность.

Все у него было в превосходной степени, все было в мечтах и чудесных моментах. Как просты по сравнению с этим и близки к земле, к народу рассуждения вождя Народной армии Каппеля! Я помню, как в те же дни, вечером, на одном привале у берега Волги, он говорил с офицерами и добровольцами (у нас не было острого различия между командирами и подчиненными: это была воистину Народная армия):

- Революция – это бурный поток, и нет силы, которая могла бы его остановить. Его можно только направить по желательному руслу, но для этого нужно большое умение.

Указывая на простых добровольцев, ведших коней на водопой, он продолжал:

- Что революция свершилась, это факт, и мы все должны честно принять этот факт. Народ и вот эти люди хотят что-то получить от революции. Они чего-то ждут и на что-то надеются, и тот, кто поймет их надежды, будет иметь успех в гражданской войне. В ней так или иначе принимает участие все население. И нужно особенно внимательно относиться к населению, как можно меньше угнетать его и утруждать. В гражданской войне победит тот, на чьей стороне будут симпатии большинства народа. Почему мы одерживаем победы? Потому что население верит нам, считает нас своими и ради этого готово нести всякие лишения.

Через завесу минувших лет я вижу и сейчас Волгу в догорающих лучах солнца,

костер, на котором готовится наш скромный ужин, сосредоточенные взоры добровольцев, устремленные на любимого вождя".

Под руководством такого военачальника Народная армия совместно с чешским полком капитана Степанова стремительным натиском в проливной дождь 7-го августа 1918 года взяла Казань.

Советский главковерх Восточного фронта Вацетис докладывал об этом своему правительству в таких выражениях:

"Казань была захвачена чехословаками (о том, что она была захвачена Народной армией, предпочиталось умалчивать) около полуночи с 6 на 7 августа, 7-го августа борьба продолжалась в предместьях города. Чехословакии развивают свой успех в двух направлениях: на северо-восток и на Свияжск по правому берегу Волги".

Сражение под Казанью показало полную небоеспособность красных отрядов. Местные партийные товарищи, занимавшие ответственные посты, проявили большую энергию и упорство при обороне города, но в хаосе неподготовленности все их усилия оказались тщетными. Красноармейцы были совершенно недисциплинированы. Вся тяжесть обороны Казани пала на 5-й полк латышских стрелков. 4-й полк латышских стрелков восстановил свою былую славу и дрался довольно упорно, отходя в порядке. Обойденный добровольческой пехотой 5-й полк поплатился 350-ю бойцами, попавшими в плен. Военно-полевой суд приговорил их как иностранцев, взявшихся не за свое дело, к расстрелу. Потом Каппель рассказывал мне, как он разговаривал с одним из приговоренных, поразившим его своей красотой. На вопрос Каппеля, обращенный к этому статному голубоглазому кудрявому красавцу:

- Вы, конечно, знаете о своей участи? – тот, нисколько не смущаясь, с каким-то задором ответил: "Конечно, меня расстреляют. Но это совсем не важно. Печально то, что товарищи из центра (то есть Москвы и Петрограда) не поддержали нас, и факел коммунизма может погаснуть...".

- Вот в этом-то фанатизме и заключается их сила, – сказал мне Каппель.

Кроме пленных, в Казани было захвачено Народной армией при незначительном содействии чехов:

1. 650 миллионов рублей в золотых монетах;
2. 100 миллионов кредитными знаками;
3. Весь государственный запас платины;
4. Золотые слитки и другие ценности;
5. Огромные склады военного снаряжения;
6. Академия Генерального штаба в полном составе.

Взятие Казани спасло жизнь десяткам тысяч военные и гражданских лиц, которым угрожала смерть.

При бегстве из Казани большевики захватили все перевозочные средства. Каппель распорядился подать ночью к Государственному банку, где хранилось золото, трамвайные вагоны, и на них перевезти золото к паровой пристани. Добровольцы трудились, как муравьи, перенося ящики с золотом. Некоторые ящики были разбиты большевиками. Золотые монеты в 5, 10 и 15 рублей были рассыпаны по полу. Добровольцы собирали их и клали на стол, за которым сидел Каппель. Он приказал составить комиссию, которая пересчитала собранные монеты и уложила их в отдельный ящик. Никому и в голову не приходило положить несколько монет в свой карман на память. Все это золото было погружено на волжский пароход "Фельдмаршал Суворов" и отправлено в Самару, а в дальнейшем – в Омск. Оно сыграло большую роль в финансировании заграничных закупок. На это золото воевали все остальные белые армии. Это помогло придать борьбе с большевиками международный масштаб, хотя белое руководство в Самаре и не могло в полной мере использовать свои финансовые возможности и не провело надлежащей мобилизации, которую нетрудно было бы провести при наличии золота.

Каппелю не было разрешено двигаться на Нижний Новгород и далее на Москву, как он предполагал, хотя ходки от рабочих огромного Сормовского завода (в Нижнем Новгороде), призывавшие командование наступать, обещали помощь по примеру ижевских и воткинских заводов.

Каппель был вождь, стратег, психолог, но его не поняли и не хотели понять – в этом вся трагедия Белого движения. Порыв был заглушен. Произошла заминка, и Каппель со своей Народной армией должен был вернуться опять под Симбирск, оставив Казань на чехов и местные формирования.

Академия Генерального штаба с полным составом профессоров и военных специалистов не оказала никакой помощи, так как в гражданской войне абсолютно ничего не понимала и могла действовать только по старинке, вращая огромными массами армий, корпусов, дивизий и т.д.

Верховное командование решило сначала закрепить захваченную территорию, а уж потом двигаться дальше. У Каппеля были другие планы: двигаться вперед, все вперед, к центру, захватить его и выбить у врага инициативу.

Каппеля не поняли. Ему не разрешили дальнейшего движения. Он не мог ослушаться, так как всегда был лояльным. Так как он не был ни Наполеоном, ни авантюристом, то за все восемнадцать месяцев своего мученического подвига спасения России он был только верным воином своего правительства, если даже он этому правительству и не сочувствовал. Он служил верой и правдой сначала Самарскому правительству Комитета Учредительного собрания, потом – Директории и, наконец, правительству адмирала Колчака.

Социалисты революционеры не доверяли ему, считая его правым. Омск относился к нему с подозрением, как к левому. Но для Каппеля превыше всего была Россия, за которую он положил свою жизнь и ради которой он готов был сотрудничать со всеми, кто шел против большевиков. Он был преданным слугою своей Родины – и в этом его величие.

Заминка под Казанью дала возможность красным оправиться, подтянуть свежие резервы и ввести дисциплину смертной казнь. Через несколько недель стало ясно,

что красные стали не тем, чем они были 7-го августа 1918 года.

ГЛАВА 6

НА МОСКВУ!

События, описываемые в этой главе, обнимают период от взятия нами Казани 7 августа 1918 года до 31 августа. Прежде чем перейти непосредственно к описанию похода полковника Каппеля, похода, в котором я принимал личное участие, я вкратце опишу общую военную и политическую обстановку того периода.

В Самаре, как было указано, образовалось еще в июне месяце эсеровское правительство Комуча – Комитета Учредительного собрания. Его власть распространялась на Самарскую, Симбирскую, Уфимскую губернии и на части Казанской, Екатеринбургской, Оренбургской и Саратовской губерний. Это были губернии, обильные хлебом и сырьем, но слабо развитые в промышленном отношении. Все население под контролем этого правительства, по всей вероятности, превышало 15 миллионов, но государственная организация была еще слаба. Армия этого социалистического правительства не была социалистической: Народная армия под командованием полковника Каппеля состояла из добровольцев, выходцев по большей части из интеллигенции и зажиточных групп; они сражались за Россию, а не за какую-либо партию. Правительство пыталось мобилизовать население, но, как уже указывалось, конкретных результатов эти мобилизации не давали, по крайней мере, для фронта.

В тылу правительства Комуча, на территории Сибири организовалось Сибирское автономное правительство. Перед этим в Омске был создан Западно-Сибирский комиссариат, по своей политической ориентации близкий к Комучу. Но уже 3-го июня этот Комиссариат должен был уступить свое место более консервативному Сибирскому правительству, которое объединяло всю территорию Сибири (около 10 миллионов населения) и претендовало на Урал. Власть этого правительства распространялась на всю территорию Сибири, потому что сравнительно рано казачьи атаманы начали проявлять свою самостоятельность. Во всяком случае, это правительство находилось далеко от фронта, в крае, богатом хлебом и сырьем, и могло бы организовать армию, если бы захотело.

К тому же его вооруженные силы боролись с большевиками только на ограниченном участке фронта – около Екатеринбурга и на Каме.

В Екатеринбурге образовалось Уральское правительство, но оно не имело своих вооруженных сил, в области политической стояло близко к Омску и независимой роли не играло.

На фронте и на Волге, а также около Екатеринбурга кроме русских войск принимали участие в борьбе и чехи.

Русские люди на территории всех этих правительств полагали, что существование всех этих правительств было ненужно, что должно быть только одно русское правительство, которое скорее сумело бы добиться признания союзников, лучше организовало бы министерства и предотвратило бы распыление сил и средств, так необходимых для борьбы с большевиками.

Чехи также стремились к созданию центрального русского правительства, которое устранило бы необходимость их участия в борьбе.

Дело в том, что когда они начали эту борьбу, они не думали о том, что она будет затяжной. Первые успехи дались легко и вскружили голову. В течение этого периода чехи жили в своих комфортабельно оборудованных вагонах, покидая их только для кратковременных операций. Но поскольку война затягивалась, и приходилось прибегать к обороне, надо было часто ночевать или в крестьянских избытках, или под открытым небом, под дождем, лежать в наскоро вырытых сырых окопах. Все это быстро изменило настроение чехословацких войск и усилило давление их командования на Самару и Омск для ускорения образования единого правительства. Но образование такого правительства было делом нелегким. Комуч был возмущен многими мерами Сибирского правительства, как, например, разгоном земельных комитетов, восстановлением частной собственности на землю, восстановлением института губернаторов, преследованием Сибирской думы (эсеровской) и т.д. Во всем этом Самара видела признаки реакции.

Тем не менее, под давлением чехов и союзников 15-го июля представители двух правительств встретились в Челябинске. На этой конференции Самара требовала подчинения Омска, и конференция кончилась неудачей, но, впрочем, не разрывом: решили собраться опять и пригласить на совещание также представителей местных правительств и политических партий. Новая конференция открылась в Челябинске 23-го августа, но опять начались разногласия, и, в конце концов, было решено перенести конференцию в Уфу, открыв ее в сентябре.

Такова в самых общих чертах картина политического положения: наличие нескольких соперничающих центров, отсутствие координации действий, разочарование чехов в борьбе и их усталость, отсутствие сибирских войск на фронте. Борьба с большевиками в августе велась небольшими силами и средствами Народной армии, и к северу от нее – ижевскими и воткинскими рабочими.

Уже через два дня после занятия Казани Самарское командование вынуждено было приказать Каппелю двинуться из Казани на спасение Симбирска, потому что разбитые там силы красных под командованием Михаила Тухачевского (ему было тогда 25 лет) быстро оправались и начали производить давление на недавно организованные там формирования из местных добровольцев.

Оставив Казань на местные формирования и чехов, Каппель в самый последний момент является с Народной армией под Симбирск и дает Тухачевскому бой, продолжавшийся три дня (14-17 августа); этот бой кончается поражением красных, и они отступают в направлении Инзы. Но не успел полковник Каппель закончить как следует эту операцию, как был принужден погрузить на пароходы и баржи Народную армию и вернуться в Казань, где наш фронт трещал по всем швам.

Впоследствии полковник Каппель рассказывал генералу П.П. Петрову, что во время симбирских боев он впервые почувствовал перед собой хотя еще и слабо организованную силу, но все же такую, которая выполняла директивы командования: наступление на фронте, удар небольшой маневренной группы в глубокий тыл противника, паника среди красных и бегство. На этот же раз разыгралось целое сражение: "Мы старались нанести удар своим правым флангом, а красные – своим левым. И уже прежней уверенности в успехе не было. Выручил

энергичный удар самарцев в центре. Мы обеспечены от нового удара не более, как на две недели". Такова была оценка лучшего командира. Опасность увеличивалась, под Симбирском противника отогнали и потрепали, но не разбили. В Сызрани и Хвалынске чехи и русские оборонялись, в Николаевске (на юге) красные усиливались. Нужны были какие-то чрезвычайные меры, чтобы изменить ход событий. Самарское правительство никаких мер не предприняло.

Под Казанью, несмотря на то, что чехи находились под командованием одного из лучших чешских полковников – Швеца, и несмотря на то, что стоявший там чешский отряд был один из лучших, настроение среди войск быстро падало. Усталость от постоянных боев начала сказываться, чехи требовали смены и отвода в резерв. Начали действовать на их настроение и газетные сведения о том, что формирование новых частей из мобилизованных идет плохо, что мобилизованные бегут из частей и что правительство не принимает энергичных мер.

Положение под Казанью становилось все более и более критическим. Необходимы были подкрепления, а подкреплений не было. Посылались сколоченные на скорую руку, но еще плохо обученные и не весьма надежные батальоны. Единственным средством спасения Казани казался маневр. Для этого необходимо было создание мощного подвижного кулака, состав которого был бы хорошо обучен и верил бы в своих командиров.

Сразу же по возвращении из Симбирска полковник Каппель занялся собиранием такого кулака. Основой его, прежде всего, явились добровольцы Народной армии, два батальона симбирцев и два батальона недавно мобилизованных, а также сербский отряд Благодича – всего менее 3 тысяч человек. Целью операции был удар по городу Свияжску на реке Свияге, на правом берегу Волги, а потом, в случае удачи и растерянности среди красных, можно было сделать попытку достичь Нижнего Новгорода (170 верст к западу), а за Нижним Новгородом маячила Москва (300 верст дальше).

План операции в общих чертах был таков: части Народной армии в Казани совместно с чешскими частями должны были непрерывно атаковать красных, удерживая их у Казани. В это время полковник Каппель с этим кулаком высаживается с пароходов у Нижнего Услона и быстрыми маршами заходит далеко в тыл противника, внося там панику, рассеивая красные части, дезорганизуя тыл и в дальнейшем захватывая мост через Волгу, по которому шли боеприпасы и подкрепления к красным у Казани.

Высадка у Нижнего Услона произошла во вторник 27 августа 1918 года.

Мне как командиру батареи с прикрытием в 45 улан под командованием ротмистра Фельдмана дается задание: обойти город Свияжск возможно глубже с юга, выйти к станции Тюрельма, интенсивно обстрелять красные эшелоны и, не задерживаясь, двинуться на Свияжск, который к тому времени должен быть занят нашими войсками.

В это время в Народную армию только что прибыл бежавший от большевиков террорист Борис Викторович Савинков (ему было тогда 39 лет). Он заинтересовался предстоящим набегом и испросил разрешение полковника Каппеля принять участие в этом набеге. Разрешение было дано, и мне было приказано выдать Савинкову коня. Девяносто верст ночного похода для него, который не сидел в седле более 20 лет, оказались нелегкими. Но он не жаловался.

На рассвете 28 августа, проезжая по открытой местности, мы увидели в сиреновом утреннем тумане на расстоянии трех верст станцию Тюрельму. Там стояло около 5-6 поездов, один из которых был пассажирским с вагонами первого и второго классов. Солнце еще не всходило, но вагоны было видно хорошо. Быстро поставив батарею фронтом к станции, я, не торопясь, скомандовал: "Прямой наводкой по поездам!". Орудийный наводчик Орлин спросил: "По какому вагону прикажете?" – "По синему, третьему от паровоза".

Выпустив 60-70 снарядов по эшелонам, наша конная группа двинулась к городу Свяжску. Пройдя верст 5-6, мы увидели медленно идущий навстречу нам из города Свяжска красный броневик. Поставив за горку орудие неподалеку от попутной деревни, я начал с трехверстной дистанции расстреливать упорно продвигавшийся броневик. После второй или третьей очереди мои гранаты разорвались под колесами паровоза. Броневой поезд остановился. Я перешел на беглый огонь, но берег снаряды: день только что начался, и я не знал, что будет впереди.

Борис Савинков, я и несколько моих разведчиков-наблюдателей сидели на небольших камнях возле сельской бакалейной лавки. С окраины деревни другие разведчики привели нескольких пленных красноармейцев.

Я задал им несколько обычных вопросов. Они ответили, что были мобилизованы в 3-й Петроградский полк. Оружие у них было отобрано, и, согласно приказанию Военного штаба, мы их отпустили. Ответственных же советских работников и комиссаров мы должны были отправлять в наш штаб, а оттуда они пересылались в Самару для производства дознания. Последним из допрашиваемых пленным был совсем молодой мальчишка лет 15-16, захудалый и грязный. Он трясся от страха и плакал, а добровольцы смеялись над ним. Один доброволец, мой большой приятель и однокашник, добрейший малый, сказал:

"Разрешите отшлепать этого паршивца по голой заднице. Убежал такой-сякой от матери и поступил добровольцем к красным".

Я разрешил. Ему приказали снять штаны и лечь животом на большой камень. Мой приятель шлепал его слегка, приговаривая:

"Не бегай от матери, не ходи к красным добровольцем". Закончив наказание, он сказал: "Одевай штаны, иди к своим и скажи, что мы вас не расстреливаем".

Мальчишка, придерживая руками штаны, бежит к броневнику и кричит: "Никому ничего не скажу... Спасибо..." – и скрывается в канаве. Наблюдавший всю эту сцену Савинков сказал мне:

"Эх, Василий Осипович, слишком вы добрый человек, цацкаетесь с ними... Лучше бы расстреляли эту сволочь, и дело с концом. Ведь попадись мы с вами к этим молодчикам, они бы ремнями сдирали с нас кожу" Я только что бежал от них и видел, что они делают с пленными".

Наша конная группа, держась сжатым кулаком и имея в полуверсте впереди себя лишь дозорных, подошла теперь к городу. Дозорные уже видели городскую площадь, буквально запруженную обозами, военными кухнями и войсками. Кишевшая этим сбродом площадь при подходе наших дозорных сильно поредела: все, кто мог

двигаться – запряженные повозки, люди – все начали удирать во все стороны.

Наши дозорные, хотя и считали возможным, что город был занят нашими, все же держали свои винтовки на коленях наготове. Из-за угла поперечной улицы прямо на нас повернул отличный автомобиль, по-видимому, ничего не подозревавший. Дозорные, взяв винтовки на прицел, остановили автомобиль. Он повернул к первым воротам, в которые почти на ходу юркнули два пассажира автомобиля. Впоследствии шофер, которого мы захватили, сообщил, что это были Лев Троцкий, комиссар по военным делам, и его секретарь. Как жаль, что мы не знали этого в тот момент!

Конная группа и все мы оказались теперь в "пикантном" положении. Затрачивать время на подробный допрос было опасно и неразумно. На всякий случай мы свернули в первую боковую улицу и выбрались на окраину города, не расставаясь с захваченным автомобилем. А потом, когда мы уже вышли в поле, где можно было оглядеться, перевели своих коней на шаг и, придерживаясь направления на юг, направились в те деревни, откуда должны были сегодня утром наступать на Свияжск наши главные силы. Пройдя часа 2-3, уже в сумерках мы присоединились к этим частям, которые после дневного боя медленно втягивались в оставленную красными деревню.

Нас встретил сам полковник Владимир Оскарович Каппель и поблагодарил нашу конную группу за отличную работу по обстрелу станции Тюрельмы. Поблагодарил он нас также и за необычный подарок – "Минерву" – автомобиль Льва Троцкого. Он сообщил нам, что наступление в тот день на Свияжск было отложено, так как одна из трех колонн, идя темной ночью на свою заданную позицию, сбилась со своего пути и на некоторое время совсем потерялась. На поиски ее ушло много времени, а когда она нашлась, было уже совсем светло и наступать было невозможно: элемент неожиданности был потерян. Главным силам пришлось ограничиться боем за то село, в которое мы только что втягивались.

Так как наши кони были сильно утомлены трудным и долгим походом, то мы вели их в поводу медленно, потому что квартирьеры еще не успели разбить квартиры. Мы шли большой группой, с остановками, и в нашей группе, помимо меня и Савинкова, шел Каппель и, немного позади, В.И. Лебедев, который именовался тогда Уполномоченным Комитета Учредительного собрания.

Уже совсем стемнело. Втягиваемся глубже в село. Из одной избы вышла старушка крестьянка и протянула к бывшему к ней ближе всех остальных Лебедеву довольно большую краюху хлеба, говоря:

- На-ка, родимый, хлебца, чай изголодался за день-деньской!

В.И. Лебедев, всегда восторженный, всегда мятущийся, схватил эту ковригу хлеба и, догнав нас, восторженно крикнул Савинкову:

- Борис Викторович, смотрите, народ за нас!

Савинков, не останавливаясь, резко ответил:

- А ты думаешь, эта баба разбирается, кто ты: белый или красный?

Лебедев начал было что-то возражать и доказывать, но Савинков, не обращая на него

внимания, продолжал рассказывать Каппелю, как он был у большевиков, от которых бежал только три дня тому назад.

Здесь мне хочется упомянуть об одном трагическом случае, имевшем место в этих боях. Во время жесточайших боев под Свияжском Народная армия должна была атаковать деревню Николаевку, где укрепились красные. На рассвете все части, как было указано в диспозиции полковника Каппеля, собрались на сборный пункт, куда прибыл и я со своей батареей. Остановились. В это время со стороны расположения нашей пехоты прибежал ко мне доброволец Рыжинский и попросил меня (уже не первый раз) перевести его из пехоты в батарею, так как в батарее у него было много друзей-однокашников. Недели две назад я обещал ему сделать это и поговорить с начальником пехотной части Бузковым, который в это время как раз проходил неподалеку от нас. Я подъехал к Бузкову и рассказал ему, в чем дело. Бузков сказал: "Хорошо, пусть Рыжинский переходит к вам, а все документы на него я пришлю потом".

Нужно сказать, что Рыжинский был очень симпатичным молодым человеком, отличным солдатом и имел много друзей. Заподозрить его в том, что он пытался "увильнуть" от тяжелой службы в пехоте, не было никаких оснований. В данный момент он был как-то нервен, но только немногие заметили это. Когда он подбежал ко мне в первый раз со своей просьбой, мне как-то бросился в глаза его взгляд, не совсем обычный. Я еще тогда подумал: он так настойчиво стремится в батарею потому, что предчувствует свою смерть и желает избежать ее. И я был даже рад, что его переход из пехоты в батарею прошел так быстро.

Мои батарейцы, его друзья, тут же у зарядного ящика начали вводить его в тайны артиллерийской службы. Пехота ушла вперед занимать позиции. Прискакавший к нам ординарец Каппеля привез приказ: встать на позицию в районе правого фланга нашей пехоты и возможно энергичнее поддержать пехоту огнем. Правее пехоты должен был быть отряд сербов, но связи с ним еще не установили. Я со своими разведчиками галопом отправился на правый фланг Бузкова. Под стрекотание своих пулеметов он крикнул мне: "Пожалуйста, не жалейте снарядов; у красных большие силы".

За редкими деревьями виднелась деревня Николаевка, которую наша пехота старалась охватить справа. Но сильнейший ружейный и пулеметный огонь противника задерживал нашу пехоту. Выбрав наскоро позицию, я поставил свои орудия, укрывши их за крупным кустарником. Но мои передки не успели отъехать, как справа от меня, с той стороны, где должен был находиться сербский отряд, оказались не сербы, а красные, которые с небольшой дистанции, почти во фланг открыли по нашей батарее ураганный огонь, когда мои батарейцы еще не успели открыть зарядных ящиков. Прямым попаданием снаряда Рыжинскому оторвало полголовы. У Катанухина и Семенова оказались перебитыми ноги. Подбежав к своему правому орудью, я приказал повернуть его направо, в сторону красных, и дать две картечи. Между выстрелами своего орудия я услышал шум уходящих красных орудий и занялся обстрелом Николаевки. С того момента, когда Рыжинский попросился о переходе в мою батарею, прошло не более получаса. Не переведись он из пехоты, по всей вероятности, уцелел бы...

Почему не удалась вся операция и вместо захвата Свияжска и моста через Волгу и похода на Нижний Новгород нам пришлось отступить? Причины крылись, с одной стороны, в недостатках нашей стороны, с другой – в изменениях, которые произошли

на красной стороне.

Во-первых, чешские части, вместо того, чтобы производить непрерывное давление на красных под Казанью согласно плану, после небольшого продвижения вперед вернулись к своим исходным позициям и прекратили все дальнейшие попытки. Таким образом, красные увидели, что со стороны Казани им ничто не угрожает.

Во-вторых, вновь мобилизованные батальоны, присланные Самарой, сначала шли хорошо, но потом, попав под огонь, смешались (они еще никогда не были в бою и даже на маневрах) и внесли беспорядок в свою колонну, благодаря чему было потеряно много времени, и сама колонна не достигла назначенной цели.

Испытанные части Народной армии имели большой успех, но нас было недостаточно, чтобы развить его. Если бы у нас в резерве было 2 тысячи испытанных бойцов, судьба операции была бы иной, и, вполне возможно, исход всей гражданской войны был бы иным. Но этих 2 тысяч у нас не было. В Сибири были большие силы, но эти силы держались Сибирским правительством для своих целей, о которых будет сказано в дальнейшем.

В результате мы внесли большой беспорядок в тыл противника, перерезали железную дорогу, захватили большую добычу, но это и все. Даже добычу-то эту мы не смогли полностью использовать, потому что нам надо было отступать, а при отступлении много не возьмешь. Отступление закончилось благополучно, но оно отняло два дня, и люди вышли усталыми от непрерывных боев и передвижений.

Мы не знали в те дни, что наша попытка явилась кульминационным пунктом успехов белых армий на Восточном фронте. В дальнейшем никогда уже белые части не смогут продвинуться так далеко на запад и даже достичь правого берега Волги. Сражение за Свияжск, за этот маленький городок, может быть сравнено со сражением у Вальми (маленькая деревушка с населением в несколько сот человек) в период войн французской революции, когда плохо обученные французские войска под командованием революционные генералов Дюмурье и Келлермана 20-го сентября 1792 года впервые удивили мир, отбросив прусскую армию.

Но наша неудача под Свияжском объясняется не только нашими ошибками и неудачами: наш противник тоже изменился за это время. 8-го августа на красный фронт прибыл комиссар по военным делам Лев Троцкий. Он нашел красную армию в состоянии полного развала, паники и деморализации и начал полную реорганизацию. Его методами были непрерывная пропаганда среди красных войск, усиление организационной работы и беспощадные меры по отношению к дезертирам и трусам. Во время своего пребывания в Свияжске он издал приказ о том, что комиссары и командиры бегущих с фронта отрядов будут расстреливаться на месте. Ждать первого случая применения этого приказа долго не пришлось: отряд петроградских рабочих, неопытных, не пристрелянных, был атакован одной из наших групп и постыдно бежал, и не только бежал, но захватил пароход, на котором рабочие-солдаты намеревались доехать до Нижнего Новгорода. Троцкий окружил этот пароход судами Волжской речной флотилии, оставшимися верными советам, заставил повстанцев сдаться и расстрелял на месте не только командира и комиссара отряда, но каждого десятого солдата. В боях под Казанью он расстрелял более двадцати красных командиров, неспособных занимать свои должности. Он не щадил никого. В войсках вводилась такая дисциплина, какой не было и в старой армии. Одновременно новые и новые резервы прибывали на фронт для борьбы с нами. Выковывалась 5-я армия,

наилучшая из шестнадцати армий, сформированных красными за время гражданской войны.

Наконец, надо отметить и роль новой речной флотилии, созданной красными на Волге из судов, привезенных по каналам из Петрограда. До того времени мы могли свободно высаживаться в тылу у красных в любом прибрежном пункте. Но с созданием этой флотилии такие операции стали почти невозможными, и это значительно снизило нашу способность маневрировать. Если бы нам удалось разбить красных под Свияжском, дорога для наступления была бы открыта, так как между Свияжском и Нижним Новгородом не было никаких советских войск.

Но нам пришлось отступить, а в данной обстановке это значило, что судьба Казани была решена.

ГЛАВА 7

ПОВОРОТ В СОБЫТИЯХ

Большевицкая Казань была взята 7-го августа. В этот же самый день восстали рабочие ижевского и воткинского заводов, отрезав таким образом хлебородное Прикамье от Москвы. Казалось, что приближается момент падения советской власти. В надежде, что удастся окончательно нарушить равновесие красной армии, Каппель бросил нас на Свияжск, бывший центром сопротивления красных на Казанском фронте. Эта попытка не удалась, и 28 августа нам пришлось откатиться назад. Эта неудача объяснялась, однако, не тем, что план был ошибочен, но целым рядом условий. И прежде, чем описывать начавшуюся трагедию, необходимо проанализировать эти условия.

Каппель тогда командовал только одним, хотя и наиболее сплоченным и наиболее успешным отрядом Народной армии. С его точки зрения, удержание Казани, Симбирска и даже Самары в условиях этой стадии гражданской войны, не являлось важным. Стремительное наступление на Москву любой ценой расшатало бы организацию советской власти и сделало бы возможным поголовные восстания вокруг Москвы, создало бы паническое настроение в советском правительстве. В этих условиях захват Москвы небольшими силами был возможен. Но насколько "небольшими"? В масштабе 10-15 тысяч войск, особенно сильных кавалерией.

Но у Каппеля таких сил не было. У него были только 2-3 тысячи бойцов, которые вот уже в течение трех месяцев выдерживали непрерывные бои с превосходящими силами противника. Самарское правительство – "Учредилка" – не назначило Каппеля командующим всеми его войсками, хотя всем было хорошо известно, что он был блестящим командиром. Самарское правительство не изжило еще психологии 1917 года и опасалось контрреволюции не меньше, чем большевиков. Но дело было не только в этом. Во-первых, Самарское правительство не решалось на мобилизацию населения, на что пошла Москва. Почти до конца своих дней Комуч опирался на добровольцев и чехов. Но в условиях гражданской войны число добровольцев не может быть значительным. Самым лучшим было призвать солдат, бывших в старой армии. Они были обучены, и их легко было организовать в крупную силу. Но Комуч боялся их: он считал, что они заражены большевизмом, и предпочел призвать в армию два контингента молодежи. Но молодежь надо было обучить, на что требовалось несколько месяцев, а этих месяцев-то и не было; по своему духу

молодые люди оказались не лучше более старших возрастов. Больше половины их на призыв вообще не явились, а многие из явившихся вскоре "растаяли". Таким образом, Самарское правительство не сумело организовать армии наилучшим образом и не сумело использовать имевшиеся части и талантливого командира.

Имелось, конечно, 50 тысяч чехов – крупная сила, если бы только эта сила была использована надлежащим образом. Но только примерно 10 тысяч чехов (а может быть, и меньше) принимали участие в борьбе, остальные же охраняли железную дорогу, несли гарнизонную службу и спекулировали. Те же, которые принимали участие в борьбе, быстро выдохлись. Они успешно воевали в течение первых месяцев, но когда борьба затянулась, когда она перестала быть легкой прогулкой, на которой можно было и обогатиться, пыл чехов быстро остыл. Например, план захвата Свияжска частями Каппеля предусматривал удар чехов по Романовскому мосту через Волгу. Это отвлекло бы крупные силы красных и позволило бы захватить Свияжск. Но чехи, продвинувшись из Казани на несколько верст, затем отступили без всякого повода и без предупреждения и подорвали возможность успеха частей Каппеля.

Восстание ижевских и воткинских рабочих могло бы также стать крупным событием – в их рядах насчитывалось свыше 40 тысяч человек. Но опять-таки наследие революции дало знать себя и здесь; они не подчинялись никому. У них были и офицеры, но только свои, местные. Они не выступали против красных, а только удерживали свою территорию. Эта местная политика совершенно сняла их со счетов в решительных битвах, которые разыгрались на Волге. И уже только потом, когда их немного переформировали и дали им таких доблестных начальников, как полковник Молчанов, капитан Ефимов и другие, ижевцы и воткинцы превратились в грозную силу и буквально делали чудеса, проявив свое упорство до конца войны.

Наконец, одновременно с Самарским правительством на территории Сибири возникло Сибирское правительство, которое, по крайней мере, в военном отношении распространило свою власть на территорию Урала. На Урале было свое правительство, но оно не имело ни денег, ни вооруженной силы, и потому попало в зависимость от Омска ("столицы" Сибири). В начале политическая физиономия Сибирского правительства была почти такова же, как и у Самарского: большинство его состояло из социалистов-революционеров. Но, к сожалению, под давлением казачьих и других офицерских организаций это правительство шаг за шагом изменялось в своем составе и постепенно превратилось в центр противосамарских течений. Выражение "к сожалению" употреблено здесь не в том смысле, что социалисты-революционеры были бы лучшими правителями, чем правые группировки Омска, а только в том, что если бы Омск и Самара имели однородные правительства, они могли бы легче договориться, оказать друг другу помощь и, в конце концов, образовать одно правительство, которое стало бы всероссийским правительством. Но этого не случилось. Самарское правительство до конца осталось почти исключительно эсеровским правительством.

В течение этого периода Сибирское правительство все больше и больше правело. Некоторые эсеры из него ушли, других "ушли", некоторых убили (Новоселов и др.). Председатель совета министров Сибирского правительства Петр Вологодский был известен как социалист, но это было недоразумение чистейшей воды – он был старый судебный деятель, весьма порядочный, любивший произносить речи со слезой, но человек он был безвольный и без какой-либо программы. За его спиной стояли два молодых напористых человека – "Иван Михайлов (не смешивать с Павлом Михайловым, эсером, членом Западно-Сибирского комиссариата, который и положил

начало Сибирскому правительству), известный в Омске под кличкой "Ванька-Каин", и юрист Георгий Гинс. Сибирское правительство выступало под бело-зеленым знаменем областничества, но это была только удобная вывеска для противодействия Самаре. Ни Михайлов, ни Гинс не были по своим убеждениям областниками-сибиряками и довольно быстро сбросили эту маску.

Наличие политических центров – Самары и Омска – повлияло на исход борьбы чрезвычайно отрицательно. Сибирское правительство начало захватывать территории, которые никогда не были частью Сибири, как, например, Челябинский и Златоустовский уезды. Мало того – Сибирская армия переманивала офицеров из армии Самарского правительства, обещая им крупное жалованье (в Народно-добровольческой армии жалованье было номинальным), и между двумя правительствами началась таможенная борьба: Омск придерживал хлеб, Самара придерживала нефть. Все это было крайне ненормальным. Сибирская армия не послала на Волжский фронт ни "одного солдата" ограничивая свое участие в вооруженной борьбе Екатеринбургским фронтом.

Союзникам и чехам было ясно, что существование двух почти враждебных друг другу правительств являлось вредным, и с первых шагов этих правительств они стремились к их объединению. Первое совещание представителей Самары и Омска состоялось 15 и 16 июля в Челябинске. Поезда их стояли, как это и полагается независимым правительствам, параллельно друг другу, и, несмотря на прекрасный обед, данный сибиряками, стороны ни до чего не договорились. Самара тогда была в упоении от побед Народной армии и полагала, что Сибирское правительство как местное должно подчиниться Самаре, власть которой основывалась на Учредительном собрании. Омск же, представленный "генералом" Гришиным-Алмазовым, Михайловым и юным Головачевым, полагал, что его власть не хуже Самарской, и ни о каком подчинении и не думал. Разговоры ни к чему не привели, поезда разъехались в разные стороны, и почти 40 дней, потраченные на переговоры, были бесплодными.

Читатель увидит в дальнейшем, какую важную роль сыграли эти совещания. Первая неудача, конечно, не обескуражила союзников и чехов, и давление на обе стороны продолжалось. Второе совещание должно было открыться в Челябинске 6-го августа, и предполагалось, что на нем уже будет создано Центральное правительство. Но сибиряки не торопились с приездом. Совещание под давлением союзников, в конце концов, открылось, но только 23 августа, и на нем, помимо представителей двух правительств, были также представители центральных комитетов политических партий, союзников и чехословаков. Председателем совещания был избран Авксентьев, который хотя и был в прошлом социалистом-революционером, но держался подалеже от Самарского правительства, заявляя, что партийная власть в данный момент губительна. Он похвалил Сибирское правительство и представлял на совещании группу "Единство", в которой было больше сановников, чем рядовых членов. Задача совещания оказалась очень скромной – определить, что будет иметь право быть представленным на следующем совещании в Уфе, которое должно было открыться 1-го сентября, но открылось формально только 8 сентября, а на самом деле – только 12-го сентября, когда в Уфу соизволил прибыть представитель Сибирского правительства. Таким образом, два чрезвычайно важных месяца для борьбы с красной армией были потеряны – объединенное командование не было образовано, армии были изолированы друг от друга, не было общего плана борьбы, и были даже полувраждебные, если не просто враждебные, отношения.

Еще одна очень важная деталь. На втором Челябинском совещании Сибирское правительство было представлено его военным министром Гришиным-Алмазовым. Этот молодой генерал, произведенный в генералы в Омске в 1917 году, числился социалистом-революционером. Но в 1918 году он уже был независимым. Человек он был энергичный, неплохой организатор, демократический по внешности, хороший оратор, но с диктаторскими замашками. Он был несомненным и искренним сторонником союзников, главным организатором противобольшевицких сил в Западной Сибири и организатором Сибирской армии. На одном банкете в Челябинске, задетый резким, бестактным и ироническим замечанием английского консула в Екатеринбурге по адресу русских, он заявил, что русские менее нуждаются в союзниках, чем союзники в русских. Представители союзников протестовали. Правые элементы в Омском правительстве воспользовались этим и уволили Гришина-Алмазова. Новым военным министром был назначен старый полицейский служака Иванов-Ринов, который вступил в должность, не ожидая сдачи дел Гришиным-Алмазовым. Первым приказом Иванова-Ринова по вступлении его на министерский пост было восстановление погон. Надо заметить, что Народная армия погон не носила, потому что в эпоху гражданской войны масса солдат видела в них символ старого режима, и незачем было ради честолюбия и тщеславия какой-то кучки ставить в опасность большое дело освобождения родины. Второй приказ генерала Иванова-Ринова от 13 сентября (об офицерах) был еще более серьезным по своим последствиям. Об этом будет сказано ниже.

Таково было положение в отношении организации армии и тыла на стороне противобольшевиков. Между тем, на большевицкой стороне происходили большие изменения. Во-первых, с добровольческим началом организации армии было покончено. Москва призывала в ряды армии одну возрастную группу за другой, и призывала в армию также и офицерство. Огромное большинство офицеров и унтер-офицеров оставалось на территории советского правительства. Уклоняться от призыва было опасно – политика террора и расстрелов начала проводиться систематически. Кроме того, был организован институт политических комиссаров, чтобы лучше следить за офицерами. Отныне офицер превращался только в технического специалиста, комиссар же отвечал за политическую сторону дела. Комиссары назначались обычно из надежных коммунистов.

Еще одно обстоятельство было на руку большевикам. Окраины, снабжавшие центр сырьем, были охвачены огнем восстаний. Без сырья многие заводы и фабрики остановились. Правительство посылало верных ему рабочих в красную армию для укрепления там дисциплины. Повторные мобилизации членов коммунистической партии служили той же цели. Постепенно в каждой воинской части создавалось надежное ядро, которое помогало поддерживать дисциплину и воинский дух на должной высоте. К концу гражданской войны армия насчитывала 280 тысяч коммунистов. Беспощадная расправа грозила тем солдатам, офицерам и даже целым частям, которые бежали с поля сражения, отказывались подчиняться командирам или плохо вели себя в отношении гражданского населения. Конечно, все это создавалось не сразу; многие части были еще ненадежны, были случаи беспорядочных отступлений, сдач противнику или просто переходов на сторону "белых", но было несомненно, что дисциплина укреплялась, армия подтягивалась, наводился порядок на фронте и в тылу, создавались устойчивые части, на которые можно было положиться в критические моменты.

Было и еще одно важное обстоятельство в пользу большевиков. В течение всей гражданской войны на нашей стороне армия была забытой частью населения. Тыл

ни в чем себе не отказывал и жил полной жизнью, не зная лишений, и лишь армия была предоставлена самой себе. Часто она была разута, раздета, голодала и холодала. У большевиков проводилась беспощадно политика подчинения интересов тыла интересам фронта. "Все для фронта!" – таков был лозунг, который претворялся в жизнь. Тыл переживал лишения, но армия снабжалась и питалась лучше, чем тыл. Опять-таки было много неопорядка, безалаберности, глупости, но в основном мобилизация тыла для нужд войны была произведена и сказалась на исходе борьбы.

Вот один из примеров. Успехи Народной армии на Волге и взятие Казани в значительной степени были обязаны организации "белыми" Волжской флотилии. Для успеха на Волге большевикам необходимо было создать свою флотилию. Они вооружили лучшие быстроходные пароходы в Нижнем Новгороде и, несмотря на огромные трудности, сумели перекинуть из Балтийского моря по Мариинскому каналу, Шексне и Волге три миноносца и ряд быстроходных катеров, которые радикально изменили соотношение сил у Казани и создали маневренность для красной армии, не хватавшую ей до того.

Такова была та обстановка, в которой генерал Иванов-Ринов отдал свой приказ 13 сентября 1918 года. Прочитую часть этого приказа: "Одни (офицеры) поступали сознательно и активно работали в совдепах. Это явные предатели. Другие несознательно, из-за нужды и отсутствия работы, поступали на службу к большевикам. Это малодушные. Между этими двумя категориями большая разница. Но как первые, так и вторые заслуживают кары. Предатели должны быть осуждены – их место в тюрьме. Малодушные заслуживают некоторого снисхождения. Приказываю таких офицеров и чиновников зачислять в нестроевые части рядовыми и только по ходатайству начальников, по искуплению вины переводить рядовыми в строевые части. В строевых частях боевыми подвигами возможно окончательно искупить свою вину. Особо отличившихся предоставляю право начальникам назначать на командные посты".

Политика в отношении офицеров, проявившаяся в этом приказе, была политикой Омской белой армии до конца борьбы. Были случаи, когда, например, командиры советской дивизии, перебежавшие на сторону белых, арестовывались и заключались в тюрьму или под стражу, и проходило несколько месяцев, прежде чем разбирались их дело. Согласно этому приказу полковник Каппель, генерал Петров, полковник Махин и многие другие офицеры, оказавшие бесценные услуги белому делу, должны были быть разжалованы в рядовые!

Начиная с 12 июня 1918 года по август 1920 года, в красную армию было мобилизовано 48409 бывших офицеров, 214717 унтер-офицеров и 26766 докторов и ветеринаров. И вот этим сотням тысяч русских людей Иванов-Ринов бросил обвинение в сотрудничестве с советами и угрожал тюрьмой и разжалованьем в рядовые, если они попадутся в руки Сибирской армии. Удивительно ли, что постепенно молва об этом разошлась далеко, и офицеры и унтер-офицеры начали прилагать усилия, чтобы избежать этой печальной участи.

Любопытно, что за тот же период (14 месяцев) советское командование послало в красную армию 14390 офицеров, которые служили в белых армиях и были взяты в плен, на должности командиров.

Все эти меры, проведенные красным командованием, начали сказываться положительным образом. Полковник Каппель захватил Симбирск 21 июля. Но уже 10

августа, через 20 дней, и через 3 дня после захвата Казани Симбирск оказался под угрозой: молодой командир красной армии Тухачевский начал наступление на город. Каппель и всем нам, бойцам Народной армии, пришлось срочно идти на помощь Симбирску. Три дня продолжалось сражение (14-16 августа); красные потерпели поражение и отступили. Но уже тогда Каппель почувствовал перемену. Он сообщил генералу Петрову, начальнику штаба в Самаре: "Мы ожидали, что покончим скоро, а разыгралось целое сражение, причем мы старались нанести удар своим правым флангом, а красные – своим правым. И уже прежней уверенности не было. Выручил энергичный удар самарцев в центре. Мы обеспечены от нового удара не более, как на две недели". И Каппель не ошибся: за эти две недели Тухачевский переорганизовал свои части и начал новое наступление на Симбирск. И давление красных сил чувствовалось не только в направлении Симбирска и Казани, но также и на юге – под Сызранью и Николаевском. Последний город несколько раз переходил из рук в руки.

В предыдущей главе я описал попытку со стороны полковника Каппеля прорваться в тыл красным в районе Свяжска. После неудачи этой попытки Симбирск просил послать спешно помощь. Но послать эту помощь было нелегко, так как нажим на Казань усиливался, а наша "столица" – Самара – не имела никаких резервов и подкреплений. Почти сразу же после отбытия Каппеля и его воинских частей из Казани там произошло восстание рабочих, к которым присоединились некоторые молодые части. Восстание это было жестоко подавлено, но оно подорвало дух чешских и русских бойцов. В ночь на 10 сентября Казань была оставлена белыми частями. Несколько тысяч жителей Казани бросили город вместе с войсками. Население бежало, как могло – на повозках, пешком, везя с собой, что можно, или отступая с пустыми руками. Бесконечной лентой потянулись беженцы – сначала к Лайшеву на Каме, а потом – к Волго-Бугульминской железной дороге, напоминая времена великого переселения народов. Если бы все беженцы-мужчины были в свое время мобилизованы и получили оружие, из них можно было бы организовать внушительную силу. Но В.И. Лебедев и капитан Степанов, стоявшие во главе власти в Казани, скрывали до последнего момента истинное положение на фронте. Да и обыватели сами не проявляли большого энтузиазма защищать город с оружием в руках. Эта картина повторялась снова и снова в период гражданской войны.

Чтобы помочь Симбирску, Каппель погрузил свои части на пароходы и баржи и отправился вниз по течению. Примерно на полпути, не доходя до селения Тетюши, наши пароходы и баржи встретили баркас, специально посланный из Симбирска с сообщением, что дни Симбирска сочтены, и подходить к городу на пароходах может быть рискованно. Каппель решил тогда высадиться в Тетюшах и двигаться походным порядком по левому берегу Волги к Симбирскому железнодорожному мосту через Волгу. На следующий день, подойдя к этому мосту, мы увидели, что он был забит отступавшими по нему эшелонами и измотавшимися воинскими частями.

Скоро мы узнали, в чем было дело: наши части, сдерживавшие красных в течение нескольких дней в ожесточенных боях, окончательно вымотались и теперь хотя и в полном порядке, но отходили к самой окраине города. Это показало, что мы хорошо сделали, высадившись в Тетюшах: в противном случае, находясь на пароходах, мы могли попасть под огонь неприятеля.

Поставив орудия на хорошо укрытую позицию, я весь тот день энергично обстреливал красных в юго-западной окраине города, прикрывая отход симбирцев. Каппель со своим штабом находился недалеко от моста, следя за ходом событий. Он оставался там неотлучно, до тех пор, пока не переправились на левый берег главные части.

Занятый в течение дня стрельбой по красным я увидел Каппеля только поздно вечером, когда направлялся в деревню Часовня. По мосту еще двигались на левый берег Волги остатки симбирцев. Я тоже снял свои орудия с позиции, так как продолжать стрельбу было невозможно из-за быстро спустившихся сумерек. Обгоняя нас, Каппель задержался ненадолго и с горечью сообщил мне, что отдал приказ: как только все симбирцы перейдут через мост, наши саперы должны взорвать его. Подъехав ко мне совсем близко, он тихо сказал: "Какая нелепость! Русские люди должны взорвать русский мост! Но я приказал взорвать лишь с одного конца пролета, чтобы пролет не упал в Волгу". Сказав это, он пустил коня рысью, а я со своими орудиями пошел шагом.

Симбирск был занят красными 12 сентября, черед два дня после падения Казани и на день позже горделивого обещания Тухачевского Троцкому. 13 сентября я опять выехал на позицию. Но на этот раз я поставил орудия подальше от Волги, укрывая их за складками местности. Моей задачей было обстреливать правый берег Волги на случай, если Тухачевский попытается переправить свои войска через Волгу на баржах или плотках.

Скоро Каппель с двумя офицерами штаба на рысях проехал к мосту, чтобы присутствовать при взрыве. Через каких-нибудь полчаса, когда все симбирцы были на нашей стороне, мы услышали страшный взрыв, от которого стало тяжело на душе. С правой стороны Волги, с городской окраины или из самого города, скрытая за строениями красная артиллерия энергично обстреливала наш берег и дороги, ведущие от моста на восток.

Разведка доложила, что красные начали переправляться через Волгу ниже Симбирска. Чтобы не быть обойденными, отряды Народной армии начали двигаться в направлении симбирцев, шедших впереди. Перед Каппелем стояла чрезвычайно трудная задача. Во-первых, он должен был отступать по Волго-Бугульминской железной дороге очень медленно, сдерживая противника, чтобы дать возможность отступившим из Казани присоединиться: иначе они все могли оказаться отрезанными. Эта задача была выполнена: дня через два казанцы подошли к нам. С присоединением симбирцев и казанцев Народная армия была переименована в Волжскую группу.

Наличный состав Волжской группы трудно было учесть. К тому же, некоторые из отступавших, например, казанские драгуны и другие мелкие соединения, пройдя два дня в общей колонне, затем по своей инициативе взяли направление прямо на Сибирь. Так как красные в Приуралье еще не были организованы, нашим казанским кавалеристам удалось проскочить до Челябинска.

Посланные им вдогонку телеграммы с приказом о задержании ни к чему не привели. Они ушли к Омску, так как считали Омскую ориентацию более приемлемой для них: они считали, что Каппель служит социалистам-революционерам. Телеграфный приказ подействовал только на начальника беглецов, подполковника Нечаева, который и вернулся к Каппелю. Явившись к нему, Нечаев чистосердечно заявил, что большинство подчиненных ему кавалеристов предпочли служить Омску. Если это противозаконно, то пусть его, Нечаева, расстреляют. Каппель и Нечаев, оба кавалеристы, хорошо знали друг друга и по школе, и по фронту на Германской войне. В наказание за этот поступок Каппель приказал Нечаеву оставаться при Волжской группе и возглавить кавалерию и конную артиллерию (то есть меня и ротмистра

Фельдмана – около 200 сабель и др., с четырьмя орудиями). Я хорошо знал Костю Нечаева еще по 5-й кавалерийской дивизии, где он считался выдающимся по храбрости кавалерийским офицером 5-го драгунского Каргопольского полка, так что я был очень рад быть его подчиненным: мы были "на ты" еще с Германской войны. Я нарочно привожу этот случай, чтобы показать, как Каппель "наказывал" провинившихся офицеров – он показывал им, что доверяет им и надеется на них, совершенно иначе, чем это делал Иванов-Ринов и его преемники.

Первая задача – дать возможность отступающим из Казани войскам и беженцам выйти на Волго-Бугульминскую дорогу – была выполнена. Но была еще и другая задача, значительно более трудная – задерживать красных так, чтобы они не вышли в тыл Самаре, потому что в таком случае весь фронт был бы прорван. Единственной силой, противостоявшей красным от Симбирска до Уфы, была эта Волжская группа, включавшая некоторое число чехов. Я говорю "некоторое число", потому что в рядах чехов началось брожение, и многие их части уходили в тыл. Они были измотаны трехмесячными боями, разочарованы поведением казанских частей, особенно драгун, и вообще начинали больше смотреть в тыл, чем на фронт.

Волжскую группу Каппель все время держал в кулаке, так как она отступала по бушующему красному морю. Красные давили с арьергарда, нападали справа и слева и часто перерезали дорогу нашему авангарду. Нужна была выдержка, изворотливость и находчивость Каппеля, чтобы поддерживать дух этой группы и беспрерывно наносить удары врагу. Зная, что Каппель не разбит и что его силы представляют угрозу красным, они не смели продвигаться в тыл Самаре, потому что сами могли оказаться в западне. Можно сказать, что если бы не Каппель, все силы южнее Симбирска, все огромное имущество и все гражданское население оказались бы отрезанными.

Недалеко от Мелекеса красные напали на нас со стороны деревни Малловка. Каппель дал им бой, после которого они разбежались по соседним деревням. При обстреле из деревни нужно было перестраивать колонну в боевой порядок, а это требовало много времени. Стычки, столкновения, бои день и ночь – такова была обстановка отступления, такова была задача, блестяще выполненная Волжской группой.

Между Симбирском и Уфой 400 с лишним верст. Каппель и его группа отступали по этой линии почти четыре месяца. Об этом отступлении больше будет сказано в следующей главе. Здесь достаточно отметить, что поставленные ему задачи Каппель разрешил блестяще. С небольшими силами он задерживал противника 120 дней. Каппель не спрашивал, какова власть в Самаре и не лучше ли оставить фронт со своими частями и идти в Омск или в другой город, где политические воззрения правителей будут ближе к его убеждениям или где оклад будет выше, и он сможет носить блестящие погоны. Такие вопросы никогда не волновали Каппеля. Он был на фронте, и этому фронту отдавал все свои силы и все свои способности.

Теперь мы вернемся в Уфу и посмотрим, как на государственном совещании русские политические деятели строили центральную власть и верховное командование, которые могли бы объединить усилия разных правительств и создать надежду на успех.

ГЛАВА 8

УФИМСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВЕЩАНИЕ

Здесь нам необходимо несколько оторваться от фронта для того, чтобы лучше понять положение в России в сентябре 1918 года. Западная Россия от Пскова до Могилева и вся Украина были в руках немцев, приближавшийся разгром которых на Западном фронте можно было только угадывать, но не ощущать. На Западном фронте от Ипра – Арраса до Суассона – Реймса – Вердена англо-французско-американские войска начали наступление 8 августа 1918 года и до 10 сентября продвинулись максимум на 20 миль в глубину. Но это был максимум, достигнутый между Амьеном и Сент-Квентином, тогда как продвижение у Вердена равнялось почти нулю, у Арраса – 10 милям, а фронт от Вердена до Швейцарии стоял неподвижным. Прорыв на Македонском фронте начался только 15 сентября. На Итальянском фронте все было спокойно. Даже в Турции в начале сентября Палестина и большая часть Месопотамии оставались в руках турецкой армии. Никто еще не знал, что через два месяца Германия сдастся на волю победителей.

Борьба с большевиками мыслилась как фаза борьбы с немцами, как выражение верности союзникам, и потому, естественно, голос союзников был авторитетным и часто – решающим.

Теперь о противобольшевицких фронтах. Поскольку Прибалтика была в руках немцев и немцы признавали Брест-Литовский мир действительным, никакого противобольшевицкого фронта там не было. Финляндия, находившаяся в то время под влиянием немцев (которые несколько месяцев тому назад уничтожили финскую красную армию), тоже не могла стать базой противобольшевицких войск. На севере Архангельск был освобожден от большевиков всего несколько месяцев назад (2-го августа 1918 года), и противобольшевицкий фронт там протянулся недалеко от города. Правительство, организованное в Архангельске, имело под своим контролем всего только около 200 тысяч русского населения и, конечно, не могло претендовать на серьезную роль в разыгравшейся борьбе.

На юге была Добровольческая армия, но эта армия только 5-го августа захватила Екатеринодар и 26-го – Новороссийск. Таким образом, эта армия была еще далеко от центра, располагала небольшими силами и контролировала сравнительно небольшую территорию, еще далеко не замиренную.

Совершенно иное положение было на востоке: от Волги и до Владивостока, на всей этой огромной территории советская власть перестала существовать. Белые правительства контролировали по крайней мере 25 или 30 миллионов населения. Естественно, таким образом, было думать, что здесь создастся противобольшевицкий центр. Задача состояла в том, чтобы объединить отдельные стихийно возникшие на этой территории правительства, создать всероссийскую власть, единую армию и с помощью союзников двинуться на Москву. Такова была – по крайней мере, теоретически – цель Уфимского государственного совещания – цель благородная, можно сказать, великая. Но в жизни все бывает гораздо сложнее, чем в теории. Исторически, как отмечалось, на этой территории образовалось несколько правительств. Но Уральское правительство в Екатеринбурге не имело армии, не имело денег и хлеба для прокормления горнозаводских поселков и городов. Оно существовало больше на бумаге. Правительства Оренбургских и Уральских казаков были чисто местными правительствами и о большой политике не думали. Таким образом, оставалось только две силы: Самарское правительство Комуча (Комитета

Учредительного собрания) и Сибирское правительство. Самарское правительство состояло почти исключительно из социалистов-революционеров, которые полагали, что первой задачей был созыв разогнанного большевиками Учредительного собрания, большинство членов которого принадлежало к партии социалистов-революционеров. Сибирское правительство при своем возникновении состояло также из социалистов-революционеров. Но постепенно состав его менялся. Вызвано это было рядом обстоятельств. Во-первых, основная сила, вызвавшая его к жизни, состояла из офицерства и казаков, настроение которых было определено не социалистическим. Во-вторых, Сибирская областная дума, о которой нам придется упомянуть еще не раз, не участвовала в работе правительства, так как находилась в Томске, а не в центре, каким стал город Омск. В третьих, в то время как министры в Омске говорили, дела делались "административным советом", оригинальным учреждением, состоявшим, главным образом, из специалистов, которые по своим политическим убеждениям были очень далеки от социализма. Настоящая власть перешла, по существу, в руки этого административного совета, руководителями которого были молодой министр финансов Михайлов, профессор Гельберг и бывший чиновник переселенческого управления юрист Гинс.

Как раз перед самым Уфимским совещанием военный министр Сибирского правительства Гришин-Алмазов был уволен. Это был энергичный и талантливый молодой человек, в прошлом социалист-революционер – в течение нескольких месяцев, когда было модно считаться социалистом-революционером – но на посту военного министра Сибирского правительства в партии он уже не состоял. Отношения его с чехами и союзниками были натянутые. На банкете в Челябинске, взволнованный резким замечанием английского консула по адресу русских, Гришин-Алмазов высказался не особенно лестно по адресу союзников, и в отместку за это союзники потребовали увольнения его с поста министра. Гришин-Алмазов был уволен, и его место занял генерал Иванов-Ринов, до того проявивший себя по полицейской части, а теперь щеголявший генеральской формой и крайне правыми взглядами.

Таким образом, аппарат Сибирского правительства, та часть его, которая вершила делами, был не только не социалистическим, но и откровенно правым. Правительство это находилось под влиянием военных и торговых кругов, а социалисты в его глазах были ответственны за то, что случилось в 1917 году. Большинство военных и торговопромышленников жаждали единоличной власти и не хотели слышать об Учредительном собрании созыва 1917 года. Эта позиция с точки зрения логики была довольно сильной.

Во-первых, сами социалисты-революционеры полагали, что ни большевики, ни левые социалисты-революционеры не должны быть допущены во вновь созываемое Учредительное собрание. Это значило, что почти 25% собрания состояло из большевиков и, может быть, 10-15% – из левых эсеров (точно определить невозможно, так как ко времени выборов полного раскола еще не было, и левые социалисты-революционеры шли по списку партии социалистов-революционеров). Таким образом, от 35% до 40% состава не могли принимать участия в его работах. Собрание оказывалось урезанным и воли населения отражать не могло.

Во-вторых, многие члены Учредительного собрания уже погибли; многие вряд ли смогли бы пробраться на свободную территорию. Таким образом, наличный состав был бы до известной степени случайным.

В-третьих, и это самое важное, результаты выборов в Учредительное собрание отразили настроение страны, каким оно было в ноябре 1917 года. С тех пор много воды утекло, и выборы, имевшие место в нескольких освобожденных городах (Самаре, Омске, Иркутске и других), показали, что социалистические партии большинства населения за собой не имели, а если кое-где и имели, то это большинство было крайне незначительным. Таковы были доводы против Учредительного собрания. Но здесь необходимо отметить весьма сильный довод в пользу старого созыва: новых всероссийских выборов произвести было невозможно, как было и невозможно предсказать, когда станет возможным произвести таковые. Единственным представительным учреждением, которое, несмотря на все его недостатки, могло бы обладать авторитетом и которое было избрано всей страной, было Учредительное собрание 1917 года. Почему не дать ему законодательствовать до того времени, когда станут возможными новые выборы?

Вопрос сводился к тому, можно ли было вверить власть социалистам-революционерам на это переходное время. Ответ на это был дан съездом торговопромышленников в Уфе, открывшимся накануне Уфимского государственного совещания. На этом съезде присутствовало 139 видных представителей промышленности и торговли. Его председатель, князь А.А. Кропоткин, под бурные аплодисменты участников заявил: "Лица, участвовавшие в разрушении армии, в разрушении нашей родины, не могут быть у власти, они должны быть устранены от нее! Теперь другие руки должны восстановить армию". А в принятой резолюции съезда по этому вопросу прямо заявлялось: "Все военное и гражданское управление должно быть объединено в лице верховного главнокомандующего, обладающего полнотой власти". Другими словами, торговопромышленники открыто высказались за установление военной диктатуры. Такова была обстановка, в которой открылось Уфимское государственное совещание.

Это Совещание должно было открыться 1-го сентября, но открылось оно только 8-го сентября, главным образом, вследствие тактики оттягивания, проводившейся Сибирским правительством. Откладывать дальше было невозможно, и совещание открылось без представителя Сибирского правительства. Но так как никаких серьезных результатов нельзя было достигнуть без этого правительства, то совещание занималось словоговорением четыре дня. И только 12 сентября приехали четыре представителя Сибирского правительства, а к концу совещания – еще два. Любопытно, что в то самое время, как открывалось совещание, председатель Сибирского правительства Вологодский вместе с Гинсом отправились во Владивосток – под предлогом урегулировать отношения с претендентами на управление Сибирью – так называемым правительством Дербера и правительством Хорвата. Ни одно из этих "правительств" не являлось серьезным претендентом. Мало того, ведь само-то Уфимское совещание созывалось как раз для создания Всероссийского правительства. Так зачем же было беспокоиться о каком-то полумифическом правительстве Дербера и опереточном правительстве Хорвата в Харбине? Не лучше ли было бы господам Вологодскому и Гинсу прибыть в Уфу и поднять своим присутствием престиж этого совещания, вместо того, чтобы посылать туда второстепенных членов Сибирского правительства?

Объясняется это сравнительно просто. Из книги Г. Гинса "Сибирь, союзники и Колчак" (стр. 206-212) мы видим, что сибирской делегации были даны секретные инструкции "не особенно торопиться с организацией власти" или, говоря проще, всячески тормозить работу совещания. Почему? Г.К. Гинс разъясняет, что это вызывалось тем, что "Сибирское правительство располагало редким историческим

опытом по части практического изучения недостатков "директориального" устройства власти... Двухмесячный опыт Сибирского правительства показал, как важно для устойчивой власти обладать точной регламентацией взаимоотношений членов директории между собой, условий их выхода и замены, соотношения их с министрами, порядка законодательства и т.д. Все это было рекомендовано сибирским делегатам тщательно разработать, добившись с этой целью перерыва работ общего собрания".

Если это правда, если действительно вопросы юридического и организационного порядка играли столь исключительную роль в представлении Сибирского правительства, то почему его юристы – Гинс, Талберг и другие – не поехали в Уфу? Почему ясе в Уфу были посланы один практик-статистик (без всякого опыта государственной или юридической работы, за исключением упомянутых двух месяцев "редкого исторического опыта" в министерстве... снабжения), один профессор-ботаник, прекрасно игравший на скрипке, и три генерала?

Нам кажется, что характер этих секретных инструкций объясняется не тем "редким историческим опытом" и необходимостью точной регламентации и прочее и прочее, как уверяет Г.К. Гинс, а совершенно другим обстоятельством. Командующим чешскими частями на Казанском фронте был подполковник русской службы Александр Петрович Степанов. В силу этого он являлся также и командующим всеми силами в этом районе. Он знал, что после неудачи Свяжской операции (описанной в 5-й главе) положение Казани безнадежно, и уведомил об этом военных в Омске, к которым он тяготел душой. Омское правительство Сибири поэтому ожидало, что после падения Казани (а, возможно, и других городов) престиж Самарского правительства быстро покатится вниз, и тогда Сибирское правительство сможет диктовать свою волю Уфимскому совещанию. Казань и Симбирск еще не пали, а потому и надо было затягивать совещание, и потому Вологодский и Гинс поехали не в Уфу, а во Владивосток, и потому бывший статистик, секретарь Иркутского географического общества Серебренников был послан в Уфу.

Между прочим, после падения Казани подполковник Степанов послал ультимативное заявление Самарскому правительству, заявление, которое является редким в анналах истории. Заявление это не было (да и не могло быть) согласовано с чешским командованием, и вскоре Степанов перешел на службу к Сибирскому правительству.

По свидетельству самого Степанова, немедленно по оставлении Казани в деревне Караульная Гора, около Нурлата, ввиду беспокойного состояния войск, он созвал собрание (митинг?!) офицеров, на котором и было выработано это заявление Самарскому правительству. Председательствовал на этом собрании начальник штаба Степанова, генерал-лейтенант Юрий Дмитриевич Романовский. В заявлении этом авторы его указывали, что неудачи временных правительств 1917 года вызывались тем, что русский народ не понимает абстрактных западных идей, что для огромного большинства русских людей власть представляется твердой, единоличной. Указывая, что Учредительное собрание не правомочно быть властью, авторы утверждают, что падение Казани нанесло "сокрушительный удар" авторитету власти Комуча, что продолжение у власти Комуча приведет к новым катастрофа, что Комуч не может осуществить великие национальные задачи восстановления государства, что власть теперь должна быть сосредоточена в руках одного военного лица, которое имело бы полноту гражданской и военной власти, и это лицо должно повести страну к монархии, так как только монархия создаст порыв и энтузиазм в населении. Те же,

кто скомпрометировали себя в глазах общества во время революции (то есть социалисты-революционеры), должны уйти от власти.

Раньше мы привели взгляды торговопромышленников. "Манифест" Степанова отражает взгляды значительной группы военных. Вполне возможно, что Степанов и его единомышленники попробовали бы даже "воздействовать" на Самарское правительство. Но они не встретили сочувствия у полковника Каппеля; силы, которыми он тогда командовал, не считая чехов, были самыми значительными на этой территории.

Здесь следует отметить еще раз, что Каппель по своим политическим убеждениям был монархистом. Но он считал, что военные не должны вмешиваться в политику, что они должны быть лояльны власти, поскольку власть эта не большевицкая, и свое обещание лояльности, данное им Самарскому правительству в июне 1918 года, он выполнил до конца, и ни в каких противоправительственных интригах и заговорах он участия не принимал, хотя в случае надобности он не стеснялся говорить в лицо членам Самарского правительства горькую правду.

Теперь мы можем вернуться к Уфимскому совещанию. На этом совещании были представлены правительства, политические партии и группировки. Число этих представителей было около 200. Несомненно, что большинство шло за социалистами-революционерами, то есть за Самарским правительством. Но по соглашению сторон все решения должны были приниматься единогласно, поэтому большинство роли играть не могло, за исключением создания известной атмосферы. Представители Сибирского правительства чувствовали, что условие единогласия дает им все козыри в руки: ведь престиж Самарского правительства должен был катиться быстро вниз.

Представитель Сибири Серебренников был избран товарищем председателя (председателем был Авксентьев, бывший социалист-революционер, в данный момент представлявший группу "Единство"; в 1917 году он был министром внутренних дел). Главная работа происходила не на пленарных заседаниях конференции, а в ее комиссиях, из которых главной была "комиссия по организации всероссийской власти". Заседания этой комиссии часто прерывались, так как группировки уходили, шли на свои совещания или для взаимного торга. Борьба продолжалась 11 дней. Обе стороны соглашались, что новое правительство должно быть директорией, то есть состоять из сравнительно небольшого числа лиц (чаще всего называлась цифра 5) для того, чтобы отразить в ней, до некоторой степени, характер основных политических сил. Эта директория должна была организовать министерства, подчиненные ей. Но основной вопрос был не в этом (и не в юридических формулах, о которых упоминал Г.К. Гинс в своей книге – о них никто не заботился).

Основной вопрос заключался, во-первых, в том, должна ли сама директория быть ответственной перед кем-либо, и, во вторых, кто должен войти в состав директории.

Относительно первого вопроса для социалистов-революционеров и тех, кто им сочувствовал (представители правительств Киргизии, Башкирии, Татарии, даже представители далекой от Уфы Эстонии), сомнений не было: директория должна была быть ответственной перед Учредительным собранием, избранным в ноябре 1917 года, но без большевиков и левых социалистов-революционеров. Сибирская делегация была категорически против этого и не шла ни на какие уступки в этом

вопросе. Положение было весьма напряженным. Тогда вмешались союзники. Помимо русских делегатов на совещании присутствовали американский вице-консул Памер и представители чехословацкого войска.

Председатель Авксентьев в частном порядке умолял Памера и чехов помочь разрешению положения. Памер посылал в Иркутск генеральному консулу США Харрису одну телеграмму за другой, прося уполномочить его сделать заявление от имени Соединенных Штатов, что правительство США и союзники не признают Сибирского правительства и требуют соглашения. Харрис готов был поддержать Памера в этом отношении, но считал невозможным дать письменное подтверждение такого заявления. Между тем, представители Омска, не удовлетвовавшись устным заявлением Памера, требовали "бумажки", которой Памер не имел. Они заявили также, что японское правительство высказало готовность признать Сибирское правительство. Но здесь Памер был на более прочной почве, указав, что союзники договорились не предпринимать отдельных шагов. Трудно сказать, смог ли бы американский вице-консул сдвинуть сибирских представителей с их позиции, если бы ему на помощь не пришли чехи. Они были чрезвычайно заинтересованы в образовании Всероссийского правительства, потому что их полкам приходилось отбивать удары советских войск, и для них была очевидна необходимость быстрой и осязательной помощи. Уже 12-го сентября Павлу, член Чехословацкого совета, заявил: "Мы, равно как и вы, чувствуем тяжесть момента, когда нам всем были даны уже два предостережения. Первое – прорыв севернее Уфы, в действительности не ликвидированный, и второе – падение Казани. Господа, мы все должны объединиться для того, чтобы не ожидать третьего предостережения. Чехов интересуют не столько детали организации будущей власти, сколько самый факт создания этой власти". Это было сказано на открытом заседании, а на закрытом заседании чехи высказались еще более определенно: или будет достигнуто соглашение, или чехи покинут фронт. А надо сказать, что их уход повлек бы за собой полнейший развал Уральского фронта и открыл бы дорогу для красной армии в Сибирь. В результате обе стороны пошли на уступки, но если мы внимательно рассмотрим соглашение, то увидим, что представители Сибири оказались победителями не только потому, что Казань и Симбирск пали и Сызрань была под угрозой, но и потому, что партия социалистов-революционеров никогда не была "монолитной". Даже после ухода из ее рядов в ноябре 1917 года левых социалистов-революционеров партия раздиралась внутренними противоречиями; левое крыло, возглавляемое Вольским, стояло за "народовластие" и Учредительное собрание во что бы то ни стало; центр (Гендельсон, Зензинов и другие) готов был на компромиссы. Правое крыло – Авксентьев, Брешко-Брешковская, Аргунов и другие – добивались соглашения с правыми партиями и группировками любой ценой. Этот факт является очень важным в оценке общего положения, потому что несоциалистические правые группировки изображали дело так, что партия социалистов революционеров – единая партия, и каждый, кто является ее членом, выполняет или готов выполнять директивы этой партии. Между тем как на самом деле внутри этой партии шла грызня, нелады, разногласия и часто открытые распри. Вот почему, несмотря на американскую и чешскую поддержку, самарцы уступили сибирякам по всем важным вопросам.

Окончательное соглашение о власти, достигнутое в комиссии и одобренное общим собранием (пленумом) 18 сентября, состояло в следующем.

Верховная власть передается директории из пяти членов. Эта власть является безответственной до 1 января 1919 года, когда откроется Учредительное собрание. Но

это собрание могло открыться только при наличии минимума из 251 члена. Если к этому времени кворум не соберется, то собрание откроется 1 февраля 1919 года при наличии одной трети членов, то есть 170 человек. Полное число членов превышало 600 человек, но большевики и левые эсеры в счет не шли, так что общее число членов определялось в 500 человек. К концу сентября 1918 года число членов Учредительного собрания на территории всех правительств востока еле-еле достигало ста, и это несмотря на все усилия "переправить" их из Центральной России на восток. Надеяться на то, что к 1-му февраля 1919 года удастся довести число их до 170 или, тем более, до 250, не было никакого основания. Переход линии фронта стал гораздо более трудным; многие члены собрания были арестованы или даже расстреляны; другие отошли от политики по разным причинам. Ввиду этого, упоминание созыва Учредительного собрания было ни чем иным как фиговым листком, прикрывающим поражение социалистов-революционеров. Они сделали до того "ручными", что сами не пустили Виктора Чернова на Уфимское совещание. Виктор Чернов, председатель Учредительного собрания, перебрался из Советской России на территорию Самарского правительства как раз перед открытием совещания, и Самарское правительство умоляло его не ехать в Уфу и не ухудшать шансы соглашения.

Теперь начались переговоры о личном составе директории. При продолжительном торге выяснилось безлюдье на востоке, где было чрезвычайно мало известных всей России людей, которые имели бы престиж, необходимый для укрепления власти. Чернов был совершенно неприемлем для правых, Савинков был неприемлем для левых и подозрителен для правых. Деникин был неприемлем для левых, да и нельзя было рассчитывать на его прибытие. В конце концов, остановились на следующих пяти лицах: Н.Д. Авксентьев, Н.И. Астров, В.Г. Болдырев, П.В. Вологодский и Н.В. Чайковский. Любопытно, что, за исключением Вологодского, все эти члены директории были намечены Союзом Возрождения в Москве и за несколько месяцев до Уфимского совещания. Добавление Вологодского было данью Сибирскому правительству. Авксентьев на совещании был не как социалист-революционер (он даже отказался ехать в Самару), а как член группы "Единство", то есть объединения правых социалистов и не социалистов. Астров, бывший городской голова Москвы, не был на востоке и, как оказалось впоследствии, высказался против созыва старого Учредительного собрания и за диктатуру. Он нашел путь на юг, к более родственной ему по духу Добровольческой армии. Болдырев был генерал царской армии, особой левизной никогда не страдавший. Вологодский когда-то сочувствовал туманно социализму, а во время революции даже прослезился не раз, когда говорил о далеком будущем социалистической России, но это молодое увлечение быстро исчезло. В прошлом он был прокурором, потом присяжным поверенным и в 1917 году – председателем войскового суда Сибирского казачьего войска, так что левизной не страдал. Чайковский был известным народным социалистом и кооператором и революционностью не отличался. Достаточно сказать, что он стал председателем Архангельского правительства у англичан. Ему было 68 лет. Но на востоке его тогда не было. Из этого перечисления можно видеть, что созданная директория была весьма умеренной по своим политическим воззрениям. Но так как трех членов ее в данный момент не было (Астрова, Чайковского, Вологодского), то поднялся вопрос о заместителях. С заместителем Вологодского вопрос разрешался просто. Томский профессор Сапожников должен был представлять его, и кандидатура эта не вызывала возражений ни с чьей стороны: это было дело сибиряков. Заместителем Астрова сибиряки предложили кадета Востротина, но его кандидатура встретила возражения: говорили, что он работает с японцами. В конце концов, сошлись на кадете В.А. Виноградове. По вопросу о заместителе Чайковского произошло целое сражение.

Самарцы выдвинули Зензинова, человека порядочного, по своим убеждениям занимавшего среднюю позицию в партии. Но сибирские представители и слышать о нем не хотели, потому что он был социалист-революционер и в 1917 году – неизменный спутник Керенского. Насколько "сибиряки" были против Зензинова, настолько "самарцы" были за него: они не считали Авксентьева своим представителем (да и он не считал себя их представителем) и потому считали, что они, как самая многочисленная партия, имеют право иметь хотя бы одного представителя в директории 17.

СЛУЧАЙ В ПРЕДГОРЬЯХ УРАЛА 18

Когда Волжская группа пробивала себе дорогу на восток, красные энергично наседали на ее арьергарды. Задержку наседающих красных полчищ поручили оренбургскому есаулу Шеину, командовавшему двумя сотнями казаков, к которым для большего веса придали меня с четырьмя орудиями.

Отходя на восток, казаки и я с орудиями обошли большое расположенное в ложине село, которое уже было занято красными. Взойдя на возвышенность и поставив батарею на хорошо закрытой позиции, щадя деревню, я хорошо обстрелял ее окраины, и в бинокль было видно, как красные поспешно убегали из деревни. Есаул Шеин послал в деревню взвод казаков, который скоро вернулся и доложил, что красных в деревне нет.

Казаки и батарея смело спустились в деревню, где зажиточные жители хорошо нас встретили и вскоре обильно нас покормили. Была зима. Сумерки наступали быстро. Есаулу Шеину я сказал, что пойду на ночлег в следующую небольшую деревню, не обращая внимания на его приглашение остаться ночевать в этой деревне, где жители так любезно нас встретили. Я оставил Шеину для связи двух своих разведчиков: Бориса Г. и Александра Л. и увел батарею из этой подозрительной низины в другую, совсем маленькую, домов в десять деревушку в двух верстах по нашей дороге. Была абсолютная темнота.

Войдя в деревушку, мы не успели распрячь и расседлать коней, как услышали гром не менее десяти пулеметов, направленный на большую деревню, в которой находился есаул Шеин со своими оренбуржцами.

Менее, чем через полчаса, к батарее, уже готовой к движению, прибежал каким-то чудом уцелевший разведчик Александр Л., оставленный Шеину для связи. Конь его и конь другого разведчика были убиты, также были убиты лошади многих казаков огнем красных пулеметов, расположенных с трех сторон на возвышенностях, окружавших эту большую деревню. Там же вместе с убитыми и ранеными казаками пропал и мой второй хороший разведчик Борис Г.

При почти абсолютной зимней темноте я не мог ничем помочь Шеину, у которого в деревне было много убитых казаков и лошадей. Оттуда не мог выбраться и весь его казачий обоз, и там же с обозом осталась большая аптека с ценными лекарствами.

ОТНОШЕНИЕ ОМСКА К ВОЛЖАНАМ

За ноябрь месяц 1918 года, в страшные морозы в Приуралье, Волжская группа несла

большие потери обмороженными. На неоднократные требования прислать теплые вещи из Омска не было ответа. Каппель предложил мне проехать в Омск и навести там справки о теплых вещах.

Прибыв в Омск вечером, я нашел все отделы снабжения закрытыми. Через своих приятелей я узнал о несметных количествах теплых вещей, сданных в интендантство. Это меня окрылило, и я с нетерпением приготовился ждать завтрашнего дня. А когда сумерки сменились ночью, Омск меня, отвыкшего от тыла, просто ошеломил каким-то иступленным разгулом и почти поголовным пьянством, похожим на пир во время чумы. От этого мне стало совсем не по себе.

Я спросил окружающих – может быть, сегодня какой-нибудь особенный день или праздник? Но получил в ответ, что это – обычная вечерняя жизнь тылового Омска. Тогда мне было не до критики, но перед глазами встали картины боев и замерзающих соратников.

Утром, окрыленный надеждой получения теплых вещей, забыв временно виденный мною вчера кошмар, я сначала отправился в Главное интендантство. После долгой волокиты опросов и расспросов, я наконец добился аудиенции у главного интенданта, который принял меня очень хорошо, но сказал, что выдать мне сейчас ничего не может, так как полученные вещи хотя и есть, но еще не распределены по частям. Волжской же группы у них на учете вообще не числится. Этот вопрос он выяснит в очередной визит к Верховному правителю, и мне придется подождать с недельку в Омске...

Меня начали душить слезы досады: как легко сказать "подождать", когда там, в Приуралье, замерзали лучшие сыны России, защищая спокойную жизнь тыла!

Я вышел из Интендантского управления и бесцельно шел по улице. Вдруг ко мне подошел чех, любезно со мной поздоровался и стал расспрашивать о фронте и о Каппеле. Не сразу я вспомнил, что встречался с этим чехом под Казанью: он командовал чешской батареей. Он был полон воспоминаний о волжских боях, о Каппеле. Я отвечал ему, как мог, и рассказал о причине моего мрачного настроения.

Он охотно предложил мне помочь достать теплые вещи – полный комплект для моей батареи. Мы зашли в чешский штаб, и через несколько минут я имел требование на теплые вещи для "чешской батареи", которые Главное интендантство мне немедленно отпустило. К вечеру все вещи были погружены в вагон-теплушку, а ночью прицеплены к отходящему на Урал поезду.

На третий день я был у Каппеля. К нему мне пришлось идти пешком по льду реки Ин, так как один пролет железнодорожного моста беспомощно лежал на дне замерзшей реки.

ПОЧИНКА МОСТА ЧЕРЕЗ РЕКУ ИН

Перейдя через лед реки, я увидел, что из штаба Волжской группы мне навстречу шла целая комиссия во главе с генералом Каппелем: начальник артиллерии полковник Сущинский, инженер полковник Зиген-Корн и еще два-три офицера, которые после утреннего осмотра доказывали Каппелю, что на починку моста потребуется не менее двух недель. И теперь Каппель шел убедиться в этом. Я присоединился к ним и

между прочим рассказал о своей поездке в Омск.

Около взорванной части моста как муравьи копошились чины наших бронепоездов, которые также несли обязанности железнодорожной бригады.

Каппель попросил позвать ведающего починкой моста. Через несколько минут прибежал запыхавшийся прапорщик Неретник, неуклюже поправляя серую косматую папаху на вспотевшей голове.

Каппель спросил его:

- Когда предполагается пустить эшелоны через мост? Мы имеем всего два-три дня.

Прапорщик Неретник как-то смущенно проговорил:

- Поезда едва ли смогут пройти ранее 12 часов завтрашнего дня. Каппель протянул ему руку со словами:

- Идите, работайте; спасибо вам!..

Возмущенные члены комиссии пытались высказать свое сомнение и недоверие, но генерал Каппель деликатно переменял тему разговора.

Вот тут в застенчивых словах прапорщика Неретника и в его работе и сказалась сила Каппеля: то, что для авторитетов считалось исполнимым лишь в две недели, для каппелевцев было двухдневной задачей.

Как они работали, описать трудно; это надо было видеть. С той и другой стороны взорванного моста были установлены какие-то чудовищные блоки, через блоки были протянуты и привязаны к упавшему пролету сильные тросы. Другие концы этих тросов были прицеплены с той и другой стороны к паровозам, тянувшим с быстротой минутной стрелки в ту и другую сторону, поднимая пролет. Первое время мертвое лежавший пролет как бы сопротивлялся, не желая подниматься. Но тросы натянулись, и пролет еле заметно пошел вверх. Особыми свистками Неретник регулировал движение паровозов. Пролет, в конце концов, был поднят, а вслед за ним росли клетки из шпал и другого материала, заменившие быки (столбы).

Наутро, в 9 часов поезда медленно, один за другим, проходили по мосту.

Такую работу обыкновенные люди и в обычных условиях в столь короткий промежуток времени не в состоянии выполнить. Кроме исключительного напряжения мускульной энергии, у людей должны быть сильны дух и идея, а главное – должно быть наличие такого вождя, каким был Каппель. Ради него и для него люди забывали себя.

Прапорщик Неретник так же самоотверженно служил на наших бронепоездах, пройдя через всю Сибирь, и погиб доблестной смертью в 1921 году под Волочаевкой, вынося под пулями красных своего раненого товарища.

"МАЛЬНИК НАПОЛЕОН"

Так прозвала советская военная газета "Красная Звезда" генерала Каппеля за его операцию у Сергеевского посада зимой 1918 года.

Волжская группа медленно отходила вдоль Волго-Бугульминской железной дороги к Уфе. Со стороны Самары по Самаро-Златоустовской железной дороге отступали отряды чехов и остальные части Народной армии.

Отходили медленно, сражаясь за каждую пядь земли. Станция Кандры, деревня Арасланово, река Ин и так далее – все было обильно полито кровью каппелевцев.

Разведка штаба Волжской группы донесла генералу Каппелю, что в Сергеевском посаде, расположенном как бы в вилке между названными железными дорогами, накапливаются большие силы красных. Маневр их был легко разгадан Каппелем. Накопить кулак в Сергеевском посаде, затем ударить на станцию Чишмы, где соединились обе железные дороги перед Уфой, и таким образом отрезать всю Волжскую группу от Уфы.

Надо было действовать быстро и энергично. И вот Каппель, оставив на Волго-Бугульминской железной дороге один лишь бронепоезд и небольшие заслоны, ночью со всей своей группой неожиданно напал на Сергеевский посад. Красные не ожидали каппелевцев и бежали, побросав свою артиллерию и обозы.

Красный кулак был обезврежен, но развить свой успех генерал Каппель не мог – не было никаких резервов, а главное направление – Волго-Бугульминская дорога – было обнажено. И если бы в это время красные поэнергичнее наступали, то в 2-3 дня они могли бы очутиться под Уфой, отрезав и Волжскую, и Самарскую группу белых.

Но на следующий день после разгрома красных у Сергеевского посада Волжская группа генерала Каппеля была уже на своих старых позициях на Волго-Бугульминской железной дороге, продолжая медленный отход к Уфе.

Эта операция типична для Каппеля. Она и должна была бы подсказать всем генеральным штабам в Омске и Уфе, как нужно воевать в гражданскую войну и как бить противника. Но там генералы и генштабисты продолжали "воевать" по старым классическим учебникам тактики и стратегии, да еще используя опыт 1-й мировой войны с Германией и Австрией.

И все дружно с подозрением относились к "выскачке" Каппелю и "волжской вольнице" – добровольцам-каппелевцам.

КАППЕЛЬ НА МИТИНГЕ УРАЛЬСКИХ РАБОЧИХ

Наконец-то Волжскую группу у Уфы сменили уральские формирования. Частям Волжской группы пришлось еще долго продолжать свой путь походным порядком через горнопромышленные районы Урала. Чтобы пропустить части группы, штаб Каппеля (Волжской группа) остановился на заводе Аша-Балашовская. Горные рабочие этой местности были достаточно распропагандированы большевицкими агитаторами и в большинстве своей к проходившим войскам Волжской группы относились враждебно.

Контрразведка донесла Каппелю, что накануне ночью на митинге шахты N 2 рабочие

постановили: чинить препятствия проходившим войскам, а определенной группе рабочих было поручено произвести покушение на самого генерала Каппеля. В эти дни рабочие беспрепятственно митинговали каждый по своим шахтам.

Каппель приказал коменданту штаба принять надлежащие меры, а сам, не предупредив никого, с одним добровольцем-проводником ночью отправился на митинг рабочих шахты N 2. Одетый в английскую куртку и кавалерийскую фуражку, от времени походившую на кепку, он прошел вместе с рабочими незаметно вперед. И когда кончил речь предыдущий оратор, Каппель попросил слова (этого я сам не видел и узнал потом из рассказов рабочих).

Председательствовавший рабочий разрешил, не обратив внимания на просившего (в шахте было довольно темно). Обратившись к толпе в 250-300 человек, Каппель заявил:

- Здесь вчера было постановлено чинить проходящим войскам препятствия и произвести нападение на меня. Я генерал Каппель и пришел поговорить с вами, как с русскими людьми...

Не успел он закончить эту фразу, как увидел, что чуть не вся толпа стала быстро разбежаться по темным ходам шахты. Остались очень немногие, возможно, из тех, которые не расслышали, или же сочувствующие белым войскам. С большим трудом Каппелю удалось успокоить оставшихся, убеждая их в том, что им нет оснований его бояться, как и он не побоялся прийти к ним без охраны. Понемногу рабочие стали возвращаться.

В кратких словах Каппель обрисовал, что такое большевизм и что он с собой принесет, закончив свою речь словами:

- Я хочу, чтобы Россия процветала наравне с другими передовыми странами. Я хочу, чтобы все фабрики и заводы работали, и рабочие имели бы вполне приличное существование.

Рабочие пришли в восторг от его слов и покрыли его речь громким "ура". Потом вынесли Каппеля из шахты на руках и провожали до штаба. Это мне подтвердил сам генерал Каппель.

Наутро я, прибыв в штаб по своим делам, увидел в коридоре делегацию от рабочих, которые говорили:

- Вот это – так генерал!

Делегация выразила Каппелю свою готовность оказывать содействие проходившим войскам. И части "Волжской группы" без всяких недоразумений и препятствий благополучно прошли тот уральский рабочий район.

&

В ТЫЛУ

Для отвода в тыл измотанных и замерзающих частей Волжской группы Сибирское правительство не только ничего не сделало, но даже об этом, надо полагать, и не

подумало.

Уставшим, плохо одетым бойцам пришлось еще долгое время продвигаться походом вдоль линии железной дороги на восток. Свирепая стужа по временам сменялась жуткими метелями, заваливавшими дорогу глубоким снегом. Орудия приходилось проволакивать по двухаршинный глубоким сугробам. Идущее впереди орудие пропахивало глубокий коридор, что страшно выматывало коней. Следующим орудиям было легче.

И сейчас еще есть живые свидетели, которые хорошо помнят, какие в батарее были кони, но и эти слоны-великаны могли протянуть по снегу первое орудие не более одной версты, потом их заменяли следующие. Хотя за прошедшим орудием и нелегко идти, но все-таки возможно.

Сибирское же интендантство отпускало фураж по установленной норме овса, по-видимому, рассчитанной на сибирскую низкорослую лошадь – 8 фунтов в день на одного коня, а у меня в батарее один только коренной конь "Малютка" съедал за ночь по 30 фунтов. Придерживаясь сибирской нормы, я быстро потерял бы в уральских сугробах весь конский состав в пути.

На станции Корпачевой удалось явочным порядком достать несколько пустых вагонов и в них с трудом погрузить свои орудия. Оставив с ними надежный и толковый караул, мы пошли дальше, придерживаясь пути по льду замерзших рек, чтобы не топить коней в оврагах, предательски занесенных мягким и непролазным снегом.

Так шли мы по реке Сим, где у нас на Симском заводе была дневка. Это район был занят челябинскими военными формированиями. Среди этих формирований были уже беспорядки. Один полк покинул занятые им казармы и ушел восвояси. Другие соединения высказывались за то, чтобы не подчиняться начальникам. И пулеметная команда просто решила ударить по своим с тыла.

Капелевским частям, которые сибиряки называли "учредиловцами", пришлось наводить порядки: пулеметная команда была предана военно-полевому суду и так далее. Эти обстоятельства показали, что подготовка резервов была в неумелых руках людей, не дающих себе отчета в происходящем. Ожидать чего-либо утешительного не приходилось.

Впоследствии, после некоторых реформирований на местах Сибирские части дрались с большевиками довольно стойко, что можно поставить в заслугу офицерам и вообще командному составу, который на месте сумел устранить многие недочеты и установить нужные взаимоотношения. Но это выполнило младшее офицерство.

Один пехотный поручик рассказывал, что когда он находился в окопах, к нему пришло пополнение мобилизованных солдат, и некоторые из них задавали ему следующие вопросы:

- Ну вот, господин поручик, царя убрали, царя нет. Стали большевики. Теперь мы воюем с ними. А когда их не будет, то что же и кто же тогда будет?

И поручик ничего не мог ответить, потому что и сам не знал, что будет...

В своем обращении адмирал А.В. Колчак упоминал об Учредительном собрании, но очень туманно. Действия же большинства войсковых частей носили монархический характер.

Несчастный, честнейший из честнейших, адмирал А.В. Колчак был игрушкой в руках интриганов вроде атамана Красильникова или Иванова-Ринова и других, творивших в тылу форменные бесчинства. У Верховного правителя не было силы с ними справиться. И это в то время, когда нужно было забыть интриги и личные интересы и приложить все усилия к единой цели, как это было у наших врагов!

Наши высшие начальники думали не о фронте, а больше о своих выгодах, не имея общей цели. И если хотели оздоровления России, то каждый только по-своему, как выгодней было для них. К этому можно прибавить множество формирований на бумаге. Для многих эти дутые формирования были своего рода защитой от посылки на фронт.

Кстати сказать, в самом Омске была сформирована отдельная бригада егерей, которые открыто называли себя московским гарнизоном, мечтая о Москве. Эта бригада егерей, составленная из добровольцев и выздоравливающих раненых и больных тех же добровольцев и кадровых солдат с офицерами, численностью в 5000 бойцов, брошенная вовремя на фронт борьбы, могла бы сыграть свою роль и перевесить чашу военного счастья...

При отходе от Омска зимой 1919 года она почти вся погибла, не дойдя до Красноярска. Эти егеря тоже не были обмундированы по-зимнему для походов по Сибири, да еще зимой.

ОТПРАВКА ЧАСТЕЙ ВОЛЖСКОЙ ГРУППЫ ПОД ЧЕЛЯБИНСК

Командованием Западной армии небольшие соединения частей Волжской группы были задержаны на фронте, несмотря на то, что сибиряки (командование) относились к ним с недоверием. Но каждый из власть имущих старался как бы временно прикомандировать к себе некоторые части "учредивцев". Так, например, все команды бронепоездов Народной армии были прикомандированы к генералу Сукину.

Вскоре после Симского завода части Волжской группы начали грузиться в поезда на попутных станциях для следования на восток в район Кургана, на отдых и переформирование.

Верховный правитель адмирал Колчак вызвал Каппеля в ставку в Омск для личного доклада. Быстро растущая популярность и слава о беспримерных боях Каппеля сильно встревожила Омскую ставку. Адмирал Колчак понимал и ценил генерала Каппеля, но все же, благодаря некоторым наветам, боялся его возможных самостоятельных действий.

Потом инспектор артиллерии Верховного правителя генерал Виктор Николаевич Прибылович мне лично рассказывал, что доходившие слухи о деятельности Каппеля и его войск сильно тревожили окружение адмирала Колчака. Многие из них инстинктивно чувствовали, что Каппель – сила, которая может для них оказаться неблагоприятной. Поэтому перед приездом Каппеля в Омск они всеми силами

старались восстановить против него адмирала Колчака. Особенно ярые из них открыто доказывали, что если Волжскую группу развернуть в корпус, то, возможно, Каппель поведет его не на большевиков, а на Омск, и прочее в том же духе, желая настроить Верховного правителя против "учредивца".

Каппель прибыл в Омск и лично доложил Верховному правителю о своей работе на Волге и в Приуралье. Адмирал Колчак оценил надлежащим образом деятельность Каппеля и его волжан. После этого доклада адмирал поручил Каппелю формирование 3-го Волжского стрелкового корпуса. Большинство противников Каппеля притихло – однако лишь временно.

Я тоже приехал с Каппелем в Омск, и сам наблюдал, как после доклада Каппеля, произведшего благоприятное впечатление на адмирала Колчака, скоро начали осаждать вагон Каппеля разные окопавшиеся в тылу ловкачи. Они подобострастно просили Каппеля при случае замолвить за них словечко перед Верховным правителем.

Особенно униженно просил один командир формировавшегося кавалерийского полка, полковник О., после чего Каппель отказался его принимать. У этого командира был не только один штаб, как у многих омских "формирователей", но и полк, который был настолько недоформирован, что не мог выступить из района Омска. Но, чтобы застраховать себя вообще от выступлений на фронт, полковник О. умолял Каппеля рекомендовать Верховному правителю взять этот полк в личный конвой.

С.А. ЩЕПИХИН

ВОСПОМИНАНИЯ О ГЕНЕРАЛЕ В.О. КАППЕЛЕ iv

1918 г. 19

С.А. Щепихин – офицер Уральского казачьего войска, в период 1-й мировой войны командовал конным полком. С началом гражданской войны, в 1918 г., Щепихин в чине полковника был начальником штаба Уральского казачьего войска. В июле 1918 г. из-за трений с Войсковым Кругом уральцев он отбыл в качестве военного представителя Уральского казачьего войска в Самару для связи с Комитетом Учредительного собрания. Вскоре Щепихин был приглашен на пост начальника штаба Народной армии Комуча и заместителя командующего Восточным фронтом полковника С. Чечека. С ноября 1918 г. Щепихин – начальник штаба Уфимской группировки белых войск. При А.В. Колчаке получил чин генерал-майора. Находился в качестве военного представителя Уральского казачьего войска при штабе Верховного Главнокомандующего А.В. Колчака. По окончании гражданской войны на Востоке России эмигрировал v.

Ниже вниманию читателя предложены отрывки из его воспоминаний, посвященные В.О. Каппелю и его сподвижникам. Оказавшись на территории, контролируемой Комучем, и заняв одну из руководящих должностей в Народной армии, Щепихин имел возможность непосредственно не только видеть боевые дела В.О. Каппеля, но и общаться с ним самим. Воспоминания его представляют особую ценность, поскольку в них содержатся ранее неизвестные или малоизвестные страницы боевой биографии Владимира Оскаровича Каппеля.

Прибыв в Самару 7 июля 1918 г., Щепихин обнаружил, что "Добровольческие части были в зародыше. Первый доброволец на фронте – сослуживец Петрова – Владимир Оскарович Каппель. По рождению – кавалерист. Человек подвижный, живой, любит боевую обстановку, коня. Штабная работа – не по нему.

Его семья осталась у большевиков, но он послал ей сообщение, чтобы пробиралась на Волгу.

У Петрова с Каппелем было много разговоров – не променяли ли они кукушку на ястреба, связавшись с эсерами. Но, в конце концов, мнение, что белое дело – чистое, святое и, кто бы ни был в рядах противобольшевицкого стана, со всеми по пути, восторжествовало: решено было работать не за страх, а за совесть.

Офицеров не было – они или выжидали, или бежали вместе с большевиками, опасаясь за свои семьи. Особенно возмущали старые кадровые офицеры в больших чинах: они... были неспособны примениться к новой обстановке или были слишком осторожны, или, наконец, не находили возможностей приложить свои бывшие чин и положение...

- А как же с Каппелем, – спрашиваю – кто эти добровольцы?!

- Офицеров – меньше всего! – отвечает Петров. – Все это молодая учащаяся молодежь... Много прапорщиков военного времени... По настроению эта публика далека от идеалов Комуца, часто ему противоположна...

Без веры в успех, столь ясно видя все недостатки в вероятно преувеличенном виде, можно все же оставаться при таком рискованном деле, сулящем одни тернии, хотя бы и во имя высоких идеалов – лишь одни подвижники...

Другое предположение отпадает само собой – оно чересчур нелепо: в тени, плохо оплачиваемые, в бестолковой не по их вине обстановке и притом с туманными перспективами – все это создает слишком неприглядную обстановку для материальных выгод. Нет, здесь – именно подвиг, жажда его".

Отношение же высшего офицерства белой Сибири к добровольцам Каппеля, которое перенеслось и на колчаковский период борьбы, Щепихин описывает на примере своей собственной встречи с полковником Сукиным, начальником штаба формируемого в Челябинске Сибирского корпуса. Последний встретил посланца из Самары следующими словами:

"- Ну, здравствуй, эсер!

- Почему?

- Да вы ведь там под красным флагом комитеты у себя заводите; комиссаров чувствуете... С чехами связались!

- Ну как тебе не стыдно такую ересь нести!... Вот ты здесь что-то формируешь, организуешь, и слава Богу! Мы все, офицеры, очень рады, что где-то в тылу готовится сила, а мы пока вас прикрываем. Пройдет месяц-другой, смотришь, отсюда на фронт пойдут свежие части, если не на смену, то хотя бы на поддержку!

- Ну нет! Шалишь! Мы к вам не пойдем, а вот вы к нам – наверное... А тогда посмотрим, как у нас, в Сибири, запоют эсеры и чехи!..

У меня волосы становились дыбом от таких речей!..

Вот какие мысли в Сибири среди офицерства... Морально мы все, волжане, уже давно и прочно осуждены в Сибирском сердце..."

Говоря о взятии белогвардейцами Казани, Щепихин осуждает одного из главных организаторов ее взятия – Лебедева (не путать с будущим начальника штаба Колчака – С.Б.): "У Каппеля, несмотря на всю мягкость, деликатность Владимира Оскаровича, Лебедев вряд ли долго ужился бы: ему, Каппелю, совершенно не был свойственен авантюризм..." 20.

Затрагивает Щепихин и взаимоотношения между Каппелем и чехословаками: "Хорошо продуманный рейд Каппеля к Свияжскому мосту провалился по целому ряду несчастных случайностей, когда впервые пришлось считаться с откровенным нежеланием чехов продолжать нести жертвы на алтарь чуждого им дела..." 21.

"Каппель атаковал Симбирск, и чехи тоже. Затем – долгий спор, кому принадлежит честь <победителя>.

Каппель занимает Симбирск и удерживает его – чехи стоят на другом берегу и как будто выжидают, когда Каппеля противник отбросит, чтобы снова начать брать Симбирск, но чехами... <...>

Доблестный, но истекающий кровью каппелевский отряд метался от Симбирска к Казани, обратно к Симбирску, оттуда – к Свияжску и обратно к Симбирску. Все эти операции размотали в конец с таким трудом сколоченные части..."

В октябре 1918 г. силы Каппеля отошли к Уфе. По данным того же Щепихина, эта неудача была вызвана нежеланием чехословаков сражаться на фронте. Чехи в то же время, клеветали на каппелевских добровольцев, обвиняя их в том, что они, своим отходом оголяя им фланги, вынуждают их также отступать. По данным Щепихина, все было наоборот – чехи, уходя с фронта, вынуждали отступать и каппелевцев 22.

В октябре, после сдачи Самары "Каппелевцы (самарцы, симбирцы и казанцы) – прикрывали направление к Волге – Бугульминской железнодорожной линии. У Каппеля были упорные бои – были мелкие успехи, и неудачи... 5-я армия красных нажимала (Славена – 22 тысячи) на Каппеля...

Щепихин отмечает также, что на Волжском фронте в течение 1918 г. "...на фоне таких личностей, как В.О. Каппель, было тяжело иметь и завоевывать авторитет..." 23.

"Перед смертью Швеца (командующий силами чехословаков осенью 1918 г. после ухода с этого поста Чечека – С.Б.) противник как раз ослабил давление... на Белебей и сильно нажал на Каппеля. Положение последнего было весьма тяжелое. Ухудшалось оно и тем, что противник, благодаря превосходству своих сил, мог позволить себе роскошь... пехотные части на санях обходили левый фланг Каппеля. Дальнейшее их продвижение грозило тылам Каппеля и отрезало пути отхода на

Уфу..." 24.

Далее Щепихин описывает знаменитый маневр Каппеля у Белебея на Бугульму, когда чехословаки, впечатленные самоубийством их командующего Швеца, решили дать красным на фронте последний бой силами семи своих батальонов: "Каппель, по сговору с Войцеховским, должен был освободить с фронта возможно сильный кулак и ударить противника... При отходе от Бугульмы Каппель задержался на заранее подготовленной позиции" 25 (ее выстроили за две недели до этого по распоряжению Щепихина – С.Б.). "Вначале Каппель ее раскритиковал: во-первых, его рекогносценты эту позицию едва нашли, так она была применена к местности; затем войска не хотели ее занимать, потому что окопы были занесены снегом, и многих других квазисоображений. Однако когда противник напел, то все каппелевцы с радостью уселись в окопы и стойко держались, зацепившись на этой позиции. Мало того, когда обнаружился обход с юга в районе Верхне-Троицкого завода, то эти же позиции дали возможность Каппелю сэкономить свои силы и часть войск бросить для выполнения соединенного с Войцеховским маневра".

По описанию Щепихина, Каппелю были приданы англичане (одно морское орудие с командой – С.Б.), Оренбургский казачий полк полковника Наумова, польский полк Румиш. Не ожидая от чехословаков удара, поскольку большевики уже практически списали их с боевого счета, красные побежали к Бугульме: "...перехватить их Каппелю не удалось – слишком незначительны были маневрирующие отряды обеих сторон; они терялись на огромных пространствах; всюду были свободные окна, через которые удачливый противник мог проскочить...

На фронте Каппеля, на его позиционном участке, произошел небезынтересный эпизод. Английская морская пушка была выдвинута по железной дороге почти к самым позициям, держа все подступы к ней под своим мощным обстрелом.

Совершая свой маневр по плану, имеющему решающее значение, противник в то же время повел довольно энергичное наступление фронтально, на позицию Каппеля, чтобы сковать его и не дать возможности противодействовать обходу и охвату в районе Верхне-Троицкого завода.

Англичане со своей пушкой развили максимум энергии.

Вдруг я получаю в Уфе донесение, что "незначительный железнодорожный мост сзади англичан взорван. Пушка – отрезана".

Теперь, если противник прорвется самыми малыми силами, особенно конными частями, то орудие его Величества Короля будет захвачено красными... Скандал... Спешно телеграфирую Каппелю: сделать прикрытие англичанам и высылать чешский ремонтный поезд на починку моста... Все было исполнено четко и быстро. Опасность огромного скандала миновала... Англичане, зная о своей "отрезанности", продолжали в окружении с удвоенной силой бить по красным" 26.

В то же время, по данным Щепихина, чехословаки ушли, не выполнив до конца своей миссии: "В результате Белебей был занят противником, создав весьма неприятную постоянную угрозу отряду Каппеля.

Чтобы сохранить свое положение до подхода подкреплений на белебейское направление, Каппель решает помочь южной группе. Он берет Польский полк,

быстро на подводах подвозит его в район Белебея; разбивает красных, освобождает Белебей и передает его в руки Русско-Чешского полка, а сам с тем же Польским полком круто поворачивает на север к своему отряду. Здесь противник, почувствовав ослабление на бугульминском участке, бросается в контратаки, но накануне успеха получает удар во фланг от Каппеля, вернувшегося от Белебея с Польским полком.

Противник был изумлен – Каппель у Бугульмы, Каппель у Белебея! – и остановлен.

Время – выиграно. А самолюбие русского белого знамени получило полное удовлетворение – не одни чехи способны на суворовские рейды!"

Говоря о добровольцах Каппеля, Щепихин свидетельствовал о преимуществах формирований добровольческих перед воинскими частями, состоящими из мобилизованного элемента: "...плановые формирования много теряли при сравнении их с добровольцами Волжского фронта... Помню один лишь прискорбный факт в частях Волжского фронта, сильно всех изумивший.

Сформированный в Казани конный дивизион полковника Нечаева вдруг ни с того, ни с сего снялся с позиции и пошел в тыл. Начальник Казанского отряда и всех тамошних формирований полковник Перхуров прикатил в Уфу, расстроенный и несколько сконфуженный, как бы извинялся за Нечаева. Аттестовал он его выше похвал и убедительно просил не относиться к этому проступку строго. Причины – внутренние, истинные – полная растрепанность дивизиона от постоянных с июля месяца боев.

Причины внешние – ссора с каппелевцами "по пьяному делу" (имеются ввиду другие подразделения, входившие в подчинение В.О. Каппелю – С.Б.). Это дело я знаю. При встрече где-то в районе Бугульмы обоих отрядов..., как следует было выпито, а затем – ссора, и вдруг – мне телеграмма: полковник N. арестовал полковника Перхурова у себя в хате, расставил часовых и так далее.

Они вскоре, кажется, помирились, и Каппель не придавал всему этому инциденту значения, но "перхуровцы" были оскорблены; среди них – Нечаев особенно резко, как бывший кадровый кавалерист, реагировал на обиду уводом дивизиона в тыл.

Дивизион двигался походным порядком. В пути получено приказание и Перхурова, и Каппеля – вернуться, но не исполнил. Подходил к Уфе. Я выслал ему навстречу офицера с приказанием пожаловать ко мне. Оставив дивизион в полной боевой готовности в одном из пригородов Уфы, Нечаев явился ко мне.

Ниже среднего роста, широкоплечий крепыш на коротковатых для конника ногах, с твердыми чертами несколько обрюзгшего лица, со спокойными ясными серыми глазами, Нечаев нравился всей своей фигурой и натурой. Это был истиннейший партизан.

Изложив причины своего ухода, все – подробно, без утайки и виляний, Нечаев ожидал спокойно мое решение.

- Вы знаете, что полагается в военное время за Ваш проступок?

- Так точно, знаю – расстрел! – твердо, не моргнув глазом, отвечает Нечаев.

- И Вы пошли на это?

- Да. Мой дивизион мне дороже. Таких людей нигде не достанешь. Я полагаю, по тылу кликну клич и через месяц-второй явлюсь к Вам с полком; отдохнувший, на хороших конях.

- Хорошо. Я Вас отпускаю. Но только не могу официально санкционировать Ваш уход. Получите в штабе группы соответствующее предписание... И мы расстались.

С этим партизаном я встречался еще несколько раз за гражданскую войну, и всегда он на меня производил неотразимое впечатление. Только в Чите я в нем сильно разочаровался, где он за чарку атамана Семенова продался этому авантюристу.

Позже его имя, Нечаева, все мы читали в газетах, описывавших Казанские события (восстание подпольной белогвардейской организации в августе 1918 г. и захват города белыми – С.Б.) и действия наших "швейцарцев" на службе Чжан Цзолину..." 27.

Производство Каппеля в генерал-майоры Щепихин описывает так: "Болдырев (Главнокомандующий вооруженными силами Директории – С.Б.) на другой день (18 ноября 1918 г., за несколько часов до известия в Уфе о свершении переворота в Омске – С.Б.)... за рюмкой вина (на обеде, который давался штабом уфимской белогвардейской группы) совсем повеселел и, приказав вызвать к аппарату Каппеля, произвел его в генералы" 28.

По отношению к центральной власти – Комучу, Директории – и перевороту 18 ноября 1918 г. Щепихин так описывает поведение Каппеля и его подчиненных: "Каппель и его сподвижники уже давно выказывали свое неудовольствие, что от неустройства власти центральный фронт только страдает... Единственное, что удерживало Каппеля и других выразить откровенно свою мысль – это боязнь, что она будет подхвачена кругами, могущими выдвинуть нежелательное лицо... На самом фронте за все время гражданской войны не выросло на роль диктатора ни одной значительной фигуры: Каппель был по своему характеру далек от столь широких перспектив..." 29.

В то же время Щепихин пишет, что еще до переворота 18 ноября "Каппель, осведомившись, что в Уфе на Совещании дела по созданию власти плохо подвигаются вперед, послал телеграмму предупредительно сурового тона, что фронт с нетерпением ожидает результатов, и положительных, то есть чтобы власть была создана во всяком случае..." 30.

Немедленно после переворота были вызваны по прямому проводу старшие начальники – Каппель (правый участок, Симбирское направление) и Бангерский... С первым разговор был краток: "нас это не касается, мы будем спокойно оставаться на фронте и держать его. Что у нас в душе? – Скверно. Общее мнение, что переворот несвоевременен. Одна насущная просьба: не допускать на фронт никакой пропаганды – ни "за", ни "против". Одни приказы.

Фортунатов, наиболее сознательный, а, следовательно, и наиболее опасный, прислал на мое имя письмо, где подчеркивал свою лояльность новой власти... Совет Управляющих (Комуч) был изумлен, и на Фортунатова посыпался ряд платонических ругательств..."

В конце декабря 1918 г., в связи с прибытием под Уфу сибирских войск, корпус

Капеля был отведен на отдых и доукомплектование за Урал. Щепихин пишет об этом: "Чтобы не было особенно заметен увод с фронта Капеля, решили произвести диверсии на его участке и под шумок отвести добровольцев" 31.

Описывая боевые подвиги Капеля, Щепихин говорит не только о нем, но и об особенностях его добровольческих частей: "Капель без своих "капелевцев", как и Перхуров без казанцев,...были немыслимы... Отнять, разлучить – значит уничтожить смысл, стержень данной добровольческой единицы...

Кем можно укомплектовать самарцев? Самарцами же! А где их взять? Следовательно, надо искать, привлекать добровольцев из новых районов – значит, будут новые части, единицы, новые начальники... Но это не мешает им сливаться воедино, так как идеология у них совершенно одна. Зато если армия двинется на прежние свои места, то под влиянием удачи, переживаний и тому подобных факторов, они же – самарцы, казанцы – в миг должны обрести своими единомышленниками и сильно возрасти количественно, оставаясь в прежнем качестве, во всяком случае, не ухудшаясь.

Внутренняя жизнь добровольческих частей проходила в ненормальных, невероятно тяжелых условиях: без обозов, без правильной организации тыла, без средств связи... Это приучило добровольцев, во-первых, к нетребовательности и изворотливости.

Но... добровольчество принесло с собой и много отрицательных черт. Связанные внутренними, чисто рыцарскими отношениями, отдельные отряды и части под командой своих "атаманов" редко подчинялись чужому начальнику полностью: нужно было иметь весьма высокий авторитет и популярность Капеля, чтобы без шероховатостей объединить все разрозненные организационно и влившиеся в его корпус отдельные мелкие и крупные отряды" 32.

Щепихин так описывает перевод капелевских подразделений в тыл в декабре-январе 1918-1919 гг.: "Составы, составы... Даже капелевские эшелоны еще тянутся. На одной станции обогнал штаб Капеля; зашел к нему: благодушествуют, дуются в карты; в купе – жара – все холостые, в одних рубашках. И водочку попивают... Кто-то из молодежи даже мне пожаловался, что Барышников спаивает Владимира Оскаровича. У последнего – вид лихого кавалерийского рубаки! Полон надежд, а главное – отдых... Его корпус направляют в район Кургана, где будет и штаб корпуса. Сам Капель едет в Омск. Омску он и будет на время формирования подчинен. Оба сожалеем, что не в Западной армии. "Ну, ничего, наверное, к Вам попадем, направление ясное!" – шутит Владимир Оскарович..." 33.

В.А. ЗИНОВЬЕВ

БОРЬБА НА ВОЛГЕ 34

(май-ноябрь 1918 г.)

После демобилизации армии в 1918 г., в апреле мы, группа офицеров 5-го уланского Литовского полка, приехали в Симбирск, где еще в мирное время был расквартирован наш полк. Там мы должны были соединиться с другими нашими однополчанами, забрав наши старые полковые штандарты, и затем перебраться на юг, в Добровольческую армию, которая начала уже борьбу с большевиками.

По приезду мы связались с ячейками "Алексеевской организации", во главе которой в Казани стояли генерал-лейтенант Ю.Д. Романовский, полковник артиллерии П.Г. Сушко и отставной поручик гвардии П.И. Геркен. Развернувшиеся вскоре события поставили нас в необходимость изменить наш первоначальный план, и остались мы на Волге, где приняли участие в создании Волжского фронта и вошли в состав вначале немногочисленной группы войск – "капеллецев", тех "капеллецев", которые в последующие годы Белого движения в Сибири были основой всей армии, как у адмирала А.В. Колчака, так и в 1920 г. в Забайкалье у атамана Г.М. Семенова.

Первое время после нашего приезда в Симбирск, недавно сравнительно утвердившаяся большевицкая власть никаких особенных репрессий по отношению к "буржуазии", офицерству и населению не производила. Съестных припасов и хлеба было в достаточном количестве, даже с избытком. Хлеб, притом белый, что после Петрограда и Москвы казалось невероятным, доставался без всяких карточек и очередей.

В кондитерских всюду были выставлены пирожные по нормальной цене. Симбирск – маленький дворянский помещичий городок, описанный еще Гончаровым, ввиду отсутствия фабрик и заводов, а поэтому и рабочего, наиболее революционно настроенного элемента, находился как будто в смысле спокойной жизни в более благоприятных условиях, чем остальные волжские города. В частности нас, офицеров, первое время тоже не трогали. Мы, кавалерийские офицеры, объединились вокруг полковника Ошанина. В бывших наших казармах в городе помещался эскадрон красной гвардии, которым командовал вахмистр 4-го эскадрона нашего полка, подпрапорщик Кирюхин. Этот самый, как мы его называли, "Кируха", часто приезжал к нам на квартиру, делился с нами сведениями и, видимо, тяготился своим новым положением. Через него мы знали обо всем, что происходило в местном Совдепе.

Но это спокойствие продолжалось не так долго. В середине июня большевики резко изменили свою политику – начался террор, пошли аресты и расстрелы. Сигналом к этому было выступление чехословаков. К этому времени Чехословацкий корпус продвигался эшелонами к Владивостоку, где должен был погрузиться и переправиться на французский Западный фронт. Головные эшелоны были уже во Владивостоке, а шедший в арьергарде 1-й пехотный Яна Гуса полк, которому пришлось с ожесточенными боями отходить с Украины, оккупированной уже германскими войсками, был на линии Пенза – Уфа.

Повинуясь приказу германского штаба, большевики попытались остановить дальнейшее продвижение эшелонов и разоружить чехов. Это обстоятельство послужило поводом к открытому выступлению чехов против германо-большевиков.

Поручик Швец, впоследствии прославивший себя навеки как герой, во главе двух батальонов 1-го полка с налета взял Пензу, разоружил гарнизон, арестовал местный Совдеп и, вооружив всех своих людей (до этого, по договору с большевиками, весь Чехословацкий корпус должен был сдать все вооружение, оставив себе лишь по несколько винтовок на роту для несения караульной службы), стал с боем дальше продвигаться на восток.

Подобная картина начала борьбы чехов с советской властью была на протяжении всей железнодорожной магистрали Сибирского пути до Владивостока. 30 июня была

взята Самара, четвертого июля – Уфа и Омск, Верхнеудинск, где работал со 2-й Чешской дивизией полковник Гайда. Одновременно с выступлением чехов, к ним присоединились офицерские организации, которые начали формирование добровольческих частей. Таким образом, в Сибири было положено основание Сибирской армии, а на Волге – Народной армии.

Сейчас же после занятия Самары, подполковник Генерального штаба Владимир Оскарович Каппель, будущий наш сибирский герой, сформировал небольшой отряд из добровольцев, преимущественно офицеров, численностью около 300 человек всех трех родов оружия и двинулся на Сызрань совместно с чехами. Стремительным натиском 10 июля была взята Сызрань.

Чехи приостановили свое движение на восток, видя, с какой легкостью падают города, и наблюдая ту поспешность, с которой большевики на всех фронтах бежали. Части 2-й пехотной чешской дивизии с полковником Гайдой двинулись в обратном направлении, на запад. 20 июля он занимает Тюмень и 28 – Екатеринбург.

Наряду с этими событиями, оренбургские казаки свергают коммунистическую власть, и 2 июля атаман Дутов во главе со своими оренбуржцами берет Оренбург.

Также Уральское казачье войско с атаманом полковником Ульяновским I*, которое до этого времени упорно не пускало к себе большевиков, поголовно – от стариков до детей – вооружается и выступает на защиту своих земель от коммунистов.

В продолжение 2-3 недель всколыхнулись все кругом от Волги до Владивостока.

Большевики забили тревогу. Это было сразу заметно и в Симбирске. Красным командующим Восточного фронта в это время был Муравьев, бывший петроградский полицейский пристав и назначенный сюда с Киевского фронта, где заслужил доверие большевиков за свои зверские расстрелы тысяч офицеров в Киеве.

Благодаря развивавшимся событиям, Симбирск был объявлен на осадном положении. Посыпались один за другим декреты, приказы о мобилизации офицеров и так далее. Начались массовые аресты и расстрелы.

Сообщения с внешним миром не было, кроме официальных "известий", в которых раздувались большевиками сведения о каких-то победах, и свои поражения умышленно скрывались.

Пассажирское сообщение с Казанью было прервано.

2 июля утром население Симбирска толпилось около развешенного на всех углах следующего приказа:

"Бывший Главнокомандующий левый эсер Муравьев подкуплен англо-французскими империалистами. Муравьев сбежал из штаба Революционного военного совета в Симбирск и отдал всем войскам приказ: повернуть против немцев, которые будто бы наступают на Оршу.

Приказ Муравьева имеет своей предательской целью открыть Петроград, Москву и всю Советскую Россию для наступления чехословаков и белогвардейцев. Измена Муравьева своевременно открыта Военным революционным советом.

Все войска, действующие против чехословаков, верны советской власти. Объявляю по войскам, по советам и всем гражданам Советской России:

- 1) Немцы нигде на нас не наступают. На немецком фронте все спокойно.**
- 2) Всякие призывы к наступлению на немецком фронте являются провокацией и должны караться расстрелом на месте.**
- 3) Бывший Главнокомандующий Муравьев на чехословацком фронте – левый эсер, объявляется изменником – врагом народа. Всякий честный гражданин обязан расстрелять его на месте.**
- 4) Все приказы по войскам, действующим против чехословаков, будут отдаваться Командующим Восточным фронтом Тухачевским.**

Председатель Совнаркома

Ульянов-Ленин".

В тот же день узнаем, что Муравьев по радио сообщил всем войскам, что заключено перемирие с чехами и дан приказ двигаться против немцев. Сам Муравьев находился в Казани и там пытался привлечь на свою сторону офицеров. Но никто за ним не пошел, так как среди офицерства слишком одиозно было одно только его имя.

На другой день – в городе волнение. Муравьев с отрядом около двухсот человек прибыл в Симбирск. Можно было наблюдать, как со стороны пристани двигался его отряд с пулеметами, и вскоре все здание Кадетского корпуса, где помещался Совдеп, было со всех сторон окружено. Всем членам Совдепа было предложено сдать в двухчасовой срок.

На расспросы прибывшие красноармейцы довольно твердо и уверенно говорили, что не желают больше драться со своими, и всем нужно соединиться и идти против немцев. Через некоторое время на автомобиле к зданию корпуса подъехал сам Муравьев. Одет он был в черкеску с красным башлыком. Как потом рассказывали, он вошел в комнату, где заседал Совдеп и, направив револьвер на сидевших, сказал: "Товарищи, вы арестованы". Он тотчас был убит наповал латышами, которые были спрятаны на этот случай. Труп его был выброшен на улицу и долгое время валялся.

Его отряд, видя такой поворот дела, не оказал никакого сопротивления и тотчас был выслан на фронт. В ту же ночь из Казани прибыли латышские и матросские красноармейские части.

Таким образом, задуманный Муравьевым переворот был ликвидирован очень быстро.

С назначением нового командующего Тухачевского у большевиков заметна была большая организованность.

Опять появились приказы о регистрации и мобилизации всех без исключения офицеров. Наше положение становилось уже более трудным. Несмотря на то, что мы жили все почти в одном доме под самым зданием Совдепа на Комиссариатской

улице, нас пока не трогали. Ходили с обысками довольно часто, и на вопросы, почему мы не служим в красной армии, отвечали, что "мы – украинцы". Этот ответ, видимо, удовлетворял, что доказывало, насколько большевики в то время были наивными.

Из Самары от Каппеля мы получили приказ: до момента подхода его к городу никаких отдельных выступлений не делать.

С Казанской нашей группой связь была. Между прочим, интересно отметить один любопытный факт.

Большевиками был арестован поручик Черкен и несколько офицеров нашей организации. Окольным путем удалось добиться заступничества немцев, и под давлением их, по приказу из Москвы, они были выпущены на свободу.

Наконец, в Симбирск приехал сам Тухачевский. Он вызвал к себе в вагон всех старших офицеров группы всех родов оружия. От нашей кавалерийской группы должен был идти к нему подполковник Ошанин (так в тексте – Б.С.). Тухачевского он еще знал до войны, когда тот служил в одном из полков 2-й гвардейской пехотной дивизии молодым офицером. Как передавал потом полковник Ошанин, Тухачевский говорил в том духе, что мы все должны приложить максимум усилий, чтобы создать армию – сильную, могучую, достойную Великой России. Речи, конечно, не было совершенно о какой-нибудь "пролетарской" армии, защищающей интересы интернационалистические. Ошанину было поручено сформировать в Симбирске 1-й кавалерийский полк. Так как вся наша группа состояла из членов одной организации, то дело значительно упрощалось. Решено было приступить к формированию, сортируя людей так, чтобы коммунисты и сочувствующие им попадали в один эскадрон. Таким образом, при подходе отряда Каппеля мы могли присоединиться к нему уже со сформированной частью.

Несмотря на все приготовления и утешительные бюллетени несуществующих военных успехов большевиков, которые развешивались всюду за подписью командующего Симбирской группой – какого-то Иванова, а затем Полупанова – большевики были в панике. Они спешно вывозили и эвакуировали все в Казань на пароходах. В первую очередь они вывезли золото, которого было до сорока тысяч пудов, хранившееся в кладовых Государственного банка. У пристани общества "Самолет" (пароходное общество на Волге) стоял под парами пароход "Ломоносов", на который уходил каждую ночь весь Совдеп.

Наконец, к вечеру 21 июля, совсем недалеко от города загрохотали орудия со стороны Новодевичьего, откуда большевики меньше всего ожидали наступления. Дело в том, что они все почти свои войска держали по левой стороне реки с уфимского направления, и в их сводках указывалось все время о происходивших боях на Бугульминской железной дороге. На самом же деле, скрытно выйдя из Сызрани, форсированным маршем пройдя 140 верст в пять суток, подполковник Каппель появился неожиданно со своим отрядом у самого города. Со стороны станции Бугульма двигался капитан Степанов во главе 1-го Яна Гуса полка, который также одновременно подошел к городу со стороны моста, заняв станцию Часовня. Обстрел продолжался недолго, несколько снарядов попали в город, разорвавшись неподалеку от здания Кадетского корпуса, занятого Совдепом. Видя опасность уже с двух сторон, большевики спешно бросились из города по направлению на Инзу, оставив лишь небольшой заслон. Ночь прошла спокойно, и в пять часов утра население восторженно встречало каппелевский отряд. После полудня со стороны моста в

образцовом порядке с оркестром, музыкой, входили чехи. Население ликовало.

Перед своим уходом из города большевики забрали из числа местной буржуазии заложников, но они были перехвачены у станции Майна каппелевским эскадром, посланным в обход, и вернулись благополучно обратно.

При взятии Симбирска трофеи были следующие: 1400 винтовок, 6 миллионов патронов, 29 пулеметов, 1 пулеметный броневи́к, 1 броневой поезд, 6 тяжелых орудий Шнейдера, 5 полевых шестидюймовок и 10 орудий "42", кроме того, большие интендантские склады с обмундированием. Сукном, взятым в Симбирске, мы еще пользовались в Сибири.

На другой день появился ряд приказов за подписью капитана Степанова: о переходе власти членам Комитета Учредительного собрания, члены Городской думы, судьи, обязывались к возвращению исполнения своих обязанностей. Появилась листовка-газета, в которой сообщалось, что японцы уже заняли Харбин и двигаются дальше на запад. Союзные войска уже в Вологде и Петрозаводске. Было также перехвачено большевицкое радио, что ввиду угрозы наступления чехословаков и раскрытия заговора по приговору Екатеринбургского совета Государь приговорен к смертной казни. Приговор приведен в исполнение. Вся семья отправлена в надежное место.

Видимо, большевики боялись сразу открыть всю правду своего зверского убийства.

С первых же дней спешно шло формирование добровольческих частей. Симбирск дал около трех тысяч добровольцев в первую неделю. Часть была тотчас же отправлена на фронт на Алатырское и Корсуньское направления. На Инзинском направлении был выдвинут броневи́к с ротой ударников 1-го Чешского полка. За это же время шли спешные приготовления к походу на Казань.

Пароходы вооружались легкими пушками "42" и "бронировались" тюками хлопка, на баржи устанавливались тяжелые орудия. Речной флотилией командовал лихой мичман Мейер. Наконец, к 1 августа были закончены все приготовления. Неожиданно от генерала Чечека, начальника 1-й Чешской пехотной дивизии, был получен приказ: 1-му Чешскому полку оставаться на месте, так как взятие Казани не входило в расчет чешского командования. После переговоров по прямому проводу командиру этого полка, полковнику Степанову, удалось на свой риск повести полк в эту операцию (фактически – два батальона; третий батальон оставался под Самарой).

3 августа войска были погружены на баржи и двинулись вверх по Волге. Впереди шла речная флотилия.

Отряд подполковника Каппеля к этому времени состоял из двух тысяч человек (в том числе кавалерийский полк при нескольких орудиях). Заняв по пути Тетюши и Спасск, 5 августа весь караван судов подошел к Казани. Наша флотилия дошла до Романовского моста и завязала перестрелку с береговыми батареями красных.

К вечеру того же дня подполковник Каппель высаживает отряд на правый берег Волги у Свяжска (Верхний и Нижний Услоны) и стремительным натиском захватывает его. Таким образом, Волга была перехвачена выше Казани. 1-й Чешский полк в это время самостоятельно высаживается у Казанских пристаней (город Казань стоит в семи верстах от реки) и, развернувшись в боевой порядок, энергично повел

наступление при поддержке нашей артиллерии. Красные оказывали упорное сопротивление, но их артиллерия не приносила нам никакого вреда, благодаря полковнику Сушко и офицерам-артиллеристам, которые умышленно давали неверный прицел.

В этом бою также участвовал отряд сербов под командой майора Благодича. Этот отряд в составе двухсот человек, находясь в Казани, в полном составе вышел оттуда и присоединился к нам. Наконец, к ночи красные стали отходить. Ночью наши части в город не вошли. Начался сильный дождь, который продолжался до утра.

К утру подполковник Каппель, высадившись с частью своего отряда выше Казани, вошел в город с противоположной стороны, чехи и сербы вошли со стороны пристаней. После короткого уличного боя к 12 часам 6 августа Казань была в наших руках.

Взятие Казани имело огромное значение для всего Белого движения на Востоке. Кроме огромного количества винтовок и патронов, которые впоследствии обслуживали весь Уфимский фронт, и колоссальных интендантских складов, в Казани был захвачен золотой запас на сумму 650 миллионов золотых рублей. Широкой волной стали стекаться добровольцы и пополняли ряды "каппелевцев".

Гарнизон Казани составляла 1-я Латышская дивизия, матросский отряд в одну тысячу человек и отдельные красноармейские отряды – около трех тысяч человек. 5-й Латышский полк целиком, во главе с командиром его, сдался нам. Это был единственный случай за всю гражданскую войну, когда латышские части сдавались. Потери у нас были очень незначительные – не более 50 человек. Объясняется это обстоятельство внезапностью и стремительностью наступления.

Тотчас же после занятия Казани было поведено наступление на Романовский мост. Овладение этим мостом могло иметь решающее значение в сохранении нами всего Волжского фронта.

На другой день, по взятии города, было возобновлено наступление на Романовский мост. Сербы стремительным натиском было уже подошли к самому мосту, но в этот момент был убит пулей воевода-майор Благодич, который их вел. Сербы дрогнули и отошли к городу. Наше дальнейшее наступление как будто захлебнулось. Фронт установился в 15-20 верстах от города.

Большевики к этому времени, встревоженные нашими успехами, подтянули из центра России сформированные красные части. Руководить для поддержания духа войск приехал на фронт тогдашний военный комиссар Троцкий. Нами был захвачен у пленного приказ, в котором Троцкий говорит о необходимости в четырнадцатидневный срок взять обратно Казань. "Советская власть находится в опасности!". И действительно, это был один из моментов, когда советская власть висела на волоске. Еще такая победа, как под Казанью и могло бы по всей стране подняться восстание. Для этого в тот момент была наиболее благоприятная обстановка. Крестьяне и значительная часть рабочих были настроены враждебно к коммунистам. Волна восстаний в Муроме, Ярославле, на Ижевском и Воткинском заводах на Каме, где поголовно все рабочие стали под ружье и выступили против большевиков, подтверждает настоящее предположение. Также в Волжском районе происходили настоящие восстания целых деревень, направленные против карательных большевистских отрядов, посылаемых отбирать хлеб. То, что крестьяне

сочувствовали Белому движению, доказывает то обстоятельство, что сразу же после падения Симбирска и Казани хлеб, который до этого времени старательно припрятывался, и цена доходила до 130-140 рублей за пуд, упала сразу до 25-30 рублей. У большевиков к тому времени еще не было той силы, красной армии, которой они затушили Белое движение в 1919 году. Они держались тогда, в 1918 году, главным образом, на наемных войсках: латышах, мадьярах и китайцах. Значительную часть войск они держали на Южном фронте против Деникина.

Одна из больших угроз существованию большевиков была также со стороны германцев, которые угрожали занятием Москвы и Петрограда. Но именно в этот момент немцы опять ведут лукавую двойную игру. Им еще, оказалось, нужны большевики, чтобы воспрепятствовать новому Восточному противогерманскому фронту. На Украине они поддерживают гетманское движение и усиленно выкачивают хлеб к себе в Германию. На Волжском фронте они идут рука об руку с большевицкой Москвой против чехословаков и белых армий. В этот критический для большевиков момент невидимой рукой германского Генерального Штаба создаются "интернациональные дивизии", составленные из военнопленных немцев и мадьяр. Опираясь на их штыки, большевики производят всеобщую мобилизацию и создают регулярную красную армию. Опять-таки благодаря немцам, которые водворяют их в Россию, они получают возможности начала создания эпохи "Военного коммунизма". Немцы вскоре их покинули, у них самих произошла катастрофа, но они уже были не нужны. Красная армия была уже создана.

Итак, с взятием в Казани закончилось наше дальнейшее продвижение на Волжском фронте. Красные успевают подтянуть свои войска и постепенно переходят в контратаку, и мы переходим к обороне.

Первый свой удар они направляют на Симбирское направление со стороны Инзы. Полковник Каппель спешно сажает свой отряд на баржи и спешит к Симбирску, которому уже угрожала непосредственная опасность. Удачным маневром в трехдневных боях он наголову разбивает группу красных, действовавших в этом направлении, забирает обозы и большое количество пленных. Его отряд состоял уже к этому времени из двух тысяч человек пехоты, четырех эскадронов кавалерии и десяти орудий. "Каппелевцы" приобретают боевую славу. Покончив с этой операцией, Каппель двигает опять свой отряд на Казань.

Высадившись на правый берег Волги южнее Казани, у пристаней Талиевка, он двинулся к Свияжску, с тем, чтобы выйти и занять Романовский мост.

Красные к этому времени вели энергичную атаку на Казань. Положение в городе начинало становиться тревожным. Весь золотой запас и интендантские грузы эвакуировались на пароходах в Самару.

К внешним причинам, о которых было уже сказано, тормозившим наше столь удачное начало Волжского движения, прибавились и другие, которые если не в большей степени, оказывали свое отрицательное влияние и привели к нашему отходу от Волги. Были войска, хоть и не в столь большом количестве, как у красных, но превосходившие их в боевом отношении, были герои-начальники, ведущие эти войска талантливо и с порывом, были администраторы и просто люди, желавшие спасти Россию от красного ужаса. Не было единства идеи и одной воли. С самого начала Волжского движения власть находилась в руках Комитета Учредительного собрания. Как известно, сюда входили исключительно левые группировки –

социал-демократы и социалисты-революционеры. В офицерской массе эти течения не пользовались успехом. Слишком свежи были в памяти опыты "царствования" Керенского. Но все-таки надо сказать, что большинство офицерства, как и сам Владимир Оскарович Каппель, считали, что не время сейчас заниматься внутренними распрями. Есть одна цель – победить большевиков, и к этому должны быть направлены все усилия.

В этом отношении покойный Владимир Оскарович Каппель до конца своей жизни придерживался строго этого принципа и выделялся этой своей жертвенностью во имя общего блага среди прочих высших начальников. Сам он был совершенно далек от всех левых группировок. Обладая твердой волей и прямым характером, он в то же время был удивительно тактичен и умел располагать к себе людей различных направлений и взглядов.

Действительно, к этому времени внутренняя обстановка создалась ненормальная. В Самаре заседали члены Комуча. Командующим Народной армией (так назывались наши отряды) и чешскими войсками был назначен начальник 1-й Чехословацкой дивизии генерал Чечек, который со штабом находился также в Самаре. Командующим Симбирской группой войск был полковник Каппель. В Казани же с весьма многочисленным штабом, начальником которого был Генерального штаба генерал-лейтенант Романовский, находился полковник Степанов, как командующий Казанской группой. Военным Министром был сначала В.И. Лебедев, а затем – Генерального штаба полковник Лебедев (не тот, что впоследствии был Наштаверхом у адмирала Колчака). Этот последний почти ничем не был известен, и единственное, чем себя проявил во время своей недолгой министерской должности – приказом о новой форме для чинов Народной армии (нарукавные знаки вместо погон), хотя этой формы никто почти и не носил, как и не носил и погон. Между тремя командующими фактически не было начала строгого подчинения. Каждый действовал самостоятельно, и это придавало партизанский характер нашим действиям. Между гражданскими и военными властями не было уже никакой согласованности.

В Казанской группе войск создается совершенно ненормальная обстановка. 1-й Чешский Яна Гуса полк, командиром которого вместо Степанова назначался капитан Швец, выделяется из подчинения и переходит под непосредственное командование генерала Чечека – командующего этой группой, хотя и остается на участке этой группы.

В общем, получались в итоге неразбериха и путаница. Между тем, силы красных усиливаются с каждым днем. На Волге появились с их стороны канонерские лодки, подвезенные в разобранном виде и спущенные в реку для боевых действий на Волжском фронте.

Казань дала около двух тысяч добровольцев. Тотчас были сформированы офицерские батальоны, которые и держали фронт. Из старших начальников этих батальонов выделялись с первых же дней полковник Бунчук и подполковник Сахаров (не тот, что был впоследствии Главнокомандующим). Полковник Перхуров был назначен командиром добровольческого Казанского пехотного полка. Полковник Бунчук был начальником участка в направлении железной дороги на Романовский мост, Сахаров был на Арском направлении. Перхуров же – между ними. Чехи, по настоянию чешского командования, были сняты с фронта и расположены в самом городе как резерв, в здании Епархиального училища. Действительно, в тот момент 1-й Чешский полк заслужил отдыха после почти трех месяцев непрерывных боев. В городе также

была расположена Сербская дружина и формировался Казанский кавалерийский полк под командой полковника Козакова, бывшего командира 5-го гусарского Александрийского полка. Из состава этого полка был выделен дивизион двухэскадронного состава под начальством подполковника Нечаева в боевую линию. Также были сформированы 5-6 отдельных батарей. Начальником артиллерии был полковник Сушко. Формировались также и инженерные части под начальством полковника Ивкова.

Боевой состав частей на фронте равнялся приблизительно как таковому пехотному полку. Штаб Казанской группы по численности представлял из себя штаб армии. Вскоре была объявлена мобилизация окрестных деревень и городского населения. Из этого элемента было предположено сформировать в будущем пехотный корпус. Командиром его был назначен генерал-майор Рычков.

В таком виде представлялись наши силы на Казанском фронте к концу августа, то есть к тому моменту, когда полковник Каппель вторично, после удачной операции у Свияжска, высадился на правом берегу у Казани с целью занятия Романовского моста.

К этому времени я был командирован полковником Каппелем в Казань для связи со штабом Казанской группы. Здесь я только скажу, насколько штаб полковника Каппеля отличался своей деловитостью и весьма ограниченным составом от штаба Казанской группы, который представлял из себя совершенно противоположную картину. Сам полковник Степанов был офицером высокого качества, честный, прямой, но, к сожалению, попавший под влияние "политиканствующих интриганов".

Сначала он как будто сочувствовал левым течениям, но вскоре перешел в противоположный лагерь, к монархическому окружению. Благодаря такой обстановке, создались враждебные отношения штаба к гражданским властям. В результате Степанов, благодаря введенному осадному положению, отстранил гражданские власти и передал всю полноту управления в военные руки, что еще больше обострило отношения с правительством Комуша.

К этому же времени у полковника Степанова портятся отношения с высшим чешским командованием, отчасти из-за того, что он стал относиться к левым кругам отрицательно; отчасти, ему ставились в вину большие потери, понесенные 1-м Чешским полком за период его командования им. Хотя справедливость требует отметить, что это обвинение не было достаточно основательно. Все это уже доказывало тот разлад, который был одной из причин наших дальнейших неудач на Волжском фронте.

Мой приезд в Казань почти совпал с выступлением рабочих, благодаря агитации местных коммунистов, на Пороховых заводах. Казанские Пороховые заводы находились в семи верстах от города, по дороге к пристани, недалеко от Алафузовских казарм, где были собраны мобилизованные и формировались маршевые роты для отправки на фронт.

2 сентября в два часа дня полковник Степанов в сопровождении своего адъютанта, хорунжего Устякина, и меня отправился на автомобиле в Алафузовские казармы произвести смотр маршевым ротам перед отправкой их на фронт. В это утро начальник контрразведывательного отделения, полковник Злобин, уже доносил о

готовящемся выступлении рабочих. С утра, однако, было все спокойно.

Войдя во двор казарм, где были выстроены роты без оружия, сразу бросилось в глаза общее замешательство, царившее среди всех. Генерал Рычков подошел к полковнику Степанову и прерывающимся от волнения голосом отрапортовал, что только что прошла вооруженная толпа рабочих мимо казарм и увлекла за собой часть мобилизованных. Не успел он кончить своего рапорта, как со всех сторон поднялась ружейная стрельба. Началась суматоха. Толпа солдат, бросившись из строя, смыла нас, и через несколько секунд двор опустел.

В самих казармах и поблизости не было ни одной боевой части, которая могла бы оказать сопротивление рабочим. Мы быстро направились в канцелярию, чтобы дать знать о случившемся в штаб.

Хоть мы и опередили рабочих, приходилось уже думать о собственной самозащите. Мы поднялись этажом выше и вошли в помещение, где находилось около 200 мобилизованных. Беспорядочная стрельба со стороны рабочих все время продолжалась. Войдя в помещение, мы вынули из предосторожности револьверы, а чех-ординарец полковника Степанова, который был тоже с нами, приготовил ручную гранату.

На нас смотрели сотни испуганных глаз, хотя у некоторых можно было наблюдать враждебное выражение.

Ожидая, что рабочие могут ворваться за нами следом, по лестнице, мы поэтому остановились у дверей, решив защищаться, оставив последний патрон для себя. Чтобы как-нибудь обезопасить себя со стороны мобилизованных, полковник Степанов приказал всем им лечь на пол, что те моментально и исполнили. Через некоторый промежуток ожидания в верхних этажах послышались крик и ряд выстрелов. Оттуда сбегает офицер и говорит, что рабочие ворвались в казармы с другого входа, расстреливают офицеров и ищут полковника Степанова.

Занятая нами позиция оказалась невыгодной, так как рабочие могли напасть на нас сразу с двух сторон, и потому мы быстро спустились вниз по лестнице к выходу и притаились в нише, образуемой лестницей. Через несколько секунд вслед за нами сбежала толпа с криками: "Бей его!... держи..." прямо во двор, предполагая, что мы выбежали туда же.

В это время по казармам и по двору "поливал" пулемет уже нашего броневика. Рабочие стали разбегаться во все стороны. Выждав, пока огонь понемногу затихнет, мы вышли из своего убежища и стали пробираться вдоль стенки здания к воротам, где стоял наш автомобиль. Во дворе лежало много раненых и убитых.

У самых уже ворот мы нашли хорунжего Устякина 1, раненого несколькими пулями в ноги, и рядом – убитую лошадь, на которую он вскочил, как только началась стрельба, желая доскакать до штаба и передать туда о случившемся.

Но в штабе об этом уже знали, и присланные оттуда два броневика в первую очередь отогнали рабочих за расположение казарм.

Положив раненого в автомобиль, мы отправились в штаб. К тому времени уже были посланы ликвидировать восстание на трамваях один батальон Чешского полка и

подполковник Нечаев с двумя эскадронами. Опасались, что восставшие могут ударить в тыл нашим частям на фронте. Полковник Сушко отдал приказ стоящим поблизости батареям открыть огонь шрапнелью по местности, занятой повстанцами.

Наконец, к позднему вечеру совместными действиями чехов и "нечаевцев" удалось ликвидировать восстание.

Положение на фронте становилось все труднее и труднее. На некоторых участках наши части отошли уже к реке Казанке, то есть к окраине города. На фронт посылались все вновь сформированные части из мобилизованных крестьян и городского населения. Эти части, наспех сколоченные и без всякой подготовки, естественно, не могли принести большую пользу на фронте.

Хотя уже впоследствии Казанский полк полковника Перхурова был одним из боевых полков вреди "каппелевцев".

По городу ходили всевозможные нелепые слухи, как обычно бывает в подобных случаях. Отчасти этому способствовало Информационное бюро при штабе ("Осваг"), которое, может быть, и само вводилось в заблуждение всевозможными телеграммами о движении десяти тысяч японцев из Сибири, о наступлении союзнических войск с Архангельского фронта и тому подобное. Население Казани успокаивалось всевозможными уверениями, что город сдан не будет.

Впоследствии часто приходилось слышать упреки по адресу полковника Степанова за эти успокоительные сообщения, благодаря которым население вводилось в заблуждение. Казанцы долго не могли простить этого Степанову.

В сущности, такие обвинения неосновательны. Население, или та часть, ставшая впоследствии "беженцами", могло учесть всю обстановку, когда фронт проходил почти у самого города и положение ухудшалось с каждым днем. Эту легковерность и некоторую беспечность населения можно объяснить тем обстоятельством, что это были только "первые шаги" гражданской войны, только начало передвижения беженцев, той части России, которая до этого жила спокойной жизнью вдали от фронта Великой войны.

Единственная надежда была на Каппеля, на успех его продвижения к Свяжску и Романовскому мосту. Донесение пока еще оттуда не поступало.

Между тем, красные 7 сентября в 5 часов утра под прикрытием своего речного флота высаживают десант у самой пристани. Срочно был направлен туда полковник Швец с двумя батальонами чехов. Дав им высадиться, он стремительной контратакой опрокидывает красных в реку. Красные несут большие потери и отходят вверх по реке.

С правого берега доносилась отдаленная орудийная канонада. Судьба Казани решалась в этих боях. Тщетно полковник Степанов по прямому проводу с Самарой просил прислать ему резервы. Таковых уже не было. Единственно, подошел 3-й батальон 1-го Чешского полка, который до этого находился под Самарой.

Наконец, к вечеру 8 сентября приходит донесение от полковника Каппеля – после упорных боев ему удалось продвинуться к Свяжску. Дальнейшее наступление было невозможно из-за больших потерь и крайней утомленности войск.

В настоящее время он с отрядом отходит на пристань Талиевку. Там будет грузиться, чтобы идти к Симбирску, которому угрожают красные, ведя энергичное наступление с Инзинского направления. Просит выслать пароходы к пристани Талиевка для погрузки 500 раненых.

Понеся потери почти 50% убитыми и ранеными всего состава отряда, полковник Каппель был вынужден отказаться от исполнения задуманной операции.

Красные, между тем, все настойчивее ведут атаки на город. Здание штаба обстреливалось огнем речного красного флота. Отдается приказ об оставлении в ночь на 10 сентября города с отходом на Лашиевский тракт.

К 17 часам красные сбили наши части со стороны Арского направления и ворвались уже в город с Подлужной улицы.

Вовремя подоспевший полковник Швец с чехами выбивает красных и восстанавливает положение.

К вечеру бои затихли. Красные пускают еще несколько снарядов по штабу, как бы подгоняя к уходу. Неожиданно около 23 часов в городе тухнет свет. Полковник Степанов садится на лошадей со своим Штабом, оставляет здание Губернаторского дома, выходит на Лашиевский тракт.

Так закончилось месячное сидение в Казани. Падением Казани началось наше постепенное общее отступление от Волги. Так, 13 сентября к вечеру большевики прорвали наш фронт между Свягой и Волгой, ворвавшись в Симбирск. Полковник Каппель с частями Симбирской группы и 1-м Чешским полком, который был после оставления Казани непосредственно перекинут на Симбирское направление, отходил за железнодорожный мост к станции Часовая, и фронт установился у станции Чардаклы.

По нижнему течению Волги большевики также начинают наступать на Самару. 12 сентября нами оставлен Вольск, а затем и Хвалы́нск. Затем к 17 сентября полковник Каппель делает попытку наступать. Ведением упорных боев нашим частям удалось к 23 сентября опять выйти к станции Часовня и к железнодорожному мосту, но вскоре наши части вынуждены были под натиском красных постепенно начать отход на Бугульму.

Наконец, 3 октября нами оставлена Сызрань, а 5-го – Самара. Таким образом, весь Волжский фронт отодвинулся на линию Бузулук – Бугуруслан и Бугульма.

Между тем, после оставления Казани части Казанской группы в трехдневном переходе подошли к Лашиеву. Спустились затем на юг, вышли на Каму.

Здесь они сели на баржи и были погружены на пароходы штаб группы, запасные части войск, раненые и больные, а также эвакуированные интендантские грузы. Все это было направлено на Уфу, куда и дошло благополучно. Все же боевые части распоряжением командующего Волжским фронтом генерала Чечека были отправлены частью на пароходы, частью – походным порядком на Симбирский фронт в распоряжение полковника Каппеля. Сам полковник Степанов, прибыв к Бугульминской железной дороге, чтобы узнать общую ориентировку, направился в

штаб полковника Каппеля на станцию Чардаклы и затем приехал в Уфу.

С отступлением от Казани звезда полковника Степанова закатилась. С чешским командованием его отношения окончательно испортились, так что был даже дан приказ генерала Чечека его арестовать как бывшего командира 1-го Чешского полка за неисполнение приказа и нарушение дисциплины. Полковник Степанов не подчинился этому приказу и был исключен из списков Чехословацкого корпуса.

Единственно, полковник Швец, заместивший его, как командира 1-го Яна Гуса полка, прощаясь с ним, сказал: "Вы, господин полковник, много сделали для нашего полка, и Вы вывели его с Украины, когда немцы наседали со всех сторон... И вот, Вы сейчас вынуждены уйти от нас... Но помяните мое слово, я тоже долго не продержусь после Вас...".

Этот героический чешский офицер глубоко болел душой, видя уже первые признаки разложения и упадка воинского духа среди полков Чехословацкого корпуса. В особенности он страдал за свой родной полк. Действительно, 1-й пехотный Яна Гуса полк был одним из самых боевых подразделений всего корпуса. Большая его часть была составлена из добровольцев-чехов, дравшихся почти с самого начала войны на нашем фронте против австро-германцев. Когда приходилось наблюдать этот полк в бою, можно было любоваться героическим духом всего его состава, особенно выделялась ударная рота этого полка. Но на долю этого же полка и выпала очень трудная боевая работа из всего корпуса. Люди уже выдыхались, и это было одной из причин упадка воинской дисциплины. Полковник Швец оказался прав: недолго он продержался в полку. Через несколько недель он застрелился. Когда под Уфой 1-й полк отказался выступить на фронт на поддержку нашим частям, попавшим в тяжелое положение, этот герой-офицер, обещая своему родному полку, что он приказывает в последний раз (весь Чехословацкий корпус распоряжением союзнического командования должен был стать на охрану Сибирской железнодорожной магистрали) помочь своим братьям-русским. Полк вынес постановление: "не выступать". Узнав об этом окончательном решении, Швец удалился к себе и застрелился. Моментально, как только эта весть распространилась среди чинов полка, чехи выступили и решительным натиском отбросили красных, тем самым выведя из критического положения наши части.

Этим я заканчиваю свои воспоминания о борьбе на Волге. Этот период – с мая по ноябрь 1918 года – носивший характер партизанской борьбы, сразу выдвигает талантливого вождя, волжского героя, полковника Генерального штаба Владимира Оскаровича Каппеля, который в дальнейшем, начиная с должности начальника Отдельной Волжской дивизии, доходит до Главнокомандующего войсками Восточного фронта. Описанный период не носил характера организованности и стройного движения. Вся борьба на Волге 1918 году была театром военных действий передовых отрядов Сибирской армии, которая под прикрытием этого авангарда имела время сформироваться и окрепнуть.

Народная армия приняла на себя первый удар уже регулярной красной армии. К осени 1918 года вся Сибирь была освобождена от власти большевиков. Благодаря союзническим войскам, это не представляло особых затруднений, да и сопротивление со стороны большевиков было оказано весьма слабое. В то время, они там еще не были организованы в достаточной мере, да и не было у них как таковой регулярной армии.

Настоящая война началась, когда Москва, сформировав в центре России уже регулярные красные полки и заставив командный состав руководить ими, двинула их на Омск, бросив лозунг: "В Сибирь – за хлебом!..".

И в последующей борьбе волжане, приняв на себя этот первый удар, составляли один из главных элементов, игравших первенствующее значение во всем Белом движении на Востоке.

В РЯДАХ АРМИИ ВЕРХОВНОГО ПРАВИТЕЛЯ.

1919 год

Очерк "В рядах армии Верховного правителя" хронологически охватывает 1919 год, второй год гражданской войны на Востоке России.

После того, как 18 ноября 1918 года антибольшевицкую борьбу на Востоке России возглавил адмирал А.В. Колчак, аморфная и политически разрозненная Российская армия упраздненного правительства Директории подверглась реорганизации. Структуры Западного фронта расформировывались. Действующие войска сводились в три отдельные армии. 24 декабря 1918 г. на Пермском направлении из частей бывшей Екатеринбургской группы была образована Сибирская армия генерала Р. Гайды. За ней 28 декабря 1918 г. последовало формирование Оренбургской (Южной) казачьей армии генерала А.И. Дутова, взаимодействовавшей с Уральской казачьей армией генерала Н.А. Савельева (затем – генерала В.С. Толстова). Наконец, 1 января 1919 г. на Уфимском направлении из частей бывших Прикамской и Самарской групп была создана Западная армия генерала М.В. Ханжина, усиленная Южной армейской группой генерала Г.А. Белова. Новая организация вооруженных сил была окончательно закреплена приказом Верховного Главнокомандующего от 3 января 1919 г., установившим новое боевое расписание армии и порядок ее формирования. Стратегический план предусматривал в качестве основного направление Вятка – Вологда – Котлас. Конечной целью обозначался Архангельск. Освобождение Перми 24 декабря 1918 г. явилось успешным завершением первой части этого плана, однако дальнейшее развитие операции уже к началу января 1919 г. оказалось сорванным из-за недостаточной материальной и технической подготовленности частей, а также обозначившегося отката фронта в центре. Российская армия, занимавшая 1800-километровый фронт от Каспия до Северной тундры, в ходе оборонительных боев вынуждена была оставить обширные южноуральские территории и прочно закрепилась в предгорьях Среднего Урала.

К началу марта инициатива вновь перешла в ее руки. Новый стратегический план Ставки исходил из необходимости двух последовательных фаз действий. Первая фаза предполагала временный переход к частичным наступательным операциям на северо-западном (Пермско-вятском) и юго-западном (Самаро-Саратовском) направлениях. В случае их успеха вторая фаза заключалась в нанесении главных ударов на обоих направлениях с перспективой одновременного наступления на Москву с севера, юга и востока. Директива Верховного Главнокомандующего от 15 февраля 1919 г. предусматривала частичное наступление на всех направлениях, причем Сибирской армии ставилось задачей овладение районом Сарапул – Ижевск – Воткинск; Западной армии – районом Бирск – Белебей – Стерлитамак – Уфа;

Оренбургской и Уральской армиям – районом Оренбург – Актюбинск – Уральск.

4 марта 1919 г. в наступление перешла Сибирская армия. Уже 7 марта 1-й Средне-Сибирский корпус генерала А.Н. Пепеляева 35 ворвался в Оханск. Затем 8 марта 3-й Степной-Сибирский корпус генерала Г.А. Вержбицкого занял Осу – началось быстрое продвижение в направлении Пермь – Глазов. 6 марта в наступление включилась Западная армия. 10 марта 2-й Уфимский корпус генерала С.Н. Войцеховского овладел Бирском, 3-й Уральский корпус генерала В.В. Голицына 14 марта взял Уфу. Апрель 1919 г. явился периодом наивысшего успеха. Развивая достигнутый в марте успех, Ставке удалось заставить противника начать быстрый отход за Каму и Волгу. В начале апреля Западная армия, двигаясь в направлении на Самару, овладела Стерлитамаком, Бугульмой, Белебеем и Мензелинском. В это же время Сибирская армия, действуя в двух направлениях – на Глазов и Казань, заняла Воткинск и Сарапул. Казачьим армиям удалось прочно блокировать Оренбург и Уральск.

С момента отступления противника за Каму четко обозначились две основные группировки: 1-я действовала севернее Камы на вятском и сарапульском направлениях, 2-я – южнее Камы – на уфимском и самарском. Исходя из сложившейся ситуации, 12 апреля 1919 г. Верховный Главнокомандующий направил в войска новую директиву. В соответствии с планом, частичная наступательная операция заменялась общим стратегическим наступлением, целью которого ставилось уничтожение противника, оперирующего к востоку от рек Волги и Вятки. Так как с продвижением к Волге армия выходила на Московское направление, центр тяжести операции спешно переносился на юго-западное направление. Западной армии, наносившей теперь главный удар, предстояло своим правым флангом прорваться к Сызрани и Симбирску, имея в качестве основной задачи продвижение на Ставрополь – для соединения с Вооруженными силами Юга России генерала А.И. Деникина. Сибирская армия, чей удар теперь рассматривался как вспомогательный, должна была своим левым флангом выйти к Казани, а правым – двигаться в направлении Вятки и Вологды с целью соединения с Северной Добровольческой армией генерала Е.К. Миллера. Так как ее наступление развивалось на расходящихся направлениях, 14 апреля она была разделена на две армейские группы: Северную (генерала А.Н. Пепеляева) и Южную (генерала Г.А. Вержбицкого).

Исполняя новый приказ, Российская армия продолжила наступление в общем направлении на Среднюю Волгу, стремясь, отбросив противника на юг от выгодного естественного оборонительного рубежа, занять основные переправы. 13 апреля Сибирская армия взяла Ижевск. Западная армия 15 апреля овладела Бугурусланом, 25 апреля – Чистополем. Оренбургская армия 21 апреля полностью окружила Оренбург. К концу апреля армия Верховного Правителя вышла на подступы к Казани, Самаре и Симбирску, освободив огромную территорию с важными промышленными и сельскохозяйственными ресурсами и населением более 5 миллионов человек. Перед ней открывалась дорога на Москву.

Во второй половине апреля 1919 г. предпринятое Верховным Главнокомандованием общее наступление постепенно выдыхается. Чрезвычайное растягивание фронта при отсутствии полноценных резервов привело к серьезному оголению флангов. Этим воспользовался противник, 28 апреля перешедший в контрнаступление. В полосе Западной армии (генерал М.В. Ханжин) под ударом оказалось направление Бузулук – Бугуруслан – Белебей – Уфа, в полосе Сибирской (генерал Р. Гайда) – Сарапул – Ижевск – Воткинск.

Глубокий обход основных сил Западной армии заставил ее командование уже 2 мая приостановить продвижение к Волге. 4 мая был потерян Бугуруслан и перерезана Самаро-Уфимская железная дорога. 5 мая армия оставила Сергиевск, начав отход к Бугульме. Стремясь восстановить положение, Ханжин начал подготовку к контрудару. О том, что южное направление по-прежнему продолжает оставаться для Ставки главным, свидетельствовало экстренное выдвижение сюда 30 апреля единственного стратегического резерва командования – 1-го Волжского корпуса генерала В.О. Каппеля. Войска Западной армии временно сводились в две оперативные группы: Северную генерала С.Н. Войцеховского (2-й Уфимский и 3-й Уральский корпуса), наносившую удар из района Бугульмы на Бугуруслан, и Северо-восточную генерала В.О. Каппеля (1-й Волжский и 6-й Уральский корпуса) – из Белебея на Бузулук. Успеху операции должны были способствовать действия казачьих Оренбургской и Уральской армий. Первой контратаковала группа Войцеховского, однако в трехдневных боях 9-11 мая на реке Сок она понесла поражение и в расстройстве отступила за реку Ик, 13 мая сдав Бугульму. Выступление группы Каппеля из-за медленного сосредоточения частей 1-го Волжского корпуса также закончилось неудачей. 10 мая выдвигающиеся для контрудара войска вошли в соприкосновение с наступающим противником и в упорных встречных боях 11-14 мая на реке Ик были разгромлены, 17 мая оставив Белебей. После того, как 18 мая противник форсировал реку Кама, основные события развернулись вокруг Уфы.

Потеряв 29 мая Стерлитамак, по замыслу командования, Западная армия должна была под прикрытием арьергардов планомерно отойти за реку Белая и, опираясь на водную преграду, остановить противника на подступах к Уральскому хребту. Несмотря на то, что попытки противника форсировать 7-9 июня Белую южнее Уфы были успешно отражены, уже 9 июня ему удалось прорваться севернее города. Осуществляя плотное преследование, еще 25 мая он предпринял наступление в районе Бирска, отразить которое был выдвинут 3-й Уральский корпус, усиленный резервным Екатеринбургским ударным корпусом Сибирской армии. Последний оказался крайне низкого качества и в боях 3 июня был разбит, вынудив 3-й Уральский корпус 8 июня оставить Бирск и устье реки Белой, перерезав таким образом железную дорогу Уфа – Златоуст. Из-за опасности окружения 9 июня Уфа была оставлена. К 19 июня войска в беспорядке отступили за реку Уфа к предгорьям Уральского хребта.

С поражением Западной армии внимание Верховного Главнокомандования обращается к северо-западному направлению, где Сибирская армия продолжала продвигаться к Казани и Вятке. 23 мая Ставка направляет в войска новую директиву, согласно которой главные усилия армии, несмотря на возникшую с отступлением в центре угрозу ее левому флангу, переносятся с казанского направления на вятское. План предусматривал вести на левом фланге жесткую оборону силами 4-го Сводного Сибирского корпуса с опорой на реки Кама и Вятка. В центре – силами 3-го Степного-Сибирского и 1-го Средне-Сибирского корпусов последовательно занять Глазов, Вятку, выйти к Вологде и соединиться с Северной армией генерала Е.К. Миллера.

24 мая противник, форсировав реку Вятку, попытался наступать в направлении Сарапула и 26 мая занял Елабугу, но встречным ударом был отброшен севернее и южнее Глазова. Овладение городом 2 июня явилось последним успехом Сибирской армии, центр которой продолжал упорно продвигаться вперед, а левый фланг под

давлением отступления Западной армии начал подаваться назад. 2 июня здесь был оставлен Сарапул, 4 июня – Агрыз, 7 июня – Ижевск. Уже 6 июня продвижение на северо-западном направлении оказалось локализованным, а с переходом противника в контрнаступление 7 июня на Красноуфимском и Глазовском направлениях командование армии начало постепенное отступление на дальние подступы к Перми, рассчитывая удерживать Пермский район обороной на линии Оса – Оханск.

К концу июня 1919 г. основные силы Российской армии потерпели серьезное поражение и вынуждены были на всех направлениях, кроме пермского, отступить за реку Кама. На фоне продолжающейся операции противника, переросшей в общее наступление, естественным рубежом для его остановки являлся Урал. Исходя из создавшегося положения, новый план командования предполагал сохранение стратегической инициативы лишь на левом фланге Восточного фронта, где Южной армии, образованной 23 мая из Оренбургской казачьей армии генерала А.И. Дутова и Южной армейской группы генерала Г.А. Белова, удалось выйти на подступы к Николаевску и Бугульме. Западная армия, реорганизованная в три оперативные группы (Уральскую, генерала В.В. Голицына – с 11 июня, Волжскую, генерала В.О. Каппеля – с 14 июля и Уфимскую, генерала С.Н. Войцеховского – с 17 августа), должна была удерживать направление Златоуст – Челябинск, закрепившись на линии реки Уфа. Сибирская армия, разделявшаяся на Северную (генерала А.Н. Пепеляева) и Южную (генерала Г.А. Вержбицкого) группы, имела задачей прикрытие направления Пермь – Екатеринбург, обороняясь по линии реки Кама.

Развитие Уральской операции заставило Верховное Главнокомандование отказаться от попыток перейти в контрнаступление левым флангом и обратить внимание прежде всего на оборону Уральского хребта. Сибирская армия 20 июня вынуждена была отойти за Каму, потеряв Сарапуло-Воткинский район. 1 июля она оставила Пермь, Кунгур и Красноуфимск, 15 июля – Екатеринбург, 19 июля – Верхотурье. 13 июля противник перерезал железную дорогу Екатеринбург – Челябинск, 16 июля – железную дорогу Екатеринбург – Верхотурье. Отступавшие в беспорядке войска оказались рассеяны на две части: двигавшуюся в направлении Челябинска Южную (генерала Р. Гайды) и шедшую от Верхотурья Северную (генерала А.Н. Пепеляева). Одновременно с этим Западная армия, оборонявшая западные склоны Уральского хребта, 13 июля оставила Златоуст.

С потерей Среднего и Южного Урала основные события развернулись вокруг Челябинска. Учитывая то, что к 20 июля здесь обозначился прорыв фронта, Ставка резко изменила планы, решив преднамеренным отступлением втянуть противника в окружение, уничтожить его западнее Челябинска, а затем перейти в наступление с перспективой возвращения Зауралья. Осуществление главного удара возлагалось на Западную армию, после сдачи Златоуста занявшую позиции на рубеже озер Иртяш, Чебаркуль и Куяш, позволявшие сначала парировать продвижение противника, а затем, после соответствующей перегруппировки и усиления, попытаться перейти в контрнаступление. Используя эту возможность, 22 июля Верховное Главнокомандование приняло решение о реорганизации действующих войск в составе новообразованного Восточного фронта (Главком генерал М.К. Дитерихс). Бывшая Сибирская отдельная армия расформировывалась: из войск ее Северной группы на Тюменском направлении образовывалась 1-я армия (генерала А.Н. Пепеляева), из войск Южной на курганском направлении – 2-я армия (генерала Н.А. Лохвицкого). Западная отдельная армия переименовывалась в 3-ю армию (генерала К.В. Сахарова 36). Для осуществления Челябинской операции в составе Западной армии образовывались три войсковые группы: Северная (генерала С.Н.

Войцеховского) и Южная (генерала В.О. Каппеля) ударные, а также Сковывающая (генерала В.Д. Космина). Южная армия (генерала Г.А. Белова) наносила вспомогательный удар на Верхнеуральском направлении.

24 июля Челябинск, где вспыхнул большевицкий мятеж, был оставлен. 25 июля в контрнаступление перешла группа Войцеховского, 27 июля к нему присоединились группы Космина и Каппеля. Несмотря на первоначальный успех (войска первого перерезали железную дорогу Екатеринбург – Челябинск, второго – ворвались в предместья Челябинска), продвижение быстро застопорилось. 29 июля противник внезапно контратаковал и уже к 1 августа полностью восстановил прежнее положение. С потерей 4 августа Троицка Восточный фронт оказался расчлененным на две изолированные группировки, которые вели отступление на расходящихся направлениях: Восточная группа (1-я, 2-я и 3-я армии) – в Сибирь, Южная (Южная армия) – в Туркестан.

К середине августа войска отошли на рубеж реки Тобол, где командование фронтом рассчитывало, прикрываясь водной преградой, произвести перегруппировку армий и попытаться вновь перехватить наступательную инициативу, поддержав начавшееся 12 сентября 1919 г. общее наступление Вооруженных сил Юга России. План Тобольско-Петропавловской операции предполагал нанесение главного удара в междуречье рек Тобол и Ишим. Движение на севере должно было осуществляться силами Тобольской группы (генерала Редько), в центре на Ишимском и Тобольском направлениях – 1-й и 2-й армий, на юге – 3-й армии и Степной группы (генерала Д.А. Лебедева 37).

2 сентября войска Восточного фронта перешли в наступление и к концу месяца достигли линии реки Тобол, 2 октября овладев Тобольском. Игнорируя обозначившееся перенапряжение всех сил, 12 октября командование отдало приказ о дальнейшем развитии операции. 1-я и 2-я армии и Тобольская группа сводятся в Сибирскую группу армий под руководством генерала Лохвицкого, 3-я армия и Степная группа – в Московскую группу армий под руководством генерала Сахарова. На пополнение убыли на фронте были брошены формирующиеся части Иркутского и Омского военных округов. Силы Приморского округа составили стратегический резерв Ставки. Несмотря на чрезвычайные меры, 13 октября наступление выдыхается окончательно. Уже 14 октября под нажимом противника начался медленный отход. Попытки контратаковать в условиях крайней малочисленности и переутомления войск оказались безуспешны. К 18 октября сопротивление армий было сломлено – по всему фронту началось все ускоряющееся отступление за реку Ишим. 22 октября оставлен Тобольск, 31 октября после упорной трехдневной обороны – Петропавловск, 4 ноября – Ишим. Остатки соединений в беспорядке стекаются к Омску.

* * *

Очерк "В рядах армии Верховного правителя" печатается по воспоминаниям полковника В.О. Вырыпаева "В.О. Каппель" ("Каппелевцы"), отрывков воспоминаний генерала С.А. Щепихина (ГА РФ. Ф. 6605. Оп. 1. Д. 8. Лл. 50-100) и второй части воспоминаний ротмистра В.А. Зиновьева (ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 358. Лл. 1-41; воспоминания печатаются с незначительными сокращениями).

В.О. ВЫРЫПАЕВ

КАППЕЛЕВЦЫ 38

ФОРМИРОВАНИЕ 3-го ВОЛЖСКОГО КОРПУСА

Согласно указаниям ставки, Волжская группа была сосредоточена в окрестностях города Кургана. Каппель весь ушел в дело формирования.

Казалось бы, что власть и все ее представители должны были всеми мерами пойти навстречу, помочь, усилить, укрепить этот корпус, за спиной которого они же сами могли еще долго благоденствовать. На самом же деле было совсем не так. Омские "калифы на час" где было возможно ставили всякие препятствия формирующемуся корпусу: задерживали пополнение, не отпускали материальную часть, конный состав и прочее.

Каппелю самому пришлось объявить среди занимаемого района конную мобилизацию и провести ее в жизнь. Волжане, как муравьи, частным образом из всех городов Сибири тянули в корпус добротные обозные повозки, пулеметы и пулеметные двуколки, телефонные аппараты, кухни и другое военное добро, необходимое для формирования своего корпуса.

Вид у пришедших на формирование волжан был самый разношерстный. Они были одеты часто в лохмотья, обуты в дырявые валенки; вместо военной папахи на голове была в лучшем случае татарская тюбетейка. Они не умели, как должно, отдавать честь, потому что еще не было времени их этому научить. Зато они были закалены в гражданской войне, храбро сражались с красными, верили своим начальникам так же, как и начальники верили им.

Постепенно удавалось кое-что доставать, бойцы стали приобретать воинский вид. Но все это давалось не сразу.

Начальство местного гарнизона с явным пренебрежением относилось к пришедшим и было однажды страшно возмущено следующим случаем. Двое татар, добровольцев из-под Бугульмы, стояли у ворот своей квартиры. По улице мимо них шли офицеры гарнизона. Добровольцы или не видели их, или не обратили должного внимания. Офицеры подошли к ним и резко сделали замечание за неотдание чести. Татары, не поняв, чего от них хотят, на ломаном русско-татарском языке ответили:

- Лучше проваливай своей дорогой, наша вашу не знает! Наша знает поручика Б. и генерала Каппель, больше наша ничего не знает...

Эти добровольцы были арестованы и отправлены в комендантское управление, откуда было сообщено об этом в штаб Волжского корпуса.

Каппель приказал мне произвести дознание. Я объяснил начальнику гарнизона, что

не все добровольцы еще обучены отданию чести и так далее. Их отпустили, и я видел, как один из них горько плакал, говоря, что он – доброволец, два раза ранен под Бугульмой, защищая Россию, а теперь, как преступник, был арестован...

РАПОРТ О НАИМЕНОВАНИИ БАТАРЕИ "КАППЕЛЕВСКОЙ"

Среди офицеров батареи, которой я командовал, было решено присвоить ей название: "Каппелевская отдельная Волжская конно-артиллерийская батарея". Об этом я написал рапорт командующему 3-м Волжским корпусом генералу Каппелю.

Каппель вызвал меня в штаб и, отдавая обратно мой рапорт, сказал:

- Возьми и уничтожь! Я не член императорской фамилии, чтобы моим именем при жизни назывались воинские части, и не из атаманов, которые при жизни называют своими именами полки и тем играют в руку нашим врагам.

Об этом я сообщил батарее. Мои люди грустно выслушали это сообщение, но все же сочли, что Каппель поступил правильно.

Потом после смерти генерала вся армия называлась "каппелевцами", и был бронепоезд "Каппелевец", сражавшийся с красными в Приморье и под Волочаевкой.

Формирование 3-го Волжского корпуса лихорадочно продолжалось.

Прошло полтора месяца, а обещанное пополнение не приходило. Бойцов упорно не присылали. Наконец, Ставка предложила Каппелю пленных красноармейцев, взятых под Екатеринбургом и выразивших желание служить в рядах белых. Каппелю, за неимением других, пришлось взять этих бывших красноармейцев с надеждой научить их бить большевиков.

Я получил 60 таких красноармейцев в пополнение батареи. Первоначальная неловкость с ними скоро исчезла. Большинство из них оказались отличными солдатами. И они лучше ухаживали за конями, так как были к этому привычны. В боевом отношении, конечно, добровольцы были значительно выше и надежнее, и влитые в них красноармейцы нисколько не нарушали боевой работы и незаметно растворились среди кадровых добровольцев.

В пехоте была другая картина. Это пополнение из бывших красноармейцев поглотило кадры; понадобилось 6-7 месяцев, чтобы привить им наш боевой дух и дисциплину.

В феврале и марте 1919 года 1-я отдельная Волжская конно-артиллерийская батарея, которой я командовал, стояла в центре формирования 3-го Волжского корпуса в городе Кургане. Решено было сделать большой батарейный обед, на который был приглашен только командующий корпусом генерал Каппель.

За обедом была самая дружеская атмосфера, ибо Каппель хорошо знал многих чинов батареи еще по Волге, начиная с Сызрани. Поэтому многое из боевого прошлого тепло вспоминалось, и велись беседы о будущем, говорилось много душевных тостов.

И вот звон ножа о стакан или тарелку призвал всех к молчанию. Поднялся всегда стеснявшийся, скромный и немного неуклюжий прапорщик Т. и громким голосом начал так:

- А теперь я прошу поднять бокалы за здоровье того, кто дал каждому из нас возможность смело смотреть в глаза всему миру, за того, кто дал нам гордое право сказать: я – каппелевец!

Его слова были покрыты таким из души вырвавшимся мощным "ура", что трудно описать словами. И после этого беседа продолжалась еще теплее, еще задушевнее, потому что здесь была своя сплоченная и понимающая один другого семья.

А потом, когда утро уже начинало входить в свои права и начало рассветать, Каппель, прощаясь, тепло благодарил за прием и сказал:

- В эту ночь мы пережили много незабвенных дружеских часов, но эту ночь мы украли у нашей родины России, перед которой у нас есть еще один долг: напрячь и удвоить нашу энергию для ее освобождения...

Громкое "ура" не дало ему закончить фразу.

Этот скромный обед еще больше спаял начальника с его подчиненными, которые с энтузиазмом готовились для продолжения борьбы с чудовищем – III-м интернационалом.

УСПЕХ УРАЛЬСКИХ И СИБИРСКИХ ЧАСТЕЙ

Ранней весной 1919 года молодая Уральская и Сибирская армия начали наступление, успешно продвигаясь вперед и тесня красных. Очищены были от них Уфа, Белебей, Бугульма и несколько железнодорожных станций. Белые уже приближались к Самаре и были в районе станции Кинель. Их фронт растянулся до невероятных размеров. А резервы были все израсходованы. Свежих пополнений тыл не присылал, так как их не было. На что рассчитывала Ставка? Какой план она имела, отдав приказ наступать, не имея готовых резервов? Естественно, наступающие измотанные части, не получив подкреплений, остановились.

К этому нужно добавить, что началось быстрое таяние снегов, начался буйный разлив рек и речушек, превративший их в целые моря. И, к тому же, бойцы были обуты в валенки, не имея другой обуви. Легко себе представить положение белых бойцов!.. В общем, произошла заминка.

К тому же, Ленин и Троцкий выбросили лозунг по всей стране: "Все на Колчака!", подвозя на Восточный фронт новые и новые красноармейские части.

Южнее Самаро-Златоустовской железной дороги им удалось создать ударный кулак из нескольких дивизий, и они бросили его на стянувшийся у Самары фронт белых. Сдержать этот нажим было нечем. Началось неизбежное отступление.

ВОЛЖСКИЙ КОРПУС СПЕШНО ВЫЗЫВАЕТСЯ НА ФРОНТ

Только что начавший развертываться Волжский корпус, две недели назад получивший вместо нужного пополнения красноармейцев, с которыми начальники не успели как следует ознакомиться, получил из Ставки приказ немедленно выступить на фронт в том виде, как он есть.

Командование Западной армии, видимо, по халатности назначило местом сосредоточения корпуса район Белебея, который был уже занят красными. И как будто по чьей-то злой воле, Волжскому корпусу пришлось выгружаться поэшелонно в непосредственной близости к противнику, очень часто под сильным ружейным и пулеметным огнем, входя сразу в бой.

Необученные и непрофильрованные части, состоявшие почти сплошь из бывших красноармейцев, целиком переходили к красным, увозя с собой офицеров. Свои же надежные каппелевские части, если не уничтожались, то несли громадные потери и отходили вместе с уральцами и сибиряками.

И таким образом Волжский корпус, на создание которого было потрачено столько сил и энергии, в короткое время хотя и не был совсем уничтожен, но был сильно потрепан и уже не представлял той грозной силы, какой мог бы быть, если бы все было проведено планомерно.

Западнее реки Белой было сосредоточено большое число сибирских казаков под командой генерала Волкова, но эта группа не оказала должного давления на красных.

БОИ НА РЕКЕ БЕЛОЙ

После больших усилий Каппель собрал измотанные и полууничтоженные части Волжского корпуса на реке Белой, куда красные подтянули свежие резервы, почти ежедневно производя яростные атаки. Высшее командование приказало Волжскому корпусу продержаться на рубеже реки Белой еще несколько дней. Волжане, измотанные непрерывными ежедневными атаками со стороны красных, еле держались на ногах и совершенно не спали по несколько суток. На успех трудно было рассчитывать.

Каппель приказал Уржумскому полку подтянуться из резерва к месту прорыва и атаковать красных с севера, а мне приказал прибыть с батареей к этому же месту прорыва, объединить артиллерию (три батареи, кроме моей) и содействовать наступающим частям в центре.

Прибыв немного раньше назначенного для атаки времени, я выбрал наблюдательный пункт близко к центру нашей наступавшей пехоты и связался телефоном с батареями, которым приказал в назначенный для атаки час открыть интенсивный огонь по району деревни, где скопились только что переправившиеся через реку Белую красные.

До этого деревня, занятая красными, переходила из рук в руки четыре раза. Наша пехота в непрерывных атаках была измучена до последней степени и понесла большие потери. И мне было ясно, что такими частями, как наша пехота, нельзя было атаковать врага и что из нашей затеи ничего не выйдет...

Трещали пулеметы с той и другой стороны. Настойчиво била артиллерия. Красные продолжали расширять занятый ими участок на нашей стороне реки. Их пули из ружей и пулеметов жужжали как пчелы.

За пять или десять минут до назначенного срока атаки на взмыленном коне прискакал, с одним только вестовым, сам Каппель и остановился у небольшой рощицы, почти в линии нашей пехоты. Весть о появлении Каппеля прошла по рядам нашей пехоты, как электрический ток. Все сразу оживились. Оставив коня за рощицей, Каппель пошел вдоль цепей, шутил с солдатами, задавал им разные вопросы; все наперебой весело ему отвечали. За небольшим пригорком собралась кучка бойцов; он объяснил, как будем наступать:

- А с севера и с нашего правого фланга ударят уржумцы!

Правда, это все, что было у Каппеля в резерве, да и от Уржумского полка после непрерывных боев осталось всего 80 бойцов.

При начавшемся среди каппелевцев оживлении красные заметно усилили огонь. А когда наступил срок атаки, Каппель крикнул:

- С Богом!

Наша пехота вся, как один, выскочила из своих укрытий и бросилась бегом на красных. Каппель ушел вдоль нашей линии. Скоро оттуда прибежал батарейный наблюдатель Беляев и со слезами на глазах доложил мне:

- Господин полковник, возьмите, пожалуйста, генерала куда-нибудь в укрытие – убьют его там!

Отдав распоряжение батареям прибавить прицел, так как наши передовые части подходили к деревне, я побежал к Каппелю и предложил ему присесть в небольшом окопе моих боковых наблюдателей.

Огонь противника начал стихать. Наша пехота входила в деревню. Наши батареи перенесли огонь за деревню по переправам. Я перенес наблюдательный пункт в деревню, уже очищенную от красных. Там впервые после Новодевичьего увидел трупы замученных наших бойцов: у раздетых догола была вырезана кожа там, где полагается на одежде быть погонам. Один висел, приколотый штыком к стене амбара...

Переправившихся красных наши бойцы опрокинули в реку, так что большинство из них не попало на переправу.

Более 200 красных было взято в плен. Было захвачено 27 брошенных красных пулеметов, много винтовок, патронных двуколок и пулеметных лент.

Каппель тут же собрал начальников отдельных частей, поблагодарил их и просил благодарить бойцов за доблестную атаку. Рассказал задачу на будущее, сел на коня и уехал в штаб.

Невольно возникал вопрос: какой силой, как гипнозом, действовал Каппель на солдат? Ведь на таком большом участке прибывшие резервы, остатки Уржумского

полка, нормально не могли ничего сделать. Части же, стоявшие на этом участке, имели в продолжение четырех дней непрерывный бой и в течение этого времени были почти без сна.

Потом после боя я много разговаривал с офицерами и солдатами на эту тему. Из их ответов можно было заключить, что огромное большинство их слепо верило, что в тяжелую для них минуту Каппель явится сам, а если так, то должна быть и победа.

- С Каппелем умирать не страшно! – говорили они.

Эта уверенность, что Каппель явится сам в тяжелую минуту, зародилась еще с первых волжских боев, когда он действительно был среди бойцов в момент, когда все ставилось на карту. Каппелевцы в это верили до самого дня смерти своего начальника.

Доблестные волжане продержались на реке Белой не несколько дней, а более недели. И когда красные подтянули большие резервы и наступали широким фронтом, волжане включились в общий отход Западной армии, не получившей пополнений.

ПЛАН НАБЕГА НА ТЫЛ КРАСНЫХ

Неизвестно, по каким соображениям, в то время, когда потрепанная до последней степени Западная армия с большими потерями отходила, Сибирская армия под командой Гайды, можно сказать, бездействовала, будучи расположенной в районе города Пермь. Западная армия, оставив город Уфу, выбивалась из последних сил, не получая подкреплений, тащилась через Уральские горы...

Тыл ясно обнаружил полную несостоятельность, и Каппель убедился, что Ставка потеряла инициативу, не имея планов на будущее, предоставив войсковым соединениям действовать вразброд. Это убедило Каппеля, что Ставка бессильна противодействовать общему отходу и что пополнений в тылу нет.

Каппель, можно сказать, жертвуя собой, решил собрать все тех же старых испытанных волжан-каппелевцев, заранее переговорив с начальниками их отдельных частей. Он не скрывал возможности серьезного конца в случае неудачи, прямо сказав: "Может быть, нам суждено погибнуть!".

Каппель предложил Ставке разрешить ему собрать 2 тысячи сабель с конной батареей, пробраться где-нибудь на фланге в тыл красным, возможно быстрее уйти как можно глубже и там, где-нибудь в ста или двухстах верстах от фронта, произвести среди красных переполох, взрывая мосты, нападая на склады оружия и так далее. Он доказывал, что в тыловых городах так же, как и у нас, почти нет никаких сильных частей, кроме зачаточных формирований, и еще большой вопрос, на чьей стороне могут быть эти формирования.

Каппель был уверен, что красному командованию для того, чтобы ликвидировать наш отряд, придется снять крупные части с их регулярного фронта и тем ослабить наступление, а это даст возможность Омской Ставке получить передышку и время для подготовки свежих частей.

Все подчиненные Каппелю начальники отдельных частей, с которыми он

разговаривал, всецело разделяли мнение генерала. Он подал разработанный план этого набега в штаб Омской Ставки. Долго не было ответа. Тот же инспектор артиллерии штаба фронта генерал В.Н. Прибылович потом рассказывал, что он присутствовал на обсуждении предполагаемого набега генерала Каппеля. Многие чины штаба открыто были против этого плана, говоря: "Разреши Каппелю этот прорыв – он заберется в красные тылы, возьмет Москву и организует каппелевское правительство. А о нас забудет или просто туда не пустит...".

Спустя много времени, когда наши армии неуклонно отходили на восток от Урала, на мой вопрос при встрече генералу Каппелю о судьбе его рапорта о набега на красные тылы, Каппель сказал, что получил сообщение: "Ставка не располагает такими ресурсами, чтобы рисковать двумя тысячами всадников".

ЭВАКУАЦИЯ ОМСКА

В конце лета 1919 года, начиная с августа месяца, я отбывал "тифозную повинность". В течение почти трех месяцев у меня было три тифа: сыпной, брюшной и возвратный. Я был на излечении в городе Бийске, на Алтае, куда мне Каппель не раз присылал подбадривающие письма. Часто мне было не до происходивших событий, так как температура моя поднималась до 41,1. Все же к концу октября, несмотря на все, я стал некого поправляться. Я получил от Каппеля шутливо-дружескую записочку: "Что ты там валяешься по госпиталям, когда на фронте столько работы?".

Я попросил главного врача назначить врачебную комиссию, которая, осмотрев меня, нашла необходимым для поправления здоровья отправиться мне в спокойное место, в Японию или куда мне хочется, на три месяца. Я же направился совсем в другую сторону и прибыл к Каппелю числа 8 ноября через город Омск, который в это время был на границе трагедии.

Личный состав всех бесчисленных отделов и подразделов был погружен в специальные эшелоны, отправлявшиеся сплошными лентами по двум железнодорожным путям на восток. Очередь была за эшелоном Верховного правителя, следом за которым должен был уйти эшелон "литера Д" с российским золотым запасом, добытым Каппелем в Казани. Тут же спереди и сзади этих двух эшелонов следовали эшелоны миссий разных государств, бывших на нашей стороне.

Но бесчисленные склады с оружием, материальной частью, с комплектами теплых вещей и другим военным имуществом остались на своих местах в нетронутом виде добычей врага. Почему так произошло – скажу ниже.

Я встретил приятеля еще по Симбирску, упоминавшегося мной генерала Прибыловича, который предложил мне купе в своем эшелоне инспектора артиллерии Верховного правителя. Поблагодарив его, я сказал, что хочу видеть генерала Каппеля. Через несколько минут Прибылович и я поехали на паровозе на станцию Куломзино, в 6 верстах от Омска, где на той стороне Иртыша стоял штаб 3-й Западной армии, которой тогда уже командовал Каппель.

Дружески поздоровавшись со мной, Каппель сказал:

- Так вот ты какой!

Я был истощен тифами, и вид у меня был довольно печальный.

Дальше Каппель сказал:

- Обстановка сейчас такая, что если мы разойдемся хоть на сто шагов, мы можем никогда не встретиться. Поэтому размещайся в соседнем со мной купе, и будем держаться вместе!

Начало темнеть. Западный берег Иртыша был занят десятками тысяч всевозможных повозок, сгрудившихся на берегу непроходимой мощной реки, по которой густо шли разной величины угловатые льдины.

Кроме железнодорожного моста переправы через реку не было. И только в промежутки между поездами счастливым повозкам удавалось проскочить по этому мосту, чтобы продолжать свой путь дальше на восток.

Каппель указал на бесчисленные обозные повозки сражавшихся с врагом наших частей; вокруг этих повозок сновали плохо одетые люди, разводившие костры, на которых готовили свою незатейливую пищу. Каппель тихо сказал:

- Если река не замерзнет, то часы этих повозок сочтены. Фронт совсем недалеко, а враг наседает... Переправы другой нет.

Но Провидение сжалилось над несчастными: мороз к ночи усилился. Идущие по реке Иртышу льдины остановились и стали соединяться между собой сначала тонкой, как паутина, корочкой льда, которая с минутами крепла. Кто-то догадался из пробитой проруби плескать на лед водой, и она моментально замерзала толстой корой. Через какие-нибудь час-два от плескания воды на льду образовалась крепкая корка, сначала выдержавшая тяжесть человека, а к утру по сделанным таким образом тропинкам осторожно стали проходить упряжки.

Утром, когда рассвело, мы увидели, что по множеству сделанных через реку тропинок массой двигались спасенные Господом Богом обозные повозки наших частей.

РАССКАЗ ГЕНЕРАЛА ПРИБЫЛОВИЧА

Командующим всеми армиями Восточного фронта (армиями Колчака) был хотя и пожилой, но опытный и бодрый генерал Дитерихс. Перед концом лета 1919 года Ставка приказала фронту (генералу Дитерихсу) сделать нажим на красных. Мобилизовали имевшиеся у частей резервы.

Нажим удался. Наши части подходят к реке Тоболу и, не имея подкреплений, останавливаются.

Генерал Дитерихс, зная, что Омск не имеет резервов, послал в Ставку рапорт: приступить к разгрузке и вывозу на восток сначала материальной части, а затем и других омских складов.

Когда Верховному правителю передали для прочтения этот рапорт, у него был для переговоров командующий 3-й армией генерал Сахаров. Верховный правитель дал

ему для прочтения рапорт Дитерихса и спросил:

- В чем дело? Наши войска идут вперед, доходят до Тобола, а главнокомандующий (генерал Дитерихс) рекомендует эвакуировать Омск.

Решено было, что Дитерихс устарел. Ему послана телеграмма, выражающая удивление его рапортам. Дитерихс коротко ответил:

- Если наши войска сделают хотя один шаг назад, то они не остановятся и у Омска.

Возмущенный командующий 3-й армией генерал Сахаров, пользуясь тем, что когда-то сидел в тюрьме у большевиков вместе с адмиралом Колчаком, открыто заявил, что старик Дитерихс выжил из ума и что эвакуация Омска произведет невыгодное впечатление на союзников и на население, что это может подорвать престиж власти. Тогда как Омск и Иртыш можно укрепить, мобилизовав все население и т.д.

Сахаров был назначен главнокомандующим войсками восточной окраины, а Дитерихс отправлен в тыл для формирования добровольческих частей.

Когда я приехал из госпиталя в Омск, то сам видел большой величины, расклеенный на станции и по улицам на больших зданиях и везде, где можно, чуть не аршинными буквами, приказ нового главнокомандующего, гласящий о том, что Иртыш и Омск будут укреплены в неприступную крепость и что красные могут войти в город только через наши трупы. Приказ был за подписью Верховного правителя и главнокомандующего.

Потом Прибылович мне рассказывал, что когда Главнокомандующий доложил Верховному правителю, что его эшелон готов и, чтобы не задерживать движение, должен выйти из Омска к вечеру, адмирал Колчак удивленно спросил:

- А как же мы покидаем Омск, когда выпущен приказ создать из него крепость?

Сахаров ответил:

- Так требует обстановка!

Переночевав на станции Куломзино, штаб 3-й армии перешел на станцию Омск. Не успели мы остановиться и соединиться телеграфом с тылом, как к нашему вагону подошел телеграфист со станции Омск и доложил, что Верховный правитель ждет генерала Каппеля у прямого провода со станции Татарской (или Новониколаевска – хорошо не помню).

Каппель и я быстро пошли в телеграфное отделение. Хотя я тоже вместе с Каппелем читал телеграфную ленту, но дословно ее не помню. Хорошо помню ее смысл: в ответ на вчерашнюю телеграмму Каппелю с предложением принять главнокомандование, Каппель просил адмирала Колчака назначить кого-нибудь другого, так как он считает себя не подготовленным для такой должности и молодым (ему тогда было 37 лет), когда есть много старших и опытных. Колчак дал понять Каппелю, что для соблюдения формы он уже предлагал старшим, но он хочет его, Каппеля, видеть главнокомандующим.

Каппель привел такое возражение, что он с легким сердцем принял бы командование кавалерийским полком, но не эту должность. На это адмирал Колчак задал вопрос: "Ну а если вы получите приказ?" "Приказ я должен буду выполнить!" – сказал Каппель.

Через час Верховный правитель прислал телеграфный приказ о назначении генерала Каппеля главнокомандующим.

Уходя из Омска, предыдущий главнокомандующий назначил командующего 3-й армией временно своим заместителем, не сообщив Каппелю, какие части имеются, на каком направлении находятся, и какие склады и с чем остаются в Омске, не указав их адреса. Два пути железнодорожной линии были сплошь заполнены, в хвост один другому. В эвакуации Омска не было никакого порядка. В самом хвосте шло много санитарных поездов с больными и ранеными, которые вскоре и попали в руки красных. А также красные скоро овладели эшелонами с личным составом некоторых учреждений. И нетрудно представить их участь...

С.А. ЩЕПИХИН

ВОСПОМИНАНИЯ О ГЕНЕРАЛЕ В.О. КАППЕЛЕ *viii*

1919 г. 39

Ниже вниманию читателя предложены отрывки из воспоминаний генерала С.А. Щепихина, посвященные В.О. Каппелю и его сподвижникам, относящиеся к 1919 г.

Находясь в этот период на должности начальника штаба Западной армии, Щепихин в своих воспоминаниях привел интересные свидетельства о ходе формирования Волжского корпуса генерала Каппеля, его выступлении на фронт, дал оценку деятельности высшего командного состава армии адмирала А.В. Колчака.

Большое внимание в своих воспоминаниях Щепихин уделяет отходу каппелевцев из Поволжья в Сибирь, описывает их тяжелый путь.

Как и многие волжане, Щепихин в своих воспоминаниях показывает недружелюбное отношение со стороны сибиряков к каппелевцам: "К нам, самарцам, в Сибири относились без большой симпатии. Ясно было, что Сибирь нас поглощает количественно и пространственно. Многие опасались за свою дальнейшую личную судьбу. Эта тревога лучше всего сказывалась в той частушке, "шарабане", которая была сложена в Уфе и на станции Тавтиманово после моего назначения в Челябинск к Ханжину:

"Ханжин, папаша, ты нас не трогай,

Ведь мы пойдем своей дорогой!"

А страхи той части моего Самарского и Уфимского штаба, которая осталась в составе штаба Уральского корпуса Сукина, выражалась в той же частушке так:

"Вот из Сибири нависли плети

И стали Сукина мы дети..." 40.

Интересными представляются свидетельства Щепихина, в которых он описывает снабжение каппелевцев и роль в этом английского представителя – Нокса. "Энергия Нокса неумолима... В настоящее время он принялся за корпус Каппеля и одел его во все новое английское обмундирование... В корпусе Каппеля Нокс также распоряжается полностью, устраивая инспекторские смотры, давая туда своих английских инструкторов и тому подобное. На это вмешательство Омску приходилось смотреть сквозь пальцы, пока не оскудела рука дающего..." 41.

В победах большевиков осенью 1918 г. на Восточном фронте и отступлении каппелевцев Щепихин винит атамана Оренбургского казачьего войска Дутова: "Ничего не давая на борьбу с большевиками Комучу, он пальцем не пошевелил, чтобы помочь уральцам: сунул и той, и другой стороне по одному полку сомнительной стойкости, так сказать – для представительства. Дутов с эпическим спокойствием взирал, как большевики колотят <нас> сначала на Волге, а затем <бьют> по Уральску. Ему не дано было понять общность дела, он не усваивал разницы, необходимости помочь соседу, хотя бы в собственных интересах: разбив соседей, враг навалился и на него. Так и случилось: разделавшись, хотя и не окончательно, с уральцами и на Волге, большевики, естественно, надавили на Дутова..." 42.

Описывает Щепихин и отрицательную позицию командования Западной армии на очень важном в судьбе Белого движения на Востоке России совещании в Челябинске. Совещание проводил адмирал Колчак с командующими армиями и начальниками их штабов. Оно состоялось 10 февраля 1919 г., и на нем решался вопрос относительно весеннего наступления на Восточном фронте. Сам Щепихин, считая наступление преждевременным пишет об этом эпизоде: "Каппель – единственный резерв Ставки, будет готов не раньше как месяцев через 3-4. Дай Бог, к середине мая, а то и июня <...> до Волги – это первый рубеж, на который мы сможем предположительно задержаться – свыше 600 верст, это пространство надо взять с маху, без задержки; в поддержку соседей я не верю, а потому прямо указал, что за Западной армией должен иметься сильный резерв – хотя бы в виде корпуса Каппеля.

Этот корпус не готов, других частей нет, следовательно, нельзя и начинать драку. Ведь, по существу, Дутов со своей псевдоармией – мыльный пузырь, и левый фланг Западной армии – на весу. Затем было указано и обращено внимание на время начала операции – это даже и в Сибири – начало весны; в приволжских степях, особенно к югу от линии Самара-Златоустовской железной дороги, весна всегда ранняя.

Лучше было бы при отсутствии колесного обоза и во избежание перехода во время операции с саней на колеса оттянуть ее начало.

Первая причина – неготовность корпуса Каппеля – заставляла задержать операцию до мая – то есть на 2 месяца минимум, и это по докладу присутствующего на Совещании представителя Ставки полковника Супруновича, на деле вышло, что и к июню этот корпус еще не будет окончательно готов. <...> Лебедев молчит... Или он глуп, или он беспомощен. Все время повторяет, что у Колчака сильный резерв – Каппель... и 3 формируемые в районе Омска дивизии. Этот составляет тысяч 50-70... Но время! Кто нам подарит это время!..." 43.

Щепихин лично выступил с докладом относительно невозможности наступления без резервов и был поддержан генералом М.В. Ханжиным. Оба они заявили, что Западная армия будет готова наступать не ранее середины марта. Однако, ответ адмирала Колчака был таков: "Это невозможно по политическим причинам" 44. @Начало наступления решено было организовать в начале марта.

Щепихин упоминает также о подавлении частями Каппеля крестьянских восстаний зимой-весной 1919 г.: "Из Ставки пришли распоряжения принять на себя организацию подавления восстаний крестьян Кустанайского уезда. Причины восстаний – безответственные действия новой администрации, чинов полиции и мелких начальников гарнизонов. Ввиду того, что Западная армия не имела для этого ни полицейских мер воздействия, ни помощи в достаточном числе, ни свободных от прямого назначения воинских частей, то Ставка распорядилась сделать наряд в карательные отряды от частей корпуса Каппеля.

В смысле состава выбор был удачный. Ни добровольцы с Волги, ни бывшие военнопленные красноармейцы, частично поступившие на пополнение корпуса Каппеля, как люди чуждые местному населению без особого "зубовного скрежета" выполняли задачи по экзекуции бунтарских сел. Но что это дело не было налажено, и привлекаемые для этого воинские части развращались – не может быть никаких сомнений..." 45.

Несмотря на то, что сибиряки с подозрением относились к Народной армии, "покуситься сместить такого популярного вождя, как Каппель в Западной армии – это значит рисковать в достаточно определенных размерах. В результате – или открытый бунт, или рассеивание..." 46.

Щепихин критиковал порядки, устанавливаемые сибиряками, которые быстро настраивали население освобожденных от большевиков против себя: "Белое дело нужно было делать и белыми руками – как говорили у нас на Волге. Но сибиряки, видимо, смотрели иначе..." 47.

Далее Щепихин описывает ситуацию с каппелевцами после их отвода с фронта: "Наши волжане-добровольцы были все собраны в одном корпусе Каппеля. Поэтому меня интересовал ход формирования и пополнения корпуса.

Кроме того, я с достаточной уверенностью мог предполагать, что Каппель выйдет на фронт Западной армии, поэтому я был кровно заинтересован делами корпуса.

С очень обесиленными кадрами увел Каппель свой корпус и со всей энергией принялся за его реорганизацию и укомплектование.

Ставка отнеслась достаточно холодно... к успешному возрождению корпуса Каппеля. Она носилась с собственным проектом новых формирований в восемь пехотных дивизий.

"Вот когда мы закончим эти дивизии, тогда можно сказать, что мы имеем настоящую армию", – говорили в Ставке.

Эта слепота меня поражала и возмущала. Ни малейшего учета обстановки и противника – в том положении, в каком находилась диктатура в начале 1919 г., не

следовало пренебрегать ничем, а тем паче войсками, уже испытанными, хотя, может быть, и обескровленными.

И что же мы видим!

Генерал Каппель должен был со своим штабом поселиться неофициально в Омске, и там, в прямом смысле слова, он обивал пороги разных высоких учреждений, чтобы добиться, а зачастую и безрезультатно, чего-либо для своего корпуса. Хорошо еще, что видя беспомощность Каппеля и зная об его блестящей деятельности на фронте, в судьбе корпуса принял участие наш богатый "родственник" – англичанин генерал Нокс.

С этого момента одна часть – снабжение – была обеспечена. Нокс все получаемое им из Англии пропускал через свои руки, не давая органам снабжения Колчака. Это было, быть может, обидно для самолюбия, но правильно – молодой организм колчаковского тыла не мог сразу переварить той пищи, которой его снабжали – запасы Нокса могли просто "затеряться" и не попасть не только к Каппелю, но и вообще на фронт.

Нокс сделал больше – он и в корпусе Каппеля чуть не сам лично все это бережно распределял, учитывал и следил за расходом всего этого.

Я отвечал на визит ко мне Нокса в Челябинске, был у него в поезде, и там он мне показал организацию своего походного штаба.

В то время снабжение корпуса Каппеля шло полным ходом, и у Нокса в его походном штабе были все разделы, которые обеспечивали жизнь корпуса и нормальное функционирование его органов.

Был здесь и интендант...

Нокс, вероятно, позвал его для себя, упиваясь своим детищем, корпусом Каппеля. Он влез постепенно во всю внутреннюю жизнь его, расширив область своих интересов.

Мы его видели и в качестве инструктора – он прикомандировал к чинам корпуса своих офицеров и принялся за энергичную подготовку корпуса к боевой работе.

Единственный вопрос, который озабочивал не одного только Каппеля – это каким элементом пополнить корпус, чтобы возможно быстрее его оживить.

Обрастать корпусу нужно было значительно.

Ставка дать ему молодняк затруднилась и ему Каппелю, был подсунут способ, практиковавшийся тогда в Северной армии. Это – укомплектование из военнопленных.

Они были в скором времени найдены в достаточном количестве, но из источника, весьма подозрительного – их передал Гайда.

Сибирская армия под Пермью получила много пленных, она задыхалась от них – отсюда и готовность Гайды на такую неожиданную жертву. Но это был дар данайцев – воображаю, какой блестящий подбор сделал Гайда.

Каппель на другой же день по решению вопроса приехал ко мне в Челябинск, и мы с ним несколько часов дебатировали вопрос. Я исчерпал себя до дна, чтобы доказать, что военнопленных брать нельзя.

Увы, выхода не было: был один компромисс – укомплектовать наполовину красноармейцами, наполовину – мобилизованной молодежью.

На станцию Курган прибыло до 25 тысяч красноармейцев от Гайды, и из этой массы Каппелю предлагалось взять себе хоть всех.

Боже, что это были за контингенты! Никакая система выбора не могла бы гарантировать успех – 10-15% агитаторов, наверное, можно было получить в этом хаосе. Впоследствии в нашей армии это вылилось в уже систему, но практиковалось и теперь, особенно на фронте Гайды. Среди сдавшейся массы красноармейцев намеренно вклинивался и надежный для большевиков элемент – ему поручалось не только следить за сдавшимися, но и вести пропаганду среди них.

Все зависело теперь, во-первых, от крепости кадров корпуса Каппеля, во-вторых, от способа распределения военнопленных по частям корпуса. Если первые внушали полное спокойствие и уверенность, зато второе требование на своем пути встречало много препятствий.

Численный состав кадров Каппеля по разным частям был чересчур разнообразен, чтобы возможно было ограничиться установлением для всех частей одного общего процента предназначенных в часть красноармейцев. Этого сделано не было – злополучный пьяница Барышников подложил всему делу большую свинью, отнесшись халатно, формально к этому основному вопросу. Все части получили 35% красноармейцев, но не все части их могли переварить в таком количестве.

Этот промах штаба Каппеля был угрожающ по своим последствиям, но он был налицо.

Как только мне стала известна картина укомплектования корпуса Каппеля, я понял, что теперь рассчитывать на этот корпус как на каменную стену нельзя, а потому стержень Западной армии один – Уфимский корпус генерала Войцеховского" 48.

"Волжан сплывало имя Каппеля, их сплывала и его энергия, ему, его авторитету, масса волжан отдала часть своих прав, принимая на себя его имя, масса в то же время себя обозначала".

Одновременно Щепихин сообщает, что "1-й Самарский корпус генерала Каппеля, каким видели вышедший временно из снегов фронта, уже несет иной оттенок.

В тылу при реорганизации корпус Каппеля, безусловно, не мог получить прилив добровольцев, так как это не его район происхождения, следовательно, перед ним 2 пути – остаться в прежнем составе добровольцев, реорганизуясь в сторону уменьшения, сокращения (например до дивизии), или пополниться местным элементом, но на началах регулярной армии, то есть мобилизованными.

Первый путь дает возможность сделать в полном виде ореол добровольцев и уменьшить все организационное значение (вместо корпуса – дивизия), выжидая

удобного случая и более благоприятной обстановки (например, продвижения к Волге), где есть возможность призвать добровольцев, которая и оживит их, что было более реально.

Второй путь – сильно затрудненный и влекущий за собой изменение общего добровольческого колорита.

Ставке, видимо, было мало дела до этого колорита, и она готова была вытравливать его при всяком удобном и неудобном случае, при всяком намеке на демократические начала.

То, что было трудно произвести в Уфимском корпусе – быстро и легко свершилось в корпусе Каппеля. Сопrotивляемость его авторитета была небольшой. То, как принял он злосчастный компромисс, можно лишь догадываться, а правду Владимир Оскарович унес с собой.

Знаю только одно, что "второго такого опыта (внедрения в свой организм постороннего элемента) я бы не сделал" – это слова Владимира Оскаровича Каппеля.

Первый опыт совершен под влиянием весьма разнообразных чувств и рассуждений, прежде всего, самолюбия. Каппелю, конечно, было приятно реорганизовать свой отряд в корпусное соединение, а не в дивизионное или бригадное. Затем, душа Каппеля, достаточно настрадавшись за своих добровольцев, на долю которых выпали большие потери, они, что называется, истекли кровью. В дальнейшем переливание возможно было произвести лишь где-нибудь на Волге, до той поры организм мог получить неизменное малокровие.

И вот, Каппель решается произвести этот опыт, который, оказывается, с успехом проделывают другие. Но опыт этот Каппелю приходится проверить на свою ответственность в самом скором времени в боевой обстановке – понятна отсюда и его нервность – он как будто чувствует на себе тот общественный укор, который ему были вправе сделать те его добровольцы, которых он так неосторожно слил с чуждым им элементом.

Самарский корпус – это первый опыт, по времени, конечно, измельчания добровольчества. У Каппеля не хватило терпения и твердости сжать организацию и ожидать более светлого времени выхода на Волгу, чтобы там опереть себя на долгое ожидание и пополнить свои ряды.

Влив в свой корпус красноармейцев, Каппель поставил свою часть, что называется, вне всякого закона организационного развития – это была ни добровольческая, ни регулярная часть – это было нечто среднее, смесь.

Конечно, о единой идее, об одинаковых принципах, идеалах в такой части разговора быть не могло – Каппель ставил свой корпус сразу, единолично, своим решением на регулярные рельсы, забывая, что этим самым он приносил в жертву своих же добровольцев.

Они могли оставаться в прежних отношениях к своему любимому Вождю, но они в то же время не могли не чувствовать, что их принцип добровольчества грубо погран.

Как это отразилось на духе всей части – покажет ближайшее боевое будущее..." 49.

Вместе с тем, несмотря на определенную критику в адрес Каппеля со Щепихина пишет: "Сколько здесь таких вопросов, перед которыми профессор академии лишь пожмет плечами, не попытавшись даже приступить к их решению.

А вот ведь есть все же люди с иной психологией. Этих людей надо выискивать как бриллианты и беречь... Такими были Каппель, Войцеховский" 50.

К середине апреля 1919 г. наступление Западной армии без введения в бой резервов стало выдыхаться. "Я уже ставил на очередь вопрос о выдвижении корпуса Каппеля к Уфе, но Лебедев был глух... Без согласия Нокса, оказывается, мы распорядиться этим корпусом не могли. Нужно было обратиться к иностранцу!.."

Далее Щепихин сообщает, что в это время красное командование сняло с фронта Гайды и Дутова 30 тысяч штыков и сабель и бросило их в бой против Западной армии. "Ставка, когда более-менее точно выяснилась обстановка, забила тревогу и лишь в первых числах мая начала переброску корпуса Каппеля, и то это было сделано по моему представлению генералу Ноксу и по настоянию последнего. Лебедев же сопротивлялся – если бы не протекция "высокого" иностранца, то Западная армия не увидела бы ни одного солдата из глубокого резерва. <...> Вот тут и нужен мне был резерв, но, конечно, не "шевченки" (курень имени Тараса Шевченко из украинских националистов, перешедший в конце апреля 1919 г. на сторону красных, после чего они начали контрнаступление на Восточном фронте). Каппель может взять на себя эту роль, если не запоздает. Время его выхода на фронт я совершенно не могу угадать – все зависит от Ставки и... от Нокса! Я даже не могу сказать, когда он мне понадобится – если Сукин справится со своей задачей (по удержанию занимаемых им позиций и нанесению поражения красным на его участке), то роль Каппеля будет предназначена где-то глубже. Если Сукин удержит, облегчит Бузулукский удар, то есть выполнит задание наполовину, то Каппель понадобится через месяц, дабы закончить разрубание Бузулукского узла. Но если Сукин не выдержит, то Каппель необходим мне через 2 недели самое позднее... Вот тогда, если Войцеховский не будет связан, он мне понадобится на замену Каппеля и будет привлечен на участок VI корпуса (Сукина)" 51.

В итоге, по данным Щепихина, в конце апреля – начале мая 1919 г. "...головные части корпуса Каппеля проходили Уфу. Генерал Каппель виделся со мной. Настроение у него бодрое. В корпусе своем он уверен. Между тем в начале мая контрразведка донесла, что эшелоны корпуса Каппеля идут в большом беспорядке – на станциях солдаты скандалят, в вагонах распевают большевицкие частушки, похваляются при первом же столкновении уйти к красным. Я предупреждал Каппеля, но Владимир Оскарович назвал мне эти данные совершенно неверными...

Сукин просил поддержки, говоря, что он не надеется на свои части. Тогда решено было двинуть головную бригаду Симбирской дивизии Каппеля (3 тысячи штыков) на фронт, на участок генерала Сукина. Высадка – на станции Белебей.

Сам Каппель выехал на фронт. Туда же прибыл и адмирал Колчак. Высадка бригады в Белебее произведена в полном порядке, бригада выступила на фронт и заняла участок.

Каппель принял под свое руководство весь участок Самарского направления. 1 мая начался бой. Вдруг на участке бригады Симбирской дивизии огонь прекратился. К

цепям подъехали несколько всадников противника и вступили с каппелевцами в переговоры... Затем уехали. Тогда один полк этой бригады встал и пошел к противнику в открытую, без стрельбы, уводя с собой офицеров. Фронт после незначительной перестрелки отошел. Станция Белебей стала под угрозой, и высадку следующих эшелонов Каппеля пришлось оттянуть назад.

Следующей высаживалась Казанская дивизия. Высадка произведена в присутствии Верховного. Он напутствовал дивизию. Казанцы заняли правофланговый участок общего фронта на самарском направлении, примкнув правый фланг к реке Ик, фронтом назад...

Противник наступал густыми цепями. Выдвинувшаяся для охвата правого фланга казанцев часть охраны с артиллерией была ночью застигнута врасплох конницей Каширина, сподвижника Блюхера, артиллерия была потеряна, но конницу удалось отогнать" 52.

После этого "совместно с корпусом Каппеля Войцеховский решил сосредоточиться к западу от реки Ик...

На левом фланге, примыкая к реке Ик, была Ижевская бригада. Ижевская бригада была иного состава – большая часть ее кадра ушла к себе на завод, а теперь это была "сволочь Петра Амьенского", которая в первый же период боя перешла к красным.

Очищенный ими участок еще больше увеличил интервал <обороны> Каппеля... Генерал Войцеховский вновь пытался восстановить положение, но общая обстановка была уже не столь благополучна – фланг Каппеля подался назад, разрыв увеличился, и большевики ринулись в этот интервал.

Измена собственных частей у Каппеля и ижевцев действовала угнетающе на командный состав.

Бой велся без внутренней связи... и результат его был нерешенный. Так как корпус Каппеля уже отошел назад, то Войцеховский, опасаясь быть отрезанным, вышел из боя, перешел реку Ик и вышел на свою дорогу Бугуруслан – Уфа" 53.

В результате, "Колчак вернулся с фронта мрачнее тучи...". Он настоял, несмотря на планы Щепихина эвакуировать Уфу, оборонять ее, не разгружая, "из политических соображений". Поэтому ему пришлось менять план, в результате чего он обещал по возможности максимально задерживать врага – "2-й Уфимский корпус должен прикрыть Уфу на главном направлении по обе стороны железной дороги, корпус Каппеля – к югу до Стерлитамака" 54.

Далее Щепихин пишет, что когда 20 мая 1919 г. его отправили в отставку, заменив генералом К.В. Сахаровым, "Каппель прислал теплое письмо, где напоминал мне о нашей совместной работе на Волге, в Самаре, очень любезно сообщал мне, как они (каппелевцы) восхищались моей весенней операцией и тому подобные приятные вещи...

Ханжин мне открыто признался, что Сахаров – ставленник Нокса, который не мог Западной армии простить (а мне, как начальнику ее штаба, в особенности) операцию с его детищем – корпусом Каппеля. Большевики иронизировали над Ноксом, прозвав его своим интендантом – они чуть ли не на глазах наших раздевали сдавшихся в плен

в английском обмундировании. А по злой иронии судьбы наибольший процент сдавшихся добровольно красным падал на части, обмундированные Ноксом... Помню, как Колчак осунулся, лицо посерело, когда головные части корпуса не выдержали испытания" 55.

"Позже я узнал от бывших моих подчиненных, что Лебедев, везя мне на замену Сахарова, опасался, что я устрою путч и вызову на защиту меня преданных волжан. Как он мало и скверно знал подчиненных ему лиц и войска, допуская такие низкие возможности!.."

Кроме того, Щепихин опровергает многие данные книги генерала К.В. Сахарова "Белая Сибирь" относительно Каппеля. "Дальше на странице 12-й автор ставит на одну доску Каппеля и Степанова. Это прямо-таки оскорбительно для нашего народного героя. Каппель не только близко подпускал к себе эсеров – он с ними работал! Его знаменитая фраза учредилловцам: "Я – монархист, но даю вам слово быть лояльным!" И он слово свое сдержал – подтверждают с удовольствием учредилловцы" 56.

Щепихин критикует также освещение Сахаровым Челябинской наступательной операции белых. "Если опустить весь дешевый пафос и отсебятину, то получится несоответственное распределение войск (отметьте – впервые и единственный раз признается на странице 120-й Сахаров!) и самовольный уход ("какое-то несчастное недоразумение!") Волжского корпуса с перерывом с ним связи (тоже работа штаба Сахарова).

Кто-то шутя замечает, что Сахаров в своей книге хорошо отзывается лишь о мертвых (о Владимире Оскаровиче Каппеле)" 57.

Щепихин описывает и подробности назначения на пост Главнокомандующего генерала Сахарова в ноябре 1919 г.: "Когда Дитерихс потребовал очистить Омск и отвода армии за Иртыш, Колчак уперся, он чувствовал, что падение Омска – его падение. Приходится расстаться с Дитерихсом и выбрать нового Главнокомандующего. Это было 4 ноября. Были вызваны Сахаров, Каппель и Войцеховский. Колчак предлагал Главное командование Каппелю и Войцеховскому – оба отказались. Тогда предложение было сделано Сахарову. Тот ответил согласием: "как старый солдат, он не мог отклонить от себя этой чаши!" Здесь же, в присутствии Каппеля и Войцеховского, Сахаров дал торжественное обещание отстоять Омск" 58.

Примечательно описание Щепихиным расследования по поводу "бесчинств чехов", изображенного в книге генерала Сахарова. "Факт, якобы происшедший на станции Оловянная (страница 235), где выбросили 3 мешка в реку Онон с трупами русских женщин – ложь. И Сахаров это должен был бы знать, так как по моему настоянию была образована смешанная комиссия для расследования – чех, каппелевец, семеновец и японец. Семеновец не явился в комиссию, а между тем весь шум подняла именно семеновская банда.

Комиссия выяснила и установила ложность поклепа на чехов... Когда я был в Верхнеудинске, то слышал точно такую же версию с русскими женщинами в мешках, но только по адресу американцев. Сахарову надо было бы сдержаться" 59.

В заключение Щепихин говорит о собственных промахах при исполнении им должности начальника штаба Западной армии в ходе весеннего наступления войск

Колчака. "Когда появился со своим корпусом Каппель, нельзя было поддаваться стонам генерала Сукина (об угрожающем положении на занимаемом им участке), а назначить высадку (каппелевцев) на станции Чишма. После чего, оттянув корпуса, ударить этим резервом" 60.

Особый интерес представляют приводящиеся Щепихиным сведения относительно отношений одного из сподвижников В.О. Каппеля – Б.К. Фортунатова – с Комучем, членом которого он был сам, относящиеся к осени 1918 г. Возможно, что переход Фортунатова на сторону Колчака в конце 1918 г. после переворота в Омске и был обусловлен именно приведенными ниже данными.

"На фронте, на чешском участке, то есть по Самаро-Златоустовской железной дороге, находился небольшой конный отряд эсера Фортунатова. Последний несколько раз просил Совет управляющих Комуча выслать ему пополнение. Таковое было в Уфе, но Совет, видимо, не желал с ним расставаться...

Является в Уфу сам Фортунатов. Фортунатов, еще молодой человек и на Волге отличился в боях, был ранен. Вообще он отдавал предпочтение чисто военной боевой карьере и по эсеровски говорильной линии идти не желал.

В Совете, да и раньше в Комуче, среди эсеров к нему было снисходительное отношение. "Это наш второй военачальник!" (первый, по-видимому, В. Лебедев, тоже любивший воинскую славу), – говорили эсеры.

На вид – скромный, даже как будто застенчивый.

Не добившись толку в Совете <управляющих Комучем>, он явился ко мне.

- Почему же не поступает пополнение, какие, хотя бы формальные причины? – спрашиваю я Фортунатова.

- Формальные – недостаток конского снаряжения!

- Хорошо, приходите ко мне со старшим этого пополнения, который его должен вести!

- Слушаюсь!... – Являются оба. Начальник пополнения – кавалерист, хоть куда, жизнерадостный оптимист.

- Что вам нужно, чтобы выступить через 3 дня, – спрашиваю я.

Отвечают довольно увесистым списком – подковы, подсумки и так далее.

- Все вам будет выдано и через три дня – выступить. Отсюда идите к дежурному генералу моего штаба Беренталю и получите от него предписание и все необходимое.

Фортунатов благодарит и в срок получает пополнение..." 61.

В.А. ЗИНОВЬЕВ

В РЯДАХ АРМИИ ВЕРХОВНОГО ПРАВИТЕЛЯ 62

Настоящие заметки относятся к концу 1918 и началу 1919 г., непосредственно <ко времени> после отступления от Казани группы войск полковника Степанова. Как было уже сказано в предыдущих записках, почти все боевые части были переданы из Казанской группы в отряд полковника Каппеля, который с сильно поредевшим составом своего отряда после отступления от Симбирска продолжал оставаться на фронте, прикрывая Уфу. Полковник Степанов со своим штабом и немногочисленными уцелевшими кадровыми частями (вернее, со штабами этих частей) был направлен в Новониколаевск на формирование новой 10-й Казанской стрелковой дивизии.

Автор этих заметок также состоял в штабе Казанской группы (в дальнейшем – в 10-й Казанской дивизии). В предлагаемом описании, со вставками из дневника, который автор вел в те дни и который не приводится здесь полностью по причинам чисто личного характера, предлагаются некоторые бытовые картинки и воспроизводится та "тыловая атмосфера", так ярко и отрицательно во многих случаях характеризовавшая все Белое движение не только на востоке, но и на других окраинах. То дело, которое с таким трудным и невероятным усилием делалось меньшинством на фронте, необыкновенно легко и быстро сводилось на нет в тылу. Политиканство, бесконечные интриги на фоне разгула и спекуляций царствовали всюду. Как будто все должны были быть объединены одной мыслью: "Вырвать Россию из лап надвигающегося красного ужаса...". И условия были одно время благоприятными. В массе крестьянство было против идеи коммунизма, и это доказывалось тем, что были случаи, когда целые деревни восставали против большевиков. И этим обстоятельством не сумели воспользоваться. Руководящий класс изживал сам себя в партийной борьбе. Кто-то понимал, что "спасти Россию" – значит повернуть колесо жизни в обратную сторону, и восстановить ее в таком виде, "как было до революции".

Другие же фанатично "углубляли" революцию. Были и такие, которые видели в революции открывшиеся возможности выдвинуться на поверхность и стать похожими на Наполеона или Робеспьера. Все эти страсти бурлили в станах белого лагеря с нездоровым трупным запахом. Народ же ждал. Ждал нового слова, новой души... Говорили новые слова на старый лад или старые слова на новый лад. Коммунисты это почувствовали. Несмотря на то, что их идея была основана на лжи, грабежах и насилии – у них была одна идея, и путь к достижению ее был один. Все они были скованы одной волей, одним методом борьбы. Деморализовав народ, они обманым путем легко овладели им, закабалив его.

В это время лучшие сыны России гибли на фронте... Гибла старая императорская Россия... Без борьбы она не могла бы погибнуть. Она воспитывала целые поколения людей долга и чести. И вот эти-то люди, "обреченные", и умирали.

Но борьба еще не кончена.

Для новой России-Евразии еще нужны жертвы...

Ротмистр Зиновьев.

23.05.1927.

Прага. Чехословакия.

* * *

20 октября. Наконец, едем в вагоне после долгих переходов из Казани. Сели мы на станции Нурлат. Перед этим ездили со Степановым на Бряндино в штаб к полковнику Каппелю. Каппель очень бодр, как всегда. Положение на фронте – нельзя сказать, чтобы было устойчивым. Самара как будто трещит. Обрато возвращались с полковником Швец. Он теперь командует 1-м Чешским полком. Рассказывал про последние бои его полка... Чехи отлично дрались, но, говорит, на почве усталости в полку замечается уже некоторая разболтанность. Полк уже не тот, что был раньше. Видимо, он переживает сильную душевную драму из-за этого, как и всякий настоящий солдат на его месте.

Характерна была одна сценка, которая произошла в вагоне. Вошел чех – солдат 1-го Чешского полка. Вид у него был довольно изнуренный и "невоенный". Швец его спросил, куда он идет, и на ответ солдата, что он направляется в эшелон обоза 2-го разряда, так как чувствует себя больным, Швец бросил ему презрительно: "Как баба, а не вояка!..". После некоторого молчания он обратился к Степанову: "Вы видите сами, господин полковник, что не те солдаты, что были на Украине...". Швец трогательно простался со Степановым и охотно дал ему вагон, в котором мы сейчас и едем пока что в Уфу.

Здесь я хочу несколько дополнить характеристику теперь покойного полковника Швеца. За период Казанской операции мне приходилось часто видеть его как в боевой обстановке, так и в обычной. Он горячо любил свою Родину Чехию и всей душой ненавидел австрийцев, ее поработителей. Приехав задолго до войны в Россию, он занимал место учителя гимнастики в Таганроге (если не ошибаюсь!). С объявлением войны пошел рядовым добровольцем в пехоту, где воевал на Юго-Западном фронте. За боевые отличия вскоре был произведен в прапорщики. Когда была сформирована 1-я Чешская дружина имени Яна Гуса, служил в ней, а затем и в 1-м Чешском полку, который был преобразован из дружины, постепенно проходя все командные должности до командира полка включительно. Не имея специального военного образования, он всегда тонко и умело разбирался в боевой обстановке. Лично храбрый, он обладал колоссальной волей, которая передавалась и спаивала его солдат.

Он покончил с собой, не перенеся той мысли, что его солдаты, для которых он был кумиром, вдруг отказались повиноваться ему... Несомненно, со смертью его Чехословацкий корпус лишился лучшего солдата.

7 октября. В Уфе. Сидим здесь уже третий день. С оставлением Самары правительство Комуча закончило свое существование. Было образовано новое всероссийское правительство – Директория, которая состоит из пяти человек: Авксентьев, Астров, Болдырев, Зензинов и Чайковский. Главкомандующим был назначен генерал Болдырев. Был отдан приказ: надеть всем погоны. По этому поводу сегодня в Ставке говорил с капитаном Генерального штаба К. И он находит этот шаг неправильным. Если почему-либо армия сняла самовольно с себя погоны, то теперь их надо заслужить. Погоны были как бы символом чести всякого солдата. При теперешнем положении значение погон теряет свой основной смысл... Пожалуй, он отчасти и прав...

Я припоминаю этот момент, когда в ноябре 1917 года, наш полк был еще на Северном фронте, большевики издали приказ о снятии погон. Эту власть фактически мы не признавали как законную, но решено было на общем собрании всех офицеров полка снять погоны, прежде чем этот приказ дойдет до улан. Этим фактом мы как бы хотели подчеркнуть, что если разрушается старая российская армия, то символ ее чести не стоит подвергать оскорблениям. Это была торжественная и трагическая минута. У многих стояли слезы на глазах... Мы хоронили наш старый боевой полк российской императорской армии, той армии, которая всегда доблестно и честно, во времена Суворова, Кутузова, Скобелева, Гурко и сейчас, под Перемышлем, Варшавой, Эрзурумом, вносила столько славных страниц в историю нашей Родины... Всякий офицер и солдат дорожил погонами. Снятие их означало лишение чести и было позором. Русская армия сняла с себя погоны. И, прежде чем восстановить их, это надо было & заслужить (выделено автором).

9 октября. Степанов обижен. Ему дали назначение: формировать дивизию из остатков своей группы. Район расположения – Новониколаевск, где он на месте должен был получить и пополнение из сибиряков. Одновременно он назначался и начальником гарнизона. Ему хотелось получить корпус, кроме того, все лучшие его казанские подразделения у него отняли, как и материальную часть. Видимо, в Ставке к нему не особенно благожелательны; он окончательно разругался с Чешским командованием.

Ввиду непосредственной угрозы самой Уфе, правительство и Ставка переезжают в Омск. Но Сибирское правительство как будто не особенно склонно передать бразды правления Директории.

Видел сегодня Стэвини, английского офицера, капитана Генерального штаба при английской миссии генерала Нокса, который приехал из Владивостока. Говорит, что англичане прислали в Сибирь свои войска. Удивляется, как много сейчас у нас правительств и почти все хотят быть самостоятельными. На востоке – Хорват, дальше – Семенов, потом – Калмыков, в Омске – свое правительство, в Уфе – Директория, в Оренбурге – тоже самостоятельное правительство. Я ему ответил, что, по-видимому, нет человека, который объединил бы всех. Он сказал:

- Я думаю, есть.

- Кто же?

- Адмирал Колчак...

- Разве он здесь, в Сибири?

- Да, он на востоке.

14 октября. Наш вагон стоит на ветке в Омск, против состава Ставки.

Директория ведет переговоры с Сибирским правительством об образовании Совета министров. Слышно, что адмирал Колчак предполагается на пост военного и морского министра. Сегодня он был у генерала Болдырева. Вижу его в первый раз. Одет он был в штатский костюм. В его глубоких серых глазах лежал какой-то трагический оттенок. Лицо – с четким орлиным профилем, движения и жесты полны энергии и решительности. Невольно он сейчас приковывает внимание всех. В

офицерской среде все разговоры ведутся вокруг его имени.

Молодые сибирские части производят своим видом хорошее впечатление. Они внешним видом отличаются от наших добровольческих частей. Они похожи на солдат старой армии, в то время как на наших лежит отпечаток "партизанщины". Думаю, что в настоящих условиях в боевом отношении наши части стоят выше.

16-е октября. Едем в Новониколаевск. Тянутся бесконечные унылые барабинские степи...

Перед отъездом к полковнику Степанову пришли в вагон два молодых полковника с нарукавными знаками Добровольческой армии генерала Деникина. Один, огромный, с горбоносим лицом – Лебедев, другой, среднего роста, плотный, с энергичными движениями – Сахаров. Долго совещались со Степановым.

Полковник Степанов говорил со мной затем по поводу их прихода. Как и следовало ожидать, вопрос касался предполагавшегося переворота для свержения власти Директории в пользу диктатуры адмирала Колчака. Условлено было, что по получении шифрованной телеграммы Степанов вышлет конную батарею и офицерский батальон подполковника Банчука в Омск. Надо сказать, что такое предложение не было неожиданным. Степанов считал себя обиженным со стороны генерала Болдырева, а также некоторых членов правительственной партии социалистов-революционеров, с которыми он стал еще в резко отрицательные отношения со времени Казанской операции.

С другой стороны, он поддерживал тесную связь с правыми группами, во главе которых стоял князь А.А. Кропоткин. Настроение в его штабе и среди офицерской среды было также крайне правым. В этом отношении немалую роль играли начальник артиллерии полковник Сушко, начальник инженерной части полковник Ивков и поручик Черкен. Но, несмотря на это, в его окружении были люди и другого сорта. Вся санитарная часть, во главе которой стоял доктор Н.С. Григорьев (впоследствии убитый во Владивостоке, который выступил на стороне Гайды), являлась "савинковским" очагом. Благодаря этим обстоятельствам, в штабе и в частях полковника Степанова создавалась нездоровая атмосфера интриг и политиканства.

25 октября. Новониколаевск. Устаиваемся на новом месте. Приняли нас местные военные власти не особенно гостеприимно. Произошло даже небольшое недоразумение. Когда полковник Степанов заявил здешнему начальнику гарнизона подполковнику Н. о том, чтобы тот сдал ему должность согласно приказа Главнокомандующего, то оказалось, что такого приказа здесь из Омска от штаба округа не получали. Поэтому до сих пор мы не можем получить помещений, между тем, части подходят.

Это недоразумение объяснялось тем, что Главнокомандующий, генерал Болдырев, только недавно приехал в Омск и, хотя он к этому времени был уже и признан Сибирским правительством, которое сложило свои полномочия, но не успел распространить свою власть. Новониколаевск был подчинен командующему Омским округом, генерал-лейтенанту Генерального штаба Матковскому, и это назначение должно было пройти через него. Естественно, что между "пришельцами" – зауральцами и сибиряками – создались вначале некоторые трения.

2 ноября. Получено сообщение, что Германия, Австро-Венгрия и Турция заключили перемирие с союзниками. В Германии революция идет полным ходом. У союзников – полная победа. Они торжествуют. Интересно, как отзовется окончание Германской войны на отношении союзников к нам? Ведь до сих пор мы могли быть им полезны для создания Восточного фронта против германо-большевиков. Теперь, пожалуй, они перестанут интересоваться нами. А чехов и никакой силой не заставишь воевать. Единственные, кто останется с нами – это японцы. Но у них ведь другие расчеты. Дружба с ними может России стоить дорого.

Жизнь у нас понемногу налаживается. Из Омска пришло назначение полковника Степанова начальником Новониколаевского военного района; должность начальника гарнизона упраздняется. Комендантом города полковник Степанов назначил полковника Кокошу (бывшего офицера Каргопольского драгунского полка). Положение поэтому наше сразу переменялось. В городе разместились штаб и все части, только Казанский кавалерийский полк полковника Козакова стоит в 6-7 верстах отсюда в деревне. Из этого полка дивизион под командой полковника Нечаева был оставлен под Уфой на фронте. Среди офицеров этого дивизиона было брожение из-за нежелания "воевать за учредилловцев и изменников-эсеров". Полковник Каппель, узнав об этом, был возмущен и сказал им, что "прежде всего, мы солдаты, и наш долг теперь воевать и победить большевиков, а не заниматься политикой..." Части дивизиона с ротмистром князем Кропоткиным ушли самовольно и, пройдя походным порядком до Челябинска, были задержаны штабом Западной армии. Лошади, седла и оружие были у него отняты, а люди были отосланы в Новониколаевск, в полк. Хотели предать суду ротмистра князя Кропоткина и его офицеров, но ввиду боевых заслуг дело замяли.

5 ноября. Штаб лихорадочно работает, но толку получается как будто мало. Несмотря на все телеграммы, посылаемые в Ставку, мы ни обмундирования, ни вооружения, ни пополнения получить не можем. Видимо, наше формирование затягивается. Несмотря на морозы, люди форменным образом раздеты. Людское пополнение полки дивизии должны были получить из Новониколаевского и Барабинского пехотных полков 13-й Омской дивизии, расквартированных также здесь, в казармах. Но, видимо, этот вопрос не получил положительного разрешения опять-таки из-за "самостоятельности" сибиряков. Видимо, все-таки, что сибиряки не особенно охотно подчиняются приказам Ставки. Все это плохо отзывается на внутренних отношениях офицеров дивизии. Появилась еще новая партия и у нас: "генштабисты". Полковник Степанов назначил начальником штаба Генерального штаба капитана Колесникова. Ему офицеры ставили в вину, что он служил в штабе у Муравьева еще в Казани. Из-за безделья среди офицеров развивается пьянство. Вчера ночью капитан Я. у дверей Колесникова в гостинице заорал во всю глотку: "Генштаб – сволочь!..". Говорил по этому поводу со Степановым. Он сам как будто недоволен Колесниковым, но заменить его сейчас некем.

7 ноября. Невольно поражает уклад местной жизни. Как мало коснулась эта война здешних обывателей! Произошла революция и почти никаких изменений в бытовых рамках населения не внесла. Никаких лишений или стеснений сибиряки за эти годы не испытывали. Живут почти так, как и жили до войны. Народ очень сердечный и гостеприимный. Никогда не думал, что в Сибири живет столько евреев.

Вчера видел поручика Г., который приехал из Омска. Настроение там такое, что скоро можно ожидать известий. Имя Колчака у всех на устах...

Формирование нашей дивизии все стоит на мертвой точке.

21 ноября. За последнее время произошло крупное событие. В Омске произошел переворот. Вместо "Всероссийского правительства" вся полнота власти перешла адмиралу Александру Васильевичу Колчаку. Переворот произошел 18-го числа. Уже 16-го полковником Степановым была получена из Ставки от полковника Сыромятникова условная телеграмма об отправке сводной офицерской роты полковника Баньчука и конной офицерской батареи, что и было тотчас исполнено. Наши части в перевороте непосредственно не участвовали, так как опоздали. На другой только день адмирал сделал им смотр и благодарил. Весь переворот произошел легко и без всякого сопротивления. Все было заранее обдуманно и распределено. Из воинских частей непосредственное участие принимали полковники Волков и Катанаев с 1-м Сибирским имени Ермака казачьим полком и атаманы Анненков и Красильников со своими отрядами. Из всех членов правительства были арестованы Авксентьев и Зензинов, но вскоре их выпустили на свободу...

Получен ряд приказов 19 ноября.

У всех – общее ликование... Город разукрашен флагами... У всех надежда, что наступит поворот к лучшему...

Дай Бог! Фактически, это событие нельзя даже назвать переворотом, так как в постановлении Совета министров от 18 ноября указывается, что "ввиду тяжелого положения государства... Совет министров постановил передать временное осуществление верховной государственной власти адмиралу Александру Васильевичу Колчаку, присвоив ему наименование Верховный правитель"...

По городу расклеены воззвания адмирала... Сам адмирал, "приняв крест власти", мученически погиб... Это был действительно мученический крест той власти, которая уже в зародыше своем была обречена на гибель, так же, как и погибло все Белое движение. Его слова были близки и понятны нам. У нас была одна мысль: остановить ход революции, уничтожив большевизм. Победить их на поле брани, разбить красные войска, которые коммунисты выставили против нас. И это, пожалуй, была единственная ясная и определенная цель... а дальше все было расплывчато. Дальше можно было говорить только общие фразы... "дабы народ мог беспрепятственно выбрать себе образ правления..."

Это было непонятно и чуждо народу. Это были слова, которые ему ничего определенного не говорили. В них не было ясной для него цели. А потому Омский переворот в народной толще прошел совершенно незамеченным.

25 ноября. Чехословацкий национальный комитет отнесся отрицательно к Омским событиям... Остальные наши союзники, в особенности англичане, к перевороту относятся благожелательно.

После протеста чехов неприятным диссонансом звучал приказ адмирала Колчака к офицерам Русской армии, где говорится "о благородной Англии" и "прекрасной Франции", которые дружески протягивали нам руку помощи и что "с ними и храбрыми чехословаками и нашими молодцами-солдатами мы спасем Россию, мы ее возродим и сделаем снова могучей и великой..."

Судя по сводкам, на фронте особенных перемен не произошло. Некоторое оживление

заметно на екатеринбургском направлении в сибирской армии генерала Гайды.

Вчера с полковником Степановым ездил на вокзал, встречали батальон зуавов, направлявшийся с востока на фронт.

Они прибыли из Тонкина, сражались уже с красными под Хабаровском. Вид у них довольно несчастный – видимо, сибирские морозы им не по вкусу.

28 ноября. Формирование нашей дивизии находится в самом плачевном состоянии. Полковник Степанов сам собирается ехать в Ставку, в Омск, хлопотать там. Назначаются переговоры с Лебедевым, который произведен в генерал-майоры и назначен Наштаверхом. Вчера, по сведениям нашей контрразведки, ожидалось выступление в городе большевиков. Части – в боевой готовности. День прошел спокойно.

Как вредно отзывается такое тыловое сидение на офицерском составе!

На фронте люди ведут себя героями, но как только попадают в тыл, начинается сплошное пьянство. Это явление очень характерно для гражданской войны. Несмотря на строгие приказы Степанова, царит распушенность.

В Чите происходит что-то неладное. Атаман Семенов не желает подчиняться и признать адмирала как Верховного правителя.

5 декабря. Судя по сводкам, началось наше наступление на кунгурском и красно-уфимском направлениях. Генералом Вержбицким занята станция Кувша. Сибирские части генерала Пепеляева наступают на Пермь, вниз по реке Чусовой. На самарском направлении спокойно. Союзники неофициально признали правительство.

9 декабря. Полковник Степанов вернулся из Омска. Кроме обещаний – пока ничего нет. Он полагал, что после переворота отношение к нему изменится к лучшему с назначением генерала Лебедева Наштаверхом. Говорит, что тот сделал вид при встрече с ним, как будто первый раз его видит. О возвращении ему казанских частей, переведенных в сводный корпус генерала Каппеля, после отхода от Казани, не может быть и речи. Отняли даже и конную батарею, посланную в Омск для содействия перевороту. Не знает, чем объяснить такое к нему отношение...

С атаманом Семеновым инцидент обострился. Военные грузы им задерживаются в Чите. Здесь – не без влияния японцев, которые не одобряют адмирала, считая его "американской ориентации".

12 декабря. Слышал сегодня подробности, почему Чехословацкий национальный комитет, после своего решительного протеста по поводу Омского переворота 18-го ноября, вдруг изменил позицию по отношению к адмиралу. Оказалось, в их среде получился раскол. Поддержать Национальный комитет была склонна 1-я Чешская дивизия, а генерал Гайда, начальник 2-й Чешской дивизии, в то же время командующий Сибирской армии, один из первых прислал адмиралу приветственную телеграмму и до этого был даже в курсе развернувшихся событий. Потому и вышел у них маленький конфуз, благодаря этому расколу. Также было оказано давление на чехов со стороны генерала Нюкса...

Сейчас в Омске вообще начали вести борьбу с "атаманщиной". Атаман Анненков со своим отрядом высылаются на фронт. Красильников тоже на очереди. Офицеры этих атаманов скандалят в ресторанах и, напившись, в пьяном виде поют "Боже, Царя Храни!"... У нас в этом отношении также не отстают...

Третьего дня приезжал в Омск генерал Нокс. Виделся с капитаном Стэвини. Между прочим, спросил его, почему Степанов в опале – казалось, его заслуги взятием Казани и золотого запаса достаточно велики, тем более, он как бы участвовал в Омском перевороте, что в данных обстоятельствах также является его заслугой. С левыми партиями и чешским командованием у него отношения были весьма обостренными, но при теперешнем составе правительства – это тоже не препятствие, а даже преимущество.

- Да, но в Омске считают его склонным к атаманству, а теперь идет жестокая борьба против всякой "атаманщины"...

Его ответ меня немного удивил. Я знал полковника Степанова, как начальника, самого лояльного адмиралу. Вот что делается вокруг него – это не "атаманщина", а просто сплошное безобразие. С одной стороны, доктор Григорьев со своими "савинковцами", которые разводят политику, с другой – распустившиеся и пьянствующие офицеры, и надо прибавить еще к этому начальника штаба капитана Колесникова, который мечтает о наполеоновских победах и, в то же время, не имеет ни малейшего авторитета, не может поставить себя в надлежащее положение и подтянуть все кругом. Степанов слишком слаб и бесхарактерен. Очень жаль... Отличный боевой офицер и к тому же – хороший человек. Во всяком случае, доложил ему обо всем. Сегодня появился строгий приказ... Приведет ли это к чему-нибудь?.. Пьянство вывести почти невозможно, да и не в этом вся беда. Вся беда – в безделии...

22 декабря. В Омске – восстание. Телеграфное сообщение прервано. У нас все части в боевой готовности. В городе все спокойно.

23 декабря. Восстание в Омске ликвидировано. Восставшие, преимущественно рабочие, сначала напали на тюрьму и выпустили всех заключенных (в числе их было много политических). Затем они заняли деревню Куломзино (в 6 верстах от Омска на железной дороге), где и завязался бой между ними и правительственными войсками. После артиллерийского обстрела к вечеру все было закончено. Потери у восставших убитыми и ранеными – около трехсот человек. У нас потери незначительные. По первой же тревоге английский Йоркширский батальон, квартировавший в Омске, сразу подошел на охрану дома Верховного правителя. Получены сведения, что восставшие партизанские отряды появились у Красноярска и Канска. Несомненно, что все это – дело рук эсеров, которые, видимо, перешли к активной борьбе.

Несмотря на эти неприятности, на фронте Сибирской армии нами развивается наступление. Уже взят Кунгур. На фронте Западной армии – без особых перемен.

25 декабря. На фронте Сибирской армии крупная победа. Взята Пермь. Советская 3-я армия почти полностью уничтожена. Взято около 30 тысяч пленных, 50 орудий и большое количество пулеметов, винтовок и других трофеев. Первыми вошли в город части генерала Зиневича. В декабре 1919 года он был одним из главных виновников гибели армии у Красноярска во время отступления благодаря своей измене.

Наступление продолжается. На фронте же Западной армии, на бугульминском

направлении, красные, отеснив наши части, наступают. По-видимому, Уфа будет отдана.

26 декабря. Какая-то нелепость!.. Получена из Омска от начальника контрразведывательного отделения полковника Злобина шифрованная телеграмма на имя полковника Степанова. Содержание ее приблизительно такое: "В Омске готовится монархический переворот для возведения на престол князя А.А. Кропоткина". Дальше он просит сообщить, как отнесутся к этому сообщению части вверенной полковнику Степанову дивизии. Какой-то абсурд! Степанов даже немного растерялся...

Он созвал всех старших начальников на совещание и сообщил о полученной телеграмме. Здесь все высказались в том духе, что "ввиду оторванности Новониколаевска, надо быть в боевой готовности и выжидать. Никому об этой телеграмме не говорить и никому самостоятельных шагов не предпринимать. Если же из Омска потребуют, выступить на поддержку адмирала".

Этим, конечно, со стороны полковника Степанова была допущена невероятная ошибка. Вместо того, чтобы оценить по существу содержание этой телеграммы и отнестись к ней, как к провокационной выходке или явной нелепости, и ответить должным образом тому же полковнику Злобину, он не находит ничего лучшего, как совещаться со старшими начальниками, и как бы этим фактом ставит вопрос на обсуждение о поддержке или не поддержке адмирала. С военной точки зрения, это, конечно, являлось уже преступлением.

Поведение полковника Степанова, который сам, несомненно, был лоялен к адмиралу, можно объяснить привычкой к политиканству и тому общему настроению и атмосфере, которые окружали Степанова. С другой стороны, большую ошибку допустил капитан Колесников как начальник штаба и, следовательно, его ближайший помощник, который сразу же не посоветовал ему выбрать правильное решение этого вопроса.

Но, как дальше будет видно, сам Колесников сыграл в этой истории весьма некрасивую роль. По-видимому, с его стороны это была месть к Степанову, который, однако, ничего дурного ему не делал. Кстати, его поведение было предосудительным и недостойным...

4 января. Уфа нами оставлена. Сводный корпус генерала Каппеля, действовавший на этом фронте бесценно с самого начала кампании, отводится в резерв на формирование... Сейчас все внимание было обращено на фронт Сибирской армии генерала Гайды, который был переведен в Русскую армию и произведен в генерал-лейтенанты. Его армия продолжает развивать удачное наступление на вятском, оханском и соликамском направлениях.

К началу года наш фронт имел следующие направления: соликамское, глазовское, оханское, осинское, сарапульское, бураевское, бирское, уфимское, бузулукское, уральское и орское. Красные, теснимые нами на нашем правом фланге, вели наступление на Уральское казачье войско, на Оренбургскую армию генерала Дутова и продвигались за Уфу.

14 января. Военный министр генерал-майор Степанов вызывает срочно по делам службы полковника Степанова в Омск.

15 января. Едем с полковником Степановым в Омск. Перед отъездом вышла маленькая история с вагоном. Вагон Степанова по распоряжению начальника военных сообщений был отнят уже давно, а другого не давали, приходилось ехать как обыкновенному пассажиру. Приехав вчера на вокзал и узнав об этом, тотчас послали в Ставку телеграмму, что ему, бывшему командующему Казанской группой, взявшей Казань, золотой запас и то количество орудий, которыми почти вся обслуживается Западная армия, ехать в простом вагоне "не подобает". После долгих поисков, наконец, нашли служебный вагон, в который и водворились. Начало не предвещало ничего хорошего.

17 января. Вчера утром подъехали к Омску. Наш вагон сразу поставили на ветку напротив Ставки. Явились к военному министру, генерал-майору Степанову, без всяких объяснений причин вызова, так как было сказано: "немедленно явиться на квартиру адмирала".

Адмирал принял его в кабинете. Здесь же присутствовали генералы Степанов, Лебедев и Матковский. Вид у адмирала был "штормовой". Приняв рапорт и не подав ему руки, он указал ему на стул напротив себя, передав ему объемистую тетрадь, говоря: "Вот, читайте... и потрудитесь объяснить, в чем дело...". При общем гробовом молчании полковник Степанов углубился в чтение. К своему большому негодованию, он читает: "Рапорт... начальника штаба 10-й Казанской стрелковой дивизии...", подпись – "капитан Колесников...". Нарисовав в самых темных чертах офицерскую среду дивизии, Колесников далее преподносит случай с шифрованной телеграммой. Весь этот случай был описан в таком виде, якобы этого переворота князя А.А. Кропоткина офицеры в Новониколаевске ждали, чуть ли не все было готово, и самое главное, что инициатором и главой заговора являлся полковник Степанов.

Не дочитав до конца, возмущенный до предела, полковник Степанов вскакивает и, подавая тетрадь, говорит адмиралу:

- Ваше Высокопревосходительство, все это – ложь и грязь!... Я ничего не буду сейчас говорить и требую, чтобы было назначено следствие по этому делу...

- Да я уже распорядился, – был ответ адмирала. – И до выяснения обстоятельств Вы останетесь здесь...

Подав ему руку, адмирал отпустил его.

20 января. Видел князя А.А. Кропоткина и В.Ф. Иванова, оба возмущаются; до сих пор ничего не знали об этой провокационной телеграмме. Особенного сочувствия по адресу полковника Степанова & не видно (выделено автором). Степанову фатально не везет – все его неудачи начались с взятия Казани. Почему-то все настроено против него: и чешское командование, и наше, и левые, и правые группировки. Даже в английской миссии его не одобряют. Капитан Стэвини, несмотря на некоторые личные симпатии к нему, сегодня мне за обедом прямо сказал: "Я удивляюсь на полковника Степанова. Он же сам желал, чтобы адмирал был Верховным правителем, а теперь сам и устраивает заговор против него... Это недопустимо, тем более для солдата... Все заражены духом атаманщины... Это надо вырвать с корнем, иначе у вас ничего не выйдет...".

Недостаток полковника Степанова – некоторая слабость характера по отношению к окружающим и большая доверчивость. Он вообще был очень самолюбивым, его испортило также то положение, которое он занимал сразу в начале гражданской войны в Казани. Был период, когда он занимал должность командующего армией и на Казанском фронте был господином всего положения. Перейдя затем в Сибирь, ему все казалось, что его заслуги не были оценены ни Директорией, ни адмиралом – отчего выходит сегодня его недовольство.

25 января. Омск сильно изменился с прошлого года. Кругом министерства и бесчисленные правительственные учреждения. В час дня на Атаманском проспекте видишь вереницу типичных петербургских чиновников в барашковых круглых шапках с поднятым воротником и с портфелем подмышкой, торопливой походкой идущих домой.

Весь город заполнен беженцами. Вид у всех внушительный, и чувствуешь уже себя, как дома. Местных жителей в этой разношерстной толпе почти совсем незаметно. Изредка попадаете навстречу старый отставной полковник, завернувшийся в древнюю, как и он сам, николаевскую шинель.

Большое оживление вносят в общий колорит толпы всевозможных иностранцев. Внешний вид солдат – подтянутый.

26 января. Все возмущены предложением союзников о мирной конференции на Принцевых островах. По их мнению, выходит, мы с большевиками можем договориться. Какая наивность! В связи с этими толками правительство выпустило сообщение, в котором, подтверждая это предложение союзников, заявляет, что "начатые в связи с этим переговоры ни в коем случае не могут отразиться на борьбе с большевиками".

Сибирская армия продолжает развивать наступление на соликамском направлении. Армия Дутова оставила Оренбург.

28 января. Видел генерала Каппеля, который приехал из Кургана. Его Волжский корпус стоит сейчас на формировании в этом районе. В большинстве, пополнение идет из пленных красноармейцев. Говорят, что в боевом отношении этот элемент очень хороший. Под Уфой ему в полном составе сдался добровольно 10-й советский кавалерийский полк. Жалеет Степанова и возмущен поведением Колесникова. В его корпусе никакого политиканства нет, несмотря на то, что есть и левые (отряд Фортунатова), и правые (полковник Сахаров – не тот, который приехал с генералом Лебедевым). Этот Сахаров, впоследствии генерал, начальник Волжской пехотной дивизии, командовал под Казанью офицерским батальоном. Выделяется, несмотря на свою молодость – 25 лет, благодаря своим боевым заслугам – генерал Нечаев, а также "савинковец" – полковник Перхуров (участник Ярославского восстания). Авторитет Каппеля стоит настолько высоко у всех его офицеров, что такое ненормальное положение, которое создалось в дивизии Степанова, естественно, невозможно.

После обеда вынуждены были остаться в ресторане (гостиница "Россия"). Начался буран, который продолжался почти до утра. Ветер дул с такой силой, что опрокидывал вагоны, срывал крыши. Мы наблюдали из окон, как извозчичьи сани вместе с лошастью были сброшены с дороги.

К вечеру подобралась кампания из "каппелевцев", и мы засели ужинать в отдельном

кабинете. За окном дико ревела вьюга... Много пили... Говорились тосты... Сам Каппель, вопреки своей обычной жизнерадостности, был задумчив. На его лице появились новые черточки усталости и какой-то внутренней грусти, чего я раньше не замечал. Его жена при взятии нами Перми была увезена оттуда большевиками в качестве заложницы. Все это он узнал недавно.

Поздно ночью появился какой-то артист "под Вертинского" и стал петь.

Все притихли. В комнате было душно от бесконечного курения и винного пара... "Я не знаю, зачем и кому это нужно, кто послал их на смерть не дрожащей рукой"... – слышались слова на фоне каких-то трагически-больных, истерических звуков... Каппель отошел в сторону и, прислонившись к стенке, задумчиво смотрел в одну точку. Я к нему зачем-то подошел. На глазах у него стояли слезы...

"За здоровье нашего дорогого и любимого Владимира Оскаровича!.." – врывается вдруг голос Кости Нечаева... – Ура!.. И Каппель уже через секунду стоит перед всеми с его всегдашней добродушно-приветливой улыбкой. Все встрепенулись и сбросили как будто какой-то гнет... "Волга, Волга – мать родная, Волга – русская река..." – льются уже совсем другие звуки, в которых слышится мощь и русское раздолье... Кто-то отдернул занавес окна, и в комнату вошло утро. Буран затих. Все кругом было покрыто глубоким снегом. Пора было расходиться...

9-е февраля. Новониколаевская история с заговором кончается. В общем, новониколаевское атаманство разгоняется в разные стороны. Колесникова вызвал генерал Матковский и сделал ему "надрание" – его переводят в формирующуюся армию генерала Белова. Сам полковник Степанов должен был получить тоже назначение. Пока начальником Новониколаевского Военного района назначен генерал Платов, довольно энергичный старичок. В газетах появилось известие о взятии Петрограда армией генерала Юденича. Троцкий будто бы расстрелян или бежал в Новгород.

20 февраля. Наконец, уезжаю из Новониколаевска. Получил вызов от штаба 1-й кавалерийской дивизии из Омска. К весне она должна была закончить свое формирование и двинуться на фронт. Скорее вон из этого тылового болота".

СИБИРСКИЙ ЛЕДЯНОЙ ПОХОД

1920 год

Третий очерк второй части книги рассказывает о наиболее героическом и вместе с тем трагическом эпизоде белой борьбы на Востоке России – "Сибирском Ледяном походе".

С провалом Тобольско-Петропавловской операции в начале ноября 1919 г. фронт вплотную придвинулся к Омску, оборону которого возглавил назначенный новым Главнокомандующим генерал К.В. Сахаров. Войска 2-й и 3-й армий были отведены на рубеж реки Иртыш, из 1-й армии образован гарнизон. Уже 4 ноября противник развил сильное наступление – фронтальное (вдоль Транссибирской железной дороги) и обходное (по железной дороге Ишим – Омск). Очевидная бесперспективность

сопротивления на занимаемых позициях и нарастающее разложение войск привели к катастрофе. Наименее устойчивая 1-я армия начала распадаться, 2-я и 3-я армии, обойдя Омск с севера и юга, в беспорядке отступили за Иртыш. 14 ноября оставленный без боя город был занят противником.

С потерей Омска остатки 1-й армии (генерала А.Н. Пепеляева) были отведены для переформирования в район Томска, а 2-я (генерала Н.А. Лохвицкого) и 3-я (генерала В.О. Каппеля) армии – в район Новониколаевска. План командования Восточного фронта предполагал задержать противника на рубеже реки Обь, пополнить состав армий за счет имеющихся тыловых формирований и восстановить их боеспособность на рубеже Томск – Новониколаевск – Барнаул – Бийск. Правительственные войска фактически продолжали контролировать лишь города и крупные населенные пункты, расположенные по линиям железных дорог и рек. Состояние войск в тылу катастрофически ухудшалось. На подступах к Новониколаевску выяснилось, что большинство предполагаемых резервов рассеялось или перешло на сторону неприятеля. В условиях плотного преследования упорные арьергардные бои успеха не принесли, попытки контратак быстро выдыхались. Войска начали быстрое отступление за Обь, 11 декабря оставив Барнаул, 13 декабря – Бийск, 14 декабря – Новониколаевск.

Исходя из сложившейся ситуации, назначенный 11 декабря Командующим войсками Восточного фронта генерал В.О. Каппель начал отступление на Красноярск, рассчитывая восстановить фронт на реке Енисей и установить связь с Забайкальскими войсками атамана Г.М. Семенова. 16 декабря армия, обходным маневром избежав окружения у станции Тайга, двумя колоннами выступила в поход. Первая двигалась по Старому Сибирскому тракту вдоль железной дороги, вторая – по проселочной дороге в 50 верстах южнее. 3 января, проделав путь свыше 400 верст, все три армии сосредоточились под Красноярском. На подступах к городу стало известно о предательстве начальника гарнизона генерала А.К. Зиневича 63 и о переходе починенных ему частей 1-го Средне-Сибирского корпуса на сторону партизанских отрядов противника. Вялые попытки штурма оказались безуспешными. 1-я армия распалась и практически прекратила существование, 2-я армия рассеялась на две трети – их остатки влились в сохранявшую боеспособность 3-ю армию. Из-за угрозы полного окружения на совещании старших командиров каждой части было решено предоставить самостоятельный выбор действий. Как организованная сила, армия на время прекратила свое существование. Отдельные отряды (в том числе Егерский, Уральский, Волжский и Ижевский), образовав во главе с генералом В.О. Каппелем Сводную армейскую группу, сумели сбить неприятельские заслоны и обогнуть Красноярск с севера, имея конечной целью выход к Чите. Оторвавшись на время от преследования внезапным маневром по реке Енисей, главные силы группы затем спустились на реку Кан, начав движение в направлении Канска. 15 января 1920 г. после тяжелейшего 105-верстного перехода по таежному бездорожью, город был взят. Войска, вновь вырвавшись на Сибирский тракт, устремились на юг и 22 января с ходу овладели Нижнеудинском.

В Нижнеудинске произошло воссоединение всех уцелевших частей и отрядов. К основной колонне генералов В.О. Каппеля и С.Н. Войцеховского примкнули прорывавшиеся самостоятельно группы генералов В.М. Молчанова, Г.А. Вержбицкого, К.В. Сахарова и Д.А. Лебедева. Здесь же стало известно о произошедшем в Иркутске восстании и выдаче большевикам адмирала А.В. Колчака. На совете старших чинов было принято решение спешно выступить на Иркутск; армия с целью облегчения снабжения разделилась на две самостоятельные колонны

(Каппеля и Сахарова), которые должны были встретиться на станции Зима. С 26 января 1920 г. командование после смерти В.О. Каппеля принял генерал С.Н. Войцеховский. 29 января после упорного боя части его колонны овладели Зимой. Иркутскому Политцентру по телеграфу был отправлен ультиматум. Развивая успех, 3-я армия продолжили фронтальное наступление на город. Остатки 2-й армии двинулась в обход с севера. 7 февраля обе колонны ворвались на станцию Иннокентьевская, заняв авангардные позиции на западном берегу Ангары.

Изготавливаясь для завершающего штурма, командование внезапно получило вооруженный протест со стороны чехословацких войск и извещение о гибели А.В. Колчака. Новые обстоятельства сделали продолжение операции бессмысленным. Вечером того же дня армия двумя походными колоннами обогнула Иркутск с юга и севера, и по реке Ангаре спустилась к озеру Байкал, 9 февраля заняв станцию Лиственничное. Отсюда 10 февраля в условиях начинающегося ледохода войска приступили к переправе, успешно завершившейся 14 февраля отходом частей прикрытия. Сосредоточившись на восточном побережье Байкала в Мысовске, армия продолжила свое отступление. Под давлением многочисленных партизанских отрядов последний 600-верстный переход она вынуждена была совершить по диким степям Забайкалья. К началу марта ее остатки, совершив невиданный по сложности поход, получивший название Великого Сибирского (Ледяного), вышли к Чите. Переформированные во 2-й (Сибирский) и 3-й (Волжский) армейские корпуса вместе с войсками атамана Г.М. Семенова образовали Русскую Дальневосточную армию.

* * *

Текст очерка печатается по воспоминаниям полковника В.О. Вырыпаева "В.О. Каппель" ("Каппелевцы"), воспоминаниям о Ледяном походе А.С. Бадрова, Ф.А. Пучкова и первой главе книги И.И. Серебренникова "Великий отход". Последний источник, начинающий очерк, на наш взгляд наиболее полно рисует картину всего Сибирского Ледяного похода, и служит своеобразным введением в данную тему.

Отдельную часть очерка составляют воспоминания каппелевского ротмистра В.А. Зиновьева, рассказывающие о боевых действиях каппелевцев в 1921-1922 гг. в Забайкалье (ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 357. Лл. 1-22), и отрывок из воспоминаний офицера Каликина "Судьба одного из офицеров" (сентябрь 1919 – июль 1920 г.) (ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 327. Лл. 4-50.). Автор последних воспоминаний – офицер Каликин – был одним из немногих колчаковских офицеров, кому не только удалось пройти через красный плен, но позднее и бежать с Западного (Польского) фронта, куда его направили из Сибири. Он подробно описывает ужасы плена 1919-1920 гг. и судьбу некоторых из каппелевцев.

СЕРЕБЕРЕННИКОВ

ВЕЛИКИЙ ОТХОД 64

Глава I

Ледяной поход по Сибирским равнинам, горам, степям и лесам начался в первых

числах октября 1919 года, когда несколько десятков тысяч солдат, казаков и офицеров армий адмирала Колчака начали свое отступление от реки Тобола на восток.

Отходили с боями, сердито отгрызаясь от наступавшего противника. Командование белых армий полагало остановить наступление красных по рубежу реки Ишима, но это не удалось: в конце октября был оставлен Петропавловск, и белые войска начали отступать к Иртышу.

Был остро поставлен вопрос об эвакуации Омска, белой столицы. Этот город то решали эвакуировать, то защищать до последнего солдата. В начавшейся панике и неразберихе произошла в первых числах ноября смена высшего командования армий адмирала, что повлекло за собою только увеличение общей растерянности.

К 5-му ноября перед Иртышом, в районе Омска, скопились десятки тысяч вагонов, сотни тысяч повозок белой армии, многочисленные артиллерийские части. Сюда же начали подходить и отступавшие с фронта войска. На беду наступила оттепель, и начавшийся по реке Иртышу ледоход снес только что построенные через реку мосты. Для прохода через Иртыш оставался лишь один железнодорожный мост. В ожидании переправы лошади тысячами гибли от бескормицы. Казалось, вот-вот разразится катастрофа, и белая армия будет потоплена красными в Иртыше... Но 9 ноября вдруг ударил сильный мороз, и на следующий же день река стала проходима по льду.

Выяснилось, что удержать позиции по реке Иртышу не удастся. Началась спешная и крайне беспорядочная эвакуация Омска. Это было уже началом катастрофы.

Утром 14 ноября пал Омск. В городе большевики захватили колоссальные запасы военного снаряжения.

Все бросились теперь на восток. Катастрофическая обстановка рушила всякие стратегические планы. От красного зверя уходил, кто мог. Начиналась ничем не прикрытая, яростная борьба за сохранение существования.

Позади давила наседающая красная армия, впереди могли быть опасные наскоки и нападения бесчисленных в Сибири красных партизанских отрядов. Опасности грозили со всех сторон. Показывало тревожные симптомы поведение бывших союзников по борьбе с большевиками: чехословаков, поляков, сербов, румын, которым приходилось теперь выбирать, во что бы то ни стало, из Сибири.

Угроза порой таилась и внутри самих белых армий: некоторые войсковые части, чтобы заслужить милость красных победителей, арестовывали своих офицеров или убивали их и затем переходили на сторону большевиков.

Никто из двинувшихся в зимний поход, был ли это военный или штатский, не мог быть уверен, что ему удастся благополучно выбраться из этого огневого круга опасностей разного рода.

Вспомним далее, что ужасы отступления увеличивали еще жестокие сибирские морозы, плохое питание и тиф, этот неизбежный спутник всех страшных социальных катастроф.

О правильности железнодорожного сообщения не могло быть и речи. Около

Новониколаевска произошла по вине польских легионов закупорка движения, и поезда по линии железной дороги вытянулись один за другим в сплошную ленту, длиной в несколько верст, и стали. Паровозы замерзали, вагоны и теплушки не отапливались. Мороз беспощадно косил свои жертвы...

Отступавшая от Омска белая армия продвигалась на восток, как могла и умела: пешком, на санях, верхом на лошадях. Она была теперь перегружена небоевыми элементами, в виде семейств офицеров и солдат и просто беженцев, уходивших от большевиков.

Отступавших насчитывалось несколько сот тысяч человек.

Относительно общих условий этого великого отхода один из его участников рассказывает следующее.

Довольствоваться отступавшим приходилось за счет местных средств, так как лишь немногим воинским частям удалось получить и увезти продовольствие из складов города Омска. Обильная и плодородная Барабинская степь с громадным крестьянским населением не всегда могла прокормить сотни тысяч людей и лошадей.

Арьергардным строевым частям приходилось особенно туго: часто в деревнях было уже все съедено, вплоть до соломенных крыш, пошедших на корм лошадям. Тяжелей всего было частям, которые проходили вблизи железной дороги; легче тем, которые пробирались по боковым, удаленным дорогам.

Днем, когда пригревало солнце, было еще терпимо, к вечеру же поднимался обычный резкий степной ветер. Мороз становился крепче. Зябли и дрогли лошади, коченели солдаты. Далеко не все имели теплую одежду, не у всех были валенки, теплые рукавицы. Слабо защищали от сибирского мороза и стеганые ватные солдатские куртки с надетыми поверх них шинелями.

На ночлег в теплой избе набивались сотнями. Здесь порою спали, стоя на ногах или сидя на спящем уже человеке. Но на теплый ночлег не всегда можно было рассчитывать. Нередко приходилось ночевать под открытым небом, биваком у костра. При этом отмораживались уши, носы, руки и ноги. На станциях приходилось сотнями сдавать обмороженных в санитарные поезда. Если эти поезда останавливались и не двигались далее, то обмороженные больные окончательно замерзали здесь, уходя в другой, лучший мир, который не знает жестокостей людской борьбы...

Попадались по дороге замерзшие люди, то в одиночку, то целыми группами, крепко уснувшие навеки у потухшего костра...

Плохо было людям, плохо и лошадям, которые сотнями падали по пути отступления – одни от усталости, другие от бескормицы – и сейчас же бросались на произвол судьбы. Отстать – значило погибнуть, попасть в руки красных палачей или замерзнуть их.

С подходом отступавшей армии к Оби, начались восстания гарнизонов в городах Новониколаевске, Томске, Красноярске, Иркутске. Эти восстания и переходы белых войск на сторону красных несли с собой новые ужасные трагедии и бесконечно осложняли великий и трудный отход белых армий.

Вот как описал свой выезд из Томска один участник белого похода на восток после того, как ему удалось вырваться из этого города, объятаго пожаром междоусобной войны:

"Из города доносилась ружейная стрельба, канонада. В наступающих сумерках красным отблеском трепыхало зарево пожаров.

Скоро нас нагнала окровавленная, израненная группа всадников с бледными испуганными лицами – это были конно-охотники, вырвавшиеся из города.

Томск пал. Красные праздновали победу.

Мы решили двигаться как можно скорее. Приготовили оружие и бомбы, и решили погибать или прорваться. Дали клятву погибать всем вместе.

Крестьяне в деревнях говорили нам о жестокостях отрядов Щетинкина, Кравченко и Лубкова, об их нападениях и грабежах.

Проезжая стороной от Тайги, мы увидели два огромных столба черного дыма – это горели Амжерские копи, и взрывали арсеналы. По пути отступления все чаще встречались оставленные и загнанные лошади, которые доживали последние минуты. Было жутко и страшно смотреть на страдания этих безмолвных, обреченных на смерть животных – невольных свидетелей великой человеческой трагедии.

А мы разве не такие же обреченные?.."x

В 20-х числах декабря произошел бой на станции Тайга, около Томска, между польскими легионерами и нагнавшими их красными войсками. Польские поезда стояли здесь впереди и заграждали путь русским эшелонам, большей частью санитарным.

Станция и город находились в агонии. С минуты на минуту ожидалось выступление рабочих. Красные подошли вечером. В бою участвовали со стороны поляков 1-й польский полк, кавалерия и броневики. Часа через два бой кончился неудачно для поляков: они потеряли два броневых поезда и понесли жестокие потери людьми. Не могли уйти и погибли здесь многие русские составы. Много народа бросилось к отходившим польским эшелонам, но на каждой площадке вагонов стояли часовые и отгоняли всех, желавших попасть на поезда.

По словам очевидцев, здесь разыгрывались кошмарные сцены. Один старый полковник, получив от поляков отказ увезти его с семьей на восток, выхватил револьвер и на глазах у всех убил свою жену и дочь и застрелился сам. Какая-то дама бросилась под проходивший поезд. Раненый доброволец умолял прохожих пристрелить его, предпочитая умереть, чем подвергнуться издевательствам красных... xi

Ибо известен был лозунг последних:

- Солдаты по домам, офицеры и добровольцы по гробам...

Эпидемия самоубийств сопровождала собою весь путь отступления белых на восток.

В пределах Томской губернии отступавшая армия вступила в таежную полосу Сибири, и здесь ее страдания усилились во много раз. В глубоких снегах Сибирской тайги армия похоронила все свои пушки. Кажется, только одни ижевцы и воткинцы, эти герои Ледяного похода, сумели протащить свои орудия до конца.

Благодаря скученности на ночлегах, недоеданию, ужасным санитарным условиям вообще, эпидемии сыпного и возвратного тифа стали свирепствовать среди белых войск в такой степени, что порою в частях оставалось только несколько десятков здоровых людей. Сотни больных, в полном беспомоществе, везли на санях. Единственным врачом, ухаживающим за этими больными, был крепкий сибирский мороз...

Тяжело достался остаткам 3-й армии адмирала Колчака проход через так называемую Щегловскую тайгу. Этой армии предстояло пройти по лесной просеке в дикой тайге без населенных пунктов почти 120 верст. Вся просека на десятки верст была запружена сплошным морем повозок и саней, растянувшихся по дороге в три ряда. Немыслимо было ускорить продвижение обозов или как-нибудь обогнать их. Красные же угрожали обходным движением отрезать эти обозы.

Чтобы спасти армию, приказано было сбросить все орудия, кинуть повозки в сторону и сесть, кому можно, на лошадей верхом. В первый день было сброшено с пути более 6000 повозок. Движение было ускорено, но все же было еще очень медленным.

На следующий день отчаявшиеся возницы стали проявлять инициативу – рубить постромки и садиться верхом на лошадей, оставляя на произвол судьбы больных женщин и детей, которых они везли. Стоны, вопли, плач и рыдания покидаемых не останавливали всадников, проезжавших мимо на изнуренных лошадях – собственные страдания притупили в них чувство жалости к другим. Не было сил, свидетельствует очевидец, слышать и видеть весь творившийся ужас, но не было и никакой возможности помочь несчастным покинутым... хii

Один из красных командиров, участвовавших в нападении на белых, при проходе через Щегловскую тайгу сообщил в своих воспоминаниях, что в этой операции было брошено белыми около 10000 подвод со значительным военным имуществом.

"Наши две саперные роты", – рассказывает он, – "работали целые сутки только над тем, чтобы повозки среднего ряда из обоза разбросать по разным сторонам и дать возможность продвинуться нашим частям. Когда мы ехали среди этого кладбища, впечатление было жуткое. Ехать пришлось буквально по трупам сотен издохших лошадей, полусасыпанных выпавшим в этот день снегом..."

хiii.

3-я армия вырвалась из тущоб Щегловской тайги 29 декабря.

В этот день в городе Ачинске, уже занятом белыми отрядами, случилась новая ужасная катастрофа. На станционных путях произошел взрыв поезда со снарядами – последними, которыми еще располагала армия. При взрыве погибло и было изувечено множество народа. Каким-то чудом уцелел генерал Каппель, командующий отступавшими армиями, находившийся в это время на станции Ачинск.

"В Ачинске мы простояли неделю, – рассказывает капитан К.хiv – Всюду пустые деревни, с разбежавшимся по тайге населением, красные партизанские отряды, которые, не стесняясь, совсем близко приближались к тракту и делали налеты и засады, отрезая обозы и пристреливая отставших. Целый транспорт Красного Креста с сестрами милосердия красные увели в тайгу. Какова была их судьба, выяснить не удалось: хорошего ожидать было трудно..."

В Ачинске белое командование получило подробные сведения о перевороте в Красноярске, восстании гарнизона и образовании какого-то сомнительного земского правительства.

Обстановка складывалась крайне тяжелая, почти безвыходная. Мужественный генерал Каппель отдал, однако, приказ:

- Перейти за Енисей, открыв себе дорогу, если потребуется, силою.

У Ачинска кончалось отступление на восток; началось наступление туда же.

Трудно изложить все перипетии столкновений белых с красными на подступах к Красноярску. Пожалуй, эти столкновения составляют наиболее драматический момент во всей истории Ледяного похода. Много белых погибло здесь в боях, немало было захвачено в плен красными... Были и такие части, которые, устранившись всех опасностей похода, добровольно ушли в Красноярск, сдавшись на милость красного победителя. Не всем было дано остаться героями до конца.

Все же значительным колоннам белых под водительством генерала Каппеля удалось обойти Красноярск с севера и выйти вниз по реке Енисею к устью ее правого притока, Кана.

Здесь перед армией встал грозный вопрос: куда идти, каким путем пробиваться вновь к железнодорожной магистрали? Командование решило пройти прямо по льду реки Кана, с тем, чтобы выйти к тому месту, где эта река пересекает железную дорогу, то есть к городу Канску. Некоторым войсковым частям этот предложенный ледяной поход по Кану показался рискованным, и они откололись от армии, отправились далее на север, вниз по Енисею. Отряды генерала Перхурова и полковника Казагранди двинулись на север по реке Тасеевой, а отряд генерала Сукина – прямо по Енисею к реке Ангаре.

Генерал П.П. Петров в своей книге "От Волги до Тихого океана в рядах белых" рассказал нам о походе по Кану следующее:

"Река Кан не говорит ничего тем, кто не шел по ней, или кто шел позднее по проложенной дороге. Зато она хорошо памятна уфимцам, камцам, тем, кто шел в голове колонны.

В деревне Подпорожной, откуда начиналось движение, оно не казалось трудным. Опасались только, чтобы где-нибудь красные не преградили выхода.

Кажется, 9 января после полудня, Уфимская дивизия после отдыха в Подпорожной начала движение к Кану. Нужно было по лесной дороге, просекою обойти один порог. Поднимаемся по лесной дороге в гору, а затем начинается движение по целине

какими-то просеками, прогалинами, с крутыми спусками. Люди прокладывают дорогу шаг за шагом, вместе с проводниками. Колонна через каждые несколько шагов останавливается.

Уже в сумерках спустились на лед; широкая замерзшая река в обрывистых берегах. По берегу могучий лес, какого мы еще никогда не видали: ель, лиственница невиданной толщины уходят верхушками в небо; тайга непролазная. По такому гористо-лесному ущелью течет река – это коридор, по которому можно идти только на восток, не имея возможности свернуть ни вправо, ни влево.

2-3 версты двигаемся благополучно. Трудно только прокладываемую дорогу. Но дальше остановка и тревожные сведения: вода на льду. Что это?

Лед ли опустился под тяжестью движения или река не замерзла, как следует – неизвестно, и трудно уяснить, так как кругом уже ночь, морозная мгла. Окружающее приняло фантастические очертания.

Пешком по такой воде двигаться нельзя, хотя бы лед и выдерживал. Уже многие промокли обувь. Послали вперед конных разведывать, а пока ждали.

Несколько часов ожидания кажутся вечностью.

На берегу, в охотничьей хижине, раскладывают костер: туда приехал генерал Каппель. Он прислушивается к разговорам, которые вертятся: "вперед или назад?", чуть ли не собирается послать приказание Войцеховскому повернуть колонну, но надежда, что вода на льду случайная, ключевая – останавливает. Приходят сведения, что двигаться можно: вода поверхностная. Нужно только больше растягиваться.

Движение возобновляется, но тревога за благополучный исход не оставляет. Что скажут еще пороги, которых, по описанию, чуть ли не три.

Ночь переходит в день почти незаметно – мгlistый, морозный день. Мороз, к которому мы не привыкли, пронизывает сквозь тучу всяких одеяний. Сколько носов уже обмороженных! Целый день движемся то по сухому льду, то с водой сверху, с остановками.

На остановках кормят лошадей, разводят костры, размораживают краюхи хлеба, чтобы подкрепиться. Снова ночь. Что впереди, неизвестно. Проводники обещают, что скоро какой-то хутор, но его не видно. Подсчитываем, что в движении с остановками – больше суток, прошли не менее 50 верст: значит, еще далеко...

На каждой остановке трагедия. Сани во время движения по мокрым местам захватывают, загибают снег и обмерзают, становятся тяжелыми. Надо обрубать лед. Если же пришлось остановиться на мокром месте, то сани просто примерзают так, что лошади не могут их взять.

Уже много окончательно выбившихся из сил лошадей. Еле стоят они или ложатся, чтобы больше не вставать. В воздухе крики, брань, разговоры..." хв.

В этом Ледяном походе генерал Каппель промокнул ноги, простудился и занемог. Командование армией вместо него принял генерал Войцеховский.

От Канска белой армии пришлось вести наступление на Иркутск, где захватившие город красные, при моральном содействии чехословаков, накапливали силы, чтобы отрезать белым путь отступления на восток.

Жестоко разбив по пути несколько красных партизанских отрядов, каппелевцы, как стали теперь называться отступавшие белые войска, 28-го января 1920 года подошли к богатому и торговому селу Тулуну, уже в пределах Иркутской губернии.

В Тулуне отступавшие войска узнали о смерти героического своего вождя, генерала Каппеля, скончавшегося в походе от жестокой простуды, схваченной им при движении по реке Кану.

Красные власти Иркутска, обеспокоенные продвижением белых на восток, выслали на станцию Зима большой отряд в 4000 бойцов, наспех составленный из наиболее ретивых сторонников советской власти, преимущественно рабочих Черемховских копей. 2-го февраля у станции Зима произошел бой, в котором красные были разбиты наголову, и мало кто из них ушел живым из этого жестокого побоища.

Путь на Иркутск был открыт. Генерал Войцеховский, вступив в переговоры с красными властями Иркутска, соглашался пройти мимо города, если преданный союзниками Верховный правитель адмирал Колчак, находившийся в это время в Иркутской тюрьме, будет освобожден и предан под охрану иностранных военных частей, если будет выдана белой армии часть золотого запаса, захваченного уже большевиками в Иркутске, и если армия получит из иркутских складов запасы одежды и продовольствия.

Переговоры ни к чему не привели. Скоро стало известно, что чехи выдвинули свое требование – чтобы Иркутск не был местом боевого столкновения.

В ночь на 7 февраля белые войска были уже всего только в одном переходе от Иркутска. В эту же ночь перед рассветом на окраине города был расстрелян красными палачами адмирал Колчак. Большевики поспешили с этой казнью, чтобы отнять у белой армии один из главных побудительных мотивов к занятию столицы Восточной Сибири.

7 и 8 февраля армия прошла мимо Иркутска, 9-го она была уже на берегу Байкала.

С утра 10 февраля от села Голоустного начался второй Ледяной поход – поход по льду через мрачный и в то же время величественный Байкал, "славное море" сибиряков.

"Дороги нет", – вспоминает капитан К. – "по Байкалу носится ураган, и чувствуется, как там, подо льдом, мечется и бурлит грозное море, готовое каждую минуту разбить ледяные оковы.

С большой осторожностью проезжаем несколько трещин по льду, через которые настланы доски.

Вскоре у нас пала одна лошадь. Мы отстали. Одни в этой ледяной пустыне, дороги не видно, кругом море льда. Темно...

Полная безнадежность. Измученные нравственно и физически, истомленные, замерзая от жестокой стужи и ветра, мы на четвереньках ползаем по льду, чтобы

отыскать следы лошадиных копыт, найти дорогу...

Безуспешно... В душу закрадывается холодное, ледяное отчаяние. Как мучительно страшна и сурова жизнь!..

Только молчание и пустыня...

- Нашел! – Вдруг слышен голос. По льду тянутся следы лошадиных копыт. Мы спасены. Вытягиваем лошадей к этому месту и так, ведя их на поводу, медленно продолжаем свой путь.

Сколько еще идти? Когда же конец этим мучениям?

Встречаем трагическую группу – на льду стоит воз. В упряжке две павшие лошади; в возу – занесенные снегом, полузамерзшие, еле живые солдаты.

"Братцы, сделайте Божескую милость, пристрелите нас! Замерзаем!"

Мы молча проехали мимо...

А сколько было таких на крестном пути нашего многотрадального перехода через Байкал!

Кругом темная, молчаливая ледяная пустыня...

И вдруг огонек – далеко, далеко...".

Это была станция Мысовая Забайкальской железной дороги. В Мысовой находились тогда японские солдаты, которые, единственные из союзников, казались еще друзьями белых.

Во второй половине февраля 1920 года отступавшая белая армия вступила в Читу, столицу Забайкалья.

Ледяной поход продолжался пять месяцев. До Читы дошли лишь самые сильные, самые стойкие, выносливые и самые непреклонные противники коммунистов.

Это были каппелевцы.

* * *

Легендарным маршем генерал Петров назвал поход колонны генерала Сукина, отколовшейся при устье реки Кана 8 января 1920 года от отступавшей армии генерала Каппеля.

В состав этой колонны вошли 3-й Барнаульский полк, 2-й Оренбургский казачий полк и отряд Томской конной милиции.

От устья реки Кана этот соединенный отряд под общим командованием генерала Сукина прошел вниз по Енисею и затем свернул на его могучий правый приток, величественную реку Ангару.

По Ангаре отряд начал продвигаться к верхнему течению этой реки. От устья реки Илима, впадающего в Ангару, тем путем, каким когда-то ходили казаки-завоеватели Сибири, отряд пересек водораздел бассейнов Ангары и Лены и вышел у села Усть-Кутского – того самого, откуда в 1649 году начал свой знаменитый поход на Амур Ерофей Хабаров.

Затем отряд Сукина поднялся вверх по Лене и по дикой, почти недоступной местности вышел к Байкалу.

Грозный Байкал был перейден по льду севернее острова Ольхона, и отряд вышел к городу Баргузину, откуда прямым путем направился в Читу, прибыв туда 14 марта 1920 года. Отряд прошел по глухим сибирским дебрям более 2000 верст. В нескольких местах он имел боевые столкновения, не избежал бед, которые были и в других колоннах – тифа в разных его формах. К началу марта месяца отряд этот представлял скорее транспорт с больными, чем боевую войсковую часть.

Участник этого легендарного похода, капитан Михайловский, начальник отряда Томской конной милиции, рассказывал мне как-то, что он весь этот марш проделал верхом на одном и том же коне. Он сел на свою лошадь-спасительницу 17 декабря в Томске – и слез с нее в Чите 14 марта, проехав, таким образом, верхом более 3000 верст.

К сожалению, в печати, насколько я знаю, не появилось еще сколько-нибудь подробных описаний этого марша и воспоминаний о нем его участников.

* * *

Обстоятельства выезда из Омска Верховного правителя адмирала Колчака, его печального следования по Сибирской железной дороге на восток, задержания его поезда чехословаками на станции Нижнеудинск и выдачи его "союзниками" красным властям Иркутска общеизвестны.

Кажется, мировая история последних лет не знает такого низкого предательства, какое было учинено над одним из доблестнейших сынов России в начале рокового для нее 1920 года. В этом предательстве принимали видное участие представители чехословацкого командования в Сибири. Голова Колчака должна была, видимо, служить чехословакам выкупом за их свободный уход на восток.

В момент передачи Колчака красным властям, так называемому Политическому центру, адмирал воскликнул с горечью:

- Значит, союзники меня предают!

Будучи сам человеком большого душевного благородства, Колчак верил в наличие его и у союзников, и был теперь жестоко обманут в этой своей вере...

21-го января началось следствие над арестованным Верховным правителем, заключенным в Иркутскую тюрьму, а на следующий день Политический центр, в котором первенствующую роль играли социалисты-революционеры, друзья чехословаков, вынужден был уступить свою власть в городе боевой

коммунистической организации – Военно-революционному комитету.

В это время отступавшая от Омска белая армия с генералом Войцеховским во главе уже вступала в пределы Иркутской губернии. 2-го февраля каппелевцы были на станции Зима, всего в 150 верстах от Иркутска.

Для большевиков в Иркутске наставали решительные дни, и они начали готовиться к обороне города. Среди других забот и хлопот большевиков страшно заботил вопрос об участии адмирала Колчака.

Как поступить с ним?

Этот вопрос интересовал, конечно, не один Иркутск. Его ставили и в Москве.

Председатель революционного военного совета 5-й советской армии, ведшей наступление на Иркутск, некто Смирнов, в своих опубликованных в советской печати воспоминаниях рассказал, что он еще в Красноярске получил от Ленина шифрованную телеграмму, в которой коммунистический диктатор "решительно приказывал Колчака не расстреливать" хvi.

Что это значило?

Вероятно, центральная власть рассчитывала, закончив полностью следствие об адмирале и его министрах, привезти его в Москву и судить здесь, устроив пышное революционно-трибунальное зрелище с обличением "козней злостной Антанты" и т.д.

"Обстановка изменилась, – рассказывает Смирнов, – Войцеховский мог ворваться в Иркутск, мог освободить Колчака, и кто знает – не будет ли он некоторым знаменем для сохранившихся реакционных сил?"

Запрашивать Москву было некогда, и решение было принято...".

6 февраля этот же большевицкий комиссар телеграфировал в Сибирский революционный комитет пространное сообщение, в котором, между прочим, говорилось:

"Сегодня по прямому проводу мною дано распоряжение расстрелять Колчака".

По информации председателя Военно-революционного комитета в Иркутске А. Ширямова, Колчак с момента ареста содержался в Иркутской тюрьме. Особо надежный отряд охранял его, и условия этой охраны ежедневно проверялись. Председателю следственной комиссии Чудновскому было дано распоряжение держать наготове специальный отряд, который в случае боя на улицах города должен был взять адмирала из тюрьмы и увезти его из Иркутска в более безопасное место.

3-го февраля следственная комиссия представила в Революционный Комитет список 18 деятелей белого движения, которые, по мнению комиссии, подлежали расстрелу. В числе этих лиц был и адмирал Колчак.

Революционный комитет выделил из списка только двух: Колчака и председателя Совета министров его правительства В.Н. Пепеляева. Все же в тот день вопрос о

расстреле адмирала оставался еще открытым. Его участь была решена телеграммой Смирнова.

Ночью 6 февраля постановление Революционного комитета было передано Чудновскому для исполнения.

На рассвете 7 февраля Верховный правитель и его первый министр В.Н. Пепеляев, оба в ручных кандалах (совершенно ненужная жестокость), были выведены на холм на окраине города. Вероятно, это был тот холм, на котором расположено Иркутское Знаменское кладбище. Они были поставлены на вершине холма; раздался первый залп, затем, для верности, второй – и все было кончено. Расстреляны они были нарядом левозеровской дружины в присутствии председателя следственной комиссии Чудновского и члена Военно-революционного комитета Левенсона.

Для издевательства над казнимыми вместе с Колчаком и Пепеляевым был расстрелян китаец-палач, приводивший в исполнение смертные приговоры в Иркутской тюрьме.

Жестокость и подлость, соединенные с трусостью, эти основные свойства большевицкой психологии, проявились и здесь, при расстреле адмирала Колчака. Даже и мертвый, он был грозен для них, его могила могла стать местом паломничества и постоянно взывала бы к отмщению – и они лишили его вечного успокоения в земле: тело адмирала было спущено в прорубь реки Ангары вместе с телом расстрелянного с ним Пепеляева...

О предсмертных часах и минутах адмирала Колчака существует много рассказов. Которые из них достоверны – трудно судить, но все они свидетельствуют, что адмирал в последние мгновения своей земной жизни держал себя спокойно и мужественно, с достоинством человека, сознававшего правоту того дела, ради которого он шел на смерть.

По рассказу коммуниста Чудновского, опубликованному в свое время в "Советской Сибири", адмирал перед выводом его из тюрьмы на место казни на вопрос, имеет ли он какую-нибудь последнюю просьбу, ответил кратко:

- Передайте моей жене, которая живет в Париже, что, умирая, я благословляю моего сына...

В самую страшную последнюю минуту своей жизни А.В. Колчак не доставил своим врагам злорадного торжества видеть его униженным, трепещущим и трусливым. Он умер так же, как и жил, сохранив свою гордость и честное мужество, отличавшие собою весь его славный жизненный путь. Его трагическая кончина, несмотря на все ухищрения большевиков придать ей недостойный и унижительный характер, еще более возвысила его в наших глазах, создав ему заслуженный ореол мученичества и величайшего самопожертвования.

А.В. Колчак умер всего лишь 46 лет. По жестокой иронии судьбы, он нашел смерть в том же самом городе, где шестнадцатью годами ранее он венчался со своей невестой С.Ф. Омировой, перед отъездом своим на театр военных действий в Порт-Артур...

Я и моя жена узнали о смерти Колчака к вечеру 8 февраля на станции Мысовой в Забайкалье, когда мы покидали свою Родину.

Жена моя тогда записала в своем дневнике:

"Итак, он все-таки погиб. Погиб в оказавшейся неравной борьбе за свободу и счастье русского народа – того народа, именем которого его убили. Честный патриот, мужественный сын своей родины, на посту Верховного правителя призывавший все время к долгу, к жертвам во имя Родины, к дружной работе – все для Родины, ничего для себя! – он в результате какого-то постыдного торга предан союзниками в руки палачей..."

Трудно передать чувства возмущения, ужаса, скорби, бушующие в моей душе. Больше всего скорби, тоски беспроектной.

Сегодня я почти не спала. Сна не было. На рассвете я долго смотрела в окно вагона: чуть брезжил тусклый свет зачинающего дня, ушибленный месяц печальным серпом качался в свинцовом небе; где-то далеко глухо выли собаки... Тревога и боль росли в моей душе. Что-то будет дальше с Россией, с нами? Какой ужасный, какой тяжкий путь стелется перед нашей страной – путь крови, мрака и жертв без конца..."

* * *

Как было упомянуто ранее, Главнокомандующий отступавшими армиями генерал В.О. Каппель простудился во время похода по реке Кану и отморозил обе ноги.

26 января 1920 года он скончался на одной из маленьких станций Сибирской железной дороги, недалеко от города Нижнеудинска, от воспаления легких и от гангрены. Смерть его была мучительна. Перед своим концом он не переставал думать о страданиях России. На просьбы окружающих лечь в эшелон чехов, он твердо ответил:

- Нет, этого не будет! С предателями я ничего общего не имею. Последняя моя воля – мой труп не помещайте в чешские эшелоны. Передайте армии, что я был предан ей, и я доказал это своей смертью...

Так погиб великий русский патриот, легендарный вождь смелых волжских походов 1918 г., отнявший у большевиков Самару, Сызрань, Казань, бесстрашный вождь героического Ледяного похода по Сибири...

Умер генерал Каппель на своем посту еще совсем не старым: ему не было и 40 лет. Это была тяжелая преждевременная утрата для белых армий, и осиротевшие его соратники еще раз испытали на себе справедливость пословицы:

- У счастливого недруги мрут, у несчастного друг умирает...

Армия не пожелала похоронить своего вождя там, где он умер, в местности, которая будет занята большевиками, и тело его было отправлено в Читу, где и похоронено. Однако когда выяснилось, что и Чита будет эвакуирована белыми перед натиском большевиков, прах генерала был перевезен в Харбин, где и покоится теперь в ограде Иверской церкви.

Летом 1929 года архиепископом Мефодием был освящен памятник над могилой

генерала Каппеля, поставленный волжанами. Траурное торжество состоялось при громадном стечении пришедших помолиться за упокой души доблестного генерала.

В этот же день в одной из столовых Харбина состоялась "чашка чая" волжан, которые праздновали свой корпусной праздник. На это скромное торжество собралось более двухсот человек. За столом было оставлено одно пустое место и перед ним прибор, возле которого стоял лишь букет белых роз. Это место было предназначено... для генерала Каппеля. Он, и мертвый, не расставался со своими волжанами, с которыми при жизни своей совершил так много славных дел.

В.О. ВЫРЫПАЕВ

КАППЕЛЕВЦЫ 65

В САНЯХ

После Омской катастрофы, в лютый сибирский мороз плохо одетые бойцы совсем потеряли дух, веру в свою стойкость. Усевшись в наскоро добытые повозки и сани, ехали на восток люди с винтовками и пулеметами. Артиллерия, вследствие выпавшего глубокого снега, была не в состоянии ежедневно делать по 50-60 верст. Часть орудий из-за выбившихся из сил коней пришлось бросить, часть удалось пристроить на полозья, а часть разобранными просто укладывались в сани и везлись простым грузом.

НА РАЗНЫЕ ТЕМЫ

Каппеля особенно раздражали солидные начальники, применявшие старинные методы, как будто это была не гражданская война, а старое доброе время, со штабами, казначействами, интендантствами и т.д.

Каппель говорил мне:

- Правда, многие из них посвятили когда-то свою жизнь служению Родине, и даже в свое время были на месте, принося много пользы. Но теперь гражданская война. Кто ее не понимает, того учить некогда. Нужно дать возможность работать в деле освобождения Родины не тем, кто по каким-то привилегиям или за выслугу лет имеет право занимать тот или другой пост, а тем, кто может, понимает и знает, что нужно делать... Большинство из нас, будучи незнакомы с политической жизнью государства, попали впросак. И многим очень трудно в этом разобраться. Революция – это мощный, неудержимый поток, и пытаться остановить его – сплошное безумие. Нужно знать, что этот поток снесет все преграды на своем пути. Но дать этому потоку желаемое направление и пустить его по желаемому руслу было не так трудно. Мы этого не хотели понять...

Далее Каппель привел такой пример:

- Мы имеем дело с тяжело больной. И вместо того, чтобы ее лечить, мы заботились о

цвете ее наряда. Теперь учить, что можно и как нужно, того, кто не понимает главного – поздно!

Помню, он был особенно возмущен комиссией, посланной из Омска, чтобы посмотреть и познакомиться с восставшими против большевиков уральскими рабочими. Эта комиссия увидела, что у восставших против большевиков ижевцев и воткинцев вместо офицеров были начальниками старшие рабочие, к которым рядовые бойцы обращались со словом "товарищ". И только поэтому многие члены приехавшей из Омска комиссии говорили: "Это не наши солдаты, из них толка не будет!" А ведь восставших уральских рабочих было около 40000 человек стойких бойцов. Это была сила, да и какой козырь против большевиков!

Восстали они в день, когда Каппелем была взята Казань, и впоследствии под командой доблестного генерала Молчанова прошли через всю Сибирь и бились с большевиками в Приморье до конца 1922 года, в неравных боях, один против десятерых, раздетые и почти безоружные против хорошо вооруженных и тепло одетых красноармейцев.

Каппель имел ввиду большие переформирования в армии, но для этого нужен был какой-то рубеж для остановки отхода. Помню его слова: "Было бы очень желательно, чтобы таким рубежом, где можно спокойно заняться переформированием, было наше Забайкалье!..".

ПО ЛИНИИ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ И ПО ТАЙГЕ

Эшелоны в затылок один другому, по двум линиям, медленно и даже с остановками, тянулись на восток. Справа и слева от железной дороги бесконечными вереницами, иногда в несколько рядов, по сугробам, оврагам и ухабам тащились разнообразные повозки.

В окно вагона я насчитывал в день более сотни выбившихся из сил лошадей, стоявших или лежавших вдоль дороги. Из-за недостатка воды или топлива на запасных путях станций и полустанков стояли беспомощно сотнями эшелоны, ожидая своей горькой участи. Могущие передвигаться люди бросали свои вагоны и шли пешком дальше, лишь бы уйти от красного ада.

Враг не дремал. Окрыленные успехом и захватом богатой добычи, большевики наседали с удвоенной энергией. Организованными бандами они нападали на беззащитные тянувшиеся обозы и творили над несчастными людьми холодящие мозг ужасы.

В Щеглове и близь расположенных деревнях и селах свирепствовала какая-то особенная по своим зверствам банда. Захваченных людей партизаны-бандиты обыкновенно раздевали донага и при 35-40-градусном морозе обливали водой, подстегивая плетью или палками, пока несчастная жертва падала замертво. Были случаи, когда грудных младенцев убивали, хватая за ноги, об угол дома или о замерзшую землю. И вообще изощрались над несчастным на разные лады. При подходе воинских частей эти зверские банды куда-то исчезали. Рассказы чудом спасшихся жертв о таких расправах потрясали слушателей.

Кроме этого, много людей гибло от свирепой стужи и недостатка теплой одежды. Из

движущейся массы людей эпидемия тифа вырывала сотни жизней каждый день. Эта масса, движущаяся разными способами и больше пешком, налетала на редко попадавшиеся (в Сибири) деревни и, как саранча, уничтожала все имеющееся съестное, оставляя жителей на голод и холод (часто одежда тоже отбиралась проходящими). Соломенные крыши строений уходили на корм голодным лошадям.

На станции Татарской я видел несколько платформ, высоко нагруженных голыми мертвецами, издали походившими на какие-то коряги.

Слухи из далекого нашего тыла были тревожны. Старый Главнокомандующий еще не сдал своего поста генералу Каппелю, а разослал приказ, в котором подробно разработал план, как под Новониколаевском будут разбиты повстанцы-партизаны, но не указал, какими войсками.

ГЕНЕРАЛ ВОЙЦЕХОВСКИЙ ЗАСТРЕЛИЛ ГЕНЕРАЛА ГРИВИНА

Остатки армий медленно двигались на восток, сплошной лентой тянулись туда и эшелоны.

Где-то в районе станции Татарской или на самой станции, хорошо не помню, к вагону командующего 3-й армией генерала Каппеля, назначенного вместо генерала Сахарова, подошел автомобиль. Из него энергичным шагом вышел командующий 2-й армией генерал Войцеховский. Войдя в вагон, после краткого приветствия он доложил генералу Каппелю:

- Два часа назад я застрелил генерала Гривина, командующего Северной группой.

- При каких обстоятельствах? – спросил Каппель.

- Согласно моей диспозиции, – ответил Войцеховский, – Северная группа, входящая в состав 2-й армии, сегодня должна была занимать ряд назначенных деревень. Еду туда – там никого нет, обратно – никого нет. Наконец, через 10-15 верст догоняю арьергард Северной группы. Спрашиваю: "Почему отходите?" – "По приказанию генерала Гривина, хотя с противником связь была утеряна". Добираюсь до штаба Северной группы, спрашиваю генерала Гривина, получена ли моя вчерашняя диспозиция. Гривин отвечает: "Да, получена!" – "Почему же отходите?" – "Чтобы сохранить кадры!". Я объяснил генералу Гривину, что своим отходом он оголил фланг наших войск и что красные могут зайти им в тыл. Далее я предложил генералу Гривину сейчас же написать приказ войскам Северной группы занять общую линию, то есть вернуться назад. "Такой приказ я не буду выполнять!" – заявил Гривин и схватился за эфес своей шашки. Я повторил приказание. Он вторично отказался его исполнить. После этого я выстрелил в генерала несколько раз. Он повалился мертвым".

- Очень прискорбный факт, но иначе вы и не могли поступить, – сказал Каппель.

- Я тут же сел за стол, – продолжал Войцеховский, – и написал:

"Вступив в командование Северной группой, приказываю занять деревню Х., чтобы выровняться со своими левыми соседями". Назначил командующим группы бывшего начальника штаба и поехал к вам.

БУНТ БАРАБИНСКОГО ПОЛКА ПОД КОМАНДОЙ ПОЛКОВНИКА ИВАКИНА

Через 2-3 дня после доклада генерала Войцеховского штаб 3-й армии на рассвете подходил к станции Новониколаевск. Вследствие затора на железнодорожных путях эшелон Каппеля стоял недалеко от семафора. Со станции была слышна перестрелка; там должен был стоять на путях эшелон командующего 2-й армией генерала Войцеховского. Еще не рассвело, было почти темно, с неба падал снег или какая-то снежная крупа.

Желая скорее выяснить, в чем дело, Каппель, его адъютант прапорщик Борженский и я вышли из вагона и пешком направились вдоль стоявших составов на станцию, в штаб 2-й армии.

В полумраке, когда стрельба уже почти стихла, мы добрались до штаба 2-й армии. Каппелю доложили, что сибирский Барабинский полк 1-й армии генерала Пепеляева взбунтовался и пытался арестовать генерала Войцеховского. Но неподалеку находились теплушки польских частей, которые вовремя этот бунт ликвидировали. Арестованный командир Барабинского полка полковник Ивакин при попытке бежать был пристрелен.

Думая, что эшелон Верховного правителя находится на станции Новониколаевск, Каппель прошел на станцию, но Верховного правителя там не оказалось, так же, как и эшелона штаба фронта генерала Сахарова. Они были еще ночью отправлены на восток.

На станции Новониколаевск и в городе на видных местах красовался на листах большого размера приказ о геройском подвиге генерала Войцеховского, застрелившего генерала Гривина. Приказ был подписан командующим фронтом генералом Сахаровым. Хорошо помню, что этот приказ на Каппеля произвел удручающее впечатление, и он мог только сказать:

- Что они делают? Уж если случилось такое несчастье, так лучше бы постарались его не рекламировать. Этот приказ вызовет отрицательное настроение в нашей армии. И как будут злорадствовать большевики! Какая благодатная почва для агитации против нас!

Вторично Каппель получил телеграмму от Верховного правителя о желании личного свидания на станции Тайга.

АРЕСТ ГЕНЕРАЛА САХАРОВА ПЕПЕЛЯЕВЫМ НА СТАНЦИИ ТАЙГА

В этот же день был выделен салон-вагон, одна теплушка и один паровоз, в которых должны были следовать на станцию Тайгу генерал Каппель, я, несколько ординарцев и прислуга. Выбраться со станции Новониколаевск удалось только к вечеру и прибыть на станцию Тайгу на другой день утром. Нам сообщили, что эшелон Верховного правителя только что вышел на восток (на станцию Судженку, 37 верст от Тайги).

Каппель и я направились к поезду штаба фронта генерала Сахарова. Каппель числился временным заместителем и поста главнокомандующего еще не принимал.

Эшелон главнокомандующего генерала Сахарова, к нашему изумлению, был оцеплен войсками 1-й армии генерала Пепеляева, и вход в вагоны (а также и выход из них) был запрещен по приказу командующего 1-й Сибирской армией генерала Пепеляева.

Отыскивали салон-вагон, занятый генералом Пепеляевым. Каппель вошел туда один. Там он встретил министра Пепеляева, поздоровавшись с которым, просил его информировать о положении дел и задал ему вопрос: "По чьему приказу арестован главнокомандующий фронтом?". Министр Пепеляев довольно возбужденно начал объяснять Каппелю: "Вся Сибирь возмущена этим вопиющим преступлением, как сдача в таком виде Омска, кошмарная эвакуация и все ужасы, творящиеся на линии железной дороги повсюду. Чтобы успокоить общественное мнение, мы решили арестовать виновника и увезти его в Томск (там стоял штаб 1-й Сибирской армии) для предания суду".

Генерал Каппель, взволнованный, не дал ему закончить и резко прервал его:

- Вы, подчиненные, арестовали своего главнокомандующего? Вы даете пример войскам, и они завтра же могут арестовать и вас. У нас есть Верховный правитель, и генерала Сахарова можно арестовать только по его приказу!

(Каппель в данном случае предсказал точно. Генерал Пепеляев не доехал до Томска в свой штаб. 1-я армия взбунтовалась, и генералу Пепеляеву на середине дороги из Тайги в Томск пришлось покинуть свой салон-вагон и с небольшой группой приближенных идти на восток, включившись в общую отходящую ленту).

Сказав это, генерал Каппель повернулся и вышел из вагона. Мы пошли на станцию и по дороге увидели хвост эшелона литеры Д., задний вагон которого сошел с рельс. Начальник рекомендовал отцепить сошедший с рельс вагон, а эшелон отправить дальше. Но когда до служащих станции дошел слух, что на станцию прибыл генерал Каппель, эшелон Д. с государственным золотом ушел вслед за эшелонном Верховного правителя, и вагон с золотом был быстро поставлен на рельсы...

На станции Каппель написал приказ генералу Войцеховскому и начальнику кавалерийской бригады 3-й армии на случай его, Каппеля, ареста генералом Пепеляевым. Этот приказ я должен был доставить по назначению и рассказать то, что произошло.

Нам сообщили, что Верховный правитель еще не прибыл на станцию Судженку. Мы временно расстались. Каппель ушел в свой вагон, а я, смешавшись с бурлящим морем переполнивших станцию разношерстных людей, стал наблюдать за нашим вагоном. Через несколько минут в него быстро вошел генерал Пепеляев (ему тогда было 28 лет). Потом Каппель мне рассказал, что пришедший и сильно взволнованный генерал Пепеляев заявил:

- Арестовать главнокомандующего действительно можно только по приказу Верховного правителя, и мы просим помочь нам достать этот приказ.

Генерал Пепеляев радостно приветствовал Каппеля и чуть ли не со слезами повторял ему: "Владимир Оскарович, только на вас одного теперь вся надежда!..".

Позже оцепление было снято, но – после свидания Каппеля с Верховным правителем (о чем будет сказано позже). Верховный правитель теперь уже Каппелю отдал

приказ: доставить генерала Сахарова в Иркутск, где военная комиссия во главе с генералом Бутурлиным должна была вести следствие и разбор всей деятельности генерала Сахарова на посту главнокомандующего.

ЛИЧНАЯ ПЕРЕПИСКА ГЕНЕРАЛА КАППЕЛЯ

Мне, изрядно изнуренному тифами и еще не вполне оправившемуся от них, Каппель не мог поручить какую-нибудь строевую должность. К тому же у меня сильно расстроилось зрение, и я сидел, редко выходя из вагона. Все же Каппель просил меня заняться его личной перепиской, так как частных писем накопилась большая груда. Большею частью это были просьбы о помощи от жен или родственников, потерявших связь с ушедшими в белую армию бойцами.

Многим была оказана помощь из штаба 3-й армии, а также многим Каппель помогал из личных средств – получаемого им жалованья, которое он расходовал до последней копейки, никому не отказывая.

Среди писем я нашел сообщение от его детей, которые из Кургана переселились в Иркутск, где были зачислены на военный паек, получаемый в очень небольших размерах, и переносили настоящую нужду: им не хватало белого хлеба, сахара и других продуктов. Писала мать жены генерала Каппеля, которая вместе со своим таким же престарелым мужем, как и сама, присматривала за малолетними детьми. Письмо было от 2-4 ноября. Я составил телеграмму командующему Иркутским военным округом – сделать распоряжение о выдаче семье генерала Каппеля 10 тысяч рублей, и подал на подпись Каппелю. Он пришел в ужас и никак не хотел согласиться на такую большую сумму, не видя возможности в скором времени вернуть ее обратно. Пришлось уменьшить наполовину, и только тогда Каппель дал неохотно свою подпись.

Солдат, сопровождавший нас на станцию Тайга, разыскал жареного гуся, но мы не могли его купить, так как у нас не нашлось ста рублей за этого гуся.

СТАНЦИЯ СУДЖЕНКА

Кажется, 3-го декабря, в сильнейший мороз, рано утром, в сиреневом от мороза тумане прибыли мы на станцию Судженку, и наши два вагона остановились недалеко от здания станции. Была какая-то напряженная тишина.

На запасных путях стояли 4-5 эшелонов. Мы вышли из вагона и первого встречного спросили, где эшелон Верховного правителя. Через несколько путей мы направились к крайнему эшелону, около которого (плохо было видно из-за тумана) 3-4 офицера, видимо, совершали утреннюю прогулку. Когда мы стали подходить, то из этой группы услышали вопрос (потом оказалось, что это был Верховный правитель): "Скажите, а когда прибудет генерал Каппель?". Мы быстро подошли к этой группе, и Каппель, идя впереди и узнав адмирала Колчака, взял под козырек: "Разрешите явиться, я – генерал Каппель!"

Удивленный Верховный правитель, быстро подойдя к Каппелю, пожал ему руку и спросил: "А где же ваш конвой?" Каппель ответил, что он считает лишним в тылу своих войск иметь конвой и тем загромождать и без того забитую линию железной

дороги.

У Верховного правителя Каппель пробыл около 3-х часов. И когда Каппель выходил от него, Колчак вышел проводить его. Пожимая обеими руками руку Каппеля, адмирал сказал: "Только на вас, Владимир Оскарович, вся надежда".

И по щеке адмирала Колчака, возможно, от мороза, скатилась крупная слеза...

Потом, когда Каппель пришел в свой вагон, он долго рассказывал мне о разговоре с Верховным правителем уже во время хода нашего поезда обратно на станцию Тайгу. Он показал приказ Верховного правителя об аресте генерала Сахарова и о назначении комиссии для производства дознания по его деятельности.

Когда Каппель доложил об аресте Пепеляевым генерала Сахарова, Верховный правитель был очень удивлен и сказал: "А генерал Пепеляев был так любезен, что дал мне свой бронепоезд сопровождать меня со станции Тайги. (Бронепоезд был с половины дороги возвращен на станцию Тайгу – видимо, после прибытия туда генерала Каппеля).

Во время разговора Верховный правитель предложил Каппелю взять несколько ящичков золота (на всякий случай) из эшелона литеры Д. Однако, Каппель от этого уклонился, сказав, что золото его свяжет, и дал совет Колчаку ближе держаться к своим войскам, чтобы армия чувствовала его присутствие.

Адмирал ответил, что дорога и он лично охраняются союзниками, у которых достаточно для этого сил, так что он об этом не беспокоится.

ОПЯТЬ СТАНЦИЯ ТАЙГА

Прибыв на станцию Тайгу, Каппель рассказал о разговоре относительно ареста генерала Сахарова. Но, кроме этого (говорил не генерал Пепеляев, а его брат, премьер-министр, который потом был расстрелян большевиками в Иркутске вместе с Колчаком), Пепеляев доказывал Каппелю, что гражданская война с большевиками в общероссийском масштабе с падением Омска закончена. Теперь идет борьба за области, в данном случае за Сибирь. Возглавлять эту борьбу теперь должны сибиряки, также и стоять во главе войск.

Каппель не без волнения возразил: "Прежде чем на это решиться, нужно считаться с действующей армией, большинство которой – не сибиряки. Среди армии есть много добровольцев-волжан, которым дорога вся Россия в целом. Захотят ли они защищать вашу Сибирь – нужно прежде всего спросить их...".

ПОСЛЕ АРЕСТА ГЕНЕРАЛА САХАРОВА

Несмотря на привезенный Каппелем приказ об аресте генерала Сахарова (от 3-го декабря 1919 года), все же Пепеляевы решили отцепить его вагон от штаба фронта и увезти его в Томск. Большого труда стоило Каппелю доказать Пепеляевым, что они не имеют права это сделать. И можно сказать, что Каппелю генерал Сахаров обязан своей жизнью, так как озлобление против него было большое, и живым он оттуда не вернулся бы.

Но к этому необходимо добавить и то, что у самого Каппеля на станции Тайга абсолютно не было реальной силы, ибо все они были еще далеко.

Со станции Тайга генерал Пепеляев уехал в Томск, до которого не добрался. Его брат, министр Пепеляев, поехал на восток.

Возвратившись с Судженки от Верховного правителя, Каппель включился в эшелон штаба фронта, как главнокомандующий армиями восточной окраины, и стал передвигаться на восток.

МАРИИНСК, ДЕКАБРЬ 1919 г.

Медленно, с остановками тянулось на восток в несколько рядов вдоль линии железной дороги бесчисленное количество саней, всевозможных повозок и плохо одетых пеших и конных людей, оставляя по бокам вехи в виде брошенных и обессиленных или издыхающих лошадей.

Эшелон штаба фронта пришел на станцию Мариинск, забитую всевозможными поездами, двигавшимися на восток. Получено сообщение, что бывшее в городе начальство уже несколько дней как выехало из города. И теперь управляет городом и районом вновь сформированное представительство от земства, у которого в городе как раз происходит собрание-митинг. Было 5 часов вечера, до города от станции – 3 версты. Каппель приказал приготовить пару запряженных коней, забрал меня, и мы немедленно поехали на собрание без всякой охраны и предупреждений. Там нас никто не ждал.

В небольшом зале за столом сидело человек 10-12. При нашем появлении произошло большое замешательство, когда Каппель назвал себя. Присутствующие, толкая друг друга, быстро начали вставать и гурьбой направились к выходу. Каппелю удалось задержать нескольких из них и наскоро объяснить, что бояться им нечего. В общем, повторилась та же картина, что была в шахте на Аша-Балашовской.

Когда волнение немного успокоилось, и собиравшиеся уходить вернулись, Каппель поблагодарил их, как русских людей, за то, что они организовались и взяли на себя заботу о Мариинском районе. Он объяснил им, что в данный момент сюда приходит армия, поэтому, естественно, и вся власть в районе должна перейти к воинским организациям и т.д. К этому времени все земские представители вернулись на свои места.

На следующий день делегация от земства явилась к Каппелю с хлебом-солью и большим списком того, что имеется у них на складах нужного для проходящей армии. И действительно, проходящие войска были снабжены полностью продуктами питания, а многие получили теплые вещи, полушубки, валенки и белье.

Через три дня эшелон штаба фронта должен был уходить дальше, а на его место пришел штаб 2-й армии генерала Войцеховского. Его тоже встретила делегация с хлебом-солью от земских представителей. Войцеховский объявил, что район Мариинска находится в ведении воинских частей, и прибавил: "Если вы будете чинить проходящим войскам препятствия, то я вас всех повешу!"

Потом рассказывали, что земских представителей было невозможно отыскать, а опустевшие склады были брошены...

АЧИНСК

Это довольно большая сибирская станция. Все ее пути были забиты самыми разнообразными эшелонами до предела – эшелонами, ожидавшими своей очереди отправки на восток. Некоторые из них стояли уже несколько дней; колеса некоторых вагонов примерзли от вытекавшей грязной воды. Масса людей сновала туда и сюда через вагонные площадки или прямо под вагонами. В общем, несмотря на мороз, станция походила на большой муравейник в летнее время.

В восточном углу тупиков чехи заканчивали погрузку своих эшелонов. Их лошади стояли неподалеку привязанными к коновязям, а их совсем невоенный груз укладывался в товарные вагоны.

Эшелон штаба фронта стоял на восток от центра. Немного позади его центра с левой стороны стояли три цистерны с бензином. Через несколько путей, к северу от цистерн, в самом центре стоявших эшелонов стояло два вагона с черным порохом, ранее предназначенным для камчатских охотников. С другой стороны цистерн с бензином неподалеку стоял эшелон, принадлежавший 1-й Сибирской армии (генерала Пепеляева), с каким-то странным наименованием "эшелон особого назначения", под начальством капитана Зубова. Этот капитан Зубов по каким-то соображениям устроил "товарообмен" оружия (винтовок и револьверов) на черный порох, причем порох был упакован в бочках, неудобных для переноски. И было решено порох насыпать в мешки прямо под вагонами и под цистернами. А так как мешки не были достаточно прочными, то порох из них просыпался на снег, образуя черную дорогу, об опасности которой не задумывались участники обмена.

ВЗРЫВ

Цистерны стояли от нас примерно на расстоянии 20 вагонов сзади нашего вагона. Я шифровал телеграмму на небольшом столике близ окна. К главнокомандующему (генералу Каппелю) приходили с очередными докладами начальники воинских частей и чины штаба. Был обычный для того времени рабочий день штаба. Но в 12 часов дня или немного позднее я услышал короткий гул, а затем один за другим два оглушительных громовых раската, отчего толстые стекла окон салон вагона, разбитые на осколки, влетели внутрь вместе с рамами. Находясь близко от окна, я силой влетевшего от взрыва воздуха буквально втиснулся лицом в стол, получив удары по голове от разбитых стекол.

Первое, что я услышал сквозь грохот и лязг летевших во все стороны тяжелых вещей, был довольно спокойный голос Каппеля: "Вася, ты жив? Дай мою винтовку!"

Я шифровал телеграмму в его личном купе, где на ближайшем от койки крючке всегда висела его винтовка. Я взял винтовку и, переступая через лежавшие на полу оконные рамы, передал ее Каппелю, который уже выходил из вагона. И пока мы вышли и спустились с высоких подножек вагона на снег, прошло некоторое время. Но мы видели, как сверху с большой высоты летели издававшие странный вой тяжелые двери теплушек и обломки вагонов.

Нам пришлось плотно прижаться к вагонам нашего поезда, чтобы не быть раздавленными валившимися сверху тяжелыми частями взорванных вагонов. Двери товарных вагонов, падавшие с молниеносной быстротой углом, на наших глазах взрхляли промерзшую землю на аршин и больше глубины.

Жар от ревушего пламени, устремлявшегося на несколько саженей к небу, заставил нас вернуться к задней части нашего эшелона и обернуться туда, где справа и слева были нагромождены в несколько рядов горящие вагоны (теплушки), набитые корчившимися от огня еще живыми людьми – ранеными и тифозными.

От горячей груды вагонов загорелись и другие уцелевшие от взрыва вагоны, наполненные больными, ранеными и просто беженцами, оглушенными взрывом.

Генерал Каппель дал распоряжение железнодорожникам отцепить уцелевшие от огня составы вагонов и вывести их из сферы всепожирающего огня.

Конвой штаба фронта, состоявший из 70 человек, почти целиком погиб, находясь в вагонах близко от взрыва. Сзади нас уцелело с разбитыми окнами 17 вагонов из нашего состава. Остальные все погибли.

Допуская возможность выступления местных большевиков, Каппель приказал мне отправиться в город Ачинск (3 версты от станции) и вызвать добровольческую конную бригаду, в которой мы (Каппель и я) были утром, и все чины которой произвели на нас очень хорошее впечатление. Особенно толковым был их командир (фамилию его я забыл). Телефон, конечно, не действовал, так как здание станции было почти разрушено, с зияющими отверстиями вместо окон и дверей.

Пробираясь через пути, я увидел несколько тревожно бродящих сорвавшихся с коновязи чешских лошадей. Поймав одну из более доверчивых, я сел на нее без седла, в одном недоуздке, и направил бедного коня по кратчайшей дороге к городу, применив все дозволенные и недозволенные способы к развитию его предельной скорости.

Подъезжая к зданию, где располагался штаб бригады, я увидел всю бригаду готовой к действию. Я наскоро объяснил, в чем дело, и получил другого оседланного коня, так как доставивший меня конь еле стоял на трясущихся ногах.

Ускоренным аллюром мы прибыли к месту взрыва и быстро разыскали генерала Каппеля, который и отдал нужные распоряжения командиру Добровольческой бригады.

Огонь, бушевавший, когда я уезжал, значительно утих, хотя вагоны еще продолжали гореть, и в прогоревших отверстиях были видны корчившиеся в предсмертных муках люди. Помочь им было некому, и прибывшая добровольческая бригада быстро организовала помощь.

БЕСЧИНСТВА ЧЕХОВ

Ачинский взрыв еще не был ликвидирован, как отовсюду с линии железной дороги стали поступать жалобы на бесчинства чехов. Они забирали не принадлежавшее им

топливо, запрещали русским брать воду на станциях, отбирали у русских эшелоны и исправные паровозы и так далее.

Наконец, со станции Нижнеудинск генерал Каппель получил известие, что чехи силою забрали два паровоза из эшелона Верховного правителя, который отдельной телеграммой просил Каппеля повлиять на чехов, чтобы они прекратили подобное самоуправство.

Не имея под рукой свободных воинских частей, чтобы воздействовать на чехов, генерал Каппель решил просто пожертвовать собой: в ультимативной форме он потребовал от генерала Сырового, главнокомандующего чешскими войсками, немедленного отдания приказа – прекратить чешские безобразия и пропустить эшелон Верховного правителя на восток, в противном случае он вызывает Сырового на дуэль.

"Генералу Сыровому, копия Верховному правителю, председателю Совета министров, генералу Жанену и Ноксу, Владивосток, главнокомандующему японскими войсками генералу Оой, командирам 1-й сибирской, 2-й и 3-й армий. Командующему войсковых округов: Иркутского – генералу Артемьеву, Приамурского – генералу Розанову и Забайкальского – атаману Семенову.

"Сейчас мною получено извещение, что вашим распоряжением об остановке движения всех русских эшелонов задержан на станции Красноярск поезд Верховного правителя и Верховного главнокомандующего всех русских армий, с попыткой отобрать силой паровоз, причем у одного из его составов даже арестован начальник эшелона".

"Верховному правителю и Верховному главнокомандующему нанесен ряд оскорблений и угроз, и этим нанесено оскорбление всей русской армии. Ваше распоряжение о не пропуске русских эшелонов есть ни что иное, как игнорирование интересов русской армии, в силу чего она уже потеряла 120 составов с эвакуированными ранеными, больными, женами и детьми сражающихся на фронте офицеров и солдат".

"Русская армия хотя и переживает в настоящее время тяжкие испытания боевых неудач, но в ее рядах много честных, благородных офицеров и солдат, никогда не поступавших своею совестью, стоя не раз перед лицом смерти от большевицких пыток. Эти люди заслуживают общего уважения, и такую армию и ее представителя оскорблять нельзя".

"Я, как главнокомандующий армиями Восточного фронта, требую от вас немедленного извинения перед Верховным правителем и армией за нанесенное вами оскорбление и немедленного пропуска эшелонов Верховного правителя и председателя Совета министров по назначению, а также отмены распоряжения об остановке русских эшелонов".

"Я не считаю себя вправе вовлекать измученный русский народ и его армию в новое испытание, но если вы, опираясь на штыки тех чехов, с которыми мы вместе выступали и, уважая друг друга, дрались в одних рядах во имя общей цели, решились нанести оскорбление Русской армии и ее Верховному главнокомандующему, то я, как главнокомандующий русской армии, в защиту ее чести и достоинства, требую от вас удовлетворения путем дуэли со мной. N 333. Главнокомандующий армиями

Восточного фронта, Генерального штаба генерал-лейтенант Каппель".

На эту телеграмму ответа не было. Бесчинства чехов продолжались.

ПРЕДАТЕЛЬСТВО ГЕНЕРАЛА ЗИНЕВИЧА

Помимо сведений о чешских безобразиях, генерал Каппель получил другие грустные сведения. Стало известно, что некоторые воинские части Красноярского гарнизона (куда шла теперь вся армия) во главе с генералом Зиневичем перешли на сторону большевиков. К нашему прибытию на станцию Минино или Зелеево (точно не помню) телеграфная связь еще не была нарушена, и из Красноярска со мной часто разговаривал инженер (бывший министр путей сообщения) Устрялов. Он подробно сообщал, что происходило в городе.

На улицах открыто появились части повстанческого отряда Щетинкина. Остатки белых частей спрятались, кто куда мог. Генерал Зиневич в своих выступлениях на митингах явно подыгрывался к большевикам, которые, впрочем, мало ему доверяли. Солдаты митинговали и призывали к миру с большевиками. Несогласных арестовывали.

В 20-х числах декабря (1919 года) генерал Зиневич вызвал генерала Каппеля по прямому проводу. Каппель был занят с генералом Петровым и на мое сообщение о Зиневиче просил меня временно начать разговор. Телеграфное отделение было в соседнем вагоне. После обычных генеральских приветствий у некоторой паузы на телеграфной ленте появился вопрос: "Когда же вы наберетесь мужества и решите бросить эту никчемную войну? Давно пора выслать делегатов к советскому командованию для переговоров о мире".

Я не нашелся, что ответить, сказал телеграфисту, что "аппарат испорчен", просил обождать и пошел с докладом к Каппелю. Возмущенный Каппель внимательно просмотрел телеграфную ленту, пока аппарат шел впустую, и стал диктовать ответ, смысл которого был таков: "Вы, взбунтовавшиеся в тылу, ради спасения собственной шкуры готовы предать и продать своих братьев, борющихся за благо Родины. И прежде чем посылать делегатов для переговоров о мире, нужно иметь их согласие – захотят ли они мириться с поработителями Родины...".

Закончил генерал Каппель диктовку словами: "С предателями Родины я не желаю разговаривать".

Потом было сообщено, что большевики расстреляли в Красноярске много офицеров и самого генерала Зиневича.

ОБХОД КРАСНОЯРСКА

Атака Красноярска подошедшими частями не имела успеха. Наступавшими белыми частями вышедший со станции польский бронепоезд (с бело-красным флагом) был принят за бронепоезд восставших в Красноярске или даже за партизанский бронепоезд Щетинкина, и цепи наступавших остановились. Мешала операции и плохая связь между наступавшими группами.

Пришлось обходить город с юго-запада и севера. Связь с 3-й армией, с настоящими каппелевцами, временно была утеряна. На другие части полагаться было рискованно. Пришлось выгрузиться из эшелона штаба фронта и двигаться походным порядком, в обход Красноярска. А так как ачинским взрывом был уничтожен целиком весь конвой главнокомандующего, известный всем атаман Иванов-Ринов, занимавший пост помощника главнокомандующего по административной части и имевший свою личную конвойную сотню, любезно предложил ее Каппелю. Штаб главнокомандующего выгрузился на станции Мидино, чтобы обходить Красноярск.

После некоторой суматохи и беспорядочной перестрелки с какими-то отрядами, шедшими из Красноярска, мы, в конце концов, обойдя город, выбрались к Енисею и по льду реки, по хорошо наезженной дороге двигались в направлении деревни Есаулово. Атаман Иванов-Ринов со своим казначеем держались в стороне, и так как наши лошади двигались медленно, то мы решили, что он со своим казначеем решил подкормить лошадей, отъехав на берег к небольшому стогу сена.

Мы двигались дальше, и недалеко от деревни Есаулово нас окликнули дозорные. Разобравшись, что это были драгуны 1-й кавалерийской дивизии, мы втянулись в деревню и расположились по избам. Вскоре было обнаружено исчезновение атамана Иванова-Ринова; посланные его разыскивать вернулись ни с чем. Потом, когда мы добрались до Читы, там был слух, что Иванов-Ринов погиб, о нем жена служила панихиду и позже уехала в Японию. А вскоре в Читу с чешским эшелоном прибыл с паспортом персидского подданного сам Иванов-Ринов и был правой рукой у атамана Семенова.

ДЕРЕВНИ ЧИСТООСТРОВСКАЯ И ПОДПОРОЖНАЯ И ДВИЖЕНИЕ ПО РЕКЕ КАН

6-го или 7-го января 1920 года в деревне Чистоостровской было созвано совещание начальников отдельных частей. По имеющимся сведениям было известно, что железная дорога от города Красноярска и на восток была в руках красных. На станции Клюквенной красные атаквали проходившие обозы и зверски расправились со всеми, кто там находился.

Решено было сделать обход севернее, пройдя по льду замерзшего Енисея. Этот поход иногда задерживался короткими стычками с местными повстанцами. Во время одной из таких стычек шедший немного сзади командир симбирских улан был так нервно потрясен, что до соприкосновения с противником приказал погрузить полковое знамя под лед Енисея.

Дойдя до деревни Подпорожной, Каппель созвал военное совещание начальников двигавшихся по этому пути частей. Они раскололись на две группы: одна настаивала двигаться по Енисею дальше на север почти до самого Енисейска, чтобы сделать глубокий обход по Северной Ангаре, что удлиняло наш путь на восток по снежной и почти безлюдной пустыне на 2000 верст. Другая группа, во главе с генералом Каппелем, допускала обход только по реке Кан, впадающей в Енисей около деревни Подпорожной.

Генерал Каппель горячо отстаивал этот второй вариант, предоставляя возможность желающим идти северным путем. При этом он сказал: "Если нам суждено погибнуть, то лучше здесь, чем забиваться на север, где климат более суровый...".

Первая группа во главе с генералом Перхуровым и Галкиным продолжала движение на север по льду Енисея. Вторая группа во главе с генералом Каппелем стала спускаться по крутому, почти отвесному берегу порожиистой и местами (несмотря на январь) еще не замерзшей реки Кан, зажатой местами отвесными ущельями гор, покрытых непроходимой дикой тайгой.

Обыкновенно зимой таежные охотники проезжали по льду реки до первой деревни Барги, 90 верст от деревни Подпорожной.

Передовым частям, с которыми следовал сам Каппель, спустившимся по очень крутой и длинной поросшей большими деревьями дороге, представилась картина ровного, толщиной в аршин, снежного покрова, лежащего на льду реки. Но под этим покровом по льду струилась вода, шедшая из незамерзающих горячих источников с соседних сопок. Ногами лошадей перемешанный с водой снег при 35-градусном морозе превращался в острые бесформенные комья, быстро становившиеся ледяными. Об эти обледеневшие бесформенные комья лошади портили себе ноги и выходили из строя. Они рвали себе надкопытные венчики, из которых струилась кровь.

В аршин и более толщины снег был мягким, как пух, и сошедший с коня человек утопал до воды, струившейся по льду реки. Валенки быстро покрывались толстым слоем примерзшего к ним льда, отчего идти было невозможно. Поэтому продвижение было страшно медленным. А через какую-нибудь версту сзади передовых частей получалась хорошая зимняя дорога, по которой медленно, с долгими остановками, тянулась бесконечная лента бесчисленных повозок и саней, наполненных самыми разнообразными плохо одетыми людьми.

Незамерзающие пороги реки проходило объезжать, прокладывая дорогу в непроходимой тайге.

Через 4-5 верст по Кану проводники предупредили генерала Каппеля, что скоро будет большой порог и, если берега его не замерзли, то дальше двигаться будет нельзя, вследствие высоких и заросших тайгой сопок. Каппель отправил приказание в тыл движущейся ленты, чтобы тяжелые сани и сани с больными и ранеными временно остановить и на лед не спускаться, чтобы не очутиться в ловушке, если порог окажется непроходимым.

При гробовой тишине пошел снег, не перестававший почти двое суток падать крупными хлопьями; от него быстро темнело, и ночь тянулась почти без конца, что удручающе действовало на психику людей, как будто оказавшихся в западне и двигавшихся вперед полторы-две версты в час.

Идущие кое-как прямо по снегу, на остановках, как под гипнозом, сидели на снегу, в котором утопали их ноги. Валенки не пропускали воду, потому что были так заморожены, что вода при соприкосновении с ними образовывала непромокаемую ледяную кору. Но зато эта кора так тяжело намерзала, что ноги отказывались двигаться. Поэтому многие продолжали сидеть, когда нужно было идти вперед, и, не в силах двинуться, оставались сидеть, навсегда засыпаемые хлопьями снега.

Сидя еще на сильной, скорее упряжной, чем верховой лошади, я подъезжал к сидящим на снегу людям, но на мое обращение к ним встать и идти некоторые ничего не отвечали, а некоторые, с трудом подняв свесившуюся голову, безнадежно,

почти шепотом отвечали: "Сил нет, видно, придется оставаться здесь!" И оставались, засыпаемые непрекращающимся снегопадом, превращаясь в небольшие снежные бугорки...

Генерал Каппель, жалея своего коня, часто шел пешком, утопая в снегу так же, как другие. Обутый в бурочные сапоги, он, случайно утонув в снегу, зачерпнул воды в сапоги, никому об этом не сказав. При длительных остановках мороз делал свое дело. Генерал Каппель почти не садился в седло, чтобы как-то согреться на ходу.

Но тренированный организм спортсмена на вторые сутки стал сдавать. Все же он сел в седло, через некоторое время у него начался сильнейший озноб, и он стал временами терять сознание. Пришлось уложить его в сани. Он требовал везти его вперед. Сани, попадая в мокрую кашу из снега и воды, при остановке моментально вмерзали, и не было никаких сил стронуть их с места. Генерала Каппеля, бывшего без сознания, посадили на коня, и один доброволец (фамилии его не помню), огромный и сильный детина на богатырском коне, почти на своих руках, то есть поддерживая генерала, не приходившего в себя, на третьи сутки довез его до первого жилища, таежной деревни Барги – первого человеческого жилища, находившегося в 90 верстах от деревни Подпорожной, которые мы прошли в два с половиной дня, делая в среднем не более двух с половиной верст в час.

Я сам мало в чем принимал участие, так как был сильно ослаблен этим переходом, еще не оправившись от перенесенных тифов, и, очутившись в жилище, ничего не сознавая, почти упал на чью-то кровать.

ДЕРЕВНЯ БАРГА

Бесчувственного генерала Каппеля внесли в дом, раздели, положили в кровать. Ноги его, от колен и ниже, затвердели, как камень. Случайно оказавшийся с нами доктор был без аптеки и инструментов. Осмотрев растираемые снегом ноги больного генерала, он нашел, что у него обморожены пятки и некоторые пальцы на ногах, и их нужно срочно ампутировать. И не найдя ничего нужного в заброшенной деревне, ампутацию доктор произвел простым ножом.

Очнувшись ненадолго, генерал Каппель тихо спросил: "Доктор, почему такая адская боль?"

Скоро после операции Каппелю стало легче. Слегка приподнявшись на кровати, он приступил к организации порядка движения, отдавая необходимые распоряжения.

В деревне Барге у богатого мехопромышленника нашли удобные сани, в которые предполагалось уложить больного генерала для дальнейшего движения, когда утром доложили ему об этом, он сказал: "Это напрасно, дайте мне коня!" На руках мы вынесли его из избы и посадили в седло. И все двигавшиеся по улице были приятно удивлены, увидев своего начальника на коне, как обычно.

Вставать на ноги и ходить Каппель не мог, так что, приходя на ночлег, мы осторожно снимали его с седла, вносили в избу, клали на кровать, а доктор делал ему очередную перевязку. Так продолжалось несколько дней. В нашей группе в санях следовали профессора Генерального штаба: генералы Филатьев, Рябиков и другие.

Через 8-10 дней после выхода из деревни Барги состояние Каппеля стало ухудшаться. У него пропал аппетит, временами был сильный жар, а у трех-четырех докторов, следовавших в общем движении, не оказалось термометра. Также термометра не нашлось и в попутных деревнях. Доктора все свое внимание сосредоточили на больных ногах генерала Каппеля и совсем упустили из вида его покашливание и то, что как-то, когда я помогал ему одеваться, он потерял сознание. Его уложили в сани, в которых он ехал несколько дней.

УК

Почти каждый день повстанцы – красные партизаны – пытались нас обстреливать. Но так как они были плохими стрелками, урона они нам не приносили, обыкновенно быстро разбегаясь и укрываясь в лесу или в деревне.

Однажды при выходе из деревни наши передовые части были сильно обстреляны с ближайшего перекрестка дорог. Нашим бойцам пришлось выйти из саней и повести наступление по глубокому снегу. Было убито трое повстанцев-партизан, трупы которых валялась прямо на дороге. А так как объезжая их, можно было утонуть в глубоком снегу, то движение продолжалось прямо через трупы убитых повстанцев. Каким-то особенным звуком визжали железные полозья проходивших саней по зубам трупов. Этот звук, несмотря на полное тогда ко всему равнодушие, остался и до сих пор мною не забытым...

Верстах в 30-35 перед городком Нижнеудинском был большой бой с красными повстанцами около селения Ук. Повстанцы в конце концов все разбежались, оставив на месте боя около 30 трупов.

В селении Ук умер от тифа всеми любимый и уважаемый начальник Самарской дивизии генерал Имшенецкий. Он был примером доблестного и честного воина и пошел на войну с большевиками со всеми своими сыновьями.

НИЖНЕУДИНСК

Город Нижнеудинск был занят нами после короткого столкновения с красными.

Генерал Каппель пригласил к себе на совещание начальников отдельных частей. Утром у него была высокая температура. А когда он одевался перед совещанием, то снова лишился сознания и даже стал бредить. Скоро к нему пришел бывший главнокомандующий генерал Сахаров, находившийся не у дел, и просил назначить его командующим 3-й армией.

После этого визита ослабевшего генералу Каппелю стало еще хуже, и во время совещания, на котором обсуждались разные вопросы – о порядке движения, о назначениях и т.д. – генерал Каппель все время пролежал в кровати. На собрании было много разных лиц – многих из них я забыл...

Когда Каппель, уже ночью, немного стал приходиться в себя, он заговорил об этом совещании, делая свои выводы относительно присутствовавших, и закончил: "А я больше всех доверил бы генералу Молчанову: в его глазах еще светится искра Божия!"

СМЕРТЬ ГЕНЕРАЛА КАППЕЛЯ

После Нижнеудинска ось движения шла по линии железной дороги – на ней сплошной лентой двигались на восток эшелоны, большей частью чешские. Я часто подъезжал к ним, так как они подолгу стояли, где попало, с целью информации, которую давали начальники эшелонов, обычно сами знающие очень мало. Но когда они узнавали, что мы следуем с тяжело больным Каппелем, то наперебой предлагали место для больного в эшелонах, гарантируя секретность и безопасность. Чехи вообще относились к генералу Каппелю с большим уважением. Многие знали его еще по волжским боям.

Но когда я уговаривал Каппеля лечь в чешский эшелон, он категорически отказывался, хотя чехи предлагали места для проезда с больным для двух-трех сопровождающих. На все мои доводы генерал Каппель отвечал, что в такой тяжелый момент он не оставит армию, а если ему суждено умереть, то он готов умереть среди своих бойцов. Закончил он фразой: "Ведь умер генерал Имшенецкий среди своих... И умирают от ран и тифа сотни наших бойцов!" После этого говорить с ним на эту тему было бесполезно.

20-го или 21-го января 1920 года, чувствуя, что силы его оставляют, Каппель отдал приказ о назначении генерала Войцеховского главнокомандующим армиями Восточного фронта. В последующие 2-3 дня больной генерал сильно ослабел. Всю ночь 25-го января он не приходил в сознание.

На следующую ночь наша остановка была в доме железнодорожного смотрителя. Генерал Каппель, не приходя в сознание, бредил армиями, беспокоясь за фланги, и, тяжело дыша, сказал после небольшой паузы: "Как я попался! Конец!".

Не дождавшись рассвета, я вышел из дома смотрителя к ближайшему стоявшему эшелону, в котором шла на восток вместе с чешскими войсками румынская батарея имени Марашети. Я нашел батарейного врача К. Данец, который охотно согласился осмотреть больного и захватил нужные принадлежности. Быстро осмотрев больного генерала, он сказал: "Мы имеем один патрон в пулемете против наступающего батальона пехоты. Что мы можем сделать?". И тут же тихо добавил: "Он умрет через несколько часов".

У генерала Каппеля было, по определению доктора К. Данец, двухстороннее крупозное воспаление легких. Одно легкое уже не было, а от другого оставалась небольшая часть. Больной был перенесен в батарейный лазарет-теплушку, где он через шесть часов, не приходя в сознание, умер.

Было 11 часов 50 минут 26-го января 1920 года, когда эшелон румынской батареи подходил к разъезду Утай, в 17 верстах от станции Тулуна в районе города Иркутска.

ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ ОЗЕРО БАЙКАЛ

После смерти генерала Каппеля тело его было положено в деревянный гроб и поставлено в одну из теплушек румынского эшелона. Однако мне удалось перебраться из румынского в чешский эшелон, где у меня были знакомые. Но и этот

чешский эшелон, как и все, двигался черепашьям шагом на восток. На станции Иннокентьевской (перед Иркутском) нас догнали главные силы армии под командой генерала Войцеховского, и мне было предложено вместе с гробом генерала Каппеля присоединиться к войскам, сев в сани рядом с гробом. В Иркутске была советская власть, восставшие войска и разные партизаны-повстанцы. Власть была захвачена подпольными организациями большевиков и их попутчиков.

План генерала Войцеховского – захватить город атакой подошедших войск и этим, может быть, спасти арестованного Верховного правителя и многочисленных белых офицеров – был нарушен ультиматумом чешского командования, в котором указывалось, что если произойдет атака и бой за Иркутск, то чешские войска принуждены будут начать разоружение двигающихся вдоль железной дороги остатков белых армий. Выбора иного не было, как только обойти Иркутск.

На рассвете февральского утра 1920 года главные части Каппелевской армии (так она стала теперь называться после смерти генерала Каппеля), обойдя Иркутск справа и дойдя до деревни Лиственичной на берегу озера Байкала, стали спускаться на лед Байкала. Стоял жестокий мороз (до 35 и выше градусов), толщина льда доходила до трех с половиной футов. Снежной крупой и ветром поверхность льда была отполирована, как зеркало.

Вступившие на него кони со старыми подковами быстро падали и не имели уже сил подняться. Лед местами был так гладок, что без особых трудов упавшую лошадь можно было тянуть за гриву до места, где хоть немного было снега и была какая-то шероховатость. Там с помощью людей лошадь с большими усилиями вставала на ноги, но, пройдя небольшое расстояние до гладкого льда, снова беспомощно падала на зеркальной поверхности Байкала.

Так случилось и с довольно крупным конем, везшим сани с гробом Каппеля. Большинство сопровождавших его шло пешком. После нескольких падений и подниманий конь отказывался встать на ноги. Возникла проблема: что делать дальше с гробом?

Время от времени был слышен как будто приглушенный выстрел тяжелого орудия, сопровождавшийся каким-то подземным гулом. Это трескался в длину толстый лед Байкала, отчего на льду образовывались трещины шириной с фут и больше, в которых показывалась вода, выходя и замерзая в то же время.

Гроб следовал непосредственно за головным отрядом волжан под командой молодого генерала Николая Сахарова. Сопутствующие высказали предложение: спустить на дно под лед гроб с телом генерала Каппеля. Но большинство было решительно против этого. До Мысовой оставалось около 50-60 верст дороги по льду. Преодолеть это расстояние с плохо кованым конем, который часто падал, было невысказано.

Из собравшихся пеших и конных людей ко мне подъехал на очень маленькой лошадке, совсем неказистой, но бодро хрупавшей острыми шипами подков байкальский лед, один очень скромный доброволец – волжанин Самойлов – и предложил впрячь в сани его лошадь вместо беспомощно лежащего и не желающего вставать моего большого коня. Распрячь его не представляло труда. Но впрячь небольшую сибирскую лошадку в эту сбрую было нелегко, так как надетый на нее большой хомут своей нижней частью касался ее колен. Пришлось мобилизовать имеющиеся попоны, одеяла и прочее. И лошадка быстро потащила почти невесомые

сани с гробом и двумя сопровождающими.

Уже рассвело на той стороне (восточной) Байкала. И не совсем ясно вырисовывались небольшие возвышенности района станции Мысовой. Сзади с лесистого берега селя Лиственичного спускались и вытягивались бесконечные ленты повозок с каппелевцами.

Сведений ни от кого не было, кем занята сейчас Мысовая. У всех было напряженное состояние.

Переход через Байкал продолжался целый день. С наступлением сумерек головные части втянулись в поселок Мысовую. Станция была занята японскими частями, и это известие сразу всех успокоило.

Но наша часть все еще была на льду. Вслед за волжанами и за санями с гробом Каппеля двигались десятки саней с больными тифом каппелевцами, недавно еще бывшими грозные бойцами. Каппелевцы не хотели оставлять больных своих друзей и начальников: везли их погруженными по трое-четверо на каждых санях. Некоторые из них были в бреду, другие тихо стонали, третьи, изнуренные болезнью, беспомощно и тревожно смотрели вперед и вверх в ожидании неизвестного будущего.

В одних санях лежал мой одноклассник, с которым мы вместе служили в одной части в 1-ю мировую и в гражданскую войну. Когда-то веселый и жизнерадостный, богатырского сложения красавец, сейчас он метался в жару. Когда сани, в которых его везли, временно останавливались недалеко от меня, я видел, как он при сильнейшем морозе сбрасывал с себя одежду и рвал ворот нательной рубашки, плохо отдавая себе отчет в происходившем. Я близко подошел к нему и громко крикнул: "Что ты делаешь? Так ты простудишься и умрешь". – "Все равно мне, я задыхаюсь", – как-то спокойно и безучастно ответил он.

В следующих санях везли моего другого соратника, который был совершенно без сознания. Также и в других санях беспомощно лежали больные тифом, многих из них я знал по Волге и в Сибири.

Между прочим, страшная стужа и скудное питание почти не повредили больным тифом, переправлявшимся через Байкал. Многие совершенно выздоровели, а некоторые из них и теперь благополучно живут в Америке.

Наконец и мы втянулись в поселок Мысовую. Переход был окончен.

На улицах Мысовой, как в каком-то цыганском таборе, стояли сани, повозки, солдаты разжигали костры, куда-то везли раненых и больных, вели лошадей к привязям, и на все это с невозмутимым спокойствием взирали японские, одетые в шинели и меховые шубы (дохи), солдаты-часовые. А с Байкала все шли и шли люди, в санях, на лошадях и пешком...

ПОХОРОНЫ ГЕНЕРАЛА КАППЕЛЯ

В конце февраля 1920 года через Байкал (по подсчетам некоторых начальников) прошло более 60000 самых разнообразных повозок, саней, розвальней. Гроб с телом генерала Каппеля прибыл в Мысовую, и здесь же на следующий день была

отслужена первая панихида. Как-то до этого прошедшие через всю Сибирь бойцы не уясняли себе полностью факта смерти Каппеля. Просто большинство не представляло, что генерала Каппеля уже больше нет... Кем-то были распушены слухи, что в закрытом гробу якобы везлись какие-то ценности или деньги, а что сам Каппель уехал вперед, чтобы приготовить место идущим каппелевцам, и прочие подобные небылицы.

Но когда на панихиде была поднята крышка гроба, и бойцы увидели покойника, то у многих невольно вырвался тяжелый вздох и мучительный стон. Многие закаленные бойцы не могли сдержать рыдания, и большинство находились в подавленном состоянии.

Некоторые с растерянным видом, искренне, не стесняясь, задавали вопрос: "Как же его нет? А что же теперь будет с нами?..".

Нельзя забыть, как толпа бойцов, не могущая попасть в церковь, где стоял гроб, упала на колени на улице прямо на снег при пении "Вечная Память!" После панихиды гроб был погружен в товарный вагон, а для нас, сопровождающих, был отведен небольшой салон-вагон. В Чите была устроена забайкальцами торжественная встреча. На станции был почетный караул. И сам глава Забайкалья, атаман Семенов, тепло, по-русски, троекратным целованием приветствовал нас, сопровождавших гроб.

Обращаясь ко мне, он сказал: "Вы, полковник, столько пережили и перетерпели, что после похорон вам следует отдохнуть и пожить в Японии!". Я искренне его поблагодарил и сказал, что, если есть возможность, то лучше положить в японский или американский банк какую-то сумму денег для детей генерала Каппеля. Атаман Семенов поспешно ответил: "Об этом не беспокойтесь! Все будет сделано!".

В мое распоряжение был назначен очень симпатичный участковый пристав (не помню его фамилии). По его указаниям был найден очень приличный гроб. Он сделал распоряжение о рытье могилы и почему-то очень убедительно настаивал, чтобы глубина могилы была не менее восьми футов.

В день похорон в городе Чите творилось что-то невероятное. Не только храм, но и все прилегающие к нему улицы были заполнены самым разнообразным по своему виду народом, не говоря уже о прекрасно одетых забайкальских частях, стройно шедших во главе с оркестром, игравшим похоронный марш. Такого скопления народа на похоронах я, проживший долгую жизнь, никогда не видел.

И когда гроб опускали в могилу, вставший на возвышение поэт Александр Котомкин-Савинский призвал всех к молчанию. И при гробовой тишине с большим чувством прочел свое стихотворение:

НА СМЕРТЬ КАППЕЛЯ

Тише!.. С молитвой склоните колени:

Пред нами героя родимого прах.

С безмолвной улыбкой на мертвых устах

Он полон нездешних святых сновидений...

Ты умер... Нет, верю я верой поэта -

Ты жив!.. Пусть застывшие смолкли уста

И нам не ответят улыбкой привета,

И пусть неподвижна могучая грудь,

Но подвигов славных жива красота,

Нам символ бессмертный – твой жизненный путь.

За Родину! В бой! – ты не кликнешь призыва,

Орлов-добровольцев к себе не сзовешь...

Но эхом ответят Уральские горы,

Откликнется Волга... Тайга загудит...

И песню про Каппеля сложит народ,

И Каппеля имя, и подвиг без меры

Средь славных героев вовек не умрет...

Склони же колени пред Символом веры

И встань за Отчизну, родимый народ!

Многие, слушая это стихотворение, не стыдясь своих слез, горячо и навзрыд плакали...

Почти через год, когда по сложившимся обстоятельствам Чита (где был похоронен Каппель) должна была быть оставлена, каппелевцы перевезли прах генерала в Харбин. При этом, когда на панихиде была открыта крышка гроба, оказалось, что тело покойника за этот год нисколько не изменилось. Лицо было таким же свежим, как после перехода нашего через Байкал на станции Мысовой в 1920 году. В Чите могила Каппеля была глубиной более восьми футов, в слое вечной мерзлоты, почему тело так и сохранилось.

Когда войска из Читы переходили в Приморье, к этому времени совместно с другими частями были сформированы пехотный полк имени генерала Каппеля, батарея и бронепоезд с его же именем.

И почти все бойцы, за исключением очень немногих, называли себя каппелевцами. Они активно сражались против красных в Приморье и на Амуре до конца 1922 года.

Больше того, и наши противники (красные) почти во всех своих книгах о

гражданской войне самые стойкие и самые боеспособные белые части называют "каппелевцами".

Много прошло лет, давно нет В.О. Каппеля, но, помня его до сих пор, разбросанные по всему свету каппелевцы сохраняют о нем благоговейную память и, как когда-то пели его солдаты-добровольцы, помнят его завет:

Когда наш Каппель умирал,

Любить Россию нам завещал...

А.С. БАДРОВ

КАППЕЛЕВЦЫ

(путевые заметки из Ледяного похода) 66

...Еду, еду в чистом поле... средь неведомых равнин.

Бесконечные снежные сибирские степи пройдены. Впереди тайга. Сказочно красиво одеты пушистым снегом великаны-деревья. Одна за другой мелькают картины – то пень снеговой, сверкающий алмазами, короной попадает навстречу, то заглядишься на повалившееся дерево, как замороженный богатырь лежащее на боку, а там красавица ель прикует свой взор: раскинула она свои белые руки-ветки и как бы манит под белый шатер, отдохнуть на пушистом снегу усталого путника. Но красивые картины не радуют взора. Щемит сердце то неизвестное, что ждет впереди. Давит лесная громада своей бесконечной величиной. Жутко порой становилось от этих лесных стен. Лес и лес – на сотни верст тянется и нет ему конца. Узенькая, как бесконечный коридор, полоска дороги, и по этой дороге тянется многоверстный обоз до того разношерстной, до того разнохарактерной толпы, что трудно себе и представить, как могла судьба свести вместе этих столь различных людей. Здесь были все слои общества, все ранги и чины, все профессии рабочих – представители всех классов, "племен, наречий, состояний".

С Волги-Матушки крестьяне,

С Оренбурга казаки,

Тут же вятские мещане,

Из Самары мужики.

Тут – рабочие Ижевска

И министров целый ряд.

Шуба, ряса и поддевка

Часто рядышком сидят.

Здесь – московские купцы.

Из Симбирска молодцы;

Смотришь, с модницей в галошах

Рядом – бабушка в лаптях...

Эта пестрая толпа усталых, голодных, замерзших и больных людей, гонимых собственным народом, называлась армией адмирала Колчака, белыми, а позднее просто – каппелевцами...

К концу 1919 года из грозной армии адмирала Колчака получилась пестрая толпа почти безоружных людей, неудержимо катившихся на Восток... Кто верхом, кто в саях, а кто и пешком, но все стремились туда на восток – подальше от красных.

Ехали женщины, дети, старики и старухи – то были наши семьи, наши родные, которые делили с нами все трудности похода, боевых неудач, холода и голода.

А впереди этой армии шла стоустная молва, распускаемая коммунистами, о творимых якобы "белыми" зверствах и насилиях над мирными жителями. И каких только ужасов не приписывали белым коммунисты.

- Они, белые, забирают с собой всех мужчин и толпами гонят их, раздетых и разутых, по снегу. Баб и девок насилуют и убивают; грудных младенцев рубят шашками, добро все забирают; со скотины сдирают шкуры – себе на шубы, а ободранных коров гонят впереди себя. Деревни жгут, даже мертвым не дают покоя, разрывают могилы, обирают покойников, а гробы сжигают... Уходите в леса... Скрывайтесь сами и спасайте ваше добро, – писали большевики. – Организуйте партизанские отряды, нападайте и убивайте белых, они враги народа, и им нет пощады. Объявляем их вне закона. Всякий, кто убьет белого, окажет услугу революции и будет награжден народом.

Вот такая слава шла впереди каппелевцев.

Но что удивительнее всего, многие крестьяне верили сказкам коммунистов, и действительно, бывали случаи, когда на нашем пути мы находили пустые села, брошенные деревни – жители прятались в лесах, угоняли скот, прятали добро.

Мне вспоминается большое сибирское село, куда мы пришли еще засветло. В какую избу не заглянешь – пусто. В этом селе была назначена дневка. Переночевали. Хозяев нет. Утром кое-где появились старухи. Пришли крадучись в свои хаты. Смотрят сумрачно, с опаской.

- Где же вы были, бабушка? – Спросил я старушку, зашедшую в нашу хату.

- В лесу.

- А мужики где?

- По заимкам разъехались.

- Зачем же дома-то побросали?

- Да ведь про вас писали, что вы убиваете всех.

- Что же вы верите всему этому?

- Да кто же знает, может и правда.

- Ну а как ты думаешь, правда это или нет?

- Да вот смотрю на вас и как-то не верю, что вы убиваете-то. Такие же, видать, люди, как и все. У меня вот чушки во дворе остались, но и тех не тронули...

- Ни чушек, ни людей, бабушка, мы не трогаем, а если что и берем для себя, то за это деньги платим.

К обеду появились мужики... А вместе с ними у нас появился хлеб...

Наутро мы расстались друзьями, и на дорогу нас та же бабушка нагрузила лепешками: "Возьмите, касатики, может быть дальше тоже пустое село встретите и хлебца-то не найдете".

Но случалось и так – переночевав в деревне, мы так и не видели хозяев, – они в лесу ждали нашего ухода, боялись. В этих случаях для нас наступал голод. Запасов не было. Купить не у кого. Счастливыми оказывались те, кто сумел сохранить какую-либо горсть муки...

Как сейчас перед глазами вижу такую картину... Ночь. Маленькая деревня. Хаты наполнены людьми до отказа – ни сесть, ни лечь невозможно, можно только стоять. Жарко топится печка, отбрасывая красноватый отблеск на утомленные лица людей. У печи молодая сестра милосердия – тоже беженка, готовится печь блины... Мука и вода – вот и вся ее нехитраястряпня... Ни масла, ни соли... Женщина вслух сомневается, можно ли печь блины без масла. "А Вы, сестрица, покруче разведите тесто – то оно и не будет прилипнуть к сковороде" – советует ей бородатый солдат.

В очередь за блинами уже десятка два голодных солдат.

Нужно было видеть, с какой жадностью поглощались счастливыми эти недопеченные, недосоленные блины...

Да, голод давал себя чувствовать людям... Но еще хуже обстояло дело с кормом для лошадей. Делая в сутки 40-50 и более верст, лошади выбивались из сил, а по дороге кроме сена из соломы достать ничего не удавалось...

Вот тут то и получалось для многих трагедия.

Лошадь для нас являлась средством спасения. Гибнет лошадь, должен гибнуть ты сам и твоя семья. Лошадиные ноги нам были дороже своих.

Жуткие картины и сейчас встают в памяти, будят уснувшую совесть, укором встают тени оставленных средь дороги и погибших лишь потому, что погибли их лошади.

Вот случай... Тайга. По бесконечной дороге движется многоверстный обоз. Одна за одной, в строгом порядке, едут повозки – то запряженной парой, то в одиночку. В числе едущих тихо едут сани полковника Т., запряженные парой тощих, изголодавшихся, замороженных лошадей. В санях сидит семья полковника – жена и его маленький сын. Вдруг коренник зашатался, упал. Пробует Т. поднять его на ноги – нет, не встает... А мимо, в объезд, едут и едут другие повозки. Никто не поможет, только посмотрят, хлестнут лошадей, да и мимо.

Пытается полковник Т. попросить проезжавших, чтобы взяли жену и ребенка. Нет, куда там. "Лошади плохи, сани полны, сами-то едва ли доедем", – вот были ответы. Запряг он в сани пристяжку, не тянет. Бился он, бился, заплакал... Остаться вместе с семьей – верная смерть от красных... Идти всем пешком до ближайшего жилья – 15-20 верст, сил не хватит. Думал он думал... Махнул рукой, выпряг пристяжку, сел верхом, да один и уехал, а жену и малютку оставил в лесу, среди дороги... Авось их враги пожалеют. Пожалеют ли...

А вот и другая картина...

Ехал среди нас генерал. Тоже с женой и двумя дочерьми. Обе лошади его изморились, упали и встать не могли. Просьбы к другим довести до деревни остались без ответа. Отвел он в сторону семью. Сначала жену застрелил, потом дочерей, а последним и сам застрелился. Так и остались лежать в стороне от дороги четыре родных трупа... Жалко... Да жалко... Вы спросите, неужели другие не могли подвезти... Быть может – нет, может – да; но упрекать кого-либо в настоящее время – нет сил... С каждым это могло случиться, а ведь "своя рубашка, ближе к телу". Вы скажете: эгоизм и шкурничество были среди белых. Я, пожалуй, с этим теперь соглашусь, но тогда... судил их Бог, а мы судить не могли. Нужно быть в дороге, каждому испытать те лишения и невзгоды... Претерпеть холод и голод, быть все время на волоске от смерти и это – не день, не неделю, а в продолжении нескольких месяцев, а тогда и спросить, могли ли в человеке остаться человеческие чувства: жалость, любовь и сострадание...

Но наряду с этими безотрадными фактами были и другие...

Красноярск. Красные преградили дорогу белым. Перерезали все пути отступления. Казалось, выхода нет. Куда ни бросались, всюду встречали вражьи пули. Повозки переполнены тифозными больными и ранеными. Уйти от врага можно было только верхом, без дороги. Казалось бы, чего легче бросить больных и раненых, а здоровым верхами уйти. Но никто не подумал этого сделать. У всех была одна мысль – как бы вывезти раненых и больных. Рискуя жизнью, ночью сквозь фронт красных вывезли всех...

А сколько энергии, заботливости было проявлено к тифозным больным и раненым в дороге... Об этом можно бы написать целые книги. Нет, чувства человеческие в нас были, но усталость, нечеловеческие усилия порой притупляли чувство сострадания...

И стоны больных иногда вызывали не жалость, а надоедливое чувство, и невольно подумаешь: "Да перестанешь ты, и без того тяжко".

А картины прошлого как недавние мелькают перед глазами...

Вижу, седой генерал вылез из саней и на ходу застывшими руками заботливо закрывает одеялом молодого солдата, больного тифом. Вы думаете, что отец ухаживает за сыном. Нет. Генерал ухаживает за больным вестовым. Там – сестра, вместо отдыха на ночлеге, усталая, еле держащаяся на ногах, заботливо перевязывает раненых и поит их чаем, чтобы отогреть. Последним куском делится с больными, зачастую оставаясь сама голодной...

И так изо дня в день, неделя за неделей, проходили месяц за месяцем... Отрезанные от всего мира, ехали десятки тысяч людей по безбрежным сибирским степям, то по мрачной тайге... Усталые лошади еле плетутся к концу короткого морозного дня. Перезубавшие люди, закутанные в разнообразную одежду, сжимая оружие, являли собой безотрадную, но незабываемую картину. Невольно на ум приходили картины исторического прошлого. Едешь и думаешь: "Вот так, может быть, ехали много веков тому назад монголы; разница в том, что мы едем на восток, а они ехали на запад. Мы спасаемся от своих, а они ехали к чужим людям, в страну чужого народа... "искать счастья".

И мысли, и взоры, скованные холодом, неизвестностью и смертельной усталостью, не радуются красивым снежным картинам. И думы, и желания только одни: "скорее бы" – поскотина, "скорее бы в теплую хату, согреться, утолить голод, поспать, отдохнуть..." Да еще одна забота – накормить лошадей. И несется по обозу поощрительный крик – "ПОНУЖАЙ!" (погоняй).

Ф.А. ПУЧКОВ

8-я КАМСКАЯ СТРЕЛКОВАЯ ДИВИЗИЯ В СИБИРСКОМ ЛЕДЯНОМ ПОХОДЕ 67

ВСТУПЛЕНИЕ

Своеобразные и значительные события, известные под общим названием Сибирского Ледяного похода, отходят в даль времени, не получивши должного освещения. Между тем, эта красивая и яркая страница истории гражданской войны заслуживает по справедливости быть отмеченной и сохраненной в памяти тех, кому дорого все, что связано с именем Русской армии. Разбитые и гонимые остатки Сибирских, Уральских и Волжских частей проявили исключительную стойкость, величие духа и непримиримость к врагам Родины, достойные лучших представителей великой нации. Те неисчислимы лишения и страдания, кои выпали на долю несчастной и героической армии, едва ли имеют равное во всей мировой военной истории. Зимний поход остатков армии адмирала Колчака по справедливости получил эпитет "Легендарный"; в этой оценке похода сходятся одинаково и друзья, и враги белой армии.

Но какие бы легенды ни рассказывались о Сибирском Ледяном походе, они не воздадут должного участникам его в той мере, как это сделало бы законченное и беспристрастное описание событий конца 19-го и начала 20-го гг. Между тем, несмотря на весь интерес к походу, до сего времени не появилось не только законченного описания всего похода, но даже отдельных, наиболее значительных эпизодов его. Как нам кажется, причина заключается прежде всего в отсутствии документов, относящихся к истории похода. В своеобразной обстановке похода часто не было ни времени, ни возможности отдавать письменные распоряжения, а

зачастую просто не было бумаги. По той же причине никто не мог вести систематической записи событий. Наконец, то немногое, что имелось на бумаге, оказалось в большинстве утерянным при бесконечных окружениях и прорывах. Кроме того, весь поход протекал в обстановке исключительно сложной и запутанной, при большом количестве крупных и мелких частей, принимавших участие в боях и передвижениях, зачастую без всякой связи между собой и без общего руководства. Поэтому даже детальные записи о действиях какой-либо отдельной части не дали бы полной картины событий.

Позволительно усомниться, чтобы теперь, много лет спустя после окончания похода, возможно было восстановить всю историю его в целом. Представляется поэтому крайне важным записать хотя бы то немногое, что еще остается в памяти участников похода, и таким путем сохранить этот единственный в своем роде эпизод из истории Русской армии для последующих поколений.

В основу предлагаемых воспоминаний положены: 1) краткие повседневные пометки в записной книжке автора, отмечавшие пунктуально места ночлегов 8-й Камской стрелковой дивизии и наиболее существенные события; 2) несколько подлинных приказов по 2-й армии и 2-му Уфимскому корпусу; 3) копии трех донесений о состоянии частей дивизии в конце 19-го года; 4) краткие отрывочные записи двух участников похода; недостающее восстанавливалось по памяти. Все приводимые даты, названия пунктов, имена участвовавших лиц и частей совершенно достоверны. Не претендуя на законченность описаний, автор воспоминаний стремился быть по мере сил точным и беспристрастным, полагая в этом лучший путь воздать должное участникам героического похода.

ОТ ТОБОЛА ДО ЩЕГЛОВСКОЙ ТАЙГИ.

1.

До настоящего времени не установлено, откуда считать начало "Ледяного похода"; все сходятся лишь на том, что поход закончился переходом через Байкал, хотя боевые невзгоды армии продолжались еще долгое время спустя. Но откуда вести начало? В сущности, мало кто задавался вопросом, что именно сделало зимний поход через Сибирь "Ледяным", какие тяготы и невзгоды дали ему это своеобразное название, ибо было бы совершенно неправильным брать в основание этого только одни климатические признаки. Физические трудности, встреченные армией на ее скорбном пути – суровый климат, огромные расстояния, недостаток, а часто и полное отсутствие питания и крова, плохая одежда – отнюдь не все, и даже не главное.

В зимнюю кампанию 1918-1919 гг. на предгорьях Урала армия была одета много хуже и страдала от морозов больше, однако никому не пришло на мысль назвать Уральские походы "ледяными". В Сибирском походе, наряду с физическими, на армию пали тяготы иного порядка, неизмеримо труднейшие. Армия оказалась в исключительно тяжелых стратегических и моральных условиях. В конце 1918 года молодая армия опиралась на огромный, богатый и достаточно обеспеченный тыл; ее операции протекали в родных, дружески настроенных районах; силы ее росли с каждым днем, а вместе с ними крепла и надежда, что новая национальная власть станет прочно на ноги и успешно справится с огромной задачей по освобождению Родины.

Конец 1919 года армия встретила в совершенно иных условиях. Потерпев полную неудачу в осенних боях на Тоболе и Иртыше, разбитая армия оказалась окруженной разбушевавшейся враждебной стихией – восставшим против нее сибирским населением; дезорганизация армейского механизма росла с каждым днем и грозила похоронить в собственных развалинах оставшееся крепким и стойким основное добровольческое ядро армии; единственная железная дорога оказалась в исключительном распоряжении враждебно настроенных к армии чехов; власть расплылась, старшее командование временно выпустило управление из рук, и несчастная масса, лишённая базы и снабжения, потерявшая всякую надежду на помощь извне, должна была сама искать путей из безвыходного положения. И все это на фоне горького сознания колоссального краха, несбывшихся надежд и своей полной беспомощности. Армия шла в обстановке, леденившей не только тело, но и сердце, когда даже истинно мужественные люди сознательно искали смерти в бою или убивали себя, предоставляя друзей и подчиненных их собственной участи.

Разумеется, к этому положению пришли не сразу. Могучая армия, потрясавшая все здание советов и ставшая надеждой миллионов русских людей, не могла развалиться за один день: она умирала с честью, после бесконечного ряда наступательных и арьергардных боев и изнурительных походов, умирала медленно, отбиваясь как смертельно раненый, но еще грозный лев. Был, однако, рубеж по времени и пространству, который положил резкую грань между двумя периодами, когда катастрофическое положение армии сделалось ясным для всех, когда рушились окончательно надежды даже у наиболее неисправимых оптимистов. По времени это был декабрь 19-го года, по месту – Щегловская (Марминская) тайга; с этим связаны и окончательный распад белой государственности, и развал вооруженных сил, обратившихся из армии с прочной нормальной организацией в некоторое подобие партизанского отряда.

2.

Блестящее наступление на Тобол в сентябре 1919 г. и последующая оборона реки в октябре были лебединой песней 8-й дивизии, как и всей армии вообще. Ряд энергичных мер, и особенно поголовное выступление Сибирского казачества, вызвали временный подъем в настроении утомленных бойцов, и успех вновь – в последний раз – улыбнулся умирающей армии. Однако чрезвычайное напряжение подорвало последние моральные силы армии и вызвало огромные потери. По свидетельству бывшего Командующего 3-й армией генерала Сахарова, 2-й Уфимский корпус потерял в Тобольской операции около 9 тысяч человек. Львиная доля этих потерь пала на 8-ю дивизию, выполнявшую наиболее сложные и ответственные задачи; в эти тяжелые дни в боях пало не менее половины состава дивизии. На Тоболе наступление армии замерло и вскоре сменилось отходом. В оборонительных боях на Тоболе, в <первой> половине октября, дивизия дралась еще с обычной стойкостью и упорством. Впоследствии мне пришлось прочесть воспоминания красных командиров, пытавшихся прорваться на участке дивизии, и я с чувством запоздалого удовлетворения убедился, как дорого стоили им эти безуспешные попытки. Только общий отход армии вызвал очищение линии реки Тобола и 8-й дивизией. Но уже через несколько дней, 22 октября у деревни Камышная дивизия побежала без всяких видимых причин. Предел сопротивляемости был перейден, требовались энергичные меры для спасения частей и хотя бы частичного восстановления их боеспособности. После моих настоятельных ходатайств в конце октября дивизия была отведена в резерв 3-й армии, получила несколько рот

пополнения из мобилизованных Акмолинской области, но фактически не имела почти ни одного дня отдыха: фронт безостановочно катился на восток, вынуждая нас к ежедневным передвижениям по невылазно грязным дорогам.

В начале ноября произошла смена Главнокомандующих армиями. Генерал Дитерихс, не считавший возможным при создавшихся условиях защищать город Омск, вынужден был оставить свой пост. Его место занял Командующий 3-й армией генерал Сахаров, давший адмиралу Колчаку обязательство отстоять линию реки Иртыш, а с нею и город Омск. К этому времени фронт находился уже восточнее реки Ишим, всего в нескольких переходах от Иртыша. Новый Главнокомандующий решил бросить на усиление отходящего фронта все, что возможно. Это решило участь 8-й дивизии: сомнительный отдых был прерван, и 8-го ноября дивизия получила приказ о передаче ее в распоряжение Командующего Волжским корпусом генерала Каппеля. Последовал ряд тяжелых арьергардных боев, но неотвратимое совершилось: 14-го ноября Омск был занят красными.

3.

Падение Омска предредило конец Белого движения в Сибири. Власть оказалась застигнутой врасплох, без всякого плана на этот случай, расплылась на огромном пространстве от Новониколаевска до Иркутска и фактически перестала существовать. Вся территория от Омска до Байкала сразу выпала из рук, чему больше всего способствовала невозможность пользоваться железной дорогой, забитой бесчисленными эшелонами, а к востоку от Новониколаевска фактически захваченной чехами для своей эвакуации на родину. Тяжелое положение белой власти и армии окрылило надежды всех враждебных им элементов. По всему огромному тылу сразу же усилилось партизанское движение, а в городах начались организованные выступления левых групп интеллигенции и рабочих, сумевших увлечь за собой малонадежные гарнизоны городов и даже части первой армии, отведенной в конце октября на укомплектование в район Новониколаевск – Томск – Красноярск.

Верховный правитель со Ставкой и золотым запасом медленно двигался на восток, делая иногда ненужные остановки, пока, наконец, не оказался затертым в веренице эшелонов, оторванный и от Совета министров, и от армии, быстро отходившей на восток. К концу ноября управление страной перестало существовать. С этим совпало резкое изменение в отношениях между союзниками и Правительством адмирала Колчака, вызванное прежде всего столкновением интересов в использовании железной дороги. Чешский корпус находился в полном движении на восток. Двадцать тысяч занятых ими вагонов растянулись бесконечной линией от Новониколаевска до Забайкалья. Будучи фактическими хозяевами дороги, чехи не допускали движения русских эшелонов, делая исключение только для поездов Правителя. Все наличные паровозы оказались в их руках; немногие оставшиеся в распоряжении русской администрации отбирались силой, а беженские эшелоны и санитарные поезда оставлялись на пути, по маленьким станциям и разъездам, без воды, топлива и пищи. Наиболее трудным для прохождения по железной дороге оказался район станции Тайга, где выходили на магистраль многочисленные эшелоны 2-й Чешской дивизии, расквартированной в районе Томска. Все русские эшелоны, оказавшиеся к этому времени западнее станции Тайга, оказались обреченными на гибель. Особенно трагично было положение санитарных поездов и эшелонов с семьями офицеров и солдат, перевозимых на восток из района Омска,

Новониколаевска и Барнаула. Эвакуация Омска, неоднократно начинавшаяся, по разным причинам откладываемая, безнадежно запоздала. Огромные запасы, частично уже вывезенные на восток и вновь возвращенные, почти полностью были брошены в Омске и достались красным.

Для сентябрьского наступления на фронт было двинуто все пригодное к бою, и ко времени падения Омска в тылу надежных русских частей почти не было. В октябре, распоряжением генерала Дитерихса, 1-я армия была снята с фронта и размещена по городам вдоль магистрали от Новониколаевска до Канска. Мера, разумная сама по себе, оказалась трагически неудачной: 1-я армия уже давно подтачивалась умелой пропагандой, которую не умел или не хотел остановить исключительно непригодный командный состав. За единичным исключением части 1-й армии вскоре оказались увлеченными общим мятежом тыла, нанеся отходящей армии последний и наиболее тяжкий удар.

В эти дни наиболее трагические сцены разыгрались вдоль полотна великого Сибирского пути, где гибли брошенные русские поезда. Все, кто мог двигаться, с подходом красных разбегались по соседним деревням или вслед за уходящей армией. Но огромная масса больных и раненых, неспособных двигаться и совершенно раздетых, замерзала целыми эшелонами. То, что творилось в этих обреченных поездах, является, несомненно, одной из страшных страниц гражданской войны. Даже всегда равнодушные к чужим страданиям красные вожди не скрывали своего ужаса при виде тех картин, кои представились им в этих передвижных кладбищах.

4.

А мимо них спешно проходили части армии, бессильные оказать какую-либо помощь. Потерпев поражение на линии реки Тобол, 2-я и 3-я армии безостановочно отходили на восток, задерживаясь лишь для коротких изнурительных арьергардных боев. Главное командование требовало упорной обороны, вначале для защиты Омска, а после сдачи его – для прикрытия эвакуации. Регулярная красная армия вела энергичное преследование, наступая главным образом вдоль железной дороги и в стоверстной полосе к югу. С отходом на правый берег Иртыша армии вступили в сферу действий партизанских отрядов. Базой и центром сосредоточения партизан являлся огромный треугольник Камень – Барнаул – Славгород, откуда производились налеты в сторону магистрали, к Семипалатинску и на Алтайскую железную дорогу. Здесь действовала целая партизанская армия, разделенная на четыре корпуса, насчитывавшая в своем текущем составе от 40 до 75 тысяч бойцов. Их до дерзости смелые налеты оказались наиболее чувствительными для 3-й армии и Степной группы, отходивших южнее железной дороги; однако и в непосредственной близости от магистрали тыл был насыщен партизанами. В районе Татарска, в непосредственном тылу Сибирской столицы, штаб 8-й дивизии провел одну ночь в хате, откуда только что ушел штаб 9-го революционного полка с каким-то странным местным названием. В этот период оказались разгромленными несколько войсковых штабов, сильно пострадала часть обозов, а 8-я дивизия потеряла целиком одну из батарей, отведенную в тыл вследствие порчи орудий и ночевавшую в 20 верстах за штабом дивизии. Дрались зачастую на все стороны, спокойных ночлегов больше не было.

Остатки 2-й армии отходили вдоль железной дороги значительно спокойнее, но здесь сильнее чувствовался нажим регулярных красных частей. Обе армии несли

огромные потери, особенно от болезней. Уже в этот период началось отсеивание от частей всех ненадежных элементов, отстававших на походе или переходивших на сторону красных. Снабжение расстроилось полностью. С потерей Омска исчезли ближайшие к армии склады боеприпасов, продовольствия и одежды, а вместе с ними сразу же перестали действовать армейские органы снабжения. Все, что оставалось в глубоком тылу, оказалось прочно отрезанным от армии великим хаосом на железной дороге: ни один поезд на запад не был пропущен чехами. Та же участь постигла и санитарные учреждения, что вынудило таявшие части везти своих многочисленных больных и раненых при войсковых обозах. Ближайший армейский тыл оказался до крайности загромаженным огромными обозами своих и чужих частей, иногда уже переставших существовать, армейских учреждений и даже отделов ставки, не погруженных в поезда. Все это теперь шло в хаотическом беспорядке, без плана и часто без приказов, поедая все на своем пути и до крайности затрудняя довольствие строевых частей.

Чтобы дать некоторую иллюстрацию состояния армии, приведу сущность моих донесений о состоянии 8-й дивизии во второй половине ноября 19-го года:

"В составе Волжского Корпуса 8-я дивизия оставалась десять дней и за это время была использована в полной мере, как было принято в отношении чужой части, оказавшейся к тому же численно сильнее всего Волжского Корпуса. Дивизия выполнила ряд сложных ответственных задач, дважды совершала фланговые марши по 20-25 верст, упорно и добросовестно оборонялась при общем, иногда, казалось, беспричинном отходе справа и слева. Штаб корпуса, видимо, не любил сложных и неприятных забот о тыле, и снабжение вконец расстроилось. Передвигаясь чисто по-кавалерийски в бедно населенной степи, дивизия потеряла связь с обозами, мокла, голодала и холодала, неся огромные потери в боях и еще большие от болезней. Все Сибирское пополнение в первых же боях осталось у красных, обстреливая иногда, при сдаче, своих. Потери в полках достигли от 1/3 до 2/3 боевого состава; одно время оставалось по 150-200 боеспособных людей на полк. Больных и раненых мы вынуждены были оставлять при частях, так как никто не желал отправляться в тыл, особенно после очищения Омска, когда стало известно, что часть госпиталей брошена, а санитарные поезда не двигаются... Подача продовольствия из тыла остановилась; вагонная хлебопекарня, обслуживавшая дивизию, была брошена в Омске, заготовить же хлеб своим попечением интендантство дивизии не могло, даже при условии обеспечения мукой, так как огромные обозы корпусов, армейских учреждений и бесчисленных отрядов всяких наименований при своем движении пожирали все, как саранча. Дошло до того, что я вынужден был отправить 32-й Прикамский полк к обозам 2-го разряда, чтобы обеспечить хозяйственные заготовки силой. Отпуск денег прекратился, и части жили реквизициями или мародерствовали... Конский состав к наступлению зимы оказался неподкованным, и небольшое число здоровых лошадей в конных командах шли на сбитых подковах, чаще в поводу. В артиллерии лошади шли из последних сил, и мы опасались, что орудия придется бросить. К тому же, расстреляв весь свой запас снарядов и не получая пополнений из тыловых парков, артиллерия оказалась в положении ценного, но бесполезного груза, требовавшего постоянных о себе забот и прикрытия.

"Настроение в частях дивизии резко упало. Рядовые офицеры и даже стрелки, научившиеся за время гражданской войны оценивать события по достоинству, недоумевали, почему так настойчиво требовалось упорство в арьергардных боях, и что могли мы прикрывать при отходе, когда все ценное, и даже больные и раненые, были брошены в Омске, а за нами укрывались бесконечные обозы, скорее вредные,

нежели полезные для нас, да несколько слабых, малонадежных дивизий, отведенных в тыл на укомплектование. Создавалось впечатление, что лучшие добровольческие дивизии и наиболее крепкие казачьи части были умышленно оставлены на фронте на избиение. Начался ропот, появилась трещина в отношениях между офицерами и стрелками, чего не было за все время существования дивизии. Хроническое недоедание, переутомление и крайняя нервная напряженность привели к тому, что ночью части перестали принимать бой. Днем, однако, держались по-прежнему упорно, доходя иногда до рукопашного боя, так, командир 29-го Бирского полка был ранен сабельным ударом в голову...".

С отходом в район озера Чаны, когда окончательно установился санный путь, части не замедлили использовать богатый опыт предыдущей зимней кампании, когда все передвижения делались на санях. Теперь, когда численный состав полков дошел до минимума, сделать это было легче, и никто не пытался остановить реквизицию саней и конского состава, ибо силы людей окончательно истощились. Вскоре все оказались на санях, и отход пошел значительно быстрее. От Тобола до Иртыша фронт отходил со средней скоростью 10 верст в сутки, от Иртыша до Оби – 12-13 верст, а от Оби до Томи – 25-28 верст, причем отдельные суточные переходы доходили до 45 верст. Последний период совпал, однако, с коренным изменением планов Командования армиями и оценки им обстановки. Необходимо сказать об этом несколько слов.

5.

В начале ноября 19-го года Главное Командование армиями перешло в руки генерала Сахарова. Большой оптимист по характеру, генерал Сахаров всегда расценивал обстановку в розовых тонах и ставил армиям и корпусам явно непосильные задачи. Таким он был на посту Командующего 3-й армией, и таким же остался в роли Главнокомандующего. Не отрезвила его и позорная оборона Омска, коей он обязался перед Верховным правителем. Полагая, очевидно, возможным восстановить боеспособность армий простым приказом, генерал Сахаров, перед лицом катастрофического их состояния, продолжал носиться с идеями нанесения "решительных ударов" и достижения "конечных успехов". Конкретно, план генерала Сахарова к началу декабря сводился к тому, чтобы сосредоточить сильную ударную группу в районе Томск – Колывань – Новониколаевск и нанести сокрушающий удар по преследующим красным частям, отбрасывая их к югу от железной дороги; начало наступления приурочивалось к середине декабря. В ударную группу предполагалось включить всю 1-ю армию и еще несколько дивизий, заблаговременно отводимых в район сосредоточения. Одновременно намечался ряд мер по очистке и оздоровлению глубокого тыла, а также по усилению строевых частей путем привлечения в строй всех здоровых и боеспособных офицеров и солдат. Разумеется, план этот не имел ни малейших шансов на выполнение. Не располагая железной дорогой, генерал Сахаров не мог бы доставить в район сосредоточения не только 1-ю армию, растянутую на восток до Канска, но вообще ни одного стрелка и ни одного вагона груза. Не смог бы он также снять заблаговременно ни одной дивизии с фронта, втянутого в непрерывные и изнурительные арьергардные бои. Фактически, к этому не попытались даже приступить.

По непонятным причинам оптимизм Главнокомандующего разделялся в значительной мере командующим 2-й армией генералом Войцеховским, коему со второй половины ноября был подчинен 2-й Уфимский корпус. Исполняя определенные указания Главнокомандующего, генерал Войцеховский в начале

декабря отдал приказ о реорганизации армии, сущность коей сводилась к свертыванию всех корпусов в дивизии, дивизий – в полки и т.д. Предполагалось таким образом уничтожить большую часть обозов и расформировать массу штабов. Проект этот, выдвигавшийся и раньше, имел в основе разумные мысли, но в обстановке непрерывного и спешного отхода армии был совершенно невыполним. Кроме того, приказ оставлял в рядах армии совершенно разложившиеся, небоеспособные части, расценивая их наравне с крепкими добровольческими полками, в то время как обстановка явно подсказывала необходимость опереться на немногие уцелевшие части, собирая около них все здоровые элементы. Позднее именно к этому привела сама жизнь. Необходимо было также сосредоточить внимание на полном расформировании многочисленных мелких отрядов и обозов уже исчезавших частей, армейских учреждений и штабов без войск. В этом духе мною был представлен подробный доклад, с коим командующий 2-м корпусом согласился и поручил мне изложить его основные пункты лично Командующему 2-й армией.

Утром 4-го декабря я оставил дивизию в районе деревни Ярки и к вечеру 8-го добрался до Новониколаевска, где в это время находился штаб 2-й армии. Здесь я нашел обстановку, в корне измененную событиями последних дней. Накануне штаб 2-й армии и генерал Войцеховский были арестованы взбунтовавшиеся гарнизоном Новониколаевска, состоявшим из трех полков 1-й Сибирской дивизии. Это было первое из серии выступлений частей 1-й армии, шедших под лозунгом "война гражданской войне". Благодаря своевременному вмешательству польской дивизии восстание было быстро ликвидировано, командующий 1-й дивизией полковник Ивакин арестован и на другой день был убит при попытке бежать. 9-го декабря на станции Тайга командующий 1-й армией генерал Пепеляев арестовал генерала Сахарова и предъявил адмиралу Колчаку требование о смещении его с поста Главнокомандующего. Адмирал настоял на немедленном освобождении генерала Сахарова, но вынужден был согласиться на отрешение его от должности. Главное командование было вручено генералу Каппелю после того, как генерал Войцеховский отказался принять это назначение.

Мой доклад генералу Войцеховскому значительно поколебал его оптимизм в оценке состояния частей армии и связанных с этим возможностей. Генерал Войцеховский в конце уже склонен был согласиться, что невозможны никакие наступательные операции с расстроенными частями, без огнеприпасов и налаженного снабжения, что необходим спешный отвод в глубокий тыл большинства частей и полная реорганизация их в спокойной обстановке, при условии успешного задержания красных на каком-либо удобном рубеже. Что же касается переформирования частей, генерал Войцеховский согласился отложить выполнение его приказа до более удобного момента. Признавая, что переформирование на ходу – чрезвычайно сложная операция, генерал Войцеховский привел для иллюстрации любопытный факт: чтобы облегчить тяжелую задачу расформирования мелких отрядов и бесконечных обозов несуществующих частей и учреждений, был отдан приказ о спешном отводе в тыл 1-й кавалерийской дивизии, коей поручалось, заняв пути отхода, задерживать и силой расформировывать всех, к этому предназначенных. Однако кавалерийская дивизия оказалась не в силах выполнить поставленную ей задачу, так как не смогла отделиться от фронта и выиграть необходимое пространство: отходящая на санях пехота не отставала от своей кавалерии, шедшей на переутомленных лошадях.

Вечером 12-го декабря я возвратился к дивизии, найдя штаб в одном переходе от Оби. Мы подошли вплотную к тому рубежу, откуда по плану генерала Сахарова предполагалось начать наступление. Новый Главнокомандующий оценил, однако,

обстановку более трезво, поняв, что 1-я армия совершенно ненадежна, а 2-я и 3-я слишком расстроены.

15-го декабря в Мариинске генерал Каппель отдал приказ N 778, в котором, признавая неготовность армий к наступлению и враждебное отношение населения западнее Оби, указал отвести армии за линию реки Золотой Катат, к востоку от Щегловской тайги. В частности, на 1-ю армию возлагалась задача, прикрывая частью сил направление Томск – Ичинское через северную часть тайги, все остальные силы немедленно сосредоточить в районе железной дороги, дабы запереть узкие дефиле – выходы из тайги на главном направлении, пропустив здесь части 2-й армии. Эта последняя, по проходе линии реки Золотой Катат, направлялась спешно в район Ачинска, в распоряжение Главнокомандующего. 3-я армия должна была закрыть выходы из тайги к югу от железной дороги, отправив заблаговременно на указанный рубеж свои резервы. Считаясь с истощением боеприпасов, разрешалось оставить при дивизиях лишь минимальное количество орудий, отправив всю остальную артиллерию в тыл.

Рубеж, избранный для задержания победоносного движения красных, был исключительно удачен и при некоторой боеспособности армий, особенно первой, давал все возможности на успех. Однако, приказ Главнокомандующего безнадежно запоздал; Штаб его не принял никаких мер, чтобы облегчить и ускорить прохождение лесистой полосы, и тайга вместо защиты погубила армию.

ЩЕГЛОВСКАЯ ТАЙГА

1.

Щегловская тайга, преграждавшая все пути отхода армии непрерывной стеной, начинается в тундре севернее Томска и тянется сплошной стеной на юго-восток до слияния с обширными Алтайскими лесами. Ширина тайги, в границах между рекой Томь на западе и реки Золотой Катат на востоке, равняется примерно 60-80 верст. Почти на всем протяжении это девственный лес, растущий на пересеченной местности, сплошь заваленный гигантским валежником, а ко времени подхода армий – покрытый глубоким снегом. Глядя на эту страшную чащу огромных осин и сосен, не мыслилось, чтобы вне дорог возможно было движение даже опытных лыжников, не знакомых с каждой складкой местности. Находившиеся в нашем распоряжении карты, устаревшие и неполные, указывали только два пути поперек тайги: железнодорожную магистраль и так называемый Большой Сибирский тракт, уходивший далеко на север, на Томск – Ичинское, фактически вне полосы отхода армий; естественно, это обстоятельство не могло не вызывать чувства острой тревоги за судьбу армий, особенно 3-й, сдвинутой далеко на юг для прикрытия района Бийск – Барнаул. С подходом к тайге выяснилось, однако, наличие еще одного хорошего пути поперек тайги и нового переселенческого тракта, начинавшегося в 17 верстах севернее города Щегловска и выходившего к деревне Золотая Горка на реке Золотой Катат. Имелись, кроме того, продольная дорога от станции Тайга к деревне Дмитриевка на Щегловском тракте и несколько коротких подъездных дорог чисто местного значения. Полотно дорог, узкое, слегка поднятое и окопанное канавами, допускало движение в две повозки; однако узкие мосты, пропускавшие в большинстве не более одной повозки, уничтожали все выгодные стороны широкого полотна дорог. Две огромных и непрерывных стены леса, сопровождавшие дороги на всем их протяжении, обращали пути движения в узкие дефиле, не допускавшие

совершенно никаких обходных движений; защита их была возможна самыми малыми силами пехоты с пулеметами, богато снабженными патронами. Вдоль главных путей разбросано несколько мелких переселенческих деревушек, не дававших проходящим частям ни крова, ни продовольствия для людей, ни фуража для непомерно большого конского состава.

Крайняя бедность путей и их свойства чрезвычайно облегчали задачу, возложенную генералом Каппелем на 1-ю и 3-ю армии. Оборона выходов из тайги на восток сводилась к преграждению двух-трех узких дефиле и требовала минимального расхода сил, при условии заблаговременной подготовки обороны и богатого снабжения пехоты огнеприпасами. Остановка на этой линии, особенно продолжительная, сулила армиям огромные выгоды: столь необходимый отдых, реорганизация, устройство тыла, хотя бы частичное – и тогда положение резко изменилось бы к лучшему. Даже короткая задержка при плачевном состоянии армий являлась бы огромным выигрышем. Однако, предварительно предстояло выполнить сложнейшую операцию: провести армии с их гигантскими обозами через тайгу по двум узким коридорам, длиною в 60-80 верст. Никакой подготовки к быстрому и безболезненному проходу на восток сделано не было. Огромная и разношерстная масса обозов и мелких частей подходила к западным выходам из тайги, не подозревая, что она собой представляет. Не было сделано ничего даже для информации крупных строевых соединений, хотя имелись довольно полные и свежие карты, изданные переселенческим управлением. Впоследствии, из бесед с участниками похода я вывел заключение, что приказ генерала Каппеля N 778 о защите выходов из тайги или совсем не дошел до 3-й армии, или же застрял в штабе этой последней – в корпусах о нем не подозревали.

По приказу N 778 2-я армия, в состав коей входил 2-й Уфимский корпус, должна была пересечь тайгу вдоль железной дороги, для 3-й предоставлялся Щегловский переселенческий тракт. Предполагалось, что все передвижения 1-й армии будут закончены заблаговременно, до подхода к тайге частей фронта.

2.

Двигаясь безостановочно в своей полосе южнее железной дороги, 8-я дивизия перешла реку Томь у деревни Большая Подъякова вечером 21-го декабря, втянулась в разреженную здесь тайгу и ночевала в небольшой деревушке Барановке. Отсюда, по приказу, предстояло свернуть круто на северо-восток, чтобы выйти к железной дороге восточнее станции Тайга на присоединение к остальным частям корпуса. Путем опроса жителей удалось установить, что дивизии предстояло от деревни Барановка пройти несколько верст на восток до пересечения с дорогой станция Тайга – деревня Дмитриевка, повернуть в сторону станции Тайга и, пройдя две-три версты, снова свернуть на глухую лесную дорогу, выходящую куда-то восточнее станции Тайга. Предполагалось, что по этому пути прошли уже обозы 2-го разряда и артиллерия дивизии, выдвинутые сюда заблаговременно.

Утром 22-го дивизия выступила из деревни Барановка и продвинулась беспрепятственно до перекрестка с дорогой станция Тайга – деревня Дмитриевка. Здесь движение внезапно и прочно остановилось. Пробираюсь к голове колонны и нахожу объяснение: навстречу нашему движению, от станции Тайга на деревню Дмитриевка, идет непрерывная лента обоза. Сейчас на походе все части кажутся одинаковыми, и нужен опытный глаз, чтобы найти характерные отличия строевой

части; проходят какие-то артиллерийские части и парки, принадлежащие к составу 2-й армии. Перед нами встает вопрос – что делать дальше? Чтобы продолжать движение по маршруту, необходимо повернуть налево, в сторону станции Тайга; но о встречном движении по узкой дороге не может быть и речи; нужно, следовательно, силой остановить встречное движение, выдвинув какую-либо часть к следующему перекрестку дорог. Но имеет ли смысл и возможно ли вообще движение дивизии на северо-восток, к железной дороге, если оттуда идет непрерывная лента частей и обозов на южный путь? Очевидно, что вдоль железной дороги не все благополучно, если части 2-й армии вынуждены делать длительное круговое движение. Попытки получить какую-либо информацию от проходящих частей оказываются неудачными: никто не знает, что делается на северном пути, и никто не может объяснить, чем вызвано их движение на юго-восток.

Ждать и колебаться, однако, не приходилось: нельзя оставлять в бесконечном ожидании застывшую в дремучем лесу дивизию. Отдаю приказание свернуть на Щегловский тракт. Пропустив полностью проходящую мимо нас часть, приказываю задержать следующую и вытягиваю дивизию по направлению к деревне Дмитриевка, предполагая иметь в ней ночлег. Но тайга дает себя знать с первых же шагов: движение идет крайне медленно, с длительными, раздражающими остановками, в большинстве ничем не объяснимыми, ибо причины их часто где-то далеко впереди. Лишь поздно ночью дотягиваемся до деревни Романовка и размещаемся на ночлег в тесных и грязных хатах переселенцев.

3.

Рано утром 23-го декабря дивизия выступает из деревни Романовка. На этот раз движение идет еще медленнее, чем накануне; остановки чаще и продолжительнее, и только к двум часам дня штаб дивизии, шедший в голове, дотянулся до деревни Дмитриевка, пройдя всего 10-12 верст. Дмитриевка, небольшая деревушка, расположенная по кособоку на правом берегу реки Бирсас, внезапно открылась перед нами с левого возвышенного берега реки. И сама деревня, и небольшие поля, очищенные от леса, представляли необычайную картину: все было залито сплошным серым морем людей, лошадей и повозок. Оживленная сельская ярмарка представила бы лишь бледную копию с этого огромного комка людей и животных, застывшего неподвижно на снежных полях и улицах деревни. Наше движение остановилось прочно и, по-видимому, надолго. Чтобы попасть в деревню, необходимо пересечь мост и гать через долину реки Бирсас, так как обрывистый левый берег не допускает движения без дороги.

Бросаю сани и пробираюсь пешком к мосту. Оказалось, что здесь мы столкнулись с другой линией обозов: с юго-запада от Щегловска шли учреждения и обозы частей 3-й армии. Остатки строевых частей 3-й армии, уже отброшенные к тайге, в стремлении протиснуться в узкие входы единственного для них пути, нажимают на свои обозы, создавая невероятнейшую давку и сумятицу. Кто только не устремился к этой спасительной дороге! В моих руках случайно оказался приказ по 3-й армии от 9 декабря 1919 г., отданный после подчинения Командующему армией частей Бийск-Барнаульского района; приказ дает перечисление войсковых частей, действующих в районе, упоминая три пехотных и один конный полк, при двух дивизионах артиллерии, и 14 мелких самостоятельных отрядов, чем, однако, состав войск района не исчерпывался. Все эти бесконечные по числу отряды долго действовали в Бийск-Барнаульском районе, охраняя Алтайский край и железную

дорогу от партизан, обросли хозяйственными учреждениями и теперь, с отходом армии, устремились на восток, смешавшись с огромными армейскими обозами. Сюда же потянулись некоторые из центральных учреждений, не погруженные в Омске в эшелоны, часть обозов 2-й армии, атаманы отделов с управлениями, чины гражданской администрации, полиция и просто беженцы. Шли тяжело нагруженные сани с армейским имуществом, с продовольствием, с домашним скарбом... Не было ни малейшей возможности проследить деление на какие-либо части и самостоятельные учреждения – шел один огромный обоз, в величайшем беспорядке, без малейшего признака направляющей руки. Здесь, в деревне Дмитриевка, в центре величайшей сумятицы, бесполезно было пытаться водворить порядок – это необходимо было сделать заблаговременно, и прежде всего – со стороны восточного выхода из тайги; только оттуда можно было ускорить проталкивание обозов, ускорить и упорядочить их движение вдоль всего пути. Сделать это мог только Штаб Главнокомандующего, но, по-видимому, быстрый отход армий застал его врасплох; к тому же, генерал Сахаров мечтал о наступательных боях западнее тайги, а генерал Каппель не имел достаточно времени, чтобы справиться с быстро развивающимися событиями.

Нечего думать о дальнейшем немедленном движении: необходимо остановиться, обдумать положение и принять какие-то радикальные меры. Намечаю место для остановки: прекрасные здания переселенческой школы, которые сделали бы честь любому уездному городу. Нужно пройти до них полверсты. Чтобы протолкнуть маленький обоз штаба дивизии, при помощи энергичной комендантской команды понадобилось четыре часа! Узнаю, что в бесконечной массе обозов на улице деревни застряли обозы второго разряда; посылаю узнать, почему задержались. Отвечают – стоим на улице вторые сутки и не можем протолкнуться к выходу из деревни.

После нескольких часов мучительных размышлений и совета с командирами полков решаю принять следующие меры: бросить в Дмитриевке все повозки, за исключением крайне необходимого числа; посадить всех верхом, тех же, кому не хватит коней, вести походным порядком, используя конский состав посменно; сани оставить только для больных, раненых и для немногих женщин и детей, следовавших при частях; оставить в Дмитриевке всех больных и раненых, кои могут рисковать встречей с красными частями. Согласились остаться добровольно врач и сестра милосердия; снабдили остающихся продовольствием на несколько дней; осталось, если не изменяет память, 65 стрелков и несколько офицеров. Это был первый случай намеренного оставления частями своих больных и раненых, сделанного с тяжелым сердцем. Чтобы окончательно разгрузиться, пришлось оставить также большую часть пулеметов, бесполезных теперь при отсутствии патронов, и даже столь дорогой для нас груз – продовольствие.

К вечеру 22 декабря строевые части 3-й армии начали медленно втягиваться в тайгу, подходя к двум узким выходам с разных направлений. Регулярные части красных давили на арьергарды армии, отходившие с непрерывными боями. Несколько партизанских отрядов, действовавших под общим руководством товарища Рогова в районе Щегловска, непрерывными налетами на ближайшие тылы корпусов наносили отходившей армии большой урон. В одном Щегловске погибли сотни бойцов, в том числе много офицеров. Остро чувствовалось отсутствие столь необходимой здесь железной руки и тесного руководства отходившими корпусами. 23-го декабря у входов в тайгу были случаи взаимного обстрела прикрывающих отход частей, благодаря отсутствию взаимной информации и общего руководства. Тяжелая и неблагоприятная задача прикрытия выходов из тайги пала на остатки 7-й Уральской

стрелковой дивизии, Ижевский конный полк и Кадровый (запасный) полк Воткинской дивизии, неизвестно какими путями оказавшийся на южном направлении – сама дивизия отходила вдоль железной дороги в составе 3-й армии. В ночь на 24-е последние прикрывающие части втянулись в тайгу, и вся армия разместилась плотной массой в узком коридоре между рекой Томь и деревней Дмитриевка.

4.

На рассвете 24-го декабря 8-я дивизия выступила из деревни Дмитриевка. Движение шло в импровизированном строю – справа по четыре, чтобы занимать возможно меньше места в глубину. Немногочисленные повозки распределены равномерно по колонне, дабы обеспечить им помощь в нужную минуту. Огромное большинство всадников на импровизированных седлах или совсем без них; едут по двое, немногие идут пешком, в расчете ехать посменно; никто не оставил сбрую, предполагая использовать ее по ту сторону тайги. Около версты движение идет без дороги, по расчищенной здесь тайге; затем густой лес заставляет свернуть на тракт и вклиниться в бесконечную линию саней и всадников. Теперь колонна дивизии в полной власти этого медленно движущегося потока – идет, как катится он, и останавливается, когда он укажет; нечего и думать о руководстве им, можно только плыть по течению. Движение неизмеримо хуже, чем накануне: ежеминутно останавливаемся и без конца стоим, раздраженные и бессильные что-либо сделать; только в редких случаях причина задержки в поле зрения, можно вмешаться и устранить препятствие; гораздо чаще то, что держит, где-то далеко впереди, и остается терпеливо ждать или бессильно злиться. Местами движение возможно в две повозки в ряд, иногда же дорога суживается, образуя пробку, с неизбежной давкой, озлобленной руганью и потерей времени. Очень часто тысячи людей стоят в ожидании, пока исправят лопнувшую сбрую у одной повозки или перепрягут истомленную пару коней. Горе тем, кто идет самостоятельно, вне организованной части: таких при задержке сбрасывают с дороги; помогают только своим.

С наступлением темноты делается еще хуже; многие возницы засыпают, спят и истомленные кони, пока идущие сзади не догадаются расследовать причину длительной остановки. И так – шаг за шагом в течение всего короткого, унылого зимнего дня и еще более печальной, длинной ночи. Гнетущее чувство, создаваемое медленным, однообразным движением, усугубляется мрачной декорацией, как будто нарочито созданной природой для этой драмы десятков тысяч людей и лошадей: две гигантских стены угрюмого леса давят своей непроницаемой массой, не прерываясь ни на минуту; впереди все та же извивающаяся лента обозов; все чаще и чаще по краям дороги, как безмолвные часовые, неподвижные фигуры брошенных лошадей; кругом посиневшие, истомленные лица людей, как будто потерявших надежду, что эта медленная пытка когда-нибудь кончится. Нервы напряжены до крайности, взаимное раздражение и злоба дошли до предела, и все вокруг буквально насыщено потоком жестких и бессмысленных ругательств, не останавливаемых даже присутствием женщин и начальствующих лиц.

Днем, не останавливаясь, проходим мимо маленького поселка Александровского и поздно ночью проваливаемся в глубочайшую котловину, на дне которой затерялся поселок Успенский. Несколько убогих хат поселка затоплены потоком людей и повозок; останавливаться здесь бесполезно, так как занят каждый вершок очищенного от леса пространства. С огромным трудом пробираемся через массу

саней, брошенных без призора, и движемся дальше. Ночь скрыла от нас драму, разыгравшуюся несколькими часами раньше: здесь брошена почти вся артиллерия дивизии и масса ценного имущества.

К рассвету угрюмый вид тайги начал заметно изменяться, чувствовалась близость открытого пространства. Около 9 часов утра 25 декабря голова колонны втянулась в гостеприимные улицы большой деревни Золотая Горка, где я приказал остановиться на большой привал. Тридцативерстное расстояние между деревнями Дмитриевка и Золотая Горка было пройдено в 26 часов.

5.

К вечеру 25-го декабря 8-я дивизия сосредоточилась на ночлег в деревне Красный Яр, так как квартиры в деревне Золотая Горка были нужны для вновь прибывающих частей, мрачное дефиле продолжало изрыгать их без перерыва; к вечеру 25-го начали подходить головные части 3-й армии. Как выяснилось впоследствии, отход через тайгу для частей 3-й армии был неизмеримо труднее, нежели для нас, так как им пришлось идти с боями, под непрерывным напором красных. Весь день 24-го декабря тяжелую задачу прикрытия несли Воткинский кадровый полк (300 штыков) и Егерский батальон 7-й Уральской дивизии (150 штыков). Несмотря на удобства обороны в узких дефиле дороги, истомленные арьергарды, давно уже расстрелявшие свои патроны, отходили поспешнее, чем этого требовала обстановка, и нажимали на свои скопившиеся в лесу части. Два непрерывных потока обозов, стекавшихся в деревню Дмитриевка, проталкивались дальше на восток только по одному пути, и притом со скоростью не более одной версты в час.

Уплотнение частей и обозов 3-й армии западнее деревни Дмитриевка дошло до предела и грозило катастрофой. Особенно тяжелым оказалось положение у деревни Кедровка, где обозы шли в шесть рядов. Здесь началась паника, которую поднял начальник 7-й Уральской дивизии, бросивший свой штаб и ускакавший вперед; только энергичное вмешательство начальника Ижевской дивизии восстановило порядок. Обстановка, однако, требовала принятия решительных мер. Пример подал Волжский корпус, в котором было приказано посадить всех людей верхом, сбросив с дороги все орудия и повозки. Для ускорения этой болезненной операции Волжская конная бригада получила приказ рубить постромки у всех повозок, попадавших ей на пути. Пришлось спешно бросить в деревне Кедровка и прилегающих хуторах больных и раненых. То, что 8-я дивизия сделала накануне в деревне Дмитриевке обдуманно и планомерно, частям 3-й армии пришлось выполнять в "пожарном" порядке.

Часть Ижевской дивизии и 2-я Оренбургская казачья бригада из района деревни Кедровка прошли в Дмитриевку по заброшенной и занесенной снегом летней дороге, указанной им местными жителями. Общее положение армии несколько улучшилось, однако, и при этих условиях арьергарды могли подойти к деревне Дмитриевка только к вечеру 25-го декабря. Здесь пришлось сдерживать натиск красных уже по трем направлениям: по летней дороге, по главному тракту и по дороге на станцию Тайга. Общее руководство обороной и разгрузкой деревни Дмитриевка взял на себя начальник Ижевской дивизии генерал Молчанов, пробравшийся сюда к утру 25-го. Хаос в деревне к этому времени не уменьшился; все дворы, улицы и выходы из деревни были завалены брошенным имуществом, санями, орудиями и пулеметами. Избы оказались переполненными ранеными и больными, преимущественно

тифозными, брошенными без призора и пищи. Для расчистки выходов из деревни пришлось часть саней сжечь. Благодаря самоотверженной работе арьергардов удалось протолкнуть на восток большую часть обозов. Однако, этот успех был куплен дорогой ценой: в арьергардных боях погибли почти полностью остатки 7-й Уральской дивизии, и среди них – 25-й Екатеринбургский полк, один из лучших на всем Восточном фронте; понесли тяжелые потери и другие арьергарды.

Вечером 25-го декабря деревня Дмитриевка была оставлена. Отсюда прикрытие отхода армии пало исключительно на Ижевскую дивизию. Ряд принятых мер несколько ускорил движение обозов, но задача арьергарда не стала легче. Весь день 26-го в прикрытии дрались посменно 2-й стрелковый и Конный полки Ижевской дивизии; это был уже третий день марша по тайге без сна, отдыха и пищи. Истомленные люди шли и дрались из последних сил. Свои патроны давно уже были израсходованы, пополнение их брали по дороге в брошенных санях. К ночи на 27-е арьергард подошел к котловине у поселка Успенского. К этому времени все дно котловины, напоминавшей преисподнюю, оказалось совершенно заваленным санями, орудиями, всяким имуществом и не менее, чем тысячью брошенных истомленных коней. Образовалась пробка, над пробитием которой Ижевцы работали несколько часов. С помощью случайно найденного керосина сожгли около трех тысяч саней; одновременно горело всякое долго спасаемое армейское и гражданское имущество, горели замерзшие и еще теплые трупы больных, женщин и детей. С невероятными усилиями и буквально чудом Ижевцы вытянули из этого ада четыре орудия, остальные были брошены в общем кладбище. Все убогие хаты поселка были забиты тифозными, оставленными на милость неба и произвол красных. Сотни совершенно обессиленных коней неподвижно стояли вдоль дороги, другие, еще способные передвигаться, бродили по поселку в поисках корма и, привлекаемые светом, стучались мордами в окна хат...

Устроив из саней два завала, арьергард сумел удержать красных до полуночи, пока все способное двигаться ушло из котловины. Всю ночь и первую половину дня 27-го арьергард вел бой, обороняя каждый поворот дороги и устраивая завалы из саней. После полудня 27-го арьергард вышел к деревне Золотая Горка. Прикрывающие части вошли в тайгу вечером 23-го и вышли из нее после полудня 27-го, пройдя таким образом шестидесятиверстное расстояние за четверо суток.

6.

Один из красных летописцев назвал Щегловскую тайгу кладбищем 3-й армии. Преследуя армию, красные, по его словам, ехали по трупам сотен павших коней и даже замерзших людей, полузанесенных снегом. Тысячи истомленных, неспособных двигаться коней были брошены вдоль дороги. У деревни Кедровка красные подобрали около десяти тысяч повозок; две саперные роты работали сутки безостановочно, чтобы очистить от них дорогу для проезда.

Страшная тайга осталась позади, и если она не оказалась в действительности кладбищем для личного состава отходивших белых армий, то, без всякого сомнения, похоронила все надежды на будущее. Погибла почти вся материальная часть, включая артиллерию. Как выяснилось впоследствии, по южному пути прошли каким-то чудом четыре орудия 8-й артиллерийской бригады и четыре Ижевской, вдоль железной дороги – одиннадцать орудий Воткинской дивизии. Нужно сказать, что артиллерия подошла к тайге на совершенно истомленных конях, и тягостный

безостановочный переход через тайгу оказался ей не по силам. Кроме того, на ухабистой, разбитой дороге не выдерживали тяжелого груза ни одни сани: даже наиболее прочные, нагруженные разобранными орудиями – разбивались вдребезги на протяжении нескольких верст. Воткинцы спасли свои орудия, распределив их между пехотными частями и вывезя их буквально на плечах людей; артиллерия 8-й дивизии шла отдельно и не могла прибегнуть к спасительной помощи пехоты.

В той обстановке, в какой пришлось впоследствии совершить марш до Забайкалья, артиллерия и пулеметы, также в большинстве брошенные в тайге, оказались бы только обременяющим грузом, но в момент выхода из тайги потеря их казалась непоправимым несчастьем: армия стала фактически почти безоружной, без всяких перспектив на быстрое восстановление ее боеспособности и даже со слабой надеждой на самое спасение ее. Вместе с тем, перед участникам похода воочию встали те грозные тяготы, кои таились, быть может, на каждом шагу их к цели, пока еще никому неведомой. Зарождались сомнения, что высшее командование сумеет эти грядущие препятствия предусмотреть и вовремя устранить. Однако, в первые дни размеры катастрофы оставались еще неясными; была еще надежда, что 1-я и 3-я армии сохранили хотя бы некоторую боеспособность, и что они смогут задержаться у выходов из тайги и дать столь необходимый теперь выигрыш времени. Но события последующих дней рассеяли и эти надежды.

ОТ ЩЕГЛОВСКОЙ ТАЙГИ ДО КРАСНОЯРСКА

1.

Утром 26-го декабря 8-я дивизия выступила из деревни Красный Яр в общем направлении на северо-восток, стремясь выйти поскорее из района 3-й армии и сблизиться со 2-м корпусом, связь с коим была утеряна. Хотя движение и ночлеги производились с мерами охранения, но мы оставались в спокойной уверенности, что движемся в безопасном от красных районе, под прикрытием 1-й армии, занимающей северные проходы через тайгу. Но уже на втором переходе, при выходе из деревни Камышевское, 29-й полк, шедший в конце колонны, был атакован красными, наступавшими со стороны железной дороги, и понес небольшие потери. Донесение командира полка определенно указывало на присутствие регулярных красных частей. Стало ясным, что на севере не все благополучно. Вскоре начали поступать донесения о встречающихся на пути движения группах безоружных солдат из состава 1-й армии; все они предъявляли документы об увольнении из рядов армии и заявляли, что расходятся по домам.

Несколько позднее стало известным, что 1-я армия перестала существовать. 17-го декабря в городе Томске, где находился штаб 1-й армии, произошло вооруженное выступление левых групп интеллигенции и рабочих, к коим примкнула большая часть гарнизона. Подготовка к выступлению велась открыто и без всякого противодействия со стороны генерала Пепеляева, прекрасно осведомленного о существовании и планах революционных организаций. Не сделав никаких попыток подавить восстание, генерал Пепеляев выехал из Томска с конвоем и частью командного состава, не пожелавшего оставаться с мятежными частями. Самостоятельно ушел запасный батальон Ижевской дивизии, расквартированный в Томске.

Гарнизоны Мариинска и Ачинска были, по-видимому, распушены, Красноярский

гарнизон тоже взбунтовался, и около генерала Пепеляева остался только его конвой и небольшая группа офицеров и верных долгу солдат, всего около 400 человек. С этим небольшим отрядом генерал Пепеляев вел наблюдение за красными, отходя вдоль железной дороги. Через несколько дней генерал Пепеляев заболел тифом и был положен в чешский санитарный поезд, а остатки его армии, всего в составе 500-600 человек, были присоединены для похода ко 2-й армии.

Прорыв красных вдоль железной дороги возбудил естественные опасения за участь 3-й армии, которая должна была, по приказу генерала Каппеля, удерживать южные выходы из тайги. Уже к полудню 27-го, когда последние части 3-й армии подходили из тайги к деревне Золотая Горка, авангарды красных находились значительно восточнее. Если бы 3-я армия попыталась выполнить приказ N 778, то уже на следующий день она оказалась бы глубоко обойденной с севера. Но, как я отметил раньше, приказ N 778 никогда не дошел до частей 3-й армии. Кроме того, измученная четырехдневным голодным и холодным маршем по тайге армия не была способна ни к какому сопротивлению. Временно командовавший армией генерал Барышников уже утром 27-го начал движение на восток южнее железной дороги, оставив для защиты выходов из тайги Ижевскую дивизию и 2-ю Оренбургскую казачью бригаду. Ижевцы, вышедшие из тайги последними, буквально падали от изнеможения и засыпали прямо на снегу там, где их ставили для боя. Когда поздно вечером 27-го обозначилось наступление красных частей, начальник арьергарда отдал приказание об отходе.

Таким образом, план генерала Каппеля – реорганизовать армию, удерживая линию реки Золотой Катат – отпал, нужен был какой-то новый. Пока же для 8-й дивизии оставался в силе первый приказ – идти в район Ачинска. До станции Итат дивизия двигалась по проселочным дорогам на 20-30 верст южнее железной дороги. Уже на первом переходе после тайги появилось много новых саней, а через два-три дня все двигались по-прежнему на санях. Части шли теперь компактно, в полном своем составе, присоединив обозы второго разряда. Соприкосновение с красными было утрачено, и только по отрывочным сведениям из отряда генерала Пепеляева можно было приблизительно установить линию их продвижения. На третьем переходе от Красного Яра догнали 8-ю артиллерийскую бригаду и только здесь окончательно выяснили судьбу орудий: с бригадой шли только четыре орудия 4-й батареи.

Двигалась бригада очень медленно; тяжело загруженные сани везли и ценное артиллерийское имущество, и ненужный хозяйственный хлам, необходимый, по мнению артиллеристов, при новом формировании батарей. Я приказал выбросить все ненужное на первом же ночлеге, однако, на следующем переходе все оказалось почти по старому. Приказываю вторично разгрузиться на большом привале, для чего разрешаю задержаться на полчаса. На ночлег бригада не прибыла, и мы никогда не узнали, какая судьба ее постигла. Не подлежит сомнению, что добровольно остаться у красных бригада не могла: личный состав ее, в большинстве добровольческий, с прекрасным командным составом, не оставлял желать лучшего. Остается предположить, что бригада была полностью захвачена какой-нибудь красной частью, спустившейся к югу со стороны железной дороги.

2.

Еще до подхода 8-й дивизии к Ачинску выяснилось, что общая обстановка резко изменилась к худшему: помимо потери выходов из тайги и развала 1-й армии,

начался ряд крупных восстаний в тылу.

Ближайший к армии гарнизон города Красноярска, состоявший в большинстве из частей 1-го Сибирского корпуса, занял явно враждебное к армии положение.

Начальник гарнизона, командующий корпусом генерал Зиневич, выбросил лозунг, общий для всех взбунтовавшихся частей – "война Гражданской войне" – и обратился к генералу Каппелю с предложением разоружиться. К генералу Зиневичу примкнуло несколько частей, слабых численно и мало надежных в боевом отношении, но их выступление развязало руки активным большевистским группам и открывало возможность выхода с юга сильных партизанских отрядов Щетинкина и Кравченко, действовавших в районе Минусинска. Важнейший пункт армейского тыла, с огромными артиллерийскими запасами, попал во враждебные руки и оставил армию между двух огней. Слабо занятый в первое время Красноярск в любой момент мог оказаться в руках большевиков и обратиться в труднопроходимое для армии препятствие, как это впоследствии и случилось.

Затягивая умышленно свой ответ Зиневичу, генерал Каппель отдал приказ об ускорении движения к городу Красноярску и далее на восток, назначив 2-й армии для сосредоточения район Вознесенское – Свищево – Балайское, причем в отношении гарнизона города Красноярска указал применить силу оружия, если бы он попытался остановить движение армии. Приказ, по-видимому, отдан в городе Ачинске утром 31-го декабря, ибо в 2 часа 30 минут того же числа генерал Войцеховский отдал уже свой приказ N 1800/оп., сохранившийся у меня в копии.

Сообщая данные обстановки, генерал Войцеховский отметил, что чехи предполагают очистить Красноярск 2-го января. По-видимому, в то время наше командование еще питало надежду на чешское содействие армии или рассчитывало, что чехи могут оказаться на нашей стороне силою событий, вынужденные защищать бесконечную линию своих эшелонов от надвигавшейся красной армии. Приказ допускал также, что на марше к Красноярску армия может быть атакована с юга отрядами Щетинкина и Кравченко, действующими от Минусинска по кратчайшему направлению на участок железной дороги Кемчуг – Красноярск. Что же касается регулярных красных частей, то их положение совершенно неправильно определялось к утру 31-го декабря в районе Суслово – Тяжун, примерно в 120 верстах от города Ачинска; между тем, уже на следующий день после полудня уходящий последним с большого привала в Ачинске 29-й Бирский полк был атакован авангардом красных. Приказ совершенно не упоминал о соседях – остатках 3-й армии – несмотря на обычную в этом отношении пунктуальность генерала Войцеховского: по-видимому, связь с ними порвалась окончательно. Как выяснилось впоследствии, к 31-му декабря головные части 3-й армии уже подходили к линии дороги Ачинск – Минусинск, примерно в 50 верстах южнее Ачинска, то есть к тому району, откуда ожидалось наступление партизанских отрядов.

Частям 2-й армии приказ N 1800/оп. ставил следующие задачи:

1) Авангард (полковник Макри) – части особого назначения – выдвигался вдоль железной дороги для выяснения обстановки и обеспечения железнодорожных станций.

2) Прикрытие с юга – две конные колонны: а) казачьи части под командой генерала Волкова и б) 1-я Кавалерийская дивизия – следовавшие одна за другой по населенным пунктам на 20-25 верст южнее железной дороги на высоте колонны

главных сил, для разведки в Минусинском направлении и прикрытия железной дороги и общего движения армии.

3) Главные силы армии в двух колоннах: ПРАВАЯ, следовавшая по полотну железной дороги в двух группах: а) в голове 4-я Уфимская стрелковая дивизия, Уфимская кавалерийская дивизия и запасной батальон Ижевской дивизии, под общим командованием генерала Петрова и б) Уфимская группа генерала Бангерского (без 4-й дивизии), следовавшая в одном переходе за головной группой; ЛЕВАЯ колонна, под командой генерала Бордзиловского, в составе Тобольской и Южной групп и Томских военно-училищных курсов, направлявшаяся вдоль большого тракта на высоте колонны генерала Петрова, с указанием перейти реку Енисей севернее Красноярска, не заходя в город.

В особые колонны выделялись спешенная тяжелая артиллерия под командой генерал-майора Беляева, армейские лечебные заведения и обозы разных учреждений. Колонна генерала Беляева должна была двигаться по путям севернее большого тракта, держась на высоте колонны генерала Бордзиловского, а колонна обозов с небольшим прикрытием – по большому тракту, за левой колонной. Предполагалось, что голова главных сил армии достигнет линии города Красноярска к вечеру 4-го января и 5-го перейдет в район сосредоточения; колонна генерала Бангерского должна была подойти к тем же пунктам на сутки позднее.

Приказ генерала Войцеховского отнюдь не перечислял всех мелких частей и, особенно, учреждений и обозов, достигших к 1-му января линии города Ачинска. Огромные обозы смешанного состава, никому не подчиненные или утерьявшие связь со своими высшими соединениями, двигались самостоятельно по путям армейских колонн. Они заполняли дороги и места ночлегов, следуя и располагаясь без всякого порядка, затрудняя до крайности поддержание связи и боевой готовности строевых частей. Боеспособный элемент буквально тонул в хаосе, ими создаваемом.

Временами положение становилось настолько угрожающим, что штаб Уфимской группы вынужден был отдать приказ – принять все меры, до применения оружия включительно, чтобы не допустить посторонние обозы на путь движения группы. Приказ остался на бумаге, ибо движение на обоих путях – по полотну железной дороги и по большому тракту – сделалось стихийным, и потребовалось бы расстрелять тысячи людей и лошадей, чтобы остановить эту живую лавину. И хотя генерал Войцеховский требовал в своем приказе расформирования и объединения всех мелких частей и обозов, но в обстановке форсированного движения об этом нечего было и думать. Упорядочить движение и создать что-либо стройное из великого хаоса удалось лишь в малой степени.

Наиболее характерной особенностью приказа генерала Войцеховского явилось указание на полную перемену фронта. С этого момента Командование видит своею главной целью движение на восток, сообразно с чем дано и наименование колонн. Главная опасность усматривалась также с востока и отчасти с юга, со стороны Минусинска. Одной из причин такой неверной оценки явились неточные данные о главном враге армии – регулярных красных частях: приказ считал их на 100 верст дальше, нежели они оказались в действительности, и поставил в арьергард беззащитные обозы почти без прикрытия. Большую роль в этом отношении сыграло, несомненно, исчезновение 1-й армии; остатки ее к этому времени растворились в общей массе обозов, перестав исполнять даже скромную, но столь необходимую роль наблюдения за красными. Преувеличенные опасения за Минусинское направление

явились следствием полной потери связи с 3-й армией. Последняя, как выяснилось позднее, шла от Щегловской тайги почти на линии арьергардов 2-й армии, в 50-60 верстах южнее железной дороги. Благодаря быстрому движению и отсутствию хороших дорог с юга на север, штаб 3-й армии не смог установить связи ни с генералом Каппелем, ни с ближайшими частями 2-й армии. Вечером 2-го января ядро корпусов и штаб 3-й армии находились уже почти на переход восточнее тракта Ачинск – Минусинск. Отсюда генерал Барышников пытался установить связь по телеграфу с Ачинском, но к этому времени Ачинск был уже занят авангардом красной армии. Не имея никаких сведений о штабе генерала Каппеля и 2-й армии, генерал Барышников решил идти на сближение с ними, наметив для этого станцию Кемчуг, куда вели сравнительно хорошие дороги.

3.

На марше от Ачинска до Красноярска 8-й дивизии были назначены ночлеги: 2-го января – деревни Козулинское, Чернореченское; 3-го – Кемчуг, Большой Кайдан; 4-го – станция Кача; 5-го – Красноярск и 6-го – станция Сорокино, деревни Магальская, Лопатино – в районе, назначенном для сосредоточения армии. Приказ о движении был получен 1-го января в городе Ачинске, куда дивизия прибыла после безостановочного движения от Щегловской тайги, особенно тяжелого до выхода на большой тракт, когда пришлось двигаться по скверным, плохо укатанным дорогам, в сильно пересеченной местности. При выходе из Ачинска, где был дан большой привал, шедший в арьергарде полк был атакован красными, наступавшими вдоль железной дороги с запада. Этим в корне разрушались представления о безопасности со стороны регулярного красного фронта, однако, высшие штабы склонны были приписать эту атаку местным партизанам, подошедшим к Ачинску с юга.

В течение трех последующих дней движение и ночлеги дивизии производятся строго по приказу. На этом участке своего крестного пути армия снова втягивается в тайгу, правда, не столь дикую и неприступную, как Щегловская, но с единственной, по существу, годной для движения дорогой – большим Сибирским трактом. Снова погружаемся в невероятный хаос, созданный множеством никем не управляемых обозов. Несмотря на все принимаемые меры, на каждом мелком перекрестке страдаем от вклинивания посторонних частей, расплываемся на ночлегах, в полном бессилии поддержать хотя бы относительный порядок и боевую готовность. Движемся большей частью непосредственно по полотну железной дороги, лишь изредка съезжая на грунтовый путь там, где допускает тайга и рельеф местности. Обгоняем массу неподвижных, точно застывших эшелонов, последние русские поезда; в Красноярске, где сосредоточена в это время Польская дивизия – уже хвост чешских эшелонов. Вереница саней вынуждена лавировать между поездами, занимающими оба пути; иногда тот или другой поезд вдруг начинается двигаться, и если сзади не успевают вовремя предупредить, десятки саней с людьми и конями летят под откос. На ночлегах мелкие населенные пункты и железнодорожные станции переполнены до отказа. Неожиданно наталкиваемся здесь на конные части, которые должны были двигаться значительно южнее; приказы явно не выполняются. Одновременно претендуют на свое место под кровом и те, кто не упомянут ни в одном приказе. Но под крышей зачастую нет места даже для больных и женщин, поэтому большинству приходится коротать морозные ночи на улицах у костров.

Вечером 3-го января дивизия достигла станции Кемчуг. Впервые не прибыл

своевременно на ночлег обоз штаба дивизии: днем, на одном из перекрестков, волна обозов отрезала его и вынудила свернуть на большой тракт, где он затерялся в общей медленно движущейся массе обозов. Прибыл он на станцию Кемчуг только утром 4-го, после безостановочного суточного движения, в то время, как части дивизии начинали новый переход. Пришлось дать обозу большой привал. Через час после отъезда штаба Кемчуг был атакован и занят красными, и обоз погиб, оставив всех чинов штаба с тем, что они имели на себе.

Поздно ночью в Кемчуг прибыл начальник 3-й Оренбургской Казачьей бригады генерал М.М. со своим маленьким штабом и ночевал в занятой нами хате. Мне неоднократно за время гражданской войны приходилось сталкиваться с генералом М., и всякий раз наши встречи оканчивались каким-нибудь несчастьем. Повторялось это с такой регулярностью, что мы оба обратили на это внимание, и в ночь на 4-е я не мог не подумать, что очередное несчастье не за горами. Но даже и эта мысль не омрачала удовольствия видеть генерала М., одного из первых Оренбургских партизан, обаятельного по внешности и характеру, молодого и полного сил. Утром 4-го оба штаба уходили из Кемчуга одновременно. В тот момент, когда я, уже одетый для похода, делал последние распоряжения, внезапно раздался выстрел: генерал М., находясь в двух шагах от меня, сумел незаметно вынуть наган и выстрелить себе в сердце. Общее несчастье и личное горе сломили мужественного бойца. За время похода полностью погиб один из его полков, другой понес огромные потери, что угнетающе подействовало на генерала М. Через минуту он умер с трогательными словами любви к жене и ребенку, затерявшимся где-то в обреченной линии русских эшелонов. Так трагически закончилась наша последняя встреча...

За несколько минут до отъезда штаба дивизии в Кемчуг неожиданно прибыл штаб 3-й армии. Опасаясь появления красных у Кемчуга раньше, чем подойдут его отходящие части, генерал Барышников обратился с просьбой – прикрыть Кемчуг силами 8-й дивизии. Однако к этому времени даже последние повозки частей успели скрыться из вида, и повернуть их с пути вдоль полотна железной дороги было физически невозможно. Через полчаса после выхода штаба дивизии со стороны станции Кемчуг послышался ружейный и пулеметный огонь: опасения генерала Барышникова сбылись – станция была захвачена красными, и сам он со штабом спасся чудом.

Следующий пункт для ночлега дивизии – маленький, бедный поселок при станции Кача – оказался забитым людьми и повозками сверх всякой меры. С огромным трудом удалось поместить под крышу женщин и немногих больных, все остальные ночевали у костров. Сам я, совместно с командиром корпуса, нашел приют в хате, занятой сибирским атаманом и штабом генерала Волкова; удалось даже забыться на два-три часа, спрятав голову под стол и предоставив ноги в распоряжение всех проходящих.

5-го января около 3-х часов дня штаб дивизии прибыл на разъезд Минино – последнюю железнодорожную остановку перед Красноярском. К моему удивлению и тревоге, на разъезде оказались эшелоны штабов фронта и 2-й армии, которые, по предположениям, уже должны были пройти Красноярск. Около эшелонов видно было много саней, только что наспех собранных в окрестных деревнях: производилась разгрузка обоих штабов; поезда дальше не идут. Дело плохо. Нашел генерала Войцеховского в пустом уже вагоне, за картой, и узнал о событиях, разыгравшихся в Красноярске за истекшие сутки. К подходу армии Зиневич оказался уже отстраненным и арестованным; к власти стали большевики; с лихорадочной

поспешностью и энергией организовалась оборона города, и армия встретила уже открытого врага. Подойдя с колонной к Красноярску вечером 4-го, генерал Петров не решился в темноте атаковать город и ночевал в районе деревни Минаино. Утром 5-го колонна повела атаку на город и железнодорожную станцию. Гарнизон Красноярска, усиленный свежими формированиями из рабочих дружин, оказал упорное сопротивление. Несмотря на отсутствие артиллерии и недостаток патронов, пехота ворвалась в город и заняла станцию. Оставалось проявить еще небольшое усилие, чтобы окончательно очистить город, но неожиданное появление бронепоезда, по некоторым данным – польского, внесло смятение в ряды атакующих; странную роль сыграл начальник особых отрядов полковник Макри, отдавший приказание об отходе без всяких видимых оснований. Атакующие части поспешно отошли, не успев даже вынести своих раненых; запасной батальон Ижевцев, имевший в строю 680 человек, вывел из боя только 380; понесла большие потери и пехота 4-й дивизии; конница завязла в снегу и сделать ничего не могла. Решено было атаки не повторять и выждать подхода других частей 2-й армии, тем временем очистить эшелоны обоих штабов и перейти на санный обоз.

Не получив никаких приказаний для следующего дня, я отдал приказ о ночлеге в районе деревень Минаина и Зимино: штаб дивизии, 29-й полк и Егерский батальон – в деревне Минаина, остальные полки – в деревне Зимино. Генерал Каппель со штабом под прикрытием Екатеринбургской Инструкторской школы и остатков Образцовой Егерской бригады направился также в деревню Минаина; генерал Войцеховский решил на эту ночь вернуться в свой поезд. Здесь же, на разъезде Минаине, наскоро был сформирован санитарный поезд, куда посадили часть больных и раненых и большую часть семейств из обоих штабных эшелонов. Поезд был направлен в Красноярск, откуда начальник Польской дивизии полковник Румша обещал провести его на восток. Вскоре Польская дивизия была захвачена красными, и вместе с ней погиб последний русский эшелон.

4.

В то время, как 2-я армия пробивалась к Красноярску через тучи своих обозов, двигаясь вдоль железной дороги и севернее, остатки 3-й армии блуждали южнее железной дороги. 2-го января генерал Барышников сделал неудачную попытку войти в связь с генералом Каппелем через Ачинск, уже занятый красными, после чего решил вести части к железной дороге. Утром 4-го штабу армии удалось выйти на станции Кемчуг, но уже через час станция была атакована и занята красными; штаб армии снова ушел на юг, потеряв окончательно связь с железной дорогой и со своими частями. Затерявшись в массе обозов, немногие боеспособные части армии блуждали теперь без цели и без всякого представления о действительной обстановке, инстинктивно пытаясь притянуться к железной дороге. В сравнительной близости к полотну железной дороги шла большая конная группа, состоявшая из нескольких казачьих полков, конного полка Ижевской дивизии и остатков 11-й Уральской стрелковой дивизии, посаженных на коней. Действуя необъединенно и без всякого руководства, группа неоднократно выходила к железной дороге, но всякий раз с запозданием, находя намеченные пункты занятыми красными, и снова уходила на юг, теряя время и последние силы на обходы по бездорожной лесистой местности. Часть казаков митинговала, раздавались голоса за сдачу, однако наиболее энергичные и непримиримые шли вперед и увлекали колеблющихся на новую попытку пробиться. Положение казалось особенно трагичным днем 4-го января, когда кончились неудачей несколько попыток выйти к железной дороге. После

бесконечного блуждания в лесу, без сна, без пищи и отдыха, большей части группы удалось, наконец, к утру 5-го выйти на полотно дороги восточнее станции Кемчуг, откуда красные в течение 4-го вперед не продвинулись. Ижевский конный полк, оказавшийся всего в трех верстах от станции Кемчуг, взял на себя прикрытие общего отхода.

Пехотные полки Ижевской дивизии с остатками артиллерии утром 4-го января находились на марше от поселка Рыбного к станции Кемчуг. К полудню медленно двигавшаяся колонна остановилась окончательно, пройдя примерно половину расстояния до станции; выяснилось, что Кемчуг занят красными и дальнейшее движение вперед невозможно. Обратный путь на Рыбный был прочно закрыт непрерывным потоком обозов, занявших всю длину и ширину дороги; чтобы идти назад, нужно было предварительно повернуть тысячи повозок; следовало также ожидать, что Рыбный уже занят красными, шедшими за ижевцами по пятам. Ввиду полного отсутствия дорог на восток от тракта Рыбный – Кемчуг, начальник Ижевской дивизии генерал Молчанов решил вести части без дороги, по компасу, наметив конечным пунктом небольшую деревушку в 12-15 верстах восточнее Рыбного. Пришлось вновь бросить все сани, последние четыре орудия, остатки пулеметов и имущества. К вечеру каким-то чудом вышли прямо к намеченному пункту и после короткого отдыха возобновили движение в направлении на станцию Кача. После безостановочного суточного движения генерал Молчанов сосредоточил всю дивизию у станции Кача, образовав арьергард отходящей армии. В то время, как 2-я армия сосредотачивалась в узкой долине северо-западнее Красноярска, остатки 3-й армии к вечеру 5-го января растянулись вдоль железной дороги между станцией Кача и разъездом Минино.

Большая часть армии погибла, однако, не дойдя до станции Кача, растворившись между обозами и попадая в плен вместе с ними, не будучи в состоянии оказать какое-либо сопротивление.

РЕКА КАН

1.

Картина страшного разгрома армий под Красноярском нам, собравшимся в штабе 2-й армии в ночь на 7-е января, представлялась еще мрачнее, чем она была в действительности. Генерал Войцеховский располагал лишь отрывочными и неполными сведениями о судьбе частей армии, не представлял себе, чем он может располагать и какова боевая ценность спасшихся частей; ровно ничего не было известно о судьбе всей левой колонны армии, хотя генерал Войцеховский и предполагал, что она успела переправиться через Енисей и уйти на восток; даже о судьбе генерала Каппеля стало известно только из моего доклада. С такими данными предстояло решать, что делать дальше; было ясно одно – надо уходить немедленно на восток, по пути собрать и привести в порядок все, что можно, войдя в связь с частями, уже перешедшими на правый берег Енисея. Путь отхода вдоль железной дороги прямо на восток от района Чистоостровское – Есаулово казался опасным, так как можно было ожидать сопротивления со стороны местных партизанских отрядов, а главное – преследования из района города Красноярска. Опрос местных жителей установил, что существует еще один, зимний путь к городу Канску – вдоль рек Енисея и Кана, в обход угрожаемого участка пути. Однако этот путь был опасен в другом отношении: ввиду поздней и необычайно мягкой зимы, дорога по реке Кану,

по-видимому, еще не проложена, и направлением этим еще никто не пользовался.

Войцеховский предложил решить, куда идти. Я ответил, что части дивизии временно небоеспособны, неизвестно точно, сколько бойцов вышло; необходимо время, чтобы командный состав мог взять людей в руки, переформировать части и перераспределить остаток боевых припасов; желательно поэтому на ближайшие дни избегать всяких боевых столкновений и предпочесть преодоление естественных препятствий. По этим соображениям я высказался за путь по рекам; ко мне присоединился и командующий группой генерал Бангерский, на этом же решении остановился и генерал Войцеховский.

Принятое решение впоследствии оказалось совершенно неправильным. Преследования со стороны Красноярска не было в течение нескольких дней; головные части красной армии, сравнительно слабого состава, буквально утонули в том море людей и повозок, которое осталось в районе Красноярска; город сам по себе, с огромными складами имущества, особенно артиллерийского, представлял собой слишком лакомую добычу, чтобы оставить его без надежного прикрытия. Красноярский гарнизон пестрого состава со свежесформированными частями мог действовать только накоротке и, безусловно, не был пригоден для операций в поле. Это делало наш отход вдоль железной дороги безопасным на несколько дней и избавляло нас от тяжестей похода по реке Кану; однако, в ночь на 7-е января обстановка представлялась нам совершенно иначе, и всякое иное решение, кроме принятого, казалось невозможным.

2.

Утром 7-го января Уфимская группа, штабы и конвой Главкомандующего выступили на север, следуя по левому берегу Енисея или же, временами, по льду реки. Впереди, применяя старые наименования, шла 4-я дивизия или то, что от нее осталось; затем 8-я, 12-я Уральская и Уфимская конная, на которой лежало прикрытие движения со стороны Красноярска, так как о выходе на этот же путь 3-й армии еще не было известно. Для ночлега назначены были: деревня Атамановское – для 4-й дивизии, деревня Шиверская – для 8-й и 12-й и поселки южнее последней – для Уфимской Кавалерийской. Задержанный на пути генералом Войцеховским, я прибыл в деревню Шиверскую позднее других и, к моему удивлению, не нашел никого – части ушли на ночлег в деревню Атамановское. На мой запрос о причинах самовольного ухода командиры полков дали объяснение, что неисполнение приказа вызвано было отчасти стихийным желанием поскорее оторваться от противника, отчасти опасением, что конница не будет выполнять своей задачи по прикрытию колонны. У меня не хватило духа потребовать от измученных людей возвращения в деревню Шиверское, и я предпочел пойти на крайне неприятное объяснение с генералом Войцеховским; к тому же, деревня Атамановское оказалась достаточно просторной, чтобы разместить всех прибывших.

Утром 8-го – короткий переход в деревню Подпорожное, расположенную у устья реки Кан. Здесь нашли на большом привале 4-ю дивизию, что вынудило и нас остановиться на несколько часов. Проверка имевшихся раньше сведений о реке Кан установила окончательно, что путь по реке до Канска вообще существует и им изредка пользуются местные жители, но в текущем году по реке еще никто не проходил. Причина – мягкая зима. Кан, быстрая горная речка, изобилует порогами и замерзает окончательно только после сильных сибирских морозов. Местные жители

выражали сомнение в возможности прохода, так как считали, что мы не сможем одолеть порогов, где под снегом струится вода; безусловно были непроходимы пороги у устья реки, но их можно обойти, пересекая огромную лесистую сопку, занявшую весь угол между Енисеем и Каном; дальше по реке обходы порогов были абсолютно невозможны по характеру берегов. Ближайший населенный пункт вверх по реке – деревня Барга – находился примерно в 80 верстах от Подпорожной по прямой линии, причем единственная имевшаяся у нас старая переселенческая карта указывала деревню Барга на правом берегу реки; впоследствии мы нашли деревню на левом берегу.

Картина открывалась невеселая, но выхода у нас не было. Возвращаться назад, чтобы выйти к железной дороге, особенно теперь, после потери двух суток, было поздно; оставалось идти вперед. Вскоре после полудня 4-я дивизия выступила из деревни Подпорожное, имея в голове колонны генерала Каппеля с его конвоем. 8-я дивизия начала движение через три часа, в предположении, что 4-я дивизия, прокладывая дорогу по целине, успела уже выиграть достаточное пространство. Начался медленный, утомительный подъем в гору по плохо укатанной дороге. День на редкость теплый; падал небольшой снежок. Уже в полной темноте поднялись на вершину горы и здесь надолго остановились: впереди застыл неподвижно хвост 4-й дивизии. Командированный на разведку офицер вернулся и доложил, что в голове колонны движение почти остановилось: люди и повозки тонут; продвижение было успешно, хотя и требовало огромных усилий при дневном свете, ночью же приходится находить сухие места под снегом ощупью; кое-где вода струится во всю ширину реки, и там люди и лошади идут по колено в воде; идущие в голове высказывают сомнение в самой возможности дальнейшего движения.

Оставалось терпеливо ждать, пока очистится дорога, остановившись на горе так, как двигались, ибо сход с дороги в дремучем лесу невозможен. На душе – гнетущее чувство сознания своей полной беспомощности; оставалась только надежда на чудо – на внезапный и лютый сибирский мороз. Около 8 часов вечера небо начало проясняться, сквозь верхушки высоких сосен выглянул неполный лик луны, и желанный мороз, крепкий и беспощадный, спустился на непокорную речку. Вдоль дороги появилась линия костров, но спать никто не может – слишком холодно. В полночь с реки пришла записка генерала Каппеля, адресованная генералу Войцеховскому и для сведения старших начальников. Люди в голове колонны на грани отчаяния, и генерал Каппель высказал соображение о необходимости бросить все сани, посадить людей верхом, оставив в деревне Подпорожное всех раненых, больных и женщин, как это было сделано в Щегловской тайге. Я хорошо знал, что эта мера для нас психологически неприемлема: в частях остались только те, кому пути назад нет, и никто не пожелает оставить позади беспомощных людей. Вместе с тем, я надеялся, что утром, особенно после мороза, движение пойдет гораздо быстрее и легче. Нужно было воспрепятствовать рекомендуемой генералом Каппелем мере, и я решил вернуться в Подпорожное и настоять перед генералом Войцеховским выждать с решением до утра. Командующий армией оказался того же мнения, и убеждать его не пришлось.

Бесконечная, томительная ночь прошла в ожидании, в попытках согреться и задремать. За час до рассвета последние повозки 4-й дивизии исчезли, и с первыми лучами ясного, морозного дня мы оказались на льду реки.

К этому времени голова колонны, по-видимому, продвинулась значительно вперед, и начало нашего движения по реке пошло с большой быстротой. Утреннее солнце осветило своеобразную картину. Ровная, белая лента реки Кан, шириною в 200-250 шагов, вьется между двух обрывистых, поросших вековым лесом стен, подобно бесконечному белому коридору. Высокие холмы по обоим берегам временами отходят от реки, иногда же нависают над самым руслом. На всем протяжении от устья Кана до деревни Барга нигде не удалось заметить ни малейшего прорыва в этих стенах, куда мог бы проскользнуть человек; все двигавшиеся по реке тысячи людей и лошадей оказались запертыми более прочно, чем если бы они попали в самую надежную тюрьму.

Узкая дорога через Щегловскую тайгу казалась тягостной, стеснительной, связывавшей по рукам и ногам. Открывшаяся перед нами величавая, Богом созданная дорога сверх того устрашала. Можно было надеяться, что под соединенными усилиями тысяч решительных людей Щегловское дефиле разорвется и даст выход запертому в нем людскому потоку, здесь, при спуске на Кан, можно было поставить старую, всем известную надпись: "Оставь надежду, входящий сюда". Эти две стены лесистых гор, покрытых снегом, пробить не смог бы никто.

По белому полю реки местами выступали огромные красноватые пятна, подобные ржавчине: здесь пробилась на поверхность незамерзшая струя воды; дорога шла, извиваясь, обходя эти опасные места. Сейчас они безвредны, так как легко видны, но ночью голова колонны должна была ощупывать их с большой осторожностью. Становилось понятным, почему нас заставили просидеть на горе целую ночь.

Через два-три часа после спуска на лед Штаб дивизии, шедший в голове, догнал хвост 4-й дивизии, и движение сразу замедлилось. Стало очевидным, что проложенная и укатанная дорога кончилась, и теперь нужно идти с той же скоростью, с которой головные люди прокладывали свой опасный путь.

Около 11 часов дня сделали привал, рассчитывая легко наверстать потерянное время, быстро двигаясь по проложенной дороге. Штаб остановился у обрыва северного берега реки, под ярким, но не греющим солнцем. Разложили костры, согрели чай из растопленного снега, "завели" пресные блины и с наслаждением съели скудный, но горячий завтрак на тридцатиградусном морозе.

Пока мы отдыхали, голова колонны сделала, видимо, очень небольшой прогресс, так что потерянное нами пространство было быстро выиграно, и мы должны были принять общий медленный темп движения. До сих пор колонна шла в большом порядке – все на своих местах, очень мало отставших в головных частях. Около 3-х часов дня вдоль колонны 8-й дивизии потянулась разрозненная линия всадников: шла Уфимская кавалерийская дивизия. Утомленная, видимо, общим медленным движением и частыми остановками, конница решила продвигаться параллельно, но скоро перешла на общую дорогу, вызвав разрывы в частях и общий беспорядок. Вслед затем вся эта смешанная масса, надвинувшись вплотную на 4-ю дивизию, пошла уже двумя, а иногда тремя колоннами, пролагавшими самостоятельные пути. С наступлением темноты не было уже возможности различить, где и какая именно часть движется, и управление движением фактически прекратилось.

Перед вечером неожиданно наткнулись на странную находку; на уступе северной скалистой стены приютилась маленькая охотничья избушка; в ней – грубо

сложенный очаг, чтобы приготовить горячую пищу для нетребовательного заблудившегося охотника. Это было единственное жилье, встреченное на всем пути от деревни Подпорожное до деревни Барга.

С наступлением темноты пошел снег, и сразу же потеплело. Окружающие скалы и лес приняли фантастические очертания, бесконечные вереницы людей и повозок двигались теперь в странной тишине, навеянной усталостью и жутким молчанием величавой природой декорации. Медленное, монотонное движение начинало усыплять, усталый взор напрасно искал какого-нибудь просвета впереди, за каждым поворотом реки рисовались огни деревни; и вскоре они действительно замелькали по обоим берегам реки, а слух ловил лай собак и другие знакомые звуки человеческого жилья. Но вскоре огни исчезали, звуки расплывались, а впереди, в бесконечной смене, появлялись новые повороты и извилины капризной горной речки.

Вероятно, я задремал с открытыми глазами и не заметил, как мой крупный, широко шагавший конь вынес меня к голове колонны. Впереди – только два-три десятка всадников и ни одной повозки, и я двигался теперь по узкому, рыхлому следу, только что проложенному в девственном покрове реки. Конь шел медленнее и осторожнее по неверной дороге и вскоре начал останавливаться; чтобы облегчить его, я решил чаще спешиваться, но каждый шаг по рыхлому снегу тотчас же напоминал мне, что я и сам безмерно устал; сказывалось недосыпание – за последние пять ночей спал в среднем не более двух-трех часов. После нескольких попыток протолкнуть вперед и себя, и не желавшего идти коня, я в изнеможении свалился у дороги, поднялся и снова упал; ни сил, ни желания еще раз подняться; почувствовал, что начинаю засыпать. Бесконечная усталость и апатия давили на плечи, на ногах – точно свинцовые подошвы. Тщетно оглядывался на проходящих и не мог различить ни одного знакомого лица.

Неожиданно из темноты показалась фигура всадника с заводной лошадей; кто-то спрыгнул ко мне и помог сесть на свежую лошадь; всадник оказался офицером конного дивизиона 8-й дивизии. Покачиваясь и держась в седле исключительно силой воли, я смог проехать еще несколько сот шагов. Выручил новый сюрприз. Шедшие в голове движения люди наткнулись на какую-то изгородь и небольшой сарай, приютившийся на уступе скалистого берега. Немедленно был разведен костер и появился неизбежный кипяток. Когда мы добрались до сарая, костер уже весело трещал, и чай был готов. Чьи-то дружеские руки подняли меня к костру, другие протянули чашку мутного чая и кусочек сала, и через несколько минут я ожил.

Было, по-видимому, около полуночи, когда после короткого отдыха я возобновил движение. Небо прояснилось, стало вновь необычайно холодно. После остановки ехал с группой случайно собравшихся людей, среди коих – генерал П. с женой; оба едут верхом на импровизированных седлах: сани их примерзли к дороге во время одной из вынужденных остановок, и их пришлось бросить. Всякое представление о пройденном пространстве давно уже было утрачено, и мы ожидали появления деревни Барга за каждым поворотом реки. Повторились те же галлюцинации, что и накануне вечером, но на этот раз лай собак и крик петухов слышал не только я, но и все окружающие. Тщетно заглядывали мы в каждую расщелину, в каждую складку высокого правого берега реки, где наша карта указывала деревню Барга, все напрасно – звуки исчезали, и перед нами оставались только неприступные берега и белое поле реки. Около трех часов утра рельеф левого берега реки начал смягчаться, русло расширилось, и мы подъехали к деревне Барга. Слишком утомленный, чтобы ощущать какое-нибудь радостное чувство, зашел в первую попавшуюся хату и почти

без чувств повалился на приготовленную кем-то солому...

4.

Растянувшиеся части продолжали подходить к деревни Барга до полудня 10-го января; отдельные повозки прибыли значительно позднее. Переход Уфимской группы от деревни Подпорожное до деревни Барга занял от 36 до 48 часов. Тяжелее всего он был для 4-й дивизии и конвоя генерала Каппеля, прокладывавших дорогу по целине. Трудная сама по себе задача становилась невозможной там, где головные всадники вступали в полосу незамерзшей воды. Пропитанный водой снег обращался в месиво, мгновенно замерзавшее и резавшее ноги коней. Полосы саней, попавших в такую полосу, примерзали при первой же остановке, и нужны были крайние усилия людей и лошадей, чтобы сдвинуть их с места. Очень часто при этом сани отрывались, и приходилось их вновь привязывать, что в темноте и на тридцатиградусном морозе было мучительной операцией; множество саней пришлось бросить, переводя их пассажиров на соседние сани или сажая верхом. Были случаи, когда зазевавшийся или задремавший возница попадал в открытую полынью, так случилось с одним из стрелков Егерского батальона 8-й дивизии; догадливые товарищи по роте влили в него бутылку скверного, но крепкого рома, обернули в сухое тряпье и благополучно довели до Барги.

Особенно тяжело было во вторую ночь, когда усталость людей и лошадей дошла до предела; люди засыпали и в санях, и в седлах. Жестокий холод заставлял спешиваться и гнал из саней, и засыпавшие на ходу люди неизбежно попадали в воду и промачивали валенки. Не думаю, чтобы кто-нибудь остался немороженным в эту ночь; у большинства пострадали ноги. Сильнее всех пострадал генерал Каппель, застудивший легкие и обморозивший обе ноги, что вызвало его смерть две недели спустя. В этом же аду двигались наши больные и раненые, женщины и даже дети...

Мы проложили по реке хорошо обозначенную, укатанную и безопасную теперь дорогу. Шедшие за нами части 3-й армии потратили на весь путь всего 12-14 часов, не испытывая особых неудобств и лишений.

Переход по Кану тяжело отозвался на состоянии дивизии. Еще не оправившись после разгрома у Красноярска, части подверглись новому испытанию, выведшему из строя большое число людей обмороженными. Длинный неведомый путь впереди представлялся теперь особенно грозным и чреватым всякими лишениями. Суровая сибирская зима впервые дала себя почувствовать и оказалась страшнее, чем мы ожидали. На следующих переходах поступили донесения о добровольно отставших людях, хотя число их было незначительно. Лично я пришел к убеждению, что к подобным экспериментам без крайней необходимости прибегать больше не следует: суровая природа – сильнее нас и страшнее возможных встреч с противником.

В ночь с 10-го на 11-е января 8-я дивизия имела ночлег в деревне Филипповка (Высотина), откуда предполагалось свернуть на Канск вдоль железной дороги и большого тракта. Однако, с выходом к железной дороге у станции Заозерная выяснившаяся обстановка заставила генерала Войцеховского изменить направление.

К этому времени левая колонна 2-й армии, в командование которой вступил генерал Вержбицкий, двигаясь благополучно вдоль большого тракта, достигла линии реки

Кан, к югу от города Канска. Вслед за нею продвигалась сводная колонна под общим начальством генерала Сахарова, в состав которой вошли остатки Степной группы, 1-й кавалерийской дивизии, Енисейской казачьей бригады и нескольких мелких частей. Сведения, собранные этими колоннами при движении от Красноярска, определенно установили, что район Канска сильно занят; здесь сосредоточены были несколько партизанских отрядов, к которым присоединился гарнизон Канска и население ближайших деревень. В задачу этой пестрой группы не входила, по-видимому, попытка остановить отходившую на восток армию: их желание ограничивалось только охраной своего района от ограблений и экзекуций, коим местное население подвергалось раньше. От Канска оборонительная линия спускалась на юг по реке Кану примерно до района деревни Аманаш. Наступление головных частей колонны генерала Вержбицкого встретило упорное сопротивление на заранее подготовленной позиции и было отбито с потерями, на следующую ночь пришлось прорываться в промежутки между населенными пунктами.

Не желая без крайней надобности подвергаться потерям, генерал Войцеховский приказал Уфимской группе обойти укрепленный партизанский район, двигаясь на деревни Бородина, Усть-Ярульская, Подьянда и далее на деревню Александровка. По-видимому, генерал Войцеховский считал возможным пойти на некоторую потерю времени, так как армия вышла уже в район, занятый чешскими эшелонами; шедшая в хвосте Польская дивизия к этому времени была сосредоточена главными силами у станции Клюквенная и должна была принять на себя первый удар красных при движении их от Красноярска на восток.

Двигаясь беспрепятственно, Уфимская группа к вечеру 13-го сосредоточилась в огромной деревне Александровка, в 20-25 верстах северо-восточнее деревни Подьянда, и здесь впервые за два последних месяца имела полную дневку. Был дан больше, чем полный отдых: большинство людей получило баню, о которой начинали забывать и которая была так необходима ввиду свирепствовавших в рядах армии всех видов тифа.

На 15-е января был приказан переход в деревню Тинское, лежащую на большом тракте. Ввиду значительной величины перехода – около 50 верст – намечался на второй половине пути большой привал. Остановка произошла, однако, значительно раньше. Пройдя около 20 верст от деревни Александровка, колонна остановилась в маленькой переселенческой деревушке, чтобы пропустить части 3-й армии, шедшей наперерез нашему движению. Через несколько минут после остановки я был вызван к генералу Войцеховскому; в его хате кроме него я нашел генерала Бангерского и начальника штаба армии генерала Щепихина. Генерал Войцеховский объяснил неожиданную задержку, сообщив, что 3-я армия и сводная колонна генерала Сахарова решили идти по ряду переселенческих пунктов, разбросанных в тайге южнее железной дороги. Путь этот должен был вывести на большой тракт где-то около Нижнеудинска, но где именно, точно никто не знал. Генерал Войцеховский объявил собравшимся, что ввиду временной небоеспособности частей и возможности встретить на большом тракте крупные партизанские отряды он решил с Уфимской группой свернуть на дорогу 3-й армии; по-видимому, его пугала перспектива прохода через район грозного Тайшета.

Оценить достоинства и недостатки принятого генералом Войцеховским решения было нетрудно. Еще накануне, в деревне Александровка, я знал о южном направлении и приказал собрать все сведения о нем; разведка установила возможность движения по нему, однако с большими трудностями. На некоторых

участках пути зимой движение не производилось на расстоянии 60-70 верст, поэтому предстояло прокладывать дорогу по целине или же делать длинные обходные движения. Район слабо населен и беден продуктами и фуражом. Было ясно, что идущие впереди части заберут в населенных пунктах все, что там имелось, а мы обрекались на хроническую голодовку, при неизбежных ночлегах в поле у костров. Впечатления от перехода по реке Кан были еще слишком свежи в памяти, и я доложил командующему армией, что категорически отказываюсь вести дивизию за 3-й армией.

Отказ выполнить оперативный приказ генерала Войцеховского был более, чем опасен: всего два месяца назад он собственноручно застрелил командира корпуса за подобный поступок. Но в данном положении иного выхода я не видел... Последовало горячее и неприятное объяснение, и я ушел к себе, ожидая вслед, в лучшем случае, приказа об отрешении от командования. Большой привал окончился, и приказ не прибыл. Дивизия возобновила движение на Тинское; за ней выступили остальные части Уфимской группы и штаб 2-й армии.

Поздно ночью прибыли в деревню Тинское и нашли ее занятой Добровольческой бригадой, шедшей в хвосте колонны генерала Вержбицкого. Ночевать пришлось в большой тесноте, но в дальнейшем подобное совместное расквартирование уже не повторялось. Войдя в связь с колоннами, генерал Войцеховский упорядочил движение. Уфимская группа двигалась за колонной генерала Вержбицкого примерно в полупереходе, в соответствии с расположением населенных пунктов. Благополучно миновали сожженную деревню Бирюса и мирный теперь Тайшет – места бесчисленных партизанских налетов на железную дорогу и схваток их с чехами. Села по тракту казались вымершими, что не могло не отражаться на нашем снабжении. В районе деревни Бирюса мы обогнали последний собственно чешский эшелон и вновь поставили некоторую преграду между собой и преследующими красными частями, что было крайне важно в связи с теми препятствиями, которые обрисовались на нашем пути.

ОТ КАНА ДО ИРКУТСКА

1.

С выходом к железной дороге штабы генерала Каппеля и Войцеховского получили возможность несколько ориентироваться в общей обстановке путем сведений, собранных у чехов и железнодорожников. Полная темнота, в которой до сего времени шло движение армии, несколько рассеялась, но открывшаяся картина была мало утешительной. Окончательно выяснилась не только полная потеря всего тыла, но и явная его враждебность к армии. Предательский арест Верховного правителя и образование Политического центра в Иркутске не оставляли сомнений в том, что ждет армию на ее дальнейшем пути. Положение в самой стране, вне Иркутска, было еще хуже, так как здесь повсюду царили партизаны, склонные признать только настоящую красную власть, без всяких розовых оттенков. Следовало ожидать со дня на день официального водворения советской власти на всем пространстве до Байкала. Вместе с тем отпадала всякая надежда на какое-либо содействие со стороны так называемых союзников и их единственной реальной силы – Чешского корпуса.

При всей сложности и неблагоприятности обстановки наше положение и наши возможные планы на будущее выяснились окончательно. Армия потеряла Верховное

возглавление и всякую связь со страной, которую еще вчера только была призвана защищать. Без боевых припасов, денег и продовольствия, перегруженная больными, пораженная свирепствующим в ее рядах тифом, преследуемая смертельным врагом, она должна была теперь прокладывать себе дорогу силой в поисках безопасного клочка земли, который смутно обрисовывался где-то за Байкалом. Следовало спешить, насколько допускали силы людей и лошадей, чтобы, с одной стороны, предупредить организацию и усиление враждебных армии элементов на пути к Байкалу, с другой – поставить возможно большее количество медленно ползущих чешских эшелонов между арьергардом армии и регулярными красными частями.

Вечером 19-го января Уфимская группа достигла деревни Алзамайское, где на следующий день имела дневку. К этому времени окончательно выяснилось, что первая попытка остановить и разоружить армию будет сделана в районе Нижнеудинска, где сосредоточилось несколько партизанских отрядов и вооруженных рабочих дружин. У станции Ук, в 15 верстах западнее Нижнеудинска, спешно подготавливалась укрепленная позиция, замыкавшая выход из тайги, которая тянулась примерно от района Алзамайское до Нижнеудинска. Район для обороны был избран удачно; он не допускал развертывания крупных сил для атаки; кроме того, атакующие части должны были предварительно сделать не менее трех переходов по тайге, с перспективой голодных и холодных ночлегов. Учитывая последнее обстоятельство, генерал Войцеховский приказал Уфимской группе свернуть от деревни Алзамайское на северо-восток с тем, чтобы выйти кружным путем к деревне Хинкул, в 20 верстах восточнее Нижнеудинска. 3-я армия должна была выйти в тот же район с юга, в то время как колонна генерала Вержбицкого прокладывала себе путь фронтальным движением вдоль дороги, используя свое исключительное преимущество – действующие орудия Воткинской дивизии.

С 21-го по 24-е января колонна генерала Бангерского со штабом армии обогнули полукруг от деревни Алзамайское до Нижнеудинска, следуя по ряду мелких переселенческих деревушек – Катарма, Гродненский, Широково, Щипицыно, Коксатаяская, заброшенных в глухой тайге и живших мирной жизнью, бедных и фуражом, и продовольствием. На пути выяснилось, что прямой дороги от деревни Коксатаяская к деревне Хинкул в зимнее время нет, что заставило колонну свернуть на Нижнеудинск, занятый уже нашими частями. Накануне генерал Вержбицкий атаковал красный заслон у станции Ук и после короткого боя разбил его наголову. Нижнеудинск был занят уже без боя, так как красные очистили и город, и большой тракт, спешно уходя в стороны от дороги. Почти одновременно вышли к Нижнеудинску и части 3-й армии.

24-го января больной Главнокомандующий, чувствуя приближение смерти, назначил своим заместителем генерала Войцеховского, а генерала Сахарова – командующим 3-й армией. Через день генерал Каппель умер.

2.

В Нижнеудинске из перехваченной телеграммы стало известно, что красные организуют новую, более серьезную попытку остановить армию. Иркутский совет, ставший к власти с 24-го января, спешно выдвигал к станции Зима сильный отряд под командой тов. Нестерова; численность отряда определялась от одной до четырех тысяч. Чехи допустили пользование железной дорогой для перевозки отряда Нестерова, потребовав только при ведении боевых действий против белых

соблюдения трехверстной нейтральной зоны вдоль железной дороги.

Новый Главнокомандующий организовал дальнейшее движение армий тремя колоннами: 1) генерал Сахаров (остатки 3-й армии и Степной корпус) должен был двигаться проселочными дорогами в 20-25 верстах южнее большого тракта; 2) генерал Вержбицкий (южная и Тобольская группы и остатки 1-й армии) – следовать по большому тракту, имея задачей атаковать и уничтожить красный заслон у станции Зима; 3) генерал Бангерский (Уфимская группа) – следовать за колонной генерала Вержбицкого примерно в одном переходе.

На первом переходе от Нижнеудинска я пережил тяжелый моральный удар: с большого привала повернула назад и ушла в Нижнеудинск конно-разведческая команда 30-го Аксинского полка во главе с прапорщиком Н. Сформированная исключительно из добровольцев, команда имела блестящее боевое прошлое, включавшее ряд конных атак на пехоту силою до полка. Трудно было представить себе часть, более стойкую в боевом и моральном отношении, и ее неожиданная сдача никогда не была удовлетворительно объяснена. Впоследствии один из стрелков Аксинского полка, случайно застрявший в Нижнеудинске, догнав свою часть, рассказал, что несчастных обезоруженных разведчиков водили раздетыми до белья по улицам города для общего посмеяния и издевательства. Не трудно себе представить, какая судьба постигла их в дальнейшем.

30-го января генерал Вержбицкий атаковал отряд Нестерова. Красные заняли довольно сильную природную позицию в нескольких верстах западнее станции Зима, успели возвести снежные окопы, полить их водой и сосредоточить большое количество огнеприпасов. После упорного боя обойдя удачно левый фланг расположения красных, генерал Вержбицкий сломил их сопротивление. Неожиданное для обеих сторон появление конного Чешского полка в тылу красных обратило их поражение в полный разгром. Сам Нестеров со штабом и около тысячи красных бойцов были разоружены и задержаны чехами, остальные рассеяны или перебиты.

2-го февраля Уфимская группа имела в поселке Зима дневку, последнюю до прихода в Забайкалье. С 3-го февраля началось быстрое безостановочное движение к последнему и, как казалось тогда, самому серьезному препятствию на пути армии – к Иркутску.

ИРКУТСК И БАЙКАЛ.

1.

После катастрофы у станции Зима красные уже не пытались остановить армию вооруженной силой. Через посредство чехов было сделано нелепое предложение о разоружении, получившее достойный ответ. Оставшийся в их распоряжении недельный срок, потребный для прохождения расстояния от станции Зима до города Иркутска, красные энергично использовали, чтобы организовать оборону Иркутского района по новому плану. Иркутск был спешно эвакуирован как новыми властями, так и большей частью свежееорганизованной военной силы. Руководители перенесли свою ставку на Верхоленский тракт, развернув вооруженные отряды по Балаганскому тракту вдоль правого берега реки Ангары; город Иркутск остался на крайнем левом фланге расположения, флангового в отношении наступающей белой

армии. В то же время были приняты экстренные меры по обезвреживанию Иркутска изнутри; спешно разоружено все население, все подозрительные с их точки зрения – арестованы; заключен договор с чехами о нейтрализации предместья Глазково, прилегающего непосредственно к станции Иркутск и занимающего командующее над городом положение; этим большевики обеспечили от обхода свой левый фланг. Спешно возводились снежные окопы на западной окраине города, баррикадировались улицы и приспособлялись к обороне здания. Утром 7-го февраля был убит адмирал Колчак, чем большевики надеялись устранить один из главных побудительных мотивов для атаки нами Иркутска. Нужно признать, что в этом они были правы: при малейшей надежде найти Верховного правителя в городе армия атаквала бы Иркутск немедленно же с подходом к нему.

Вечером 7-го февраля авангард 3-й армии шедший в голове общего движения, внезапно в поселке Иннокентьевском атаковал и захватил два орудия и обоз красных, разгрузивших военные склады. Немедленно же начальнику авангарда было вручено ультимативное требование начальника 2-й Чешской дивизии о полной нейтрализации Глазковского предместья. В качестве мотива указывалось желание оградить от насилия семьи железнодорожных служащих, занятых перевозкой чешских войск.

В этот день 8-я дивизия, двигаясь из деревни Усолье в деревню Сухая вдоль реки Ангары, имела бой с группой красных, перешедших на левый берег реки у деревни Усть-Китой (Зверев). Красные ушли на правый берег, не оказав серьезного сопротивления.

На 8-е февраля Уфимская группа получила задание занять деревню Усть-Куда на правом берегу реки Ангары и оставаться в ней до прохода на восток группы генерала Вержбицкого, сделавшей накануне неудачную попытку выйти на Балаганский тракт в районе деревни Мальшинское. После короткой перестрелки деревня Усть-Куда была занята около 9 часов утра, и группа оставалась в деревне до поздней ночи, ведя перестрелку с появлявшимися по временам группами красных; со стороны противника действовали два легких орудия. Около 8 часов вечера неожиданно было получено приказание оставить деревню Усть-Куда и перейти в поселок Иннокентьевский, ввиду намеченного в эту ночь движения в обход города Иркутска.

К этому времени наша агентурная разведка и Чешская информация установили окончательно факт расстрела Верховного правителя. Выяснилось также отсутствие в городе значительных групп белых, нуждающихся в нашей выручке; отпали соображения о материальной выгоде занятия города Иркутска, так как красные увели с собой абсолютно всех лошадей, а наличные перевозочные средства армии не позволяли поднять даже те склады, что были найдены в поселке Иннокентьевском. Отпадали, таким образом, все серьезные соображения в пользу атаки города, и в то же время увеличились опасения чешского вмешательства – и не в нашу пользу при первом удобном случае. Приходилось также считаться с крайней ограниченностью наших огнестрельных припасов и возможностью контратаки красных. На совещании генерала Войцеховского со старшими начальниками 3-й армии все эти соображения склонили большинство к решению отказаться от атаки и обойти Иркутск с юга.

Генерал Войцеховский присоединился к мнению большинства и отдал приказ начать обходное движение в ночь с 8-го на 9-е февраля. Намеченный путь шел вдоль железной дороги до моста через реку Иркут, где в непосредственной близости от города поворачивал по рекам Иркут, Кая на деревни Медведево, Марково и далее,

огибая огромную лесистую сопку и выходя снова на большой тракт в нескольких верстах восточнее города Иркутска. Для прикрытия движения всех частей была оставлена в военном городке, непосредственно против западной окраины города, Енисейская казачья бригада с двумя захваченными накануне орудиями.

Около 11 часов вечера дивизия начала движение от поселка Иннокентьевского, следуя за 3-й армией. Ночь была чрезвычайно холодной и, против обыкновения, с сильным ветром. Я продрог до костей и, чтобы хоть немного согреться чашкой горячего чая, задержался с частью штаба на несколько минут в деревне Марково, благодаря чему оторвался от частей дивизии. На спуске к Ангаре по узкой лесной дороге произошла обычная задержка в движении, и когда мы, наконец, выбрались на открытое место, то увидели две уходящих по разным дорогам колонны. Полагая, что это одно из обычных разветвлений пути, мы направились за правой колонной и, как выяснилось позднее, попали на переселенческую дорогу, уклоняющуюся на юго-восток по ряду лесных хуторов. В надежде найти поворот налево, двигались по ней до вечера, пока удаляющиеся паровозные свистки не убедили нас, что мы ушли далеко на юг. По счастью, уже в полной темноте удалось обнаружить едва заметный след зимнего пути, приведшего нас поздно вечером к станции Михалево, где мы вынуждены были остановиться после суточного непрерывного движения от деревни Усть-Куда. Части дивизии ночевали в указанном им районе деревень Большереченская и Тальцы.

К вечеру 10-го февраля Уфимская группа сосредоточилась в деревне Лиственичное на берегу Байкала. Ночевавшие здесь накануне головные части 3-й армии в это время уже начали движение через Байкал.

2.

Несложная обычно операция перехода через Байкал предстала на этот раз перед армией в ином виде. Лед на озере встал лишь незадолго до прибытия армии – исчез пар посередине, по наблюдениям местных жителей. Еще никто в этом году не переходил Байкала, и ни один из опытных проводников не брался вести голову колонны непосредственно от деревни Лиственичное на поселок Мысовск. Лица, хорошо знавшие особенности причудливого Байкала, строение его льда и ничем необъяснимое периодическое появление трещин рекомендовали продвинуться предварительно вдоль западного берега Байкала до деревни Голоустное (45 верст) и только оттуда пересечь озеро, пройдя до Мысовска еще 45 верст. Это несколько удлиняло общий путь по озеру, но делало его безопаснее.

Еще более осложняла обстановку наша полная неосведомленность о том, что делалось по ту сторону Байкала. Чешские источники определенно говорили, что накануне в районе города Мысовска был бой, в результате которого поселок и станция оказались в руках сильной группы красных с артиллерией и бронепоездом. Приходилось также считаться с возможностью появления у деревни Голоустное сильного и весьма активного отряда партизана Карандашвили, который, по некоторым сведениям, еще накануне выступил с Верхоленского тракта в направлении на деревню Голоустное.

Произвести разведку льда не представлялось возможным, так как это потребовало бы не менее двух суток, между тем, в деревне Лиственичное безостановочно прибывали новые части. Поэтому генерал Войцеховский приказал 3-й армии выступить после

полудня 10-го февраля на деревню Голоустрое, где переночевать, и 11-го пересечь Байкал по линии Голоустрое – Мысовск.

Наибольшую опасность при движении по озеру представляли внезапно появляющиеся и столь же внезапно исчезающие трещины во льду. В предвидении этого головные части имели необходимый материал для перекрытия трещин, однако, применить его пришлось только однажды на всем пути до деревни Голоустрое. К вечеру 10-го голова 3-й армии благополучно достигла деревни Голоустрое, не обнаружив там противника.

11-го утром Уфимская группа выступила из деревни Лиственничное, и в то же время Ижевская дивизия, шедшая в голове 3-й армии, начала движение поперек Байкала. Ижевцам пришлось прокладывать свежий путь, идя по компасу; местные жители категорически отказались быть проводниками и помогли только определением положения Мысовска на далеком рельефе гор восточного берега озера. Путь оказался исключительно трудным, так как почти все лошади шли на старых, стертых подковах, скользили и падали на каждом шагу, вызывая ежеминутные остановки. Движение шло крайне медленно; люди выбились из сил в непрерывных усилиях понудить несчастных животных идти вперед или поднять упавших. Живые вехи из брошенных лошадей отчетливо обозначили пройденный путь; одна только Ижевская дивизия оставила на льду около ста лошадей. Только с наступлением темноты дотянулась голова Колонны до гостеприимного Мысовска, занятого передовыми частями Японского экспедиционного корпуса.

Уфимская группа благополучно прошла участок пути от деревни Лиственничное до деревни Голоустрое и после шестичасового большого привала в ночь на 12-е февраля выступила на Мысовск. Пришлось преодолеть те же трудности, хотя и в меньшей степени, так как дорога была уже обозначена и укатана шедшими впереди. На рассвете 12-го февраля 8-я дивизия подошла к Мысовску, пройдя за сутки около 90 верст.

Ледяной поход окончился...

НА ПОХОДЕ

1.

Весь поход с линии реки Томь до Байкала можно разделить на три периода, отличных друг от друга по особенностям движения, вызванным отчасти обстановкой, при которой движение происходило, отчасти использованием опыта первых недель похода. Первый период – от реки Томь до реки Енисея, второй – от реки Енисея до района города Канска, и третий – далее до Байкала.

Наиболее характерной особенностью первого периода являлось сохранение некоторой видимости боевого фронта в сторону основного врага – регулярной красной армии, со всеми особенностями его управления. Армии отходили на широком сравнительно фронте в 70-80 верст, получали определенные, точно сформулированные задачи там, где командование было в состоянии поддерживать связь со своими колоннами. Конечная цель движения для главного командования еще не была ясна, так как отсутствовали точные сведения и о событиях в тылу, и о боеспособности своих частей. Катастрофа, пережитая 2-й и 3-й армиями в Щегловской тайге, исчезновение

1-й армии и восстания в тылу захватили Главное командование врасплох. Управление фронтом чувствовалось лишь очень слабо, благодаря, быть может, особенностям генерала Каппеля, личная доблесть которого не могла возместить отсутствия в нем умения разобраться в создавшемся хаосе, проявить необходимое предвидение событий и показать железную руку при водворении порядка. Следует сказать, однако, что задача была явно непосильной для ординарного человека, ибо расстройство в управлении армиями и корпусами дошло до предела, не завися часто от внутреннего порядка в самих частях, так как боеспособный элемент временами буквально растворялся в море обозов, шедших на восток хаотически, без приказов и определенной цели. В этом отношении следует особенно выделить марш по Щегловской тайге, а также по лесистой местности между Ачинском и Красноярском. Порядок при движении, да и ночлегах на этих этапах пути можно определить кратко – хаос.

В промежутке между двумя лесными участками 8-я дивизия двигалась самостоятельно, имея на большей части пути свою дорогу, по которой шли лишь немногие посторонние части и обозы. Благодаря этому можно было сохранить должный боевой и внутренний порядок в частях и даже несколько прибрать их к рукам, что было так необходимо после тяжких потрясений, пережитых в Щегловской тайге. Полки получали свои районы расквартирования, заранее отведенные квартирными, что облегчало снабжение продовольствием и фуражом. На походе удавалось также сохранить полный порядок, чем дивизия резко выделялась на общей хаотической картине похода.

На участке Ачинск – Красноярск все резко изменилось. Скопление обозов на обоих главных путях было таково, что строевые части буквально утонули в их стихийном потоке, и, несмотря на чрезвычайные усилия, не удавалось поддержать даже видимости порядка. Утром 3-го января на моих глазах обоз штаба дивизии был отрезан и увлечен на другую дорогу; мы вынуждены были предоставить его собственной участи, сознавая, что осталось только одно средство повернуть огонь на свое направление – открыть огонь по тем, кто пересекал нашу дорогу. Пытаясь оградить порядок движения в частях Уфимской группы, Командующий группой распорядился не допускать никаких посторонних обозов на полотно железной дороги, назначенное для движения группы, применяя, если понадобится, оружие. Когда я при личной встрече спросил, действительно ли это имеется ввиду приказанием, то получил в ответ неопределенное пожатие плечами. Было очевидно, что точное выполнение приказания повлекло бы к гибели сотен своих же людей и в некоторых случаях все же не дало бы ожидаемых результатов.

Еще хуже было на ночлегах. При походном движении, особенно днем, удавалось удерживать под наблюдением хотя бы мелкие строевые части, до батальонов включительно; на местах ночлегов и это было невозможно. Мелкие населенные пункты, назначаемые приказом для ночлегов, еще задолго до прихода дивизии оказывались забитыми до отказа людьми и повозками. Нужно было бы и здесь применение оружия, до открытия огня включительно, чтобы очистить хоть несколько хат для больных и для семейств. Фактически, во многих случаях это делалось, причем огонь, чаще всего пулеметный, открывался, разумеется, в воздух, но результата своего обычно достигал, создавая невероятный хаос и подвергая "выселяемых" всем ужасам ночлега в лесу. В дивизии, однако, такой способ отвода квартир за весь поход не применялся ни разу. Но чтобы не оставлять всех на открытом воздухе у костров и дать людям хотя бы небольшой отдых, приходилось вклиниваться и распыляться среди ранее пришедших частей. Переполнение обычно

доходило до таких пределов, что даже и на улицах невозможно было сохранить компактное расположение строевых единиц. Нечего было и думать об организации обороны на таких ночлегах; и часто не имело даже смысла охранение, так как дороги оставались занятыми идущими всю ночь обозами. На утро требовались особые меры, чтобы собрать и вытянуть в походную колонну рассеявшиеся роты и батальоны; в этом случае помогли сплоченность частей и боязнь людей отстать от своего полка. Легко себе представить, что получалось при действительном нападении красных, хотя бы и незначительными силами, на такой квартиро-бивак. В этом отношении дивизия была счастлива: ее ночной отдых за весь поход ни разу не был нарушен красными. Атаки красных на беспорядочное скопление наших частей у станции Кемчуг и особенно в деревне Зелеева окончились катастрофически.

До Ачинска полки дивизии двигались компактно, везя при себе весь свой тяжелый нестроевой груз в виде больных, раненых и семейств. На марше к Красноярску в ожидании атаки с юга обозы были отделены от строевого элемента, и этот распорядок оказался чрезвычайно благоприятным для них утром 6-го января, когда удалось весь небоевой состав выбросить вперед и тем избавить от тяжелой необходимости пробиваться сквозь красную завесу.

Во второй период, на участке пути между городами Красноярск и Канск, армии рассыпались на несколько колонн, предоставленных самим себе и зачастую не подозревающих о своих соседях. На порядке движения сказалось очень остро поражение, понесенное в боях под Красноярском. Но уже со второго перехода удалось добиться некоторой видимости порядка; дивизия шла по приказу, не перемешиваясь ни на походе, ни на ночлегах, за исключением части пути по Кану. В этом сказались первые усилия генерала Войцеховского стать ближе к частям и взять налаживание порядка в свои руки. В одном случае, тотчас после Красноярска, имело место невыполнение приказа со стороны частей дивизии, но в дальнейшем это не повторялось ни разу. Характерные особенности этого периода – общая растерянность, вызванная отчасти отсутствием связи между колоннами и их изолированностью, стремление избегать столкновений даже со слабым противником и идти по линии наименьшего сопротивления.

Прорвавшись через оборонительную линию реки Кана, обе армии, наконец, объединились и вошли в связь друг с другом. Разъяснилась обстановка, установлен был в общих чертах план действий и конечная цель движения. Отсорились огромные обозы, неспособные части и учреждения, и состав армий свелся лишь к немногим строевым соединениям. Благодаря этому управление армейскими колоннами упростилось, и явилась возможность установить строжайший порядок на походе и на ночлегах. Те немногие мелкие части, коим удалось выйти из Красноярского окружения, были или расформированы, или включены в другие соединения и не могли уже осложнять или нарушать общий распорядок. В частности, для 2-й армии, разделенной на две колонны, порядок движения и ночлегов был определен рядом приказаний генерала Войцеховского, игравшего вообще доминирующую роль во всем походе. Заболевший после похода по реке Кан генерал Каппель теперь уже совсем не чувствовался в войсках. До Нижнеудинска, со вступлением в Главное Командование генерала Войцеховского, обе армии придерживались одного общего для всех порядка.

Привожу сущность одного из приказаний генерала Войцеховского, отданного 17-го января в деревне Вайроновское. Им указывалось: 1) зарегистрировать все части, входящие в колонны, мелкие расформировать или свести в более крупные; так же поступить и с учреждениями; 2) всем новым частям дать наименование и в

приказах указывать их точное место на марше; 3) весь небоевой элемент (больных и семьи) сводить в особые колонны; одиночным лицам реквизиции воспрещены. Общее наблюдение за выполнением указанного порядка возлагалось на особое лицо (генерал Макри), стоявшее во главе специального отряда. Ему разрешалось сбрасывать с общей дороги все части и учреждения, не вошедшие в определенную колонну, не допускать их на ночлеги и передавать в распоряжение ближайшей строевой части; водворять на места всех следующих или ночующих не по маршруту; принимать и разбирать все претензии от местного населения; арестовывать и направлять к командующему армией для повешения всех виновных в грубых нарушениях порядка реквизиции лошадей и продовольствия, а также и тех, кто реквизирует ненужные предметы; ему же было предоставлено исключительное право реквизиции у кооперативов.

2.

Для лучшего понимания всех особенностей похода необходимо отметить прежде всего наиболее характерную черту его, клавшую отпечаток на все стороны жизни армии, до боя включительно: это – способ передвижения. Все без исключения передвигались на лошадях, верхом или в санях. Нет сомнения, что никаких человеческих сил не хватило бы на преодоление пройденного армией пространства, особенно в зимнее время и после напряженной, в высшей степени подвижной летней кампании между Волгой и Иртышом. Весь поход в седле проделали кавалерийские части и конные команды пехотных полков, но и конница была вынуждена вести огромный санный обоз для больных, семей и скудного хозяйственного имущества. К концу похода некоторые пехотные части пришли к выводу, что боеспособных людей полезнее вести в седлах: это давало возможность держать их более компактно и в руках, сокращало глубину колонн и время развертывания для боя.

Лошадь явилась истинной спасительницей армии. На походе, в глазах всех без исключения, от командующего армией до последнего рядового, она уподоблялась верблюду в пустыне. Пала лошадь – погиб и всадник или все едущие в санях, если не выручали соседи или не было под рукой заводной. Как и во всем, в крепких, сплоченных частях одиночные падежи лошадей в пути не вели ни к каким тяжелым осложнениям; неудачники забирали сбрую и свой несложный багаж и размещались на соседних санях; но в мелких и слабых частях и для тех одиночек, который присоединялись в пути, изгоняемые, главным образом, из чешских эшелонов – для них потеря лошади была зачастую трагедией. В большинстве случаев по этой именно причине части войск не принимали к себе "чужих", полагая, что достаточно забот и о своем наличном составе.

Лошадь, как никогда, пользовалась исключительной заботой людей. На нее устремлялись тревожные глаза на походе, ей отдавалась первая мысль на ночлеге. И если, тем не менее, армия потеряла огромное количество лошадей, павших в пути или брошенных в полном истощении, то это объясняется необычайной интенсивностью движения и относительной бедностью района вдоль пути, особенно на лесистых участках. За весь поход части имели по три-четыре дневки, совершая огромные переходы, доходившие в отдельных случаях до 90-100 верст в сутки. Ковать лошадей было некогда и нечем, и бедные животные поминутно калечились на твердой обледенелой дороге. Особенно плохо приходилось тем частям, которые шли во втором или даже в третьем эшелоне: идущие впереди съедали все, и никакие приказы – оставлять необходимое для тыловых частей – обычно не помогали.

При решении вопроса о квартирном районе на следующей остановке (а это автоматически определяло величину перехода) руководствовались прежде всего хозяйственными соображениями и, главным образом, возможностью добыть фураж. Обычно за пять-шесть часов до выступления головы колонны вперед высылались квартирьеры; если пункты ночлега расположены были компактно, квартирьеры объединялись в одну сильную группу, особенно когда можно было ожидать встречи с партизанскими отрядами, как это было непосредственно после Красноярского прорыва, в районе Канска и Тайшета и на подступах к Иркутску. Вместе с ними шли фуражиры, снабженные возможно точными инструкциями по предварительному распределению района; детали решались на местах. С течением времени установился точный порядок распределения и самого сбора фуража, почти исключавший возможность недоразумений между частями дивизии; лично мне почти никогда не приходилось вмешиваться в "фуражные" споры между полками – все разрешалось полюбовно. Выработались практические приемы по розыску скрытого фуража, по обнаружению путей на заимки, где сибиряки обычно хранят сено. Что особенно нервировало и заставляло глядеть вперед с тревогой – это невозможность сделать сравнительно солидные запасы фуража и везти их с собой. Редкие сани имели на себе мешок зерна и охапку сена; огромное большинство полагалось на то, что найдут на большом привале или на ночлеге. Роль нормальных заготовительных органов, естественно, свелась на нет, а в крупных соединениях они за ненадобностью просто исчезли.

С довольствием людей обстояло значительно проще. Предполагалось, что роты и команды сами позаботятся о себе, собирая натурой в тех домах, которые отведены им под квартиры. Питались буквально "чем Бог послал", чаще всего горячими блинами, то есть попросту наскоро разведенной в воде мукой, часто без соли. Сварить регулярный обед даже для начальствующих лиц было часто совершенно невыполнимо, если распорядительному квартирьеру не удавалось подогреть радушие сибиряков. Особенно тяжело было, как и во всем, тем частям, которые шли в хвосте: к их приходу и продукты, и радушие хозяев обычно уже истощались.

Привожу для иллюстрации выдержку из записей командира конного полка: "К утру добрались проклятой дорогой до Латышских хуторов. У них огромные просторные хаты. В одной увидел много брошенных больных разных частей. Посреди стояла большая лохань с вареной картошкой и коробок с солью. Съел три картошки и поехал дальше... По счастью, картофель был уже приготовлен, иначе пришлось бы ехать дальше совершенно голодным". После двух недель полуголодного странствования, непрерывных боев, окружений и прорывов тот же командир полка с удовольствием отмечает: "К вечеру остановились в богатой деревне, где ели гуся и белый хлеб...". Следует сказать, что это было на первый день Рождества.

Как это ни странно звучит, но своим сравнительным благополучием в продовольственном отношении армия обязана отчасти огромному количеству тифозных больных: несчастных держали на "строжайшей диете", то есть попросту не кормили.

3.

Все, что не выдавалось жителями добровольно, бралось путем реквизиций. В первые недели похода, когда еще имелись денежные знаки, части, приученные к легальному

порядку, за все платили. Но деньги скоро истощились, и пришлось перейти на квитанции. Разумеется, ни квитанции, ни так называемые Сибирские деньги, вскоре аннулированные большевиками, ничего реального населению не давали, но это было единственное средство бороться с тем развращающим влиянием, которое реквизиции обычно оказывают на войска. Было потрачено множество усилий, чтобы ограничить число лиц, имеющих право производить реквизиции, а также и количество реквизируемого. Разрешалось брать только жизненно необходимое под расписки командиров частей. Однако, последнее требование можно было осуществить в сравнительно полной мере только при реквизиции лошадей и совершенно невозможно в отношении продовольствия и фуража, ибо в этом случае приходилось иметь дело с сотнями хозяев, разбросанных на большом пространстве.

Самым тяжким бременем для населения явилась реквизиция лошадей. Правда, все это сознавали и старались ограничиться строго необходимым, оставляя обязательно на замену всех истощенных лошадей, но все же некоторые районы остались после прохода армии почти без лошадей. Нужно отметить, что многие добровольцы пришли в армию со своими конями; лично я знал таких, которые привели по две-три лошади; и когда его лошадь падала истощенной, такой доброволец считал себя вправе взять крестьянскую. В некоторых мелких населенных пунктах, особенно в тайге, был взят начисто весь фураж, и жители поставлены в критическое положение; тяжело было сознавать это, но иного выхода не было.

Выполняя посылно требования приказов о реквизиции только жизненно необходимого, приходилось сталкиваться с оригинальными явлениями и до некоторой степени расширять это понятие. Припоминаю случай, когда мне пришлось защищать подчиненного стрелка и спасти его от смерти. На одном из ночлегов баба-сибирячка пожаловалась генералу Войцеховскому на грабеж у нее двух теплых юбок. Виновник, стрелок 29-го полка, был обнаружен, и генерал Войцеховский приказал немедленно предать его полковому суду со всеми явными и неизбежными последствиями. Совершенно очевидно, что "грабитель" взял юбки не для продажи или подарка, а чтобы смастерить себе теплые обертки или укрыть одного из бесчисленных больных. Попытка моя убедить на этом основании генерала Войцеховского отменить приказ встретила резкий отпор. Пришлось прибегнуть к иному ходу и просить разрешения объявить частям, что впредь Командующий армией берет на себя снабжение всем необходимым. Намек был понят, и приказ отменен.

Я мог со спокойной совестью отстаивать своих подчиненных, ибо в общем они давали ничтожное количество поводов для обвинения в жестокостях и несправедливостях к населению. Сибиряки имели основание жаловаться только на реквизиции, которых мы при всем желании избежать не могли. Ни массовых, ни даже частичных "экзекуций" и "эксцессов" не было, так как никто не имел никаких личных счетов с населением в полосе движения армии, не было и времени, и достаточной энергии, чтобы свести эти счета; все желания истомленных людей на ночлегах сводились к тому, чтобы добыть себе необходимое, отдохнуть и двигаться дальше; вне этого на их внимание могли претендовать только больные товарищи. Со своей стороны, жители также давали мало поводов к нападкам на них; в худшем случае они были индифферентны к войскам, особенно последних эшелонов, исключая, разумеется, жителей немногих районов, встретивших армию с оружием в руках. На некоторых участках пути пришлось встречать плоды работы тыловых охранных частей, особенно иностранцев. В районе Тайшет – Бирюса мы нашли ряд сожженных деревень; кое-где жители заблаговременно уходили в сторону от дороги, оставляя пустые хаты и тем затрудняя до крайности довольствие людей. Исключительно этим

же объясняется упорное сопротивление, оказанное армии населением города Канска. С появлением большевиков у власти вдоль дороги к Иркутску была развита энергичная пропаганда, побуждавшая жителей уходить вглубь страны; иногда отдавались просто приказы с угрозами ослушникам, но исполнялись эти требования только в редких случаях.

Ни своеобразные методы довольствия людей, ни ненормальная обстановка жизни не повлияли на падение дисциплины в рядах армии. В частях остались только исключительно надежные люди, спаянные долгой совместной боевой работой и общим тяжким горем. Хотя иерархическая командная лестница оборвалась, оставшись без Верховного возглавления, и подчинение стало, по существу, добровольным, оно было полным, как никогда за все время гражданской войны. Отчасти по инстинкту, отчасти по природному здравому смыслу рядовой состав понял, что спасение от общего врага и от тысячи естественных опасностей необычайного пути заключается в организованности и порядке, а следовательно – в необходимости соблюдать строжайшую дисциплину. Не было и речи о принуждении оставаться в рядах армии и продолжать ее крестный путь. Во всех частях неоднократно, в особенности перед лицом тяжелых испытаний, производился опрос о добровольности пребывания в рядах армии. Обычный кодекс наказания за проступки, конечно, уже применяться не мог; был введен новый, созданный жизнью, где на первом месте стояла угроза выбросить из рядов части и оставить у красных.

В общей атмосфере измены и предательства, или, в лучшем случае, равнодушия, встреченных армией на ее пути, естественно должна была укрепиться вера в своих испытанных боевых начальников и товарищей и тяга к сплочению с ними. Вполне понятна была и уверенность рядового состава, что только они, их старые начальники, должны и могут найти выход из создавшегося положения и спасти армию. И нужно сказать, что командный состав эти ожидания оправдал в полной мере. Известны лишь немногие случаи, когда командный состав ставил на первый план личное спасение. Так, в Щегловской тайге один из командующих дивизиями, зараженный общей паникой, бросил свои части и в попытке спастись рубил направо и налево. Другой старший начальник, случайный свидетель этой сцены, разрядил свой наган, пытаясь остановить или пристрелить забывшего свой долг офицера, но, к сожалению, промахнулся. Через год этот "доблестный" начдив был уже у красных и сражался против своих вчерашних друзей. Бросил свой штаб и конвой Сибирский атаман генерал Иванов-Ринов, чтобы спастись, следуя в одиночку; умышленно уехал в Красноярск генерал Богословский, начальник штаба генерала Каппеля; но это, кажется, все случаи оставления своих постов начальствующими; у рядового командного состава случаи дезертирства были еще реже. И хотя командный состав, находясь абсолютно в одинаковых условиях с солдатской массой, опростился до крайности и почти утратил свои внешние отличительные особенности, авторитет его у подчиненных никогда не был так высок.

Нужно отметить также, что сплоченность и взаимная выручка в частях иногда принимали уродливые формы в виде деления всех на "своих" и "чужих"; отношение к "чужим" в некоторых случаях делалось не только индифферентным, но прямо враждебным. Этим объясняется гибель многих "одиночек", отбившихся от своей части или выброшенных из чешских эшелонов. Участники похода рассказывали ряд поистине трагических случаев, имевших место в пути и особенно в тайге, когда люди гибли на глазах сотен равнодушно проходивших мимо повозок. Однако те, кто испытал всю тяжесть длинных переездов на сибирском морозе, не вынесут резкого осуждения этому равнодушию. Мне припоминается фраза одного из старых

писателей-революционеров, побывавшего в Якутской ссылке. Рассказывая об одном дорожном случае, когда он проехал равнодушно мимо замерзающего человека, писатель так определил свое душевное состояние: "Совесь замерзла". Участники похода имели очень много возможностей заморозить свою совесть.

Были, однако, немногие своеобразные части, которые не только принимали, но даже ловили и силой удерживали в своих рядах всех боеспособных одиночек. Делалось это, очевидно, с целью увеличить состав части и тем поднять удельный вес ее командира.

4.

Особенно ярко и в трогательных формах проявилась взаимная выручка в отношениях к больным и раненым. В трудные моменты жизни армии, при прорыве у Красноярска, в тайге, на марше по реке Кан, она доходила до самоотвержения. Здоровые буквально жертвовали жизнью для спасения своих беспомощных товарищей. Но даже и повседневное, полумирное движение представляло тысячи случаев для проявления заботы и любви к соратникам. Страшный бич армии – тиф – преследовал ее на всем протяжении от Иртыша до Забайкалья и прекратился уже значительно позже, когда армия стала на более удобные квартирные стоянки Забайкалья, где забота о больных пала уже на медицинский персонал.

Первые заболевания тифом начались еще задолго до Щегловской тайги, и так как больных пришлось везти при частях, без всякой изоляции, то болезнь начала быстро распространяться. Несмотря на то, что большая часть больных была оставлена в Щегловской тайге, зараза все же осталась и стала особенно интенсивно распространяться после прохода Ачинска, когда сгущенность на путях движения достигла предела. Нечего было и думать о принятии каких-либо мер предосторожности. За отсутствием душевок и потребного числа и размера бань невозможно было вымыть людей. Не говоря уже о солдатах, многие офицеры не имели запасной смены белья. Больные и здоровые останавливались на ночлегах и больших привалах в тех же самых хатах; если же при широких квартирах и удавалось отвести для тифозных особые помещения, назавтра в те же хаты могли попасть здоровые люди. К этому скоро привыкли, и никто уже не беспокоился принятием каких-либо мер предосторожности для себя лично; наиболее предусмотрительные избегали только ложиться на кровати, предпочитая спать прямо на полу, так как обычно кровати предоставлялись больным.

Среди больных можно было найти все разновидности тифа со всеми возможными осложнениями; некоторые успели переболеть двумя или даже тремя формами болезни. Невозможно сказать в точности, сколько именно успело переболеть во время похода, но, несомненно, большинство участников его. В штабе 8-й дивизии и штабных командах переболело сто процентов солдат и пятьдесят процентов офицеров. В некоторых частях временами число здоровых значительно превышалось числом больных. 32-й полк, вообще слабого состава, фактически вышел из строя: в нем, кажется, все переболели. Дольше всех крепились командующий полком капитан О. и его жена, самоотверженно ухаживая за больными; по прибытии в Читу свалились и они. При таких условиях поход и особенно бой становились чрезвычайно сложными предприятиями. Приходилось складывать больных по три-четыре на одни сани, привязывать и поручать воле Божией и надсмотру одного из товарищей. Столь же трудно было иногда уделить много внимания больным и на ночлегах, где на здоровых падала забота по заготовке продовольствия и фуража, изготовлению

несложного ухода и ухода за лошадьми. Нужно сказать, однако, что неподражаемое терпение наших больных значительно облегчало уход за ними. Питание их часто сводилось к одной воде, и эта строгая поневоле диета, видимо, была только на пользу; помогало, несомненно, и постоянное пребывание на свежем воздухе. Только этим единственно и можно объяснить исключительно малый процент умерших, среди которых были, главным образом, больные какими-либо сложными формами тифа. Естественно, что никто не думал о широкой врачебной помощи; незначительный медицинский персонал растворился в море больных.

Губительнее всего тиф отозвался на местном населении. Армия оставила ему тяжелое наследство в виде широко распространившейся заразы, что в советских условиях не могло не вызвать страшных последствий. Пострадала и 5-я советская армия, шедшая по нашим следам; тиф оставил глубокие следы во всех ее частях, до штаба армии включительно.

Оглядываясь назад и вспоминая повседневную жизнь похода, нельзя не прийти в восхищение от неослабной и самоотверженной заботы о больных. Из дня в день, на походе и остановках, когда хочется только теплого крова и немного пищи, когда трудно думать о чем-либо, кроме отдыха, и нет сил что-либо делать, своеобразные братья и сестры милосердия разносили полузамерзших больных по хатам, раскладывали по лучшим углам, как беспомощных детей, готовили им пищу, забывая о себе, дежурили около больных ночью, чтобы наутро вновь начать выполнение той же программы. В этом отношении огромную роль сыграли те женщины, на долю коих выпала тяжкая доля сопровождать своих мужей на их крестном пути. В 8-й дивизии число семей было ничтожно и ограничивалось преимущественно офицерским составом, так как семьи солдат при отходе армии остались на местах. Были, однако, части, где число семей достигало значительной цифры; так, в Ижевской дивизии ехало около 250 женщин и детей. Объяснялось это тем, что многие ижевцы увезли свои семьи при эвакуации завода и позднее разместили их на стоянке своего запасного батальона; вместе с ними большинство семей ушло в Ледяной поход. Большое зло в нормальной боевой обстановке, женщины принесли огромную пользу в походе, взяв на себя тяжелую задачу питания бойцов и ухода за больными и ранеными. Трудно сказать, какое количество людей обязано своей жизнью их заботливым неумолимым рукам.

5.

И вот эта пестрая армия, загруженная больными и семьями, связанная огромным обозом, утомленная до предела и промерзшая до костей, должна была вести бои, пробиваясь через ряд поставленных на ее пути преград. Трудно сказать, что случилось бы с армией, если бы дорогу ее преградили регулярные красные части достаточно сильного состава. Возможно, что безвыходность положения подвинула бы непреклонных и решительных людей на небывалый подвиг, и армия смела бы всякое препятствие. Но на ее счастье, взбунтовавшийся тыл не имел в своем распоряжении ничего, что могло бы являться серьезным для армии противником. Приходилось считаться с партизанами, имевшими за собой не менее года боевого опыта, со свеженабранными отрядами рабочих и взбунтовавшимися частями белой армии, несшими тыловую службу. Эти последние могли бы явиться серьезным противником, если бы они имели должное руководство и энтузиазм рабочих-большевиков. Но старый командный состав в огромном большинстве за ними не пошел, а порыва от мобилизованных белой властью солдат ждать было

нечего.

Без большого преувеличения можно сказать, что армия шла, опираясь, главным образом, на свою старую боевую репутацию. Всем казалось, что идет та самая армия, которая меньше года назад докатилась почти до Волги совсем недавно потрясала до основания весь красный фронт своим блестящим наступлением на Тобол. Никто не подозревал, что это только тень старой армии, хотя и составленная из отборных, решительных, не допускавших мысли о сдаче людей, но, в сущности, почти безоружная и могущая дать только горсть бойцов.

Сейчас уже не представляется возможным определить, какое именно количество бойцов могла бы выставить вся армия в наиболее критические периоды похода. Когда решался вопрос об атаке Иркутска на совещании старших начальников с генералом Войцеховским, то при подсчете выяснилось, что вся 3-я армия, правда, очень слабого состава, могла бы дать не более двух тысяч бойцов. 2-я армия, включая Уфимскую группу, была значительно сильнее, но я не думаю, чтобы в этот день генерал Войцеховский мог рассчитывать более, чем на пять-шесть тысяч бойцов, и это из общего числа в 22-24 тысячи людей. Нужно добавить, что и эта горсть людей была растянута вдоль дороги на огромном протяжении, и понадобилось бы не менее суток, чтобы подтянуть их к месту боя. Вся армия везла четыре действующих и семь разобранных орудий с ограниченным запасом снарядов; в большинстве дивизий было не больше двух-трех действующих пулеметов с ничтожным числом патронов; еще беднее были запасы патронов у стрелков...

При таких условиях пехота не могла вести длительного методического боя; огнеприпасы всей армии были бы израсходованы в первом же бою. Не допускал этого и суровый климат; сзади цепей на морозе ждали результатов боя больные и семьи, для которых каждый лишний час ожидания мог быть губительным. Характер противника также не требовал строгой методики боя, поэтому столкновения решались обычно молниеносными налетами. Резким исключением явился только чисто оборонительный бой дивизии под Красноярском, когда пришлось иметь дело с регулярными частями красных, и до некоторой степени бой у станции Зима, где колонна генерала Вержбицкого вынуждена была развернуться и вести бой длительный, наступательный бой против укрепившегося противника.

В.А. ЗИНОВЬЕВ 68

КАППЕЛЕВЦЫ В ЗАБАЙКАЛЬЕ

Настоящие записки являются моими личными воспоминаниями, относящимися к периоду гражданской войны в Забайкалье с мая по конец ноября 1920 года, то есть к тому периоду, когда я вместе с остатками армии Восточного фронта адмирала Колчака после "Каппелевского похода", пройдя около пяти тысяч верст походным порядком, прибыл в марте 1920 года в Забайкалье.

В апреле 1920 года, на самые праздники Пасхи, не успев еще отдохнуть, мы выдержали натиск красных на Читу, следовавшими за нами по пятам со стороны Иркутска; его мы отбили, правда, с помощью японцев. В конце того же месяца красные повторили свое наступление, но уже с большей силой, но также были отброшены нами за Яблоновый хребет. В этом случае японцы сыграли также решительную роль в нашем успехе. Вообще, надо сказать, что в дальнейшем, как и

будет освещено, борьба в Забайкалье не носила того характера, которым так отличался период нашего Белого движения на Волге и в Сибири в 1918-1919 гг.

Белое движение пришло в Забайкалье с каппелевцами уже выдохнувшимся, и идея была побеждена. Оставалась масса людей, которая не хотела примириться с коммунизмом. Таким образом, при помощи японцев мы смогли продержаться в Забайкалье, перед тем, как рассыпаться по всему свету, почти год.

Ушли японцы, и наступил конец...

Ротмистр Зиновьев.

Апреля, 15 дня, 1927 г.

Прага, Чехословакия.

* * *

В мае месяце 1920 года я был переведен во 2-й авиационный отряд. К этому времени общая обстановка на фронте представлялась в таком виде: на западе от Читы наши части (Сводно-Кавалерийский полк из частей кавалерийской дивизии) занимали станцию Могзон на линии Яблонового хребта. В районе станции Даурия был расположен 1-й Забайкальский корпус. Район Нерчинска – 2-й корпус (генерал Вержбицкий). Район Сретенска – 3-й корпус (генерал Молчанов). Эти два последних корпуса или, как их называли, "каппелевцы" являлись остатками армии А.В. Колчака. Кроме того, части 5-й японской дивизии занимали станцию Песчинку около Читы, а также Нерчинск и Сретенск. В данном случае, японцы принимали активное участие в боях с большевиками, и надо сказать, что благодаря им, попытки большевиков овладеть Забайкальем не могли привести к успеху. А таких попыток было несколько, начиная с апреля месяца, но в результате, по-видимому, само красное командование поняло, что до тех пор, пока японские войска сами не уйдут из Забайкалья, все усилия с их стороны прижать наши части к китайской границе, заставив их, таким образом, интернироваться, останутся тщетными. В связи с этими соображениями, со стороны главного иркутского направления большевики держали себя весьма пассивно и по соглашению с японским командованием не переходили линии Яблонового хребта.

На амурском направлении, где наши части были выдвинуты до станции Бушулей, со стороны Благовещенской группы Антонова проявлялась уже большая активность. В этих районах большевики пользовались поддержкой местного населения, которое формировало партизанские отряды. В особенности кишел такими отрядами район на юг от Нерчинска и Сретенска вплоть до самой реки Аргуни.

Я думаю, что здесь-то было бы небезынтересно отметить сложившиеся взаимоотношения в то время между нашими частями, так называемыми "каппелевцами" и "семеновцами". Дело в том, что к моменту прихода Сибирской армии в Забайкалье, сделавшей знаменитый "Ледовый поход" почти от Урала за Байкал, у атамана Семенова, кроме Маньчжурской дивизии (генерал Тирбах), дивизии генерала Унгерна, который был склонен не особенно подчиняться атаману и небольшого количества бурятских и забайкальских казачьих частей, да нескольких броневых поездов – других боеспособных подразделений не было. Среди них были

также случаи перехода к красным. Сибирская же армия или "каппелевцы" состояла из уральцев, уфимских татар, волжан, оренбургских казаков, воткинских и ижевских рабочих (сибиряков почти не осталось). Все это были люди, добровольно бросившие свой родной дом, семьи, спаянные между собой идеей борьбы с коммунистами и непрерывными двухлетними боями и походами. Эти части, конечно, в боевом отношении были несравненно выше по количеству и по качеству частей атамана Семенова. К тому времени чувствовалась все-таки некоторая усталость, и вера в успех была потеряна. Воевали потому, что другого выхода уже не было. Единственное препятствие для большевиков представляли японцы, которые действительно были боевой мощью, что подбадривало уставшие, вымотанные войска.

В высшем командовании тоже не было единения. У Семенова – с бароном Унгерном. У "каппелевцев" в своей среде этого явления не наблюдалось, но благодаря тому, что Главнокомандующим был атаман, ушел из армии генерал Войцеховский, который довел Сибирскую армию до Забайкалья, человек, несомненно, выдающийся как военачальник. Позже ушел и генерал Лохвицкий. Этот разлад между "каппелевцами" и "семеновцами" чувствовался и ниже, вплоть до солдатских масс. Правда, делались попытки как будто объединить эти две группы. Так, генерал Нечаев был назначен (он пользовался большим авторитетом и любовью среди "каппелевцев") начальником гарнизона города Читы, а затем – начальником Маньчжурской дивизии...

Семенов, сам лично храбрый, решительный, как строевой начальник, не лишенный той казачьей хитрости в сфере партизанской войны, несомненно, должен был играть крупную роль. Но когда ему пришлось столкнуться с вопросами государственного строительства, то благодаря тому, что он не смог найти опытных людей, да и стекались к нему больше все политические авантюристы, желавшие поживиться за счет золотого запаса, то в это время он никак себя не проявил. Да и, пожалуй, в то время трудно было уже что-нибудь сделать. Медленно, но верно приближался последний акт гибели Белого движения в Сибири.

Но все-таки что-то нужно было делать. Воспользовавшись тем обстоятельством, что с запада мы были как бы гарантированы от наступления большевиков благодаря вмешательству японцев, наше командование решило предпринять большую операцию, имеющую конечной целью очищение Нерчинского и Сретенского районов от большевицких, довольно значительных партизанских частей. И Нерчинск, и Сретенск к тому времени были как будто на положении осажденных крепостей.

Операция началась 4 июня и продолжалась до 5 июля 1920 года, когда опять вмешались японцы и заключили с красными на всех фронтах перемирие и начали готовиться к эвакуации из Забайкалья.

Вся предпринятая операция была построена на одновременном концентрированном наступлении с разных фронтов к одной конечной цели. Барон Унгерн (1-й корпус) должен был наступать от станции Даурия на север к реке Аргуни. Генерал Вержбицкий (2-й корпус не в полном составе) – на юго-восток – на Кавыкучи-Газимурское и далее, где он должен был войти в соприкосновение с 1-м корпусом. От Сретенска через Газимурский хребет наступал 3-й корпус – на Нерчинский завод. Из трех авиаотрядов, имевшихся у нас в то время, первый был оставлен в Чите, Маньчжурский был на отлете от главного направления, и поэтому вся тяжесть авиационной работы за все время операции легла исключительно на 2-й авиаотряд, приданный ко 2-му корпусу, но обслуживавшего, фактически, всю армию

и исполнявшего задания как походного штаба армии, так и 2-го и 3-го корпусов. При условии чрезвычайно пересеченной местности и удаленности корпусов друг от друга и полного отсутствия телеграфа, налаживание связи было конным частям непосильно, тем более что партизанские отряды систематически уничтожали наши мелкие части и посты летучей почты. Нужно подчеркнуть, что в условиях гражданской войны отыскание своей двигающейся колонны – дело весьма трудное и рискованное, так как не было ни у нас, ни у красных определенных знаков отличия, и поэтому существенной разницы между внешним видом наших и красных колонн с высоты уловить невозможно. Оповестительные знаки часто были известны и красным, приходилось действовать скорее чутьем, рискуя спуститься на колонну противника, результатом такой ошибки был бы расстрел...

Штаб армии выделил походный штаб, который прибыл в Нерчинск. Начальником походного штаба был назначен тогдашний генерал-квартирмейстер штаба Дальневосточной армии – Генерального штаба генерал Пучков. Части 2-го корпуса были под командованием начальника Омской дивизии генерала Смолина. 3-й корпус вышел в полном составе с генералом Молчановым.

Преследуя красных в исключительно трудных условиях по пересеченной, покрытой тайгой местности, наши части с успехом продвигались вперед. Хотя надо все-таки сказать, что красные отходили, частью расплывшись по тайге, и по проходу наших войск снова собирались и нападали на наши тылы. С 1-м корпусом вышла маленькая заминка. "Сумасшедший барон", как называли Унгерна, в ответ на последовавший ему приказ и директиву о предстоящей операции, прислал в штаб армии по телефону следующий ответ: "теперь весна, птички поют, продаю лошадей и покупаю верблюдов. Иду в Монголию". Не ручаюсь за фотографическую точность этого ответа, но приблизительно такими словами он и ответил. Много труда стоило уломать Унгерна, и, наконец, с некоторым запозданием, он двинулся. В общем, вся операция закончилась удачно. Красных удалось прижать к Аргуни и разбить, несмотря на все трудности этого похода. Здесь я все-таки хочу сказать, что наш авиаотряд, который состоял из трех аппаратов, работал, по отзывам всех высших начальников, идеально. Для подтверждения привожу следующий документ:

ПРИКАЗ

2-му стрелковому корпусу

Город Нерчинск

10 июля 1920 г.

Согласно приказанию командующего Дальневосточной армией, состоящий при штабе корпуса 2-й авиационный отряд подлежит немедленному отправлению в Читу.

Расставаясь с отрядом, я считаю необходимым обратить внимание на его хотя и короткую, но славную боевую работу. Я считаю своим долгом отметить среди мужества и героизма многих трудную и славную, дерзкую и смелую работу летчиков 2-го авиаотряда – достойных преемников славной русской авиации – неоценимую пользу, которую они оказали вверенному мне корпусу и всей Русской армии в ее боевой работе.

Смелые в опасности, храбрые в полете и неутомимые в работе, эти летчики дали все, что ждала от них русская армия.

В приказе нет ни возможности, ни места перечислить всего, что сделано отрядом в короткое время его пребывания в рядах корпуса.

Достаточно сказать, что в течение времени меньше месяца они совершили 55 полетов продолжительностью 152 часа.

Наши летчики 4-го июля приносят огромную пользу армии тем, что начался отход красных к востоку, чем они дают основание нашему командованию ускорить операцию и своевременным движением конницы в тыл захватить красных у Газимурского завода.

В период с 14-го по 24-е июня, когда, бросившись за бегущими красными, 3-й корпус теряет связь с другими корпусами и командованием, лишь летчики-орлы во главе со своим начальником отряда войсковым старшиной Качуриным, невзирая на дождь, туман и ветер, смело летели туда, за далекий хребет, чтобы там или исполнить свою задачу, или найти себе смерть.

Среди тяжкого безвременья, когда от тяжелой шестилетней борьбы опускаются руки и тупеет сердце, славная работа русских летчиков да послужит нам примером в доблести и труде.

С особым удовольствием я отмечаю работу начальника отряда, войскового старшину Качурина, совершившего наиболее трудные полеты и своим мужеством и умением, смелостью и энергией показавшего себя достойным высокой чести стоять во главе своего отряда.

От лица дорогого нам дела, от своего имени и войск корпуса, прошу принять начальника отряда, летчика войскового старшину Качурина, всех летчиков, летчиков-наблюдателей, господ офицеров-механиков, мотористов и солдат 2-го авиаотряда горячее русское СПАСИБО за их работу, за их готовность каждую минуту умереть, неся свою жизнь на алтарь борьбы за правое дело, за славу и честь Русской Авиации.

Подлинный, подписал

генерал-лейтенант Вержбицкий.

Начальник штаба

Генерального штаба генерал-майор Касаткин.

С подлинным верно:

адъютант, летчик-наблюдатель

поручик Викторов.

В первых числах июля 1920 года мы узнаем, что японцы уходят из Забайкалья и заключают перемирие между нашими и красными на всех фронтах.

Началом перемирия назначается 8 часов утра 10 июля 1920 года. Утром того же дня, в 5 часов вылетели мы с аэродрома на станцию Бушулей, захватив с собой бомбы. По имеющимся сведениям, на этой станции должен был находиться штаб красных Антонова, прибывший для переговоров о перемирии с японцами.

Было чудное летнее утро. В воздухе было спокойно, не болтало. Подойдя на большой высоте, чтобы не было слышно шума мотора, у самой станции мы сразу снизились до пятисот метров. На путях стояли эшелоны. Движения не было заметно. Первая бомба, удачно попавшая между эшелонами, сразу разбудила все кругом. Один за другим получали наши подарки красные ко дню перемирия. Было видно сверху, как из одного вагона повалил густой дым. Через минуту станция представляла из себя растревоженный муравейник. Красные, как муравьи, стали разбегаться во все стороны, выскакивая из эшелонов и скрываясь в соседнем лесу. Под аппаратом появились белые дымки от рвущихся шрапнелей. Вот, наконец, и последняя бомба. Сделав еще один круг над станцией, взяли направление на Нерчинск и пошли обратно.

"Вот тебе и конец войны" – думалось. Но еще был не конец, было только начало конца. Перемирие было заключено. Японцы постепенно эвакуировали Забайкалье, забирая с собой и публичные дома, которые были привезены ими из Японии для своих солдат. Все это происходило без спешки. К сентябрю месяцу последние японские солдаты покинули Забайкалье.

Наши части были растянуты от Читы, немного выдвинувшись своими передовыми позициями (Уфимская кавалерийская дивизия полковника Козакова) и назад на восток, до границы Китая, до станции Манчжурия (фактически, до станции Даурия, так как Манчжурия и первый разъезд от нее были заняты китайцами). В наших руках была линия железной дороги. На севере, юге, западе находились красные, стянувшие свои освободившиеся силы из Благовещенска, за оставлением нами Сретенска и Нерчинска, а также подвезя свежие части из Иркутска. На востоке же были китайцы, которые заявили, что через свою территорию нас с оружием они не пропустят.

Наш отряд с аэропланами помещался на станции Шарасун (недалеко от китайской границы). Приходилось летать по несколько раз в неделю в Читу, в штаб армии, производить разведку и убеждаться накоплению красных со всех сторон. Было ясно, что вопрос только времени, когда они вздумают нас сбить с линии железной дороги. Мы спокойно следили и выжидали дальнейшего развития событий.

Однажды в начале октября, выйдя утром из своего вагона, я увидел, что со стороны Даурии по дороге на юг в Монголию тянется колонна всадников. То был барон Унгерн, который во главе со своим отрядом из двух тысяч человек уходил в Монголию. Отряд состоял исключительно из конницы, почти каждый всадник имел на себе две винтовки и вел в заводе одну или двух лошадей. По-видимому, барон решил развернуть свой отряд уже на месте, что он впоследствии и сделал. Части были хорошо одеты и вообще производили отличный вид.

Личность барона Унгерна фон Штернберга была... замечательна у нас на востоке и в дальнейшем – в Монголии, так как он фактически первый освободил монголов от китайского ига...

Обладая большими средствами, даже после революции (все его достояние находилось в Монголии), он был крайне неприхотлив. Образ жизни вел почти аскета. В то же время он умел быть жестоким до крайности. На сопках около Даурии, его двухлетней резиденции, сотни и сотни людей простились с жизнью, и надо сказать, что среди них были и ни в чем не повинные. Суд у него всегда был скорый, но не всегда правый. Отлично владея монгольским и китайским языками, он пользовался большим уважением и почтением среди бурят и монголов. Его знали не только князья и ламы, но, чему я был свидетель, простые монголы с гордостью говорили про него, называя "своим князем". Перед своим походом в Монголию он летал на аэроплане в один из буддийских монастырей, где ему ламы гадали и дали благословение. Его идеей было освободить Монголию: "Освобожденная Монголия может спасти Россию от коммунистического разрушения". В противоположность многим, считавшим, что рука помощи может быть протянута нам с запада, он базировался на восток. Как лично мы увидели в дальнейшем, и то, и другое мнения были ошибочными, но, во всяком случае, его идея была оригинальнее и имела, пожалуй, больше органической связи в совокупности со всей историей развития России, чем первая.

Как бы там ни было, несмотря на все темные стороны даурской контрразведки, которую возглавлял своего рода "О знаменитость" всего Забайкалья "полковник" Сипайлов, невзирая на все чудачества Унгерна, вроде тех, когда он приказывал привязывать в конский станок офицера, проворовавшегося на фураже, и оставить без пищи. Несмотря на все это, у него нельзя не отметить некоторую идейность и необыкновенно волевою энергию, что значительно выделяло его среди остальных руководителей Белого движения в Забайкалье и вообще на востоке.

После занятия нашими частями линии железной дороги Манчжурия – Чита, атаман переехал со своим штабом на станцию Борзя. Штаб же Дальневосточной армии храбро продолжал оставаться в Чите. Командармом вместо генерала Лохвицкого был назначен генерал Вержбицкий.

Данные воздушной и войсковой разведки давали основание предполагать, что красные подтягивают со всех сторон свои силы и готовятся к решительному удару, чтобы сбить нас с железной дороги на юг, заставив уйти в Монголию или в Китай.

Откровенно говоря, мы все отлично знали, что такой конец должен был наступить рано или поздно. Весь вопрос сводился к тому, чтобы вовремя уйти и было бы куда уйти. Ходили слухи, что ввиду того, что китайцы не пропустят наши части по Восточно-Китайской железной дороге (хотя эта дорога была на правах экстерриториальности по отношению к Китаю), придется пробиваться к станции Пограничной до Владивостока. О Монголии не говорили. Надо сказать, что японцы относились к нам весьма покровительственно, и потому мы инстинктивно тянулись за ними. Они очень неохотно, под давлением требований международной политики, главным образом, из-за сильного влияния США, очищали нашу восточную окраину. Интересно отметить, что за время своего почти трехлетнего пребывания в Забайкалье и в Приморской области они вели мудрую политику по отношению к местному населению. Никаких насилий, грабежей, реквизиций ими не производилось. Наоборот, благодаря притоку извне золотой валюты (они расплачивались иеной, которая равнялась нашему золотому рублю), население только выгадывало.

Японская армия вообще производила отличное впечатление. Из всех родов оружия у нее выделяется пехота. Несколько раз мне приходилось наблюдать ее действие в бою. По своей стойкости, выносливости, спокойному и презрительному отношению к смерти японский пехотинец является одним из лучших в мире.

Артиллерия также у японцев стоит на большой высоте. Кавалерия и авиация – много слабее. Японец – не кавалерист по духу и по натуре. Своих лошадей у них нет. Конский состав пополняется австралийскими лошадьми. Этот тип лошади не отличается выносливостью, крепостью ног и сухостью сложения. Также японцы неспособны к авиации. Японец может быть идеальным механиком-мотористом, конструктором, но не летчиком. Я думаю, что у них недостаточно развито чувство слуха и известного ритма, необходимого в этой области. Но, конечно, это не значит, что они не смогут поставить эту отрасль на достаточную высоту, так как вообще, я могу заметить по своим наблюдениям, когда мне пришлось жить в Японии около полутора лет, они отличаются крайним упорством, методичностью и настойчивостью в достижении своих намеченных целей. Чтобы покончить с этой маленькой характеристикой японской армии, необходимо добавить еще две особенности всякого японца. Первая относится скорее к недостатку: неспособность быстро сообразить, схватить мысль "налету", так как они – большие "тугодумы", но это обстоятельство может зависеть от врожденной у них методичности и спокойствия во всех их поступках и решениях. Другая же является большим достоинством и необходимым качеством, в особенности, в военном деле – это их поразительное умение молчать, когда нужно. В каких бы вы не были хороших и дружеских отношениях с любым офицером-японцем, частным образом нельзя никогда добиться от него никаких сведений об их передвижениях и всех их планах.

Как бы там ни складывалась дальнейшая обстановка борьбы на востоке, японцы все-таки продолжали вести покровительственную политику по отношению к нашей армии, и, видимо, хотели нас еще использовать в Приморской области на время своего пребывания там. Несомненно, они себе ясно отдавали отчет уже тогда в той опасности, которую несет с собой коммунизм. Им нужно было оградить от него Корею. И теперь, как мы и видим, благодаря своей своевременной правильной оценке коммунизма, они до сих пор сохранили Корею от этого тлетворного разложения.

Китайское командование поставило наше начальство в известность, что наши авиационные аппараты должны быть сданы при переходе китайской границы. Тогда решено было часть негодных из них уничтожить, а остальные – разобрать и в таком виде попытаться под японским флагом (конечно, с ведома самих японцев) перевезти в район станции Пограничная. Лучший же аппарата с военным летчиком, полковником Качуриным, должен был лететь по направлению в Японию, в Токио. Причем, первый этап был намечен в Чан-Чуне (в Харбине опасались осложнений с китайцами), затем – Мукден, Сеул, Симонсэки и Токио. Все расстояние равнялось двум с лишним тысячам километров, причем первый этап – станция Шарасун – Чан-Чунь может быть наиболее затруднительным, так как приходилось покрывать расстояние без возможности посадки около тысячи двухсот километров над китайской территорией. Так прошел сентябрь, и в последних числах октября разыгрался последний акт нашей Забайкальской эпопеи.

Я вылетел по старому стилю 19 октября со своим командиром отряда полковником Качуриным с нашего аэродрома, как обычно, в штаб армии, в Читу, с целью очередной разведки. В этот же день прибыл в Читу и атаман. Результаты разведки

дали основание думать, что красные усиленно подготавливают свой последний натиск на нас. В их расположении было заметно сильное оживление, движение частей к железной дороге. Военная разведка подтвердила наши донесения.

После обеда, к вечеру вылетев второй раз, что красные уже наступают на станцию Агу, где стояла наша Оренбургская казачья бригада. Не успели мы по прибытии доложить об этом в штаб, как было получено донесение от начальника Манчжурской дивизии, генерала Нечаева, что со стороны Макавеево красные уже повели и на него наступление, атаки которых им пока успешно отбиваются, с оренбуржцами телеграфная связь была уже прервана. По слухам, они очистили станцию и отошли на юг. У станции Песчанки появились разъезды красных. По всей вероятности, красные были хорошо осведомлены о том, что в данное время атаман и штаб находятся в Чите, и поэтому они спешили отрезать ее и захватить. Тогда решено было, что Атаман перелетит на нашем аппарате в Даурию. Так как наш аппарата был двухместным, системы "Сальмсон", то атаман с моим командиром на другой день, то есть 20 октября, вылетели из Читы и в тот же день благополучно спустились через 3 часа 10 минут на станции Даурия, пролетев около 500 километров.

Я, "спешенный" со своего "коня", остался в Чите. Командир обещал прилететь сам или прислать кого-нибудь за мной на другое утро. Но мне уже не пришлось ждать другого утра. Красные уже днем повели наступление на Читу. Уфимской кавалерийской дивизии, оборонявшей подступы к Чите, был дан приказ держаться до ночи, а затем постепенно отходить за Читу к станции Песчанка. В городе был необычный вид для оставляемого населенного пункта. Не было суеты, обычной в таких случаях паники, толп беженцев. Все было спокойно. Кто хотел, имел уже давно возможность выехать. Когда стемнело, лишь доносилась ружейная перестрелка со стороны позиций, занимаемых Уфимцами и отдаленные орудийные раскаты по направлению к станции Макавеево.

На вокзале было все также мирно и спокойно, даже более мертво, чем в обычное время. Только поезд штаба армии и броневик готовились к отходу.

Я сел в штабной вагон и около 10 часов вечера мы тихо тронулись, оставляя Читу. Растянувшись на верхней полке, я сладко уснул. Просыпаясь ночью, я замечал, что мы ползем черепашьям ходом или, большей частью, стоим на месте.

Проснувшись поздно и выглянув в окно, вижу, что стоим на станции Кручина. За ночь отошли верст на сорок от Читы. Ну что же, и то хорошо. Со стороны Макавеево, которое было в верстах 10-12 от нас, ясно доносилась орудийная и ружейная стрельба. Видно, дело там серьезное.

Штаб все надеялся, что генералу Нечаеву удастся отбросить красных от железной дороги и мы сможем с эшелоном протолкнуться дальше. Маньчжурская дивизия уже третий день отбивала упорные атаки красных, с большим ожесточением наседавших на нее.

Я смотрел в окно, как мимо станции по дороге тянулся обоз Уфимцев. У солдат были усталые, спокойные и равнодушные лица, скуластые лица уфимских татар с раскосыми глазами. Да, далеко занесло их от своих родных уфимских деревень. От Белой, Чусовой, Красноуфимска... Как это было все давно и как далеко... А затем Челябинск, знаменитая станция Петухово, Омск, Новониколаевск, Тайга, Красноярск, где закончили свое существование армии Восточного фронта, и только

сравнительно небольшая горсточка "каппелевцев" сумела пробиться дальше. А переход по реке Кан, который отнял у нас нашего любимого Вождя генерала Каппеля, когда среди тайги по трескучему сибирскому морозу двигались мы в продолжении 35 часов, проваливаясь в полыньи, образованные благодаря теплым ключам... Нижнеудинск, Петровский завод, где красные сделали последнюю попытку задержать и разбить нас, но мы, как раскачавшийся таран, вышвырнули их со своей дороги... И вот еще один этап – прошли Читы... Куда дальше?! Что же, остается еще только Владивосток, шестая тысяча верст... Да, видно не судьба быть победителями нам сейчас...

Мысленно перед глазами проходила целая вереница друзей-приятелей – убитых, расстрелянных, застрелившихся, умерших от ран и от тифа за этот наш долгий сибирский путь, как зимняя северная ночь. Был порыв, была вера, была красота в смерти... Да, видно, Бог судил иначе...

Мои невеселые мысли прервал громкий разговор рядом в купе: "Нужно посылать за подводами... Будем разгружаться... Генерал Нечаев доносит, что взять обратно станцию не удастся, красные охватывают его правый фланг"... Ну, если Костя Нечаев ничего не может сделать, то уже, вероятно, дальше – тупик, этот зря не будет беспокоиться...

Послали за подводами в соседнюю деревню. У меня, слава Богу, вещей никаких не было. Перед отъездом раздобыл себе винтовку. С ней все-таки вернее, чем с револьвером.

В вагоне шли оживленные разговоры. Адьютант командарма, подпоручик П., с озабоченным видом обращается к полковнику Генерального штаба Н., во всех случаях жизни спокойному, хладнокровному и большому весельчаку:

- Господин полковник, а почему же мы здесь у них стоим так долго? Красные уже заняли Песчанку. Когда же мы будем выгружаться?

- Своевременно или несколько позже, – следует монотонный ответ.

Видимо, такое решение вопроса не удовлетворяет молодого офицера:

- А почему, в сущности говоря, мы сразу не выгрузились, а стоим на этой паршивой станции уже битых 10 часов?

- Э, батенька, видно, что Вы молодой. Прыткий какой. План отступления уже давно был составлен, – слышится густой размеренный бас – и вот, когда составляли, конечно, о штабе подумали, куда ему двигаться из Читы. Посмотрели на карту – много станций. Какую из них выбрать подходящую? Вот и увидели – станция Кручина и решили, что она и есть самая подходящая по названию для всех нас. Вот потому и стоим теперь.

Общий хохот покрыл его слова. Наконец, пришли подводы. И скоро от станции по направлению к первой деревне, которая была в 10 верстах на юг, вытянулась по дороге колонна штаба. Там предполагалась ночевка. Полковник Козаков со своими уфимцами, который был в соприкосновении с красными, следовавшими из Читы, к вечеру тоже должен был подойти туда.

Первой моей заботой и стало раздобыть себе лошадь и седло. Перспектива "понужать" (сибирское выражение "понужай" – погоняй) – во время каппелевского похода привилась у нас в армии и означала скорее двигаться на своих двоих или трястись на ползущей шагом телеге 500 верст – не улыбалась.

На другое утро я уже восседал верхом на маленькой "монголке", которую купил у священника за двадцать рублей золотом. Сидеть на этих лошадях надо приспособившись, "по-бурятски", то есть не в разрезе седла, а полубоком, тогда выходит очень покойно, как в люльке. Настоящих аллюров у них нет, но передвигаться на них можно очень быстро, в пище они неприхотливы и необыкновенно выносливы.

Буряты и монголы держат их круглый год в степи на подножном корме в табунах. Иногда такой табун приходится разыскивать за сотни верст от стоянки. Зимой они себе отрывают копытом корм из-под снега. Нередко бывают случаи, когда гибнут целые табуны в сотни голов во время буранов или же падают от бескормицы, когда такой табун попадает в местность, покрытую обледенелой коркой. Буряты и монголы – природные ездоки. Так называемая "пантуфлева почта" среди них распространена в большой степени, причем скорость в передаче сведений достигается поразительная. Приходилось быть свидетелем во время этого перехода, когда мы посредством бурят через 10-12 часов уже знали о передвижении красных и наших войск на расстоянии 150-200 верст.

Штаб армии остался совершенно изолированным от войск. Единственная часть, оставшаяся в его распоряжении – Уфимская кавалерийская дивизия, которая двигалась вместе с ним. Но это не имело особого значения в настоящее время в смысле управления войсками. Все было заранее предусмотрено. Весь вопрос сводился к тому, чтобы благополучно отойти на линию реки Борзя, откуда предполагалось дать отпор красным и затем, имея уже у себя все части в кулаке, перекатами отходить к Манчжурии. Нам все-таки следовало поторопиться, чтобы красные не успели перерезать нам путь, спустившись на юг со станции Аги или же со станции Оловянной.

На третий день нашего похода, как это всегда бывает в Забайкалье, вдруг неожиданно наступила зима, выпал снег, и сразу хватил мороз градусов в 20. Так как негде было достать теплого обмундирования и валенок (пимов), в армии было много случаев обморожения. До Дульдургинской мы добрались 27-го октября (район Акши). Ночью красные напали на наше расположение. Завязался бой, но красные довольно прочно засели в сопках. Чтобы не тратить попусту время и не мотать людей, ночью же мы двинулись дальше.

Дойдя до реки Онон, чтобы скорее добраться к себе в отряд, я решил дальше уже двигаться самостоятельно, тем более что Уфимская кавалерийская дивизия уже получила боевое задание – прикрывать отходящие наши части – и двинулась вдоль реки Онон. Штаб же, перейдя в Кар Кулусутай, взял направление на север к линии железной дороги.

Я нашел себе попутчика, ротмистра В. 1-го авиаотряда, который возвращался из командировки в Читу. К счастью, у нас был с собой компас, так как до Даурии расстояние было сто с лишним верст среди сопок. Без всяких уже поселков и без дорог.

Вышли мы 4 ноября утром и на своих "монголках" "собачьей рысью" поплелись на восток. Двигались мы без всяких приключений. К ночи, пройдя верст 60, мы наткнулись на юрту, куда и зашли погреться и дать передохнуть лошадям. В юрте сидели старик-бурят, подбрасывая кизяк в огонь, над которым висел большой чугунный котел с варившейся жидкостью желтого цвета. В юрте пахло дымом, но после проведенного целого дня на морозе и ветре – было тепло и уютно. В углу что-то копошилось, покрытое бараньими шкурами, и раздавался мощный храп, исходящий из нескольких здоровых глоток. Старик вытер полую своего тулупа деревянную ложку и зачерпнул ею котел. Это был так называемый "кирпичный чай", настоящий на кобыльем молоке с примесью бараньего жира. Я до того проголодался, что и не заметил его вопроса, было просто приятно проглотить что-то горячее. Кое-как разговорились. Узнав о приближении красных, старик с семьей уходил в монгольские степи. Но видимо их, кочевников, мало интересовало и трогало все происходящее вокруг.

Вся их жизнь была сосредоточена среди этих степей, уходящих в бесконечную даль, где всем хватает места жить. Немного отдохнув, мы тронулись дальше в путь. Наконец, когда солнце поднялось уже высоко, на горизонте показались черные точки Даурских казарм, а через каких-нибудь два часа мы делились за обедом впечатлениями в своей отрядной семье.

Дальнейшие события быстро развернулись на протяжении нескольких дней, и все было уже закончено к 16 ноября. Отступление не носило беспорядочного характера, наоборот, части отходили в боевом порядке, отходя рубеж за рубежом после кровопролитных упорных боев. Самое сильное сопротивление было оказано красным у станции Даурия, которая была превращена в подобие фронта.

На разведку приходилось летать по несколько раз в день, но в данный момент авиация уже не приносила никакой пользы.

Как я уже говорил, мы с полковником Качуриным должны были лететь на нашем аппарате, специально приспособленном для больших перелетов, в Японию, в Токио, где за зиму должны были сделать нужный ремонт. В силу этого мы оставались здесь на месте в ожидании дальнейших приказаний. Поэтому 14 ноября полковник Качурин, видя, что наступают последние часы белогвардейцев в Забайкалье и наше присутствие является здесь все равно бесполезно, спросил разрешения в штабе армии отправиться в перелет. Штаб почему-то отсрочил наше отбытие еще на два дня. На этот раз, к сожалению, это было сделано несвоевременно, а несколько позже, чем того требовала обстановка и наш могучий "Сальмсон" N 4478, со славой прослуживший всю Забайкальскую эпопею, подвергся сожжению.

Сибирская армия к 16 ноября 1920 г. находилась в эшелоне на станции Мациевская. Почти все части армии были сосредоточены в районе Даурии, где происходили все время ожесточенные бои. Около станции Мациевской непосредственно в поле стояли три наших последних аппарата. В трех верстах от станции находилась деревня того же названия, где были расквартированы Уфимская кавалерийская дивизия и Забайкальский казачий полк.

Около пяти часов утра, внезапным натиском сбив наше сторожевое охранение, красные ворвались на станцию. В темноте завязался огневой бой. Первоначально нам пришлось отойти от станции и, выждав, когда наши забайкальцы примчались из деревни по тревоге, мы перешли в контратаку и выбили красных со станции. Но

было уже поздно – красные, отходя, подожгли наши аппараты.

В тот день к полудню начался общий отход нашей армии к станции Манчжурия. Итак, все было кончено...

Ночью маленький поселок Манчжурия представлял своим внешним видом не совсем обычное зрелище. Посреди бесчисленных костров сновали люди, лошади, орудия и повозки. Припомнилась старая картина ночлега по сибирским таежным дорогам нашей армии во время каппелевского похода. Но сейчас "каппелевские орлы" сдавали свое оружие китайским властям, оружие, которое они со славой и гордостью носили почти в продолжение трех лет всего Белого движения на Волге и в Сибири...

* * *

Я, как генерал-квартирмейстер штаба армии и как начальник походного штаба непосредственно руководивший соединенными операциями корпусов в период с 4-го июня по июль сего года, считаю своим нравственным долгом отметить и подчеркнуть ту незаменимую пользу, которую принесла всему делу ответственная, самоотверженная и безотказная работа 2-го авиационного отряда.

Вся предпринятая нами операция была построена исключительно на одновременном концентрированном наступлении трех корпусов с разных фронтов к одной конечной линии – и потому требовала самого точного поддержания связи корпусов между собой и со штабом армии. Наиболее важные, рискованные и ответственные задачи по установлению связи постоянно выполнялись командиром отряда войсковым старшиной Качуриным со своим летчиком-наблюдателем ротмистром Зиновьевым. Особенно изумительным и самоотверженным полетом в таком роде надо признать полет войскового старшины Качурина 23 июня сего года, когда он со своим летчиком-наблюдателем ротмистром Зиновьевым, получив задание во что бы то ни стало настигнуть двигавшуюся на реку Шилку колонну 3-го корпуса и передать ей ориентировку и весьма важное приказание – блестяще выполняют это задание, несмотря на отвратительную и опасную для полетов погоду и весьма пересеченную местность, на которой отыскать колонну было чрезвычайно трудно. Подвиг этот, безусловно, исключительный и достойный искреннего восхищения, достаточно ясно обрисован в свидетельском показании начальника Омской дивизии генерал-майора Смолина. Я же с оперативной точки зрения должен отметить, что установление связи с 3-м корпусом имело для всей операции огромную оперативную ценность, позволив нам своевременно и достаточными силами занять весь район вверх по реке Шилке до Усть-Кары включительно и создать здесь, соответственно с этим, к моменту заключения перемирия выгодное исходное положение.

Кроме целого ряда полетов для установления связи, войсковой старшина Качурин с летчиком-наблюдателем Зиновьевым совершили много вылетов разведывательного и боевого характера. Полеты эти отличались от полетов других авиаторов своей исключительной смелостью, отвагой, энергией и сопровождались неизменным успехом, принесли армии несомненную пользу и весьма способствовали быстрому и удачному для нас развитию нашей операции. Целый ряд смелых боевых разведок, произведенных войсковым старшиной Качуриным и наблюдателем ротмистром Зиновьевым, дал корпусам и штабу армии весьма ценные и верные сведения о группировке и передвижениях противника. Бомбометание и сбрасывание наших воззваний над расположением красных также приносили нам существенную пользу,

вселяя в ряды красных панику и усиливая среди них смятение и разложение, что затем было подтверждено разведывательными данными.

В краткой реляции нельзя подробно перечислить всех полетов войскового старшины Качурина и летчика-наблюдателя ротмистра Зиновьева, но их неизменная доблесть, неутомимая энергия и исключительно честное отношение к своему опасному и ответственному делу уже достаточно полно и справедливо отмечены приказом по 2-му корпусу от 10 июля сего года за N 56 и свидетельскими показаниями начальника штаба 2-го корпуса Генерального штаба генерал-майора Касаткина и начальника Омской стрелковой дивизии генерал-майора Смолина и комкора 3 Молчанова.

Со своей стороны считаю не только достойным, но даже совершенно необходимым ходатайствовать о награждении войскового старшины Качурина и его летчика-наблюдателя ротмистра Зиновьева орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени; если же по условиям настоящего времени это не будет признано возможным, то – высшей военной наградой, которая бы отметила среди летчиков этих двух достойнейших представителей авиации и тем воздать им должное за понесенные труды, проявленную отвагу и мужество и за принесенную ими незаменимую пользу их подвигами общему делу.

Чита, июль 1920 г.

Главный квартирмейстер штаба Дальневосточной армии

Генерального штаба генерал-майор Пучков.

Верно: полковник Сечеров.

Свидетельское показание о подвиге летчика войскового старшины Качурина и летчика-наблюдателя ротмистра Зиновьева

Настоящим свидетельствую, что командир авиаотряда-2 войсковой старшина Качурин и летчик-наблюдатель ротмистр Зиновьев в период операции с 3-го июня по 10-е июля сего года к югу от реки Шилка своими смелыми, частыми и продолжительными полетами оказали нам в этой операции незаменимую и чрезвычайно важную помощь своевременной доставкой директив высшего командования, поддержанием связи войск с тылом, особенно в тех случаях, когда всякие иные средства связи являлись недействительными и весьма ценными разведывательными сведениями относительно сил и группировки противника.

К 23 июня части 1-го, 2-го и 3-го корпусов, работавшие против красных в районе станиц Богдат – Аргунская, почти неделю не имея связи ни с тылом, ни с командованием, преследовали красных в исключительно трудных условиях по пересеченной, покрытой тайгой местности. Банды красных окружали наши части со всех сторон, нападая на наши мелкие тыловые отряды, поэтому много постов летучей почты погибло, связи же установить долго не удавалось. Вследствие дождливой и бурной погоды, в указанную неделю не представлялось возможным также установить и воздушную связь.

Пренебрегая бурей, дождем, туманами, отсутствием удобных для спуска мест (болота

и тайга), опасностью спуска в расположение красных, которым известны наши опознавательные знаки, 23 июня войсковой старшина Качурин совершил полет и нашел Омскую дивизию на болотистой прогалине среди тайги на полпути между поселком Хомяки и станицей Богдат. Воспользовавшись коротким просветом в тумане, войсковой старшина Качурин со своим летчиком-наблюдателем ротмистром Зиновьевым спустились в расположение дивизии с директивами от Командарма для Комкора-3.

В указанной обстановке исключительной трудности, с плохо работавшим мотором, большой опасностью для жизни от противника, погоды и неисправного мотора, войсковой старшина Качурин и ротмистр Зиновьев восстановили связь войск с командармом, выяснили расположение наших и неприятельских войск в районе Нерчинский Завод – Богдат – Аргунская, на основании чего были приняты меры, повлиявшие на последующий успех операции с выходом на реку Шилка у станции Лончаково.

Начальник Омской стрелковой дивизии, генерал-майор Смолин.

№ 1503 14 июля 1920 г.

Верно: штаб-офицер для поручений по авиации

Генерального штаба, полковник Сечеров.

КАЛИКИН

СУДЬБА ОДНОГО ИЗ ОФИЦЕРОВ 69

<...>

Кошмарный месяц, ужасное наступление, хуже всякого поражения.

Мне в роту как раз в начале сентября (1919 г. – ред.), за день до начала наступления, дали около 200 казаков-оренбуржцев. Часть из них была старше сорока лет, другая – моложе двадцати. О пехотной службе ни те, ни другие не имели ни малейшего понятия. По счастью, с первых же дней они прониклись большим уважением ко мне и к моему младшему офицеру, прапорщику Митькину, так что нам удавалось с ними справляться.

Не буду здесь описывать боев – это не входит в мою задачу. Скажу только, что к концу сентябрьского наступления (1919 г. – ред.) мне стало окончательно безразлично, что еще со мной случится в жизни. Тоже было и с другими офицерами. Как ни как со времени отступления от реки Белой в июне месяце мы участвовали не менее чем в пятидесяти боях, не считая мелких стычек. Те же бои, что были до Белой, мы не считали.

В начале октября, продвинувшись вперед на 200 с лишним верст, мы стали на отдых

в большом степном селе. За это время казаков от нас перевели в другую дивизию, к их землякам, и наш батальон остался почти без солдат.

12-го мы двинулись в поход и, пройдя верст 10, остановились. Командир полка приказал нашему батальону оставаться при обозе впредь до прибытия пополнения. Я был рад, а то почему-то чувствовал, что не могу сидеть в седле, хотя проехал каких-то 10 верст...

Голова у меня кружилась, и хотелось спать. Деревня, где мы расположились, была невелика, и почти в каждой хате лежали тифозные. Все же нам удалось найти свободный дом, где я немедленно улегся спать, отказавшись от всякой еды.

На следующий день нам приказали отходить: прорыв красных не удалось ликвидировать, и он развивался. Меня везли уже в повозке, заботливо укутавши полушубками. Вечером на привале пришел доктор и сказал, что температура у меня сорок градусов с лишним и что это, вероятно, инфлюэнция.

14-го – опять отступление. С фронта доносится сильный оружейный гул. Я чувствовал себя несколько лучше и даже выходил на двор. 15-го – день без перемен.

Вечером 16-го снова явился доктор, температура у меня поднялась до сорока одного градуса, и он меня отправил в дивизионный лазарет. На мой вопрос, что у меня, он ответил опять "инфлюэнция" и предсказывал возвращение обратно через 3-4 дня.

На основании его слов, я не взял с собой вещей, захватив только самое необходимое.

В лазарет меня отвез наш фельдшер, держа меня почти всю дорогу на руках. Ехать было очень тяжело. В голове все путалось, и я заботился лишь об одном: чтобы была напоена водой моя лошадь Армяжка.

Дивизионный лазарет располагался в каком-то помещении с длинными столами; на один из них положили и меня. Голова и особенно раны на ней сильно болели, из носа пошла кровь и текла все сильнее. Сначала я старался остановить ее сам, а потом позвал санитаря. Последний долго не приходил, а когда явился, то только выругался и ушел. Кровь все шла. В сумке у меня оказалась вата, и с ее помощью удалось кое-как справиться с бедой.

Рано утром нас усадили в повозки и отправили за 35 верст на железнодорожную станцию Петухово, куда мы и приехали поздним вечером. На распределительном пункте меня забыли, и я остался на крыльце под дождем. Убедившись, что на дворе в дождь придется погибнуть, я вошел в избу к санитарам. Там меня сначала приняли за солдата и хотели выгнать, но я взбеленился, и отношение сейчас же изменилось. В результате, после хождений по улицам, показавшимися мне бесконечными, я попал в комнату, где лежали на полу еще человек пять.

Утром доктор констатировал у меня тиф. Температура держалась около сорока одного градуса. В голове все время почему-то проносилась история Южного Урала, начиная с самых древнейших геополитических эпох, причем мне все время казалось, что если я смогу направить свою мысль на что-нибудь иное, мне будет легче. Пить хотелось безумно, а на этой станции была только солоноватая вода – ее я не переносил. С трудом удалось уговорить санитаря за 75 рублей принести мне ведро более сносной воды (фунт хлеба тогда стоил 3-4 рубля). По ночам за нами никто не смотрел, и все

приходилось делать самим. Как раз во время обострения болезни я выходил два раза в дождь на двор и чуть не плакал, поминутно падая в темноте в грязь. Жар в эту ночь, казалось, сжигал мое тело. Где-то гремели пушки. Чудилось: вот-вот ворвутся красные. Я судорожно сжимал револьвер, чтобы успеть застрелиться или дороже продать свою жизнь. В голове вихрем носились обрывки мыслей. Голова была так горяча, что волосы немедленно высыхали, как только я их мочил водой. К утру жар спал, и я лежал пластом, не имея сил пошевелиться.

Пришел доктор и, пощупав меня, сказал довольным тоном: "Ну вот, кризис был, опасность миновала, можно теперь есть, что угодно и сколько угодно, вплоть до следующего приступа".

День прошел спокойно. К вечеру же орудейная пальба послышалась гораздо ближе, и иногда доносилось таканье пулеметов. Нас успокаивали, обещая эвакуировать на следующий день.

Действительно, утром всех больных погрузили в вагоны и отправили.

Перед отъездом я не забыл, как всегда, наполнить свою фляжку водой. Она очень пригодилась.

При всем поезде было всего четыре санитаря, и они никак не могли обслужить всех. Полтора дня до Петропавловска пришлось провести без пищи и воды. Моя фляжка облегчила переезд мне и моему соседу. Последний глоток воды был отдан другому соседу – священнику, после сильной борьбы в моей душе, так как мне казалось, что я отдаю свое самое дорогое сокровище.

В Петропавловске нас пересадили уже в другой поезд, где была прислуга.

Переходить приходилось самим, таща вещи на себе. Как ни было их мало, для больного они служили тяжелым бременем.

На одной из станций мне купили монпансье и сухарей. 3-4 конфеты в день поддерживали мое существование в течение 2-3 недель.

Эшелон наш подвигался вперед медленно и часто надолго останавливался. В Новониколаевске его задержали поляки, вмешавшиеся в железнодорожное движение.

Уже начиналась эвакуация, и они старались заранее обеспечить для себя необходимое количество паровозов, не давая их проходящим эшелонам.

Самым опасным местом на железной дороге была Мариинская тайга. Здесь работали отряды Щетинкина и других партизан. Они портили путь, задерживали и грабили поезда. За два дня до нашего проезда, по слухам, был спущен под откос почтовый поезд. Мы проскочили благополучно.

В Красноярске с одним из наших больных случилось несчастье. В бреду ему почудилось, что его хотят вывести из вагона и изрубить на куски. Несколько раз он уже пытался убежать, но его задерживали. После таких попыток доктор терпеливо расспрашивал больного про его чувства и убеждал успокоиться. Последний отвечал вполне связно, а ночью снова выскочил в одном белье из поезда на

тридцатиградусный мороз и исчез. Так его и не нашли...

В Красноярске меня перевели на нижнюю полку в другой вагон.

Медицинский персонал поезда почти весь заболел: на ногах остался только главный врач, фельдшер да 3-4 санитары. Правда, и больных стало гораздо меньше: часть умерла, а тех, кто не подавал надежды на выздоровление, оставляли в проезжаемых городах.

Каждое утро я ставил себе термометр и с тоской убеждался, что температура все еще выше тридцати девяти. Когда же кончится третий приступ? Дни шли: десятый, одиннадцатый, двенадцатый... Силы меня оставляли совершенно, до Иркутска я еще ходил по утрам мыться, качаясь из угла в угол, но там и этого не мог делать. Обычные сухари и конфеты не шли в горло. Хотелось скорее конца. Доктор приходил, качал головой и, наконец, сказал, что меня надо отправить в госпиталь. В переводе на наш язык это значило, что надежды на выздоровление нет. Я так это и принял, но страха смерти у меня не было.

22 ноября (дату я прочел после, в госпитале, на дощечке над кроватью) меня и еще одного офицера одели, закутали и увезли. Кое-что из вещей в поезде у меня уже украли. Деньги, часы и револьвер были еще целы.

В госпитале мы должны были ждать, пока нас поведут в ванну. В голове у меня мутило, ходить я не мог совершенно. В вагоне на моих глазах успели сосчитать деньги, и они сохранились. Потом я лишился чувств, и санитары немедленно украли остальное. Когда я через несколько дней пришел в себя, санитар нашей комнаты рассказал, что доктор и все были уверены, что мне капут. Таким образом, мое выздоровление оказалось полной неожиданностью. Первые мои ощущения и восприятия внешнего мира сливались с бредовым состоянием. Мне казалось, что в стене у изголовья моей кровати есть дверь, ведущая то в кухню, откуда мне приносят вкусный обед, то в подземный ход, соседствующий с чудной страной на высоких горах, где живет неведомый гостеприимный народ. Туда я должен был уйти из госпиталя и оказаться вдали от всяких беспорядков. В другое время, и это было чаще, мне чудилось, напротив госпиталя у меня есть собственный дом, где я могу пользоваться полным покоем. Несколько раз я просил врача отпустить меня туда. Он соглашался. Я ожидал, пока мне оттуда принесут обед, фрукты, и всем этим я угощал соседей. Постепенно элементы бреда стали выпадать из сознания и в него возвращалась реальная жизнь. Особенно долго меня преследовала мысль, что мои знакомые, которые, как я знал, наверняка должны были быть в Иркутске, навещают меня и приносят кислое варенье.

Из реальной жизни этого периода я помню, как приходил доктор, искал у меня сыпь и, качая головой, говорил что-то фельдшеру по-немецки. Есть мне давали только бульон и молоко с сухарями...

В начале декабря я стал приподниматься на локоть и тут, как на зло, на правой руке образовалась опухоль. Пришлось делать операцию. Недели через полторы подобный нарыв образовался в другом месте, и его опять разрезали.

Но, несмотря на это, дело все же шло на поправку. Появился аппетит, и силы прибывали. К 22 декабря я мог свободно приподниматься на локоть.

Страшная ночь была на 22 декабря. В нашей комнате, как всегда, света ночью не было. Около часа я услышал рядом с собой разговор. Сестра стояла у постели соседа и шептала: "Красные захватили городок; приехали из Черемхова на автомобилях, обходят госпиталь, сейчас придут сюда".

Как будто молотом по голове стучали ее слова. Затем она исчезла. Что делать? Я попробовал приподняться и с тяжелым вздохом опустился опять – сил, чтобы встать, не хватало.

В мозгу вертелись какие-то панические мысли, но сознание отказывалось работать правильно. Сосед мой молчал...

Двери с шумом отворились: "Кто здесь? Офицеры?"

Застучали приклады, вошедшие дошли до середины комнаты и остановились, прислушиваясь. Минуты две длилось молчание. Снова шаги, стук прикладов и все стихло. До утра нас никто не беспокоил.

Что же, собственно, произошло?

Наш госпиталь находился в военном городке верстах в пяти от Иркутска. Между городом и нами протекала Ангара – она еще не замерзла, но по ней уже шло "сало", и переправиться через нее было очень трудно.

В Черемхове вспыхнуло восстание против адмирала Колчака под флагом эсеров и меньшевиков. Они требовали прекращения войны, а на первый раз захватили железнодорожную линию вплоть до Иркутска, заняв и наш городок. Конечно, таким образом прерывалась связь с армией, бывшей где-то между Томском и Красноярском. Станцию Иркутск занять не удалось, так как ее захватили иностранцы и объявили нейтральной. Против самого же города восставшие повели успешное наступление, как с этой стороны реки, так и с той, где они владели западным предместьем Иркутска. Несколько дней гремели пушки, слышалась пулеметная и ружейная стрельба. С востока были двинуты части Семенова, которому Колчак приказал освободить Иркутск. Шла так называемая "Дикая дивизия" из инородцев – монголов и бурят. Она продвинулась до предместья и начала занимать его, но иностранцы приказали прекратить продвижение, заявив, что в противном случае они выступят сами. Как говорили, иностранцы боялись, что бой завяжется у станции, и она будет разрушена. Последнее могло затруднить их эвакуацию на восток.

Как бы там ни было, Семенов отступил. В сам город он не мог переправить свои части из-за Ангары, а может, и не хотел по своим соображениям.

Аэроплан восставших летал над Иркутском и сбрасывал туда бомбы, в результате был убит один китаец и ранены две торговки.

Через несколько дней генерал Сычев, командовавший войсками в Иркутске, оставил город с такой поспешностью, что не предупредил об этом даже стоявших на постах часовых. Кажется, он ушел вследствие переговоров, которые велись перед этим несколько дней, но когда точно, не помню.

Повстанцы вошли в Иркутск и образовали "Политический центр" из эсеров, меньшевиков и большевиков. Первой его заботой было создание себе армии из

перешедших на его сторону запасных полков.

Начались, конечно, аресты, но про расстрелы пока ничего не было слышно.

Так продолжалось до середины января. Наша жизнь в госпитале изменилась немного. Перестали давать офицерский ужин, да санитары стали грубить да покрикивать на офицеров. Медицинский персонал был по-прежнему любезен, особенно сестры. Деньги, взятые на хранение в канцелярию при поступлении в госпиталь, выдали нам на руки, и мы стали их усиленно тратить, главным образом, на еду. Вся наша палата состояла теперь из выздоравливающих, и единственной заботой всех было набраться как можно больше сил.

Я начинал уже ходить. Ужасно забавно было делать первые шаги от кровати до кровати, как маленькому ребенку. Также приходилось учиться писать. Рука сначала не могла держать пера...

Выздоровление все же шло гораздо медленнее, чем хотелось.

К мысли о том, что мы в плену, все постепенно привыкли. В сущности, это и не был еще плен. Просто появилась новая власть, пока что не трогавшая и не беспокоившая. Те из нас, кто был посильнее, ходили иногда в город и покупали там всякие мелочи. Деньги все равно должны были пропасть, уже носились слухи, что их аннулируют. Жалование же нам выдавали, как и раньше, даже прибавили на дороговизну.

Политический центр признавал себя правопреемником власти адмирала Колчака и выполнял его обязательства, как считал нужным.

Одной из его новых мер было заключение договора с иностранцами, по которому последние могли беспрепятственно эвакуироваться на восток, в свою очередь, обязавшись не вмешиваться во внутренние русские дела, в частности, не принимать к себе в эшелоны жаждущих уехать русских офицеров. С одним из таких эшелонов ехал и адмирал Колчак, везя с собой некоторое количество золота. По требованию иркутских властей, он был выдан им по приказанию генерала Жанена. Что случилось с золотом, я не знаю. Адмирала Колчака хотели поместить в Александровской тюрьме – поудобнее, чем его спутников, но он отказался, сказав, что разделит участь своих офицеров.

В начале февраля начали приближаться отступающие части нашей армии, и адмирала поспешили расстрелять.

Держался он перед смертью очень хорошо. Выкурил папиросу и сказал: "Я готов". 9 февраля мы с болью смотрели из окон, как проходили мимо конные части нашей армии на исхудалых лошадях с измученными людьми. Они потянулись было к городу, но, увидев, что он занят противником, не стали ввязываться в бой и отошли обратно. Несколько офицеров въехали в город с разгона и были там схвачены. На другой день от них привезли прокламацию с призывом сдаваться в плен, так как, де, мол, их приняли очень хорошо. Я встретил потом одного из них: он рассказал, как им предложили или написать письмо, или быть расстрелянными...

В госпиталь стали сносить раненых в ужаснейшем состоянии, в бреду. Почти у всех что-нибудь было отморожено. У одного, например, началась уже гангрена обоих ног.

У всех страх перед большевиками и ненависть к ним были так велики, что они, несмотря ни на что, просили везти их дальше, не оставляя на расправу красным. Конечно, сделать этого нельзя было, и большинство из них остались...

Мы все – старые больные – попросили врача перевести нас в барак выздоравливающих, чтобы освободить место новичкам. Теперь я уже мог выходить на воздух и держаться на ногах около часа, а то и больше. Пользуясь этим, мы с приятелем обходили войска и расспрашивали про свои части, надеясь к ним присоединиться. Наши поиски были напрасны – никто ничего не знал об их судьбе. К другим же пристроиться было нельзя – у них и своих больных насчитывалось слишком много. Идти пешком за войсками означало погибнуть наверняка, так как мы не могли пройти пешком и трех верст, а впереди лежал Байкал. Через него по льду шестьдесят верст. С болью в душе мы возвратились к себе – уходила последняя надежда избежать красных лап.

Через два дня белые войска исчезли, оставив в городке много раненых и больных.

С утра до полудня никого не было видно, и только с 12 часов со стороны Иркутска появились первые разезды красных. Они зашныряли между бараками и, убедившись, что армия ушла, вернулись в город.

К вечеру над нами снова тяготела власть "Политического центра".

Последний состоял, впрочем, исключительно из большевиков. Более правые группы предпочли "для пользы дела" устраниваться от власти.

Нас сначала никто не беспокоил, но не так было в главном здании лазарета, которое мы покинули. На второй день после ухода армии (капеллецев – ред.) в палаты ворвалось несколько красноармейцев, и, размахивая обнаженными шашками, они стали требовать у сестер, чтобы им показали "капеллецев"... Сестры испугались, подняли крик, но никого не выдали. Красные бегали по палатам, крича на больных и требуя, чтобы они выдали сами себя. Один из тифозных не выдержал, соскочил с постели и выбросился в окно из второго этажа, другой от испуга скончался, а еще двое помешались...

В городке (где находился лазарет капеллецев – ред.) отстало несколько возчиков (подводчики из крестьян, взятых в обоз армии – ред.), одного из них в первый же вечер поймал помощник коменданта и начал расстреливать. После трех выстрелов возчик был еще жив и мог даже ходить. Красный отвел его в приемный покой и заставил сестру перевязать раны, сам же пока ушел. Несчастный думал, что он спасся, но минут через двадцать палач является опять:

- Что, товарищ, отдохнул? Так пойдем!

- Куда вы его? – вступилась сестра, – ему надо лечь, он истекает кровью!

- Как куда? Достреливать, что с этой сволочью больше делать!..

- Зачем же вы его приводили? Пощадите, ведь это же издевательство! – сестра залилась слезами.

- Мы не звери! – галантно возразил помощник коменданта. – Человек был ранен, я и

привел его на перевязку, а теперь он снова в порядке. Ну, пойдём!.. – грубо повернулся он к полумертвому возчику.

Тот покорно встал и поплелся; сестра упала... На дворе раздалось два выстрела.

Когда шла где-нибудь расправа, сестры сейчас же прибегали к нам и предупреждали. Томительны были минуты ожидания, казалось, вот-вот ворвутся. Кровь стыла в жилах, и сердце сжималось от полного сознания своего бессилия.

Около нашего барака, да и у других бараков поставили часовых "для охраны от эксцессов". Но что это были за часовые? Того и гляди, сами ночью придут и подколят...

В канцелярии госпиталя сразу чувствовалось, что мы – офицеры: писаря были чрезвычайно грубы и все время отпускали по нашему адресу колкие, по их мнению, шуточки. Ждать нас заставили больше четырех часов, хотя надо было написать только две небольшие бумажки каждому, да и то на печатных бланках...

Наше новое помещение – комната в нежилом, полусломанном бараке, была не особенно тепла. Как ни как, морозы по ночам доходили до двадцати градусов и больше... Моим приятелям пришлось очень плохо.

Сейчас же, после отхода каппелевцев, иркутские власти бросились по их следам ловить отсталых... В город привезли несколько изуродованных трупов, носивших следы издевательств. Их выставили напоказ народу с объяснением, что это – тела красноармейцев, замученных белыми. Публика приходила, ужасалась и ругала каппелевцев. Тела стояли на виду дня два, пока какая-то женщина не узнала в одном из них своего сына, служившего офицером в армии Колчака. С плачем и криками она бросилась на труп, проклиная красных. Окружающая толпа онемела от изумления и ужаса. Женщину немедленно арестовали и увели, а трупы сейчас же убрали и больше не выставляли... После уверяли, что женщину обвинили в провокаторстве и приговорили к какому-то суровому наказанию...

Начались бесконечные регистрации офицеров и всех служащих при адмирале Колчаке. Приходивших, как водится, задерживали и держали дня по два без пищи в холодных помещениях...

В середине апреля (1920 г. – ред.) явились, наконец, регулярные части красных... В одном из полков оказался наш батальонный адъютант, прапорщик Никон Запевалов. Запевалов был расстрелян большевиками по возвращении домой в Кунгур...

Еще в начале марта в военном городке был устроен лагерь для военнопленных каппелевцев, среди которых у меня тоже нашелся один знакомый. Попал мой знакомый с несколькими десятками офицеров и солдат <в плен>... Ночью их окружили партизаны, часть перебили, а остальных, полураздетых, погнали в Иркутск, заставляя в день проходить по 40 верст. Сами конвойные ехали, конечно, на подводах. Путешествие продолжалось 21 день – большинство погибло в дороге...

Все жившие в Иркутске генералы и штаб-офицеры должны были поместиться за проволоку вместе с каппелевцами. Среди них замешался старичок, который на вопрос, где он служил при Колчаке, отвечал:

- Я, батюшка, при Колчаке не служил.

- Ну, а при Николае?

- Да ты что, батюшка, я еще при Александре III в отставку вышел.

Следователи смущались, но старичка не отпускали, и он сидел еще и тогда, когда я попал в лагерь...

В Иркутск приехало отделение ВЧК и начало свои действия. В батальоне выздоравливающих, где я продолжал числиться, был получен приказ явиться всем для проверки. В назначенный день я встретил на улице одного знакомого, шедшего в это почтенное учреждение, и пошел его проводить... Проводив своего знакомого до помещения ЧК, я хотел было идти домой, но оказалось, что я неосторожно зашел во двор сего учреждения, откуда назад меня не выпустили.

Чека помещалось около рынка во дворе одного иркутского купца...

Попавшись в мышеловку, в первый момент я был взбешен и не знал, что мне делать. Винить было никого нельзя, виноват я был исключительно сам. Все же сердиться и ругать себя долго не приходилось: надо было ориентироваться в новом положении и подумать, что говорить на допросе.

Мои коллеги заполняли анкеты и вместе с ними поочередно являлись пред светлые очи следователей. Очень немногие выходили из кабинета. Одни – с пропусками на все четыре стороны. Большинство – с расстроенными лицами выводились под конвоем и отправлялись за решетку. Скоро и меня ввели в кабинет. Следователей было трое. Двое – лет по 20 с небольшим и один – мальчишка лет 12-13.

Перед последним стоял почтенный седовласый полковник и с растерянным видом озирался кругом. Мальчишка стучал кулаком по столу и орал: "Врешь, белогвардейская сволочь, чего вертишься!.. Служил в карательном? Отвечай!.. Вероятно, эта сцена длилась уже довольно долго и полковник совершенно обалдел, ни один звук не вырывался из его трясущихся губ. "Отвечай! – вопил мальчишка, – я тебя р...т...м... загоню, что сам черт не бывал..." Полковник все молчал. Мальчишка привстал, схватил линейку и замахнулся на старика, последний инстинктивно отступил, зацепился за что-то и упал: "Увести его!.."

"Ну так, товарищ, – ласковым тоном обратился ко мне мой следователь, закуривая папиросу, – где вы служили у Колчака?.. Так, так, в нестроевых частях, а на фронте не были?.. В самом начале... недолго... хорошо... А где вы получили производство? Ведь вы – поручик... Да? В Германскую войну... Что-то слишком скоро... Вы из какой местности приходите? С завода. Без сомнения, вы будете очень довольны вернуться в свои края; я вас направлю на запад, а пока мы вас немножко задержим. Подпишите, пожалуйста, протокол".

Я пробежал глазами лист, который мне протягивал следователь: довольно большой промежуток между текстом и своей подписью. "Уведите его!" – с этими словами следователь дал солдату сопроводительную бумажку. Провожаемый сочувственными взглядами, прошествовал я мимо еще ожидающих. Впрочем, через несколько минут и они отправились туда же.

Меня привели в бывший магазин, наполненный задержанными. На всех прилавках и полках расположились люди, многие, видно было, здесь уже обжились. Я нашел себе свободное местечко у стенки и тоже улегся рядом с одним знакомым.

Допроса ожидали долго, и все сильно проголодались, но здесь не кормили. Зато удалось написать записку и отослать знакомым в город с просьбой принести что-нибудь поесть. До вечера же следующего дня нужно было поститься.

Кого только не задерживали большевики: офицеров, генералов, штатских всех сортов и всех возрастов. Молодые девушки и почтенные женщины, родные белогвардейских деятелей, не избежали общей участи.

Одна девица, мадмуазель С., дочь генерала, весело кокетничала с несколькими офицерами. Они сидели группой у заборчика небольшого дворика сзади магазина и хохотали, будто собирались на увеселительную прогулку. У других тоже не было особенно подавленного вида: большинство здесь были военные, привыкшие уже ко всяким поворотам в жизни. Мне самому досаднее всего было не то, что я попался, а то, что я так постыдно опростоволосился. Действительно, дернула меня нелегкая заходить во двор!..

На следующий день, 10 мая, пришли мои знакомые и принесли поесть. Разговаривать с ними почти не пришлось: свидание длилось минут 3-5.

Еще через день нас всех пересчитали и повели под сильным конвоем в военный городок, в лагерь, где сидели уже каппелевцы. Густые толпы народа шли за нами по улицам – их отгоняли прикладами.

В лагере в бараках мы разместились гораздо лучше, места было вдоволь. Днем нам разрешили гулять всюду, не подходя слишком близко к проволоке, по ночам же в высывающих нос из барачных стрельяли. Исполнять лагерные работы заставляли всех без исключения. Самое тяжелое было возить воду с Ангары в бочках, поставленных на вагонетки. Рельсы кое-где испортились, вагонетки слетали и их с большим трудом ставили обратно.

В полдень выдавался обед: немножко супа из кеты с кашей и хлеб. Конечно, кормили ровно настолько, сколько нужно было, чтобы никто не умер с голода.

Но это особого значения не имело: почти все имели в городе родных или знакомых и питались передачами. Одинокие же кормились возле более счастливых. Целые дни кругом лагеря бродил народ, выскивая удобную минуту, чтобы хоть издали увидеть своих близких. Караул ругался, но в отсутствие начальства позволял даже иногда перекинуться словечком через проволоку. Начиная с четырех часов, давались свидания на 15 минут, и в это время приносились передачи. Выпускали группами по 20 человек в барак вне проволоки, где уже ожидали навещавшие. При разговоре присутствовали чекисты, но их было мало, так что разговаривать удавалось о чем угодно. Передачи тоже не осматривались. Отсутствие строгости объяснялось тем, что комендантом бы иркутянин, неопытный еще в проведении террора и к тому же знакомый со многими сидельцами лагеря.

Дня через два меня позвали к лагерному следователю для выяснения вопроса о моем происхождении. Я сказал, что мой отец происходил из заводских крестьян. Подробностей у меня не спрашивали, и дело прошло. Потом оказалось, что

благодаря этому ответу я избежал челябинских лагерей. Следователь показал мне протокол моего предыдущего допроса, и я с удивлением там прочел, что был произведен при Колчаке за боевые отличия. Такие штуки я, конечно, на допросе не говорил, и это просто вписал первый следователь после того, как я подписал протокол, выше моей подписи.

На мое указание лагерный следователь ответил, что это несущественно.

13 мая в лагере состоялась общая комиссия для выяснения, кто не может перенести пути. Всех желающих попасть на комиссию выстроили и пропустили перед следователем, который определял на глаз, болен человек или нет. Безногих он признал больными, на остальные же "пустяки" внимания не обращал.

Отправку назначили на 15 число, и в лагере начали распространяться слухи, что всех отправят по специальностям. Наиболее же провинившиеся – в Красноярск или трудовые армии. Только бывшие контрразведчики, добровольцы и служившие в карательных отрядах подлежали изоляции в концентрационных лагерях до конца гражданской войны. Студентов, как говорили, отправят продолжать свое образование в те высшие учебные заведения, где они были раньше. Мы всему этому плохо верили, хотя иногда и закрадывалась мысль: "а вдруг впрямь попадешь в университет?"

Мои знакомые посещали меня каждый день и приносили на дорогу провизии, несмотря на то, что у них самих почти ничего не было.

Утром 15-го всем выдали хлеба и соленой рыбы (кеты) на четыре дня, а часов в пять вечера все были выстроены для проверки и сдачи мадьярскому караулу, который назначался сопровождать нас по железной дороге. Караул был не чисто мадьярский, а интернациональный, в нем было и несколько русских. Провожатых было около тысячи человек, и красноармейцы нервничали. Для вещей подали подводы – конечно же не власти, а частные лица, и мы двинулись к вокзалу.

Меня провожали мои знакомые барышни и несли кое-что из вещей, идя почти рядом. Недалеко от вокзала публика надавила в узком месте на нашу колонну. Произошло замешательство. Красноармейцы стали стрелять. Послышались крики и плач женщин. Нас погнали быстрым аллюром и, не давая взять вещей, втолкнули в вагоны. Я говорю "втолкнули", так как неловким усиленно помогали прикладами. Где-то вдали мелькали печальные лица моих знакомых.

Дверь вагона с шумом захлопнулась; загремели засовы, и мы остались в темноте. Снаружи раздавались еще крики и плач, изредка слышались выстрелы. Все эти звуки покрывались звучной руганью конвоя. Первые минуты в вагоне царила гробовая тишина. Все были поражены произошедшей сценой. В лагере нам обещали на вокзале прощание с родными, а тут – выстрелы, крики, плач женщин, площадная брань.

Понемногу все начали размещаться и устраиваться. Поезд скоро отошел. В вагоне набралось около 35 человек, и было тепло, несмотря на холод снаружи. Мне удалось пристроиться на верхней полке у окна, и я думал, что по дороге можно будет посмотреть на следы войны и дышать более свежим воздухом. Не тут-то было! На одной из станций снаружи раздалась крепкая брань, железная ставня с шумом закрылась, и ее заколотили гвоздями. Тоже сделали и с другими окнами, кроме

одного, которое разрешили открывать для освежения атмосферы лишь на больших станциях. За несвоевременное открытие угрожали стрельбой. В нас не стреляли ни разу, в других же вагонах несколько человек было ранено.

От соленой рыбы страшно хотелось пить, но нас выпускали только по утрам на пять минут, причем не позволяли ходить за водой. Если кому-нибудь удавалось хлебнуть из какой-нибудь лужицы, то хорошо, а нет... "на нет и суда нет". Меня и моего соседа спасла моя верная фляжка и то, что мы старались есть вместо рыбы сало. Дальше в пути сосед, проезжая свой город, разжился припасами и тогда помогал мне, хотя мы были уже в разных вагонах.

Если кому-нибудь нужно было выйти из вагона в неурочное время, его не пускали ни под каким видом. На все просьбы конвойцы отвечали бранью. Один из наших, выведенный из себя бессердечностью стражи, оторвал капюшон своего плаща и, облегчившись, выбросил за окно. Красноармеец не успел выстрелить и, немного погодя, очевидно, исследовав, в чем было дело, произнес задумчиво: "Ишь, стерва, и вещь не пожалел".

С каждым днем пить хотелось все больше, и, когда на четвертый день эшелон подходил к Красноярску, многие сходили с ума. В нашем вагоне все уцелели, из других в Красноярске сняли несколько больных. Была ли причиной болезни жажда – не знаю. Спасло несколько то обстоятельство, что в этом районе еще лежал снег, и во время утренней прогулки можно было набрать его вдоволь.

Красноярские горы и Енисей, как всегда, были восхитительны. Погода стояла ясная, и, самое главное, нам позволили открыть окна, а наружу выпускали несколько раз в день. В полдень водили обедать: давали пять ложек супа и три – каши; то и другое казалось нам очень вкусным.

Из красноярского лагеря к нашему эшелону присоединили группу генералов и штаб-офицеров с семьями. Среди них оказались знакомые, и они рассказывали про содержание в здешнем лагере. Зимой в нем помещалось около 50 тысяч человек – солдат и офицеров, сдавшихся в плен. За точность этой цифры не ручаюсь, но, по моему мнению, она вполне вероятна. Их почти не кормили, затем развилась сильнейшая эпидемия тифов, и, наконец, многих расстреляли. Красные тут еще не были так упоены победой, как позже в Иркутске, и не церемонились. Для "иркутского времени" имела еще большое влияние отмена смертной казни, с ней как ни как считались. В общем, в Красноярске, по словам очевидцев, погибло около 75% всех пленных. Трупы не успевали хоронить, и они целыми горами валялись под городом.

Всем нашим эшелоном заведовал комиссар – "Ванька-Каин", как мы его звали. Это был здоровеннейший широкоплечий мужчина с весьма откровенным лицом, по всем признакам, бывший матрос. Он чувствовал себя героем, имея в своей полной власти около 600 генералов и офицеров. На стоянках, где нас выводили проветриваться, "Ванька" неизменно вылезал из своего вагона и прогуливался вдоль эшелона, звонко ругаясь и покровительственно разговаривая с обращавшимися к нему офицерами, похлопывая их иногда по плечам в знак своего особого благоволения. Расположение его духа было крайне непостоянным и менялось весьма быстро, немедленно отражаясь на нас.

Комендант поезда, он же – начальник караула, показывался гораздо реже и почти ни

с кем не разговаривал. От него исходили все стеснительные распоряжения насчет выхода на станциях, закрытия окон и другое.

Когда мы останавливались, где предполагался очередной выпуск, мадьяры оцепляли небольшой район перед эшелонем, а затем открывали 4-5 вагонов. Публика быстро высыпала наружу и немедленно усаживалась цепью. Вероятно, со стороны это было весьма забавное зрелище. Через пять минут раздавался зычный крик: "по вагонам!", и все должны были как можно скорее возвращаться на место. Один старенький артиллерийский полковник из нашего вагона раз ошибся и подошел к соседнему, разглядывая его номер. Сильный удар прикладом по спине и громкое мадьярское ругательство живо заставили его понять свою ошибку: очки у него свалились, лицо приняло недоумевающе-странное выражение: "Ведь я только подошел к посмотреть номер вагона!" – жаловался он потом... Такие случаи бывали очень часто и с другими, но этот особенно неприятно меня поразил – полковник был очень почтенный и симпатичный человек.

В Иркутске, благодаря спешке, нас рассадили, как попало. В Красноярске "Ванька" порешил навести полный порядок. Все были выведены из вагонов вместе с вещами, и началась переключка по спискам. Их было пять, и они носили заголовки: "в Челябинск", "в Екатеринбург", "в Петроград", "в Москву" и в "красную армию". Я попал в список, носивший заголовок "в Петроград". Челябинский список не порождал никаких сомнений: туда попали приговоренные к заключению в концентрационных лагерях до конца гражданской войны. В числе их были все капшелевцы и те категории, которые я перечислял раньше. Это была самая большая группа – человек 300. Ее отделили в первую голову и посадили отдельно, введя самый строгий режим. В Екатеринбург направлялись специалисты в трудовую армию. В Москву и Петроград – студенты этих городов, а в красную армию – все, не попавшие в другие списки. Надо сказать, что нам официально не объявлялись мотивы распределения по группам в том виде, в каком я их привел. Это было просто авторитетное распоряжение "Ваньки-Каина". Оно походило на правду – так, в нашей группе были все петроградские студенты или же, по крайней мере, так себя называвшие.

В новом вагоне мы расположились несколько теснее – теперь нас было больше. Я попал под нары. Нижнюю полку мы разобрали, тем более что в ней не хватало досок, и улеглись прямо на пол. В стенке вагона сквозь маленькую дырочку проникал иногда луч солнца; под него подставлялись зеркальца и направляли отраженный луч на доски верхних нар. Свет рассеивался, и в нашем обиталище становилось так светло, что можно было даже читать. Как ни как, в этом темном углу пришлось прожить целый месяц.

В Красноярске мы простояли всего четыре дня, пока ЧК просматривала наши списки, отыскивая нужных ей лиц. Не могу наверняка сказать, нашла она кого-нибудь или нет. Сообщение между вагонами было очень затруднено, и когда выпускали одних, другие сидели взаперти. В нескольких вагонах был устроен обыск, причем были отобраны документы, деньги и ценные вещи. То есть людей просто немножко ограбили, а мы про это узнали лишь много времени спустя.

После отъезда из Красноярска для тех, кто не попал в Челябинский список, режим значительно облегчили.

Ехали мы очень медленно, и кормили нас редко. На станциях, где можно было

что-нибудь купить, нас не выпускали. Приходилось покупать на полустанках какую-то траву вроде лука и довольствоваться ею. Иногда продукты выдавались на руки сырыми: крупа, мясо, картошка и с ними предоставлялось делать, что угодно. Как-то вечером выдали сырую, соленую конину, я ее так и съел: "голод – не тетка". Один раз нам посчастливилось: мы остановились на разъезде, где произошло недавно крушение. Остатки разбитого поезда еще горели. Публика высыпала из вагонов, обступив пожарище, и превратила его в огромную кухню. Всюду на раскаленных кусках железа и на несгоревших еще досках стояли и кипели котелки. В какой-нибудь час обед сваривался и поглощался... На некоторых станциях, где нас выпускали, мы пробовали варить и на обыкновенных кострах, но это редко удавалось. Иногда поезд должен был уходить раньше, чем сваривался обед, и нас прогоняли, иногда просто не позволяли варить по невыясненным причинам, а иной раз приходил кто-нибудь из караула к вашему костру и, спокойно отставив ваш котелок, ставил свой. Хорошо, если котелок еще просто отставлялся, бывали случаи, что его просто перевертывали.

Охраняли нас – привилегированные группы – довольно слабо, и при большом желании можно было бы сбежать, но до Омска этого никто не делал. Во-первых, страшно подводились остальные, во-вторых, в тайге население очень редкое и к тому же в то время враждебно настроенное против белых; в-третьих, всем казалось: "а что, может, впрямь привезут в Москву или Питер и, отпустив на волю, спокойно предоставят заниматься своим делом..."

Следов войны по дороге почти не было видно. Кое-где валялись разбитые поезда, да на станциях иногда виднелись небольшие разрушения. Только станция Ачинск пострадала очень сильно. Там зимой взорвались два вагона с динамитом. Все постройки рассыпались, а железные столбы, на которых были укреплены крыши навесов, согнулись, точно их все время держали под давлением...

Недалеко от Новониколаевска начались строгости. Вагоны заперли, окна не позволяли открывать, а о том, чтобы купить съестное, нельзя было и думать. После выяснилось, что по направлению к Алтаю появились белые партизаны и наш "Ванька" боялся, как бы к ним кто-нибудь не сбежал.

Два дня нас не кормили, а в городе погнали на обед в три часа ночи. Некоторым не хотелось есть в столь неурочное время, но их заставили – "для порядка, чтоб потом не говорили, что их голодом морили", объяснил "Ванька".

Мрачными казались нам длинные комнаты Новониколаевского питательного пункта, слабо освещенные свечами – по одной на каждом столе. Все наскоро пообедали, то есть проглотили по пять ложек супа и по три – каши, а затем построились во дворе, собираясь возвращаться в поезд. Вдруг откуда-то выскочил "Ванька-Каин": "Воры, офицерская сволочь, буржуи... я вас в лагерях сгною, перестреляю..." Для большей убедительности он вытащил револьвер и тыкал им в ближайшие к нему физиономии. "Куда свечку-то дели? Украли!... А еще офицеры, интеллигенты... Обыскать всех!" – закончил он. "Старшие вагонов – сюда!" Старшие подошли к нему и слушали его крики, затем разошлись по рядам и начали разыскивать виновника пропажи, убеждая сознаться, чтобы не подводить других. Все молчали.

Я вспомнил, что у меня в вагоне, в мешке есть два куска свечи: "чего доброго, пойдут туда искать, найдут и скажут, что украл именно я".

Несколько минут продолжались уговоры старших, но тщетно: пропажа не находилась. "Ванька" терял терпение и снова разразился бранью. Внезапно он смолк, через минуту раздалась команда, и мы в недоумении разошлись по вагонам. Потом выяснилось, что свечку взял один из конвойных.

Когда рассвело, на станцию пришли из города местные красноармейцы из бывших колчаковцев (город находился далеко от станции) и начали искать в эшелоне своих бывших начальников. Меня тоже отыскал один солдат и был весьма доволен, когда я его узнал. Он поговорил со мной минут десять, рассказал про других знакомых солдат и, посочувствовав моему теперешнему положению, ушел. Что ему, собственно, от меня было нужно, я так и не понял.

Также благополучно окончились и другие встречи офицеров со своими бывшими подчиненными.

Дальше до Омска мы ехали, как и раньше, то есть нас запирали на больших остановках, где можно было что-нибудь купить, и выпускали на маленьких.

В Омске ЧК опять затребовала списки провозимых и рассматривала их снова целых четыре дня. У многих здесь были родные и знакомые, и у эшелона целые дни толпился народ, стараясь улучшить минутку поговорить или хотя бы взглянуть на своих. Первые два дня все шло хорошо. В известные часы нас выпускали наружу, и мы прогуливались под сочувственными взглядами огромной толпы родных, знакомых и просто любопытных. "Ванька" в своей кожаной куртке с револьвером важно ходил взад и вперед, изредка весело покрикивая на женщин, осмеливавшихся подходить слишком близко. Весь вид его выражал крайне благодушное настроение...

Сразу почувствовалось облегчение... Но через два дня опять все изменилось. На рынок отпустили по два человека от вагона для закупки припасов. От нас тоже пошли двое, в том числе мой сосед. На базаре красноармеец всех распустил, взяв предварительное слово, что они соберутся через четыре часа в условленном месте. Мы в это время мирно бродили возле своих вагонов. "По вагонам!" – раздался неожиданно дикий крик, сопровождаемый отборнейшей бранью. Все уже знали, что в таких случаях нужно немедленно исполнять приказание, если не хочешь получить хорошенько по шее. Через две минуты на платформе никого не было, и все с содроганием слушали, как стучат засовы запираемых дверей. Царило молчание: никто не понимал, в чем дело. Минут через пятнадцать к комиссару вызвали старших, и когда они вернулись, мы узнали, что мой сосед скрылся, а его спутник – арестован, то есть посажен в карцер. До следующего дня нас никуда не пускали и только в 12 часов, как обычно, повели на обед. Когда мы шли обратно, то увидели, что у эшелона стояла большая толпа родственников и частной публики. На этот раз никому не позволили ничего передать, и в ответ на усиление просьбы женщин их толкали прикладами и ругали. В толпе раздавались возгласы возмущения и рыдания.

"Ванька" приказал стрелять. Все рассыпались. Нас заперли, а на следующее утро повезли дальше. Спутника бежавшего привели в вагон полубезумным. Придя в себя, он рассказал свои злоключения.

Он и бежавший вместо базара решили съездить к своим родственникам на извозчике, причем собирались вернуться тоже вместе. В назначенное время, зайдя за бежавшим по указанному адресу, оставшийся не только не застал его дома, но ему

сказали, что таких совсем не знают. Оставшийся возвратился один. Красноармеец пришел в ярость, увидев, что одного нет, и немедленно доложил "Ваньке". Последний приказал закрыть вагоны, а оставшегося арестовал. Неизвестно какими путями, комиссар узнал, что тот тоже ездил в город. Во время допроса его били, тыкали в лицо рукояткой револьвера и заставили указать данный ему адрес. Начатые в этом направлении поиски ни к чему не привели. Снова начался допрос, конечно, безрезультатно. Наконец, "Ванька" немного успокоился и отправил его обратно в вагон, а нас всех предупредил, что в случае повторения побега он будет расстреливать, пока же ограничился закрытием эшелона на несколько дней, а нашего вагона – на все время. Кого именно расстреливать, указано не было.

Впрочем, он скоро развеселился, и, проезжая уже полосу боев между Петропавловском и Курганом, мы смотрели в открытые окна на бесконечные полосы несжатой, погибшей пшеницы. В Кургане же спокойно закупали себе на дорогу баранки и хлеб. Как потом рассказывали, "Ваньку" уговорил сменить гнев на милость новый начальник караула.

И слава Богу: Сибирь кончалась, мы спешили закупить еды на остальной путь. К сожалению, у меня лично не было на это денег: последние унес бежавший.

В Челябинске снова была длительная остановка. Здесь эшелон уменьшился вдвое. Самую зловредную часть оставляли в Челябинском концентрационном лагере.

Первый и последний раз пришлось тут услышать неблагоприятные отзывы от частной публики на счет нашего эшелона. Какие-то рабочие начали расспрашивать, кто мы такие. Им рассказали.

- Зачем же везти такую сволочь! – возмутился один из них.

- Поставить бы пару пулеметов, да и по вагонам, а то только хлеб пролетарский даром жрут.

Он еще распространялся на эту тему, но мы ушли подальше от греха. Начни ему противоречить, пожалуй бы, обвинили в новой злонамеренной поддержке буржуазных элементов или еще в чем-нибудь не менее "злостном".

На второй день стоянки Челябинский противотифозный пункт устроил для нас баню и выдал по паре чистого белья.

Челябинск был последней базой, где можно было еще достать сравнительно дешевых хороших продуктов. Все усиленно меняли свои вещи на хлеб, сало и другую живность.

Мне удалось выменять на осьмушку чаю три буханки хлеба, всего фунтов двенадцать, что мне много помогло, так как я совсем изголодался. Ко мне присоединился один коллега, и до Екатеринбурга мы все истратили, но зато прибавилось сил.

При въезде в бесплодные местности Уральского хребта на одной из станций заградительный отряд пытался ограбить наш эшелон, но был отражен караулом, везшим в своих вагонах очень многие продукты.

От Челябинска нас везли взаперти без всяких внешних причин. Очевидно, "Ваньке"

плохо спалось.

После Омска в нашем вагоне несколько дней шли дебаты, как поступить с вещами, оставшимися после убежавшего. У многих он взял деньги на покупку консервов, и они, конечно, пропали. На этом основании предполагалось отдать вещи пострадавшим. Но один из офицеров, капитан, некий Ташкенцев, 27-го полка Сибирской армии, оперировавшего на крайнем Севере, чуть ли не державшего связь с Архангельской армией, решительно запротестовал, доказывая, что на это необходимо разрешение комиссара. Ему возражали, говоря, что "Ванька" ничего про вещи не узнает и знать не будет.

- Узнает! – твердил сей муж.

- Но как? Разве ему кто-нибудь донесет? У нас, кажется, не должно быть шпионов!

- Я пойду скажу! – заявил Ташкенцев.

Все опешили, потом попробовали его испугать, но он не убоился и твердо стоял на своем. Когда ему грозили бойкотом, он опять-таки отвечал, что тогда доложит комиссару о нашем контрреволюционном настроении и этим терроризировал весь вагон. Через четыре дня удалось все решить, разыграв все по жребью. Ташкенцев согласился. Потянули билетки, и Ташкенцеву ничего не досталось. Около получаса он думал над новой ситуацией, и, наконец, последовало его новое решение:

- Надо все вещи снова собрать и отнести комиссару.

- Как? Вы же сами согласились на жеребьевку!

- Теперь я передумал. Это неправильно: имущество убежавших из-под ареста принадлежит государству, и частные лица не вправе им распоряжаться...

- Мерзавец, провокатор, шпион!.. – раздавалось кругом. – Убить такую сволочь, выбросить из вагона!..

И из-за чего, как вы думаете, шли прения? Две пары белья, три полотенца, носки и вещевой мешок – вот и все. Самое большое, что мог получить Ташкенцев при жеребьевке – это одну рубашку.

В конце концов, все вещи были собраны и отнесены "Ваньке", а товарищ Ташкенцев продолжал себе ехать в вагоне, как ни в чем не бывало, вмешиваясь во все разговоры.

В Екатеринбурге нам повезло. Мы простояли тут сутки, с вечера до вечера, и все время двери вагонов были открыты. Пришли родственники, знакомые, собралась масса любопытных... Вечером, когда мы сюда приехали, один мой знакомый написал своим письма и отдал на станции первым попавшимся, прося доставить по адресу. Не прошло и часа, как они были переданы. К нему пришли родные и знакомые и не уходили до самого отхода поезда. Старший вагона, узнав, что у него тут свои, не преминул тщательно расспросить, на всякий случай, где они живут и кто они такие.

В Екатеринбурге мы снова оставили часть своих спутников, отправленных в распоряжение местной ЧК на предмет направления в трудовую армию. Через два

месяца они, впрочем, очутились также в Москве.

До Кунгура поезд шел с открытыми окнами и дверями. Можно было любоваться Уралом и выбегать на остановках за водой. В Кунгуре на станцию съехалось много крестьян из окрестных сел. Они были собраны на работы. К нам крестьяне отнеслись с большим сочувствием, расспрашивали про положение в Сибири и жаловались на большевиков. Пермская губерния отличалась своей стойкостью в борьбе и в ненависти к красным, теперь за это ей приходилось расплачиваться. В населении шло глухое брожение, и беседовали о новом восстании.

Пока мы говорили, вновь раздался крик: "по вагонам!" "Ванька" бежал вдоль эшелона со злой физиономией и громко ругался. Все бросились на свои места. Позвали старших... В общем, все произошло, как и раньше в таких случаях. Причиной новых репрессий послужила полученная со станции "Шаля" телеграмма, где сообщалось, что кто-то из нашего поезда агитировал там против советской власти. Председатель коммунистической ячейки требовал производства следствия и наказания виновников. Дело кончилось закрытием всего эшелона до Перми.

С Челябинска считалось, что особенно отпетых для советской власти элементов больше нет, и теперь все пользовались относительной свободой. Для нарушавших же установленные правила отделили один вагон, куда и сажали, точно в карцер. Оттуда никуда не пускали; окна и двери там не отворялись, но зато было гораздо просторнее и чище. За какие именно поступки туда сажали, не помню.

В Перми эшелон стоял один день, и желающие ходили во главе с "Ванькой" купаться в Каме. Я тоже пошел омыть свое грязное тело и вдоволь наплавался, удивляясь своей живучести. Кажется, всю зиму болел, потом находился в условиях, мало благоприятных для поправки, и, наконец, целый месяц путешествовал впроголодь. Плавать же плавал, как всегда.

Купание повторилось второй раз дальше уже в Вятской губернии, в крайнем пункте, до которого дошли наши войска.

Отсюда началось путешествие по настоящей Совдепии с 1918 года. На станциях можно было достать исключительно молочные продукты да яйца, и то, выменивая их на мануфактуру или соль...

Сноски

i Материалы газеты "Каппелевцы" – см. Приложения.

ii Фрагменты из книг А.П. Будберга, П.П. Петрова и других авторов – см. Приложения.

iii Биография В.О. Вырыпаева – см. Часть 3.

iv Публикация и комментарии С.С. Балмасова.

v Подробнее биографию генерала С.А. Щепихина – см. "Часть III" данного издания.

vi *Автор данных воспоминаний ошибается в этом случае, так как до марта 1919 г. Уральское казачье войско не имело атамана и управлялось Войсковым съездом.

vii 1 Хорунжий Устякин, бывший управляющий отделом Государственного Банка в Симбирске, с первых дней занятия его Народной армией и чехословаками пошел добровольцем и состоял адъютантом у полковника Степанова. Через три дня от полученных ран скончался (примечание автора).

viii Публикация и комментарии С.С. Балмасова.

ix Худяков Н. Из пережитого. Слово. Шанхай. N 168. (здесь и далее примечания автора).

x Капитан К. Ледяной поход. // Русское обозрение (Пекин). Декабрь 1920 г.

xi Худяков Н. Из пережитого.

xii Худяков Н. Из пережитого.

xiii Борьба за Урал и Сибирь. Советское издание.

xiv Капитан К. Ледяной поход. // Русское обозрение (Пекин). Декабрь 1920 г.

xv Петров П.П. От Волги до Тихого океана в рядах белых. Воспоминания. – Рига, 1930 г.

xvi Борьба за Урал и Сибирь. С. 310.

Примечания

1 Каппелевцы. – Омск. 12 октября 1919.

2 Генерал-лейтенант Владимир Оскарович Каппель. – Владивосток, 1922. 43 с.

3 Будберг А.П. Дневник белогвардейца. // Архив Русской революции. – Берлин, 1923. Т. 14.; Петров П.П. От Волги до Тихого океана в рядах белых (1918-1922 гг.). – Рига: Изд-во М. Дидковского, 1930 и др.

4 Вырыпаев В.О. В.О. Каппель. // Вестник Общества Ветеранов Великой войны. – Сан-Франциско. 1932. N 68/69. С. 9-15; 1935. N 109. С. 8-16; N 110. С. 6-14; N 111. С. 5-12; N 113/115. С. 9-17; 1936. N 116/117. С. 7-14; N 121/122. С. 25-39; N 123. С. 15-20; N 125/127. С. 36-39; 1937. N 128/129. С. 20-25; N 130/132. С. 47-49; N 135/136. С. 22-28; 1938. N 147/149. С. 28-33.

5 Вырыпаев В.О. Омск в эшелонах. // Русские в Канаде. 1935. N 2. С. 8-12.

6 Вырыпаев В.О. Каппелевцы. // Русская жизнь. 1963. 26, 31 октября, 2, 7, 9, 13, 14, 16, 19, 21, 23, 26 ноября.

7 Вырыпаев В.О. Каппелевцы. // Вестник Первопоходника. – Лос-Анжелес. 1964. N

28. С. 5-10; N 29. С. 12-16; N 30. С. 6-10; N 31/32. С. 35-40; N 33. С. 11-15; N 34. С. 16-20; N 35. С. 24-29; N 36. С. 8-12; N 37/38. С. 37-42; N 39. С. 7-11; 1965. N 40. С. 33-36; N 41. С. 28-32; N 42. С. 4-9.

8 Вырыпаев В.О. Так было. // Русская жизнь. 1959. 16, 17, 18, 19, 20, 23, 24 июня, 7, 8 июля. Кроме того, В.О. Вырыпаев опубликовал в "Русской жизни" отдельную статью о В.О. Каппеле: Вырыпаев В.О. Владимир Оскарович Каппель. // Русская жизнь. 1961. 14 декабря.

9 Вырыпаев В.О. Записки полковника Вырыпаева (Отрывки из книги "Так было"). // Первопоходник – Лос-Анжелес. N 17. С. 10-16; N 18. С. 46-53; N 19. С. 32-40; N 20. С. 13-20.

10 Федорович А.А. Генерал В.О. Каппель. – Мельбурн: Издание Русского Дома в Мельбурне, 1967. 117 с.

11 См. например: Сахаров К.В. Белая Сибирь: внутренняя война. 1918-1920 гг. – Мюнхен, 1923; Пучков Ф.А. 8-я Камская стрелковая дивизия в Сибирском ледяном походе. // Вестник Общества Ветеранов Великой войны. – Сан-Франциско. 1930. N 46/47. С. 30-34; N 48/49. С. 30-40; N 50/51. С. 20-32; N 52/53. С. 39-44; N 54/55. С. 29-34; 1931. N 56. С. 21-26; N 57. С. 18-22; N 58. С. 19-28; Серебренников И.И. Великий отход. Рассеяние по Азии белых русских армий. 1919-1923. – Харбин: Изд-во М.В. Зайцева, 1936; Парфин А. Переход через озеро Байкал. // Часовой. 1959. N 398. С. 13-14; Варженский В. Великий Сибирский ледяной поход. // Первопоходник. – Лос-Анжелес. 1971. N 2. С. 7-17; N 3. С. 42-47. Камбалин А.И. 3-й Барнаульский сибирский стрелковый полк в Ледяном походе. // Вестник Общества Ветеранов Великой войны. – Сан-Франциско. 1939. N 152-153. С. 10-22; N 154/155. С. 14-22; N 156/157. С. 18-27; N 160/161. С. 20-27; N 162/163. С. 17-27; 1940. N 164/165. С. 16-23; N 166/167. С. 18-26. и др.

12 Махин Федор Е. (18?2-03.06.1945). Подполковник (август 1916 г.), член партии социалистов-революционеров. Участник 1-й мировой войны – в штабе 11-й армии (1916-1917 гг.). С развалом фронта – в красной армии; командир группы войск в районе Уфы (март-июль 1918 г.). Перешел на сторону войск Народной армии Комитета членов Учредительного собрания. С 23 июля 1918 г. – начальник войск Народной армии Хвалынского района (с подчинением начальнику войск Сызранского района), командующий Южной (Особой Хвалынской) группой войск. С 28 июля 1918 г. – в составе 2-й стрелковой (Сызранской) дивизии Народной армии. В период осеннего отступления вместе с частями дивизии отошел в район Сергиополя; с 5 по 23 октября 1918 г. – командующий отрядом Народной армии в составе войск Оренбургского военного округа. С 23 октября по 24 декабря 1918 г. – начальник 1-й Оренбургской казачьей пластунской дивизии (в составе Юго-Западной армии). С приходом к власти Верховного Правителя адмирала А.В. Колчака и расформирования дивизии уволился из армии и выехал в Китай. В эмиграции (декабрь 1918 – 1945 гг.) жил в Харбине, Берлине (с февраля 1920 г.), Праге (с 1923 г.), Париже (с 1925 г.), Белграде (с 1928 г.). Во время 2-й мировой войны служил советником в штабе И.Б. Тито. Умер и похоронен в Белграде.

13 Вырыпаев Василий Осипович (18.12.1891 – февраль 1977). Родился в Самаре, окончил Самарское юнкерское училище, учился в Московском коммерческом институте. Участник 1-й мировой войны, вольноопределяющийся (1914 г.). Награжден солдатским Георгиевским крестом 4-й степени. Прапорщик (ноябрь 1914 г.), поручик (1916 г.), капитан (1917 г.). С развалом фронта вернулся в Самару. В

народной армии – командир Волжской конной батареи (с 9 июня 1918 г.). Полковник (1919 г.). В эмиграции в 1921 г. работал в Пекине на арендном предприятии "Восточное хозяйство". С 1 ноября 1923 г. жил в Австралии, в 1929 г. переехал в США. Последние годы жил в Сан-Франциско. Автор воспоминаний "Так было", "Каппелевцы", "Записки В.О. Вырыпаева", "В.О. Каппель".

14 Текст печатается по изданию: Вырыпаев В.О. Каппелевцы. // Вестник Первопоходника. – Лос-Анжелес. 1964. N 28. С. 5-10; N 29. С. 12-16; N 30. С. 6-10; N 31/32. С. 35-40; N 33. С. 11-15.

15 Текст печатается по изданию: Вырыпаев В.О. Записки полковника Вырыпаева (Отрывки из книги "Так было"). // Первопоходник – Лос-Анжелес. N 17. С. 10-16; N 18. С. 46-53; N 19. С. 32-40; N 20. С. 13-20. "Помещаемый ниже отрывок является частью записок полковника Вырыпаева для книги "Так было". К сожалению, остальной материал пропал. Редакция считает, что, являясь записками участника и свидетеля описываемых событий, даже эти отрывки представляют из себя ценные исторические документы и достойны сохранения для потомства". Этим текстом редакция журнала "Вестник Первопоходника" предварила публикацию сохранившихся глав из книги "Так было" полковника В.О. Вырыпаева, более подробно описывающих происходящие в 1918 году события по сравнению с ранее опубликованной книгой В.О. Вырыпаева "Каппелевцы".

16 Лебедев Владимир Иванович (?-?). Видный политический деятель партии эсеров, состоявший на ее правом фланге. Участник 1-й мировой войны, доброволец Французской армии. В 1917 г. являлся заместителем Морского министра (по другой версии – Морской министр) в одном из составов Временного правительства. Активный организатор антибольшевицкого выступления на Волге, член группы военных специалистов партии. С середины июня 1918 г. – член Военного штаба Народной армии Комитета членов Учредительного собрания, правительственный уполномоченный в Сызрани и Сызранском районе. Принимал участие в боевых действиях Самарского добровольческого отряда В.О. Каппеля, участник взятия Симбирска. На совещании старших чинов в Симбирске выступил последовательным сторонником так называемого "Северного направления" и взятия Казани. Уфимским государственным совещанием направлен за границу для обсуждения общих военных планов с союзниками. В 1919 г. посетил через Владивосток США и Европу с докладами о повстанческой антибольшевицкой борьбе; безуспешно пытался получить для нее поддержку у американского правительства. В эмиграции проживал в Праге. Автор воспоминаний: "Борьба русской демократии против большевиков: Записки очевидца и участника свержения большевицкой власти на Волге и в Сибири" (Нью-Йорк, 1919); "От Петрограда до Казани. (Восстание на Волге в 1918 г." (Прага, 1928).

17 "Этим кончаются записки полковника Вырыпаева имеющиеся в редакции. К сожалению, остальной материал затерялся... (Редакция)" – данным комментарием редакция "Вестника Первопоходника" завершила публикацию сохранившихся глав книги "Так было" полковника В.О. Вырыпаева.

18 Текст печатается по изданию: Вырыпаев В.О. Каппелевцы. // Вестник Первопоходника. – Лос-Анжелес. 1964. N 34. С. 16-20; N 35. С. 24-29.

19 Текст печатается по воспоминаниям генерала С.А. Щепихина, хранящимся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ. Ф. 6605. Оп. 1. Д. 8. Лл. 8-45).

20 Там же. Л. 12.

21 Там же. Лл. 13-16.

22 Там же. Л. 23.

23 Там же. Лл. 23, 25.

24 Там же. Лл. 28-29.

25 Там же. Л. 29.

26 Там же. Лл. 29-31.

27 Там же. Л. 30.

28 Там же. Л. 32.

29 Там же. Лл. 35-36.

30 Там же. Л. 38.

31 Там же. Л. 39.

32 Там же. Лл. 42-43.

33 Там же. Лл. 44-45.

34 Текст печатается по воспоминаниям В.А. Зиновьева, хранящимся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 359. Лл. 1-39). Воспоминания датированы автором 1927 годом.

35 Пепеляев Анатолий Николаевич (03.07.1891 – 14.01.1938). Родился в Томске, в семье кадрового военного. Окончил Сибирский кадетский корпус (1908 г.) и Павловское военное училище (1910 г.), выпущен подпоручиком в 42-й Сибирский стрелковый полк (6 августа 1910 г.). Участник 1-й мировой войны: возглавлял команду конных разведчиков, отличившись в операциях при Прасныше, Сольдау и др. В 1915 г. во время отступления Русской армии командовал разведчиками 11-й Сибирской стрелковой дивизии; отличился в ходе сражения на реке Неман и в ходе Виленской операции (22 августа – 9 октября 1915 г.), за разгром 2 батальонов противника и возвращение потерянных позиций награжден орденом Святого Георгия 4-й степени (27 сентября 1916 г.). Подполковник (1917 г.). После развала фронта вернулся в феврале 1918 г. в Томск, являлся одним из организаторов антибольшевицкого военного подполья в Сибири; начальник штаба Томской объединенной военной организации. Организатор вооруженного выступления в Томске 29 мая 1918 г. В Сибирской армии Временного Сибирского правительства – Начальник гарнизона г. Томска (с 31 мая 1918 г.), командир Средне-Сибирского (затем – 1-го Средне-Сибирского армейского) корпуса (с 13 июня 1918 г.), полковник. Отличился во время Восточного похода Сибирской армии, установив контроль над территориями Восточной Сибири и Забайкалья; произведен в генерал-майоры (10 сентября 1918 г.), за успешный разгром Прибайкальского фронта красных

представлен к награждению орденом Святого Георгия 3-й степени. 9 октября вместе с частями корпуса направлен на Западный фронт Российской армии Временного всероссийского правительства (Директории), начальник Лысьвенского фронта Екатеринбургской армейской группы (генерала Р. Гайды). В армии Верховного Правителя – герой взятия Перми (24 декабря 1918 г.), генерал-лейтенант. Командующий Северной армейской группой Сибирской армии (с 14 апреля 1919 г.), командующий 1-й армией Восточного фронта (с 22 июля 1919 г.). Сторонник Сибирского областничества. 7 декабря предпринял попытку переворота с передачей власти Верховного правителя в руки Земского собора, 9 декабря арестовал Главнокомандующего армиями Восточного фронта генерала К.В. Сахарова. После провала мятежа и полного развала 1-й армии во главе сводного отряда принял участие в Сибирском Ледяном походе. Длительное время болел тифом, по прибытии в Читу в марте 1920 г. от военной деятельности был отстранен и вынужден эмигрировать в Харбин. Ловил рыбу в реке Сунгари, работал ломовым извозчиком, вместе с однополчанами организовал артель извозчиков. Весной 1920 г. был близок к переходу на сторону правительства Дальневосточной республики, получил предложение принять командование одной из частей Народно-революционной армии. Сочувствовал войне Советской России с Польшей. В мае 1921 г. отказался сотрудничать с Временным Приамурским правительством братьев Меркуловых. В июне 1922 г. антибольшевицким Якутским правительством был приглашен для организации Якутской Народной армии. Из числа эмигрантов сформировал Сибирскую Добровольческую дружину и 30 августа 1922 г. высадился на побережье Якутии. После поражений у деревень Сасык-Сысы и Амга 17 июня 1923 г. блокирован в Аяне, сдался войскам Народно-революционной армии. 28 июля 1923 г. обратился к бывшим чинам армии с предложением повсеместно прекратить борьбу с Советской властью. Судим в Чите трибуналом 5-й армии (16 января – 3 февраля 1924 г.). По решению ВЦИК амнистирован до 10 лет (22 марта 1924 г.), находился в заключении в Ярославском изоляторе 1923 по 1933 гг. Арестован повторно при попытке перейти границу. Расстрелян 14 января 1938 г.

36 Сахаров Константин Вячеславович (18.04.1881 – 23.02.1941). Родился в Оренбурге, в семье кадрового военного. Окончил Неплюевский кадетский корпус, Санкт-Петербургское военное инженерное училище и Николаевскую академию Генерального штаба (1908 г.). Участник русско-японской и 1-й мировой войн. Награжден золотым оружием, полковник (1916). Весной 1918 г. присоединился к Добровольческой армии, в качестве представителя которой в августе 1918 г. направлен генералом А.И. Деникиным на Восток страны. Ни в Народной армии Комитета членов Учредительного собрания, ни в Сибирской армии Временного Сибирского правительства не состоял. В армии Верховного правителя – с апреля 1919 г. генерал для поручений Верховного Главнокомандующего, генерал-майор. С 22 мая 1919 г. – начальник штаба Западной отдельной армии, с 21 июня 1919 г. – командующий Западной отдельной армией, генерал-лейтенант и кавалер ордена Святого Георгия 4 степени. С 22 июля 1919 г. – командующий 3-й армией Восточного фронта, с 10 октября 1919 г. – командующий Московской группой войск в Тобольской операции. 4 ноября 1919 г. назначен главнокомандующим армиями Восточного фронта вместо генерала М.К. Дитерихса. Инициатор неудачной обороны Омска. 14 декабря в результате самочинного ареста, произведенного 1-й армией генералом А.Н. Пепеляевым 9 декабря, снят и отчислен в распоряжение Верховного Главнокомандующего. Участник Сибирского Ледяного похода, вместе с генералом Д.А. Лебедевым возглавлял одну из колонн. С 23 января принял командование остатками 3-й армии. По прибытии в Читу некоторое время служил в атамана Г.М. Семенова, но вскоре эмигрировал через Японию и США, переехав в

Европу. Жил в Берлине, занимался военной историей. Автор воспоминаний "Белая Сибирь" (1923), трудов "Преданная армия" и "Чехословацкий легион в Сибири" (на немецком языке). Был близок к русскому фашистскому движению в Германии. Скончался в 1941 г. после неудачной операции язвы желудка и похоронен на Тегелевском православном кладбище в Берлине.

37 Лебедев Дмитрий Антонович (1883-1921). Окончил Сибирский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1903 г.) и Николаевскую академию Генерального штаба (1911 г.). Участник русско-японской войны. В 1-ю мировую войну: в аппарате Генерального штаба. Член Главного комитета монархического Союза офицеров армии и флота, полковник (1917 г.). Участник выступления генерала Л.Г. Корнилова (май – сентябрь 1917 г.); затем – в Добровольческой армии (декабрь 1917 – февраль 1918 гг.). Послан генералом Корниловым в Сибирь как представитель Добровольческой армии (февраль – ноябрь 1918 г.). Активный участник правительственного переворота 18 ноября 1918 г. в Омске. С 21 ноября 1918 г. назначен начальником штаба Верховного Правительства и Верховного Главнокомандующего адмирала А.В. Колчака с производством в генерал-майоры. За поражение армий в Челябинской операции 9 августа 1919 г. с должности снят и назначен командующим отдельной Степной группой войск. С расформированием последней 16 ноября 1919 г. – командующий Уральской группой войск. Участник Сибирского Ледяного похода, вместе с генералом К.В. Сахаровым возглавлял одну из колонн. В начале 1920 г. эмигрировал в Китай. В 1921 г. убит на Дальнем Востоке при невыясненных обстоятельствах.

38 Текст печатается по изданию: Вырыпаев В.О. Каппелевцы. // Вестник Первопоходника. – Лос-Анжелес. 1964. N 36. С. 8-12; N 37/38. С. 37-41.

39 Текст печатается по воспоминаниям генерала С.А. Щепихина, хранящимся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ. Ф. 6605. Оп. 1. Д. 8. Лл. 50-100).

40 Там же. Л. 50 об.

41 Там же. Л. 51.

42 Там же. Л. 52.

43 Там же. Лл. 66-71.

44 Там же. Лл. 55-56.

45 Там же. Л. 58.

46 Там же. Л. 59.

47 Там же. Л. 60.

48 Там же. Л. 62.

49 Там же.

50 Там же. Л. 80.

51 Там же. Л. 86.

52 Там же. Л. 88.

53 Там же.

54 Там же. Л. 89.

55 Там же. Лл. 90-100.

56 Там же. Л. 90.

57 Там же. Лл. 91-92.

58 Там же. Л. 92.

59 Там же. Л. 94.

60 Там же. Л. 98.

61 Там же. Л. 26.

62 Текст печатается по воспоминаниям В.А. Зиновьева, хранящимся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 358. Лл. 1-41). Сохранившийся очерк не озаглавлен автором (настоящее название дано составителями).

63 Зиневич Александр Константинович (20.08.1868-?). Полковник (6 декабря 1911 г.), генерал-майор (1919 г.). Окончил Киевское пехотное юнкерское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Участник 1-й мировой войны: начальник штаба Забайкальского казачьего войска. В декабре 1917 г. примкнул к Общесибирскому подполью. С 20 июня 1918 г. – командир 4-го Енисейского стрелкового полка Средне-Сибирского корпуса; с 20 июля 1918 г. – начальник 2-й (с 26 августа – 1-я) Сибирской стрелковой дивизии того же корпуса. В мае 1919 г. назначен командиром 1-го Средне-Сибирского армейского корпуса (вместо генерала А.Н. Пепеляева). Участник весенне-летней кампании на Восточном фронте. В октябре 1919 г. вместе с корпусом отведен в район г. Красноярска для отдыха и переформирования. С октября 1919 г. – командир группы и начальник гарнизона Красноярска. 20 декабря 1919 г. примкнул к восстанию против власти Верховного правителя; Ратовал за созыв Земского собора, способного договориться с большевиками. 6 января большевиками отстранен от командования, 7 января сдал Красноярск частям Красной армии. Дальнейшая судьба неизвестна.

64 Текст печатается по изданию: Серебренников И.И. Великий отход. Рассеяние по Азии белых русских армий. 1919-1923. – Харбин: Изд-во М.В. Зайцева, 1936. С. 7-28.

65 Текст печатается по изданию: Вырыпаев В.О. Каппелевцы. // Вестник Первопоходника. – Лос-Анжелес. 1964. N 37/38. С. 41-42; N 39. С. 7-11; 1965. N 40. С. 33-36; N 41. С. 28-32; N 42. С. 4-9.

66 Текст печатается по изданию: Бадров А.С. Каппелевцы (путевые заметки из

Ледяного похода). // *Нация*. – Харбин. N 7. 20 июля 1939. С. 13-15.

67 Текст печатается по изданию: Пучков Ф.А. 8-я Камская стрелковая дивизия в Сибирском ледяном походе. // *Вестник Общества Ветеранов Великой войны*. – Сан-Франциско. 1930. N 46/47. С. 30-34; N 48/49. С. 30-40; N 50/51. С. 20-32; N 52/53. С. 39-44; N 54/55. С. 29-34; 1931. N 56. С. 21-26; N 57. С. 18-22; N 58. С. 19-28. То же. *Вестник Первоходника*. – Лос-Анжелес. 1965. N 44. С. 14-20; N 45. С. 14-19; N 46. С. 10-16; N 47/48. С. 30-35; N 49. С. 19-33; N 50. С. 8-13; N 51/52. С. 3-12.

68 Текст печатается по воспоминаниям В.А. Зиновьева, хранящимся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 357. Лл. 1-22). Сохранившийся очерк не озаглавлен автором (настоящее название дано составителями).

69 Текст печатается с сокращениями по воспоминаниям офицера Калинкина, хранящимся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 327. Лл. 4-50).

Информационное агентство "Белые Воины"

Каптель и каптелевцы

Оглавление

ЧАСТЬ III К ИСТОРИИ КАППЕЛЕВЦЕВ

Третий раздел книги – "К ИСТОРИИ КАППЕЛЕВЦЕВ" – представляет собой взгляд историков на гражданскую войну на востоке России, роль в ней генерала В.О. Каппеля и частей, находившихся под его командованием. Раздел состоит из ряда очерков и освещает вопросы военного строительства Народной армии Комитета Учредительного собрания и боевой деятельности частей, входивших в состав Волжского корпуса генерала В.О. Каппеля, сражавшегося в рядах армии адмирала А.В. Колчака.

Очерк А.А. Каревского "В.О. Каппель и Народная армия" охватывает первый год гражданской войны и освещает одну из первых попыток вооруженного противостояния большевизму – организацию и действия Народной армии Комитета Учредительного собрания – от ее зарождения до прекращения существования. Обстоятельный рассказ дополняется обширными приложениями, включающими в себя ценные сведения о боевом составе частей Народной армии.

Очерк С.С. Балмасова, построенный на изложении впервые публикуемых воспоминаний офицеров кавалерийских частей Волжского корпуса, дает интереснейшие сведения о действиях каппелевской кавалерии, ее важной роли в обеспечении действий корпуса. При этом дается и общая характеристика гражданской войны на востоке в 1919 году, роли в ней В.О. Каппеля, отношения к нему со стороны членов правительства А.В. Колчака и т.д. Особо интересными представляются сведения о действиях кавалерийского отряда корнета Б.К. Фортунатова и его участия в борьбе против большевиков в рядах Уральского казачьего войска.

Нетрадиционный подход к анализу образа "каппелевцев" демонстрирует собой очерк Е.В. Волкова "Образ каппелевцев в фильме братьев Васильевых "Чапаев"", рассматривающий одну из первых попыток создания советским кинематографом киноленты о гражданской войне.

Отдельную часть раздела представляет собой биографии ряда офицеров Народной армии, составленные Е.В. Волковым, Н.Д. Егоровым и И.В. Купцовым, продолжающие традицию серии "Белые Воины" по публикации биографических данных участников белой борьбы.

А.А. КАРЕВСКИЙ

**В.О. КАППЕЛЬ И НАРОДНАЯ АРМИЯ:
К ИСТОРИИ АНТИБОЛЬШЕВИЦКОЙ БОРЬБЫ В ПОВОЛЖЬЕ В 1918 г.**

ОТ ПЕРМИ ДО САМАРЫ

В январе 1918 г. подполковник Генерального штаба Владимир Оскарович Каппель, бывший начальник разведывательного отделения и помощник начальника Оперативного отдела штаба Юго-Западного фронта, оставил ряды спешно демобилизуемой большевиками Русской армии.

Из Бердичева, где доживал свои последние дни штаб фронта, его путь лежал на восток – в Пермь, где находилась семья...

* * *

В это время, в январе 1918 г., в Среднем Поволжье были предприняты первые шаги по организации антибольшевицких сил. Подготовка вооруженного выступления здесь началась немедленно вслед за роспуском 6 января 1918 г. Всероссийского Учредительного собрания. Руководство взяли в свои руки вернувшиеся из Петрограда делегаты от Самарской губернии И.М. Брушвит, П.Д. Климушкин и Б.К. Фортунатов. Центром их деятельности естественным образом стала Самара, где предполагалось использовать возможности шестидесятитысячного Самарского гарнизона. Как позднее отмечал в своих речах П.Д. Климушкин, "нужно было создать обстановку, при которой можно было бы совершить переворот... Наша задача сводилась к тому, чтобы раскрыть глаза армии и рабочему классу" 1. Активная агитационная кампания, развернутая эсеровскими деятелями среди воинских частей гарнизона, включала в себя организацию соответствующих митингов и лекций для солдат. Остававшиеся в строю немногочисленные офицеры к работе не привлекались: проповедовавшие в солдатских массах революционно-демократические лозунги эсеры по понятным причинам относились к офицерам крайне подозрительно.

Несмотря на осторожность и тщательность подготовки, волнения произошли во многом неожиданно для их организаторов. Спонтанное выступление спровоцировали сами большевики, с беспокойством наблюдавшие за постепенным ростом недовольства в гарнизоне. Наиболее опасной представлялась артиллерия: в ночь на 23 февраля 1918 г. отряд во главе с губернским военным комиссаром М.П. Герасимовым окружил казармы 3-й запасной артиллерийской бригады, потребовав немедленного разоружения. Известие о внезапном нападении вызвало всеобщее возмущение. Артиллеристы оказали сопротивление, привели в боевую готовность несколько орудий и открыли огонь в направлении Трубочного завода, рабочие которого составляли костяк красной гвардии города. Туда же в боевом порядке двинулся 1-й саперный полк; 143-й запасной пехотный полк, вооружившись, назначил свои патрули и взял под контроль районы города, примыкавшие к военному городку. Экстренно собравшееся утром того же дня гарнизонное собрание, на котором председательствовал эсер П.И. Ткачуков, приняло резолюцию, которая, в числе прочего, потребовала переизбрания большевицкого городского Совета, разоружения и роспуска красной гвардии 2. Для большевицких руководителей стало ясно, что наличной военной силы для усмирения гарнизона у них недостаточно. Пришлось действовать иначе: 24 февраля приказом губернского исполкома объявлялось, что Самарский гарнизон демобилизован и "распускается весь по домам. В течение трех дней солдаты должны покинуть казармы... Тот, кто в течение трех дней не покинет казарм, будет принудительно записан в красную армию" 3. Результат, как отмечал Климушкин, был изумительный: "гарнизон, несмотря на свое сочувствие Учредительному собранию, немедленно оставил Самару и расплылся" 4.

Из этого поражения эсерами был сделан вывод о необходимости перехода к

деятельности в подполье. Работа распределилась следующим образом: на фронтовика-солдата Б.К. Фортунатова возложили организацию собственных боевых сил, И.М. Брушвит занялся изысканием денежных средств, общее политическое руководство осуществлял П.Д. Климушкин. Основное внимание уделялось поиску прочной социальной опоры для предстоящего восстания. "Мы убедились, – писал Климушкин, – что среди рабочих таких сил создать нельзя... Мы обратили внимание на солдатскую, главным образом, офицерскую массу. Но сил было мало, ибо никто не верил в возможность свержения большевицкой власти... Наше внимание все больше и больше стало переноситься на деревню. Мы верили, что крестьянство имеет еще много живых творческих сил, которые могут воспрянуть" 5.

Весной 1918 г. эти ожидания частично подтвердились. С мест приходили известия о том, что в Бузулуке большинство уездного исполкома отменило большевицкие решения городского совета, в Мелекесском уезде крестьянский совет сорвал объявленную большевиками хлебную монополию и разрешил свободную торговлю хлебом, крестьянская секция Сызранского совета потребовала установления крестьянского контроля над промышленностью и городом, Казанский губернский продовольственный комитет отменил твердые цены на хлеб, крестьянский съезд Карсунского уезда Симбирской губернии выдвинул лозунг удаления из советов коммунистов, в Балакове и Кузнецке произошли антисоветские вооруженные выступления крестьян и солдат-фронтовиков 6.

Несмотря на это, всем было ясно, что рост антибольшевицких настроений в деревне отнюдь не свидетельствует о ее готовности к немедленному самостоятельному выступлению. Для того, чтобы использовать ее потенциал, необходимо было создать соответствующие условия, в том числе образовать дееспособные организующие властные и военные структуры. Последнее на текущий момент представлялось наиболее актуальным: параллельно работе в деревне в городе началось формирование партийной дружины и отдельных отрядов в близлежащих уездах. Еще в марте удалось установить контакты с существовавшей в Самаре нелегальной антибольшевицкой военной организацией, которая образовалась в конце 1917 г. из числа демобилизованных офицеров. Во главе ее с февраля 1918 г. находился подполковник артиллерии Н.А. Галкин, общая численность организации составляла 200-250 человек 7. Отдавая отчет в том, что симпатии основной массы офицерства бывшей Русской армии были не на стороне каких-либо социалистов, и политическая ориентация большинства членов самарской организации была весьма далека от демократической, эсеровские деятели немедленно ухватились и за эту возможность: как констатировал Климушкин, "начав нашу работу по организации противобольшевицких сил, мы в первую же очередь вступили в переговоры с этой организацией" 8.

Инициатива самарских активистов, до определенного времени имевшая частный характер, тем не менее, органично укладывалась в общее направление эволюции партийной работы в Поволжье, в миниатюре предвеля эволюцию последней. Весной 1918 г. в работу по организации свержения советской власти активно включаются центральные органы Партии социалистов-революционеров (ПСР). Важнейшим рубежом явился VIII совет ПСР, проходивший в Москве с 7 по 16 мая 1918 года. В качестве основных задач выдвигались ликвидация советской власти, возрождение демократии во главе с Учредительным собранием и возобновление войны с Германией. Решать их следовало с помощью создания "новой добровольческой армии и опираясь на финансовую и военно-техническую поддержку союзников. Эта армия должна строиться из национально-территориальных формирований; ее назначение –

ведение активной обороны на рубежах, еще не достигнутых противником, – усилить поглощение пространствами России вооруженных сил врага" 9. Основным направлением работы партии VIII совет утвердил Поволжье, которое должно было послужить базой для развертывания действий против советской власти. Определяющими факторами выбора послужили следующие. Социальный – преобладание в регионе аграрного населения, традиционно являвшегося основной социальной базой партии; высокий удельный вес в деревне зажиточных крестьянских слоев. Политический – наличие развитой местной сети партийных организаций, значительное число сторонников и сочувствующих, высокая степень влияния в местных органах самоуправления и кооперации. Экономический – наличие огромных хозяйственных (хлебородные земли Поволжья и Сибири) и природных (запасы угля, нефти и металлов на Урале и в Сибири) ресурсов. Наконец, военный. Во-первых, территория Поволжья и Южного Урала имела развитую железнодорожную сеть, помимо транспортных функций, удобную также для боевых действий по внутренним оперативным линиям. С запада на восток ее пересекали Северная (Пермь – Екатеринбург), Волго-Бугульминская, Самаро-Златоустовская и Рязано-Уральская железные дороги. С севера на юг шли четыре линии, соединявшие Поволжье с центральными губерниями. Во-вторых, в регионе имелись многочисленные полноводные реки: Кама, Вятка, Уфа, Белая и в особенности Волга, которой отводилась основная роль: она была достаточно удалена от центра, представляла собой естественный барьер для развертывания сил, открывала простор для гибкого маневрирования, позволяя быстро перебрасывать резервы, сосредотачивать ударные группы на любом участке фронта и широко применять десантные операции 10. В-третьих, территория Поволжья располагала огромными людскими ресурсами. По приблизительным подсчетам, необходимая для создания вооруженных сил 1/8 часть населения региона (6 возрастов мужского пола) в Казанской губернии составляла 90 тыс. чел., Пензенской – 60 тыс., Самарской – 122 тыс., Саратовской – 109 тыс., Симбирской – 66 тыс., Уфимской – 95 тыс., Пермской – 127 тыс., Оренбургской – 70 тыс., то есть всего по Уралу и Поволжью – около 739 тыс. годных для строя. Этого числа было достаточно для единовременного формирования 23 полнокровных дивизий (по 32 тыс. чел.) 11. В-четвертых, на Востоке России за время 1-й мировой войны появилась серьезная военно-промышленная база, сложившаяся из заводов Урала, Прикамья и Поволжья. Помимо этого, здесь были сосредоточены огромные запасы эвакуированного с фронта оружия и военного имущества, способные обеспечить первоначальные потребности создания армии. Наконец, в-пятых, эсеры рассчитывали на свое влияние в местной военной среде. По данным выборов в Учредительное собрание, по гарнизонам поволжских городов за эсеров проголосовало 30225 чел (34,7%), из них в Казанском гарнизоне – 9482 (36%), в Пензенском – 13808 (47,4%), Самарском – 824 (19,7%), Саратовском – 1897 (14,9%), Симбирском – 4214 (55,7%). Гарнизоны Сибири дали 10080 чел. (39,1%): в Барнаульском – 269 чел. (43%), в Иркутском – 6064 (31,5%), в Томском – 2983 (24,8%), в Тобольском – 764 (57,2%). Наконец, в Уральских гарнизонах эсеры получили 6240 голосов (17,9%), из них в Екатеринбургском – 793 (10,8%), в Оренбургском – 445 (5,7%), в Пермском – 2381 (29%), в Уфимском – 2621 (26,4%) 12. Всего по региону можно было рассчитывать на 46545 чел. – сила, по местным меркам, весьма внушительная.

Общее руководство по подготовке антибольшевицкого выступления на Волге было возложено на Военную комиссию ЦК ПСР во главе с Р.Р. Леппером и А.Р. Гоцем – через последнего осуществлялась тесное взаимодействие с "Союзом возрождения России". Основная работа на месте должна была производиться силами Поволжского областного комитета ПСР, охватывавшего Самарскую, Казанскую, Саратовскую,

Симбирскую, Астраханскую и Тамбовскую губернии. Решением ЦК от 16 мая 1918 г. для координации действий сюда была направлена группа в составе М.А. Веденяпина, К.С. Бурезова и Ф.Ф. Федоровича во главе с Д.Д. Донским в качестве "главного организатора". Наконец, организационным центром притяжения будущего восстания был избран занимавший стратегически выгодное положение Саратов: сюда срочно командированы члены Военной комиссии И.С. Дашевский, Д.И. Нечкин, Г.И. Васильев и В.К. Рейснер 13. План действий, разработанный в недрах военной машины ПСР, в изложении видного партийного специалиста по военным вопросам В.И. Лебедева предполагал: "восстание на Волге, захват городов: Казань, Симбирск, Самара, Саратов. Мобилизация за этой чертой. Высадка союзников в Архангельске и их движение к Вологде на соединение с Волжским фронтом. Другой десант во Владивостоке и быстрое его продвижение к Волге, где мы должны были держать оборонительный фронт до их (союзников – А.К.) прихода..." 14.

Соответствующая работа началась уже с конца апреля. Верные традициям, поначалу эсеры попытались сделать ставку на использование народных масс, однако реально из этого ничего не вышло. Пришлось срочно менять направление: в процессе организации военных сил руководство в центре пришло к тем же выводам, которые уже стали очевидными на местах. В своем отчете на VIII совете И.С. Дашевский указывал, что "определилась фактическая невозможность развития военной работы в массовом направлении и создания боевых рабочих дружин. Но оказалась... возможной работа, связанная с военными офицерскими организациями, постановка всякой военной информации и разведки... Мы решили усилить военными специалистами наши партийные организации, расположенные в Поволжье, которые в случае поднятия местных восстаний могли бы провести работу создания более серьезных отрядов, организацию народной армии" 15. Акцент был сделан, словами А.Р. Гоца, на "содержание кадровых формирований" 16: задача заключалась в сборе и переподготовке на Волгу молодого беспартийного офицерства, выразившего желание бороться против большевиков. То, что республиканские настроения большинства из них были сомнительны, в расчеты решено было не брать. Как отмечал в свое время будущий атаман Б.В. Анненков, "с упразднением чинов, званий, с расформированием армии офицеры лишились всяких средств к существованию. Им просто некуда было идти, а потому каждый готов был предложить себя любому, кто давал хоть какую-то возможность служить. Другого ремесла они просто не знали" 17. Центром приема поступающих кадров стал Саратов; средства на отправку выделялись как "Союзом возрождения", так и непосредственно ЦК партии. Одновременно с этим уездные эсеровские организации развернули интенсивную работу по агитации крестьянства и созданию боевых крестьянских ячеек. Особенное внимание уделялось работе среди казаков Оренбургского и Уральского войск. К середине мая подготовительная деятельность в Поволжье приняла огромный размах. Находившийся в это время в регионе эсеровский деятель С.Н. Николаев отмечал, что "всюду шла работа по созданию боевых сил из активных элементов рабочих, крестьян, интеллигенции и демократического офицерства. Во многих пунктах были созданы боевые группы, готовые выступить если не самостоятельно, то, по крайней мере, по первому внешнему толчку" 18. Повсеместно наблюдавшаяся активность не осталась незамеченной: в конце мая последовал весьма болезненный провал в Саратове, спровоцированный неосторожностью местных "принимающих" организаций. Расследование "саратовского дела" привело к раскрытию организаций в Петрограде и Москве, завершившегося 10 июня арестом всей Военной комиссии ЦК. Масштабы организационной работы в Поволжье пришлось временно сократить, в качестве нового ее центра была избрана Самара.

* * *

Несмотря на то, что в Поволжье работа по созданию антибольшевицкого подполья велась в жестко централизованном порядке – с использованием всех имеющихся партийных структур ПСР – объединенной сети в масштабах региона создано не было. Помимо дружин, курируемых ПСР, самостоятельные конспиративные офицерские организации существовали на Средней Волге – в Саратове, Пензе, Казани и Симбирске, на верхней Волге – в Ярославле, Муроме и Рыбинске, на Урале – в Уфе, Челябинске и Оренбурге.

Особенную активность в районе Поволжья проявлял образованный в феврале 1918 г. в Москве по инициативе Б.В. Савинкова "Союз защиты Родины и Свободы". Программа "Союза" предполагала свержение большевицкого правительства, установление твердой национальной власти, воссоздание национальной армии и продолжение войны с Германией с опорой на помощь союзников. Командующим вооруженными силами "Союза" назначался генерал-лейтенант В.В. Рычков; для координации действий на местах в Москве образовывался Главный штаб "Союза" во главе с полковником А.П. Перхуровым, в состав которого включались отделы: оперативный, мобилизационный, разведки и контрразведки, снабжения, сношений с союзниками, конспиративный, иногородний и агитационный. Как отмечал сам Б.В. Савинков, "в основу формирований был положен принцип конспирации, с одной стороны, и принцип кадров – с другой" 20. Финансирование производилось из разных источников, среди которых выделялись французское и английское посольства. Разовые выплаты производились русскими предпринимательскими объединениями и Чехословацким национальным советом в России. Организация строилась по военному образцу; намечалось образование отдельных частей всех родов оружия, для чего при штабе вводились должности заведующих: пехотным (капитан А. Пинка), кавалерийским (корнет А.А. Виленкин), артиллерийским (капитан Жуковский), инженерным (подполковник Никольский) и резервным (подполковник Сахаров) формированиями. В качестве основной боевой единицы рассматривался "полк", нормальный кадр которого принимался в 86 человек (командир полка, начальник штаба, 4 батальонных, 16 ротных и 64 взводных командира). Полки подразделялись на действительные (из числа кадровых офицеров), резервные (из офицеров военного времени) и ополченские (из учащейся молодежи и рабочих). В обязанности полкового командира входило знать всех своих подчиненных и обеспечить их своевременную явку на сборный пункт в момент выступления; взводный командир должен был знать только своего ротного, ротный – своего батальонного. Вся система, таким образом, строилась по принципу "пятерок", где каждый начальник в общей сложности знал не более четырех своих подчиненных. Все офицеры получали жалование от штаба "Союза": командиры полков и батальонов – 400 руб. в месяц, роты – 375 руб., взвода – 350 руб., рядовые бойцы – 300 руб. Условием приема в организацию являлась дача соответствующей подписки о том, что вступающий разделяет ее программу, обещает по первому требованию выступить с оружием в руках и клянется сохранять доверенные ему тайны. Личные рекомендации одного или нескольких членов организации были обязательны. Партийная принадлежность значения не имела – "Союз" заявлял себя стоящим на беспартийной патриотической платформе 21.

В общей сложности к маю 1918 г. "Союз защиты Родины и Свободы" насчитывал порядка 2000 человек в Москве (4 полка, сведенные в дивизию) и 3500 человек на периферии, сосредоточенных в Казанском, Ярославском, Муромском, Рыбинском и

Челябинском отделениях 22. От возможности организации выступления в Москве руководство быстро отказалось. Более перспективной представлялась Казань, на чем особенно настаивал член штаба В.И. Калинин, в свое время занимавший должность комиссара Временного правительства при штабе Казанского военного округа. Общий план действий, принятый в начале мая, предполагал перебросить наличные силы "Союза" в Поволжье, дожидаться здесь начала союзной интервенции, организовать выступление в крупных волжских городах, совместно с союзниками образовать Уральский фронт, мобилизовать всех сочувствующих на территории Урала и Сибири и перейти в наступление против приближающихся к Волге германских войск. Активные подготовительные работы в этом направлении начались уже в середине мая. Были намечены части для эвакуации, определены пункты их концентрации, на места от каждого полка высланы квартиреры. Несмотря на строго соблюдавшуюся секретность, последовавший 29 мая провал организации в Москве привел к раскрытию всей московской и казанской организаций "Союза" и заставил перенести всю тяжесть на Ярославль, Муром и Рыбинск. Апогеем этой деятельности явилось жестоко подавленное Ярославское восстание 6-21 июля 1918 г. во главе с полковником А.П. Перхуровым, к которому 7 июля присоединился Рыбинск, 8-го – Муром. С остальными поволжскими городами контакт был потерян 23.

Помимо "Союза борьбы за Родину и Свободу", в Казани существовало еще несколько различных подпольных центров, действовавших автономно и зачастую не подозревавших друг о друге. Наиболее крупным из них являлась организация генерал-майора И.И. Попова, образовавшаяся в январе 1918 г. и насчитывавшая в своих рядах 450-460 офицеров, разбитых на роты и взводы. Финансирование производилось за счет пожертвований местных предпринимателей. Содержание рядового офицера составляло 150 руб. в месяц, взводного – 200 руб., ротного – 300 руб. Одновременно производилась закупка оружия – всего до 180 винтовок 24. Эта организация оказалась раскрытой вместе с савинковской. Большинство ее членов было арестовано и в начале июня расстреляно. Помимо нее в городе также имелся "Профессиональный союз безработных офицеров" – организация, концентрировавшая офицерские кадры под вывеской устройства производственных артелей, малочисленный Монархический офицерский союз, а также эсеровская боевая дружина. На местах эти организации имели филиалы в Чистополе, Буинске, Ядрине, Курмышях и ряде более мелких населенных пунктов 25. Наконец, помимо Казани, имелись также Саратовская и Пензенская организации, ориентировавшиеся на возможность развития событий в центре – в Москве и Петрограде, а также рассчитывавшие на скорейшее соединение с Добровольческой армией или союзной интервенцией из Мурманска и Архангельска. Делегированный в Поволжье в марте 1918 г. член Московского политического объединения лейтенант NN (так подписано – А.К.) оценивал их возможности довольно высоко: "В Саратове была хорошая военная организация..., эта ячейка могла бы сыграть серьезную военную роль, захватив в свои руки город... Эта же группа держала связь с Уралом... Пензенский кружок... особенно страдал из-за отсутствия денежных средств, но имел хорошие связи с окружающими губерниями, организовал в свое время ячейки, помещая их в различные продовольственные отряды и части милиции, имел связь с крепкими крестьянами. При наступлении армии с Дона эта местность должна была играть роль плацдарма между Волгой и казачьими войсками, кои в Оренбурге организовывал атаман Дутов, а на Урале – генерал Мартынов" 26.

При том, что к концу весны 1918 г. на Среднем Поволжье уже имелось несколько различных антибольшевицких центров, структурная аморфность, отсутствие общего плана действий, четкой связи и политическая разнородность требовали появления

внешнего организующего начала. То, что объединенное подполье в регионе так и не было создано, а также трезвая оценка имеющихся в наличии собственных сил заставили эсеровских руководителей признать: "Мы видели, что если в ближайшее время не будет толчка извне, то на переворот надеяться нельзя. Апатия стала захватывать все большие и большие слои. Дружины начали разлагаться" 27. Подразумевалось, что качестве такой внешней силы в рассматриваемый период времени мог выступить только эвакуирующийся на восток Отдельный чехословацкий корпус, передовые эшелоны которого достигли Волги в конце апреля. Пробные контакты поволжских эсеров с чехословацким военным и политическим руководством были установлены уже тогда, однако широкие перспективы для сотрудничества представились лишь с началом вооруженного выступления чехословаков, когда 28 мая 1918 г. к нему подключилась находившаяся ближе других к Волге Пензенская группа корпуса поручика С. Чечека.

В Самаре получение известий о чехословацком выступлении было оценено по достоинству. В Пензу для проведения переговоров был немедленно командирован И.М. Брушвит в сопровождении поручика. Сам Чечек позднее вспоминал, что "в это время я уже имел связь с Самарой. Из Самары ко мне пришел тогда делегат..., принес очень ценные сведения. Он сообщил мне, что прислан... от организации, которая поставила своей целью содействовать нам и бороться с большевиками" 28. Тем временем в самом городе "инициативная группа", к которой присоединились В.К. Вольский (делегат от Тверской губернии) и И.П. Нестеров (от Минской), лихорадочно готовилась к восстанию. На подпольных заседаниях было решено спешно образовать временный комитет в составе Вольского, Климушкина и Брушвита (орган власти, действующий от имени Учредительного собрания) и подготовить наличные боевые силы для выступления в момент подхода чехов. Еще за неделю до восстания Комитет вступил в свои права и вошел в связь с городским самоуправлением; была создана комендатура, оперативно сформированная партийная эсеровская дружина в 300 человек и офицерская военная организация объединялись под руководством единого Военного штаба в составе подполковника Галкина, Фортунатова и Боголюбова. Общая численность достигала 500 человек 29. Параллельно велись активные переговоры с офицерами, находившимися на службе в красной армии.

Именно в этот момент на Волге появился подполковник Генштаба В.О. Каппель. Проживая в Перми, он, подобно большинству кадровых офицеров бывшей Русской армии, находился в крайне тяжелом материальном и психологическом состоянии. Предложение, последовавшее со стороны новообразованной Службы Генштаба при Управлении по комсоставу большевицкого Всероссийского Главного штаба, было встречено им как возможный выход из тупика. Каппель дал свое согласие – но лишь при том условии, что его профессиональные качества будут использоваться исключительно в борьбе с предполагаемым германским вторжением. В списках большевицкого военного руководства В.О. Каппель фигурировал в качестве одного из наиболее перспективных специалистов. Уже 3 мая 1918 г. исполняющий обязанности генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба Всеросглавштаба РККА С.А. Кузнецов предлагал начальнику штаба Уральского военного округа Г.М. Тихменеву (оба – бывшие генерал-майоры Генштаба) предоставить Каппелю должность в Мобилизационном управлении штаба Окровоенрука. 9 мая 1918 г. Каппель прошел регистрацию "лиц Генштаба, заявивших о своем желании нести службу в новых формированиях постоянной армии", указав, что желал бы служить в штабах Приуралья, Приволжского или Ярославского военных округов. 17 мая С.А. Кузнецов направил телеграмму на имя самого

Каппеля, где извещал его том, что начальник штаба Поволжского округа Пневский предлагает ему должность заведующего отделом Окружного штаба в Самаре с окладом 700 рублей ежемесячно. В случае согласия предлагалось немедленно выехать в Самару. Каппель отказался от предложения Тихменева, ответил положительно Пневскому и 19 мая отбыл в Самару, известив об этом телеграммой Всеросглавштаб РККА 30. Штаб Поволжского военного округа был образован в начале мая 1918 г. – в его задачу входила деятельность по созданию так называемых "войск Восточной завесы" для защиты границ государства от германского вторжения. Основу составил штаб бывшей 1-й армии, прибывший в полном составе с Северного фронта: здесь Каппель встретил некоторых своих коллег по академии Генерального штаба и присоединился к ним. Наладить работу по планам, выработанным в Москве, так и не удалось. Уже 27 мая председатель Самарского ревкома В.В. Куйбышев попытался привлечь формируемые штабом части для подавления быстро набирающих силу антибольшевицких выступлений в регионе, но безуспешно: несмотря на угрозу немедленной расправы, сотрудничать в этом направлении офицеры штаба решительно отказались. В момент подхода к городу чехов большинство из них перешло на нелегальное положение, приняв активное участие в подготовке восстания 31.

Тем временем, переговоры в Пензе увенчались успехом: Брушвит передавал, что по предварительной договоренности с чехами власть в городе и губернии немедленно вслед за их освобождением будет передана "комитету". Совместная операция намечалась на 6 июня – одновременно подчеркивалась желательность превентивной организации переворота в городе с тем, чтобы лишний раз доказать свою дееспособность. Военный штаб, ввиду малочисленности имеющихся в его распоряжении сил, колебался. Первоначальный план пришлось скорректировать: из-за непредвиденных затруднений чехи вышли на подступы к городу только 7 июня вечером. Утром 8 июня внезапным штурмом Самара была полностью освобождена; в 10 часов утра было объявлено о переходе власти к временному правительству, получившему наименование Комитета членов Учредительного собрания (Комуч), в состав которого вошли В.К. Вольский (в качестве председателя), П.Д. Климушкин, И.М. Брушвит, И.П. Нестеров и Б.К. Фортунов 32.

В рассматриваемый момент времени единственной в регионе организованной военной силой, на которой лежала вся тяжесть ведения боевых действий, являлась Пензенская группа Чехословацкого корпуса во главе с поручиком С. Чечеком. В состав группы входили: 1-й (2800 штыков) и 2-й (3500 штыков) Чехословацкие стрелковые полки, 1-й запасной полк (1300 штыков), 1-я Чехословацкая артиллерийская бригада (4 батареи в 200 человек при 18 орудиях), инженерная рота (150 штыков), Сербский кавалерийский эскадрон, 4 бронепоезда, 2 броневика и 1 аэроплан – общей численностью около 8000 человек 33. Наличие этого щита – пусть и дружественного, но все же иностранного – рассматривалось эсерами как вынужденная необходимость. Многие сокрушались, что в день освобождения Самары члены Комуча "ехали в Городскую думу для открытия Комитета под охраной, к сожалению, не своих штыков, а штыков чехословаков..." 34. Именно поэтому на освобождаемой территории сразу же начались лихорадочные работы по созданию собственных вооруженных сил, получивших – по аналогии с 1917 г. – название "Народная армия". П.Д. Климушкин вспоминал, "это название было дано ей не случайно, не из моды и не из пристрастия к некоторым демократическим названиям, а вполне обдуманно, после довольно продолжительного и всестороннего обсуждения. Этим названием мы хотели подчеркнуть не только демократический ее состав и происхождение, но и ее назначение – служение народу, не одному какому-либо

классу или группе..., а всему народу в целом, и в русском понимании этого слова, то есть низам – трудовому народу" 35.

Начало было положено 8 июня 1918 г. программным приказом Комуча N 1, согласно которому "гражданская и военная власть в городе и губернии, впредь до образования учреждений Правительством Всероссийским, переходит к Комитету, состоящему из членов Учредительного собрания... Формирование армии, командование военными силами и охрана порядка в городе и губернии возлагается на Военный штаб в составе: начальника штаба полковника Н.А. Галкина, военного комиссара Румынского фронта Б.К. Фортунатова и члена Учредительного собрания В. Боголюбова, которому для сего вручаются чрезвычайные полномочия" 36. Последняя фигура оказалась случайной: ни в партийных, ни в военных кругах Боголюбов не был известен, и уже вскоре его заменили признанным эсеровским авторитетом в военных вопросах В.И. Лебедевым, занимавшим пост помощника Военного и Морского министра в одном из составов Временного правительства 37. Должности Командующего армией временно не учреждалось. По единодушной оценке военных, вся организация штаба носила характер "замаскированной советской системы", включая в себя военного специалиста и двух комиссаров. Полковник П.П. Петров вспоминал: "Почему сразу не был назначен один ответственный командующий, сказать трудно. Вероятнее всего, что боялись засилья военного командования. Когда мы узнавали у Галкина, кто же является распорядителем вооруженных сил, он отвечал: "штаб из трех лиц", из которых он – начальник штаба, а остальные двое – его члены. Распоряжался же большей частью единолично он, но постоянные члены могли появляться и в штабе, и в войсках и требовать исполнения их указаний... Из разговоров можно было уяснить какие-то сумбурные планы насчет дальнейшего: "когда Народная армия разовьется, тогда будет назначен Командующий армией"" 38. В условиях неизбежного хаоса первых дней работы подобная постановка дела создавала дополнительные трудности. Кроме того, по мнению многих, Галкин для своей должности был недостаточно компетентен. Генерал Н.Н. Головин позднее заявлял, что только лишь "боязнь генерала заставила избрать специалистом малоопытного тридцатилетнего молодого человека..., выпущенного в офицеры лишь в 1912 году" 39. В итоге, наблюдавший изнутри за деятельностью штаба полковник С.А. Щепихин констатировал: "Из трех лиц, возглавлявших военное дело, один распорядился, не зная дела (Галкин), другой на фронте сражался и был... ранен (Фортунатов), третий (Лебедев) митинговал" 40.

Первое время в структуру Военного штаба входили всего два отдела. Оперативный отдел осуществлял стратегическое планирование и общее руководство развивающимися военными операциями; Отдел формирования и устройства войск занимался вопросами, связанными с комплектованием армии личным составом и учетом поступающих добровольцев. Сомнения в лояльности имеющих в Самаре офицерских кадров привели к идее формирования штаба как органа не только "коллегиального", но и "коалиционного", в состав которого вошло несколько различных по своей ориентации групп. На съезде ПСР в августе 1918 г. в Самаре один из работников штаба, эсер Грачев, определял их следующим образом: 1) эсеры, 2) беспартийные офицеры, организованные в подполье и работавшие в союзе с эсерами, 3) беспартийные и неорганизованные офицеры, 4) организованные еще в подполье монархисты, 5) офицеры бывшего большевицкого Поволжского округа. В здании округа и разместилось военное командование Комуча 41. Итог оказался неожиданно плачевным. П.П. Петров характеризовал его в весьма мрачных тонах: "Нет распорядительного аппарата, и создать его не из чего; нет во главе авторитетного лица..., нет плана работы хотя бы на первые часы или дни (основы формирований,

службы и прочего), самое сумбурное представление об организации военного командования" 42. Дела начали налаживаться лишь после того, как 9 июня к Галкину явилась группа молодых офицеров Генерального штаба, предложив ему свои услуги. Галкин с благодарностью согласился. В дальнейшем именно эти офицеры и составили костяк штаба Народной армии, 9 июня в полном объеме приступившего к выполнению своих обязанностей.

Среди группы офицеров-генштабистов, предложивших Комучу свои услуги в организации Военного штаба Народной армии, был и В.О. Каппель, в тот же день, 9 июня, возглавивший Оперативный отдел. Приступая к формированию Народной армии, командование столкнулось с непредвиденными трудностями. Обстановка, сложившаяся вслед за освобождением Самары, оставалась чрезвычайно напряженной: противник полукольцом охватывал город, концентрируясь в районах Ставрополя Волжского, Николаевска и Бузулука; у Новоузенска его сдерживали формирования Уральского казачества. Пензенская группа С. Чечека, оставив на месте не более батальона, не задерживаясь, выступила в направлении Уфы.

Исходя из этого, стоявшие перед Военным штабом в данный момент основные задачи заключались в следующем: во-первых, обеспечить Самару от возможности внезапного нападения противника, во-вторых, создать хотя бы минимальные боевые силы для расширения района выступления и, в-третьих, образовать резерв для пополнения рядов действующих войск и оперативного парирования непредвиденных ситуаций. 9 июня в городе было объявлено осадное положение: скопление публики запрещалось, вводился комендантский час после 9 часов вечера, гражданам предлагалось сдать в комендатуру все имеющееся у них огнестрельное оружие. Предполагалось, что офицерская организация (150-200 человек) при первых формированиях распылится, будучи целиком использованной на замещение командных должностей. Контингенты из сельской местности намечалось использовать по мере их освобождения, в остальном ставка делалась прежде всего на городские (главным образом – интеллигентные) слои. Чисто эсеровские силы, ничтожные в военном плане, предполагалось использовать исключительно для внутренней охраны. Уже 9 июня 1918 г. – вслед за объявлением Военного штаба о начале записи добровольцев – была сформирована 1-я добровольческая Самарская дружина, включавшая сводный пехотный батальон (2 роты) капитана Бузкова (90 штыков), кавалерийский эскадрон штабс-ротмистра Стафиевского (45 сабель), Волжскую конную батарею капитана Вырыпаева (150 человек при 2-х орудиях), конную разведку, подрывную команду и хозяйственную часть – общей численностью в 350 человек 43. На экстренном совещании имевшихся на этот момент в городе старших чинов возглавить ее вызвался лишь подполковник В.О. Каппель, на осторожное предложение Галкина заявивший буквально следующее: "Согласен. Попробую воевать. Я монархист по убеждениям, но встану под какое угодно знамя, лишь бы воевать с большевиками. Даю слово офицера держать себя лояльно Комучу" 44. В тот же день – немедленно вслед за формированием – отряд выступил в направлении Сызрани, где сосредоточились бежавшие из Самары остатки противника. Уже 11 июня 1918 г. внезапным ошеломляющим ударом город был взят. 12 июня дружина вернулась в Самару, откуда по Волге была перебросена в район Ставрополя Волжского, имея задачей овладение городом и прилегающими селами. Успешно справившись с ней 10 июля 1918 г., Каппель дал новое сражение под Сызранью, за которым последовало освобождение Бугуруслана и Бузулука. Разгром у станции Мелекес отбросил противника к Симбирску, окончательно обезопасив Самару.

ОТ САМАРЫ ДО СИМБИРСКА

В то время, пока части дружины В.О. Каппеля выдвигались к Сызрани, в Самаре разворачивались жаркие дебаты относительно характера предстоящего военного строительства. Главной целью создания армии на Волге провозглашалось восстановление фронта против держав Тройственного союза для отражения германской агрессии и освобождения России от немецкой оккупации. Борьба с советской властью и большевизмом как самостоятельная задача практически не упоминалась. Было ясно, что пассажи Комуча на тему верности союзническим обязательствам предназначались для представителей стран Антанты – в первую очередь Чехословацкого корпуса и стоявших за ним французской и английской военных миссий. Позднее об этом совершенно недвусмысленно писал член Чехословацкого национального совета Ф. Штейдлер, отмечавший, что "попытка восстановить восточный фронт Европы была встречена... с большим сочувствием" 45. В недалеком будущем это, возможно, означало широкие перспективы для получения материальной и военной поддержки с одной стороны, и возможность внешнеполитического признания хотя бы де-факто – с другой. Было также характерным, что антигерманские приоритеты нашли горячих сторонников как в среде эсеровских политиков, так и в военных кругах. Притом, что подходы к проблеме использовались прямо противоположные, в главном выводе о несамостоятельной природе русского большевизма они сходились. Эсеры здесь отталкивались главным образом от политических мотивов: в своих речах П.Д. Климушкин подчеркивал, что большевицкая власть "немедленно приведет к монархизму или германскому засилью. Так как... монархизм не имеет под собою в России почвы и может появиться только при помощи германских штыков, то отсюда вполне ясно было, что вместе с большевизмом придется вести борьбу и с германизмом" 46. Военные, не разделяя народнических заблуждений эсеров, приводили доводы с позиций чистой прагматики. Наиболее стройный образец рассуждений давал генерал В.Г. Болдырев, считавший, что "неизбежным следствием германского поражения будет и неизбежная гибель большевизма. Так возникла идея восстановления фронта, а попутно с ней и мысль о борьбе с большевиками, мешавшими осуществлению этой идеи" 47.

Если цели военного строительства ни у кого возражений не вызывали, то определение его основных принципов столкнулось с серьезными затруднениями. Комуч в своей деятельности исходил из следующего постулата: "То, что делали большевики, разогнав Учредительное собрание,... есть, по существу, контрреволюция. Борьба Комуча есть борьба за возвращение народу его свобод и, следовательно, есть борьба революционная" 48. При такой постановке вопроса возможность обращения к опыту прежней Русской армии отвергалась изначально. Однако эсеровским военным специалистам приходилось отдавать себе отчет в том, что костяк любых вооруженных сил составляют прежде всего профессиональные военные – то есть как раз бывшие офицеры этой армии. Сознание того, что без офицерства (как наиболее организованного, подготовленного и последовательного противника большевиков) бороться невозможно, заставляло искать компромиссный вариант. Единственный имевшийся в этом направлении опыт заключался в печально памятной всем революционной реорганизации армии в 1917 г., но его в условиях 1918 г. использовать было трудно. В итоге Комуч, который, по выражению генерала К.И. Гоппера, "оставался таким же младенцем в военных делах, как и в 1917-м" 49, предпочел обратиться к имевшемуся перед глазами примеру. П.Д. Климушкин открыто признавался: "Мы все без исключения находились под большим впечатлением от

чешской армии. Чешская армия с ее демократическим укладом управления, с ее братскими отношениями между солдатами и офицерами, являлась для нас тем идеалом, к которому мы стремились при создании нашей армии. Мы не знали всех деталей организации чешской армии, но мы видели ее стройность, ее демократичность и, в то же время, ее дисциплинированность, ее подвижность и восторгались ею. Под этим впечатлением... мы и приступили к созданию русской Народной армии" 50.

В соответствии с быстро растущими потребностями развивается структура Военного штаба Народной армии, приказами N 1 и N 2 по отделу формирований в его составе образовывались отделения: формирования и устройства войск, мобилизационно-статистическое, личного состава и бюро по вербовке добровольцев. 12 июня для формирования и снабжения инженерно-технических частей Народной армии при штабе было создано управление начальника инженеров (приказы по управлению N 1 и N 2 от 12 и 14 июня), за которым вскоре последовали управления артиллерийское, военно-судное (генерал-майор Тыртов), ветеринарное, санитарное и полевое интендантское (первоначально – хозяйственный отдел). Ответственным за связь с признавшими власть Комуча Уральским и Оренбургским казачьими войсками назначался член Комуча И.П. Нестеров, но в состав Военного штаба он не входил 51.

В основу организации Народной армии изначально был положен принцип добровольчества, закрепленный в приказе Комуча N 2 от 8 июня 1918 г. "О создании сильной, дисциплинированной армии" 52. Непременными условиями выдвигались демократизация военной жизни и внесение в нее основ гражданственности. В изложении П.Д. Климускина эсерам это представлялось следующим образом: "Построить армию по принципу старой царской армии нам казалось невозможным и нецелесообразным. Армия гражданской войны, ставящая своей задачей совсем иные цели, чем общегосударственные, должна быть построена по принципу некоторого отбора. Прежде всего, из нее должны быть исключены все те элементы, кои являются определенными противниками поставленных нами целей. Помимо того... большинство солдат должны отчетливо знать, для каких задач и целей они призываются, за что они борются, и для этого с солдатами должна быть проделана подготовительная работа по их политическому воспитанию. Больше того, солдат, призванный в армию, должен чувствовать себя частью того народа, за интересы которого он борется... Если у него этого сознания нет, то не поможет никакая дисциплина... Отсюда требования Комуча к офицерству... Нам казалось, что офицеры должны были в отношении солдат быть их старшими братьями, их руководителями и воспитателями, в политической жизни равными им" 53. Избегая затрагивать специальные военные вопросы, партийные теоретики взяли на себя определение политических основ строительства вооруженных сил. Разработанное ими "Положение о Народной армии" содержало следующие формулировки: "§3. Основной принцип строения армии: армия должна служить всему народу, нации, и потому совершенно беспартийна (беспартийность армии заключается в том, что армия служит не отдельным партиям, а всему народу). Вхождение военнослужащих в политические партии совершенно недопустимо; §4. Народная армия как бы олицетворяет весь народ, а потому ее организация должна содействовать общему культурному уровню народа, степени его гражданской зрелости и национального самосознания; §6. Необходимость дисциплинированной армии побудила ввести дисциплинарные взыскания...; §7. Военнослужащие Народной армии разделяются лишь на начальников и подчиненных... Вне службы они равноправные граждане...; §8. Распорядок внутренней жизни Народной армии направлен к тому, чтобы сблизить

между собою офицеров и солдат. Для достижения этой цели офицеры должны жить в казармах; §11. Вооруженная защита нации может быть создана, если будет влит в народную толщу и солдатские массы энтузиазм и национальное воодушевление..." 54.

В военной среде документ вызвал острую полемику. Моменты, касавшиеся повышения уровня гражданственности военнослужащих и демократизации взаимоотношений между начальником и подчиненным, до известной степени были встречены с пониманием. Офицерство ясно отдавало себе отчет в том, что благодаря событиям 1917 г. прежний опыт работы требует серьезного пересмотра. Некоторые заходили дальше. Так, полковник N. (так подписано – А.К.) в "Вестнике Комуча" писал: "В период строительства Народной армии особенно необходимо, чтобы все, кто призывается в ряды в качестве руководителей, были проникнуты единодушным, непоколебимым стремлением вступить в армию, крепко спаянную в одно прочное целое правильным пониманием назначения армии и тех великих задач, которые возложены на нее. Необходимо, чтобы каждый... не только знал, но и веровал в лозунги, долженствующие стать светочем всех наших помыслов, всех наших стремлений" 55. Для большинства армейских специалистов опасение внушала та мысль, что радикальное внедрение декларируемых принципов, при всей их внешней привлекательности, уже вскоре должно было перестать отвечать здоровому устройству военного организма. Таким образом, молчаливое согласие их выглядело не более чем признанием необходимости временного компромисса – впредь до опровержения практикой. В остальном "Положение" преследовало скорее пропагандистские, чем конкретные практические цели. Серьезные возражения вызвал лишь вопрос об устранении армии от политики. Запрет на вхождение военнослужащих в политические партии был признан недостаточным. Приказом по армии N 22 от 22 июня 1918 г. военнослужащие лишались избирательных прав, им воспрещалось участвовать в предвыборных собраниях и в выборах на общественные городские и земские должности. В следующем приказе N 23 Галкин уже потребовал прекратить самыми решительными мерами все попытки вовлечь армию в политическую борьбу 56. На практике это означало, что провозглашенный принцип "армия вне политики" должен иметь также обратную силу. Для эсеров этот момент был принципиальным. "Призвав к организации армии старый офицерский аппарат, – вспоминал П.Д. Климушкин, – мы возложили на него задачу, которая по самому существу своему в корне противоречила всем тем навыкам, всем тем пониманиям, какими он жил и руководствовался десятки лет... В массе своей офицерство, конечно, осталось чуждым нашим заданиям и нашим принципам построения Народной армии... Офицерство, видевшее в нашей затее большевизм наизнанку, всеми силами саботировало создание армии по нашему образу" 57. Исходя из этого, актуальными признавались меры по установлению в армии системы политического контроля. Попытка декларировать ее создание натолкнулась на решительное сопротивление – офицерство нашло поддержку в среде поволжской буржуазии: 11 июня совещание Самарской Торгово-промышленной палаты под председательством К.Н. Неклютина обратилось к Комучу с требованиями формирования исполнительной власти на деловой основе, а также полной передачи дела комплектования армии военным специалистам. В рядах Комуча наметился раскол. Группа во главе с Н.И. Ракитниковым настаивала на необходимости командировать членов Комитета в отдельные части войск в качестве правительственных комиссаров, наделенных широкими полномочиями. Ей возражала группа В.И. Лебедева и Б.К. Фортунатова, приводившая два основных довода. С одной стороны (практической), это окончательно подрывало всякое доверие к власти со стороны офицерства, без которого, как недвусмысленно выражался член Учредительного

собрания В.Л. Утгоф, бороться было абсолютно невозможно. С другой стороны (теоретической), это слишком напоминало советскую систему, которую Комитет собирается сокрушить иными, "демократическими" методами 58. После длительных споров победу одержали последние. 22 июня Комуч формально капитулировал, опубликовав пространную декларацию, где, в частности, провозглашал: "Комуч признает настоятельно необходимым передачу военного дела исключительно в руки военных авторитетов – офицеров с боевым прошлым и с опытом в деле формирования и управления крупными войсковыми частями – и полного подчинения им всего аппарата армии, которая должна быть внепартийна" 59. Левое крыло эсеров было в смятении; член Комуча И.М. Майский констатировал: "Тем самым эсеровская партия отрезала себе возможности действительного контроля над положением дел в армии и на фронте" 60. Зато военные могли торжествовать: А.Н. Галкин позднее с гордостью писал генералу М.В. Алексееву, что "в Народной армии политика и партийность отброшены... В момент, когда начнется создание Всероссийской власти, военные нивелируют все попытки в стремлении к сепаратизму и эгоизму со стороны отдельных партий и групп" 61.

С дебатами политического характера была тесно связана работа по созданию базисных документов, определявших организационное строение вооруженных сил, структуру военного руководства, регламентировавших служебные обязанности, повседневную деятельность, жизнь и быт военнослужащих. Подготовительная ее часть возлагалась на Отдел формирований Военного штаба, который делал представления непосредственно в Комитет. Предварительные основания для нее уже имелись. 9 июня Военный штаб опубликовал воззвание о начале записи добровольцев, минимальный срок службы которых предварительно определялся в три месяца 62, явочным порядком решено было сохранить прежние воинские звания, официальное обращение "господин" заменялось более демократическим "гражданин", отдание чести отменялось, атрибуты и символика старой армии упразднились. Несмотря на сделанные уступки, даже лояльно настроенное офицерство устами П.П. Петрова уже вскоре констатировало: "С первых же шагов новой власти стало ясно, что в вопросе создания военной силы она стоит на ложном пути... Совершенно не чувствовалось сознания, что нужно энергично создать силу, привлечь возможно широкие круги к борьбе, пожертвовать интересами партии для одной цели – успеха на фронте" 63.

Обсуждение вопросов специального характера вызвало напряженные споры. По замечанию полковника К.И. Гоппера, "Галкину приходилось с боем отстаивать каждый принцип; во всякой мелочи эсеры старались увидеть признаки "старого режима" и "гнилой царской армии" 64. В результате, в качестве основополагающих были названы следующие принципы: аполитичность (устранение армии от политики и политики из армии); дисциплинированность (сохранение в ограниченном объеме дисциплинарной власти командиров); демократичность (равноправие всех чинов армии вне службы и соблюдение субординации во время несения службы); гражданственность (необходимость установления мер для сближения офицеров и солдат для поднятия культурного уровня и гражданской зрелости солдатских масс). Итогом явилась разработка трех основополагающих документов, первыми из которых были "Временные правила об организации и службе Народной армии", утвержденные Комучем 17 июня 1918 г. Составленные из семи глав, они регламентировали организационное строение и внутренний распорядок: "I. Управление Народной армией. 1) Во главе управления Добровольческой армией стоит Военный штаб, созданный Комучем. 2) Для боевого руководства частями Народной армии... назначается Командующий войсками. 3) Для заведования

формированием частей пехоты, конницы, артиллерии и инженерных войск, Военным штабом назначаются Инспекторы, которые затем утверждаются Комучем.

II. Условия службы. 1) Армия комплектуется призывом добровольцев. 2) Минимальный срок службы – 3 месяца; каждый записавшийся на службу не имеет права оставить ее ранее этого срока под страхом ответственности перед судом. 3) Доступ в ряды Народной армии открыт для всех граждан не моложе 17 лет, готовых отдать жизнь и силу для защиты Родины и свободы. 4) Все без исключения добровольцы состоят на готовом полном довольствии и получают жалование 15 рублей в месяц. 5) В виду различных условий службы, ответственности и знаний добровольцев, устанавливаются следующие суточные деньги: рядовому бойцу – 1 руб. в сутки, отделенному командиру – 2 руб., взводному – 3 руб., ротному – 5 руб., батальонному – 6 руб., полковнику – 8 руб., инспекторам по обучению войск – 8 руб. 6) Сверх того, каждый доброволец, имеющий на своем иждивении семью, независимо от занимаемой должности, получает пособие на содержание семьи – 100 руб. в месяц. В случае многосемейности (более трех детей) ставка увеличивается. 7) Добровольцы, бросившие ради защиты Родины должности в общественных и государственных учреждениях, сохраняют за собой должности до окончания срока службы.

IV. Замещение командных должностей. 1) Командные должности замещаются по назначению. 2) Кандидаты на должности командиров отдельных частей выдвигаются Военным штабом и утверждаются Комучем. 3) Кандидаты на должности ниже командира полка до ротного командира (батареинного, сотенного) выдвигаются начальниками частей и утверждаются Военным штабом. Взводные, отделенные командиры назначаются командирами рот, батарей, сотен.

V. Внутренний распорядок, служба и взаимоотношения. 3) Вне службы все равны. Служба начинается с отдачей приказа или команды и кончается с выполнением приказа или команды. 4) Обращение в армии на "вы". Для развития идеи гражданского равенства при обращениях по службе, начальник говорит подчиненному: "гражданин такой-то (фамилия)". Подчиненный, обращаясь к начальнику, говорит: "гражданин (называет чин, должность)". При обращении начальника с приветствием к подчиненным, последние отвечают: "Здравствуйте, гражданин (чин или должность)".

VI. Дисциплина. 1) Основа дисциплины – взаимное доверие и уважение начальников и подчиненных, полное повиновение воле начальника и поддержание порядка, установленного законом. Весь режим службы должен быть проникнут этим. Каждый начальник, отдающий приказание, добивается его исполнения, отвечая за законность приказа. Каждый подчиненный обязан исполнить приказание без возражений и возможно лучше. 7) В походе, в бою дисциплинарная власть принадлежит единолично начальнику, причем наказание полагается, впредь до переработки уставов, применительно к прежнему Уставу дисциплинарному. 8) Каждый начальник в бою имеет право и обязан применить оружие в случае неповиновения подчиненного его воле и приказаниям.

VII. Обучение. 3) Все обучение должно быть направлено к тому, чтобы развить в каждом воине сознательного, исполнительного, смелого, бодрого, выносливого и находчивого бойца. 5) Впредь до их переработки, для обучения использовать прежние уставы Гарнизонной службы, Внутренней службы, Устав строевой и Устав полевой службы за исключением параграфов, которые явно устарели" 65.

Несмотря на декларирование моментов, связанных с установлением в армии дисциплины и передачи военного управления в руки профессионалов, должность Командующего армией оставалась лишь на бумаге, а политический контроль со стороны эсеров сохранялся. Таким образом, "Временные правила" являлись вовсе не тем, что реально ожидалось большинством офицерства: посыпались привычные обвинения в том, что они "составлены в ультрадемократическом духе 1917 года", что

в армии снова возрождается "керенщина". Колеблющиеся офицеры заняли выжидательные позиции, однако, как считал П.П. Петров, "для добровольцев, сразу же устремившихся в дело, это положение не имело никакого значения, ибо эти части сразу же ввели свою неписаную дисциплину – смесь прежней и своей добровольческой..." 66. Это же подчеркивал в своем труде и генерал Н.Н. Головин, когда заявлял, что "первые добровольцы в Поволжье, как и везде, были терпимы к чуждой им политике высших руководителей, лишь бы только эта политика руководствовалась идеей борьбы с большевиками" 67.

На основании принятых документов постепенно вводится в единое русло процесс формирования регулярных добровольческих частей. Вслед за 1-й добровольческой Самарской дружиной в городе были образованы кадры добровольческих батальонов: 1-го (из числа горожан), 2-го (из сибиряков), 3-го (из частей демобилизованной 48-й пехотной дивизии старой армии) и 4-го (из "представителей юго-славян") 68. В Сызрани, занятой 11 июня 1918 г., уже 17 июня был образован Штаб формирования частей Народной армии в Сызранском районе, немедленно приступивший к работе. 19 июня "для упрочения власти Учредительного собрания и организации Народной армии" в город командировались член Комуча И.П. Нестеров и член Военного штаба В.И. Лебедев. Часть местных добровольцев была использована для усиления Самарской дружины, из числа остальных был сформирован 1-й добровольческий батальон. Служащие местного отделения Волго-Бугульминской железной дороги организовали несколько особых железнодорожных рабочих дружин. Наконец, 27 июня по инициативе городского комитета РСДРП в городе было начато формирование "дружины защиты Учредительного собрания" 69. Выступление в Самаре дало толчок к возникновению на левом берегу Волги целой сети боевых отрядов различного состава. С занятием крупного района Иващенковских оружейных заводов, располагавшихся в 40 верстах от Самары, 21 июня образуется Штаб формирования частей Народной армии Иващенковского района во главе с эсером поручиком Взоровым, приступивший к формированию рабочих дружин. В Белебее из числа местной подпольной ячейки организуется Военный штаб под председательством бывшего земского начальника Качалова. Позднее Военный штаб переименовывается в Штаб обороны во главе с прибывшим из Самары полковником Витковским 70.

В результате образования штабов формирования Народной армии в губернии, уездах, районах и городах Военный штаб в Самаре в 20-х числах июня был переименован в Главный военный штаб Народной армии. Приказом войскам армии N 11 от 19 июня 1918 г. процесс стихийного формирования отрядов был упорядочен. Военный штаб разослал на места "Указания о порядке работы по формированию войск Народной армии", согласно которым: "1) Во всяком городе, волости, селе с уходом большевиков организуются добровольческие части, согласно временным правилам о службе в добровольческой армии. Для успеха формирований немедленно выбирается заведующий формированиями... Задача новых частей – не пускать большевиков, поддерживать порядок и помогать в этом соседям. 2) В помощь добровольческим частям немедленно организуются боевые дружины – городские и волостные. 3) Для организации учета способного к службе населения, для способствования формированиям и управления дружинами немедленно выбирать или назначать воинских начальников: волостных, уездных и губернских. 4) Каждый уезд в первую очередь, до получения указаний, ставит себе задачей создать полк пехоты, сотню и батарею. Командный состав и инструкторский подбираются в срочном порядке... Каждый город создает батальон пехоты и эскадрон конницы... 5) Вызываются в армию на три месяца из бывших военнослужащих не менее 10 человек из 100 для

увеличения кадра инструкторов, с целью создания прочной основы Народной армии. Особенно необходимы унтер-офицеры. б) Как только окажется возможным по местным условиям, предполагается сделать призыв в порядке мобилизации нескольких сроков службы из числа не служивших или мало служивших" 71.

Войсковые части Народной армии получали название N-ский батальон или полк Учредительного собрания – по городу или уезду, где проходило формирование. 28 июня 1918 г. приказом войскам армии N 14 формирующиеся батальоны Народной армии переименовывались в полки: в Самаре – 1-й (полковник Шмидт, затем – полковник Пузыревский), 2-й (полковник Гибер, затем – капитан Новиков), 3-й (полковник Петров) и 4-й (полковник Фирфаров) пехотные Самарские, в Ставрополе – 1-й пехотный Ставропольский (полковник Голованенко, затем – полковник Мельников), в Сызрани – 1-й пехотный Сызранский, в Бугуруслане – 1-й пехотный Бугурусланский (полковник Кононов), в Бузулуке – 1-й пехотный Бузулукский (полковник Черневский) 72.

Для ускорения процесса формирования в освобождаемых районах временно вводилось военное положение. Приказом Комуча N 43 от 20 июня 1918 г. указывалось, что в условиях военного положения граждане подлежат военному суду за следующие виды преступлений: а) за восстания, приготовления и подстрекательство к восстанию против существующей власти Учредительного собрания и против властей, им поставленных, а равно и за сопротивление им; б) за шпионаж; в) за умышленный поджог или иное умышленное истребление или приведение в негодность воинского снаряжения и вооружения, складов огнестрельных припасов, а также запасов продовольствия и фуража; г) за хранение оружия без надлежащего разрешения; д) за умышленное повреждение водопроводов, мостов, гатей, колодцев, дорог и прочих средств снабжения войск; е) за умышленное истребление или повреждение телеграфной и телефонной сети, железнодорожного пути и подвижного состава; ж) за нападение на военный караул, часового, дневального, милиционера, за вооруженное сопротивление военному караулу и чинам милиции, а также за убийство таковых 73. В Самаре 19 июня был учрежден временный Штаб охраны во главе с эсером Коваленко, исполнявший обязанности контрразведки. Ей присваивались права комендатуры города, в ее непосредственном подчинении находились воинские караулы и дежурные части гарнизона, а также городская милиция. Комплектование производилось из военнотрудовых по добровольно заявленному желанию; в штате насчитывалось 30 офицеров и 40 охранников 74.

Опыт первых дней наглядно показал, насколько медленным в существующих условиях является процесс формирования добровольческих строевых частей. С тем, чтобы не отвлекать их на выполнение различных второстепенных задач, решено было приступить к формированию в городах и в сельской местности вспомогательных ополченских частей, исполнявших службу, не связанную с длительным отрывом от места жительства и основного рода занятий. Первым 18 июня последовало утверждение "Временного положения о дружинах Народной армии в городах". Согласно положению, записи в эти дружины подлежали все граждане в возрасте от 10 до 35 лет, которые для этого должны были немедленно зарегистрироваться в квартальных и районных управлениях. Предполагалось, что в обычное время городские дружины будут привлекаться к несению охранной и конвойной службы в городе. При появлении военной угрозы наиболее обученные из них могли привлекаться для содействия строевым частям в выполнении оперативных задач, в то время как менее обученные и сплоченные – для этапной,

караульной и конвойной службы. Общее число дружин в городе зависело от потребности, определявшейся военным управлением. Дружины формировались до четырехротного состава (по три взвода в роте), в случае необходимости им придавалась пулеметная команда. Дружинный и ротные командиры назначались из числа раненых кадровых офицеров, имевших опыт командования ротами или батальонами; взводные командиры назначались из числа обер и унтер-офицеров, все остальные были гражданами как из бывших солдат, так и из не обученных военному делу. Согласно прилагавшимся временным штатам, численность городской дружины определялась в 476 добровольцев; в состав штаба входило 9 чел., в состав дружинной роты – 108 (4 офицера, 6 унтер-офицеров и 96 строевых чинов), в состав пулеметной команды – 35 чел. (3 офицера, 4 унтер-офицера и 28 строевых чинов); на случай командировки предполагалось формирование дружинного обоза. Внутренним распоряжением определялось, что в центре города должно было отводиться помещение для штаба, где помещался основной командный состав. При штабе постоянно находились пулеметная команда, дежурная часть и по два дружинника от каждой роты (для быстрого оповещения). Все остальные проживали по своим квартирам. В случае вызова они обязаны были немедленно явиться в штаб; все остальное время никаких обязанностей на них не налагалось. Командный состав дружин получал все виды денежного, вещевого и продуктового довольствия, установленные для добровольцев строевых постоянных частей Народной армии. Дружинники во время исполнения своих обязанностей получали суточные деньги, установленные для добровольческой армии, а также продуктивное довольствие" 75.

Условия организации ополченской службы сельской местности были несколько иными. Перерасчет на использование возможностей самообеспечения крестьян-дружинников вызвал задержку, и утверждение "Временных положений о Волостных дружинных ротах" последовало лишь 24 июня. В отличие от городов, в волостях эти роты предполагалось образовать из числа граждан в возрасте от 17 до 45 лет. Предназначались они для поддержания порядка на территории волости, борьбы с мелкими отрядами противника, оказания в случае необходимости активной помощи соседним населенным пунктам и главное – для "проведения через строй... большей части мужского населения, способного носить и действовать оружием (всеобщее военное обучение)". В состав дружинной роты входили три взвода по 32 человек. Ротным командиром назначался кадровый офицер из числа раненых 2-й или 3-й категории (ограниченно годный к строевой службе и годный к службе в мирное время соответственно). Взводные командиры назначались из числа имеющих боевой опыт младших офицеров, подпрапорщиков и унтер-офицеров, все остальные – граждане из бывших солдат, а также и из не обучавшихся военному делу. Определялся и внутренний распорядок, согласно которому дружинной роте отводились 1-2 строения, в которых размещались ротный и взводные командиры, управление, дежурная часть и вещевой и оружейный склады. Все остальные проживали по своим домам. В отличие от командного состава, рядовым дружинникам во время обучения и несения службы в волости никаких видов довольствия не полагалось, за исключением случаев, когда они направлялись в командировки сроком более трех дней 76.

* * *

Приступая к строительству вооруженных сил, Комуч настоятельно проводил мысль о приоритете не классового, а общенациональной политики. Выступавший на многочисленных митингах В.И. Лебедев подчеркивал: "В своих действиях мы будем

придерживаться интересов не того или иного класса общества, а общегосударственных интересов. Наша цель – возрождение России" 77. Исходя из этого, Народная армия мыслилась как олицетворение всего народа, где должны были быть представлены все основные социальные слои, и в первую очередь – трудящееся население. П.Д. Климускин констатировал: "Мы отлично понимали, что большевизм можно преодолеть лишь общим объединенным фронтом. Борьба будет выиграна только тогда, когда в войне будут участвовать все классы и все группы русского населения..." 78.

Опыт первых дней наглядно продемонстрировал все сложности и тонкости вопроса, связанного с установлением принципа добровольчества. 9 июня 1918 г. Комуч выпустил обращение к гражданскому населению, где подчеркивал всю важность и значимость индивидуального выбора каждого из его представителей: "Большевицкая власть низвергнута. Большевицкая власть трусливо покинула город... Но, граждане, в других городах эта власть еще сильна. Если мы не сметем ее там, то она сметет нас... Борьба еще велика. Всех, кому дороги идеи народовластия..., кому дороги целостность и независимость России, мы призываем встать под знамена Учредительного собрания. Каждый человек будет дорог и неоценим" 79. На пламенный призыв откликнулись немногие. Согласно воспоминаниям очевидцев, в числе первых добровольцев оказалась лишь некоторая часть офицерства и воспитанников высших и средних учебных заведений. Представители мелкой и средней городской буржуазии (лавочники, домовладельцы, купцы, торговцы и прочие) в первые дни приняли весьма активное участие в эксцессах, связанных с расправами над представителями советской власти, однако от записки в войска они целиком уклонились. Интеллигенция, чиновничество и часть офицерства заняли выжидательные позиции. Рабочие и городские обыватели дали из своей среды ничтожный процент добровольцев, главным образом, из числа безработных. Наконец, на крестьянство – первое время, необходимое для освобождения хотя бы ближайших к Самаре деревень – рассчитывать также не приходилось 80.

Расширение "территории Учредительного собрания" существенного изменения в положение вещей не внесло, разве что теперь к городскому населению прибавилось население сельских местностей. Поначалу это прибавление казалось решающим: крестьянство традиционно рассматривалось эсерами в качестве основной опоры нового правительства. Между тем, уже вскоре стало очевидным, что внедряемая Военным штабом модель поуездного формирования воинских частей и создания вспомогательных волостных дружин является несостоятельной. Крестьянство устало от войны, и по большому счету еще не испытало особенно сильных притеснений со стороны большевицкой власти. По замечанию одного из офицеров, "крестьянское население в своей массе относилось с места более инертно, как вообще более недоверчивое, менее к тому времени пострадавшее от красного режима, чем городское, и, кроме того, боявшееся до известной степени ответственности за учиненные грабежи и самовольство. Немалую роль, конечно, играли и репрессии, производимые красными в случае их успеха" 81. Позиция основной массы середняка, в поволжской деревне являвшегося доминирующей фигурой, в первый месяц оставалась нейтрально-выжидательной. Он был доволен возвращением свободы торговли, но при этом отнюдь не торопился активно выявлять свое отношение к новой "демократической" власти, не поддерживая Комуч, но и не выступая против него. Основным доводом было нежелание участвовать в гражданской войне и ссылки на политическую неграмотность. Инструкторы из штабов формирования Народной армии особенно выделяли преобладание следующих настроений: "Кому нужны эти гвардии, те пусть и дерутся, мы в стороне" 82.

Приходилось отдавать себе отчет в том, что для привлечения деревни под свои знамена потребуются время и длительная напряженная работа, тем более что заявленная позиция не была всеобщей. Примыкающие к крупным городам районы, знакомые с продотрядами, имели собственный взгляд на вещи. Крестьянство здесь, по наблюдениям П.Д. Климушкина, "встретило Самарский переворот с большим сочувствием и даже воодушевлением, выявив это во многих местах активно. Оно было настроено антибольшевицки и готово было оказать нам всяческую помощь, включая до вооруженной борьбы..." 83. Примером такого отношения могут служить многочисленные повстанческие крестьянские отряды, формировавшиеся на территории Вятской губернии. Аналогичная картина наблюдалась в районе Ярославского восстания, где крестьяне вынесли постановление о добровольной мобилизации мужского населения от 21 до 50 лет, а также в районе Ижевского и Воткинского заводов, где в число самообмобилизовавшихся включались лица в возрасте от 19 до 50 лет 84. Характерной в этих случаях была та особенность их поведения, что крестьяне предпочитали не вступать в Народную армию в качестве добровольцев, а помогать ей продовольственными, транспортными и конскими поставками, а из своей среды формировать самостоятельные отряды партизан и местной самообороны. Помимо специфики менталитета, во многом подобное положение вещей вытекало из формулы Галкина об аполитичности вооруженных сил. Офицерам-вербовщикам политику власти обсуждать не полагалось, в то время как крестьянство со своими традиционными чаяниями очень ей интересовалось и хотело бы ее знать прежде, чем давать добровольцев. Отсюда агитаторский и инструкторский состав часто ссылался на трудности призыва в армию именно из-за неосведомленности крестьян в политической обстановке. В отчете Уфимского агитационно-просветительского отдела указывалось: "Многие из солдат, в особенности же крестьяне, приходили одиночками или группами в губернское отделение и жаловались, что большинству из них неизвестно, за что борется новая власть и кто во главе этой власти" 85.

Зажиточную часть населения – крупную буржуазию и купечество – смущали "левые" лозунги Комуча. С негодованием писал И.М. Майский: "Толстосум, переживший унижения эпохи конфискации и выселений 1918 г., жаждал мести и крови. Демократический комитет его не удовлетворял, он хотел белого генерала, который стер бы с лица земли "советы" и "комитеты"..." 86. Чтобы смягчить впечатление, уже 22 июня Комуч сделал соответствующий жест в их сторону, декларировав создание исполнительной власти из представителей всех политических, национальных и экономических групп общества. Несмотря на то, что отдельные резкие заявления крайне раздражали добровольцев и офицеров, выходцев их буржуазных семей, в целом состоятельные слои Поволжья отнеслись к формированию Народной армии с симпатией. Хотя большинство из них в силу своего возраста и рода занятий лично в армию не вступили, они охотно снабжали ее необходимыми средствами, в том числе и финансовыми. Аналогичным образом вели себя средние городские слои: мелкое и среднее чиновничество, частные служащие, лица свободных профессий, мещане и обыватели. Свержению советской власти они были искренне рады, но попытки привлечь их в Народную армию неизменно заканчивались провалом. Большею частью ни по возрасту, ни по уровню подготовки они в военном плане не представляли никакой ценности.

Наконец, состав рабочих в Поволжье сильно отличался от центральных губерний и был крайне неоднороден. Старые кадровые рабочие, по наблюдениям И.М. Майского, "были против Комитета,...открыто стремились к восстановлению советской власти..."

Большевики давали им власть, власть в государстве, которая делала его хозяином страны, всемогущим творцом ее жизни. Сравнение было слишком не в пользу Комуча..." 87. Впрочем, потомственных пролетариев в Поволжье было немного. Сильно поредевшие в годы 1-й мировой войны, они были в значительной степени разбавлены пришлым элементом. Большая часть этих новых рабочих еще не утратила связи с деревней и имела свое подсобное хозяйство. Наконец, особую категорию составляли рабочие, сосредоточенные в регионе оружейных казенных заводов, которые находились в более выгодном по отношению к занятым на частных предприятиях условиях и имели сравнительно большой достаток. Как и в крестьянской, в рабочей среде те, кто имел причины ненавидеть большевицкий режим, предпочитали формировать свои собственные отряды, лишь самой малой частью вливаясь в ряды строевых частей Народной армии. Большинство же их держалось по отношению к власти настороженно и отчужденно. П.Д. Климушкин вынужден был признать, что "совершенный нами переворот не был поддержан активно рабочими, исключая, конечно, те немногочисленные группы, которые шли вместе с Комучем. Значительная часть рабочих осталась вне сферы нашего влияния, не оказывая на ни активного сопротивления, ни активной поддержки. Даже та часть рабочих, которая находилась под влиянием... все же держала... нейтралитет. Ясно из сего, делать ставку на рабочих мы не могли, ибо рабочие не тот авангард, не те силы, которые могли быть брошены нами в бой против большевицкой диктатуры... Необходимо было, считаясь с рабочими как с силой, сделать все возможное, чтобы из нейтральных друзей не сделать активных врагов" 88.

Тот факт, что офицерство и учащаяся молодежь составляли главную основу Народной армии, впоследствии дало профессору Г.К. Гинсу возможность назвать ее "интеллигентной по составу" 89. Комуч, рассчитывавший на широкую поддержку добровольчества народными массами, оказался в смятении. Согласно его построениям, военным кругам и интеллигенции отводилась служебная роль. "Мы полагали, – вспоминал П.Д. Климушкин, – что эта организующая сила, этот кадр, имеет значение постольку, поскольку он отражает и возглавляет движение, поддерживаемое широкими массами... Поэтому на него мы смотрели как на подсобный материал, как на кадры, кои могут лишь возглавить движение, руководить им, но отнюдь не составлять основную силу, массу, способную противостоять большевицким массам... Не выявляя своих групповых интересов, эти кадры должны идти с массами, поскольку требования этих масс совпадают с интересами государства в целом... Делать ставку на эту группу, как бы ни была она активна и как бы в данный переходный момент ни была весома... не могли" 90.

Справедливости ради следует отметить, что в Народной армии офицерство не являло собой образцов единства ни в социальном, ни в политическом, ни даже в военном планах. Его отток из центральных районов на периферию в массовом порядке начинается с конца 1917 г. – после проведения демобилизации старой армии. Поволжье, удаленное от разоренных войной районов, обеспеченное продовольствием, с относительной дешевизной жизни и возможностью временно устроиться в безопасности от большевицкого террора, являлось особенно привлекательным. К 1 января 1918 г. в одном только Казанском военном округе, на территории которого развернулись основные события в регионе летом-осенью 1918 г., было сосредоточено порядка 300 тысяч военнослужащих, из которых 14898 человек имели офицерские звания и 2092 человек – классные чины 91. Подавляющее количество состояло в обер-офицерских чинах и принадлежало к так называемым офицерам военного времени (производства после 1915 г. или призыва из запаса). Характерным было также преобладание среди них выходцев из мелкой и средней буржуазии и

интеллигенции – громадные потери в годы 1-й мировой войны привели разрушению прежних сословно-кастовых барьеров, и офицерский корпус подвергся значительной демократизации. Имея гражданские специальности, эта часть офицерства смогла легче адаптироваться к новым условиям. Это же обстоятельство определяло ее выбор: военная служба являлась для нее вынужденной. Демобилизованное из армии офицерство военного времени не стремилось возвращаться туда вновь. По идейным убеждениям под эсеровские знамена становились единицы, основная масса заняла выжидательные позиции, ссылаясь на нежелание участвовать в гражданской войне. Нехватка командных кадров заставляла власти снова прибегать к мобилизации, но в любом случае эта категория в первое время давала достаточно устойчивые кадры, была более лояльной в политическом плане и с терпимостью относилась к демократическим нововведениям в армии.

Напротив, кадровое армейское офицерство являлось наиболее последовательным сторонником борьбы с большевиками. Изгнанное из армии, оно находилось в крайне тяжелом материальном и психологическом положении. Обладая гораздо меньшими возможностями для приспособления, профессиональные военные воспринимали происходящее гораздо острее, являясь благодатной почвой для любых выступлений. Комуч был для многих из них, воспитанных в традициях старой военной школы, абсолютно неприемлем. Как вспоминал лейтенант NN: "Насколько позиция учредильщиков сделалась среди военных непопулярной, видно из того, что многие из офицеров в прилегающих к Волге местностях... предпочитали идти на юг в Добровольческую армию, несмотря на ее отдаленность, а не в Народную, в надежность которой не верили, усматривая в общем курсе политики партийное течение" 92. Среди тех, кто все же принял решение остаться, настроения были неоднозначны. Для некоторых Комуч с его программой национального возрождения оставался "подобием государственного порядка", большинство же рассматривало свою службу у эсеров как временный компромисс перед лицом общего врага. В оценке П.Д. Климушкина, позиция самарского офицерства характеризовалась следующим образом: "Часть, по преимуществу кадровое офицерство, считая, что ей с социалистами не по пути, и что лозунг "Учредительное собрание" – не ее лозунг, видела, что в данное время нет никакой иной активной силы, кроме Учредительного собрания..., и нет иных вождей, которые могли бы в данное время возглавить антибольшевицкое движение, кроме членов Учредительного собрания; народ ни за кем другим в настоящую минуту не пойдет на борьбу; поэтому, принимая это как тактический шаг, офицерство должно идти под знаменем Учредительного собрания. Когда же лозунги... потускнеют и утратят свою силу в глазах народных масс, тогда будет выдвинут лозунг – военная диктатура... Часть офицерства, правда, меньшая, держалась иных позиций. Половина этой части была искренней сторонницей демократических принципов строительства России и шла за Учредительным собранием не по тактическим соображениям, а в силу своих внутренних убеждений. Другая половина была политически индифферентна, плохо в политике разбиралась, и ей было все равно, с кем идти, лишь бы только драться с большевиками и поскорее их свергнуть. Господствовавшее отношение среди офицерства нас смущало, мы ясно видели, что офицерская среда чужда нам, положиться на нее целиком мы не можем" 93.

* * *

Направляясь на фронт в район Сызрани, член Военного штаба Комуча В.И. Лебедев с восторгом отмечал: "От пассажиров нашего вагона – солдат Народной армии и

чехословаков – веяло чем-то совершенно новым. Уже один их внешний вид после распушенной, неопрятной солдатской и красноармейской вольницы революционного и большевицкого периодов времени казался необычным. Чисто одетые, подтянутые, веселые и дружные, они выгодно отличались от солдат старого строя и преторианцев нового... Это были настоящие солдаты демократической армии..." 94. Опыт первых же недель продемонстрировал преждевременность оптимизма. Ожидаемых результатов строительство армии на добровольной основе так и не дало. Уже во второй половине июня 1918 г. военное руководство вынуждено признать крах первоначальных расчетов: добровольцами записывалось не более 60 человек в день 95. Об этом же свидетельствовала динамика роста численности Народной армии, к середине июня прочно овладевшей обширным районом с крайними точками Пенза – Сызрань – Самара – Симбирск. По оценке генерала В.Г. Болдырева, прибывшего в Самару в начале августа, добровольцев было чуть более 3 тысяч человек 96. Управляющий ведомством труда И.М. Майский доводил их число до 5-6 тысяч 97, генерал Д.В. Филатьев и полковник В.О. Вырыпаев – до 8 тысяч 98; а управляющий ведомством внутренних дел П.Д. Климушкин – до 10 тысяч 99. Доклад о деятельности агитационно-вербовочного отдела Военного штаба отмечал, что добровольчество в массе населения не пользуется успехом. Общие выводы гласили: "Нужно сказать определенно, что запись в добровольную армию дает ничтожные результаты" 100.

Помимо количественных показателей, недостатки добровольчества имели следствием также неудовлетворительную организацию вооруженных сил. Достаточного числа полноценных строевых частей, за редкими исключениями, создать не удалось. Войска представляли собой распыленную сеть мелких, средних и крупных добровольческих отрядов различного состава, которые условно можно было подразделить на два типа: крестьянско-рабочие и офицерско-студенческие. Первые формировались в освобождаемых губернских и уездных городах; они обладали достаточной боеспособностью и мобильностью, но были малочисленны, зачастую действовали совершенно самостоятельно, не имея никакой связи с соседями и лишь номинально подчиняясь центральной власти, которая считала их политически неблагонадежными. Вторые – в деревнях и на мелких заводах, были менее организованы, предпочитая оставаться за рамками вооруженных сил и выполнять функции местного ополчения. П.Д. Климушкин по этому поводу пояснял: "Для нас слишком очевидны были недостатки этих отрядов: недисциплинированность и неустойчивость и, в связи с этим, невозможность подчинить выполнению определенных военных заданий. Попробуйте, например, один из таких отрядов перебросить в другой район, и вы увидите, что из этого получится: отряд или откажется выполнить ваше распоряжение, или же разбежится..." 101.

К концу июня 1918 г. – в условиях быстро расширяющихся военных действий на Волжском фронте – необходимость реорганизации армии на основах регулярности и перехода к мобилизационному комплектованию личного состава сделались вполне очевидными. В Самаре признавали, что без мобилизации правильной и дисциплинированной армии не построить, однако Комуч, сознавая всю непопулярность подобных мер у населения и опасаясь нанести своему и без того шаткому престижу еще больший вред, сознательно затягивал принципиальное решение этого вопроса, стремясь свести его негативные последствия к минимуму. Иными словами, проблема заключалась "не в том, нужно ли проводить мобилизацию или не нужно, а в том, когда и как удобнее это сделать" 102. Прежде всего, предстояло определить категории населения, подлежащие призыву. Перспективы "рекрутской" системы поезда формирования были с ходу отвергнуты как выявившие свою несостоятельность.

Наиболее логичным представлялось призвать бывших солдат-фронтовиков – они были обучены, имели достаточный боевой опыт, их легко было организовать в крупную военную силу. На таком варианте настаивало большинство фронтового офицерства, однако отказаться от него заставило, по выражению П.П. Петрова, то соображение, что это был "элемент, только что вернувшийся с войны..., который хорошо воспринял положения о демократизации армии и еще не успел излечиться от всех "завоеваний". Только единичные старые солдаты были определенными сторонниками прекращения безобразий, но и то неохотно расставались с домом" 103.

Другой вариант рассматривал возможности призыва людей, бывших в свое время в запасных частях, прошедших в них предварительную подготовку, но не выслуживших положенного полного срока. По здравому размышлению, он также был отвергнут: подготовка в запасных батальонах образца 1916-1917 гг. была слишком слабой, чтобы при выборе руководствоваться именно этим фактором, зато сами эти части в большинстве случаев как раз и являлись источником разложения.

В итоге, с точки зрения благонадежности наиболее предпочтительным выглядел последний вариант, предполагавший осуществление формирований за счет самых молодых сроков призыва 1917-1918 гг., то есть еще не служившей девятнадцати-двадцатилетней молодежи. П.Д. Климушкин пояснял: "С первого момента это действие кажется непонятным; на самом деле, почему это призывались новички, еще совсем не бывшие в армии, не умеющие и ружья взять в руки, а не молодые солдаты, уже побывавшие в армии, коих не нужно обучать..., а можно было бы сейчас же бросить на фронт. Основания у нас к тому были такие... Старые годы не пойдут, запротестуют и скажут, почему не мобилизуете более молодые годы, а мобилизовать молодые годы – ненадежно, это тот самый элемент, который больше всего дебоширил и большевичил в армии. Оставалось одно – провести очередной традиционный призыв новобранцев, еще не захваченных большевизмом" 104. В напряженной обстановке лета 1918 г. такое решение казалось чрезвычайно рискованным: призывая новобранцев, военное руководство Комуча строило свои расчеты на том, что после понесенных на Волге поражений противник сможет перейти в контрнаступление не раньше чем через 5-6 месяцев. Это время признавалось достаточным для того, чтобы завершить предварительное обучение призываемых.

Одновременно призывом обсуждению подвергся общий план реорганизации и формирования Народной армии на регулярной основе. Развертывание существующего состава армии – с использованием новобранцев для пополнения действующих и образования запасных частей – создания стройной военной структуры и необходимой планомерности строительства вооруженных сил не обеспечивали. В окончательном варианте план развертывания Народной армии предполагал переход к территориальной системе формирования. Высшим войсковым соединением должна была стать дивизия, формирующаяся как путем призыва по мобилизации людей из определенного для нее района, так и путем привлечения добровольцев. Из числа уже действующих на фронте и вновь создаваемых в тылу частей предполагалось образовать пять новых дивизий: 1-ю – в Самаре и прилегающем уезде, 2-ю – в Сызрани и Хвалынске, 3-ю – в Симбирске и Ставрополе, 4-ю – в Уфе и 5-ю – в Оренбурге. Исходя из состояния финансов, наличия запасов вооружения и снаряжения, а также имеющихся на освобождаемых территориях людских ресурсов, предполагаемая численность новобранцев определялась в 120-150 тысяч человек.

Для обеспечения образовываемых частей командным составом предполагалось объявить мобилизацию потребного числа офицеров и военных чиновников – из них намечалось сформировать инструкторские части, откуда командные кадры должны были черпаться по мере наполнения формируемых частей новобранцами. Запасных частей решено было не создавать, так как по мере формирования частей в тылу они должны были высылаться на фронт 105.

Подготовка к мобилизационным мероприятиям развернулась уже в конце июня. 24 июня были опубликованы утвержденные Главным штабом "Временные положения об управлениях Воинских начальников". Учреждалось три категории управлений – губернские, уездные и волостные; права их были одинаковы для каждого в пределах своего района 106. Приказом Комуча N 55 от 27 июня 1918 г. образовывалась система местного административного управления в виде института уездных и губернских уполномоченных. Согласно "Временным правилам", введенным в действие приказом N 85 от 6 июля, уполномоченные назначались непосредственно Комитетом; в круг их задач входило укрепление правительственной власти, содействие формированию Народной армии и поддержание общественного порядка и безопасности. В прифронтовых районах создавалась должность окружного уполномоченного, который на территории округа совмещал права губернского и уездных. 21 июня должность утверждалась для южных уездов "территории Учредительного собрания" – Вольского, Хвалынского, Сердобского и Кузнецкого 107. В период проведения мобилизации на эти структуры были возложены функции правительственного контроля над командованием местных воинских частей, а также лихорадочно восстанавливаемым аппаратом уездных и губернских Воинских начальников. Приказом N 176 от 31 июля 1918 г. предписывалось "всем начальникам гарнизонов, комендантам, начальникам отдельных частей и другим начальникам войсковых частей, находящихся на местах и не выполняющих чисто оперативных целей и задач по указаниям Военного штаба, действовать в неизменном согласии с губернскими и уездными уполномоченными, не давая самостоятельно, без ведома и согласия таковых, каких бы то ни было поручений воинским отрядам" 108. Важное место в подготовке призыва отводилось также образованному 29 июня 1918 г. Центральному агитационному культурно-просветительному отделу, в структуру которого на местах включались губернские, уездные и районные отделения, а также специальные курсы подготовки агитаторов в Самаре и Уфе. Работа последних сосредотачивалась главным образом в деревне. В рамках намеченного курса бесед намечался специальный цикл "О Народной армии", призванный обеспечить правильное понимание населением задач проводимой правительством политики в области строительства вооруженных сил 109.

Объявление призыва последовало 30 июня 1918 г. приказом Комуча N 64 от 30 июня 1918 г., опубликованного за подписью В.К. Вольского, И.М. Брушвита, Ф.Г. Белозерова, И.П. Нестерова, П.Д. Климушкина и управляющего делами Я. Дворжеца. "Именем народа: именем всенародного Всероссийского Учредительного собрания, для борьбы с предателями России, свободы и революции, в полном сознании тяжкой перед народом ответственности, – объявляем диктуемый государственной необходимостью призыв в ряды Народной армии во всех местностях, находящихся под властью Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания, всего мужского населения, родившегося в 1897 и 1898 гг., и в мере действительной надобности офицеров и военных чиновников, состоявших ранее в частях войск, войсковых штабах и управлениях на действительной службе, а также в запасе. Время и порядок призыва приказываем определить Главному военному штабу, которому и приступить к его проведению в срочном порядке" 110. Приказом N 71 от 3 июля 1918

г. устанавливалось, что "никакие льготы по семейному положению и по образованию при призыве не даются, и...служба в правительственных, общественных и других учреждениях от призыва не освобождает" 111. Приказом N 102 от 10 июля Комуч разъяснял, что "населяющие территорию Комитета граждане нерусской национальности привлекаются к несению воинской повинности наравне с российскими гражданами" 112.

Со стороны Главного военного штаба 30 июня последовал "Приказ о порядке производства призыва граждан в ряды Народной армии", который предписывал: "1) Проведение призыва возложить на Губернские и Уездные по воинской повинности присутствия и на губернских, уездных и волостных Воинских начальников... 2) Образовать приемную комиссию в составе председателя (Воинский начальник), одного представителя от частей войск местного гарнизона, 1-2 представителей от местного самоуправления, 2-3 врачей и 2-3 фельдшеров. 6) Приему подлежат все граждане, родившиеся в 1897 и 1898 гг. исключая тех, которые по своему здоровью или физическим недостаткам не могут нести службу в строевых частях, тыловых учреждениях и обозах... 7) При распределении и назначении призванных в части необходимо стремиться провести принцип землячества, назначать людей одной волости в одну войсковую часть. 8) Призванных прежде всего направлять в местные формирующиеся войсковые части, а по доведении их до штатного комплекта с 10-15% надбавкой запаса, всех оставшихся препровождать в город Самару в распоряжение Воинского начальника" 113. Во избежание возможных злоупотреблений этот приказ конкретизировался "Инструкцией для комиссий по врачебному освидетельствованию новобранцев, призываемых к службе в Народной армии", согласно которой в состав каждой из губернской или уездной комиссий должно было входить не менее трех врачей с правом решающего голоса. Из числа этих врачей один должен был обязательно состоять на службе в Народной армии или являться кадровым военным врачом; второй – состоять на общественной гражданской службе 114. Приказом войскам армии N 17 от 15 июля разъяснялось, что совершенно освобождались от явки к Воинским начальникам лица, причисленные воинскими присутствиями к 1-му и 2-му разрядом раненых 115. В тот же день 30 июня 1918 г. было опубликовано "Объявление о порядке производства призыва всех граждан, родившихся в 1897 и 1898 гг. и проживающих хотя бы и временно в г. Самаре и Самарском уезде в ряды Народной армии". Первым днем мобилизации и явки призывных на сборный пункт уездного Воинского начальника назначалось 5 июля 1918 г. Призывные подлежали явке в строго установленном порядке: проживавшие в Самаре 1897 года рождения – 5, 6, и 7 июля; 1898 года рождения – 8, 9 и 10 июля; проживавшие в Самарском уезде 1897 года рождения – 11, 12 и 13 июля; 1898 года рождения – 14, 15 и 16 июля. Являясь на сборный пункт, они должны были иметь с собой удостоверяющие личность документы, а состоявшие в рядах войск – увольнительный билет. Призванное городское население, в отличие от сельского, во время приема продуктовым довольствием не пользовалось 116. Аналогичные объявления – с изменением условий места и времени сбора – предполагалось публиковать на всех освобождаемых территориях, постепенно распространяя на них действие приказа N 64. 2 июля специальным распоряжением подчеркивалось, что призыв необходимо произвести "во всех местностях, находящихся под властью Комитета..." 117.

За определением общих положений призыва последовало уточнение порядка мобилизации офицеров и военных чиновников. Приказом Главного военного штаба N 15 от 2 июля все генералы, штаб и обер-офицеры, врачи и военные чиновники, проживавшие в районах призыва, обязывались явиться в пятидневный срок для

записи и принятия на учет: в Самаре и Самарском уезде – в Отдел формирований Главного военного штаба, в остальных городах и уездах – в управления уездных Военных начальников 118. Приказом N 16 от 5 июля войскам армии предписывалось: "1) Все офицеры призывных возрастов (1897 и 1898 гг.) подлежат зачислению в части Народной армии. Распределение и назначение их по войсковым частям произвести: в г. Самаре и Самарском уезде – Отделу формирования и устройства Главного военного штаба Народной армии, в прочих городах и уездах – распоряжением военных начальников, согласно указания Отдела формирований. Принятых направлять в соответствующие рода войск, в зависимости от прежней их службы. 2) Начальникам частей образовать из призванных офицеров, не получивших командных назначений, инструкторские роты и команды, назначив в эти роты и команды опытных руководителей, которым, по указанию начальников частей, приступить к занятиям..." 119. Параллельно приказом Комуча N 110 от 4 июля определялись права добровольцев. Добровольцы не призывных возрастов, уже поступившие или поступающие в ряды армии, сохраняли на все время службы все виды довольствия и подчинялись условиям, указанным во "Временных правилах об организации и службе в Народной армии". Добровольцы призывных возрастов, уже состоявшие в войсках, продолжали пользоваться теми же правами, но по истечении установленного трехмесячного срока службы со дня поступления в часть переводились в разряд военнообязанных и оставались для прохождения службы в той же части на общих основаниях с призванными по воинской повинности. Время, проведенное на службе в качестве добровольцев, зачитывалось им в срок действительной службы 120.

Быстрое расширение контролируемой войсками территории, относительная стабилизация положения на фронте и начало призыва позволили перейти к созданию регулярной армии. Общие перспективы развития вооруженных сил были изложены в "Записке о ближайших задачах, стоящих на очереди в связи с возобновлением войны с Германией", разработанной полковником Ф.Е. Махиным и представленной на рассмотрение уже 17 июля 1918 г. Этот документ содержал в себе два основных блока предложений: "Политические задачи момента: Если взять в расчет те губернии, населением которых можно будет воспользоваться даже в случае вторжения противника в страну (Приволжские, Приуральские и Сибирь), получим общее число мужчин рабочего возраста (от 20 до 70 лет) – 8 миллионов. Если рассчитывать на 1/8 часть мужчин рабочего возраста, то можем получить армию на Волге, Приуралье и Сибири в 1 миллион (Приложение 1). Если к этому числу прибавить те повстанческие части, которые могут оперировать в неприятельском тылу, то получим общую сумму наших сил, вполне достаточную для решения стоящей перед нами исторической задачи... Задачи военного строительства: 1) Принцип добровольческого формирования армии должен быть в самом ближайшем времени откинут. Русский народ привык защищать Родину сообща, массой. Нужно формировать армию таким образом, чтобы каждый чувствовал, что этим формированием творится общее большое дело. Агитация, нравственная подготовка народа облегчит задачу осуществления мобилизации армии. Для выполнения призыва должен быть создан стройный мобилизационный аппарат с работоспособными органами на местах, прочно связанных с центром. Аппарат этот должен, не теряя ни одной минуты, начать работу по учету военнообязанных, конских и перевязочных средств и разработке плана мобилизации. Обстановка диктует необходимость образования, таким образом, Военного министерства и Генерального штаба, общих для всех освобожденных от большевиков мест России, включая и Сибирь, и местные органы военного управления. 2) Одновременно с подготовительными мобилизационными работами приступить к оборудованию

нашей тыловой базы по линии Екатеринбург – Челябинск – Оренбург. 3) Для управления войсками, выполняющими боевую операцию, создать Штаб Командующего действующими войсками. 4) Ближайшей оперативной задачей должно быть поставлено продвижение к линии реки Ока – Цна – Царицын и окончательное очищение от большевиков Приуралья. 5) Районы сосредоточения формирующейся армии наметить: а) Вятка – Пермь – Сарапул; б) Казань – Самара – Уфа – Оренбург; в) Саратов – Царицын – Уральск; г) Астрахань. 6) Сейчас же приступить к разработке плана народного восстания в тылу противника, составлению инструкций партизанских действий. План восстания должен предусматривать: а) снабжение оружием; б) связь и согласование действий с регулярно действующими войсками; в) подготовку очагов восстания; г) денежную помощь восставшим. 7) связываться с организациями, ведущими борьбу с Германией на Дону, Кавказе и Украине (пунктами, через которые удобно держать эту связь, являются Царицын и Астрахань)" 121.

В июле-августе проводится общая реорганизация структуры войсковых частей Народной армии. Мелкие отряды начинают сводиться в полки, которые получают общую нумерацию. Приказом N 19 от 23 июля 1918 г. все пехотные полки и отдельные батальоны Народной армии, как сформированные, так и вновь формируемые, переименовывались в стрелковые. Имевшиеся в районе прежние военные госпитали приказом по армии N 22 от 19 июля переименовывались в номерные 1-й, 2-й, 3-й, 4-й и 5-й временные госпитали 122. Продолжается активное формирование частей в Самаре. 17 июля 1-й Самарский конный отряд развертывается в 1-й Самарский конный полк полковника Пузыревского. 18 июля из числа имеющихся в районе георгиевских кавалеров создается 1-й Георгиевский стрелковый батальон подполковника Солодовникова. 23 июля инструкторская пулеметная команда переименовывается в Инструкторский пулеметный батальон. 1 августа заканчивается формирование 1-го стрелковой артиллерийской бригады полковника Мячкова 123.

4 июля 1918 г. в результате упорного боя под Липягами усилиями чехословацкой Пензенской группы под командованием произведенного в полковники С. Чечека была освобождена Уфа. Согласно приказу Главного военного штаба от 8 июля 1918 г. в городе был создан Штаб формирования частей Народной армии Уфимской губернии в составе отделов: формирования пехотных частей, артиллерии, инженерных войск, агитационно-вербовочного, военно-судного, оперативного, разведывательного, контрразведывательного, учетно-хозяйственного, санитарного и ветеринарной части (приказы по штабу N 2 и N 3 от 8 и 9 июля 1918 г.). Командующим войсками назначался временно полковник Пронин, с 13 июля – генерал-майор Тиманов; начальником штаба – подполковник Солодовников, с 15 июля – Генерального штаба полковник Пучков 124. Как отмечал П.П. Петров, "в Уфимском районе с самого начала восстания на Волге настроение было вообще тверже, чем в Самаре, так как помимо городского населения, давшего значительное число добровольцев, отозвалась и часть сельского татарского населения, а также часть населения Урала. Уфа, после освобождения, своими добровольческими частями выполнила задачу по очистке района от большевиков и довольно успешно боролась с появляющимися на севере отрядами" 125. Начало формированиям было положено уже 5 июля, когда до подхода чехов в городе был образован добровольческий батальон в 230 штыков из числа железнодорожных рабочих. За ним последовали Донская казачья отдельная сотня подъесаула Кулешова и Уфимский гусарский дивизион корнета Глушкова. 13 июля имевшиеся в городе пехотные части (включая батальон железнодорожников) сводятся в 1-й Уфимский народный полк во главе с полковником Г.И. Сахаровым,

который после полученного в конце июля ранения был сменен капитаном С. Карповым. Более половины его состава было укомплектовано добровольцами-фронтовиками, четверть – офицерами, остальные – учащейся молодежью вплоть до 6-х классов средних учебных заведений 126. Тогда же сводный отряд из 120 добровольцев (наиболее подготовленных) и 70 чехов при 9 пулеметах выступил на фронт, развернув по Белебеевскому тракту наступление в направлении на Стерлитамак. Одновременно с ним располагавшийся в районе Уфы 1-й Чехословацкий полк развернул наступление на Бирск и по Волго-Бугульминской железной дороге на Бугульму; 1-й запасной чехословацкий полк нес охрану железной дороги Самара – Уфа. 15 июля 1-й Уфимский полк был переименован в 13-й Уфимский стрелковый; помимо него, планируется развертывание еще двух стрелковых полков. В этот же день в состав частей Народной армии Уфимской губернии включался 1-й пехотный Белебеевский батальон во главе с полковником Витковским (в 20-х числах переименованный в 15-й Белебеевский стрелковый полк); в Белебее же создается Белебеевский отдельный кавалерийский эскадрон. Согласно телеграмме Главного штаба от 21 июля, приказом N 25 от 28 июля из местного мусульманского татарского населения начинается формирование 16-го Уфимского Татарского полка прапорщика Еникеева. Из имеющейся артиллерии образуется 1-й легкий Уфимский артдивизион (3 батареи по 4 орудия). На освобождаемой территории формируются Бирский, Стерлитамакский и Бугульминский отдельные стрелковые батальоны. Параллельно регулярным частям на территории губернии формируются крестьянские добровольческие отряды – в волости Тастуба Златоустовского уезда, крестьянско-рабочие – на Михайловском заводе и в одноименном уезде. Общая численность формирований к началу августа достигла порядка 2000 человек 127.

Приказом войскам армии N 17 от 15 июля начальником частей Народной армии Сызранского района назначался полковник А.С. Бакич, в задачу которого входили действия в направлении Самара – Пенза. К середине июля из имеющихся в районе воинских формирований были образованы 1-й Сызранский добровольческий и 1-й Сызранский регулярный полки Народной армии, 26 июля переименованные в 5-й (полковника Соловьева) и 6-й Сызранские стрелковые. 1-й Сызранский конный отряд 23 июля был развернут во 2-й Сызранский конный полк подполковника Фатеева. Дополнительно формировались 1-й Сызранский партизанский отряд, а также инженерная и автомобильная роты и взвод прожекторов. К 1 августа было завершено формирование 2-й стрелковой артиллерийской бригады. 20 июля в Кузнецке формируется Кузнецкий стрелковый батальон капитана Попова-Преснова 128. 14 июля 1918 г. последовало освобождение Хвалынска, где 15 июля здесь был образован Штаб формирования частей Народной армии Хвалынского района в составе отделов: формирования, разведывательного и санитарного, а также оперативной, инженерной, артиллерийской и хозяйственной частей и начальника связи (приказ по штабу N 1 от 15 июля). Начальником частей района 17 июля назначался полковник Ф.Е. Махин, начальником штаба – капитан Руссет. Приказом войскам армии N 19 от 23 июля 1918 г. Махин был подчинен начальнику войск Сызранского района полковнику Бакичу с включением частей Хвалынского района в состав войск Сызранского 129. 19 июля в городе был сформирован Хвалынский пехотный батальон капитана Суслова. 23 июля полковник Поляков приступил к созданию 7-го Вольского стрелкового полка. Помимо них, в августе в состав войск Хвалынской группы входили: Павловская, Липовская и Сергиевская добровольческие роты, Хвалынская добровольческая дружина, 1-й Вольский конный дивизион (переименован в Отдельный), 4-я сотня 2-го Оренбургского казачьего полка, 2-я, 5-я и 6-я Сызранские легкие и 2-я Сызранская гаубичная батареи,

комендантская рота, санитарный отряд и команды: конная, инженерная, конно-саперная подрывная, связи и летчиков. Общая численность войск района достигала 3000 человек 130. Наконец, 24 июля был сформирован Бугульминский отдельный стрелковый батальон полковника Воскресенского. 1-й Ставропольский, 1-й Бугурусланский и 1-й Бузулукский пехотные полки переименовываются соответственно в 9-й, 10-й и 11-й стрелковые. На территории частично освобожденного Николаевского уезда образуется Балаковский отдельный стрелковый батальон 131.

В соответствии с формированием войск, претерпевает изменения структура высших органов управления армией. 20 июля в составе Главного военного штаба образуются Административное и Комендантское управления (приказ по штабу N 1). 22 июля объявляется временный штат штаба, куда входят: Канцелярия штаба; оперативный (отделения: общее, оперативное, связи, разведывательное, топографическое), формирования и устройства войск, инженерный, ручного оружия и военно-судный отделы. С 10 августа при штабе образуется также Управление воздушного флота. Венчает систему созданный при Главном военном штабе приказом по армии N 14 от 28 июня Высший военно-хозяйственный совет, в состав которого включались инспекторы пехоты, кавалерии, артиллерии и инженерных войск, начальник этапно-хозяйственной части штаба, интендант армии, начальники Инженерного, Артиллерийского и Санитарного управлений; в случае необходимости приглашался также начальник Ветеринарного управления 132.

Оперативная обстановка на фронте во второй половине июля выглядела следующим образом: потерпев поражения у Ставрополя и Мелекеса, основные силы противника сосредоточились у Сенгиля, Симбирска, Мелекеса и Николаевска. Попытки вернуть Сызрань были ликвидированы благодаря срочной переброске из-под Ставрополя дружины подполковника В.О. Каппеля. В направлении на север войсками Народной армии контролировался весь левый берег Волги вплоть до Сенгиля, в направлении на юг – до Хвалынского и Вольска; в Приуралье постепенно очищается район между Уфой и Оренбургом. В сложившейся ситуации на повестку дня ставится вопрос о взятии Симбирска. На этом же настаивает командование Пензенской группы Чехословацкого корпуса, 4-й полк которой обеспечивает прикрытие Сызрань-Самарского, а 1-й полк – Уфимского районов. Командование Народной армии принимает соответствующее решение 17 июля. В этот же день ударный сводный русско-чешский отряд под командованием В.О. Каппеля выступил из Сызрани. 21 июля 1918 г. внезапным фланговым маневром Симбирск был взят, за счет притока новых добровольцев дружина Каппеля здесь развернулась до 2 батальонов, 2 кавалерийских эскадронов и 3 батарей (1-й легкой, 1-й конной и 1-й гаубичной) 133. Несмотря на то, что немедленно вслед за освобождением здесь было начато лихорадочное формирование новых частей, как вспоминал П.П. Петров, "Симбирск не дал ожидаемого от него во всех отношениях усиления Народной армии. Добровольцев из офицеров, интеллигенции и буржуазии оказалось меньше, чем в Самаре..., работы по созданию силы для самостоятельного обеспечения освобождения района... оказались в руках весьма посредственных исполнителей из Самары, призыв населения при условии близости красных отрядов не мог дать хороших результатов, ибо и времени для обучения было мало, и обстановка была нервная" 134. Из имевшихся в городе более 2000 офицеров и юнкеров Симбирского кадетского корпуса добровольцами записались порядка 400 человек, из которых поначалу был сформирован добровольческий батальон, затем составивший кадры для 1-го и 2-го Симбирских стрелковых полков. В.О. Вырыпаев с грустью отмечал, что "их было меньше, чем можно было ожидать, но все же со своей задачей на первых

порах они как будто справлялись" 135.

К 1 августа 1918 г. "территория Учредительного собрания" простиралась с запада на восток на 750 верст (от Сызрани до Златоуста), с севера на юг – на 500 верст (от Симбирска до Вольска). С освобождением Симбирска операции Народной армии продолжают развиваться в двух направлениях: от Сызрани на Вольск и Пензу, от Симбирска на Инзу и Алатырь и по обоим берегам Волги к устью Камы. Крупные успехи на фронте, а также форсирование темпов мобилизации имели своим следствием появление настоятельной необходимости в совместной разработке военным и политическим руководством Комуча стратегического плана развития кампании на Волге. Общее приближение к этому было сделано еще 17 июля 1918 г. в упоминавшейся "Записке" Ф.Е. Махина. Применительно к задачам момента это означало постановку фундаментального вопроса о выборе приоритетного направления развития военных действий. Первоначально доминировал так называемый "План Северного направления", согласно которому предполагалось наступление на северо-запад через Пермь и Вологду на Архангельск для соединения с экспедиционными силами союзников. Недостаточность имеющихся сил, вместе с лишаящим их возможности быстрого маневра отсутствием в районе предполагаемых действий достаточно развитой железнодорожной сети (кроме дороги Вятка – Котлас), заставили отказаться от плана и перенести основное внимание на юго-запад. Исходя из сложившихся условий, военно-политическое руководство в Самаре разработало вариант, позднее приводившийся в своих воспоминаниях П.Д. Климушкиным: "1) Основным направлением, куда должны быть брошены главные наши силы, считать направление Самара – Саратов; сюда должно быть устремлено все наше внимание, и в этом направлении мы должны продвигаться вперед, считая все остальные фронты лишь подсобными. 2) В направлении вверх по Волге наши части занимают Ставрополь – Симбирск и здесь, в окрестностях Симбирска, окопавшись, ведут оборонительную борьбу, стараясь удержаться лишь в Симбирске. 3) В направлении Николаевска ведется только оборонительная борьба, препятствующая отрядам противника подходить к линии железной дороги. 4) Линию железной дороги Самара – Оренбург очищают чехи и затем передают ее охране оренбургских казаков. 5) Линию железной дороги Самара – Уфа – Челябинск занимают чехословацкие войска вне зависимости от нашего плана" 136. Основанием для избрания в качестве главной цели наступления именно Саратова послужили соображения следующего порядка. Во-первых, успех на этом направлении обеспечивал установление контроля над огромными территориями с преимущественно зажиточным крестьянским населением, в массе своей настроенном антибольшевицки. При том, что намеченный район наступления являлся географически вполне законченным целым (отделенным от остальной России с одной стороны – Волгой и Каспием, а с другой – Уралом), он являл собой идеальный плацдарм для сосредоточения и дальнейшего развертывания армии. Во-вторых, в оперативном плане занятие Саратова лишало противника крупного центра, откуда он мог наносить ощутимые удары через Николаевск, а также отвлекало его силы от севера, выводя из-под удара Симбирск. В-третьих, удар на этом направлении позволял овладеть железной дорогой Саратов – Уральск, высвобождая таким образом силы Уральского казачьего войска для активных действий совместно с самарскими частями, а также протягивал руку помощи крестьянским повстанцам Новоузенского уезда. Наконец, в-четвертых, с занятием Ставрополя появлялась возможность установления единого фронта с Добровольческой армией, Уральским и Астраханским казачьими войсками 137.

Из Симбирска ситуация виделась совершенно иначе. Полевое командование в лице В.О. Каппеля, А.П. Степанова, В.И. Лебедева и Б.К. Фортунатова настаивало на

осуществлении собственного плана действий, предусматривавшего нанесение главного удара на Казань – Нижний Новгород и далее в направлении на Москву. Аргументация в пользу Северного направления исходила из существования серьезной угрозы для Симбирска и малочисленности имеющихся в нем войск. В сложившейся обстановке это заставляло оказывать на противника постоянное давление, не давая ему времени для отдыха и перегруппировки – словами В.О. Каппеля, "победа в гражданской войне принадлежала тому, кто владел наступательной инициативой". Наконец, в пользу Казани говорило наличие там серьезных подпольных военных организаций, а также сосредоточение в городе громадных военных и интендантских складов и Российского золотого запаса. Предложение Симбирского совещания вызвало острую полемику с центром. Из Самары указывалось, что отвлечение сил на Казань будет иметь крайне негативные последствия. С одной стороны, оно приведет к потере не менее чем двух недель – план по овладению Николаевском и развитию удара на Саратов окажется сорванным, что, помимо провала намеченной кампании, будет также означать отпадение от активной борьбы Уральских казаков, интересы которых находятся именно на юге. С другой стороны, это вызовет опасное растягивание фронта и перенесение операций на местности, лишенные железных дорог, что при полном отсутствии резервов будет означать невозможность выделить достаточно войск для удерживания занимаемых территорий. В итоге, в направлении Казани была разрешена лишь небольшая демонстрация до Богородска. Основная задача, поставленная перед Каппелем, заключалась в обеспечении Симбирска путем занятия устья Камы и организации жесткой береговой обороны. Исходя из этого, действовавшие вверх по Волге в направлении Казани отряды самарцев и симбирцев были сведены в Северную группу во главе с произведенным в полковники Н.А. Степановым; наступавшие вниз по Волге в направлении Хвалынский – Николаевск добровольцы из восставших крестьян зажиточных Николаевского, Новоузенского и Вольского уездов – в Южную группу полковника Ф.Е. Махина; Центральную группу составили сызранцы полковника А.С. Бакича. Приказом Комуча N 114 от 17 июля 1918 г. произведенный в полковники С. Чечек был назначен Главнокомандующим объединенными русско-чешскими вооруженными силами Поволжья и Урала. 22 июля распоряжением Комуча подполковник генштаба В.О. Каппель назначается Командующим действующими войсками Народной армии 138.

ОТ СИМБИРСКА ДО КАЗАНИ

Военные успехи молодой Народной армии в июне-июле 1918 г. в политическом плане имели далеко идущие последствия. Частичная военно-политическая стабилизация в регионе, значительное расширение территории влияния и постепенное наращивание военной мощи позволили Самарскому комитету радикально изменить приоритеты, заявив себя в качестве правительства, имеющего обоснованные авторитетом Учредительного собрания претензии на верховную власть в стране. 29 июля 1918 г. приказом N 149 функций исполнительной власти передавались образуемому Совету управляющих ведомствами. 4 августа под председательством главы Комуча создавалась особая Малая правительственная коллегия, включавшая представителей ведомств внутренних дел, военного, юстиции и путей сообщения – в ее компетенцию входили вопросы военного характера и охраны государства 139. 3 августа последовало опубликование "Особого обращения к правительствам Союзных держав", где декларировалось, что Комуч "сохраняет верность союзникам и отвергает всякую мысль о сепаратном мире", приветствуя "поддержку вновь формируемой Российской армии со стороны союзников как непосредственным участием на нашем фронте

вооруженных союзнических сил, так и усилением армии военно-техническими средствами" 140.

О вступлении полковника Н.А. Галкина в должность управляющего Военным ведомством Комуча было объявлено приказом по армии N 22 от 28 июля 1918 г. Приказом N 23 от 30 июля помощниками управляющего становились В.И. Лебедев и поручик В. Взоров; здесь же подчеркивалась необходимость продолжения курса на полное устранение из армии всякой политики и более тесное единение солдат и офицеров 141. В связи с произошедшими изменениями, структура высших органов военного управления была вновь реорганизована. Главный военный штаб расформировывался; все его функции передавались Военному ведомству, в состав которого приказом N 26 от 16 августа включались: Канцелярия, Управление главного начальника снабжений и главные управления Генерального штаба, Административными делами, Инженерное, Военно-судное и Военно-санитарное. Основная тяжесть работ возлагалась на Главное управление Генерального штаба (ГУГШ) во главе с полковником Слижиковым. В составе управления были сформированы следующие отделы: оперативный подполковника Петрова (с отделениями – оперативным и разведывательным во главе с подполковником Акинтиевским), связи (подполковник Супрунович), топографический (штабс-капитан Максимов), информационный и военно-цензурный (капитан Богуславский), отдел формирований (с отделениями – организационным, мобилизационным и строевым), и отделом военно-учебных заведений 142. Права Главного штаба получал Высший военно-хозяйственный отдел, на который были возложены функции по согласованию и координации действий различных категорий войск, оперировавших в Поволжье и на Урале. Для упорядочения процесса формирования войск на территории, контролируемой частями Народной армии, создавалось три военных округа: 1-й включал в себя Самарскую и Уфимскую губернии, 2-й – Уральскую область, 3-й – Оренбургскую губернию 143.

С конца июля 1918 г. в Народной армии начинает устанавливаться регулярная структура. Приказом по армии N 20 от 25 июля 1-я добровольческая (Самарская) дружина подполковника В.О. Капеля была развернута в отдельную стрелковую бригаду в составе 1-го и 2-го Самарских особых полков, 1-й легкой, 1-й гаубичной и отдельной конной батареей, получившей название Стрелковой бригады Особого назначения. Входившие в отряд 1-я, 2-я, 3-я роты 1-го Самарского, 2-я 2-го Самарского и 1-я 10-го Бугурусланского полков из состава последних исключались. Для пополнения бригады десяти полкам армии предписывалось выделить из числа добровольцев по 4-8 офицеров и 40-70 солдат (всего 47 офицеров и 480 солдат) (Приложение 2). Общая ее численность достигла 3 тысяч человек 144.

26 июля части, расположенные в Самаре с уездом, сводятся в 1-ю стрелковую (Самарскую) дивизию Народной армии в составе 1-го (полковник Федоров, затем полковник Шмидт), 2-го (капитан Новиков), 3-го (полковник Петров) и 4-го (полковник Фирфаров) Самарских стрелковых полков, 1-го Георгиевского стрелкового батальона (подполковник Солодовников), 1-го Самарского кавалерийского полка (полковник Пузыревский), 1-й стрелковой артиллерийской бригады (подполковник Мячков, 1-й и 2-й легкие артдивизионы), 1-го полевого (полковник Морозов) и 1-го гаубичного (подполковник Гвоздев) артдивизионов. Приказом по армии N 20 от 10 августа начальником дивизии назначался генерал-майор Потапов 145.

24 июля части войск Сызранского района сводятся во 2-ю стрелковую (Сызранскую)

дивизию Народной армии (приказ войскам района N 20 от 28 июля). В состав дивизии вошли 5-й (капитан Дымша) и 6-й (полковник Соловьев) Сызранские, 7-й Хвалынский (полковник Розенбаум; развернут из Хвалынского стрелкового батальона) и 8-й Вольский (Капитан Сулов; переименован из 7-го) стрелковые полки, 2-й Сызранский кавалерийский полк (полковник Фатеев), 2-я стрелковая артиллерийская бригада (полковник Ленивец; 1-й и 2-й легкие артдивизионы), 2-й полевой тяжелый артдивизион, а также приданные войсковые части Сызранского и Хвалынского районов. Начальником дивизии назначался начальник войск района полковник Бакич 146.

7 августа войска, действовавшие в районе Ставрополя Волжского, сводятся в 3-ю стрелковую дивизию Народной армии в составе 9-го Ставропольского (полковник Мельников; бывший 1-й), 10-го Бугурусланского (полковник Кононов; бывший 1-й), 11-го Бузулукского (полковник Евецкий; бывший 1-й) и 12-го Бугульминского (полковник Воскресенский; развернут из Бугульминского отдельного стрелкового батальона) стрелковых полков. Приказом по армии N 31 от 12 августа начальником дивизии назначался генерал-лейтенант Люпов 147.

3 августа части войск Уфимского района сводятся в 4-ю стрелковую (Уфимскую) дивизию Народной армии в составе: 13-й (полковник Бырдин; добровольческий) и 14-й (полковник Трампедах; развернут из крестьянских повстанческих отрядов Тастубской волости) Уфимские, 15-й Белебеевский (полковник Витковский; развернут из Белебеевского стрелкового батальона) и 16-й Уфимский Татарский (прапорщик Еникеев; другое название – Мусульманский, сформирован из татарского населения Бирского уезда) стрелковые полки, Бирский и Стерлитамакский отдельные стрелковые батальоны, 4-й Уфимский кавалерийский полк (образован приказом N 28 от 10 августа из Белебеевского отдельного кавалерийского эскадрона и Уфимского отдельного кавалерийского отряда) и Уфимский стрелковый артдивизион (подполковник Романовский). Начальником дивизии назначался начальник войск района генерал-майор Тиманов (приказ частям войск Уфимского района N 35 от 3 августа 1918 г.) 148.

Наконец, в первой половине августа из частей войск, формирующихся в Симбирском районе, была образована 6-я стрелковая (Симбирская) дивизия в составе 21-го (полковник Креер; переименован из 1-го) и 22-го (полковник Дунин-Марцинкевич; переименован из 2-го) Симбирских и вновь формируемых 23-го Сенгилеевского и 24-го Буинского стрелковых полков. К сентябрю 1918 г. в ее состав была сформирована также 6-я стрелковая артиллерийская бригада (полковника Козловского) в составе 1-го легкого (подполковник Шаповальниковов, 3 батареи, 10 орудий) и 2-го гаубичного (подполковник Прибыльвин; 3 батареи, 5 орудий) артдивизионов 149.

5-я стрелковая дивизия занимала в структуре Народной армии совершенно особенное положение. Формирование ее происходило в Оренбурге под руководством атамана Оренбургского казачьего войска полковника А.И. Дутова, который после овладения 3 июля 1918 г. Оренбургом заявил о своем признании власти Комуча и вхождении (на правах члена Учредительного собрания) в его состав. Для самарских политиков союз с Оренбургским казачеством был крайне важен как в военном, так и в политическом плане. В конце июля А.И. Дутов получает назначение на должность создаваемого Оренбургского военного округа, 21 июля ему присваивается чин генерал-майора 150. 5-ю стрелковую дивизию предполагалось сформировать на территории округа из числа проживавшего здесь иногороднего населения. Приказом по округу N 66 от 24

июля были утверждены ее штаты, согласно которым для каждого из полков предусмотрено 6 штаб-офицерских должностей, 57 обер-офицерских, 2231 строевых рядовых и 442 нестроевых – всего 2637 человек на каждый полк 151. 3 августа 1918 г. приказом по округу N 83 дивизия признавалась сформированной в составе 18-го (полковник Жадановский), 19-го (капитан Коршунов, затем полковник Желнин), 20-го (полковник Троян) и 21-го (подполковник Томилов) Оренбургских стрелковых полков; начальником назначался полковник Нейзель (приказы по дивизии N 1 и N 2 от 3 августа). Приказом N 84 от 5 августа предписывалось приступить к укомплектованию штаба дивизии и полков офицерским составом; помимо ожидающегося прибытия кадров из Самары, для этих целей решено было использовать сформированные ранее Оренбургский офицерский батальон и Оренбургскую добровольческую дружину. Приказом N 105 от 10 августа формируется 5-я стрелковая артиллерийская бригада (полковник Бубнов) в составе 1-го полевого тяжелого (тяжелая и мортирная батареи) и 2-го легкого (4 батареи) дивизионов. 13 сентября приказом N 275 18-й Оренбургский стрелковый полк был переименован в Оренбургский стрелковый добровольческий имени Атамана Дутова полк, однако уже 24 сентября приказом N 336 последовала отмена. 18-й полк надлежало оставить без изменений, а добровольческий шефский сформировать заново и включить в состав дивизии пятым полком; первоначально его командиром назначался полковник Ражев, затем – полковник Томашевский 152.

Согласно "Списку войсковых частей, учреждений и заведений Народной армии", подписанному начальником отдела формирования и устройства войск Главного управления Генерального штаба Военного ведомства капитаном Барышниковым, по состоянию на 15 августа в составе Народной армии имелись следующие войсковые части и соединения (Приложение 3). В пехоте: 5 стрелковых дивизий и 1 отдельная стрелковая бригада (22 стрелковых полка), а также 4 отдельных стрелковых батальона и 3 отряда. В артиллерии: 3 стрелковые артиллерийские бригады (5 легких и 1 тяжелый артдивизионов), а также 1 гаубичный, 3 тяжелых и 1 легкий отдельные артдивизионы. В кавалерии: 3 кавалерийских полка, 1 отдельный кавалерийский дивизион, 2 отдельных эскадрона, 1 постоянная и 5 временных ремонтных комиссий. В технических войсках: 2 инженерных, огнеметно-химический, железнодорожный и телеграфный батальоны, 2 инженерных роты, 3 автомобильных роты (а также автобаза, самокатная и мотоциклетная команды), 3 инженерных и 5 артиллерийских складов, 5 авиаотрядов и 1 воздухоплавательная бригада. В области медицинского обеспечения имелось 5 временных госпиталей, 3 санитарных поезда, 4 местных лазарета и 2 передовых перевязочных отряда 153. 5-я стрелковая (Оренбургская) дивизия Народной армии в этот список включена не была. Согласно делопроизводству Оренбургского военного округа, в ее состав входили 5 стрелковых полков, 1 артиллерийская бригада (легкий и тяжелый артдивизионы), офицерский батальон, саперная, железнодорожная и обозная роты (Приложение 4) 154.

* * *

К началу августа 1918 г. боевой состав Народной армии достигал 14-16 тысяч человек при 90-120 орудиях и 350-400 пулеметах 155. Северная ее группа вела бои в районе Богородск – Буинск – Симбирск, Центральная – по линии против Инзы – Пензы, Южная (Особая Хвалынская) – в направлении Николаевска. 27 июля в Симбирске происходит совместное совещание представителей русского и чехословацкого военного командования, на котором присутствуют В.О. Каппель, А.П. Степанов, В.И. Лебедев, Б.К. Фортунатов и чешский полковник И. Швец. Вопреки навязанному

ранее Самарой распоряжению о переходе к обороне в устье Камы, совещание принимает решение нанести самостоятельный удар на Казань 156. К операции привлекались имеющиеся в Симбирске силы Самарской бригады особого назначения и части 1-го Чехословацкого полка (4 роты) общей численностью в 3000 штыков, 300 сабель, 8 орудий и 6 вооруженных пароходов. Помимо этого, расчет также делался на местные подпольные офицерские организации и оперировавшие в округе партизанские отряды (поручика Ватыгина и другие). 1 августа объединенный русско-чешский отряд начал развивать наступление вдоль обоих берегов Волги, заняв станции Майка, Тетюши, Буинск и Спасск. 4 августа он вышел к устью Камы, создав угрозу Казани. Несмотря на значительные укрепления и численное превосходство гарнизона противника, в результате ожесточенных двухдневных боев Казань была взята. Решающим оказался переход на сторону штурмующих расположенной в Кремле Сербской сотни майора Благотича, которая в критический момент развития операции нанесла оборонявшимся неожиданный фланговый удар.

Взятие Казани явилось вершиной военной карьеры В.О. Каппеля. Немедленно вслед за взятием города он приступает к разработке плана дальнейшего наступления на Нижний Новгород и далее на Москву, опираясь на полученные сведения о готовности рабочих нижегородского Сормовского завода к активному выступлению против советской власти. Из Самары это предложение было решительно отвергнуто: и чехословацкое, и эсеровское руководство однозначно заявили, что дополнительными резервами они не располагают, и потому Казань должна будет удерживаться собственными силами. Более того, 9 августа бригада Каппеля была отозвана под Симбирск, где положение стало резко ухудшаться. В тяжелых боях 14-17 августа противник был разбит и вынужден отойти на 80 верст западнее к Инзе. Едва Каппель начинает разрабатывать план преследования, как получает приказ срочно вернуться в район Казани для осуществления локальной наступательной операции под Свияжском, имевшей целью обеспечить город с севера. Каппель вновь решительно настаивает на продолжении здесь активных наступательных действий, ибо он сумел оценить то, что ускользнуло от военного командования и политического руководства Комуча. Помимо огромного значения с точки зрения стратегической инициативы и широких перспектив в области продолжения формирования и улучшения снабжения Народной армии, успех под Казанью имел на Востоке страны чрезвычайно громкий резонанс, вызвавший к жизни антибольшевицкое выступление в районе Ижевского и Воткинского заводов. По мнению Каппеля, восстание против "пролетарской" власти представителей лучшей и наиболее образованной части рабочего класса сделало его смертельно опасным для большевиков. Соединение с восставшими, вероятная сила которых оценивалась порядка 200 тысяч человек (около 20 тысяч ижевцев, 5 тысяч воткинцев, 18 отрядов по 10 тысяч каждый из крестьян Вятской губернии) 157, позволяло снять проблему удержания Казани и одновременно развить успешное наступление на Пермь и далее, не прибегая к помощи извне.

Упорное противодействие Комуча и его Военного ведомства не позволило реализовать ни одну из открывавшихся здесь широких перспектив. Предоставление Казани ее собственной участи и полное отсутствие резервов мотивировалось тем, что обстановка на юге приобрела устойчивую тенденцию к ухудшению: в виду сосредоточения противника у Николаевска, под Сызранью и Хвалынском части Народной армии вынуждены были окончательно перейти к обороне. Это обстоятельство заставило обратить самое пристальное внимание на создание собственных сил, достаточных для защиты города. Как вспоминал В.И. Лебедев, "...население встретило нас с беспредельным восторгом. Железнодорожные рабочие образовали дружины против большевиков; университет целиком примкнул к нам,

городское и земское самоуправления приняли самое деятельное участие в работе по защите города, по организации всего движения в пользу формирования Народной армии. На текущий счет фонда Народной армии, учрежденного мною при Государственном банке, в течение нескольких дней поступило уже свыше 8 млн. рублей... Женщины... образовали Общество помощи Народной армии..., их можно было видеть... устраивающими десятки питательных пунктов и на позициях, и в самом городе для солдат и населения. Состоятельные классы обложили себя добровольными пожертвованиями на Народную армию в сумме свыше 30 млн. рублей... Студенчество горячо откликнулось на призыв и вместе с лучшей частью рабочих пришло в добровольческие полки. Офицерство сформировало четыре инструкторских батальона, где дралось в качестве простых рядовых. Крестьяне из окрестных деревень ведут лошадей для Народной армии..." 158. Немедленно вслед за освобождением города в здании Казанского военного училища была начата регистрация офицеров. При том, что по данным проведенной большевиками принудительной регистрации к началу августа в Казани проживало около 3000 офицеров, в первые дни удалось сформировать всего две офицерские роты – 1-ю (полковника Радзевича) в 380 штыков и 2-ю (полковника Филиппова) в 300-350. Обе они сразу же приняли участие в боевых действиях, которые из пригородов быстро перенеслись в сельские районы 159. 8 августа Командующим войсками Казанской губернии и начальником гарнизона города Казани был назначен генерал-лейтенант В.В. Рычков. В тот же день был образован Штаб формирования частей Народной армии в городе Казани и Казанской губернии во главе с генерал-майором А.А. Вихиревым, в состав которого вошли управления инспекторов пехоты, кавалерии и артиллерии, отделы начальников инженеров, военных сообщений и заведующего хозяйственной частью 160. Постепенно на занятых территориях разворачиваются мобилизационные мероприятия. Первым, 17 августа, был объявлен призыв родившихся в 1897 и 1898 гг. по Казани и Казанскому уезду; 22 августа он распространялся на освобожденные Лаишевский, Спасский и Чистопольский уезды. 18 августа объявлялась запись в добровольческие рабочие дружины по рытью окопов и постановке проволочных заграждений. 30 августа последовало распоряжение за подписью чрезвычайных уполномоченных Комуча Б.К. Фортунатова, В.И. Лебедева и В. Архангельского о проведении мобилизации мужского населения, родившегося в 1895 и 1896 гг.: первых предполагалось направить на фронт, вторых – в казармы для дополнительного обучения. На места была разослана телеграмма, где содержались его основные положения: "Во исполнение приказа Комуча от 30 июня сего года за № 64, объявляется призыв на военную службу в ряды Народной армии всех граждан, родившихся в 1895 и 1896 гг., проживающих хотя бы и временно, в следующих... уездах, для чего: 1) Первым днем призыва и явки на сборные пункты Уездного Военного начальника назначается для города 31 августа; 2) Явке подлежат все призывные, родившиеся в 1895-1896 гг., за исключением причисляемых воинскими присутствиями к 1-му и 2-му разрядам раненых; 3) Призывные должны иметь с собой документы или увольнительные билеты, удостоверяющие их личность, засвидетельствованные местными квартальными комитетами – о непринадлежности к красной армии; 4) Военному начальнику из принятых на службу сформировать части, назначив в таковые призванных офицеров и унтер-офицеров; если же число призванных будет значительно и не может быть размещено в имеющихся помещениях, то излишествующих отправить командами в Казань в распоряжение Военного начальника; 5) Квартальным комитетам вменяется в строгую обязанность наблюдать за тем, чтобы к назначенному сроку явились решительно все подлежащие явке граждане; 6) Призыв для города и пригородов закончить в двухдневный срок; 7) Для уезда первым днем призыва назначается 2-е сентября 1918 г.; 9) Об успехе приема призванных надлежит телеграфировать Штабу" 161. Наконец, 30 августа

приказом Командующего Северной группой Народной армии полковника А.П. Степанова создавался Отряд городской самообороны численностью в 1500 человек, для чего в городе вводилось обязательное военное обучение всего мужского населения в возрасте от 18 до 50 лет 162. К концу августа из крупных частей в Казани были сформированы: 1-й Казанский добровольческий (полковник Сатурнов, затем полковник Имшенецкий), 1-й Казанский регулярный (генерал-майор Шулькевич) полки, 1-й, 2-й, 3-й и 4-й Казанские офицерские батальоны, 1-й Казанский добровольческий кавалерийский полк (полковник Нечаев) и Казанская инженерная рота (капитан Мельников, сменил полковником Бражниковым). Согласно "Сведениям о ходе формирования пехотных, артиллерийских, кавалерийских, инженерных частей Народной армии Казанского района", по состоянию на 27 августа было завершено формирование следующих частей (Приложение 5). В пехоте: 2 пехотных полка и 4 батальона. В артиллерии: 1 легкий (3 батареи, 6 орудий), 1 тяжелый (5 батареи, 5 орудий), 1 мортирный (2 батареи, 8 орудий) артдивизионы, 2 легкие, конная и противозенитная отдельные батареи и 1 артиллерийский парк. В кавалерии: 1 кавалерийский полк и 1 отдельный конный дивизион. В технических войсках: 1 телеграфный батальон, 1 инженерная рота, 2 прожекторные и самокатная команды, железнодорожный отряд. Общая численность частей составляла 6120 чел. (580 офицеров и 5540 нижних чинов) 163. Параллельно в Казани было также развернуто формирование национальных добровольческих частей из проживавшего в городе и пригородных местностях татарского населения. Начальником формирований первоначально был назначен генерал-майор Короленко, однако с поставленной задачей он не справился и был заменен строевым офицером капитаном Ф.Ф. Мейбомом. Необходимые офицерские кадры (8 человек) командировались из 1-й офицерской роты. Всего было образовано две роты: 1-я (подполковника Якунавского) и 2-я (капитана Латеева) общей численностью в 606 человек. Обе они вплоть до сентября участия в боевых действиях не принимали, проходя интенсивный курс обучения 164.

* * *

Казанская победа повлекла за собой новый этап реорганизации Народной армии. 20 августа все русские и чехословацкие войска, действовавшие в районе Средней Волги, были объединены в составе Поволжского фронта под оперативным руководством полковника С. Чечека. Приказом № 1 фронт подразделялся на войсковые группы, содержащиеся по штатам не отдельных корпусов: Казанскую, Симбирскую (под общим командованием В.О. Капшеля), Сызранскую, Хвалынскую, Николаевскую, Уфимскую, Уральскую и Оренбургскую казачьих войск. Приказом по Военному ведомству № 33 от 24 августа был сформирован Полевой штаб командующего Поволжским фронтом, в составе которого образовывались отделы: генерал-квартирмейстера, дежурного генерала, начальника военных сообщений, инспектора артиллерии, начальника инженеров, полевого интендантства и полевого контроля 165. Возглавлялся штаб русскими офицерами Генерального штаба, но при всей внешней значительности, это новое образование во многом носило формальный характер. Любые попытки Чечека расширить работу в смысле забот о снабжении и подготовке пополнений для Народной армии встречали упорное противодействие со стороны Галкина и Лебедева. Сам Чечек подчинялся не русской правительственной власти в крае, а располагавшемуся в Сибири командованию Чехословацкого корпуса, что порождало известную двойственность и вносило в систему управления фронтом дополнительную путаницу.

С конца августа военное руководство Комуча попыталось перейти к установлению в армии корпусной системы. 28 августа 1918 г. было начато формирование Самарского армейского корпуса. Приказом по армии N 40 от 31 августа его командиром назначается бывший командир 47-го корпуса прежней армии генерал-лейтенант В.В. Артемьев. Одновременно телеграммой Главного управления Генерального штаба от 31 августа из Казани на должность начальника штаба корпуса был откомандирован генерал-майор Георгиевский 166. Основой для развертывания корпуса должна была, по всей видимости, послужить 1-я стрелковая (Самарская) дивизия полковника Потапова, однако дальнейший ход событий сорвал намеченные планы, и в итоге дальнейшего оформления структуры штаба дела не так и не продвинулись.

19 августа было принято решение о формировании в районе Казани с уездами Казанского отдельного корпуса. Первоначально в его состав предполагалось включить одну русскую и одну мусульманскую дивизии четырехполкового состава (полки по три батальона), легкую артиллерию не более четырех батарей (по 4 орудия), кавалерию не более четырех эскадронов и одну инженерную роту. Приказом по Военному ведомству N 35 от 25 августа корпус был признан сформированным; телеграммой от 28 августа предписывалось приступить к формированию штаба и управлений корпуса и двух штабов дивизий. 30 августа телеграммой ГУГШ определялся план ближайших предстоящих работ: "§4. Офицерские батальоны... по одному необходимо придать формирующимся стрелковым полкам 7-й стрелковой дивизии и именовать: "Инструкторский батальон такого-то полка". В будущем батальоны будут расформированы, и офицерский состав явится резервом, из которого последуют назначения офицеров на командные должности. Для устойчивости и самостоятельности инструкторских батальонов, стрелковые полки, в которых батальоны будут состоять, должны выделить команды связи, пулеметную и конных разведчиков и необходимую часть обоза. §7....В Казани формируется, помимо инструкторского, 6 эскадронов, из коих три мусульманских. Необходимо из 7-го Казанского кавалерийского полка передать в мусульманский дивизион 1 мусульманский эскадрон, и эти три эскадрона доформировать до полка, который и будет 8-м Казанским кавалерийским полком. §10. Состав дивизии: 4 стрелковых полка, 1 кавалерийский четырехэскадронного состава полк, инженерная рота и стрелковая артиллерийская бригада в составе 3 дивизионов по 3 батареи в каждом; батарея – по 4 орудия" 167. 31 августа телеграммой N 2338 командиром корпуса назначался генерал-лейтенант В.В. Рычков. В тот же день приказом по корпусу N 1 Штаб формирования частей Народной армии в городе Казани и Казанской губернии преобразовывался в штаб Казанского отдельного корпуса. Территорией, определенной для развертывания корпуса, являлся район Казань – Чистополь – Лайшев – Спасск – Тетюши – Уржум – Царевококшайск. По состоянию на 11 сентября состав формирующегося корпуса выглядел следующим образом: 1-й, 2-й, 3-й и 4-й офицерские батальоны (около 900 офицеров); добровольческий батальон, 1-я Казанская стрелковая дивизия (генерал-лейтенант Попов, позднее сменил полковником А.П. Перхуровым): 1-й (полковник Бунчук), 2-й (полковник Радзевич), 3-й (подполковник Н.П. Сахаров) Казанские стрелковые полки и один батальон 4-го (численностью от 400 до 700 штыков каждый); 1-й Казанский конный полк (полковник Нечаев), Казанский конный дивизион (атаман Свечников); 1-й (полковник Падчин) и 2-й легкие, 1-й мортирный и 1-й тяжелый Казанские артдивизионы, конная, запасная и зенитная батареи (всего 46 орудий), подвижной и местный инженерные парки, инженерная рота, телеграфный батальон и железнодорожный отряд, а также несколько команд вспомогательного назначения 168. Так как бои в районе Казани в этот период достигли крайней точки напряжения, практически все части немедленно вслед за их сформированием высылались на

фронт в распоряжение Командующего Северной группой полковника А.П. Степанова или В.О. Каппеля, так что в складывающейся обстановке формирование собственно Казанского корпуса пришлось практически прекратить. В докладе на имя управляющего Военным ведомством генерала Галкина Рычков сетовал: "Без сколачивания, без элементарной подготовки, едва получив вооружение, эти части выхватывались на фронт импровизированными ротами, так что в настоящее время в отряде полковника Степанова состоят 13 рот 1-го, 9 сводных рот 2-го и 7 рот 3-го Казанских полков, 4 ослабленных офицерских батальона, эскадроны кавалерийского полка, большею частью пеших, вся сформированная артиллерия кроме 1 легкой батареи, все инженерные войска кроме железнодорожного отряда. Я не поставлен в известность, в каком состоянии находятся войска... Двойственная подчиненность... ставит войска и процесс формирования в ненормально тяжелые условия. Прошу указать, продолжить ли мне формирование... или надлежит передать все сформированные части в распоряжение полковника Степанова и прекратить формирование корпуса" 169.

Провал внедрения в Народной армии корпусной системы был во многом вызван крахом намеченных мобилизационных мероприятий. Освобожденная к концу августа территория имела население почти в 10 млн. человек: по подсчетам военных специалистов, при правильной организации дела в ряды вооруженных сил из них могло быть мобилизовано порядка 1 млн. Согласно отчету Военного ведомства, по состоянию на 1 сентября 1918 г. в рядах Народной армии числилось около 121 тысячи человек, однако реально на фронтах, согласно данным В.О. Вырыпаева и П.Д. Климушкина, до взятия Казани оперировало около 8 тысяч человек, после – около 15 тысяч, из них 10 тысяч составляли добровольцы 170. Остальные находились "либо в тыловых учреждениях, либо на бумаге". Генерал В.Г. Болдырев определял реальную боевую ценность мобилизованных в 50-60 тысяч человек, среди которых вооруженных бойцов было лишь 30 тысяч, а действительная их сила не превышала и 10 тысяч человек 171. И.М. Майский насчитывал в армии около 30 тысяч вооруженных бойцов, из которых 12-15 тысяч мобилизованных 172. Генерал Д.В. Филатьев указывал численность в 22 тысячи человек 173, учитывая, вероятно, лишь реально отправленных на фронт; к последнему близок полковник С.А. Щепихин: по его данным, по мобилизации удалось получить от населения 21 тысячу человек 174.

Причин для провала мобилизации было вполне достаточно, однако решающее значение имел необратимый и все более ускоряющийся процесс падения авторитета Учредительного собрания и, как следствие, разложение социальной опоры власти. На общем фоне особенно непримиримыми оставались позиции рабочего класса Поволжья. Уже 25 июня правление Самарского профсоюза металлистов в резкой форме отвергло предложение Управления начальника инженеров об установлении повышенных тарифов для лиц, обслуживающих военные заказы, и постановило: в военные дела не вмешиваться. 3 июля тот же профсоюз по докладу о призыве в армию вынес резолюцию о категорическом игнорировании призыва. Комуч оказался в трудном положении: с одной стороны, отказ от добровольческого принципа формирования армии и оглашенные условия призыва не позволяли более придерживаться политики "изоляции" рабочих без того, чтобы не продемонстрировать свою слабость. С другой стороны, конфликт с организованными рабочими грозил массой осложнений. Пришлось ограничиться полумерами – Штабу охраны было дано указание установить за деятельностью профсоюзов строгий надзор и арестовать наиболее активных противников власти 175. Одновременно правительство попыталось вызвать в рабочей среде раскол, использовав для этого Самарскую рабочую конференцию, работа которой началась 4 июля 1918 г. На

заседании, посвященном вопросам формирования Народной армии, из 10 оглашенных наказов в 6 говорилось о поддержке проведения призыва, в 4 – о неприятии. Особенно резкий тон был взят в наказе Общего собрания мастеровых и рабочих Самарских мастерских депо и службы пути и малого ремонта, постановление которого гласило: "протестовать против этой мобилизации и требовать от членов Учредительного собрания прекращения братоубийственной войны...". Хотя итогом конференции явилась резолюция о поддержке мероприятий правительства (156 "за" на 22 "против" при 56 воздержавшихся) 176, ожидавшийся эффект оказался минимальным. Уже 6 июля в Самаре состоялся крупный митинг протеста железнодорожников, настроенный настолько враждебно, что коменданту города пришлось вызывать войска; 7 июля последовало объявление Комуча о том, что впредь подобные действия будут караться по законам военного времени 177. Эсеровским политикам стало ясно, что основная масса рабочего класса Поволжья настроена по отношению к военным мероприятиям правительства отрицательно, и надежных кадров для армии из ее среды не последует. Единственная искренняя помощь последовала лишь со стороны обкома РСДРП, конференция которого состоялась 16 августа 1918 г. 178

С объявлением мобилизации среди эсеровских политиков возобладали прежние настроения, связанные с крестьянством. Для консолидации крестьянского мира вокруг власти и обеспечения беспрепятственного проведения призыва правительство организовало широкий созыв сельских сходов, а также волостных и уездных Крестьянских съездов. Результаты оказались совершенно ошеломляющими. Первым это продемонстрировал Самарский уездный съезд, работа которого протекала в период с 8 по 11 июля. Из числа присутствовавших 110 депутатов с мест о своей уверенности в успехе призыва не заявил ни один. Многие выражались в том смысле, что крестьянство участия в гражданской войне принимать не хочет и воевать не пойдет – сельские сходы принимают решения не давать новобранцев и не платить налоги в том случае, если они пойдут на ведение войны. Ситуацию удалось переломить благодаря убеждениям присутствовавших здесь Ф.Е. Махина и Я.С. Дворжеца (управляющий делами Комуча): резолюция о необходимости организации армии была проведена 71 голосом "за" при 20 "против" и 19 воздержавшихся 179. Осторожный тон Самары был поддержан на Челябинском, Ставропольском и Уфимском съездах, где эсерам также удалось провести благоприятные резолюции. Напротив, бедняцкие Бугурусланский, Хвалынский, Николаевский, Бузулукский и Бугульминский уезды заняли непримиримые позиции. Съезд в Хвалынске заявил буквально следующее: "Мы крови не хотим, воевать на своего брата не пойдем. Мы пошлем делегатов и будем просить сложить оружие с обеих сторон" 180. Недовольные оказанным со стороны местных властей давлением, депутаты постановили конспиративно созвать альтернативный съезд, который собрался 3 августа и предложение о проведении призыва отклонил 181. В Бугуруслане вопрос об организации армии вызвал крайнее возмущение всего съезда; депутаты заявили, что находят армию ненужной, так как она будет защищать чуждые им интересы; также они считают опасным намерение призвать именно неопытную молодежь, которую легче обмануть и подчинить, заставив воевать не против немцев, а против своих же. Крайние позиции заняли фронтовики, которые заявили, что "все солдаты-фронтовики – большевики, и мы стоим за советскую власть, другой власти мы не хотим..." 182. Наконец, в Николаевском и Бугульминском уездах съезды крайние настроения были заявлены открыто. В первом крестьяне некоторых сел открыто заявили о своем намерении перейти в красную армию добровольцами, во втором Уполномоченный правительства подчеркивал, что "сельское население в массе своей, за исключением домовитых хозяев и отрубников, относится с полным

расположением к большевизму... и недоверчиво к Комучу..." 183.

Негативное впечатление от уездных крестьянских съездов дополнялась результатами первых дней призыва. По данным начальника Самарского воинского присутствия, в количественном отношении набор проходил удовлетворительно, и на призывные участки явилось 65-70% призываемых. Качественный уровень новобранцев в массе своей оставлял желать много лучшего. Оценка реального положения вещей в этом вопросе приводилась генералом Н.Н. Головиным, который позднее писал: "Сочувствующая большевикам морально наиболее темная и материально бедная часть крестьянства дала тот контингент солдат, который только ждал случая, чтобы дезертировать, разбегаясь по домам или переходя на сторону противника. На противоположном полюсе отслаивались новобранцы (преимущественно из Вятской, Пермской и Уфимской губерний) из наиболее культурных и зажиточных элементов крестьянства. Они все теснее примыкали к своему офицерству. Героический пример ближайших командиров много говорил их патриотическому чувству, и, обретая веру в свое офицерство, они проникались убеждением необходимости вести беспощадную борьбу с большевиками, и притом в общегосударственном масштабе. Они-то и составили тот солдатский элемент, который, прочно спаявшись морально с добровольцами и офицерством, являлся фактической силой Народной армии. Наконец, "среднеазиатский" элемент, составлявший массу поволжского крестьянства, со своей колеблющейся политической психологией, дал Народной армии контингент солдат, готовых драться против большевиков лишь постольку-поскольку. Эти солдаты хорошо дрались, пока был успех, и пока они находились в своем "краю". Первые же неудачи тяжело отражались на их духе; в тех же случаях, когда Народная армия отступала и очищала их села, они стремились дезертировать, чтобы вернуться к себе. Этим и объясняется недостаточная боевая устойчивость частей Народной армии, сформированных из мобилизованных Самарской и частей Казанской, Симбирской и Саратовской губерний" 184. Вообще же, как вынужден был констатировать П.Д. Климушкин, крестьянство в первое время "отнеслось к призыву в большинстве своем сдержанно, не проявляя ни большого энтузиазма, ни враждебности: на призывные участки шли, скорее, по инерции и по привычке выполнять распоряжения начальства, нежели по идейным соображениям. Высота процента явившихся состояла в прямой зависимости от расстояния данного пункта от центра и от фронта..." 185.

Предварительные итоги проведения призыва на освобожденных территориях были подведены в начале августа 1918 г. Согласно представленной на имя Управляющего Ведомством внутренних дел докладной записке, составленной чиновником для особых поручений Петровским, осуществление плана мобилизационных мероприятий выглядело следующим образом: "Самарский уезд. Мобилизация проходит не совсем благополучно. Из 47 волостей 5 волостей упорно отказывались выслать призванных. Для психологического воздействия создавалась необходимость посылки отряда. Теперь есть основания полагать, что призыв по Самарскому уезду окончился хорошо (из 11000 призванных по 20-е августа явилось 8911 человек, из них принято 7824 человек, оказалось негодными – 1087 человек). Николаевский уезд – отношение населения к призыву враждебное. Бугурусланский уезд. Общее политическое положение в уезде продолжает оставаться неопределенным; если нет, с одной стороны, особенно активных выступлений против власти Учредительного собрания, то одновременно с этим нет и активных защитников этой власти. После объявления мобилизации целый ряд сел и деревень вынес определенные постановления: в армию солдат не давать, мотивируя это нежеланием участвовать в братоубийственной войне... Из 12310 человек, подлежащих призыву, на 6-е августа

явилось только 6335 человек. Ставропольский уезд. Мобилизация в уезде прошла нормально, за исключением немногих случаев пассивного характера. Бугульминский уезд. Мобилизация... протекает нормально. Бузулукский уезд. И создание Народной армии, и обязательный призыв вызвали у населения явно враждебное настроение. До 2-го августа из общего числа призванных в 14441 человек явилось 1564 человек. Волости Воздвиженская и Лобазинская не только не давали своих призванных, но и убеждали возвратиться домой приходивших новобранцев из других волостей. Уфимская губерния. Подавляющее большинство населения, измученное насилиями большевиков, радостно встретило известие о падении большевицкой власти. Войска Народной армии встречаются ими радушно и предупредительно. Мобилизация прошла различно. Интеллигентский класс откликнулся охотно, крестьяне наоборот. Симбирская губерния. Сызранский уезд – мобилизация прошла пестро. В одних местах явилось 100%, в других – 10%, в среднем – 54%. Должно явиться 4514 человек, явилось 2472 человек" 186. В дальнейшем в течение августа известия с мест начинают постепенно изменяться в худшую сторону. В докладах отмечалось, что в деревнях появилось множество агитаторов против мобилизации, имели место массовые митинги призывников, участились случаи нападения на милиционеров, в большинстве прифронтовых районов настроение населения резко сместилось в пользу большевиков.

Последней попыткой правительства вернуть быстро уходящую из-под ног почву явился созыв губернского Самарского Крестьянского съезда, который продолжал свою работу с 16 по 23 сентября. Центральное место здесь занимал вопрос о вооруженных силах. Прибывший незадолго перед этим на "территорию Учредительного собрания" В.М. Чернов со всей определенностью высказался в том смысле, что "Народная армия должна быть мужицкой" 187. Выступления делегатов свидетельствовали о другом. Отчеты пестрели фактами: Бугульминский уезд. Добринская волость: "Мобилизованных выпроводили при помощи отряда..."; Мордовско-Кармальская волость: "Вся волость стоит за Учредительное собрание, но население в последнее время начинает колебаться". Бугурусланский уезд. Ефремо-Зыковская волость: "Мобилизованных взяли с помощью отряда"; Емонтаевская волость: "Мобилизация не прошла, крестьяне не хотят друг с другом воевать..."; Пономаревская волость: "Набор дан, но в некоторых селениях мобилизованные не пошли"; Натальнинская волость: "Мобилизованные, несмотря на постановления сельских сходов, не пошли"; Троицкая волость: "Мобилизация не прошла. Трое было ушли, но двое из них скоро вернулись. Крестьяне не хотят вести партийную войну"; Завьяловская волость: "Были аресты... Мобилизация не прошла. Все ушедшие вернулись обратно. Крестьяне говорят, что воевать будут только с врагами". Бузулукский уезд. Таканакская волость: "Мобилизация людей и лошадей не прошла..."; Булгаковская волость: "Мобилизация прошла, но через несколько дней все вернулись обратно"; Новокутенская волость: "Мобилизованные вернулись"; Погроминская волость: "Вследствие арестов карательным отрядом по одному подозрению крестьяне отказываются давать новобранцев" 188.

Провал мобилизации окончательно испортил отношения между офицерством и правительственной властью – претензии обеих сторон были взаимными. Главные обвинения со стороны эсеровского Комуча в адрес офицерства сводились к его политической реакционности, враждебной настроенности по отношению к "демократии" и стремлению к установлению военной диктатуры. Как позднее с горечью сетовал П.Д. Климушкин, "наша ошибка заключалась в том, что мы в деле создания Народной армии положились исключительно на военные круги, предоставив им в этом полную свободу действий..." 189. Речь шла об упущенных

возможностях системы военных комиссаров, которая, по мнению эсеровских теоретиков, должна была держать офицерство в определенных рамках. С особенным прискорбием об этом заявлял С.Н. Николаев, который решающий просчет власти в области военного строительства видел именно в том, "к учреждению должностей особо уполномоченных в частях армии, за полной утратой к этому институту доверия вследствие большевицкого опыта, Комитет относился отрицательно. Вследствие этого армия осталась без наблюдения и политического руководства, особенно в ее верхах, в результате чего оборвалась необходимая связь между властью и армией" 190. Главной мишенью для критики становится фигура управляющего Военным ведомством Н.А. Галкина, который в оценке И.М. Майского уже представлял как "типичный солдафон царского времени, скрытый монархист и враг демократии..." 191. Выпады последнего вообще являлись весьма показательными в плане отношения власти к командному составу ее вооруженных сил; так, позднее в своих воспоминаниях он с раздражением писал: "Забронировав себя от слишком явного вмешательства Комитета в военные дела, полковник Галкин прямо повел свою линию. Все командные места в частях народной армии он заполнял офицерами старого закала, отливавшими всеми цветами монархической окраски... Вся головка армии оказалась составленной из врагов демократии, с трудом переносивших господство Комитета... Комитет эту опасность сознавал и даже пытался с ней бороться, но беда была в том, что в своем стремлении обуздать монархические тенденции в армии он неизменно обнаруживал вопиющую бесхарактерность..." 192.

Офицерство видело ситуацию в прямо противоположном ракурсе, обвиняя Комуч в политической недалекости, излишней подозрительности и некомпетентном вмешательстве в военные дела. Основная масса офицерства, находившегося на тот момент в Поволжье, в сложившейся нездоровой обстановке предпочитала упорно сохранять пассивный нейтралитет. Не поддавая под статьи призыва, большинство из них искало себе иное применение. Как отмечал начальник штаба Народной армии полковник С.А. Щепихин, на призывы "сотни и тысячи офицеров остались глухи, а отозвались лишь десятки. Эти десятки должны были обладать достаточно сильным стимулом, чтобы привязать себя к углу суденышку Комуча..." 193. Крайний недостаток командных кадров заставлял уже с середины июня неофициально прибегать к практике принудительных мобилизаций на местах. В этом плане показательна судьба прапорщика Ф.С. Карпенко, демобилизованного из армии в январе 1918 г. и работавшего сельским учителем в районе Бузулука. 14 июня здесь объявляется мобилизация, Карпенко был опознан, привлечен к ответственности за попытку сокрытия офицерского звания, но немедленно вслед за этим амнистирован и назначен младшим офицером в 1-й пехотный Бузулукский полк 194. С проведением призыва и развертыванием армии проблема обострилась настолько, что потребовалось принятие чрезвычайных мер. 16 августа 1918 г. выпускается приказ Комуча N 235, согласно которому предписывалось: "Для усиления частей Народной армии мобилизовать по всей территории, находящейся под властью Комитета, следующие категории военнообязанных: I. 1) всех генералов, штаб и обер-офицеров, не достигших к 1 января тридцатипятилетнего возраста; 2) всех подпрапорщиков, фельдфебелей, унтер-офицеров и соответствующих им других званий, состоявших на сверхсрочной военной службе в сухопутных строевых и нестроевых частях, штабах, учреждениях и заведениях, не достигших к 1 января тридцатипятилетнего возраста; 3) всех подпрапорщиков, фельдфебелей, унтер-офицеров и соответствующих им других званий, состоявших на военной службе в сухопутных строевых и нестроевых частях, штабах, управлениях и заведениях сроков службы 1910, 1911 и 1912 гг.; 4) всех медицинских и ветеринарных фельдшеров, состоявших на военной службе, сроков службы 1910, 1911 и 1912 гг. II. Служащие в государственных и общественных

учреждениях, а также предприятиях, работающих на оборону, от призыва не освобождаются. III. Для замещения соответствующих командных должностей, Военному ведомству предоставляется право призывать генералов, штаб- и обер-офицеров, возраст коих превышает установленный выше в §2. IV. Все военнообязанные, указанные в §§ 2, 3 и 4 статьи I пользуются условиями и льготами, установленными для добровольцев" 195.

В армии этот приказ Комуча вводился в действие приказом по Военному ведомству N 25 от 16 августа 1918 г. 196 Эффект от него, по общему признанию, получился совершенно обратный. В количественном плане в армию в общей сложности в нее было призвано не более 5-6 тысяч офицеров 197. Качественные показатели были еще хуже. Как отмечал П.П. Петров, политически нейтральное офицерство военного времени, будучи мобилизованным, "работало неохотно, иногда протестуя против гражданской войны. Неуверенное в успехе, оно держалось как-то выжидательно..." 198. Напротив, кадровое офицерство, уклонявшееся ранее от поступления в Народную армию в силу своих убеждений, теперь занялось активной антиправительственной деятельностью. В июле 1918 г. группа офицеров Главного военного штаба, возглавлявшаяся поручиком Злобиным, обратилась к Командующему Волжским фронтом полковнику С. Чечеку с предложением арестовать Комуч и передать власть в руки военного командования. Чечек, искренний сторонник демократии, решительно отказался и поставил об этом в известность Самару. Дело замяли, однако группа Злобина своей деятельности не прекратила. В августе она направила делегатов на юг к генералу М.В. Алексееву с предложением организовать военный переворот, свергнуть власть Комуча и провозгласить военную диктатуру. Заговор был раскрыт, разразился громкий скандал. В.К. Вольский и П.Д. Климушкин потребовали отдать заговорщиков под суд, однако Н.А. Галкин и Б.К. Фортунатов сумели настоять на "прощении" – Злобин и его группа в виде наказания и были отправлены на фронт 199.

Несмотря на проведение мобилизаций и дальнейшее развертывание армии, основную боевую силу Народной армии по прежнему составляли кадровые офицеры-добровольцы. Они в большинстве не проявляли враждебных намерений по отношению к власти, искренне полагая, как подчеркивал Б.В. Савинков, что "политической борьбе не было места. Каков бы ни был Комуч, и каковы бы ни были его уполномоченные..., каждый русский должен был поддерживать то правительство, которое взяло на себя тяжкий труд бороться с большевиками" 200. На этой почве резко обостряются отношения между фронтовиками и тылом. Некоторые добровольческие части (например, части Уфимского гарнизона) при пополнении их мобилизованными настаивали на сохранении своего прежнего статуса, справедливо указывая на разлагающее влияние последних 201. Напротив, остальные в категорической форме требовали принятия решительных мер – вплоть до военно-полевых судов. По этому поводу с гневом и горечью писал в своих воспоминаниях полковник Ф.Ф. Мейбом: "Каждый день приносил потери, а пополнения все не было... Где же эти так называемые господа офицеры? Неужели предали и не пошли в строй? Раненые офицеры после выздоровления возвращались в строй и передавали нам, что каждый кабак набит людьми в офицерской форме, все улицы также полны ими... Одни формируют какую-то гвардейскую часть и находятся при штабе, другие говорят, что рядовыми они не пойдут, и, наконец, многие отговариваются тем, что у нас нет определенного монархического лозунга... Для нас они – шкурники и предатели. Эти новости сильно действовали на настроение наших офицеров... Чувствовалось, что каждый из них считал себя отрезанным куском, преданным своими же..." 202.

По мнению большинства фронтовиков, выраженному генералом К.И. Гоппером, проблема заключалась в том, что "эсеры старались втянуть формируемую армию в партийные рамки, очевидно, все еще не понимая, что армия не может быть самоуправляющимся органом, а есть орудие, управляемое сверху, что армия может служить демократическому правительству, но никому еще не удавалось создать армию на демократических началах" 203. Эта мысль представляется особенно важной: профессиональных военных волновал не тип власти, а реальная польза дела. Как раз этого правительство понять или не могло, или не хотело: самарский Штаб охраны (контрразведка) интересовался не столько большевицким подпольем, сколько офицерами, разыскивая среди них явных и мнимых врагов. Из такого непонимания произрастала напряженность и взаимные подозрения. Направленный в Сибирь с юга полковник К.В. Сахаров, в августе проезжавший через "территорию Учредительного собрания", сделал следующие наблюдения: "Офицеры Народной армии выказывали недовольство отношением к ним и полкам Самарского правительства, что развели опять политику, партийную работу, скрытых комиссаров, путаются в распоряжения командного состава... Офицеры и добровольцы были возмущены до крайности: "Мы не хотим воевать за эсеров. Мы готовы драться и умереть только за Россию",- говорили они. "Такое предательство хуже 1917 года, – говорил мне капитан, трижды раненый в Германскую войну и два раза уже в боях с большевиками, – как только успех и мало-мальски прочное положение, так они начинают свою работу против офицеров, снова натравливают массы, мутят солдат, кричат о какой-то "контрреволюционности". А как опасность, так офицеры вперед. Посылают прямо на уничтожение целые офицерские батальоны" 204. Офицеры платили Комучу его же монетой. Уже к концу августа в среде фронтового офицерства и добровольцев господствовали настроения, с предельной откровенностью выраженные Ф.Ф. Мейбомом: "Какая разница между социалистами и коммунистами? Одна сволочь!.. Но сейчас, в данный момент, будем драться под всяким правительством. Уничтожим первоначально коммунистов, а затем и социалистов!" 205.

Настроения, существовавшие в Народной армии, как в зеркале отражались в ее высшем руководстве. Отношения Комуча со своим военным командованием испортились настолько, что порой выливались в полную невозможность конструктивного сотрудничества. Политический контроль оказался неизбежен: помощниками управляющего Военным ведомством Н.А. Галкина были назначены В.И. Лебедев и В. Взоров. Лебедев, хотя он и не скрывал своей принадлежности к партии эсеров, пользовался в войсках некоторым уважением благодаря своей боевой работе. Взоров не вызывал ничего, кроме раздражения. Один из офицеров Волжской боевой флотилии писал в своих воспоминаниях: "Как на характерный факт отношения гражданской власти к военной, можно указать на то, что при начальнике штаба Народной армии... Галкине был приставлен в качестве его помощника (по крайней мере, так говорили среди военных) некий поручик Взоров, партийный эсер (мало похожий с виду на офицера), на обязанности которого лежал надзор за деятельностью Галкина и чинов его штаба и недопущение проявления контрреволюции в командовании. Он ни на минуту не оставлял Галкина одного, и даже при приемах посторонних фигура Взорова неотступно следовала по пятам Галкина..." 206. Атмосфера плохо скрываемой враждебности порождала взаимные нападки и препирательства. Наблюдавший эту картину генерал В.Г. Болдырев делился своими впечатлениями: "Военный министр генерал Галкин в не особенно почтительной форме требовал уступчивости..." 207. Инцидент получил продолжение; по рассказу В.Л. Утгофа, желая "одернуть" Галкина, председатель Комуча В.К.

Вольский составил проект обращения к народу против военного министра. "Нечаянно" оно было доставлено именно Галкину, который сам же и распространил это обращение среди офицерства, чтобы показать ему, к каким сомнительным приемам прибегает Самарское правительство 208. Эсеры не успокоились. Следом за этим разразился скандал по поводу кадровой политики в армии. Комуч неоднократно предъявлял Галкину требования представить ему на утверждение важнейших кандидатов на командные должности, однако тот систематически их игнорировал. 16 июля, воспользовавшись тем, что Галкин в составе Самарской делегации отбыл в Челябинск, Комитет срочно произвел несколько собственных назначений, пытаясь таким образом нейтрализовать креатуры Галкина. Когда последний вернулся, он в резкой форме выразил свой протест: все назначения были немедленно аннулированы, санкционировавшему их заместителю управляющего Военным ведомством был объявлен выговор 209. Комуч попытался избавиться от своего "злого гения". 22 июля на заседании правительства был поставлен вопрос о назначении управляющего Военным ведомством – по-видимому, предполагалась отставка Галкина. Эсеры хотели заменить его более авторитетным в военном плане и политически лояльным членом "Союза возрождения России" генералом В.Г. Болдыревым. С ним были даже начаты неофициальные переговоры, но Болдырев от предложенного поста отказался. Было постановлено: решение вопроса отложить. Последний крупный скандал разразился ночью 18 августа, когда в Самаре произошел инцидент с группой сибирских офицеров, возмущенных видом красного флага над зданием Комуча. Сибиряки устроили дебош и арестовали пытавшегося урезонить их коменданта. Управляющий делами Я.С. Дворжец лично отправился к Галкину с требованием немедленно принять соответствующие меры, однако получил ответ: "Я сам неоднократно говорил, что эту красную тряпку надо убрать". Эсеры возмутились: на дневном заседании управляющему Военным ведомством было выражено неодобрение. Галкин вспылил: по выражению одной из самарских газет, "он пригрозил отставкой и так цыкнул на растерявшихся эсеров, что они сразу на другой день произвели его в генерал-майоры" 210. Соответствующий приказ Комуча N 250 последовал 24 августа 1918 г.

Помимо настроений, господствовавших в различных слоях населения и армии, для провала мобилизационных мероприятий имелась масса факторов чисто технического характера. Во-первых, неверным оказалось исходное положение о том, что призываемая в ряды армии молодежь менее всех остальных "заражена большевизмом". Полковник В.О. Вырыпаев вынужден был констатировать, что "по своему духу молодые люди оказались ничуть не лучше более старших возрастов. Более половины из них на призыв вообще не явилось, а многие из явившихся вскоре "растаяли" 211. Проблемы с призывниками имели место почти повсеместно, но особенное удивление у властей они вызывали в городах. В Самаре митинг протеста и демонстрация призывников последовали уже 5 июля. Казанские газеты с негодованием писали о том, что молодые люди толпами ходят по городским панелям, в то время как их место в данное время на фронте 212. Во-вторых, подготовка и осуществление планов развертывания Народной армии, при всей их продуманности в центре, на местах оказались проведены из рук вон плохо. Полковник С.А. Щепихин вынужден был с горечью констатировать: "Так как на местах органы по мобилизации (Воинские присутствия и Воинские начальники) или были деморализованы, или вовсе отсутствовали, то с явкой призывных случалось много неожиданностей... Настоящего-то хозяина, который вовремя подумал бы, где всю... массу мобилизованных разместить, как ее одеть, накормить, а, главное, вооружить – не было. Если с грехом пополам хватало помещений, то обувь призывных не было никакой возможности; приходилось на занятия и вообще из казарм выводить людей

в "дежурных" сапогах, остальные сидели в казармах босоногие" 213. В-третьих, немало сложностей возникало с организацией процесса обучения. С одной стороны, сказывался острый недостаток командных и инструкторских офицерских кадров, а также низкий уровень подготовки и отсутствие инициативы у большинства имеющихся. С другой, серьезные затруднения создавались нехваткой времени, отпущенного на подготовку новобранцев. Расчеты на 5-6 месяцев, достаточных для полноценного начального обучения новобранцев, событиями августа-сентября 1918 г. оказались опровергнуты. Имелись проблемы с вооружением и снабжением. П.Д. Климушкин наблюдал следующую картину: "Обучение новобранцев производилось с палками. Это обстоятельство вызвало среди них явное недовольство. "Зачем же нас созвали, – говорили они, – если нет винтовок... Что мы будем делать, если на нас нападут большевики: не палками же отбиваться от них?.." Стянув призванных в уездный пункт, Военские начальники в некоторых уездах буквально не знали, что с ними делать – не было ни помещений, ни обмундирования, ни офицерского состава. Продержав новобранцев в городе иногда 2-3 дня, Военное ведомство снова распускало их по домам" 214. Иногда такие "призывы" повторялись по несколько раз, вызывая озлобление даже в самых лояльно настроенных представителях сельского общества. Результаты получились самые плачевные. Как отмечал И.М. Майский, "мобилизованные крестьяне и рабочие сражаться против большевиков не желали; они либо разбежались при первом удобном случае по домам, либо сдавались в плен советским войскам, предварительно перевязав своих офицеров. Как боевая единица, эти мобилизованные войска оказались никуда не годными, и Комитет в конце концов вынужден был держать их в тылу в расчете, что дальнейшая "учеба" выбьет у них дурь из головы" 215. Наконец, в четвертых, спокойно заниматься подготовкой полноценных боевых единиц из числа мобилизованных мешала напряженная обстановка на фронте: в Симбирске, Сызрани, Самаре, Казани и Хвалынске приходилось одновременно и сражаться, и готовить новые части. Так как фронт постоянно требовал пополнений, сразу же пришлось нарушить всю схему формирований и давать пополнения из мобилизованных малыми партиями. Насколько беспорядочной была эта деятельность, свидетельствует эволюция численного состава 8-го Вольского стрелкового полка (Приложение 6).

Провал мобилизации и повсеместный срыв призывной кампании заставили командование Народной армии пойти по пути принуждения. Уже по итогам первых двух недель начальник Главного военного штаба вынужден был выпустить циркуляр, где указывалось: "Часть призывных, проживающих в городе, не явились, а в особенности много не явилось из деревень, преимущественно из тех, которые прилегают к пунктам, где пока бродят красноармейские банды и волостные самоуправления не восстановлены. Предписываю на последующее время руководствоваться следующими указаниями: 1) Работы по производству призыва продлить на период времени в мере действительной надобности, в зависимости от местных условий. 2) Потребовать в городах и деревнях, находящихся вне всякой опасности..., от местных самоуправлений и комитетов полного содействия по привлечению призванных к явке и сообщению о тех, кто уклоняется. 3) Объявить, что все призванные, уклоняющиеся от явки, подлежат преданию суду по законам военного времени" 216. Принятые меры ожидаемого результата не дали: к концу июля уклонение от мобилизации приняло характер повального отказа от призыва и дезертирства. Последнее временами принимало катастрофические размеры, становясь настоящим бичом армии. Потребовались чрезвычайные меры. Население предупреждалось, что "лица, агитирующие против призыва, будут арестовываться и предаваться суду" 217. 13 августа 1918 г. последовал пространный приказ Военного ведомства о мерах по борьбе с дезертирством, предписывавший "начальникам

пехотных дивизий и гарнизонов немедленно организовать особые отряды для поимки беглецов и придания их военному суду. При отряде сформировать полевой суд для разбора на месте дел о лицах, кои откажутся вернуться в армию; вместе с сим будут преданы суду семьи бежавших солдат за сокрытие дезертиров, тому же суду будут преданы и составы волостных земств, как попустители и соучастники, кои не примут мер к немедленному возвращению бежавших в свои части, кроме того, семьи этих беглецов на все время службы их лишаются установленного пайка и пособия. Означенный приказ входит в силу с 18 августа сего года. Беглецы, добровольно вернувшиеся в свои части войск до 18 августа, будут подвергнуты лишь дисциплинарному взысканию без других последствий и праволишений, указанных в сем приказе" 218. Реализация указанных положений на местах нередко приводила к крайним перегибам. Во второй половине августа Сызранским уполномоченным был отдан собственный приказ, гласивший, что "Все лица, уклонившиеся от явки на службу, а равно те, которые будут заподозрены в подстрекательстве, подговоре или ином возбуждении к уклонению от военной службы, будут преданы военно-полевому суду для суждения по законам военного времени, с применением наказаний вплоть до смертной казни" 219. По всей видимости, образованный Сызранский военно-полевой суд взялся за дело слишком рьяно. Уже вскоре злоупотребления расстрелами приняли такой характер, что 4 сентября последовал приказ Комуча N 267, согласно которому наряжалось специальное расследование его деятельности во главе с членом Учредительного собрания Н.В. Святицким 220. Помимо высшего руководства, инициатива по борьбе с дезертирством исходила от нижестоящих инстанций. В конце августа на рассмотрение Военного ведомства была представлена "докладная записка" инспектора артиллерии армии генерал-майора Ключенко, содержащая в себе следующие соображения: "Считая, что к участию в борьбе с этим злом можно и должно привлечь само население, с моей стороны предложил бы такой способ: население сел, деревень и прочих местностей, из коих берутся по набору солдаты в отряды Народной армии, должно быть заинтересовано, чтобы их односельчане не дезертировали. Для этого надо, чтобы бежавшие и не разысканные были бы пополняемы вновь теми же местностями, но из более старых годов (так как 1897 и 1898 годы будут уже взяты, в данном случае 1895 и 1896 годы). Если это требование выполнено не будет, посылать на место небольшие отряды с одним орудием, которые в ультимативной форме предъявляли бы свои требования сельским властям... В случае отказа посылать снаряд и давать время на размышление... И в случае упорства расстреливать артиллерийским огнем означенную деревню. После одной такой карательной экспедиции об этом узнают, и дезертиров не будет" 221. Предложение генерала было принято, причем дополнительно указывалось, что стоимость выпущенных снарядов следует взыскивать с провинившейся деревни. В итоге, П.Д. Климушкин с гордостью отмечал: "Поставив своей задачей создание армии, мы в проведении этого постановления не останавливались ни перед чем, чтобы уклоняющихся от этой мобилизации заставить силой оружия идти на выполнение нашего распоряжения" 222.

На фоне разрастающегося повального дезертирства призывников офицерство нашло свой оригинальный способ уклонения от реальной службы. В условиях острого недостатка командных и инструкторских кадров, командованию Народной армии пришлось столкнуться с проблемой неконтролируемого и ничем не оправданного роста разного рода штабов. Уже в июле это явление приняло такие угрожающие размеры, что пришлось обратить на него особое внимание. Приказ по армии N 18 от 21 июля гласил: "Все способные служить в строю должны быть там. Вне строя имеют нравственное право находиться лишь способные служить в строю, уже принесшие на алтарь Отечества свои силы и здоровье. Всякому уклонению от строя под тем или

иным предлогом должен быть положен предел навсегда" 223. Принятые меры ни к каким конкретным изменениям не привели. К началу сентября положение иногда доходило до абсурдной ситуации, когда штаб своей численностью превышал реальную численность части. С.П. Мельгунов приводил такой факт: "...молодой капитан, начальник одного из управлений армии, имел штаб в 65 человек и почти никакого имущества" 224. При всем том, крайне скудное материально-техническое обеспечение мобилизованных частей существовало на фоне, когда, по словам В.Г. Болдырева, Народная армия в техническом плане была обеспечена "всеми, из чего можно было бы создать выгодные условия борьбы, даже без особого расчета на внешнюю материальную помощь, которая в это время была чрезвычайно слаба" 225. В занятом к середине августа районе находились большие склады боевого снаряжения, оружия, взрывчатых веществ, техники и интендантского снабжения. В Симбирске войсками Народной армии был взят эвакуированный сюда инженерный парк прежней Русской Императорской армии; в Казани в ее ведение перешли громадные склады артиллерийского, инженерного, интендантского и санитарного имущества. Помимо этого, в регионе располагались такие крупные оборонные предприятия, как Ивашенковский, Ижевский и Воткинский оружейные заводы, а также эвакуированные в Поволжье в годы 1-й мировой войны Симбирский и Казанский патронные. При всех выгодах положения, работа учреждений полевого интендантства была крайне неэффективной, и система снабжения была поставлена из рук вон плохо. По воспоминаниям П.П. Петрова, "когда при наших успехах захватывалось имущество, необходимое для новых формирований, ни разу не было сделано энергичного шага для того, чтобы немедленно же взять его в свои руки для использования в общих интересах, а не только в интересах захвативших, иногда вовсе не нуждающихся. В результате часто возвещалось о захвате значительного имущества, а для формируемых частей ничего нельзя было вытянуть" 226.

ОТ КАЗАНИ ДО УФЫ

24 августа 1918 г. подполковник генштаба В.О. Каппель приказом Комуча N 254 производится в полковники. Взятие Казани явилось последним громким успехом Народной армии. К концу августа 1918 г. "территория Учредительного собрания" простиралась на Самарскую и Казанскую губернии и часть Уфимской и Симбирской. Боевой фронт армии протянулся через Казань, Симбирск, Сызрань, Хвалынский и Вольск; у Балакова он переходил на левый берег Волги и через Николаевский железнодорожный узел соединялся с фронтом Уральских казаков. Новый план, разработанный В.О. Каппелем, предполагал, сковав противника активной обороной под Казанью, нанести внезапный удар на правом берегу Волги по Свяжску, высадив с этой целью десант у Нижнего Услона. В случае успеха следовало продолжить наступление на запад в направлении на Нижний Новгород (порядка 170 верст от Казани) и далее на Москву (300 верст). 27 августа образованная из бригады Особого назначения ударная группа выступила из Казани. Вскоре ей удалось овладеть Свяжском, где была проведена мобилизация мужского населения; из Казани на помощь были выслан правобережный отряд капитана Кутльватра в составе 2-го офицерского батальона и батальона 1-го Казанского регулярного полка, которому за проявленную стойкость и мужество приказом по Северной группе N 40 от 4 сентября была объявлена благодарность полковника Степанова 227. Несмотря на первоначальный успех, в первых числах сентября операцию пришлось срочно сворачивать. Подавляющее превосходство противника в силах (как вспоминал полковник В.О. Вырыпаев, "мобилизованные батальоны... сначала шли хорошо, но потом, попав под огонь, смешались – они еще никогда не были в бою и даже на

маневрах – и внесли беспорядок") 228, а также неустойчивое положение фронта заставили группу Каппеля отойти обратно к Нижнему Услону, откуда после упорной четырехдневной обороны последовал новый перевод в Симбирск. Стратегически такие "метания" мало что давали, изматывая одну из наиболее боеспособных частей Народной армии. Насколько бедственным было состояние бригады Особого назначения, свидетельствует рапорт командира 4-й роты 2-го Самарского полка, поданный командиру полка 5 сентября: "Доношу, что недовольство и ропот как мобилизованных, так и добровольцев достигли максимума. Ропщут главным образом на то, что жалование им еще не выплачивалось за июнь, июль и август, кроме того, белья нижнего не получали тоже месяца полтора, а посему не были столько времени в бане. Тело всех солдат до того грязно, что завелась масса насекомых... Люди ходят в рваных сапогах и ботинках на босу ногу, так как пара портянок, выданных на параде, изнасилась. Доношу, что ежедневно просят в околоток больных до 15 человек. Моральное состояние людей таково, что я не могу поручиться за то, что в одну из последних тревожных ночей в состоянии буду удержать изнервничавшихся; даже на старых солдат нет надежды. Все просят усиленно смены, жалуясь на почти трехмесячное непрерывное действие" 229.

К началу сентября наступательный порыв Народной армии окончательно выдыхается: Северная группа останавливается под Свияжском, Хвалынская – под Николаевском. С началом 5 сентября 1918 г. общего наступления советского Восточного фронта основные бои развертываются вокруг Казани и прилегающих районов, где противнику удалось добиться почти четырехкратного превосходства. В самой Казани насчитывалось порядка 5000 штыков и сабель при 46 орудиях и 160 пулеметах 230. Обстановка в осажденном городе была крайне напряженная. С одной стороны, внутренняя стабильность оказалась нарушенной подавлением вспыхнувшего 3 сентября восстания рабочих. С целью пресечь аналогичные инциденты в будущем, начальник гарнизона генерал-лейтенант Рычков вынужден был отдать приказ, предупреждавший, что "в случае малейшей попытки каких-либо групп населения и в частности рабочих вызвать в городе беспорядки..., по кварталу, где таковые произойдут, будет открыт беглый артиллерийский огонь..." 231. С другой стороны, серьезно затрудняло правильную организацию обороны отсутствие твердого единоначалия в руководстве. Общее командование находилось в руках командующего Северной группой полковника А.П. Степанова; в состав войск группы входили также части Казанского гарнизона и формирующегося Казанского корпуса, однако ни штаб корпуса во главе с генералом Рычковым, ни чехословацкие части, ни оперировавшая здесь бригада Каппеля ему подчинены не были. Степанов неоднократно телеграфировал об этом в Самару, указывая, что в этих условиях не может в полной мере отвечать за успешную защиту города, но ответа так и не получил 232. Положение еще более осложнялось крайней малочисленностью боеспособных войск: находившийся в городе Б.В. Савинков мог наблюдать, что "мобилизованные... крестьяне, необученные, не бывавшие никогда в огне и не подчиненные строгой дисциплине, сражались плохо или не сражались вовсе. Защищали Казань... в сущности, одни офицеры и добровольцы" 233. Ощутимый недостаток собственных сил заставил командование Северной группы прибегнуть к чрезвычайным мерам. 7 сентября председателям квартальных комитетов был разослан приказ полковника А.П. Степанова, предписывавший немедленно собрать всех проживающих в городе граждан, способных носить оружие и согласных встать в ряды создающегося Городского ополчения 234. Начальником участка фронта, планировавшегося оборонять с их помощью, назначался полковник А.П. Перхуров. По его мнению, "ни по силам, ни по возрасту приведенные на участок люди боевой ценности не представляли. Большинство из них впервые держало в руках винтовку –

это была та категория людей, которых Степанов хотел призвать в последнюю минуту и только для непосредственной защиты города. Не только офицеров, но и унтер-офицеров или отбывавших воинскую повинность в строю среди прибывших не было. С большими осложнениями пришлось распределять людей для занятия участка и растолковывать их обязанности... Из 1200-1500 дружинников к следующему утру осталось на участке 900-1000 человек. Многие разбежались после взрыва снарядов от зажженных артиллерией противника пристаней, а многие просто ушли. Артиллерии у меня на участке не было" 235. В сложившихся условиях дать серьезного сражения не удалось. С 10 на 11 сентября под натиском с трех сторон Казань была оставлена. Отступление проводилось двумя колоннами: левой (Южной) – в направлении на Лаишев, и правой (Восточной) – на Мензелинск. Левая колонна, согласно Перхурову, состояла из перемешавшихся остатков более 20 различных частей Северной группы, управление которыми было сильно затруднено. Боевую организацию на фоне разгрома продолжали поддерживать лишь остатки 2-го и 3-го Казанских офицерских батальонов и Уржумского партизанского отряда, в которых еще сохранялись командиры, хозяйственная часть и обозы. В результате реорганизации они были временно сведены в Казанскую стрелковую бригаду в составе 2-го и 3-го Казанских и Уржумского полков с легким дивизионом артиллерии 236. Некоторое время бригада, как наиболее боеспособная часть, прикрывала у деревни Епанчино переправу остальных войск через реку Кама, а затем походным порядком добралась до станции Нурлат Волго-Бугульминской железной дороги, где в ее состав были включены 1-й Казанский стрелковый полк, штабной кавалерийский полуэскадрон и телеграфная рота. Здесь прежняя организация частей была несколько восстановлена, и А.П. Перхуров возглавил 1-ю Казанскую дивизию, приняв ее у генерал-лейтенанта Панова; в полках в это время насчитывалось по 250-450 штыков, в дивизионе – 11 орудий 237.

Падение Казани поставило под удар Симбирск. Для защиты города были сосредоточены 1-й и 2-й Самарские, 9-й Ставропольский, 21-й и 22-й Симбирские, 24-й Буинский стрелковые полки, 1-й Симбирский инструкторский и Магометанский батальоны, 6-й Симбирский конный полк, Сербский отряд, 4 легкие и 3 тяжелые батареи, 2 броневика, 3 аэроплана 238. Несмотря на внушительное количество задействованных частей, численность их была незначительной. Полки 1-й стрелковой дивизии были ослаблены выделением части сил под Казань, остальные – в массе своей неполного состава, большей частью из необученных призывников. Перейдя в наступление 9 сентября в районе Буинска, противник уже к 11 сентября сумел отбить все контратаки, перерезать железную дорогу Симбирск – Казань и тракт Сызрань – Симбирск, прижав оборонявшихся к Волге. 12 сентября город был оставлен. Упорные попытки подошедшей от Казани бригады В.О. Каппеля в период с 18 по 24 сентября вернуть город успехом не увенчались. Примкнув к отступающим, Каппель объединил наличные силы в составе Сводного корпуса (начальник штаба капитан Л.Л. Ловцевич), куда вошли Сводная Самарская (полковник Вишневецкий; 1-й и 2-й Самарские полки бригады Особого назначения и 1-й и 2-й Самарские полки 1-й Самарской стрелковой дивизии) и 6-я Симбирская стрелковая (полковник Шмидт) дивизии, чехословацкие батальоны капитанов Гассалья и Моравца и группа капитана Кузельвашера; из артиллерии имелись 1-я и 2-я Симбирские легкие, 1-я и 5-я Самарские легкие, Уфимская тяжелая, Самарская и Симбирская гаубичные и Отдельная конная батареи – всего 21 орудие 239. Показателем, насколько серьезными были силы корпуса, может служить пример 6-го Симбирского конного полка, в составе которого на 20 сентября числилось 12 офицеров и 38 солдат, 13 лошадей и из вооружения 38 винтовок, 10 шашек и 10 сабель 240. С потерей Симбирска предполагалось закрепиться в районе Ставрополя Волжского, однако вследствие

постоянного давления противника войска вынуждены были продолжить отход в направлении на Мелекес, имея задачей выход в район Бугульма – Уфа вдоль Волго-Бугульминской железной дороги. Одновременно катастрофа на северном направлении привела к резкому ухудшению ситуации на юге. Уже 26 августа командование Хвалынской группой утверждает план проведения мобилизации выступавшего наиболее последовательным противником большевиков населения Новоузенского уезда. Ее было решено проводить в два этапа: в первую очередь призвать лиц, родившихся в 1894-1898, во вторую – в 1899-1893 гг.; первым днем мобилизации назначалось 5 сентября 241. Несмотря на судорожные попытки остановить наступление противника, 12 сентября был оставлен Вольск, за которым вскоре последовал Хвалынский. Оборонявшие их части 2-й стрелковой (Сызранской) дивизии начали стягиваться к Сызрани.

Последствия сентябрьского разгрома и начавшегося общего отступления оказались роковыми, сделав процесс разложения Народной армии необратимым. Оставление основных территорий, сопровождавшееся огромными потерями, чрезвычайно негативно сказывались на настроении войск. Представленный 19 сентября 1918 г. доклад управляющего Военным ведомством констатировал: "За последнее время в связи с последними событиями под Казанью и Симбирском особенно участились случаи дезертирства солдат из действующих на фронте боевых отрядов и расположенных в тыловых городах частей. Местами такое бегство принимало стихийный характер, превращая войсковые части в лишенные всякого боевого значения небольшие кучки людей. Так, за неделю с 10 сентября только лишь из расположенных в Самаре частей Самарской стрелковой дивизии бежало 995 солдат. За все время с начала мобилизации из этой дивизии дезертировало 1950 человек. Дезертиры уносили с собою выданные им: обмундирование, оружие, тюфяки, конную амуницию; и даже увозят с собою казенных лошадей" 242. Кроме того, в армии участились случаи открытого неповиновения. 8 сентября два полка, расположенные в Самаре, отказались выступить на фронт. Для их усмирения пришлось вызвать 3 броневика, пулеметную команду и кавалерию – солдаты вынуждены были сложить оружие лишь под угрозой расстрела. 18 сентября, невзирая на угрозу расстрела, отказался выступить целый эшелон войск. Частыми были сообщения о расстрелах за дезертирство расквартированного в Самаре 14-го Уфимского полка, где часто отмечались случаи большевицкой агитации. С особенной жестокостью было подавлено выступление состоявшего преимущественно из рабочих 3-го Самарского полка, поводом для которого явилась неудачная попытка в этом полку и в 1-м Георгиевском батальоне освободить с гауптвахты арестованных за дезертирство сослуживцев. Как вспоминал находившийся в это время в городе генерал С.Н. Люпов, из строя был вызван и расстрелян каждый третий; позднее за отказ выступить на фронт здесь было расстреляно еще 900 новобранцев 243. Комуч судорожно пытался исправить положение с помощью репрессивных мер. В 20-х числах сентября последовал его приказ N 281 об учреждении Чрезвычайного суда из четырех лиц: от чехословацких войск по назначению Командующего Поволжским фронтом, от Народной армии по назначению Управляющего Военным ведомством, от Военно-судебной части Военного ведомства и от Ведомства юстиции. В компетенцию суда входило рассмотрение дел по обвинению в преступлениях, которые "представляются настолько очевидными, что не требуют предварительного следствия": 1) восстания против существующей власти, подстрекательство к бунту и мятежу; 2) сопротивление военной власти; 3) нападение на воинские части Народной армии или союзнические войска, истребление или расхищение военного имущества, повреждение или разрушение предприятий, работающих на оборону; 4) умышленная порча или разрушение путей сообщения, телеграфов и телефонов; 5) государственная

измена; 6) шпионаж, 7) покушение на насильственное освобождение арестантов; 8) призыв к неисполнению распоряжений гражданской и военной власти; 9) призыв к уклонению от военной службы или от участия в военных действиях; 10) умышленный поджог; 11) злонамеренное распространение ложных слухов, могущих создать панику среди населения или вызвать беспорядки и народные волнения. Признанные виновными в совершении означенных преступлений приговаривались к смертной казни 244.

Результат от ужесточения наказаний в условиях всеобщего развала оказался минимальным. Более того, паралич правительственной и военной власти привел к постепенному отпадению от Комуча последней его опоры в лице фронтового офицерства и добровольцев. Тревожные симптомы в полную силу проявились уже в начале сентября, когда после оставления Казани ввиду беспокойного состояния войск полковник А.П. Степанов созвал собрание офицеров под председательством начальника штаба Северной группы генерал-лейтенанта Ю.Д. Романовского, на котором было единодушно выработано ультимативное заявление Самарскому правительству. В этом документе указывалось, что падение Казани нанесло сокрушительный удар по авторитету власти Комуча, и дальнейшее пребывание его у власти приведет к новым катастрофам. Комуч не способен олицетворять великие национальные задачи восстановления государства и должен передать власть одному военному лицу, в руках которого сосредоточится вся полнота гражданской и военной власти 245. Предпринять ответных мер Комуч не успел, ибо Степанов, передав командование А.П. Перхурову, выехал в Сибирь. Его примеру последовали многие. Удерживавший фронт в районе Елабуги полковник В.М. Молчанов передавал свои наблюдения за отступлением в районе Камы: "После Казани офицерство перестало верить в возможность при существующем правительстве что-либо сделать и удирало туда, где, по слухам, было лучше. Слишком много вынесли обид, огорчений при правительствах демократических... Так думало большинство офицерства, и, мне кажется, никто не сможет упрекнуть его за это. Не слабые духом уходили в тыл, а во многих случаях убежденные, что они делают как лучше" 246. Иногда сознательный выбор делали целые части. Примером отношения к властям может служить 1-й Казанский конный полк полковника Нечаева, который отделился от общей колонны отступающих и, вопреки категорическим приказам В.О. Каппеля, остро нуждавшегося в кавалерии, по собственной инициативе двинулся в Челябинск, занятый войсками Сибирской армии.

Каппель и его изрядно потрепанные части стремились к Уфе. На фоне общего развала армии единственным районом, где сохранялась относительная стабильность, оставался лишь Уфимский. В задачу находившихся здесь войск входило обеспечение района с севера, со стороны устья реки Белой. Попытки противника развить наступление на этом направлении предпринимались трижды. Первая – 19-20 августа в районе Трехречья, вторая – 29 августа у станции Инглино и третья – 3 сентября на переправе через реку Уфимка у Красной Горки. Все они были отбиты, однако уфимские части при этом понесли настолько серьезные потери, что выделение помощи на Симбирском или Самарском направлениях уже не представлялось возможным 247. Для того, чтобы обеспечить тылы отступающей в направлении Уфы Народной армии, 30 сентября 1918 г. здесь был образован Уфимский армейский корпус, на формирование которого были обращены все части Народной армии Уфимского района. Штаб формирования частей Народной армии Уфимской губернии реорганизовывался в штаб корпуса. В его состав были включены 4-я стрелковая (Уфимская) дивизия генерал-майора Тиманова и вновь образованная Сводная Уфимская дивизия (начальник – полковник Пронин, начальник штаба – ротмистр

Соболев) в составе 29-го Бирского (развернут из Бирского отдельного стрелкового батальона капитана Ларионова), 30-го Михайловского (сформирован в селе Аскино из числа добровольцев-крестьян этой волости; командир полка – штабс-капитан М. Старов; офицерские кадры были выделены дислоцировавшимся здесь 29-м Бирским полком), 31-го Стерлитамакского (развернут из Стерлитамакского отдельного стрелкового батальона капитана Воробьева) и 32-го Прикамского (развернут значительно позднее из повстанческих отрядов Прикамья) стрелковых полков. Командиром корпуса назначался генерал-лейтенант С.Н. Люпов, начальником штаба – Генерального штаба полковник Ф.А. Пучков 248. В рассматриваемое время его создание так и осталось незавершенным. Как вспоминал П.П. Петров, "формирование задерживалось недостатком снабжения и к моменту оставления Самары не могло быть закончено: "корпус" не представлял корпуса, а был лишь его скелетом; все же это было удачнее формирования в районе Самары..." 249.

Упомянутый 32-й Прикамский полк занимал в Сводной Уфимской дивизии и вообще в корпусе совершенно особое и самостоятельное место. История его возникновения относится к августу 1918 г., когда с ростом антибольшевицкой борьбы на Средней Волге в Прикамье начинает создаваться сеть повстанческих отрядов. Детонацию вызвали известия о занятии Казани и восстании на Ижевском и Воткинском заводах. За короткий отрезок времени у слияния рек Уфы и Камы возникают Алпашская дружина (2 роты по 80 человек из числа крестьян-добровольцев и 1 татарский эскадрон в 40 человек Алпашской волости Уфимской губернии), а также ряд отрядов смешанного состава: Сокольский (540 человек), Мензелинский (480 человек) и Мамадышский штабс-капитана Калашева (500 человек). До определенного времени эти отряды существовали совершенно автономно, снабжаясь и пополняясь за счет местного населения и выполняя частные задачи по охране своих волостей и населенных пунктов. На правах Командующего войсками формально состоял капитан 2 ранга Федосьев, дислоцировавшийся в Сарапуле. Наиболее крупный центр формирований рассматриваемого района находился в Елабуге, где были сосредоточены формирующиеся 1-й (600 штыков при 6 пулеметах) и 2-й (офицерский кадр) Елабужские пехотные полки, 1 батарея (1 орудие), а также Чистопольский отряд поручика Михайлова (60 человек). Отсутствие твердого единоначалия приводило к беспорядочности осуществляемых мероприятий; объединяющая роль была возложена на командира Алпашской дружины подполковника В.М. Молчанова, назначенного на должности Командующего сухопутными войсками района Соколки – Елабуга и начальника гарнизона города Елабуга. Приступив к выполнению своих обязанностей, Молчанов объединил все наличные силы в составе 1-го Елабужского полка (штабс-капитана Кирсанова), доведя его численность до 2000 человек (из них 700 вооруженных), а также сумел снестись с восставшим Ижевском 250. В результате установления связи с Самарским правительством Елабужский отряд был включен в состав формирующегося Уфимского корпуса и подчинен штабу Сводной Уфимской дивизии, располагавшемуся в тот момент в Бирске. Предложение о проведении в освобожденных волостях Вятской губернии населения в возрасте от 18 до 45 лет было отвергнуто без объяснения причин телеграммой за подписью Галкина и Лебедева. Несмотря на это, в течение всего сентября войска Елабужского уезда, достигшие 6000 человек, продолжали собственными силами удерживать фронт на линии Елабуга – Мамадыш – Вятские Поляны – Набережные Челны. В конце сентября под давлением превосходящих сил противника отряд вынужден был оставить Елабугу и начать отход через Каму в районе Набережных Челнов. Из Бирска была поставлена задача продолжать отступление в направлении на Мензелинск – Бирск самостоятельно, ибо до ближайшей Симбирской группы полковника Каппеля было порядка 250 верст.

Одновременно для поддержки Молчанову был прислан батальон 13-го Уфимского стрелкового полка и подчинен гарнизон Мензелинска, насчитывавший 1 батальон в 400 штыков при 2 пулеметах, во главе с подполковником Курушкиным. После ряда боев, сводному отряду удалось закрепиться в районе Асянова, где он переформировался в 32-й Прикамский полк, Елабужский, Сокольский и Мензелинский отряды составили соответственно 1-й (580 штыков, 20 сабель, 6 пулеметов), 2-й (540 штыков, 30 сабель, 6 пулеметов) и 3-й (480 штыков, 20 сабель, 6 пулеметов) батальоны, а также конную разведку (120 сабель), пулеметную команду (12 пулеметов), Прикамскую батарею (2 орудия), интендантство, перевязочный пункт и отрядный лазарет – всего около 2000 человек. Сюда же были подтянуты оставшиеся части 13-го Уфимского полка во главе с капитаном Карповым, а также Уфимская легкая батарея – после чего сводная бригада под общим командованием Молчанова была отведена на позиции в район Бирска, установив конную связь с отступающими частями Каппеля 251.

По состоянию на 1 октября 1918 г. Волжский фронт Народной армии включал в себя Мензелинское, Симбирское, Ставропольское, Сызранское, Инзенское, Кузнецкое, Хвалынское, Саратовское, Оренбургское, Актюбинское и Уральское направления 252. Основные соединения Казанской группы продолжали отступление в направлении на Лаишев – Чистополь. Согласно рапорту А.П. Перхурова, положение их было крайне тяжелым. "Общая численность состоящих в моем распоряжении строевых частей и отрядов вспомогательного назначения, – писал он, – около 3600 человек... Из этого числа около 2700 человек строевых, а из них штыков не более 1500; остальные пулеметчики, артиллеристы, кавалеристы, команды связи и т.д. Кроме офицеров, юнкеров и части добровольцев остальные люди требуют серьезной работы..." 253. Его дополнял в своих воспоминаниях полковник Ф.Ф. Мейбом: "Ряды... дивизии таяли с каждым днем, и из крупного состава добровольцев очень немногие оставались в строю. Полки доходили до 140-160 штыков, батальоны до 40 штыков, роты до 10-15 штыков... Добровольцы до предела устали и часто голодали... Красные шли за нами по пятам и не давали нам возможности оторваться от них хоть на один день... Пополнения живой силой мы не получали, снаряжение, обмундирование и продовольствие тоже не доставлялись. Мяса мы не видели месяцами, пользовались тем, что с боем отбирали у противника" 254. Первоначально предполагалось стянуть все имеющиеся в наличии казанские части в район Бугульмы, где в это время находился штаб Казанского корпуса, и здесь в относительно спокойных условиях попытаться восстановить нормальную организацию. Обстановка на фронте заставила внести коррективы: телеграммой от 1 октября 1918 г. генерал Рычков извещался, что 1-я Казанская дивизия поступает в подчинение полковника Каппеля; остатки прочих частей предлагалось свести в полк, из офицеров образовать кадры для будущих пополнений. 5 октября штаб корпуса был переведен в Миасс 255.

Положение частей Сводного корпуса В.О. Каппеля, отступавшего в направлении Бугульма – Уфа, мало чем отличалось от Казанского отряда. Полки Симбирской дивизии сократились до 200 штыков, но особенно бедственным было состояние бригады Особого назначения (Отдельной Самарской). 26 сентября старший врач 2-го полка Храмцов подал рапорт на имя Каппеля, где с отчаянием писал: "Доношу, что в частях вверенной вам бригады наблюдается явление крайней переутомленности. Среди солдат большинство полубольные и значительный процент больных, нуждающихся в серьезном лечении и отдыхе. Причины этого – постоянные переходы и бои, плохая пища, недостаток обуви..., отсутствие смены белья и бани... Постановка медицинской помощи находится в тяжелейшем состоянии: не хватает ни

персонала, ни медикаментов, совсем нет перевязочных средств..." 256. Получив 24 сентября ориентировку из штаба фронта о подчинении Казанской дивизии, Каппель вынужден был задержаться и дать бой у Мелекеса, позволяя дивизии беспрепятственно пройти у Лаишева и сосредоточиться у станции Нурлат. В итоге, к 3 октября из Казанских, Симбирских и Самарских формирований была образована сводная Симбирская группа войск, боевой состав которой включал в себя следующие части и соединения (Приложение 7). Пехота: 6-я Симбирская и 1-я Казанская стрелковые дивизии, Самарская отдельная бригада, 9-й Ставропольский стрелковый полк, Уржумский и Казанский и казачий (атамана Свешникова) отряды. Артиллерия: 1-й Казанский легкий артдивизион, 1-я и 5-я Самарские, 1-я и 2-я Симбирские легкие, Самарская и Симбирская гаубичные, Самарская и Казанская конные батареи. Кавалерия: Оренбургский казачий полк, Самарский уланский дивизион, конные отряды полковника Нечаева и сотника Копьева. Технические части: Самарская и Симбирская инженерные, железнодорожная, телеграфная и саперная роты. Общая численность войск составляла 4460 штыков и 711 сабель при 140 пулеметах, 24 тяжелых и 5 легких орудиях 257. Войскам группы была поставлена задача сдерживать наступление противника на Бугульму со стороны Чистополя, для чего в распоряжение командира Конного отряда полковника Нечаева выделялись 6-я стрелковая (Симбирская) дивизия и 1-я Казанская стрелковая бригада во главе с полковником Перхуровым. После того, как находившийся здесь 1-й чехословацкий батальон по приказу своего командования оставил город и отошел в тыл, русские части переправились через реку Ик (приток Камы), где присоединился к остальным частям Симбирской группы 258.

Потеря районов Казани – Симбирска на севере и Вольска – Хвалынска на юге привели к тому, что единственный продолжавший удерживаться район Сызрани – Самара оказался под ударом одновременно с трех сторон. Основное внимание противника сосредоточилось на овладении Сызранью, удерживаемой силами 2-й стрелковой дивизии полковника А.С. Бакича. Наступление на этом направлении было начато 14 сентября; к 27 сентября противник вышел на подступы к городу. Приближение его к железной дороге Самара – Сызрань и районам Ивашенково и Батраков создало угрозу окружения, вынудив Бакича 3 октября оставить город и начать беспорядочное отступление к Самаре. Начальником обороны столицы "территории Учредительного собрания" первоначально был назначен генерал-лейтенант Трегубов, однако за бездеятельность он был смещен полковником Ф.Е. Махиным. Помимо подтягивающихся частей разгромленной 2-й дивизии, для защиты города были сосредоточены различные части 1-й и 3-й стрелковых дивизий, а также 1-й Чехословацкой дивизии – общей численностью около 6500 штыков, 3300 сабель при 35-45 орудиях и 120 пулеметах 259. Несмотря на достаточность имеющихся войск в количественном отношении, их моральное состояние и боевой дух не оставляли никакой надежды на благоприятный исход дела. Размеры дезертирства поражали воображение. Чешский офицер В. Найбрт в своем дневнике записывал свои наблюдения: "Две роты уфимцев... численностью в 400 человек ехали на фронт. До Самары доехала половина из них, а до фронта – лишь 120 человек. При отходе у Батраков солдаты Волжского полка бросили оружие, переоделись в гражданское платье и смешались с беженцами. Русская саперная рота, которая должна была сооружать у Батраков проволочные заграждения, собралась и двинулась по домам, убеждая и наших, чтобы они бросили фронт. 10 сентября в критический момент русские части покинули 9-ю роту 4-го полка. У Безенчука разбежался русский батальон. 2-й полк жалуется, что наполовину разбрелся русский Георгиевский батальон" 260. Ту же картину рисовала справка штаба 1-й Чехословацкой дивизии, где отмечались следующие факты: "Из батальона Ставропольского полка,

насчитывавшего 400 человек..., на фронт пришло 250... Из 130 бойцов офицерского батальона... до фронта дошло 30... Русские части при первых же выстрелах обращаются в бегство. За незначительным исключением, им не может быть доверена самостоятельная задача. Всюду, где они были, неприятель имел возможность прорвать фронт" 261.

Как вспоминал И.М. Майский, внутри осажденного города творился невообразимый хаос: "наряду с эвакуацией происходила спешная мобилизация всех наличных боевых сил... Была устроена новая специальная запись добровольцев. Эсеры сформировали партийную боевую дружину, в которую вошли не только мужчины, но и значительное число женщин... Большевики тоже решили было создать свою боевую дружину, но... не сумели осуществить своего намерения. Дня за три до падения Самары был издан приказ о мобилизации всего мужского населения для охраны города, но это было последним отчаянным жестом погибавшей власти и не имело никаких реальных последствий" 262. 7 октября Самара была оставлена. Отступление производилось двумя колоннами: основные силы двинулись вдоль Самаро-Златоустовской железной дороги в направлении на Бугуруслан и далее на Уфу, в середине октября в районе станции Чишма примкнув к остальным войскам Народной армии 263. Колонна полковников А.С. Бакича и Ф.Е. Махина самостоятельно двинулась в направлении на Бузулук и далее на Оренбург, где оперировала 5-я стрелковая (Оренбургская) дивизия. Состав последней, сохранившейся в качестве вполне полноценного соединения, на 1 октября выглядел следующим образом (Приложение 8): 16 штаб-офицеров, 900 обер-офицеров, 1270 унтер-офицеров, 9560 рядовых при 120 пулеметах и 20 орудиях, на фронте из этого числа находилось 370 офицеров и 4780 солдат 264. Прибыв сюда в 20-х числах октября, 2-я дивизия образовала Отдельный отряд Народной армии под командованием полковника Ф.Е. Махина, действовавший на Самарском фронте в составе войск Оренбургского военного округа 265. Насколько необратимым сделался развал отступающих войск, свидетельствовал рапорт А.С. Бакича, который сообщал: "Дивизия, как боевая единица, не жизнеспособна и совершенно расстроилась как морально, так и численно. Последнее – результат того, что мобилизованные почти поголовно ушли из рядов частей: сызранские и хвалынские – на правом берегу Волги, бугурусланские и бузулукские – за Кинелем. Остались почти исключительно добровольцы и небольшая часть мобилизованных из других районов... Оставшиеся в частях добровольцы, составляющие теперь главный контингент, все чаще и чаще заявляют, что срок их службы кончился и они должны быть уволены... Продолжительное нахождение частей на территории с определенно большевицкими настроениями крайне разлагающе действует на войска, учащаются противодисциплинарные выступления как отдельных лиц, так и частей и команд... Численный состав полков дивизии в настоящее время: в 5-м стрелковом полку осталось около 200 человек, в 6-м – 60-70 человек, в 7-м – около 100 человек" 266.

* * *

Сентябрьский разгром, решительно подорвавший позиции Комуча, одновременно способствовал форсированию процесса политической интеграции в регионе. В намечившемся процессе основную роль были призваны сыграть обладавшие наибольшим политическим и военным потенциалом Комуч и его антипод – Временное Сибирское правительство, которые в результате воздействия ряда внутренних и внешних факторов уже с июля 1918 г. определились в качестве лидеров двух основных антагонистических направлений антибольшевицкого движения на

Востоке России. Непримируемость позиций обеих сторон, проявившаяся в ходе Челябинских межправительственных совещаний июля-августа 1918 г., в сентябре была смягчена острой военной необходимостью. По воспоминаниям К.И. Гоппера, к исходу сентября войска Народной армии, "ведя непрерывные бои..., находились в самом печальном положении; они не получали никакого довольствия, были в изорванной одежде и обуви; патроны имели только тогда, когда удавалось отбить их у красных; не имели совершенно медикаментов; солдаты и офицеры несколько месяцев не получали жалования; от страшного утомления и недоедания появились тиф и цинга" 267. Начальник 2-й стрелковой (Сызранской) дивизии генерал-майор А.С. Бакич в перерыве между боями докладывал следующее: "При настоящих условиях и настоящем состоянии частей они к бою непригодны и стоят на позиции потому, что пока нет натиска противника" 268. В довершение всех бед, понесенное на Волге поражение постепенно раскололо сложившийся союз волжан и чехов. Начались взаимные обвинения в стремлении уклониться от боя и спрятаться за спиной соседа. Виновниками всех неудач и поражений на фронте чехи считали "белых", а те – чехов. Иногда на отдельных направлениях оказывалось невозможным давать задачи для совместных боевых действий Народной армии и чехословацких войск. Естественным результатом явилось открытое проявление недовольства офицерскими кругами Народной армии. Авторитет Самары упал катастрофически низко; как вспоминал И.М. Майский, "красные войска неудержимо надвигались, а нам нечем было их отражать. Чехи устали от непрерывных четырехмесячных боев и... требовали отдыха. Добровольческие отряды были сильно потрепаны и слишком незначительны для того, чтобы сдерживать наступление большевиков. Посланные на фронт мобилизованные части совершенно отказывались сражаться и либо сдавались в плен, либо разбежались по домам" 269. Командиры частей и соединений в один голос твердили о необходимости создания твердой государственной власти в регионе. Среди них был и голос В.О. Каппеля. Один из вероятных кандидатов в члены нового правительства, генерал В.Г. Болдырев подчеркивал, что Каппель "от имени измученной непрерывными походами и боями армии, почти ультимативно заявил мне о необходимости немедленного общего политического объединения" 270. Демонстрация офицеров гарнизона Уфы, где должно было проходить намеченное на 8 сентября 1918 г. Государственное совещание, действовали еще решительнее. Н.А. Галкин рассказывал, что накануне приезда в город делегации Комуча они сняли форму Народной армии и надели форму Сибирской, встречая в таком виде свое Самарское правительство. "Когда я собрал, помню, общее собрание офицеров в Уфимском гарнизонном собрании, то у меня было такое впечатление, что я оттуда живым не выйду, – такое настроение было против Комуча", – писал он 271.

Решающее значение для военно-политического объединения в регионе имело проходившее в сентябре 1918 г. Государственное совещание в Уфе, закончившееся 23 сентября 1918 г. передачей функций верховной власти образованному на коалиционных началах Временному Всероссийскому правительству (Директории). Внимание нового правительства изначально оказалось прикованным к остро стоявшей проблеме объединения и последующей реорганизации всех имевшихся на тот момент к востоку от Волги вооруженных сил прежних правительственных образований в структуре единой Российской армии, подчиненной центральной власти и назначаемому ею Верховному главнокомандующему. Программа военного строительства, сформулированная в "Акте об образовании Всероссийской Верховной власти", предусматривала: "1) Воссоздание сильной, боеспособной, единой Российской армии, поставленной вне влияния политических партий и подчиненной, в лице ее высшего командования, Всероссийскому Временному правительству. 2)

Полное невмешательство военных властей в сферу гражданского управления, за исключением местностей, входящих в театр военных действий или объявленных указами правительства на военном положении, когда это вызвано крайней Государственной необходимостью. 3) Установление крепкой воинской дисциплины на началах законности и уважения к личности. 4) Недопустимость политических организаций военнослужащих и устранение армии от политики" 272. Кандидатура будущего Главковерха обсуждалась еще в ходе встречи в Уфе. Подавляющее большинство политиков сходились на фигуре присутствовавшего на заседаниях от имени "Союза возрождения России" генерала В.Г. Болдырева, в пользу которого говорили политическая лояльность и огромный военный опыт. 24 сентября 1918 г. указом Директории N 2 за подписью членов Директории Н.Д. Авксентьева, В.М. Зензинова и В.В. Сапожникова, "члену Временного Всероссийского правительства Генерального штаба генерал-лейтенанту В.Г. Болдыреву вручается Верховное Главнокомандование всеми Российскими вооруженными силами" 273. Соответственно, в тот же день генерал издал свой первый приказ N 1, где заявил о вступлении в должность Верховного главнокомандующего "всеми русскими сухопутными и морскими вооруженными силами России" 274.

Приступая к исполнению своих обязанностей, Болдырев начал с образования единой системы командования. Вместо прежних многочисленных структур решено было сформировать Штаб Верховного главнокомандующего, начальником которого приказом N 3 от 25 сентября 1918 г. назначался генерал-лейтенант С.Н. Розанов 275. Первые назначения последовали уже 27 сентября 1918 г.: приказом N 4 при штабе Верховного Главнокомандующего были созданы Управления 1-го и 2-го генерал-квартирмейстеров (из бывших слушателей академии Генерального штаба), которые возглавили полковники Сыромятников и Леонов 276. При них создавались отделы: военно-учебных заведений, личного состава, информационный, контрразведки, снабжения, авиации и воздушного флота, военно-морской и речной, ремонта армии и казачьих войск. Канцелярия Штаба образовывалась из переданных в его состав и объединенных канцелярий Главного управления Генерального штаба и Военного ведомства Народной армии (приказы по штабу N 6 от 19 октября и N 19 от 26 октября 1918 г.) 277. Штаб Верховного Главнокомандующего, вместе с другими структурными подразделениями при Главковерхе, составил Ставку Верховного Главнокомандующего, комендантом которой был назначен полковник К.И. Гоппер. Сам Гоппер вспоминал: "Ставка в это время уже организовалась, правильнее говоря, приехала в почти готовом виде с большим по штату наличным составом, чем это требовалось обстоятельствами... Главные роли в Ставке были распределены между профессорами полковниками Слижиковым, Леоновым, Сыромятниковым и Касаткиным, остальные должности – между курсовыми офицерами, причем генеральские должности замещались сравнительно молодыми капитанами". 278 Местом расположения Ставки была первоначально Уфа, затем (по настоянию Болдырева) вслед за правительством она была перенесена в Омск.

Программа дальнейшей интеграции вооруженных сил разрабатывалась на основании стратегического плана Верховного Главнокомандования, утвержденного директивой В.Г. Болдырева от 9 октября 1918 г. и исходившего из мысли о необходимости двух последовательных фаз действий. К началу октября наступление противника четко обозначило четыре главных направления: а) Саратов – Уральск, б) Сызрань – Самара, в) Казань – Бугульма, г) Пермь – Екатеринбург. Исходя из обстановки на фронте, сущность 1-й фазы сводилась к временному отказу от широких стратегических задач с целью стабилизации фронта и осуществления необходимых реформирований – не исключалась возможность отхода вплоть до перевалов через

Уральский хребет. В случае первоначального успеха 2-я фаза предполагала нанесение главного удара через Пермь, Вятку и Вологду с целью соединения с войсками Северной области для последующих совместных действий на Москву (правым флангом), при одновременном сдерживании продвижения противника в Поволжье (центр) 279. 9 октября 1918 г. Главное Командование издало директиву, ставившую задачей занятие Перми. Для решения поставленной задачи предполагалось образовать три армейские группы: 1) ударную Северную армейскую группу – на Пермском направлении – из частей Сибирской армии и 2-й дивизии Чехословацкого корпуса; 2) Центральную армейскую группу – на Самарском направлении – из частей бывшей Народной армии, 1-й дивизии Чехословацкого корпуса и частей Уральского округа; 3) Южную армейскую группу – на Уральском и Оренбургском направлениях – из частей Уральского и Оренбургского казачьих войск 280. Произошел переход от войны, когда войска действовали преимущественно вдоль железнодорожных магистралей, к изнурительной и тяжелой маневренной войне с образованием жесткой линии фронта.

Директивой N 396 от 14 октября 1918 г. вся территория, расположенная к западу от линии: нижнее течение реки Обь до впадения реки Иртыш – река Иртыш до Павлодара и вся местность к югу от линии Павлодар – Славгород – Барнаул – Кузнецк объявлялась театром военных действий (ТВД) 281. Оперирующие против большевиков войска распределялись на три фронта: Западный, Южный и Сибирский. В состав Западного фронта вошли все союзные войска, действовавшие фронтом на запад от Ледовитого океана до линии Николаевск – Бузулук – Стерлитамак – Верхнеуральск – Кустанай – Павлодар, включая эти пункты. Главнокомандующим фронтом назначался генерал-майор чешской службы Я. Сыровы, после личной беседы начальником штаба у Сырового согласился стать бывший начальник штаба корпуса генерал-майор М.К. Дитерихс 282. Территориально фронт был установлен в районе от устья рек Печора и Лысьва и далее до восточных границ Пермской, Уфимской и Оренбургской губерний (Екатеринбургского, Златоустовского и Верхнеуральского уездов). Фронт разделялся на две части: к западу – район армий фронта, к востоку – район тыла фронта. Оперировавшие здесь войска приказом N 1 от 12 октября сводились в три армейские группы: Екатеринбургскую во главе с генерал-майором чешской службы Р. Гайдой (штаб в Екатеринбурге), которая была образована из войск бывшего Северо-Уральского фронта; Камскую во главе с генерал-лейтенантом С.Н. Люповым (штаб в Бирске) – из бывшего Камско-Бийского фронта; и Самарскую во главе с генерал-майором С.Н. Войцеховским (штаб в Уфе) – из бывшего Поволжского фронта 283. Для руководства русскими частями 29 октября 1918 г. в Челябинске учреждался особый Штаб русских войск Главнокомандующего Западным фронтом (приказ Главнокомандующего N 41 и штаба N 1 от 29 октября 1918 г.) во главе генерал-лейтенантом Трегубовым. Структура штаба включала Управление дежурного генерала, Начальников военных сообщений, артиллерийских и инженерных снабжений, Интендантскую, Санитарную, Ветеринарную и Военно-судную части; в качестве аппарата управлений были использованы находившиеся в Челябинске управления, учреждения и заведения бывшей Народной армии 284. Наконец, с целью улучшения организации снабжения и пополнения фронтовых частей, а также для упорядочения деятельности военной администрации приказом войскам Западного фронта N 3 от 16 октября 1918 г. на территории прифронтной полосы были образованы Курганский и Тюменский военные округа. На формирование их штабов и окружных управлений были обращены соответственно Управление 1-го Самарского армейского и Казанского отдельного корпусов бывшей Народной армии. Окружными районами устанавливались:

Курганскому военному округу (главный начальник – генерал-майор Георгиевский, начальник штаба – генерал-майор Власьев) – прифронтовые уезды Пермской, Уфимской и Оренбургской губерний; Тюменскому военному округу (главный начальник – генерал-лейтенант В.В. Рычков, начальник штаба – генерал-майор А.А. Вихирев) – прифронтовые уезды Тобольской и Пермской губерний. Приказом войскам фронта № 12 от 16 ноября штабы признавались сформированными и приступившими к выполнению своих обязанностей: Курганского – со 2 ноября, Тюменского – с 3 ноября; командование обоих округов подчинялось непосредственно Главнокомандующему Западного фронта 285.

Наиболее слабым звеном в системе Западного фронта представлялась Самарская армейская группа, основу которой составили отдельные части и соединения Народной армии. 24 октября 1918 г. вооруженные силы Комуча официально прекратили свое самостоятельное существование: в этот день приказом Верховного главнокомандующего № 19 была образована "Комиссия по реорганизации бывшей Народной армии", председателем которой назначался ставший генералом для поручений при Главковерхе генерал-майор Галкин 286. В задачу комиссии входили работы по ликвидации подлежащих переформированию или упразднению управлений, учреждений, заведений и войсковых частей Народной армии. Первое заседание ее состоялось лишь 13 ноября 1918 г., при этом политические дрызги в правительстве изначально обесценивали любую ее деятельность. Как вспоминал А.П. Перхуров, разногласия в правительстве на позициях отражались самым болезненным образом: "Получалось какое-то раздвоение и в армии... В части Народной армии не присылалось ни подкрепления, ни снабжения, ни даже денег, несмотря на то, что в Уфе были склады имущества и продовольствия, вывезенные Народной армией из Казани, Самары и Симбирска. Комуч и Директория оспаривали друг у друга право распоряжения этими запасами, а в результате находившиеся на фронте... оставались раздетыми" 287. Положение вскоре ухудшилось настолько, что начальник Ставки генерал К.И. Гоппер вынужден был констатировать: "На все подаваемые рапорты и ходатайства не получалось ни одного ответа, точно они были совсем забыты. Народная армия, борющаяся на фронте, была явно обречена на уничтожение" 288. По-прежнему устойчиво сохранялась открытая враждебность по отношению к волжанам со стороны сибиряков, экстраполировавших политические воззрения Комуча на его армию. П.П. Петров с негодованием и удивлением отмечал: "Заслуги их почти не ценились, а говорилось, что их надо подтянуть; офицеров, работавших в Самаре, почему-то считали эсерами: как будто лучше было бы, если бы в Самаре никто не выступил на борьбу или сразу же заспорил о приемлемости той или иной власти" 289. Подобное отношение заставляло последних держаться осторожно и обособленно. Выехавшему 8 ноября 1918 г. на фронт военному и морскому министру Директории вице-адмиралу А.В. Колчаку сразу же бросилось в глаза то, что в действующей армии четко прослеживались "две стороны, которые довольно враждебно относились друг к другу... Между ними существовала довольно открытая вражда... Было много случаев столкновения между офицерами..." 290. Политические интриги, недоверие к власти и ответная подозрительность, отсутствие четких перспектив на будущее, необходимость сражаться под чуждыми лозунгами и постоянное физическое и психическое переутомление приводили к появлению ряда тревожных симптомов. Директория, сохранившая большинство пороков своих предшественников, по большому счету абсолютно не пользовалась популярностью в военных кругах, недовольных компромиссным характером объединения. Военные, как отметил для себя А.В. Колчак, уже после первых встреч в Омске, "относились совершенно отрицательно к Директории. Они говорили, что Директория – это есть повторение того же самого Керенского, что Авксентьев – тот же Керенский, что, идя

по тому же пути, который пройден уже Россией, они неизбежно приведут ее снова к большевизму, и что в армии доверия к Директории нет" 291. Подобные настроения демонстрировались совершенно открыто, зачастую в общественных местах. Соответственно, поволжское офицерство в массе своей констатировало, что "части Народной армии... отнеслись к избранию правительства "Всея Руси" равнодушно. Директория ни в чем не проявила своей работы, и судьба ее мало кого волновала" 292.

Окончательно ухудшил положение начавшийся 2 ноября 1918 г. постепенный отвод всех чешских формирований в тыл для приведения в порядок, отдыха и пополнения. Измученные непрерывными боями, лишённые подкреплений, плохо вооруженные и обмундированные, войска бывшего Поволжского фронта, по словам В.Г. Болдырева, обратились "в тонкую паутину, которая начала легко рваться под напором красных" 293. Положению на этом участке фронта было посвящено специальное совещание у Главковерха, поводом для которого послужило ходатайство Главнокомандующего Западным фронтом генерала Я. Сыровы, запрашивавшего помощь Уфимскому фронту (до 10000 новобранцев) и предлагавшего использовать для этого части Сибирской армии. Принятое под давлением сибирского командования решение гласило: постараться усилить Самарскую группу путем перегруппировки частей бывшей Народной армии, но вместе с тем в случае, если эти меры окажутся недостаточными, быть готовыми к выдвиганию на фронт 6-й Уральской дивизии, а за ней и остальных частей корпуса 294. Несмотря на критическое положение, в период Директории существенной помощи войскам бывшего Волжского фронта оказано не было. По воспоминаниям П.П. Петрова, "чехи уходили, а новых сил не было. Уральцы (6-я дивизия) еще не приходили; их обещали к 1-му декабря, но они запаздывали. Приходилось оставлять Самарское направление на конный дивизион Фортунатова, батальон Учредительного собрания и посылать несколько рот только что сформированного Русско-Чешского полка" 295. Упомянутый батальон Учредительного собрания заслуживал особого внимания. Образованный еще в Самаре, он именовался "Особым батальоном имени Учредительного собрания" и являлся элитной частью, формировавшейся из числа убежденных социалистов, имевшей свои уставы и правила формирования 296. Находившийся в тылу и всячески оберегаемый, этот батальон насчитывал в своих рядах порядка 1000 человек – лишь чрезвычайное положение на фронте заставило командование двинуть его на помощь измотанной боями и сократившейся до 400 штыков Казанской дивизии. Появление его на позициях было обставлено с невероятной помпой и сопровождалось митингами и призывами к "защите завоеваний революции". Насколько реально полноценной в боевом плане оказалась эта часть, свидетельствовал офицер-казанец полковник Ф.Ф. Мейбом: "Перед рассветом красные перешли в наступление, и их удар был сосредоточен на участке батальона..., который они без труда прорвали. Большинство этих "героев" перешло на сторону красных, остальные, оставив свои позиции, в панике бросились бежать в тыл. Снова по тревоге мы были брошены в бой и к утру восстановили полностью прежнее положение фронта. По пути мы ловили беглецов из этого социалистического батальона и силой заставляли вливаться в наши цепи. Один из командиров роты... не пожелал войти в наши ряды, заявив нам, что он офицер и рядовым солдатом не будет, но, получив несколько хороших... тумачков, схватил винтовку и вошел в цепь... Было много курьезных сцен, когда командиры частей гонялись по полю за своими неожиданными "пополнениями"... Попытка Уфимской директории давать нам такие пополнения была каплей, переполнившей чашу нашего терпения. От рядового бойца и до офицера все были озлоблены и разъярены случившимся" 297.

* * *

В 10-х числах ноября 1918 г. антибольшевицкий фронт на Востоке России общей протяженностью в 850 верст в общих чертах стабилизировался и приобрел законченную структуру. Его основу составлял Западный фронт (Главкомандующий – генерал-майор чешской службы Я. Сыровы), в свою очередь разделявшийся на оперативные фронты: Северо-Уральский (Екатеринбургская армейская группа), Камско-Бийский (Камская армейская группа) и Самаро-Уфимский (Самарская армейская группа); к последнему примыкал Южный фронт (Южная армейская группа или Юго-Западная армия). Как отмечалось в Ставке, "скудность железнодорожной сети вдоль левого берега Волги крайне затрудняла маневрирование и взаимную поддержку. Каждая отдельная группа, в сущности, предоставлялась своим собственным силам" 298. Бывшая Народная армия к середине октября 1918 г. окончательно прекратила свое существование как организованное целое. Сопротивление продолжали оказывать лишь отдельные разрозненные отряды различного, зачастую случайного состава, по мере отступления вливавшиеся в структуру новообразованных Западного и Юго-Западного фронтов. Итогом явилось полное рассредоточение Народной армии.

Менее всего частей бывшей Народной армии оказалось в составе Екатеринбургской армейской группы, в командование которой 12 октября 1918 г. вступил генерал-майор чешской службы Р. Гайда. Располагаясь на правом фланге Западного фронта, войска группы прикрывали направление на Екатеринбург. Здесь на Красноуфимском направлении (начальник – генерал-майор Гривин) действовала 4-я Приволжская отдельная бригада (полковник Клопов). Бригада была образована 4 ноября 1918 г. согласно приказанию начальника штаба Западного фронта. Кадром для ее образования послужили находившийся здесь ранее 10-й Бугурусланский и направленный из Тюмени через Екатеринбург 12-й Бугульминский стрелковые полки (ранее они входили в состав бывшей 3-й стрелковой дивизии и штаб полковника Клопова) 299.

Несколько больше поволжских частей было включено в состав Камской армейской группы, прикрывавшей направление на Мензелинск – Бирск; 15 октября 1918 г. в командование группой вступил бывший начальник 3-й стрелковой дивизии генерал-лейтенант С.Н. Люпов. 17 октября 1918 г. приказом № 4 по войскам группы в ее состав включались: 1-я Уфимская сводная стрелковая дивизия (Аскинский, Бирский и Стерлитамакский стрелковые полки, образованные из сети партизанских отрядов Прикамья, Сарапульский отряд и 4-й Уфимский кавалерийский полк) и образовавшая резерв 4-я стрелковая (Уфимская) дивизия бывшей Народной армии (13-й, 14-й, 15-й Уфимские и 16-й Татарский стрелковые полки, 4-й Уфимский артдивизион). Приказом Верховного главнокомандующего № 6 от 30 сентября 1918 г. все формирования Уфимского района были сведены в Уфимский армейский (с 19 октября – отдельный) корпус в составе 1-й Уфимской сводной стрелковой дивизии полковника Пронина (Бирский, Аскинский, Стерлитамакский и Прикамский стрелковые полки, 4-й Уфимский кавалерийский полк) и 4-й Уфимской стрелковой дивизии генерал-майора Тиманова (13-й, 14-й Уфимские, 15-й Михайловский и 16-й Татарский стрелковые полки, 4-й Уфимский артдивизион: 1-я, 2-я и 3-я легкие, 4-я гаубичная батарея) 300.

Главные силы бывшей Народной армии послужили основой для создания Самарской армейской группы, располагавшейся в центре Западного фронта и прикрывавшей

направление на Уфу – Златоуст. 18 октября 1918 г. в командование группой вступил генерал-майор С.Н. Войцеховский, штаб которого был образован из бывшего Полевого штаба Командующего Поволжским фронтом. Основной костяк группы составили войска Казанской, Симбирской и Николаевской групп, действовавшие в районе между рекой Кама и линией Николаевск – Бузулук – Стерлитамак. Наиболее крупным и сохранявшим относительную боеспособность соединением Симбирская группа, возглавляемая полковником В.О. Каппелем и разделявшаяся по оперативным направлениям на станции Мелекес и Нурлат. В ее состав входили: Особая Самарская сводная бригада (полковник Каппель; 1-й и 2-й Самарские стрелковые полки, Самарская конная батарея, а также приданные части: 1-я, 5-я легкие и гаубичная Самарские батареи, Самарская инженерная рота); 1-я Казанская стрелковая дивизия Казанского корпуса (полковник А.П. Перхуров; 1-й, 2-й и 3-й и 4-й (один батальон) Казанские стрелковые полки, 1-й легкий Казанский артдивизион, а также приданные части: Уржумский отряд, Партизанский отряд атамана Свешникова, Казанская дружина и телеграфная рота); 6-я Симбирская стрелковая дивизия (полковник Шмидт; 21-й и 22-й Симбирские, 23-й Сенгилеевский и 24-й Буинский стрелковые полки, 1-я, 2-я легкие и гаубичная Симбирские батареи, инженерная и саперная роты); 9-й Ставропольский стрелковый полк, Самарский уланский дивизион, Оренбургский казачий полк, Кавалерийский отряд полковника Нечаева, Особый конный отряд поручика Копьева, 1 броневик. Общая численность войск в итоге составляла 4460 штыков, 711 сабель, 140 пулеметов, 38 орудий (из них 5 тяжелых) 301. Понесшая изрядные потери и сильно сократившаяся по численности 17 ноября 1918 г. Симбирская группа была переформирована в Сводный корпус под командованием Каппеля в составе особой Самарской, Казанской и Симбирской отдельных стрелковых бригад, штабы которых содержались по штатам штабов дивизий 302. Тогда же, 17 ноября, Указом Временного Всероссийского правительства В.О. Каппель, вопреки практиковавшемуся запрету на производство в чины на период междоусобной борьбы, был произведен в генерал-майоры, что являлось единственным за весь короткий период существования Директории исключением, обеспеченным единодушным согласием членов правительства и Главковерха. 18 ноября последовало соответствующее телеграфное извещение 303. Наконец, помимо каппелевских частей, в состав войск Самарской группы также вошли остатки 1-й стрелковой (Самарской) дивизии полковника Потапова (1-й, 2-й, 3-й и 4-й Самарские стрелковые полки, Георгиевский стрелковый батальон, 1-я стрелковая артиллерийская бригада, 1-й гаубичный и 1-й тяжелый артдивизионы, 1-й Самарский кавалерийский полк) 304. Общая численность войск Самарской группы составляла около 14500 штыков, 1500 сабель, 140 пулеметов, 70 орудий 305.

Наконец, самостоятельная группировка войск бывшей Народной армии имелась в войсках Южного фронта, прикрывавшего направление на Оренбург – Уральск и удерживавшегося силами Южной армейской группы, во главе которой по-прежнему оставался атаман Оренбургского казачьего войска генерал-майор А.И. Дутов. В ее состав входили: 5-я Оренбургская стрелковая дивизия, сформированная в Оренбургском военном округе из числа иногороднего населения (полковник Нейзель; 18-й, 19-й, 20-й и 21-й Оренбургские стрелковые полки, Оренбургский стрелковый добровольческий полк, 5-я стрелковая артиллерийская бригада – 1-й тяжелый и 2-й легкий артдивизионы, а также приданные ей Оренбургские офицерский батальон и Добровольческая дружина) 306; отряд полковника Ф.Е. Махина (затем переименованный в группу полковника А.С. Бакича), до 20-х чисел октября 1918 г. формально находившийся в составе Самарской армейской группы (11-й Бузулукский стрелковый полк 3-й стрелковой дивизии; а также части 2-й

Сызранской стрелковой дивизии: 5-й и 6-й Сызранские, 7-й Хвалынский, 8-й Вольский стрелковые полки, 2-й Сызранский кавалерийский полк, Кузнецкий добровольческий батальон, 2-я стрелковая артиллерийская бригада, 2-й тяжелый артдивизион, Сызранская инженерная рота, Отряд защиты Учредительного собрания) 307.

К середине ноября 1918 г. оперативная обстановка относительно стабилизировалась. На Северном участке линия фронта проходила восточнее Перми и Кунгура, на Среднем – между Уфой и Бугульмой, на Южном – западнее Оренбурга и Уральска. Екатеринбургская группа на Пермском направлении разворачивала успешное наступление; Самарская группа производила перегруппировку с целью остановить противника на Бугульминском направлении встречным ударом; Камская группа своими действиями обеспечивала развитие операций на севере. В таком составе фронт встретил известие о произошедшем в Омске 18 ноября 1918 г. государственном перевороте и назначении произведенного в полные адмиралы А.В. Колчака Верховным правителем России и Верховным главнокомандующим ее сухопутными и морскими вооруженными силами.

Примечания

1 Цит. по: Хрестоматия по отечественной истории (1914-1945 гг.). / Под ред. А.Ф. Киселева, Э.М. Щагина. – М.: ВЛАДОС, 1996. С. 214.

2 Климушкин П.Д. Перед волжским восстанием. // Воля России. – Прага, 1928. № 8-9. С. 218-219; Ненароков А.П. Восточный фронт. 1918 г. – М.: Наука, 1969. С. 32-33; Гармиза В.В. Крушение эсеровских правительств. – М.: Мысль, 1970. С. 16-17.

3 Цит. по: Климушкин П.Д. Указ. соч. С. 219.

4 Цит. по: Хрестоматия по отечественной истории... С. 214.

5 Там же. С. 215.

6 Ненароков А.П. Указ. соч. С. 29-32.

7 Медведев Е.И. Гражданская война в Среднем Поволжье (1917-1919). – Саратов: Изд. Саратов. ун-та, 1974. С. 83-84; Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. – М.: Мысль, 1983. С. 59.

8 Климушкин П.Д. Указ. соч. С. 226; Гусев К.В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. – М.: Мысль, 1975. С. 223.

9 Владимирова В. Год службы "социалистов" капиталистам. Очерки по истории контрреволюции в 1918 г. – М.-Л., 1927. С. 218.

10 Хрулев В.В. Чехословацкий мятеж и его ликвидация. – М.: Воениздат, 1940. С. 31-32.

11 Лебедев В.И. От Петрограда до Казани (Восстание на Волге в 1918 г.). // Воля России. – Прага, 1928. N 8-9. С. 197.

12 Спириин Л.М. Классы и партии в Гражданской войне в России (1917-1922). – М., 1968. С. 422-425.

13 Голииков Д.Л. Крах вражеского подполья (Из истории борьбы с контрреволюцией в Советской России 1917-1924 гг.). – М.: Политиздат, 1971. С. 82, 84-85; Спириин Л.М. Классы и партии в Гражданской войне в России (1917-1920). – М.: Мысль, 1968. С. 156; Бондаренко А., Красильников С. Узник Нарымского края. Жизнь и судьба Дмитрия Донского. // Родина. – М., 2000. N 8. С. 64; Политические деятели России. 1917 г. / Под ред. П.В. Волобуева. – М., 1993. С. 87.

14 Лебедев В.И. От Петрограда до Казани (Восстание на Волге в 1918 г.). // Воля России. – Прага, 1928. N 8-9. С. 63-64.

15 Цит. по: Владимирова В. Указ. соч. С. 230.

16 Там же. С. 217.

17 Цит. по: Заика Л.М., Бобренев В.А. Атаман Анненков. // Военно-Исторический журнал. – М., 1991. N 3. С. 70.

18 Николаев С.Н. Возникновение и организация "Комуча". // Воля России. – Прага, 1928. N 8-9. С. 235.

19 Цит. по: Красная книга ВЧК. – М.: Политиздат, 1989. Т. 1. С. 57-58.

20 Савинков Б.В. борьба с большевиками. – Варшава: Изд. Рус. Полит. К-та, 1920. С. 26.

21 Перхуров А.П. Исповедь приговоренного. – Рыбинск: Рыбинское подворье, 1990. С. 8-9; Савинков Б.В. Указ. соч. С. 25-26; Голииков Д.Л. Указ. соч. С. 100-103; Красная книга ВЧК... С. 20-21, 52-53, 60.

22 Савинков Б.В. Указ. соч. С. 26; Перхуров А.П. Указ. соч. С. 9.

23 Красная книга ВЧК... С. 60, 90-92.

24 Там же. С. 101-102; Волков С.В. Трагедия русского офицерства. – М., 1999. С. 214.

25 Знаменский Н. Время чехов. // Борьба за Казань. Сб. материалов о чехо-учредилловской интервенции в 1918 г. – Казань: Изд. комбината изд-ва и печати, 1924. С. 124-125.

26 Лейтенант NN. Записки белогвардейца. // Архив Русской революции. – Берлин: Изд. И.В. Гессена, 1923. Т. 10. С. 66-67.

27 Цит. по: Хрестоматия по Отечественной истории... С. 215.

28 Чечек С. От Пензы до Урала. // Воля России. Ежемесячный журнал политики и культуры. – Прага, 1928. N 8-9. С. 257.

- 29 Медведев Е.И. Указ. соч. С. 84; Иоффе Г.З. Указ. соч. С. 59; Майский И.М. Демократическая контрреволюция. – М.-Пг.: Гос. изд., 1923. С. 49.
- 30 Каминский В.В. Служил ли Каппель в Красной армии? // История Белой Сибири. – Кемерово, 2001. Ч. 4. С. 135-136; Аптекарь П. С бабами и детишками не воевал. Воинский путь генерала Каппеля. // Родина. – М., 1997. N 7. С. 58.
- 31 Майский И.М. Указ. соч. С. 48, 55; Петров П.П. От Волги до тихого океана в рядах белых (1918-1922 гг.). – Рига: Изд. М. Дидковского, 1930. С. 244-245; Попов Ф.Г. Чехословацкий мятеж и Самарская учредилка. – Куйбышев, 1937. С. 91; Иоффе Г.З. Указ. соч. С. 57, 59; Гармиза В.В. Крушение эсеровских правительств. – М.: Мысль, 1970. С. 18-19.
- 32 Ненароков А.П. Указ. соч. С. 68; Попов Ф.Г. 1918-й год в Самарской губернии. Хроника событий. – Куйбышев: Куйбышев. книжн. изд., 1972. С. 133.
- 33 Хрулев В.В. Чехословацкий мятеж и его ликвидация. – М.: Воениздат, 1940. С. 10; Колесников И.А. Военные действия на территории Самарской губернии в 1918-1921 гг. – Самара: Изд. Губ. Октябрьской комиссии, 1927. С. 9-10; Степанов А.П. Симбирская операция. // Белое дело. Летопись Белой борьбы. / Под ред. А.А. фон Лампе. – Берлин: К-во "Медный всадник, 1926. Т. 1. С. 88-89.
- 34 Цит. по: Хрестоматия по Отечественной истории... С. 216.
- 35 Климушкин П.Д. Борьба за демократию на Волге. // Гражданская война на Волге в 1918 г. – Прага, 1930. С. 77.
- 36 Цит. по: Лелевич Г. (Л. Могилевский). В дни Самарской учредилки. – М.: Гос. Изд., 1921. С. 9-10.
- 37 Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. Из истории Гражданской войны на Волге, Урале и в Сибири. – Белград, 1930. Т. 1. С. 100; Майский И.М. Указ. соч. С. 149; Гармиза В.В. Указ. соч. С. 32.
- 38 Петров П.П. Указ. соч. С. 21.
- 39 Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. – Palo-Alto, 1937. Ч. 3. Кн. 7. С. 88.
- 40 Щепихин С.А. Под стягом Учредительного собрания. // Гражданская война на Волге в 1918 г. – Прага, 1930. С. 198.
- 41 Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 99.
- 42 Петров П.П. Указ. соч. С. 15.
- 43 Федорович А.А. Генерал Каппель. – Мельбурн: Изд. Русского дома, 1967. С. 23-24.
- 44 Войнов В.М. Офицерский корпус Белых армий на Востоке страны (1918-1920). // Отечественная история. – М., 1994. N 6. С. 54.

45 Штейдлер Ф. Выступление чехословаков в России. // Вольная Сибирь. – Прага, 1928. Т. 4. С. 26.

46 Цит. по: Хрестоматия по Отечественной истории... С. 214.

47 Болдырев В.Г. Директория, Колчак, интервенты. Воспоминания. – Новониколаевск: Сибкрайиздат, 1925. С. 22.

48 Климушкин П.Д. Указ. соч. С. 48.

49 Гоппер К.И. Четыре катастрофы. Воспоминания. – Рига: Riti, 1920. С. 77.

50 Климушкин П.Д. Указ. соч. С. 73.

51 Путеводитель по фондам Белой армии. Российский государственный военный архив. / Сост. Н.Д. Егоров, Н.В. Пульченко, Л.М. Чижова. – М.: Русское Библиографическое общество, 1998. С. 9; Петров П.П. Указ. соч. С. 22.

52 Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 100; Гармиза В.В. Указ. соч. С. 32.

53 Климушкин П.Д. Указ. соч. С. 73-74.

54 Там же. С. 74-75.

55 Там же. С. 73.

56 Гармиза В.В. Указ. соч. С. 34.

57 Климушкин П.Д. Указ. соч. С. 75-76.

58 Майский И.М. Указ. соч. С. 153, 160.

59 Цит. по: Попов Ф.Г. 1918 год в Самарской губернии. Хроника событий. – Куйбышев: Куйбышев. книжн. изд., 1972. С. 137; Попов Ф.Г. Чехословацкий мятеж и Самарская учредилка... С. 191.

60 Майский И.М. Указ. соч. С. 153.

61 Цит. по: Иоффе Г.З. Указ. соч. С. 64.

62 Попов Ф.Г. 1918 год в Самарской губернии. Хроника событий... С. 134.

63 Петров П.П. Указ. соч. С. 17.

64 Гоппер К.И. Указ. соч. С. 77.

65 РГВА. Ф. 39551. Оп. 1. Д. 16. Лл. 2 об.-3 об.

66 Петров П.П. Указ. соч. С. 50.

67 Головин Н.Н. Указ. соч. Ч. 3. Кн. 7. С. 89.

68 РГВА. Ф. 39551. Оп. 1. Д. 16. Л. 10 об.

69 Лебедев В.И. Указ. соч. С. 97-98; Петров П.П. Указ. соч. С. 31; Попов Ф.Г. Указ. соч. С. 144-145, 152.

70 Филатьев Д.В. Катастрофа Белого движения в Сибири 1918-1920: впечатления очевидца. – Париж: ИМКА-пресс, 1987. С. 20; Волков С.В. Белое движение в России: организационная структура. – М., 2000. С. 339; Батурин В. Семь месяцев в руках белогвардейщины. // Поезд смерти. / Сост. Ф.Г. Попов. – Куйбышев: Куйбышев. книжн. изд., 1957. С. 120.

71 РГВА. Ф. 39551. Оп. 1. Д. 16. Л. 2.

72 Там же. Лл. 10 об.-11.

73 Лелевич Г. (Л. Могилевский). Указ. соч. С. 11-12.

74 Гармиза В.В. Указ. соч. С. 51-52.

75 РГВА. Ф. 39551. Оп. 1. Д. 16. Лл. 3 об. – 4 об.

76 Там же. Л. 5.

77 Гармиза В.В. Указ. соч. С. 144.

78 Климушкин П.Д. Указ. соч. С. 51.

79 Цит. по: Лебедев В.И. Указ. соч. С. 82-83.

80 Петров П.П. Указ. соч. С. 16; Поезд смерти. – Куйбышев, 1957. С. 7-17.

81 Лейтенант NN. Указ. соч. С. 85.

82 Цит. по: Гармиза В.В. Указ. соч. С. 254.

83 Климушкин П.Д. Указ. соч. С. 48-49.

84 Перхуров А.П. Указ. соч. С. 21; Федичкин Д.И. Ижевское восстание в период с 8 августа по 20 октября 1918 г. // Первопоходник. – Лос-Анжелес, 1974. N 17. С. 71-73.

85 Цит. по: Гармиза В.В. Указ. соч. С. 35.

86 Майский И.М. Указ. соч. С. 139.

87 Там же. С. 133.

88 Климушкин П.Д. Указ. соч. С. 48.

89 Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент в русской истории. (Впечатления и мысли члена Омского правительства). – Пекин: Тип. Русской духовной миссии, 1921. Т. 1. Ч. 1. С. 132.

- 90 Климушкин П.Д. Указ. соч. С. 50.
- 91 Войнов В.М. Указ. соч. С. 51.
- 92 Лейтенант NN. Указ. соч. С. 84.
- 93 Климушкин П.Д. Перед Волжским восстанием. // Воля России. – Прага, 1928. N 8-9. С. 226-227.
- 94 Лебедев В.И. Указ. соч. С. 94.
- 95 Попов Ф.Г. 1918 год в Самарской губернии... С. 156.
- 96 Болдырев В.Г. Директория, Колчак, интервенты. Воспоминания. – Новониколаевск: Сибкрайиздат, 1925. С. 28.
- 97 Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 100.
- 98 Филатьев Д.В. Указ. соч. С. 20.
- 99 Климушкин П.Д. Борьба за демократию на Волге... С. 86.
- 100 Гармиза В.И. Указ. соч. С. 36.
- 101 Климушкин П.Д. Указ. соч. С. 79-80.
- 102 Там же. С. 79-80.
- 103 Петров П.П. Указ. соч. С. 25.
- 104 Климушкин П.Д. Указ. соч. С. 80-81.
- 105 РГВА. Ф. 39611. Оп. 1. Д. 6. Л. 1 об.; Петров П.П. Указ. соч. С. 26; Щепихин С.А. Указ. соч. С. 198.
- 106 РГВА. Ф. 39504. Оп. 1. Д. 9. Л. 160.
- 107 Гармиза В.В. Указ. соч. С. 41-43.
- 108 Цит. по: Лелевич Г. (М. Могилевский). Указ. соч. С. 38-39.
- 109 Гармиза В.В. Указ. соч. С. 23-25.
- 110 Цит. по: Попов Ф.Г. Чехословацкий мятеж и Самарская учредилка... С. 174.
- 111 Цит. по: Николаев С.Н. Указ. соч. С. 138.
- 112 Там же. С. 138.
- 113 РГВА. Ф. 39504. Оп. 1. Д. 9. Лл. 157, 169.
- 114 Там же. Л. 173.

115 РГВА. Ф. 39551. Оп. 1. Д. 16. Л. 19.

116 РГВА. Ф. 39504. Оп. 1. Д. 9. Лл. 157, 165.

117 Там же. Л. 172.

118 Там же. Л. 172 об.

119 Там же. Л. 176.

120 Там же. Л. 171.

121 Цит. по: Лебедев В.И. Указ. соч. С. 188-197.

122 РГВА. Ф. 39551. Оп. 1. Д. 16. Л. 24; Ф. 39556. Оп. 1. Д. 1. Л. 29.

123 Там же. Лл. 24, 35 об., 44.

124 РГВА. Ф. 39551. Оп. 1. Д. 16. Л. 21 об.; Ф. 39556. Оп. 1. Д. 1. Лл. 1-3; Путеводитель по фондам Белой армии... С. 209.

125 Петров П.П. Указ. соч. С. 52.

126 Шушпанов С.Г. Забытая дивизия. // Белая армия. Белое дело. – Екатеринбург, 1997. N 3. С. 8-16; Волков С.В. Указ. соч. С. 103, 339; РГВА. Ф. 39551. Оп. 1. Д. 16. Л. 19; Ф. 39556. Оп. 1. Д. 1. Л. 18.

127 РГВА. Ф. 39551. Оп. 1. Д. 16. Лл. 19, 36, 44-44 об.; Волков С.В. Указ. соч. С. 53; Филимонов Б.Б. Белая армия адмирала Колчака. – М.: Рейтар, 1997. С. 40.

128 РГВА. Ф. 39551. Оп. 1. Д. 16. Л. 24; Ф. 39548. Оп. 1. Д. 1. Лл. 2-4.

129 Путеводитель по фондам Белой армии... С. 210.

130 РГВА. Ф. 39551. Оп. 1. Д. 16. Л. 24 об.; Ф. 39548. Оп. 1. Д. 24. Лл. 138, 321.

131 РГВА. Ф. 39551. Оп. 1. Д. 16. Лл. 35 об. – 36, 50.

132 РГВА. Ф. 39551. Оп. 1. Д. 17, Лл. 6-7; Д. 15. Л. 22; Путеводитель по фондам Белой армии... С. 10-11.

133 Петров П.П. Указ. соч. С. 31.

134 Там же. С. 32.

135 Вырыпаев В.О. Из записок полк. Вырыпаева// Первопоходник. – Лос-Анжелес, 1974. N 17. С. 12.

136 Климушкин П.Д. Указ. соч. С. 96; Урал и Прикамье. Ноябрь 1918 – январь 1919 гг. Народное сопротивление коммунизму в России. Документы и материалы. – Париж: ИМКА-пресс, 1982. С. 225.

- 137 Климускин П.Д. Указ. соч. С. 97; Петров П.П. Указ. соч. С. 34-35.
- 138 Вырыпаев В.О. Указ. соч. С. 11-12; Петров П.П. Указ. соч. С. 35; Головин Н.Н. Указ. соч. – Пало-Альто, 1937. Ч. 4. Кн. 7. С. 89; Федорович А.А. Указ. соч. С. 33-35; Гармиза В.В. Указ. соч. С. 35; Ненароков А.П. Указ. соч. С. 197-198; Николаев С. Н. Указ. соч. С. 147.
- 139 Гармиза В.В. Указ. соч. С. 27; Путеводитель по фондам Белой армии... С. 10.
- 140 Цит. по: Майский И.М. Указ. соч. С. 75-76.
- 141 РГВА. Ф. 39551. Оп. 1. Д. 16. Л. 38.
- 142 РГВА. Ф. 39465. Оп. 1. Д. 1. Лл. 1-4; Д. 2, Лл. 2-2 об.; Путеводитель по фондам Белой армии... С. 10.
- 143 Гармиза В.В. Указ. соч. С. 38.
- 144 РГВА. Ф. 39551. Оп. 1. Д. 16. Л. 28 об.
- 145 Там же. Л. 44.
- 146 Путеводитель по фондам Белой армии... С. 140.
- 147 РГВА. Ф. 39551. Оп. 1. Д. 16. Л. 47.
- 148 Там же. Л. 44 об.; Шушпанов С.Г. Указ. соч. С. 15-17; РГВА. Ф. 39556. Оп. 1. Д. 1. Л. 28.
- 149 РГВА. Ф. 40037. Оп. 1. Д. 5. Л. 3; Ф. 39500. Оп. 1. Д. 3. Лл. 93-93 об., 94-94 об.
- 150 Гражданская война и военная интервенция в СССР. 1917-1922. – М., 1997. С. 202; Белая Россия. / Сост. С.В. Денисов. – Нью-Йорк, 1937. С. 36-38; Попов Ф.Г. 1918 год в Самарской губернии... С. 171.
- 151 РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 8. Лл. 132-134.
- 152 Там же. Д. 1. Лл. 68-68 об., 95, 97, 225, 226, 288, 347.
- 153 РГВА. Ф. 40037. Оп. 1. Д. 5. Лл. 1-6.
- 154 РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 1. Лл. 68-68 об., 80, 85, 95, 97, 118-119, 225-226, 228, 347 363, 392, 418; Д. 8. Лл. 132-134; Д. 27. Лл. 1, 7 об.
- 155 Гражданская война и военная интервенция в СССР... С. 18.
- 156 Ненароков А.П. Указ. соч. С. 196.
- 157 Ефимов А.Г. Ижевцы и воткинцы. // Вестник первоходника. – Лос-Анжелес, 1966. N 61-62. С. 3-4, 16-18; Федичкин Д.И. Ижевское восстание в период с 8 августа по 20 октября 1918 г. // Первоходник. – Лос-Анжелес, 1974. N 17. С. 72; Лотков С.Н.

Камско-воткинский завод и его рабочие. // Урал и Прикамье. Ноябрь 1918 – январь 1919 г. – Париж, 1982. С. 433.

158 Лебедев В.И. Указ. соч. С. 172.

159 Мейбом Ф.Ф. Тернистый путь // Первопоходник. – Лос-Анжелес, 1975. N 26. С. 6.

160 Путеводитель по фондам Белой армии... С. 207-208.

161 Цит. по: Лебедев В.И. Указ. соч. С. 173.

162 Знаменский Н. Указ. соч. С. 173.

163 РГВА. Ф. 39611. Оп. 1. Д. 7. Лл. 14-14 об., 15.

164 Мейбом Ф.Ф. Указ. соч. С. 10-13.

165 Путеводитель по фондам Белой армии... С. 97-98, 110.

166 РГВА. Ф. 39551. Оп. 1. Д. 16. Л. 59; Ф. 40037. Оп. 1. Д. 8. Л. 281.

167 РГВА. Ф. 40037. Оп. 1. Д. 5. Лл. 7-7 об.

168 РГВА. Ф. 39611. Оп. 1. Д. 7. Лл. 2, 9, 17; Ф. 40037. Оп. 1. Д. 7. Л. 25; Д. 8. Л. 247; Путеводитель по фондам Белой армии... С. 134, 208.; Волков С.В. Белое движение в России... С. 27.

169 РГВА. Ф. 39611. Оп. 1. Д. 7. Л. 25.

170 Вырыпаев В.О. Записки В.О. Вырыпаева. // Первопоходник. – Лос-Анжелес, 1974. N 17. С. 12; Климушкин П.Д. Указ. соч. С. 86.

171 Болдырев В.Г. Указ. соч. С. 29.

172 Майский И.М. Указ. соч. С. 161.

173 Филатьев Д.В. Указ. соч. С. 21.

174 Щепихин С.А. Указ. соч. С. 198.

175 Попов Ф.Г. 1918-й год в Самарской губернии... С. 150-151, 156-157.

176 Попов Ф.Г. Чехословацкий мятеж и Самарская учредилка... С. 154.

177 Ненароков А.П. Указ. соч. С. 69.

178 Цит. по: Майский И.М. Указ. соч. С. 38-39.

179 Попов Ф.Г. 1918 год в Самарской губернии... С. 160, 162, 165.

180 Гармиза В.В. Указ. соч. С. 157, 159.

- 181 Там же.
- 182 Попов Ф.Г. Указ. соч. С. 173-174, 184.
- 183 Там же. С. 191, 203.
- 184 Головин Н.Н. Указ. соч. Ч. 4. Кн. 8. С. 73-74.
- 185 Климушкин П.Д. Указ. соч. С. 85.
- 186 Цит. по: Климушкин П.Д. Указ. соч. С. 81-82.
- 187 Цит. по: Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 101.
- 188 Цит. по: Попов Ф.Г. Указ. соч. С. 213-214.
- 189 Климушкин П.Д. Указ. соч. С. 76.
- 190 Николаев С.Н. Указ. соч. С. 141.
- 191 Майский И.М. Указ. соч. С. 152.
- 192 Там же. С. 153-155.
- 193 Щепихин С.А. Указ. соч. С. 200.
- 194 Константинов С. И. Трагедия офицерского корпуса Белых армий на Востоке страны. // Белая армия. Белое дело. – Екатеринбург, 1996. N 1. С. 22.
- 195 РГВА. Ф. 39884. Оп. 1. Д. 1. Л. 707 об.
- 196 РГВА. Ф. 39551. Оп. 1. Д. 16. Л. 108.
- 197 Войнов В.М. Указ. соч. С. 54.
- 198 Петров П.П. Указ. соч. С. 27.
- 199 Попов Ф.Г. Чехословацкий мятеж и Самарская учредилка... С. 198-199; Иоффе Г.З. Указ. соч. С. 62.
- 200 Савинков Б.В. Указ. соч. С. 49.
- 201 Шушпанов С.Г. Указ. соч. С. 11.
- 202 Мейбом Ф.Ф. Указ. соч. // Первопоходник. – Лос-Анжелес, 1975. N 25. С. 12.
- 203 Гоппер К.И. Указ. соч. С. 77.
- 204 Сахаров К.В. Белая Сибирь (Внутренняя война 1918-1922). – Мюнхен, 1923. С. 11-12.
- 205 Мейбом Ф.Ф. Указ. соч. // Первопоходник. – Лос-Анжелес, 1975. N 26. С. 9.

- 206 Лейтенант NN. Указ. соч. С. 84.
- 207 Болдырев В.Г. Указ. соч. С. 45.
- 208 Головин Н.Н. Указ. соч. С. 101.
- 209 Майский И.М. Указ. соч. С. 155-157.
- 210 Гармиза В.В. Указ. соч. С. 35-36; Майский И.М. Указ. соч. С. 156-157.
- 211 Вырыпаев В.О. Указ. соч. // Первопоходник. – Лос-Аджелес, 1974. N 19. С. 32.
- 212 Попов Ф.Г. 1918 год в Самарской губернии... С. 158; Знаменский Н. Указ. соч. С. 152.
- 213 Щепихин С.А. Указ соч. С. 198.
- 214 Климушкин П.Д. Указ. соч. С. 87.
- 215 Майский И.М. Указ. соч. С. 161.
- 216 РГВА. Ф. 39504. Оп. 1. Д. 9. Л. 170.
- 217 Цит. по: Гармиза В.В. Указ. соч. С. 40.
- 218 РГВА. Ф. 39556. Оп. 1. Д. 1. Б/л.
- 219 Цит. по: Попов Ф.Г. Чехословацкий мятеж и Самарская учредилка... С. 178.
- 220 Вестник Комуча. – Самара. 5 сентября 1918 г. N 48.
- 221 Цит. по: Попов Ф.Г. Указ. соч. С. 181.
- 222 Климушкин П.Д. Указ. соч. С. 68.
- 223 РГВА. Ф. 39551. Оп. 1. Д. 16. Лл. 21-21 об.
- 224 Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 101.
- 225 Болдырев В.Г. Указ. соч. С. 29.
- 226 Петров П.П. Указ. соч. С. 23.
- 227 РГВА. Ф. 39500. Оп. 1. Д. 1. Л. 196.
- 228 Вырыпаев В.О. Указ. соч. // Первопоходник. – Лос-Анжелес, 1974. N 18. С. 51-52.
- 229 РГВА. Ф. 39500. Оп. 1. Д. 1. Лл. 127-127 об.
- 230 Гражданская война и военная интервенция в СССР... С. 251; Савинков Б.В. Указ. соч. С. 46.

- 231 Цит. по: Попов Ф.Г. Указ. соч. С. 231.
- 232 Савинков Б.В. Указ. соч. С. 45-46.
- 233 Там же. С. 46.
- 234 Знаменский Н. Указ. соч. С. 173.
- 235 Перхуров А.П. Указ соч. С. 30-31.
- 236 Там же. С. 32.
- 237 Там же. С. 32.
- 238 РГВА. Ф. 39500. Оп. 1. Д. 3. Л. 39; Попов Ф.Г. Указ. соч. С. 235.
- 239 РГВА. Ф. 39500. Оп. 1. Д. 3. Лл. 70, 417 об.
- 240 Там же. Л. 40 об.
- 241 Попов Ф.Г. 1918 год в Самарской губернии... С. 199; Литвин А.А. Крестьянство Среднего Поволжья в годы Гражданской войны. – Казань: Изд. КГПИ, 1972. С. 248.
- 242 Цит. по: Попов Ф.Г. Чехословацкий мятеж и Самарская учредилка... С. 238.
- 243 Попов Ф.Г. Указ. соч. С. 238; Его же. За власть Советов. Разгром Самарской учредилки. – Куйбышев: Куйбышев. кн. изд., 1959. С. 165; Майский И.М. Указ. соч. С. 163; Шушпанов С. Г. Указ. соч. С. 21.
- 244 Цит. по: Лелевич Г. (Л. Могилевский). Указ. соч. С. 16-17.
- 245 Вырыпаев В.О. Указ. соч. // Первопоходник. – Лос-Анжелес, 1974. N 20. С. 17.
- 246 Молчанов В.М. Борьба на Востоке России и в Сибири. // Белая гвардия. – М., 1998. N 2. С. 34-35.
- 247 Шушпанов С.Г. Указ. соч. С. 18-20.
- 248 РГВА. Ф. 39500. Оп. 1. Д. 10. Л. 70; Путеводитель по фондам Белой армии... С. 142, 152; Филимонов Б.Б. Указ. соч. С. 29-37.
- 249 Петров П.П. Указ. соч. С. 52.
- 250 Молчанов В.М. Указ. соч. // Белая гвардия. – М., 1997. N 1. С. 48-49; М., 1998. N 2. С. 33-34; Филимонов Б.В. Указ. соч. С. 35-38.
- 251 Молчанов В.М. Указ. соч. // Белая гвардия. – М., 1997. N 1. С. 48-49; М., 1998. N 2. С. 33-38; – М., 1999. N 3. С. 56-58.
- 252 РГВА. Ф. 39500. Оп. 1. Д. 10. Л. 12.

- 253 Там же. Л. 13.
- 254 Мейбом Ф.Ф. Указ. соч. // Первопоходник. – Лос-Анжелес, 1974. N 17. С. 44; Лос-Анжелес, 1975. N 27-28. С. 8.
- 255 РГВА. Ф. 39611. Оп. 1. Д. 7. Лл. 47а, 49, 70, 81.
- 256 РГВА. Ф. 39500. Оп. 1. Д. 10. Л. 316.
- 257 Там же. Л. 76.
- 258 Там же. Лл. 57, 58, 200; Перхуров А.П. Указ. соч. С. 32-33.
- 259 Гражданская война и военная интервенция в СССР... С. 580-581.
- 260 Цит. по: Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России 1914-1921. – М.: Наука, 1965. С. 262.
- 261 Там же. С. 262.
- 262 Майский И.М. Указ. соч. С. 268-269.
- 263 Федорович А.А. Указ. соч. С. 42-43.
- 264 РГВА. Ф. 40037. Оп. 1. Д. 1. Л. 19.
- 265 РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 27. Л. 141 об.; Езеев А.Б. Генерал-майор С.Н. Войцеховский. // Военная быль. – М., 1997. N 9. С. 35.
- 266 Цит. по: Попов Ф.Г. Чехословацкое восстание и Самарская учредилка... С. 248-249.
- 267 Гоппер К.И. Указ. соч. С. 109-110.
- 268 Цит. по: Эйхе Г.Х. Уфимская авантюра Колчака (март-апрель 1919 г.). – М.: Воениздат, 1960. С. 19-20.
- 269 Майский И.М. Указ. соч. С. 260.
- 270 Болдырев В.Г. Указ. соч. С. 31.
- 271 Цит. по: Спирин Л.М. Классы и партии в Гражданской войне в России... С. 259.
- 272 Цит. по: Архив Русской революции. – Берлин: Изд. И.В. Гессена, 1923. Т. 12. С. 190.
- 273 Цит. по: Власов Ю.П. Огненный крест. – М.: Новости, 1992. Ч. 1. С. 233.
- 274 РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
- 275 РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

- 276 РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.
- 277 Путеводитель по фондам Белой армии... С. 13.
- 278 Гоппер К.И. Указ. соч. С. 82.
- 279 Федоров А. Пермская катастрофа и контрнаступление Восточного фронта. – М.: Воениздат, 1939. С. 17-18.
- 280 Головин Н.Н. Указ. соч. Ч. 4. Кн. 8. С. 116; Эйхе Г.Х. Указ. соч. С. 28.
- 281 РГВА. Ф. 39515. Оп. 1. Д. 309. Л. 301.
- 282 РГВА. Ф. 39722. Оп. 1. Д. 3. Лл. 6-6 об.
- 283 Путеводитель по фондам Белой армии... С. 103, 110.
- 284 РГВА. Ф. 39554. Оп. 1. Д. 2. Л. 18; Путеводитель по фондам Белой армии... С. 57-58.
- 285 Путеводитель по фондам Белой армии... С. 83, 95-96.
- 286 РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 1. Л. 19.
- 287 Перхуров А.П. Указ. соч. С. 33.
- 288 Гоппер К.И. Указ. соч. С. 110.
- 289 Петров П.П. Указ. соч. С. 65.
- 290 Протоколы заседаний Чрезвычайной следственной комиссии по делу Колчака (стенографический отчет). // Арестант пятой камеры. – М.: Политиздат, 1990. С. 400-401.
- 291 Там же. С. 396-397
- 292 Петров П.П. Указ. соч. С. 61.
- 293 Болдырев В.Г. Указ. соч. С. 60.
- 294 РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 2. Л. 247а.
- 295 Петров П.П. Указ. соч. С. 59; Перхуров А.П. Указ. соч. С. 34.
- 296 РГВА. Ф. 39568. Оп. 1. Д. 1. Лл. 1-3.
- 297 Мейбом Ф.Ф. Указ. соч. // Первопоходник. – Лос-Анжелес, 1975. N 27-28. С. 9.
- 298 Болдырев В.Г. Указ. соч. С. 59.
- 299 РГВА. Ф. 39722. Оп. 1. Д. 2. Лл. 108-108 об., 109.

300 РГВА. Ф. 39722. Оп. 1. Д. 3. Л. 5; Путеводитель по фондам Белой армии... С. 118; Филимонов Б.Б. Указ. соч. С. 29-38.

301 РГВА. Ф. 39500. Оп. 1. Д. 10. Л. 76.

302 Путеводитель по фондам Белой армии... С. 142; Волков С.В. Белое движение в России... С. 8.

303 Болдырев В.Г. Указ. соч. С. 109.

304 РГВА. Ф. 39554. Оп. 1. Д. 2. Л. 18; Ф. 40037. Оп. 1. Д. 5. Л. 1; Езеев А.Б. Генерал-майор С.Н. Войцеховский. // Военная быль. – М., 1997. N 9. С. 36.

305 Федоров А. Указ. соч. С. 43; Болдырев В.Г. Указ. соч. С. 103-104.

306 РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 1. Лл. 68-68 об., 85, 97, 118-119, 347, 392.

307 РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 8. Л. 141 об.; Ф. 40037. Оп. 1. Д. 5. Лл. 1-2.